

Группа депутатов Государственной думы
1-го созыва 1896 года.
В центре: М. П. Погодин
Справа: А. М. Кошурников
Н. Я. Златовратский

Q

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 5 5

ПОЭТЫ „ИСКРЫ“

ТОМ ВТОРОЙ

Д. Д. МИНАЕВ,
В. И. БОГДАНОВ, Н. С. КУРОЧКИН,
П. И. ВЕЙНБЕРГ, Г. Н. ЖУЛЕВ
И ДР.

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

*Вступительные статьи,
подготовка текста и примечания
И. Ямпольского*

ДМИТРИЙ МИНАЕВ

ДМИТРИЙ МИНАЕВ

1

Дмитрий Дмитриевич Минаев происходил из небогатого дворянского рода.

Его дед, Иван Матвеевич Минаев, в 1773 г., как значится в официальных документах, «вступил из солдатских детей в Рязанский карабинерский полк солдатом».¹ Постепенно продвигаясь в чинах, он получил потомственное дворянство, а в начале XIX века, выйдя в отставку, занимал должность секретаря в Симбирском дворянском депутатском собрании.

Отец поэта, Дмитрий Иванович, тоже долгие годы провел на военной службе. Начав ее сразу же по окончании гимназии, он дослужился до чина подполковника. Сначала строевой офицер (он участвовал, между прочим, в Хивинском походе В. А. Перовского 1839 г.²), Дмитрий Иванович стал затем военным чиновником: служил в Симбирской комиссариатской комиссии, потом был смотрителем Оренбургского военного госпиталя.

У отца Д. Д. Минаева, как и у его деда, «ни родового, ни благоприобретенного имения» не было, а у матери (урожд. Зиминской) было в Карсунском уезде Симбирской губернии небольшое имение с 44 крепостными.³

¹ Центр. гос. историч. архив, Ленинградское отд. (далее: ЦГИАЛ). Дело департамента герольдии Правительств. сената о дворянстве недоросля Минаева, 1823, № 191.

² См. письмо Д. Д. Минаева к С. Н. Шубинскому от 19 февраля 1877 г., в котором он предлагал воспоминания своего отца о Хивинском походе для «Древней и новой России» (архив Шубинского в рукоп. отд. Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

³ ЦГИАЛ. Дело департамента герольдии Правительств. сената о дворянстве Минаева, 1857 г. (без номера).

Дмитрий Дмитриевич Минаев родился в Симбирске 21 октября 1835 г.

С раннего детства он жил в атмосфере литературных и художественных интересов. Его отец очень любил литературу и живопись, сам немного рисовал и писал стихи, о которых в 1839 г. с похвалой отзывался Белинский. Рецензируя альманах Н. Кукольника «Новогодник», Белинский уделил им довольно много места. «Да, небогат «Новогодник» хорошими стихотворениями, даже можно сказать утвердительно, что очень, очень беден ими, — писал он, — но тем с большим вниманием остановились мы на восьми стихотворениях нового поэта, г. Минаева. Во всех них проглядывает если не талант, то что-то похожее на талант, борющийся с фразерством»; а в стихотворении «Иванов цвет» критик увидел даже «решительный талант, хотя еще и не совсем овладевший самим собою».¹

Д. И. Минаев печатал свои произведения сравнительно редко. В 1846 г. вышло его наиболее известное произведение — «Слово о полку Игоря». Это не перевод, а скорее пересказ и отчасти вариации на мотивы «Слова», переключавшие его в план романтической поэмы. «Слово о полку Игоря» вызвало одобрительные отзывы ряда современников, и лишь один Белинский теперь уже сурово отнесся к нему, упрекнув Минаева за «разжижение довольно бойкими стихами довольно короткого и сжатого „Слова о полку Игоревом“», за «фразистость» и «риторику».²

Белинский недаром упрекал Д. И. Минаева за «фразистость» и «риторику». Человек начитанный и преданный литературным интересам, Д. И. Минаев по своим симпатиям примыкал к запоздалому романтизму 30-х годов и неприязненно относился к Гоголю и «натуральной школе». «Он пишет одну только грязь. Что это такое? — кричал Минаев в азарте, — его Плюшкин! Его заплатата там где-то на спине?»³

Мать Д. Д. Минаева, так же как и его отец, была вполне культурным человеком; она знала иностранные языки, много читала.

Первоначальное образование Минаев получил под руководством отца. Затем его учителем был Г. Н. Потанин — в то время гимназист старших классов Симбирской гимназии, а впоследствии беллетрист, автор романа «Старое старится, молодое растет», частично

¹ «Моск. наблюдатель», 1839, № 4, с. 56—57; Полное собр. соч., т. 4, СПб., 1901, с. 227—228.

² «Взгляд на русскую литературу 1846 года». — «Современник», 1847, № 1; Полное собр. соч., т. 10, СПб., 1914, с. 413.

³ Г. Н. Потанин. Воспоминания о Гончарове. — «Историч. вестник», 1903, № 4, с. 107.

напечатанного в 60-е годы в «Современнике» и «Русском слове». По воспоминаниям Потанина, Минаев был живой, веселый, умный и сметливый мальчик.

В 1847 г. Д. И. Минаев был причислен к провиантскому департаменту и затем назначен смотрителем Измайловского провиантского магазина в Петербурге, куда и переехал вместе со своей семьей.

В Петербурге Д. И. Минаев отдал сына в военно-учебное заведение — Дворянский полк, где будущий поэт одно время учился вместе с Василием Курочкиным (Минаев был моложе) и вместе с ним принимал участие в рукописном журнале. Здесь был помещен какой-то его рассказ. В Дворянском полку Минаев начал также писать стихи, но и они не дошли до нас.

В эти годы Д. Д. Минаев сблизился и с Николаем Курочкиным. Н. С. Курочкин в показаниях следственной комиссии по делу Каракозова, отвечая на вопрос о своих знакомствах, указал, что Минаева знает с детства: еще гимназистом бывал в доме его отца.¹

Для характеристики той идейной атмосферы, в которой рос Минаев, следует отметить, что и отец его и Н. Курочкин, тогда еще студент первого курса Медико-хирургической академии, в связи с их знакомствами, привлекались к допросу по делу Петрашевского. У Д. И. Минаева бывали петрашевцы А. П. Баласогло и С. Ф. Дуров; он был знаком с А. И. Пальмом.²

Д. И. Минаев нередко бывал у известного переводчика и педагога Иринарха Введенского, преподававшего русскую литературу в Дворянском полку. Кружок Введенского, который посещали студенты Петербургского университета Н. Г. Чернышевский и Г. Е. Благосветлов, был идейно связан с петрашевцами. Политические настроения Д. И. Минаева достаточно ярко отражены в дневнике молодого Чернышевского. Так, например, 10 мая 1850 г. Чернышевский застал у Введенского Минаева с женой и П. С. Билярского. «Мы говорили о перевороте у нас», — записал он в дневник. Осенью того же года у Введенского собралось большое общество — свыше пятнадцати человек. «Время прошло довольно хорошо. С начала вечера Минаев рассказывал о жестокости и грубости царя

¹ Центр. гос. историч. архив в Москве (далее: ЦГИА). Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии. О вольнопрактикующем враче Курочкине, 1866, № 203, л. 43.

² «Петрашевцы», т. 3, М.—Л., 1928, с. 360—361; «Дело петрашевцев», т. 2, М.—Л., 1941, с. 112, т. 3, М.—Л., 1951, с. 205, 248, 278—280.

и т. д. и говорил, как бы хорошо было бы, если бы выискался какой-нибудь смельчак, который решился бы пожертвовать своей жизнью, чтоб прекратить его. Под конец читали Искандера». В марте 1851 г. Чернышевский и Д. И. Минаев проделали вместе большой путь: Минаев возвращался в Симбирск, на новую службу, а Чернышевский — через Симбирск в Саратов. «Дорогою, — пишет Чернышевский, — все рассуждали между собою о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии (я в духе Штрауса и Фейербаха). Д. И. Минаев показался мне человеком еще лучше того, чем раньше, — человеком с светлым умом и благородною душою; я имел на него, как кажется, довольно большое влияние своими толками о Штраусе и коммунизме, — он теперь причисляет себя к коммунистам, хотя, может быть, и не понимает хорошо, куда они хотят идти и какими путями». ¹

Разумеется, настроения отца и его знакомства не могли не оказать существенного влияния на формирование взглядов Д. Д. Минаева. ²

В 1852 г. Минаев окончил курс учения в Дворянском полку ³ и был выпущен оттуда с чином XIV класса. Вернувшись вслед за отцом в Симбирск, он поступил на службу в губернскую казенную палату. Здесь он прослужил около трех лет, а в 1855 г. перевелся в Петербург, в земский отдел министерства внутренних дел. В середине 1857 г. Минаев вышел в отставку и занялся исключительно литературной работой.

С конца 50-х годов Минаев начал печататься во второстепенных петербургских журналах: «Иллюстрации», «Ласточке», «Светописи», «Русском мире», «Развлечении» и др., выступая и с оригина-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. 1. М., 1939, с. 371, 395 и 402. См. еще с. 362 и 400, а также письма Чернышевского к М. Л. Михайлову и к родителям 1851 г. — Полное собр. соч., т. 14. М.—Л., 1949, с. 215—217.

² К 60-м годам политические настроения Д. И. Минаева коренным образом изменились, о чем свидетельствуют, например, его неопубликованные письма 1861 г. к редактору «Журнала землевладельцев», члену редакционных комиссий А. Д. Желтухину. Д. И. Минаев выражает недовольство современными писателями и «пропагандистами», не знающими якобы народа, сокрушается по поводу крестьянских восстаний, мечтает об обществе религиозно-нравственного воспитания народа и предполагает ориентироваться в этой деятельности на союз с правительственными кругами (архив Желтухина в рукоп. отд. Института русской литературы — Пушкинского дома Академии наук СССР). Однако к этому времени Д. Д. Минаев был уже сложившимся человеком, и позднейшие взгляды отца не могли оказать на него какое бы то ни было влияние.

³ По другим данным, он курса не окончил.

нальными стихотворениями (первое время — преимущественно лирическими, а затем и сатирическими) и с переводами. В эти же годы поэт значительно расширил круг своих литературных знакомств.¹

В 1859 г. Минаев издал сборник пародий «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта. Вып. 1», а в следующем году напечатал в двух номерах журнала «Дамский вестник», под псевдонимом «Д. Свяжский», краткую биографию Белинского, выпущенную также отдельной брошюрой. Это был первый опыт биографии великого критика. В 50—60-е годы вокруг личности и идей Белинского велась упорная борьба. Имя Белинского было знаменем для всех передовых людей; представители же либеральных и консервативных кругов русского общества или безапелляционно и резко нападали на него, или пытались выхолостить и «обезвредить» революционную сущность его мирозозерцания. Они старались доказать, что современные критики революционно-демократического лагеря являются якобы не настоящими продолжателями дела Белинского, а его «лжеучениками». Книга Минаева, восторженного почитателя Белинского, была проникнута стремлением восстановить подлинный облик великого критика и подлинный смысл его литературной деятельности.²

В 1859 г. Минаев собирался издавать вместе со своим приятелем поэтом и беллетристом А. П. Сниткиным еженедельную газету «Русский телеграф». Им были обещаны деньги на издание; они заручились согласием ряда литераторов сотрудничать в газете, но их план не осуществился. На запрос Главного управления цензуры по поводу ходатайства Минаева и Сниткина начальник III Отделения кн. Долгоруков ответил, что «право издания журнала... может быть предоставляемо только таким лицам, которые представляют собою ручательство в нравственном направлении и успехе предпринимаемого дела», а «отставной коллежский регистратор Минаев и бывший студент Сниткин суть люди неизвестные ни правительству, ни в литературе». Сомневаясь в «нравственном направлении» Минаева и Сниткина, III Отделение, разумеется, имело в виду их по-

¹ По свидетельству А. Г. Полянской, Минаев еще в 1857 г. бывал, например, у Меев («К биографии Л. А. Мея». — «Русская старина», 1911, № 5, с. 355) и был, следовательно, знаком с целым рядом посещавших их писателей и литераторов. См. также биографию Мея, написанную В. Р. Зотовым — Л. А. Мей. Полное собр. соч., т. I. СПб., 1887, с. VIII.

² Небезинтересно, что рукопись, представленная Минаевым в цензуру для отдельного издания в мае 1860 г., вызвала возражения. от него потребовали каких-то исправлений (ЦГИАЛ. Дело С.-Петербург. ценз. комитета, 1860, № 30, л. 58).

литическую благонадежность. Не случайно в постановлении Главного управления цензуры мы находим именно это слово — «благонадежность».¹

В том же 1859 г. Минаев сошелся с А. П. Милюковым, знакомым своего отца по кружку Ир. Введенского. Милюков был фактическим редактором затевавшегося тогда журнала «Светоч», поставившего своей целью примирить западников и славянофилов. В 1860—1861 гг. Минаев часто посещал «вторники» Милюкова, на которых бывали Ф. М. и М. М. Достоевские, Вс. Крестовский, А. Н. Майков и другие сотрудники «Светоча».

Н. Н. Страхов, тоже сотрудник «Светоча», впоследствии утверждал в своих воспоминаниях о Достоевском, что кружок Милюкова отличался «чисто публицистическим направлением»; «политические и социальные вопросы были тут на первом плане и поглощали чисто художественные интересы». Страхов с осуждением писал об увлечении членов кружка французскими мыслителями и теориями, в частности «теорией среды», и о равнодушии к немецкой идеалистической философии.²

Минаев напечатал в «Светоче» и выходившем при нем «Карикатурном листке» ряд сатирических стихотворений, переводов и фельетонных обзоров «Петербургская летопись». Когда в 1861 г. начал выходить журнал «Время», орган так называемого «почвенничества» (один из вариантов славянофильской идеологии), Достоевский поручил Минаеву написать фельетон для первого номера. Но фельетон Минаева не удовлетворил Достоевского, и он заменил его своим («Петербургские сновидения в стихах и прозе»), используя в нем все стихотворные вставки Минаева.³ В том же номере Минаев напечатал без подписи фельетон по поводу русских переводчиков Гейне. Но на этом его сотрудничество во «Времени» окончилось.

С начала 60-х годов Минаев становится постоянным сотрудником трех журналов, занимавших левый фланг русской периодической печати: «Современника», «Русского слова» и «Искры».

Очень любопытно то впечатление, которое произвел Минаев на Г. Н. Потанина, увидевшего своего бывшего ученика после большого перерыва. Они встретились в Петербурге в 1859 г. Человек консервативного образа мыслей, особенно в эпоху, когда он вспоминал об этой встрече, Потанин с огорчением отозвался о переломе, ко-

¹ ЦГИАЛ. Дела Гл. упр. цензуры, 1859, № 272 и С.-Петерб. ценз. комитета, 1859, № 96.

² «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского». СПб., 1883, с. 172.

³ Там же, с. 213.

торый произошел в Минаеве, и о влиянии на него демократических идей шестидесятых годов. «Моего бесценного Митю я совсем не узнал! Дмитрий Дмитриевич Минаев был совершенно иной, *новый* человек. Странное и непонятное веяние шестидесятых годов, когда бог, семья и правительство считались чем-то ненужным, наука звалась «ерундой», а мазанный дегтем сапог ставился выше дрезденской Мадонны и Аполлона Бельведерского, — это странное веяние, как чума, заразило молодого Минаева и искалечило его». ¹ Для нас существенно, конечно, не обывательское суждение Потанина о революционно-демократическом движении 60-х годов, а самый факт — что уже в 1859 г. он увидел в Минаеве нечто резко враждебное своему консервативно-патриархальному мышлению.

В течение трех с половиною лет — начиная с февраля 1861 г., то есть сейчас же после неосуществившегося сотрудничества во «Времени», до августа 1864 г. — Минаев вел в журнале «Русское слово» фельетонное обозрение «Дневник Темного человека», в котором зло высмеивал враждебные демократическому лагерю явления общественной и литературной жизни. ² Характерен самый псевдоним, заимствованный из «Писем темных людей», написанных Ульрихом фон Гуттенем и другими немецкими гуманистами и направленных против средневековой церкви и схоластики. В прозаический текст фельетонов Минаев включал отдельные стихотворения, стихотворные фрагменты, драматические сценки. Кроме того, Минаев напечатал в журнале ряд самостоятельных стихотворений, переводов и критических статей.

Он был одним из основных сотрудников «Русского слова». Уже летом 1861 г. фактический редактор журнала Г. Е. Благодетель писал своему приятелю — беллетристу и историку Д. Л. Мордовцеву: «Хорошо обставляется наш кружок. Писарев, молодой человек с отличной складкой ума, предан «Русскому слову»; Минаев — «Темный человек» кусается великолепно, весь наш... Еще две или три силы, и мы пойдем славно. Да и вышвырнуть надо кой-кого: все еще остались старые дрожжи, это вышвырнем». И позже, делаясь с Мордовцевым своими планами, надеждами и сомнениями, Благодетель снова пишет о Писареве и Минаеве: «Не будь около меня

¹ Потанин. Речь на могиле поэта Минаева. — «Симбирские губ. ведомости», 1899, № 47.

² Сначала он одновременно вел фельетон и в «Светоце», но редакция «Русского слова», как это видно из письма Минаева к А. П. Милюкову от 22 марта 1861 г. (рукоп. отд. Пушкинского дома), возражала против этого; тогда Минаев прекратил сотрудничество в «Светоце».

Писарева и Минаева, я считал бы себя похороненным в любезном отечестве». ¹ О том же свидетельствует и Писарев. Летом 1862 г., после своего ареста, на вопрос следственной комиссии Писарев показал: «В Петербурге я знаком с графом Кушелевым-Безбородко, с г. Благодетелем, с Поповым, с г. Минаевым, с г. Крестовским, составляющими ближайший круг редакции «Русского слова». Сошелся я с ними в конце 1860 г., а с гр. Кушелевым-Безбородко везною 1861 г». ²

В «Современнике» Минаев печатал преимущественно переводы (из Барбье, Байрона и др.). Член редакции журнала А. Н. Пыпин называет его в письме к И. А. Панаеву «одним из сотрудников, которыми журнал дорожит». ³

Во время известной полемики 1864—1865 гг. между «Современником» и «Русским словом» Минаев был на стороне первого и прекратил сотрудничество в «Русском слове». Это случилось в августе 1864 г. ⁴ (тогда же был напечатан и последний его фельетон в «Русском слове»), а в январе 1865 г. Минаев объявил о своем уходе из этого журнала письмом в редакцию «Современника». Указание В. П. Буренина, что «кажется... из-за «Евгения Онегина нашего времени» Минаев принужден был разойтись с кружком благодетельского журнала», повторенное биографом Минаева Н. А. Державиным, ⁵ неточно. «Евгений Онегин» написан в ответ на статью Писарева «Пушкин и Белинский», появившуюся в «Русском слове» в апреле и июне 1865 г., а Минаев ушел из журнала за несколько месяцев до этого. «Евгений Онегин» был не поводом к уходу, а фактом борьбы с ошибками «Русского слова».

В «Современнике» Минаев сотрудничал вплоть до его запрещения правительством в 1866 г.

Еще более активное участие Минаев принимал в «Искре». Старый знакомый Курочкиных, он начал сотрудничать в «Искре» с 1860 г., со второго года ее издания, и в течение четырнадцати лет, вплоть до прекращения журнала, поместил в нем огромное количе-

¹ Г. Прохоров. Шестидесятые годы в письмах современника. — Сб. «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению». М.—Л., 1940, с. 435.

² Мих. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. 2-е изд., М.—П., 1923, с. 559.

³ «Вестник Европы», 1915, № 4, с. 139.

⁴ См. письмо А. Ф. Гсловачева к Н. А. Некрасову от 25 августа 1864 г. — Сб. «Архив села Карабихи». М., 1916, с. 96.

⁵ В. Буренин. Критические очерки — «Новое время», 1889, № 4803; Н. А. Державин. Король рифмы. — «Историч. вестник», 1914, № 7, с. 203.

ство своих произведений. Пародии, стихотворные фельетоны, фельетоны в прозе, иногда попеременно со стихами, драматические сцены, эпиграммы, переводы и пр. — из номера в номер печатал в «Искре» Минаев. В «Искре» (а затем и в «Гудке») он выступил и как карикатурист. 28 марта 1861 г. Минаев писал Н. А. Степанову: «Присланные карикатуры могут служить Вам доказательством того, что я хочу быть не только сотрудником Василия Степановича, но и Вашим». ¹ Один из самых деятельных сотрудников «Искры», Минаев принимал также участие и в редакционной работе. Почти ни одна кампания, организованная журналом, не обходилась без него.

В 1862 г. Минаев несколько месяцев редактировал «Гудок», который был при нем боевым сатирическим журналом. В объявлении о подписке на журнал он следующим образом сформулировал свой взгляд на сатиру: «Отрицание во имя честной идеи, сатира и юмор во всех их проявлениях, преследование грубого и узкого обскурантизма, произвола и неправды в нашей русской жизни — вот те начала, которыми будет руководствоваться редакция «Гудка». . . Мы верим в смех и в сатиру не во имя «искусства для искусства», но во имя жизни и нашего общего развития; одним словом, мы верим в смех как в гражданскую силу».

Уже с первого номера читателям «Гудка» представилось совершенно необычное зрелище. На заглавной виньетке был изображен Герцен; в руках у него знамя, на котором написано: «Уничтожение крепостного права»; он обращается с речью к жадно слушающей его толпе крестьян и молодежи. Помещение подобной виньетки было в ту пору большой смелостью; ведь самое имя Герцена было с конца 40-х годов совершенно запретным для русской подцензурной печати вплоть до весны 1862 г., когда Катков открыл поход против него всей консервативной журналистики; тем более крамольным должно было казаться властям предрежающим сочувственное его изображение. С другой стороны виньетки — представители крепостнической России: помещики, военщина, чиновники, с ненавистью глядящие на Герцена, угрожающие ему и крестьянам нагайкой или ищущие спасения от страшной действительности в вине, любовных похождениях и пр.

Виньетка была разрешена, конечно, по недосмотру, хотя и просматривалась не только цензурным комитетом, но и государствен-

¹ Рук. отд. Пушкинского дома, архив Н. А. Степанова. Три карикатуры за подписью Минаева были напечатаны в «Искре» в 1861 (№ 16) и 1862 (№ 31) гг. Другие три, повидимому неопубликованные, сохранились в собрании П. Я. Дашкова в рук. отд. Пушкинского дома («Воспоминания о Н. А. Степанове» А. В. Старчевского, л. 329—331); они также относятся к 1861 г.

ной канцелярией. По выходе первых номеров «Гудка» в публике начались разные толки, журнал читался нарасхват, в цензуре произошел большой переполох, дело дошло до самого Александра II, и по его распоряжению виньетка была запрещена.¹

С 1865 г. Минаев сотрудничал в третьем сатирическом журнале демократического лагеря — «Будильнике», выходявшем под редакцией ушедшего из «Искры» художника Н. А. Степанова.

Произведения Минаева эпизодически появлялись и в других изданиях: в конце 50-х — начале 60-х годов — в «Русской речи» и в тогда еще либеральном «Русском вестнике», позже в газете «Русь» (1864) и др.

Ближайший круг знакомых Минаева — это по преимуществу сотрудники журналов, в которых он постоянно печатался. В середине 60-х годов поэт, как недавно стало известно, был в приятельских отношениях с И. Е. Репиным.²

С самого начала 60-х годов Минаев привлекает внимание полиции. В 1862 г. III Отделение было обеспокоено тем, что Минаев, по имевшимся у него агентурным сведениям, переписывался с Герценом.³ В следующем, 1863 г. имя его фигурирует в доносе бывшего студента Технологического института Волгина об образовавшемся будто бы в редакции «Искры» «клубе поморных». ⁴ С октября 1865 г. Минаев, как и многие другие представители радикальных общественных кругов, был отдан под постоянный негласный и бдительный надзор полиции «по поводу заявления поименованными лицами учения своего о нигилизме». ⁵

После каракозовского выстрела, в конце апреля 1866 г., Минаев был арестован за сотрудничество в журналах, «известных своим вредным социалистическим направлением, в особенности „Современнике“ и „Русском слове“». ⁶

¹ ЦГИАЛ. Дело С.-Петербург. ценз. комитета, 1861, № 46, л. 106 и Гл. упр. цензуры, 1860, № 226; «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». СПб., 1907, с. 150—151; Н. Николадзе. Воспоминания о шестидесятих годах. — «Каторга и ссылка». 1927, № 5, с. 31—32.

² Н. А. Прахов. Репин в 1860—1880 гг. — «Художественное наследство», т. 2. М.—Л., 1949, с. 12.

³ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. 15. Пб., 1920, с. 387.

⁴ Там же, т. 16, с. 170.

⁵ ЦГИАЛ. Дело департамента полиции исполнительной о представляемых гг. губернаторами ведомостях о лицах, состоявших под надзором полиции за 1867 г., 1868, № 838, ч. 10, л. 658—659.

⁶ ЦГИА. Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии. О покушении на жизнь государя императора 4 апреля 1866 г., 1866, № 163, л. 85.

Имя Минаева встречается в доносах и письмах разных «благонмеренных» лиц, относящихся к этому времени. В одном из них сообщалось, например, что в доме № 58 по Невскому проспекту, в квартире № 13 Ольги Колмогоровой замечено несколько лиц, занимавшихся «усердно и долго писанием каких-то писем, которые вкладывали в заранее приготовленные конверты. В числе лиц, виденных вчера у Колмогоровой, указывают также на литератора Минаева — крайнего либерала и нигилиста». В другом доносе говорится, что к делу о покушении на Александра II «прикосновенны все те писатели, которых фотографические портреты сняты группой еще в 1863 г., во главе какой группы стоят: сосланный в Сибирь Михайлов, Костомаров, Минаев, Дмитриев, Стопановский и другие. Значение той группы воззвание к молодому поколению о уничтожении верховной власти».¹ В агентурном донесении от 11 мая 1866 г. читаем: «Удивляются, как литератор Минаев, крайний нигилист и либерал, до сих пор не арестован».²

Отбывая заключение в Александрово-Невской части, Минаев в припадке нервного расстройства покушался на самоубийство. Это случилось через две недели после ареста. В середине мая 1866 г. Минаев был переведен в госпиталь, помещен в «отдельном номере арестантского корпуса, под строгим надзором» и через некоторое время был допрошен и освобожден.³

Вот как передает свое впечатление от встречи с Минаевым вскоре после его освобождения М. И. Семеvский: «Третьего дня я ехал в одном вагоне в Павловск с поэтом Д. Д. Минаевым... — писал он 16 августа 1866 г. — Это один из даровитейших современных литераторов... Я едва его узнал... Он два месяца высидел в крепости, сошел было там с ума, свезен был в госпиталь, колотился головой об стену и в конце концов, ни в чем не обвиненный, выпущен на волю. Множество его книг и рукописей, как он рассказывает, пропало в III Отделении».⁴

¹ ЦГИА. Производство... следственной комиссии. О заявлении разных лиц по поводу злодейского покушения на жизнь государя императора 4 апреля 1866 г., 1866, № 172, л. 29, 160. В последнем доносе путаница: в 1863 г. Михайлов был уже в Сибири.

² «Материалы для биографии П. Л. Лаврова», вып. 1. П., 1922, с. 89. В это время Минаев уже сидел в Петропавловской крепости.

³ ЦГИА. Производство... следственной комиссии. Об отставном коллежском регистраторе Дмитрие Минаеве, 1866, № 268; дело 1-й экспедиции III Отделения о чиновнике Минаеве, 1866, № 100, ч. 56. Минаев был освобожден 23 июня 1866 г., а не 21 августа, как указано в био-библиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» (т. 1, ч. 2. М., 1928, с. 244).

⁴ «Былое», 1925, № 6, с. 41.

В ведомости о поднадзорных за 1867 г. Минаев и В. С. Курочкин выразительно охарактеризованы как «нигилисты», которые «мало дают надежды к исправлению». ¹

Таким же «нигилистом», отрицательно относящимся к окружающей действительности, Минаев был и в глазах представителей консервативной журналистики. Интересен в этом отношении один эпизод. В 1868 г. Минаев напечатал стихотворение «Моей Галатее», в котором говорится о том, как ожившая было Галатея снова окаменела «под северной мглою холодного крова» и вернулась на свой покинутый пьедестал. ² Стихотворение это явно аллегорическое. Галатея — это, конечно, Россия; ее пробуждение — подъем революционного движения и общественной мысли в конце 50-х — начале 60-х годов, а снова охвативший ее сон — наступившая вслед за ним реакция. Так и рассматривал его фельетонист «Петербургской газеты», упрекнув поэта за симпатии к «недавнему царству отрицателей, царству безалаберного движения вперед» и за пессимистическую оценку современной России, которая, по его словам, не повернула назад и не спит, а «работает, действует, хотя и медленно, но богатырски». ³

Сотрудничавший в «Современнике» вплоть до его прекращения. Минаев в 1866 г. резко выступил против Некрасова в связи с его «муравьевской одой». Когда после покушения Каракозова М. Н. Муравьев был назначен председателем следственной комиссии, стало ясно, что готовится разгром всей революционной и радикальной России, в том числе — разгром левой журналистики. Желая спасти «Современник», Некрасов решился на отчаянный шаг. Английский клуб давал торжественный обед в честь Муравьева. Некрасов явился туда и прочел ему хвалебное стихотворение. Этот поступок вызвал злорадство в реакционных кругах, боль и возмущение у многих соратников и почитателей Некрасова. Минаев написал несколько стихотворений, искренних и сильных, в которых обличал поэта в измене. Разумеется, это была не измена, а ошибочный шаг, сделанный в порыве отчаяния и к тому же не спасший «Современника». «Муравьевская ода» была одним из проявлений тех колебаний Некрасова, о которых Ленин писал: «Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодниче-

¹ ЦГИАЛ. Дело департамента полиции исполнительной. . . 1868, № 838, ч. 10, л. 658.

² «Дело», 1868, № 3, с. 220.

³ Володя. Фельетон. — «Петерб. газета», 1868, № 42.

ства, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и *публично каялся* в них». ¹ Когда искровцы убедились, что перешедшие в руки Некрасова «Отечественные записки» верны традициям «Современника», недоверие к нему рассеялось, и «Искра» стала ближайшим соратником «Отечественных записок», как прежде — «Современника». С середины 1868 г. Минаев стал систематически печататься в журнале Некрасова.

Продолжая активно работать в «Искре», он, кроме того, возобновил в «Деле», выходящем вместо «Русского слова», свой «Дневник Темного человека» под новым названием «С неевского берега» и за новой подписью «Аноним» (1868—1870). В конце 60-х — начале 70-х годов он поместил в «Деле» много других оригинальных и переводных произведений. Минаев сотрудничал также: в конце 60-х годов в «Неделе», затем в «Маляре» (как карикатурист), в «Пчеле» Микешина, «Вестнике Европы», «Стрекозе», тифлисской «Фаланге» и др.

Любопытный случай, характеризующий облик Минаева, рассказывает в своих воспоминаниях П. В. Засодимский, тогда еще начинающий писатель. Это было в 1870 г. Однажды Минаев и Омуревский зазвали его в трактир, который находился возле Казанского собора и был зимою открыт по ночам для извозчиков. Их здесь хорошо знали, и притом не только как веселых собутыльников, но в первую очередь именно как поэтов. И в этот раз и, как выяснилось, раньше Минаев и Омуревский читали посетителям трактира свои стихи, находя в их лице внимательных и благодарных слушателей. ² В равной степени интересны и тяга Минаева к демократической аудитории и сочувственный отклик, который вызывала у нее его поэзия.

Ни один журнал не мог представить Минаеву-сатирику столь широкого поля деятельности, как закрытая правительством в 1873 г. «Искра» или «Будильник» 60-х годов. Последний хотя и продолжал выходить, но совсем измелчал, и Минаев лишь изредка помещал в нем свои стихотворения. Этим, равно как и некоторыми особенностями дарования Минаева, объясняется, что в конце 70-х годов поэт перешел преимущественно к газетной работе; в газетах возможности были шире — фельетон становился непременной принадлежностью каждой большой газеты. В «Биржевых ведомостях», «Молве», «Петербургской газете», «Московском телеграфе» Минаев

¹ «Еще один поход на демократию». — Сочинения, 4-е изд., т. 18, с. 287.

² П. В. Засодимский. Из воспоминаний. М., 1908, с. 216—217.

вел фельетонные обозрения «Чем хата богата» и «На часах (Из памятной книжки отставного майора Михаила Бурбонова)», обильно включая в них свои сатиры и эпиграммы. Некоторое время он сотрудничал и в «Новостях» Нотовича (фельетон «Телефон. Современные мотивы и отголоски» за подписью «Домовой» в 1878 г.).¹

В 70—80-е годы Минаев был близок к кругу «Отечественных записок», — правда, не к Некрасову и Салтыкову, а к Гл. Успенскому, Н. К. Михайловскому, Н. А. Демерту и Ник. Курочкину. О близости к Успенскому и Михайловскому, помимо других источников, свидетельствует, например, небольшая записка к «голубчику Глебу Ивановичу» от 23 ноября 1884 г., в которой он просит Успенского не забыть своего обещания и приехать к обеду: «Михайловский был у нас вчера и заночевал; завтра он тоже обещался приехать».² Михайловский, одно время неприязненно относившийся к Минаеву, главным образом за его приверженность к нравам и быту литературной богемы, впоследствии решительно изменил свое мнение о поэте. В своих воспоминаниях он пишет, что в 80-е годы довольно близко сошелся с Минаевым, одно время жил рядом с ним и имел много случаев убедиться, что это человек с «благородной душой» и «нежным сердцем».³

В течение всей своей литературной деятельности Минаев уделял много внимания переводческой работе. Он перевел «Дон-Жуана», «Чайльд-Гарольда», «Беппо», «Манфреда» и «Каина» Байрона, «Божественную комедию» Данте, «Германию» Гейне, «Дедов» Мицкевича, «Освобожденного Прометея» Шелли, стихотворения и пьесы Гюго, произведения Мольера, Барбье, Виньи, Мюссе, Чосера, Марло, Сырокомли, Гавличка, Ювенала и многих других. Зная только французский язык, Минаев нередко был вынужден прибегать к подстрочным прозаическим переводам, и поэтому в целом ряде случаев ему не удавалось передать своеобразие мыслей и стиля переводимого поэта. Тем не менее и в этой области заслуги Минаева, впервые познакомившего широкие круги русской читающей публики со многими выдающимися произведениями европейской литературы, совершенно бесспорны.

В 70-е годы Минаев выступил и как драматург. Но его пьесы

¹ См. письмо Минаева к О. К. Нотовичу в рукоп. отд. Пушкинского дома, собрание Яковлева.

² Рукоп. отд. Пушкинского дома. См. также В. Т-ва (Починковская). Г. И. и А. В. Успенские (Воспоминания и впечатления). — «Минувшие годы», 1908, № 1 и 2.

³ «Литературные воспоминания и современная смута», т. 1. 2-е изд., СПб., 1905, с. 36.

«Либерал» (1870) и «Разоренное гнездо» (1874) успеха на сцене не имели, хотя вторая пьеса и была награждена Уваровской премией.¹

В 1882 г. исполнилось двадцать пять лет литературной деятельности Минаева. В одном из приветственных стихотворений она была охарактеризована следующим образом:

Кто на Руси гроза хлыщей и шалопаев,
Судебных болтунов и думских попугаев,
Всех званий хищников, луговых и негодяев,
Родных Кит Китычей, безжалостных хозяев,
Владельцев лавочек, подвалов и сараев,
Плутов, которые, все честное облаив,
Кадят тугой мошне, пред властью растаяв? ..
Кого боятся так и сельский Разуваев
И самобытный сброд Батыев и Мамаев —
Грабителей казны и земских караваев,
Ханжей, доносчиков, шпионов, разгильдяев? ..
Все он — сатирик наш талантливый — Минаев!²

В последние годы своей жизни Минаев много болел. У него была болезнь почек. Минаев ездил лечиться в Крым и на Украину. «В Петербурге я сам бываю теперь только наездом, — писал он 16 апреля 1887 г. из Винницы артисту М. И. Писареву, — и большую часть года, по болезни, живу на юге. . . Стар становлюсь, и «вреден север для меня».³

За два года до смерти Минаев вернулся в Симбирск — «лечиться воздухом родины». Местное «общество» встретило его крайне неприветливо, даже враждебно, не забыв тех сатирических произведений (в первую очередь поэмы начала 60-х годов «Губернская фотография», ходившей по рукам в многочисленных списках и частично напечатанной), в которых оно было зло высмеяно. Никто не водил с ним знакомства.⁴

¹ Извещение о том, что Минаев написал комедию в стихах «Либерал», появилось еще в 1867 г. — см. «Недельные очерки и картинки» Незнакомца <А. С. Суворина> в «С.-Петербур. ведомостях», 1867, № 180. Любопытный отзыв о «Разоренном гнезде» цензора Ведрова см. в деле С.-Петербур. ценз. комитета, 1865, № 102, ч. 1, л. 90—97.

² «Историч. вестник», 1889, № 9, с. 693.

³ Рукоп. отд. Пушкинского дома.

⁴ Н. А. Державин. Король рифмы. — «Историч. вестник», 1914, № 7, с. 210.

Несмотря на болезнь, Минаев продолжал внимательно следить за новыми явлениями в литературе. О Фофанове он говорил, что тот «при всем своем оригинальном даровании далеко не пойдет, так как тратит слишком много сил и чувства на воспевание чахлой столичной природы и уже и теперь начинает забираться в дебри поэтических сантименталистов». Зато с большой теплотой поэт отзывался о Короленко и высоко ценил молодого Чехова. Минаев живо интересовался, чем живет подрастающая Россия, что волнует и увлекает ее.¹

Большое впечатление произвела на него смерть Салтыкова. Ее скрывали от Минаева, опасаясь нехороших последствий, и когда поэт все же узнал о ней, с ним случился глубокий обморок, приведший к обострению болезни.²

Вскоре после этого, 10 июля 1889 г., умер и сам Минаев.

Один из поклонников его поэзии, Н. Нормов, в то время симбирский семинарист, рассказывает, как он и два его товарища тайком от начальства наблюдали за похоронной процессией. За гробом Минаева шло всего несколько человек — друзей, знакомых и нищих.³

2

Однажды на волжском пароходе Минаев встретился с провинциальным любителем юмористической поэзии. Они разговорились. Провинциал стал расспрашивать Минаева о столичных писателях. Одобрительно отозвавшись о стихах, печатающихся под псевдонимом «Обличительный поэт», он спросил — не знает ли Минаев их автора. Минаев ответил, что автор этих стихотворений — он сам. Молодой человек очень обрадовался возможности беседовать со знаменитым поэтом и попросил позволения пожать ему руку. Затем он поинтересовался, не знает ли его собеседник,

¹ А. Коринфский. Памяти Д. Д. Минаева. — «Казанский бирж. листок», 1889, № 155.

² Там же. Минаев издавна высоко ценил Шедрина: это тем более существенно, что последний холодно отзывался о его поэзии. Интересно, что критик «Русской мысли», упрекая Минаева в огульном высмеивании публицистов и писателей разных лагерей, отмечает, имея в виду стихотворение 1877 г. «Раздумье» («Кого теперь читать»), что в «журнальном муравейнике» поэт «выделяет одного только Шедрина» (Е. Н. Рецензия на сборник Минаева «Не в бровь, а в глаз» — «Русская мысль», 1883, № 4, с. 49).

³ Н. Нормов. Памятка о Д. Д. Минаеве. — «Биржевые ведомости», 1909, № 11149; см. также статью А. Коринфского «Похороны Д. Д. Минаева» — «Казанский бирж. листок», 1899, № 154.

кто такой «отставной майор Михаил Бурбонов». «Это тоже я», — ответил Минаев. «Ну, а вот недавно появился еще «Общий друг», у него тоже пребойкий стих». Получив ответ: «И это я», молодой человек уже не поверил, решил, что его мистифицируют, и незаметно исчез.¹

Этот забавный анекдот — даже при неточности его отдельных деталей — свидетельствует о большой популярности Минаева. Об этом же говорит целый ряд мемуаров, статей, заметок и т. п., в которых приводятся по разным поводам его эпиграммы. «Минаева знала вся читающая публика... — пишет один из его современников. — Его пародии, экспромты, эпиграммы облетели всю Россию и повторялись и повторяются, переходя из уст в уста».² Небезинтересно, что Минаеву приписывались экспромты, которые не могли ему принадлежать, так как относятся к фактам, случившимся после его смерти. «Покойному Жукову (Жучец), поэту-юмористу, собирателю якобы экспромтов Минаева, — сообщает в своих воспоминаниях А. А. Соколов, — я как-то говорю: «Дорогой мой, что это вы всё печатаете экспромты Минаева, где это вы их слышали? Ведь это же ваше сочинение». На это весельчак Жуков ответил: „Экая важность!.. Не печатают моих, поневоле будешь печататься под псевдонимом Минаева“».³ О популярности Минаева свидетельствуют не только благожелательные отзывы современников, но и непрерывные выпады против него писателей и критиков враждебного ему антидемократического лагеря. Резко отрицательные отзывы об его литературной деятельности мы находим как в печати, так и в частной переписке. С тем, кто совсем не «опасен», чье влияние совсем незначительно, не борются с таким постоянством и ожесточением.

Минаева часто обвиняли в беспринципности, отсутствии положительных идеалов, но это обвинение несправедливо. По свидетельству хорошо знавших его людей, Минаев, хотя и был склонен «для красного словца не пожалеть и отца», хотя «ради остроты казался иногда «и нашим и вашим», но по воззрениям, по чувствам был человек последовательный».⁴ Вся его литературная деятельность теснейшим образом связана с демократическим лагерем

¹ Вл. Лихачев. Из давнего и недавнего быта. — «Слово», 1909, № 794. См. также заметку «Мимоходом» в «Новом времени», 1901, № 9189.

² Круглов. Факты и мысли. — «День», 1889, № 426.

³ Иллюстр. приложение к «Моск. листку», 1909, № 36, с. 5—9.

⁴ Н. Н. Фирсов. В редакции журнала «Русское слово». — «Историч. вестник», 1914, № 5, с. 500, № 6, с. 897.

60-х годов и с традициями русской революционной мысли и литературы. Декабристы, Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов — вот кто оказал существенное воздействие на формирование его мировоззрения и направление его творчества.

В 1860 г. было напечатано стихотворение Минаева «Вперед!»¹ Оно заканчивается следующим призывом:

Вперед!.. зывают чьи-то тени...
Их пять... глядят они на нас...
Скорей же, братья, на колени!..

К словам «Их пять» была сделана сноска: «Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Грибоедов, Белинский». Без сомнения, все эти имена были дороги Минаеву, но не о них все же идет речь в стихотворении, и сноска лишь маскирует его подлинный смысл. Тени, зывающие к борьбе за лучшее будущее, — это, конечно, тени пяти повешенных декабристов. А свою преемственность от декабристов живо чувствовали и неоднократно подчеркивали все лучшие люди этой эпохи (Герцен, Шевченко, Некрасов и др.). Через год после стихотворения Минаева Н. В. Шелгунов в известной прокламации «К молодому поколению» обращался к молодежи со следующим призывом: «И да ведут... вас на великое дело, а если нужно, и на славную смерть за спасение отчизны, тени мучеников 14 декабря!»²

Написанная Минаевым в 1860 г. краткая биография Белинского проникнута глубочайшим уважением к его личности и литературно-общественной деятельности. Особенное значение придает Минаев, вслед за Чернышевским, последнему периоду его творчества, когда великий критик перешел на позиции материалистической философии, неустанно боролся с крепостничеством и самодержавием и пропагандировал передовое, реалистическое искусство. Подобное понимание Белинского шло, разумеется, в разрез с оценками таких критиков, как А. В. Дружинин и Ап. Григорьев, принимавших в какой-то мере Белинского 30-х годов и считавших дальнейшую его эволюцию глубоким заблуждением.

Не лишено интереса следующее обстоятельство. Не имея возможности открыто говорить в связи с Белинским о Герцене, Минаев пользуется иносказательными формулами («Огарев и его друзья»,

¹ «Светоч», 1860, № 1, с. 3—4. Библиографические сведения даны лишь для стихотворений, не вошедших в настоящее издание; сведения об остальных см. в примечаниях.

² Мих. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. 2-е изд., М.—П., 1923, с. 80.

«кружок Огарева» и т. д.), к которым впервые прибег Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы». В одном месте Минаев цитирует, впрочем, и слова Белинского о «Москвитянине» из его письма к «А. И. Г-ну», то есть к Герцену (май 1844 г.), приведенные в «Былом и думах» и впервые напечатанные в «Полярной звезде» 1858 г.

Но гораздо более существенно, что значительная часть биографии является компиляцией, а иногда просто монтажом чуть-чуть измененных цитат из двух замечательных источников — из «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевского и «О развитии революционных идей в России» Герцена. Обращение именно к этим источникам весьма показательны для идейной физиономии молодого Минаева, только начинавшего свою литературную деятельность. Важно отметить, что эта книга Герцена еще не была в то время издана на русском языке. Русское литографированное издание, выпущенное кружком Зайчневского и Аргиропуло, вышло лишь в 1861 г. Между тем сопоставление текстов показывает, что Минаев пользовался именно этим переводом и, следовательно, он был ему известен в рукописи или в одном из списков.¹

Как видим, книга Минаева пропагандировала в русской читающей публике не только Белинского, но и Чернышевского и Герцена. Такой пропагандой Герцена была, конечно, и виньетка в «Гудке», о которой говорилось выше.

Поэзия Минаева тоже свидетельствует о его близости к идеологии революционной демократии. Тяжелое положение русского крестьянства, нищета, угнетение, эксплуатация, которой оно продолжало подвергаться и после реформы 1861 г., наконец образ не только задавленного, но и протестующего, бунтующего мужика — все это нашло свое отражение в его творчестве («Сказка о восточных послых», «Доля» и др.).

...берегитесь, чтобы в нем
Негодование не проснулось,
Глаза не вспыхнули огнем, —

читаем в стихотворении «Пробуждение».

С крестьянской темой в поэзии Минаева тесно связана его оценка либерализма. Громкие и пустые фразы либералов о «глас-

¹ Подробнее об этом эпизоде литературной деятельности Минаева см. в моей заметке «Первая биография В. Г. Белинского» — «Научный бюллетень» Ленингр. гос. университета, № 3, 1945, с. 35—38.

ности», о «меньшом брате», о народном благе и наряду с этим отсутствие каких бы то ни было реальных шагов для изменения положения масс, полное непонимание внутренней жизни, интересов и потребностей народа — против этого направлено сатирическое острое многих произведений Минаева. Очень любопытно стихотворение «Насущный вопрос», написанное под несомненным влиянием Добролюбова (его стихотворения «Чернь») и представляющее собой диалог «гражданина» и «толпы». Либеральный болтун — «гражданин» возмущен ропотом «толпы», нарушающим покой «граждан». Он и ему подобные ведут, мол, толпу к истине и науке, озаряют ее житейскую тропу блеском знания, проливают слезы за бедных братьев и глубоко сочувствуют им; дорога Ломоносова открыта каждому «мужичку», — чем же они недовольны?

Чего же вам, безумцы, нужно?
Того ль, чтоб дождик золотой,
Как манна, падал прямо с неба,
Балуя праздностью народ?
Чего же вам недостает?
Чего ж хотите? ..

Толпа

Хлеба! Хлеба! ..

Та же тема непримиримых социальных противоречий лежит в основе остроумной сценки «Свой своему вовсе не брат» и ряда других стихотворений. Вообще либерализм показан Минаевым в его разнообразных облициях и проявлениях — в политической жизни, в литературе, в повседневном быту. В частности, в стихотворении «Ренегат» дан сатирический портрет либерала, «крикуна сороковых годов», забывшего о своих былых увлечениях и симпатиях и превратившегося в злобного ненавистника всего нового и молодого

Нужно подчеркнуть, что тема тяжелого, непосильного труда в сочетании с изображением представителей господствующих классов, которые безучастно взирают на народную нищету и бесправие, нашла себе место уже в первых поэтических опытах Минаева, в самом начале его литературного пути.

Десятиной скудной
Тащится мужик,
За работой трудной
Над сохой поник. . .

...Вот лихая тройка
Усача промчит,
Он на труд твой только
Тупо поглядит.
И чужая повесть,
Вечный труд и гнет —
Дремлющую совесть
В нем не шевельнет.

(«Пейзаж»)

Сатира Минаева в равной степени направлена как против до-реформенных, крепостнических порядков, так и против нарождавшейся буржуазно-капиталистической России. Социальное неравенство, произвол, бюрократизм, самодурство, преследование малейших проявлений свободной мысли, полицейская слежка, промышленное грондерство, акционерные общества и грязные делишки их заправил, железнодорожная горячка, банковские мошенничества и кражи, продажная пресса и т. д. и т. д. — вот темы, неоднократно фигурирующие в произведениях Минаева. Сатира Минаева бьет также по мещанству и пошлости, по обывателям, лишенным каких бы то ни было умственных запросов и интересов, как оплоту общественной и правительственной реакции.

Всему, что решительно отвергается в поэзии Минаева, чему он говорит свое непримиримое «нет», противостоит авторское «я» его сатирических и лирических стихотворений, а также образы демократов-разночинцев и активных друзей народа — революционеров (по цензурным причинам, немногочисленные), которые в них нарицательны («Лунная ночь», «Две судьбы»).

В поэзии Минаева (главным образом 70—80-х годов) нередки отклики на события западноевропейской политической жизни. В ряде произведений он разоблачал эксплуататорский строй буржуазных государств, представителей международной реакции, продажных политиков, готовящих новую бойню («Все говорят об общем мире. И все готовятся к войне... И целым миром правит Крупп», — читаем в поэме «Демон»), захватническую колониальную политику («Раздел», «На морском берегу»). Много в этих произведениях и в наши дни звучит очень остро и современно; не случайно несколько лет тому назад отрывки из поэмы «Демон» были перепечатаны в журнале «Крокодил».¹

Минаев вел борьбу не только непосредственно с уродливыми

¹ «Крокодил», 1950, № 19, с. 5.

явлениями российской действительности, но и с теми течениями русской литературы и публицистики, которые брали их под свою защиту или могли служить их идейным оправданием. Нет, пожалуй, ни одного более или менее значительного периодического издания, публициста, писателя реакционного или либерального лагеря, которые не попали бы по тому или иному поводу в его сатирический фельетон или эпиграмму.

Сатира Минаева отличалась злободневностью, актуальностью, политической остротой. Если читать его сатирические произведения одно вслед за другим в хронологическом порядке, то станет ясно, что возникновение тех или иных тем, их смена в поэзии Минаева связаны с ходом исторического развития России 60—80-х годов. В своих лучших произведениях Минаев высмеивал не общечеловеческие пороки или слабости, а явления и черты социально-исторические. Он откликался на те факты, которые были типичны и существенны для данного исторического момента и данной социальной среды. В предисловии к сборнику «Думы и песни» Минаев с иронией говорит о том, что его стихотворения неизбежно вызовут гнев и возмущение со стороны критика, который «из юмористических стихотворений признает только помещенные в хрестоматии Галахова эпиграммы на скупцов, волокит, непризнанных стихотворцев и других Бавиев, и то потому только, что это — Бавии, а не действительные шарлатаны и самодуры всякого цвета и роста».¹ Вслед за Добролюбовым Минаев беспощадно отзывался о поэтах, обличающих лишь частные недостатки и несовершенства современной жизни и боящихся поколебать самый «порядок вещей» («Дуэт»).

Подобно В. Курочкину и другим искровцам, Минаев никогда не выжидал, пока взволновавшие его факты русской общественно-литературной жизни, так сказать, отстоятся и примут более определенные формы, но шел по горячим следам событий, тотчас же откликаясь на них. Едва лишь в «Дне» Аксакова была напечатана ретроградная статья П. Б. Бланка, в которой он говорил о «стадном» поведении крестьянской массы, как появилось «Открытие» Минаева (1861). В связи с пребыванием в Петербурге японского посольства он пишет политически очень острое стихотворение «Сказка о восточных послах» (1862). Сообщение о праздновании славянофилами памяти Кирилла и Мефодия дает повод для «Последних славянофилов» (1862). В ответ на крепостнические статьи

¹ «Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека)». СПб., 1863, с. II.

Фета «Из деревни» Минаев печатает цикл пародий «Лирические песни с гражданским отливом» (1863). Через две недели после упразднения III Отделения появляется стихотворение «6 августа 1880».

Острое социальное чутье и умение быстро реагировать на злобу дня составляют сильные стороны поэзии Минаева. При этом наиболее значительные его произведения близки к подлинной сатире. Автор такой сатиры, высмеивая тот или иной конкретный факт, рассматривает его как известный симптом, как выражение той или иной тенденции эпохи, ее политической атмосферы, как черту, характеризующую политическое поведение или человеческий облик господствующих классов. Именно потому его произведения переживают свое время. Такова сатира Щедрина; к такой сатире, повторяю, приближается в лучших своих произведениях Минаев.

Минаев понимал, что сатирик не должен находиться в плену отдельных фактов и явлений действительности. Интересно в этом отношении заявление Минаева в фельетоне, материалом для которого послужили люди и нравы его родного города Симбирска, фигурирующего в нем под названием «Приволжск». Здесь ясно и отчетливо высказан взгляд на взаимоотношения между конкретными фактами, лежащими в основе сатиры, и их художественным воплощением, которое невозможно без обобщающей, типизирующей работы писателя. «Где я? — скажет мне строгий педант-географ, знающий лучше своих собственных зубов все незначительные местечки и закоулки в России. — Что за мистификация! разве существует губернский город Приволжск?.. Как город, которого нет в календарях, на географических картах, Приволжск — город действительно мифологический, не существующий, мною лишь измышленный. Но с другой стороны, как художественный экстракт, квинтэссенция сорока—пятидесяти русских городов, как характерный тип всем знакомому губернского города — Приволжск не должен казаться каким-то мифом или призрак, и с этой стороны он стоит полного внимания читателей. Если я сам выдумал, выстроил этот город, то выстроил его из тех самых кирпичей, из тех самых элементов, из той самой грязи, из которых слагались все русские провинциальные города».¹

Однако стихотворения Минаева далеко не равноценны. Далеко не все написанное им характеризуется таким стремлением к художественному обобщению жизненных явлений и наблюдений. Разумеется, размах его сатиры был весьма ограничен цензурными усло-

¹ «Русское слово», 1864, № 5, «Дневник Темного человека», с. 97.

виями. «На г. Минаева, — писал его соратник и приятель Н. С. Курочкин, — нельзя смотреть как на сильного сатирика. Но быть сатириком весьма трудно, если даже не невозможно, в наше время. Говоря это, мы полагаем, что как условия проявления могучей сатиры, так и условия времени, в которых мы живем, более или менее известны нашим читателям». ¹ Но слабые стороны поэзии Минаева не могут быть объяснены только одной цензурой. Он писал и переводил огромное количество стихов, что не могло не отразиться на их качестве. Чрезмерная плодовитость снижала и поэтическую выразительность и идейную ценность литературного творчества Минаева. Недаром не только классово враждебные ему критики, но и люди одного с ним лагеря (Шедрин, Михайловский, Скабичевский и др.), подчеркивая, что Минаев — «писатель остроумный, даровитый и притом обладающий прямыми и честными убеждениями», ² упрекали его в поверхностности, в том, что мелкие факты, привлекающие его внимание, нередко заслоняют в его сознании движущие силы эпохи, наконец в том, что во многих его стихах больше смеха ради смеха, чем протеста против безобразий и нелепостей русской жизни. В упреках этих есть немало справедливого. Просматривая одну за другой книги Минаева, а также его произведения, затерявшиеся на страницах старых газет и журналов, мы часто наталкиваемся на стихотворения, представляющие собой насмешки над такими мелочами повседневного быта, что в них нельзя уловить и тени серьезной сатиры, или рассказывающие пустяковые истории, вроде той, о которой идет речь в «летней поэме» «Роман на Круглом пруде». ³ Не следует, впрочем, смешивать такие произведения Минаева с хорошими шуточными стихами, в которых нет острой сатирической направленности, но нет и никаких следов пошлости.

Плодовитость Минаева, нередко чрезмерную, нельзя объяснить исключительно материальной нуждой; она связана и с его недостаточным серьезным отношением к поэтическому труду; Минаев был неспособен к тщательному обдумыванию и шлифовке произведений. «Человек бесспорно талантливый, — писал о нем Н. К. Михайловский, — он, прежде всего, невероятно разбрасывался... ни на чем не останавливался вдумчиво и продолжительно, — он скользил по явлениям литературы и жизни». Есть также доля правды в утверждениях, согласно которым «каламбур, игра слов, трудная и какая-

¹ Н. Курочкин. Библиографическая параллель. — «Дело», 1868, № 1, с. 24.

² Рецензия Шедрина на сборник Минаева «В сумерках». — «Отеч. записки», 1868, № 5: Полное собр. соч., т. 8. М., 1937, с. 298.

³ «Будильник», 1865, № 54, с. 213.

нибудь особенно фокусная рифма всегда соблазняли его, настолько соблазняли, что заслоняли собою подчас мысль...»¹

Все это не противоречит, однако, общей демократической направленности творчества Минаева. Несмотря на все недостатки, снижавшие в глазах современников, снижающие и в наших глазах ценность его поэзии, его литературная деятельность — в основном и главным служившая демократическим идеям и целям — не прошла бесследно. «Минаев — не мыслитель, открывающий людям новые пути в области мысли, — писал о нем Николай Курочкин, — но он, так сказать, популяризатор идей прогресса и гуманности». Вернее, Минаев и не популяризатор этих идей, — он занимался не менее почетным и важным делом: расчищал им путь, высмеивал враждебные им явления в жизни и литературе.

«Отрешаясь от практических стремлений века, — писал Минаев о поэтах школы «чистого искусства», — эти литературные жаворонки не умели понять, что каждый поэт тоже *практический* деятель в собственных своих произведениях». ² Таким практическим деятелем, поэтом-публицистом и был он сам. С необычайной быстротой откликаясь на злободневные события литературно-общественной жизни, Минаев как бы выполнял тот пункт программы «Искры», о котором в объявлении о подписке на 1859 г. говорилось следующее: «Рядом с сатирою строго художественной читатели будут постоянно встречать в нашем издании ту вседневную, практическую сатиру... которая, уступая первой в глубине содержания и красоте формы, достигает одних с нею результатов всем доступною меткостью выражения и упорством в непрерывно продолжающемся преследовании *общественных* аномалий». Литературную деятельность Минаева и необходимо рассматривать главным образом в плоскости этой повседневной, иногда блестящей по форме, сатиры.

Сам Минаев оценивал свою работу примерно в том же духе. «Не сознавая себя достаточно сильным для олицетворения современного ³ зла в общих художественных формах, — писал он в цитированном выше предисловии к «Думам и песням», — автор зато ясно видит нелепости, его окружающие, ясно сознает на самом себе

¹ Н. Михайловский Литературные воспоминания и современная смута, т. I. 2-е изд., СПб., 1905. с. 37

² «Старая и новая поэзия». — «Дело», 1869, № 5, с. 26.

³ В «Думах и песнях» явная опечатка (вместо «современного» — «совершенного»), исправленная уже рецензентом «Отечественных записок» в приведенной им цитате из предисловия Минаева (1863, № 8, «Лит. летопись», с. 126).

тяготение этого зла и откликается на него протестом». Его стихотворения «отзываются только на одни частные явления и факты», на первый взгляд незначительные, «но вместе с тем характерные по своему отношению к времени и к общественному прогрессу, и, относясь к сатире как частное к общему, служат для последней только материалами, черновыми тетрадами — не более».

Эта скромная автохарактеристика во многом верна, но нужно все же еще раз подчеркнуть, что среди произведений Минаева есть немалое количество вещей, представляющих собою не только живые отклики на злобу дня; оперируя в них повседневыми, на первый взгляд случайными фактами, поэт поднимается до серьезных сатирических обобщений, значение которых выходит далеко за пределы вызвавших их явлений; сквозь случайное и внешнее в них просвечивает типичное и значительное.

Не раз высказывалось мнение, что Минаев во вторую половину своей литературной деятельности резко эволюционировал вправо и перешел на позиции буржуазного либерализма.¹ Это утверждение нельзя признать основательным. В 70-е и особенно в 80-е годы слабые стороны его поэзии действительно получили свое дальнейшее развитие. Это объясняется и необходимостью сотрудничать в газетах, направление которых далеко не отвечало его взглядам и симпатиям, и общими тенденциями эпохи. В стихах Минаева, в его фельетонах действительно появляется больше легковесного смеха и откликов на мелкую злобу дня, на сугубо петербургские городские темы, однако «считать Минаева одною из тех букашек, которые вместе с ним же работали в листках в последнее время, — говорит автор одной из некрологических статей, — более чем несправедливо. Можно только жалеть, что журнальные условия заставляли покойного работать в этих изданиях, — но ведь где же ему было работать?.. Он не был только юмористом смешливым и веселым, каких теперь развелось так много *по сезону*. В нем жил сатирик, часто очень меткий и сильный».²

В 70—80-е годы в поэзии Минаева усиливаются минорные ноты, исчезает, как у многих его современников, вера в возможность в недалеком будущем коренного переустройства русской жизни, которое казалось таким близким в 60-е годы. И все же неизменной остается

¹ См., например, заметку о Минаеве в 1-м издании «Большой советской энциклопедии», т. 38, М., 1938, с. 424—425. О степени осведомленности автора этой заметки можно судить по тому, что сборник стихотворений для детей «Теплое гнездышко» он считает песней.

² Круглов. Факты и мысли. — «День», 1889, № 426.

общая демократическая направленность творчества Минаева, которое попрежнему пронизано волнением поэта о благе и счастье родного народа. Она отчетливо сказалась в таком, например, стихотворении, как «Сон великана». Минаев скорбит в нем о пассивности и неподготовленности народных масс к революции. Эта скорбь была свойственна всем наиболее чутким представителям передовой интеллигенции 70—80-х годов.

В 1871 г. Минаев опубликовал цикл «Старые сказки на новый лад». Они написаны эзоповым языком; элементы фантастики, традиционные фольклорные формулы и образы намеренно переплетены в них, как и в сказках Щедрина, с современными идеями и современной фразеологией. Одной из центральных идей сказок Минаева является борьба с отсталостью народного сознания, с прославлявшимся славянофилами смирением и необходимость объединения, организации народа для борьбы за лучшее будущее, за свободу и довольство.

Бабушка в сказке «Бабушка и внучек»¹ и Иван в сказке «Иван Простота»² — это олицетворение, с одной стороны, тяжелой участи, а с другой — темноты народа. Бабушке уже тысяча лет (в 1862 г. праздновалось тысячелетие России). Учили ее палкою, питается она надеждами, одевается в лапти с онучами, согревается морозами трескучими; волосы у нее вырваны, а зубы выбиты. На вопрос, что она оставит детям в наследство, бабушка отвечает: «Терпение, дитяtko, терпение»; на вопрос, долго ли осталось терпеть: «От будней до праздника, от горя до радости, со дня рождения до лучшего времени».

Смирению и пассивности Минаев противопоставляет в «Сказках» иные начала.

Центральный персонаж сказки «Кому на Руси жить плохо» Глупость является причиной всех несчастий и бед народа. Глупость затуманивает его сознание, она говорит о себе: «Ослиному терпению учу я пролетария». Она держится только тем, что люди не понимают своих собственных интересов. Если бы люди действовали сообща, а не в одиночку, говорит сама Глупость, они не знали бы нищеты, зловонных подвалов и углов, не питались бы гнилой пищей, не страдали бы от болезней; не знали бы они и братоубийственных войн между народами.

Мысль Минаева ясна. Говоря о необходимости единства, он имел в виду отнюдь не единство угнетенных и угнетателей. Минаев,

¹ «Искра», 1871, № 10.

² «Искра», 1871, № 11.

как и другие искровцы, не верил в возможность морального воздействия на господствующие классы. Речь идет об объединении еще разрозненных сил трудового народа для борьбы с ними. Глупость в сказке Минаева — не просто глупость; она олицетворяет силы угнетения, при помощи которых эксплуататорское государство держит в своих руках народ; это видно хотя бы из следующих строк:

Под разными одеждами,
И формами, и званьями
Она распоряжается
Народом, как детьми...

Там в виде проповедника
Во славу папской святости,
Здесь с палкою фельдфебеля
Из прусской стороны..

То классиком является
С латынью вкупе с розгами,
То публицистом бешеным
С доносом на устах.¹

Так же, как и в 60-е годы, Минаев во многих стихотворениях низводит с пьедестала все враждебное народным массам. Он обличает все более сгущающуюся политическую реакцию, клеймит рене-

¹ Эта сказка была неправильно истолкована Я. Лебедевым, автором статьи «Русская литературная сказка до Щедрина». «По мнению Минаева, — пишет он, — корни всех общественных зол и бед — в совершенном отсутствии или недостаточном развитии ума и необходимых моральных качеств людей... Войны между народами, разлад и ссоры произошли оттого, говорит Минаев, что все хотят самостоятельности и не признают солидарности... Минаев ратует за единство наций, людей, классов (хотя о последнем он ясно не говорит — проблема классовой борьбы вообще выпадает из его поля зрения)» («Ученые записки» Факультета языка и литературы Ростовского-на-Дону гос. пед. института, т. 3, 1940, с. 64—65). Разумеется, Минаев не имел правильного представления о структуре общества и классовой борьбе, но нет никаких оснований приписывать ему враждебную демократическому лагерю этих лет идею классового мира. Повторяю, в сказке говорится о единстве трудящихся, а не о единстве эксплуататоров и эксплуатируемых. Точка зрения Я. Лебедева связана с общей неверной оценкой Минаева, который, по его словам, уже к концу 60-х годов «все больше стал склоняться к критике грехов существующего строя вместо критики основ его» (там же, с. 63).

готов, с горечью пишет о превращении многих своих современников в обывателей и тепло вспоминает о шестидесятих годах — периоде революционного натиска и расцвета демократической мысли («Две эпохи»). Минаев попрежнему преследует своей сатирой и пережитки крепостничества, столь сильные еще в русской жизни, и новый капиталистический гнет. И в этом сказывается неразрывная связь поэта с революционными и демократическими течениями его времени.

8

Борьба за все более тесное сближение с действительностью проходит через всю историю русской литературы XIX века, и одним из самых значительных ее этапов является поэзия Некрасова. В русле этой борьбы протекало и творчество тех поэтов середины XIX века, в том числе и Минаева, которые с полным правом могут быть отнесены к «школе Некрасова». Интересно, что именно эти слова («школа Некрасова») были сказаны о Минаеве еще в 60-е годы.¹ Минаеву, как и всем представителям некрасовского направления, воспитанным на эстетических идеях Белинского и Чернышевского, было глубоко чуждо противопоставление искусства и жизни, поэтической мечты и повседневной действительности, которое лежало в основе не только эстетических взглядов, но, в значительной степени, и поэтической практики сторонников «чистого искусства». В предисловии к сборнику «Думы и песни» Минаев с иронией писал о современных русских поэтах, областью которых является «мир греческих богов, древних и новых красавиц и чувств возвышенно-патриотических и нежно-сантиментальных»; в отличие от них, заявляет Минаев, он «не считает себя художником, стоящим выше явлений современной действительности».²

Взгляды Минаева на искусство и задачи современного художника отчетливо выражены в его эпиграммах и фельетонах о художественных выставках 60—80-х годов. Пусть некоторые его оценки ошибочны и несправедливы, но для нас существенно в данном случае их общее идейное направление. Минаев неизменно боролся с представителями академической живописи, их пристрастием к рутине, к освященным традицией темам. Он высмеивал приглажен-

¹ «Литературное обозрение». — «Иллюстрация», 1863, № 268, с. 274—275.

² Насмешливо отзываясь о «возвышенно-патриотических» чувствах, Минаев, конечно, имел в виду лжепатриотизм официальных кругов.

ность и «красивость» искусства (см. эпиграмму на К. Маковского: «В своих работах мастерских До безобразья вы красивы!»¹), перенесение внимания с человека на внешние аксессуары («В. Якобий. Портрет г-жи Р-сой», «И. Келлер. Портрет г. С.»²), пренебрежительное отношение к обыденной жизни и жизни «социальных низов» как объекту искусства, равно как приукрашенное, фальшивое сентиментально-барстненное ее изображение (эпиграммы на картины Гаугер «Нищие», Овсянникова «Швея», Щербакова «Рыбаки»³). И наоборот, всякая попытка художника преодолеть замкнутый эстетизированный мир и обратиться к широкому потоку жизни, к простым, повседневному сюжетам, даже если она не была связана с пропагандой близких ему социальных идей, вызвала у Минаева внимательный и сочувственный отклик. С большой похвалой отзывался он о Крамском и Шишкине. Очень показателен его отзыв о скульпторе Каменском. Отметив, что наряду с голосами восторженных поклонников его «Первого шага» раздаются голоса хулителей, «особенно из среды академических эстетиков», Минаев писал: «Как им, в самом деле, не волноваться при виде смелости молодого скульптора, который не побоялся взять для своей группы самый простой, обыденный сюжет: мать, учащая ходить своего ребенка. Пред вами живая, прочувствованная фигура любящей матери, с нежностью и страхом следящей за первым шагом своего сына («А вдруг он упадет!» — читаете вы на лице ее), который тоже с ребяческой серьезностью весь занят вопросом — не оступиться и сохранить баланс. Поистине великая дерзость! — кричат засиженные мухами рутинеры, которые воображают, что из гипса и мрамора можно только воспроизводить одних обнаженных наяд, Венер и других милых барынь эротической мифологии... Признание таких кладезей академической мудрости, разумеется, лучшая похвала для г. Каменского».⁴ Следует также подчеркнуть, что Минаев вовсе не склонен был отождествлять воспроизведение реальной действительности с простым ее копированием. Интересна в этом отношении эпиграмма на П. Верещагина, в которой он упрекает художника в соперничестве с фотографом⁵ (ср. еще о «Портрете старушки» Хапа-

¹ Общий друг. Похвальные листы (Карманная энциклопедия). — «Петерб. газета», 1885, № 119.

² «Не в бровь, а в глаз». СПб., 1883, с. 460: «Он верно скунс изобразил, Немало повозился с мехом, А о портрете позабыл».

³ Обличительный поэт. Путеводитель по художественной годичной выставке. — «Искра», 1863, № 36, с. 491—492.

⁴ Что в имени тебе моем? Февральские листки. — «Дело», 1870, № 2, «С неевского берега», с. 77.

⁵ «Петерб. газета», 1884, № 83.

лова: « „Морщин топографическая карта“ Портретом называться не должна»¹).

Для Минаева нет «низких» предметов, недостойных поэтического изображения; он широко и свободно вводит их в свои стихотворения. Общие представления об эстетических отношениях искусства к действительности, о социальной роли искусства определяли не только тематику, но и язык поэзии Минаева. Столь же свободно, как и «низкие» предметы, он вводит в свои произведения обыденный, разговорный язык. Между поэтическим языком и языком разговорным не существовало для него никакого разрыва. Новое отношение к поэтическому языку привело к тому, что в стихе все чаще стали появляться, а затем окончательно укрепились свободные разговорные интонации.

Эти особенности поэзии Минаева связаны в первую очередь с Некрасовым. Идеино-художественное воздействие поэзии Некрасова было для него, как и для многих других писателей 60-х годов, очень существенным фактом. Разнообразное отражение отдельных образов, мотивов и самой поэтической манеры Некрасова нетрудно обнаружить и в лирике, и в поэмах, и в сатире Минаева. Вот несколько наиболее ярких и типичных примеров.

Близко по самому своему тону к таким вещам Некрасова, как «В дороге», стихотворение Минаева «Доля»² — рассказ старика крестьянина о том, как жена его сына приглянулась немцу-управителю и как сын, застав их вместе и расправившись с ними, сжег господский дом. И начальная реплика автора, адресованная к старику, и отношение крестьянина к фактам, о которых он рассказывает, и особенности народного языка — все это в своей основе, несомненно, восходит к Некрасову.

Поэма «Та или эта?» по своей теме, идее и стилю тесно связана с Некрасовым и прежде всего с «Убогой и нарядной». Два противопоставленных друг другу образа торгующих собою женщин, рассказ об их прошлом, о том, как они «дошли до жизни такой», отдельные детали (отец Наташи — вечно пьяный и угрюмый приказный; сын второй героини, рождение которого встречается проклятием, и пр.) опять-таки напоминают Некрасова.

Во многих других вещах Минаева отчетливо звучат некрасовские интонации, и притом весьма разнохарактерные: и свойственные

¹ Вопрос о художественных взглядах и оценках Минаева затронут в статье Л. Гутман «Борьба за реалистическую эстетику и Академия художеств» («Искусство», 1939, № 6, с. 133—135), но автор ее оперирует весьма ограниченным материалом.

² «Русский мир», 1862, № 2, с. 42—44.

его сатирическим фельетонам и чисто лирические. Например, интонации первого рода — в сатире на Суворина «Через двадцать пять лет», и второго рода — в стихотворении «Целое лето нет дождичка с неба». ¹ Последнее, если не считать его довольно плоской юмористической концовки, навеяно «Несжатой полосой».

В стихотворении «1-е января» мы находим специфически Некрасовский сплав элементов сатиры и лирики и характерные некрасовские интонации:

Блеском нарядов смущается глаз —
Бархат и соболь и мягкий атлас,
Только ходи да записывай цены...
Моды столичной гуляют манкены,
И усмиряет капризный мой сплин
Выставка женщин, детей и мужчин.

Это стихотворение по своему художественному методу очень близко к Некрасову. Здесь даны, на первый взгляд, беглые, разрозненные зарисовки внешней жизни петербургской улицы (в какой-то мере аналогичные некрасовскому циклу «О погоде»), сквозь которые проступает трагическая сторона будничной действительности, социальные противоречия большого города. Недаром в поэме «Та или эта?» Минаев говорит, что по случайным уличным впечатлениям, мелькнувшей в окне тени, профилю усталого человека он воссоздает «незримые драмы» (о «незримых драмах» Минаев пишет и в стихотворении «Осенний день» ²). Это типично некрасовское восприятие города. Вспомним признание Некрасова: «Мерещится мне всюду драма», являющееся заключительным аккордом замечательного цикла «На улице» (1850) и своеобразным смысловым ключом ко всем его произведениям о городе. Нужно, впрочем, оговориться, что подобное восприятие характерно не для одного Некрасова и его поэтического направления, но и для всей демократической линии русской литературы, возникшей на почве «натуральной школы». Исключительный интерес представляет с этой точки зрения признание Герцена в его «Капризах и раздумьи», появившихся за несколько лет до создания цикла Некрасова. «Когда я хожу по улицам, особенно поздно вечером, — писал он, — когда все тихо, мрачно, и только кое-где светится ночник, тухнувшая лампа, догорающая свеча, — на меня находит ужас: за каждой стеной мне мерещится драма, за каждой стеной виднеются горячие слезы — слезы, о которых никто не све-

¹ «Отеч. записки», 1868, № 11, с. 251.

² «Искра», 1860, № 43, с. 463.

дает, слезы обманутых надежд, слезы, с которыми утекают не одни юношеские верования, но все верования человеческие, а иногда и самая жизнь». ¹ Совершенно очевидно, что словесное совпадение («за каждой стеной мне мерещится драма», «мерещится мне всюду драма», «и я вижу незримые драмы») здесь не случайно, но оно важно не само по себе, а как выражение общего строя чувств и переживаний, общего предствления о современном городе и об острях социальных противоречиях современной жизни.

Поэзия Некрасова отражается в творчестве Минаева двояким образом. Иногда дело ограничивается простым подражанием, повторением некрасовских тем, мотивов, образов; в других случаях Минаев, следуя общим принципам некрасовской поэзии, создает на их основе оригинальные произведения.

Хотя лирика и занимает в литературном наследии Минаева немалое место, как лирик он наименее интересен. В лирических стихотворениях и не сатирических поэмах он подражателен, а кроме того, нередко впадает в риторику, в мало ему удающийся патетический тон. Лишь немногие из его лирических вещей звучат самостоятельно и проникнуты подлинным поэтическим чувством.

Для эволюции лирики Минаева характерен его переход от «некрасовской» линии к «надсоновской». В 70—80-е годы в ней выступают мотивы усталости, размагничности. Обозначение «надсоновская» употреблено, разумеется, условно; настроения значительных кругов русской интеллигенции, подавленных политической реакцией, получили в творчестве Надсона лишь наиболее яркое выражение, но наметились независимо от него у целого ряда поэтов 70-х годов, в том числе и у Минаева.

Существенной чертой поэзии Минаева является обилие намеков. Один пример (последняя строфа стихотворения «Вперед» — о теньях повешенных декабристов) был в иной связи приведен выше. Особенно много намеков, естественно, в сатире Минаева. Так, юмористические куплеты «Роковое число» кончаются строками:

Чтоб горя в жизни не иметь им,
Во избежанье всяких бед,
Шепнул бы я еще о *третьем*...
Да, жалко, времени мне нет. ²

Без сомнения, речь идет здесь о III Отделении. В большинстве случаев намек содержится лишь в одной или нескольких деталях, но

¹ «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым». СПб., 1846; Полное собр. соч., т. 4. П., 1919, с. 402.

² «Искра», 1871, № 11, с. 324.

иногда он является ключом к общему замыслу произведения. Своеобразная игра намеками лежит в основе стихотворения «Современные стансы»,¹ где в конце каждой строфы неизменно повторяется:

Нужна нам кон...

Нужна нам кон...

Но предполагаемое и ожидаемое слово «конституция» ни разу так и не произносится: читателю все время дается иная, цензурная и, разумеется, мнимая разгадка («концессия другая, третья», «консервативная газета», «кончина бабушки богатой», «конно-железная дорога» и пр.). Однако эти мнимые разгадки не только не устраняют из его сознания подлинной разгадки, а еще сильнее влекут его мысль к подразумеваемому, хотя и не произнесенному, слову.

Широкое использование намеков было вызвано цензурными условиями, невозможностью говорить о многих вопросах прямо и открыто. Но не всегда, конечно, явление это связано непосредственно с цензурой. Нередко на недосказанности и иносказании, рассчитанных на догадливость читателя, построен комический эффект произведения. Намек, недосказанность иногда служат своеобразным художественным средством, возбуждающим активный интерес читателя к факту или явлению, о котором пишет поэт.

В своих сатирах Минаев, как и другие искровцы, нередко прибегал к повествованию от имени подставного лица, которое не только не тождественно с автором, но именно и служит основным объектом сатирического разоблачения. Разоблачение дается не от лица автора, а превращается в самораскрытие и саморазоблачение героя. Благонамеренный человек, чуждый всяких «крайностей» (то есть передовых идей), восхваляет то, что подлежит осмеянию, и смеется над тем, что заслуживает уважения. В результате сущность враждебной, антинародной идеологии и отрицательные стороны действительности показываются и развенчиваются как бы изнутри.

Маска благонамеренного человека — прием очень давний в сатире. В русской сатирической литературе, революционной публицистике и критике середины прошлого века он получил особенно широкое распространение. Им неоднократно пользовались Чернышевский и Добролюбов, Щедрин и Некрасов и многие другие. Добролюбов писал С. Т. Славутинскому, что из цензурных соображений «необходимо говорить фактами и цифрами, не только не называя вещей по именам, но даже иногда называя их именами, противоположными

¹ «Будильник», 1880, № 12, с. 311, под заглавием «В толпе».

их существенному характеру».¹ Называние вещей «противоположными» именами нередко встречается в статьях Добролюбова. Вспомним хотя бы в статье «Когда же придет настоящий день?» иронические размышления о том, что в России нет никакой почвы для борьбы, которой воодушевлен Инсаров, что «Россия... государство благоустроенное, в ней существуют мудрые законы, охраняющие права граждан и определяющие их обязанности, в ней царствует правосудие» и т. д.² Много аналогичных мест в статьях Чернышевского. Но в критике и публицистике этот иронический тон появляется лишь временами и, как правило, не приводит к созданию законченного сатирического образа-маски, как это происходит в целом ряде произведений Щедрина, в поэзии Добролюбова и искровцев.

В стихах Минаева мы встречаемся с весьма разнообразным кругом такого рода масок. Это и славянофил («Конкурсные стихотворения на звание члена Общества любителей российской словесности»), и великосветский писатель («Праздная суета»), и поклонники «Отцов и детей» Тургенева («Отцы или дети?», «Просьба»), и фразер-либерал («Проселком»), и ретроград, скорбящий об упразднении III Отделения («6 августа 1880»), и уездная барышня («Жалоба уездной красавицы»), и провинциальный помещик («Провинциальным Фамусовым») и много других.

Чаще всего эти маски конструировались Минаевым, как и другими искровцами, на каждый данный случай, в связи с сатирическими откликами на те или иные явления общественной и литературной жизни. Но есть у него и одна устойчивая маска, вроде Козьмы Пруtkова и вымышленных Добролюбовым поэтов Конрада Лилиеншвагера, Якова Хама и Аполлона Капелькина. Именно с Козьмой Пруtkовым связан в первую очередь отставной майор Михаил Бурбонов. Это не только один из многочисленных псевдонимов Минаева, а созданный им образ, от имени которого он написал множество стихотворений и прозаических фельетонов и даже издал целую книгу «Здравия желаю! Стихотворения отставного майора Михаила Бурбонова» (1867). В писаниях Бурбонова имитируются и самый тон и взгляды на жизнь и искусство солдафона с их прямолинейностью, тупостью и грубостью, — имитируются и вместе с тем, конечно, высмеиваются. Впрочем, тут же, сквозь маску Бурбонова, высмеиваются и конкретные литературные (Фет, Розенгейм и др.) и социальные явления, лежащие за пределами данного образа.

Большое значение в поэзии Минаева имеют острога и калам-

¹ Сб. «Огни», кн. 1. П., 1916, с. 77.

² «Современник», 1860, № 3; Полное собр. соч., т. 2, 1935, с. 228.

бур. То естественно вырастая из общего иронического тона повествования, то возникая совершенно, казалось бы, неожиданно, они усиливают сатирическое жало стихотворения, способствуют полной дискредитации высмеиваемого человека или факта, делая его смешным и ничтожным.

Особенно важную роль играет каламбур в эпиграммах, являясь нередко их основой.

Игра на двойном значении слова «донесет», разоблачающая литературную и публицистическую деятельность Б. М. Маркевича («Б. Маркевичу»), ироническое согласие с поэтом, который сравнивает себя с Байроном: «Поэт Британии был хром, А ты — в стихах своих хромаешь» («Аналогия стихотворца»), характеристика «текущей журналистики»: «Она поистине «текущая», Но только вспять» («Необходимая оговорка») — таких примеров можно было бы привести очень много.

Наряду с двойным значением слов Минаев использует также звуковую близость далеких по своему смыслу понятий: пьеса сыграна «с шиком, с шиком: громко шикали» («После бенефиса»). Иногда каламбур строится на том, что читатель в сочетании более или менее «невинных» слов разгадывает другие, звучащие почти так же, но имеющие острый политический смысл. Примером могут служить строки из стихотворения «Кумушки», связанного со студенческими волнениями 1861 г.: «Лупят под лопатку ли» («Лупят подло Паткули») и «Гнать, и гнать, и гнать его» («Гнать и гнать Игнатьева»).

Не всегда, впрочем, стержнем эпиграммы Минаева является каламбур. Многие неожиданные и остроумные концовки не связаны с игрой слов. Таков «Печальный выигрыш», таково упоминание о «всеобщем знакомце» Хлестакове в последней строке превосходной эпиграммы «Вопрос», собирающее в одном фокусе перечисленные факты:

Послушать вас — вам все сродни на сзете.
Заговорят случайно о Гамбетте —
Окажется Гамбетта ваш *confrère*;
Рошфор — ваш кум, граф Бисмарк — друг завзятый,
Гюго земляк и однокашник Тьер,
И, кажется, сродни немножко Пий IX.
Везде у вас друзья — их сорок сороков —
В Париже, в Лондоне, в Берлине и в Мадриде,
И вертится вопрос у ваших земляков:
Как вам приходится, пожалуйста, скажите,
Знакомец наш всеобщий — Хлестаков?

Иногда в качестве концовки использована пословица: эпиграмма на Мещерского завершается строкой: «В семье не без урода».

Есть у Минаева эпиграммы, построенные в форме характеристики («История одного романиста», «Вестнику Европы», «Вопрос»), в форме диалога («Печальный выигрыш», «После бенефиса») и др.

Минаев-эпиграмматист является подлинным мастером, одним из наиболее ярких представителей этого жанра. Сжатость и отточенность, блестящая изобретательность, разнообразие приемов отличают его эпиграммы. В одной из них речь идет о двух авторах романа, которые «на удивление многим являются *одним* четвероногим» («При чтении романа „При Петре I“»); в другой говорится о «сумасшедшей задаче», возникшей под впечатлением картины Лемана «Дама под вуалью», — «картину написать на тему „Дама, из комнаты ушедшая“»; в третьей воздается похвала художнику, нарисовавшему картину «Сапожник»:

Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... шилом —
Тьфу! — кистью — я хотел сказать.

К остроте и каламбуру, наиболее ярко ощутимым в небольшой эпиграмме, Минаев прибегает и в сатирическом фельетоне и в сатирической поэме. При этом следует еще раз подчеркнуть, что в большинстве случаев они не могут быть расценены как простые словесные фокусы, а являются одним из компонентов социальной оценки.

В арсенале художественных средств Минаева большую роль играет рифма. Каламбурная рифма Минаева обращала на себя внимание уже его современников. Выдумка Минаева в области рифмы была поистине поразительна. В целом ряде небольших вещей Минаева, главным образом в двустишиях и четверостишиях, рифма является центральным моментом; ради нее, ради производимого ею эффекта написаны стихи. Таков, например, отдел «Рифмы и каламбуры» в сборнике «Всем сестрам по серьгам». Это, так сказать, поэтические эксперименты и в каком-то смысле заготовки для будущих произведений.

Что сделала ты из меня,
Постыдно так мне изменя?
Припомнится мне та пора,
И словно удар топора...

Но каламбурные и вообще составные рифмы, которые в XIX веке встречались почти исключительно в юмористической поэзии, мы на-

ходим в избытке и в других вещах Минаева — эпитафиях, сатирах, поэмах, где они уже не являются самоцелью. «Гимназий — гимн Азии», «Царьград нам — ретроградным», «капиталисты — заготовь себе девиз ты», «адрес — ad patres», «невесты — получишь вес ты», «повредит ли скалам буря — каламбуря», «ведь чины — ветчины», «субсидия — во всяком виде я», — подобные примеры можно было бы значительно умножить.

Каламбурная рифма делает еще более выразительными, чем обычно, поставленные в конце строк важные в смысловом отношении рифмующиеся слова. При помощи каламбурной рифмы поэт нередко связывает на первый взгляд очень далекие, а иногда и прямо контрастные понятия, используя это сближение, открывающее новые смысловые возможности, для выражения общей идеи произведения. Наконец, она придает стиху неожиданное звучание, предохраняя его от сглаженности и автоматического восприятия.¹

Разумеется, каламбурная рифма встречается не только у Минаева, но и у других поэтов его времени. Однако у Некрасова, Курочкина и др. это более редкое и для них, в общем, не столь характерное явление, между тем как у Минаева она стала одной из существенных черт поэтики.

В мемуарах о Маяковском и в его собственных статьях приведен целый ряд экспериментальных стихов и заготовок, аналогичных минаевским. Да и общая роль каламбурной рифмы в поэзии Маяковского — правда, более отчетливо осознанная им — позволяет утверждать, что его предшественником в этой области был именно Минаев. Говоря о рифмах Маяковского и отвергая их связь с символизмом и ранним футуризмом, В. А. Гофман отметил: «И если уже искать предшественников Маяковского, то придется вспомнить сатирических поэтов «Искры» 60-х годов с их публицистически заостренным, пародийно-полемическим стихом, например Минаева с его рифменным остроумием».²

Минаев был мастером стихотворного сатирического фельетона. Для сатирического фельетона Минаева характерны умелое включение и сочетание разнообразного злободневного и полемического материала и легкость перехода от одной темы к другой (когда фельетон построен по типу «обозрения») — та легкость, без которой фельетон становится неуклюжим, неповоротливым. Этому вполне

¹ Высокую оценку мастерства Минаева в области рифмы дал А. М. Горький в письме к поэту Д. Н. Семеновскому — см. Собр. соч., т. 29. М., 1955, с. 316.

² В. Гофман. О языке Маяковского. — «Звезда», 1936, № 5, с. 215.

соответствуют бойкость и непринужденность стиха и слова, сообщающие фельетону естественные, разговорные интонации, внутренне мотивирующие всякого рода отступления, отклонения в сторону. По такому принципу сатирического фельетона построены, по существу, и комические поэмы Минаева («Юлий Цезарь», «Евгений Онегин нашего времени» и др.), в которых вокруг центральной темы наслаивается много непосредственно не связанного с ней материала. Иногда эта центральная тема и вовсе отходит на задний план.

Гибкость и непринужденность стиха связаны у Минаева с несомненным даром импровизации. Именно об этом писали в первую очередь все мемуаристы. Минаев мог мгновенно сочинить блестяще сточенную эпиграмму или почти без подготовки говорить в стихах на заданную тему.¹ Но легкость импровизации, являясь значительным преимуществом Минаева, приводила и к отрицательным последствиям. Ею объясняется огромная плодовитость Минаева. Не зная меры и не очень требовательный к себе, он нередко портил свои интересно задуманные вещи, писал многословно, не умея вовремя остановиться, нагромождая все новые и новые десятки строк. И «болтовня» из стилистической манеры превращалась тогда в простую несдержанность речи.

Говоря о сатирическом фельетоне Минаева, нельзя не отметить, что он был отцом стихотворного газетного фельетона на злобу дня: с конца XIX века этот фельетон стал непременной принадлежностью почти каждой крупной столичной и провинциальной газеты, но, правда, в большинстве случаев совершенно выродился и измельчал.

В 50—60-е годы достигла своего расцвета пародия. К числу лучших пародистов своего времени — наряду с Козьмой Прутковым и Добролюбовым — принадлежали и искровцы: Минаев, Ломан (Гнут), Сниткин (Амос Шишкин). В творчестве Минаева пародия занимает значительное место. Его первый, еще очень слабый сборник состоит целиком из пародий; в двух следующих («Думы и песни», 1863—1864 гг.) есть специальный отдел «Литературные вариации»; много пародий в других сборниках и в фельетонах Минаева.

В своих пародиях Минаев брал под обстрел и идейные тенден-

¹ «Известно, что Минаев поразительно владел рифмой, — писал П. П. Вейнберг. — Гуляя однажды с И. П. Киселевским, он обратился к последнему с какой-то просьбой. «Говори стихи от Александринки до Адмиралтейства, только без передышки, тогда исполню!» — ответил Киселевский. И Минаев тут же, «на ходу» сочинил длиннейшее стихотворение с прелестными «минаевскими» рифмами и декламировал вплоть до самого Адмиралтейства» («Из прошлого». — «Театр и искусство», 1903, № 25, с. 487).

ции, и эстетические принципы, и литературную манеру своих противников. Он боролся с пережитками романтических представлений об искусстве, об отношениях художника и «толпы», с основным литературным врагом революционной демократии — «артистической теорией» или теорией «искусства для искусства». Недаром Я. П. Полонский с раздражением писал о Минаеве как об «одном из лучших помощников Писарева по части истребления несправедливых ему поэт». ¹ Минаев высмеивал тематическую узость «чистой поэзии», ее изолированность от современной общественной жизни и замкнутость в пределах индивидуалистической лирики, нарочитую неясность настроений и установку на иррациональность человеческой психологии, эротику и внешнюю красоту. Много пародий Минаева посвящено лирике Фета, казенно-патриотическим, шовинистическим стихам Бенедиктова и Майкова, либерально-обличительной поэзии, наиболее типичным представителем которой был Розенгейм, слезливому филантропизму. Большинство пародий Минаева направлено против отдельных стихотворений Фета, Полонского, Майкова, Мея, Щербина, Случевского, Бенедиктова, Крестовского и др. Но есть у него и пародии синтетические, высмеивающие переводчиков и подражателей Гейне, усвоивших лишь внешние признаки и искажавших сущность его поэзии, эпигонов, рабски копировавших великих русских поэтов 20—30-х годов, те или иные общие тенденции современной поэзии, нашедшие свое выражение в творчестве разных поэтов. «Верно понятый дух и тон пародируемых вещей, игривость и остроумие составляют, по отзыву современника, отличительное достоинство пародий Обличительного поэта». ²

Не все пародии Минаева в равной степени остры и удачны. В хорошей пародии должны быть тонко схвачены и в то же время смещены и дискредитированы поэтические особенности пародируемого объекта. Между тем некоторые пародии Минаева могут быть приняты за плохие стихотворения высмеиваемых поэтов или подражания им (по словам Добролюбова, это «особый род — нечто среднее между подражанием и пародией, хотя часто и без претензии на значение пародии» ³); второй план, необходимый в пародии, теряется, и самое ощущение ее иногда не возникает у читателя.

Зато как зло высмеяны Кукольник в «Монологе художника»,

¹ Я. Полонский. Прозаические цветы поэтических семян. — «Отеч. записки», 1867, № 4, с. 724.

² Рецензия на «Перелевы. Стихотворения Обличительного поэта». — «Светоч», 1860, № 2, с. 67—68.

³ Рецензия на тот же сборник Минаева. — «Современник», 1860, № 8; Полное собр. соч., т. 2, 1935, с. 593.

Бенедиктов в «Бале», Фет в «Лирических песнях с гражданским отливом» и «без гражданского отлива», сколько меткого и язвительного в цикле «Мотивы русских поэтов». В своих пародиях и сатирах Минаев был грубоват, но вряд ли это можно считать просто недостатком (так грубоват был и Маяковский). Зато он попадал в цель. Вот один пример.

Как известно, Фет неоднократно заявлял в своих стихах о невыразимости душевной жизни, о том, что логическое слово неспособно передать иррациональную глубину человеческих переживаний и ориентировался на иные, внелогические качества слова. Одно из программных стихотворений Фета кончалось восклицанием:

О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

В своей статье о поэзии Фета, изобилующей пародиями на него, Минаев ответил ему следующим пародийным четверостишием:

Гоняйся за словом тут каждым!
Мне слово, ей-богу, постыло! . .
О, если б мычаньем протяжным
Сказаться душе можно было!

Это, конечно, не простая грубость и не простое балагурство. Здесь содержится резко отрицательная оценка отношения Фета к слову, а вместе с ней и совершенно иное понимание сущности и задач литературы.¹

Было бы преувеличением назвать Минаева крупным поэтом, но совершенно несправедливо и то пренебрежительное отношение к нему, которое понаслышке еще сохраняется до нашего времени. Несостоятельно, как мы видели, мнение о нем как о простом зубоскале (вроде Лейкина в поэзии), потому что при всех своих недостатках и срывах он был тесно связан с демократическим движением 60—70-х годов. Минаев принадлежал к некрасовской школе русской поэзии. Незаурядный мастер стиха, он поставил свой талант

¹ Еще в предисловии к своему первому сборнику «Перепевы» Минаев высмеял высказывания «одного из талантливых поэтов нашего времени» о лирике. Здесь имеется в виду Фет и его программная статья о поэзии Тютчева. Характеризуя черты, отличающие, с его точки зрения, подлинного поэта, Фет писал: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой; с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик» («Русское слово», 1859, № 2, с. 76). Ср. «Перепевы», с. II.

на службу передовым идеям своего времени. В программном стихотворении «Смех» Минаев писал:

Всегда неподкупен, велик
И страшен для всех без различья,
Смех честный — живой проводник
Прогресса, любви и величия.

Он был одним из создателей стихотворного сатирического фельетона, и многие его произведения этого жанра отличаются и художественной выразительностью и публицистической остротой. Выдающийся пародист, он беспощадно высмеивал чуждые демократическому лагерю литературные явления, в первую очередь поэтов школы «искусства для искусства». Наконец, Минаев является одним из самых блестящих эпиграмматистов, чьи эпigramмы, отточенные, хлещущие врага, остроумные, поражают богатством и разнообразием выдумки. Все это дает бесспорное основание утверждать, что у Минаева есть свое оригинальное поэтическое лицо и свое место в истории русской поэзии XIX века.

И. Ямпольский

I

ПЕЙЗАЖ

Грустная картина:
Степь да небеса,
Голая равнина,
Чахлые леса.
Десятиной скудной
Ташится мужик,
За работой трудной
Над сохой поник.
С мужика пот льется,
Слез и крови пот,
Лошадь чуть плетется,
Солнце в темя жжет.
Вот лихая тройка
Усача промчит,
Он на труд твой только
Тупо поглядит.
И чужая повесть,
Вечный труд и гнет —
Дремлющую совесть
В нем не шевельнет.

<1858>

В АЛЬБОМ РУССКОЙ БАРЫНЕ

Я люблю тебя во всем:

.
В бальном, газовом наряде,
В море кружев, блонд и роз,
В дымной кухне, на эстраде,
В цирке, шумном маскараде,
В зной и холод и мороз...
За клавишами рояля,
За тарелкой жирных щей,
За романами Февала,
Дома, в людях, меж гостей.
В каждом звуке, в каждом взоре,
В яркой россыпи речей,
В споре важном, милом вздоре
О погоде, об узоре,
Об игре без козырей.
В преферансе, танце, пляске,
В драке с девкой крепостной,
В море слез, в потоках ласки,
В сарафане и повязке —
Ты всеильна надо мной.

<1859>

СМЕРТНОМУ

Смолкни, больной и мятежный
Смертный! нет больше страданья!
Мир пред тобою безбрежный, —
Вечная жизнь мирозданья.

Ты в оркестре миров,
Светом их залитой, освященный,
Мировую любовь
И свободы глагол вдохновенный
Обретешь, человек!
Так оставь же борьбе обреченный
И в вражде истлевающий век.
Выйди ты в поле широкое,
Ляг на гряде огорода, —
Горе забудешь глубокое!
Небо стоокое,
Звезды полночного свода
Чувство навекут глубокое!

Ты — и природа!
Звезды считай неба южного,
Слушай, как змеи шипят,
Слушай, что волны жемчужные
В море с волной говорят.
Пусть в тебя гады впиваются,
Кровь твою пьют комары,
Змеи вокруг ног обвиваются —
Слушай! вот хор: то попеваются
В гимне вселенной миры.

<1859>

ГРОЗНЫЙ АКТ

У редактора газеты,
Злой противницы движенья,
Собрались друзья по зову
Для совета в воскресенье.

Уж давно редактор смелый
И сотрудники газеты
Встречу юного прогресса
Слали грозные ответы;

Уж давно они где можно
Порицали дружным хором
Наше время, век растленный —
И проклятем и позором

Всё клеймили; в их «Беседе»
Дон-Кихоты тьмы кромешной
Проповедовали с жаром
Аскетизма путь безгрешный,

Дух терпенья и молчанья...
Но теории прекрасной
Тех новейших публицистов
Не внимал наш век ужасный.

И к редактору «Беседы»
Приглашенные собратья
Собрались, чтобы услышать
Акт торжественный проклятья,

Акт проклятья громогласный
Окаянному прогрессу,
Людям нового развития —
Всем служащим века бесу.

Собралось заседание
И внимало с умилением,
Как редактор, жрец премудрый,
Им читал акт отлученья.

Волоса назад отбросив,
Став с приличной сану позой,
Начал он, сверкнув очами,
Распаленными угрозой:

«Силой правды и закона,
Силой истин всемогущих
Всех, науки и прогресса
Власть открыто признающих,

Мы клянем, и к мукам вечным
Абирона и Дафона
Обрекаем их для казни,
Горьких мук, и слез, и стоны.

Мы клянем их именами
Ксенофонта и Фаддея,
И отныне и вовеки
Проклинаем, не жалея:

Всюду, где б их ни застали,
Дома, в клубе, в балагане,
За пером, смычком иль кистью,
В министерстве, в ресторане,

Спящих, бодрствующих, пьющих,
Трапезующих, *sosando*,¹
Недугующих, плененных,
Чуть живых... *flebotomando*.²

¹ Зубоскалящих. (Лат.) — *Ред.*

² Истекающих кровью. (Лат.) — *Ред.*

Проклинаем во всех членах,
В сердце, чреве и глазницах,
В волосах, ногтях и жилах,
В бакенбардах и ресницах. . .

Всюду их найдет проклятье
И предаст в жилище беса:
Так клянем детей мы блудных
Окаянного прогресса. . .»

И собратья с дружным плеском
«Так и будет» повторили,
И все подписью формальной
Акт проклятья закрепили.

1860

ПАРНАССКИЙ ПРИГОВОР

Шум, волнение на Парнасе,
На Парнасе все в тревоге,
И смущенные, толпами,
На совет собирались боги.
С гор заоблачного Пинда
И с вершины Геликона
Боги мчатся в колесницах
По призыву Аполлона.

Для чего ж богов собранье
На заоблачном Парнасе?
Кто сей смертный, с тусклым взглядом,
Прилетевший на Пегасе?
Кто он, — вялый и ленивый,
Неподвижный, как Обломов,
Стал безмолвно и угрюмо,
Окруженный тучей гномов? . .

И божественные гости,
Полукругом став у трона,
С нетерпеньем ждали речи
От красавца Аполлона.
И сказал он: «Смертный! молви:
У богов чего ты просишь?
На земле своей далекой
Ты какое званье носишь?»
И ответил смертный: «Русский
Я писатель! На собрата
Приношу донос вам, боги,

И молю вас — в наказанье
С обвиненным будьте строги.
Он, как я, писатель старый,
Издal он роман недавно,
Где сюжет и план рассказа
У меня украл бесславно...
У меня — герой в чахотке,
У него — портрет того же;
У меня — Елена имя,
У него — Елена тоже.
У него все лица также,
Как в моем романе, ходят,
Пьют, болтают, спят и любят...
Наглость эта превосходит
Меры всякие... Вы, боги,
Справедливы были вечно,
И за это преступленье
Вы накажете, конечно».

Смертный смолк... Вот спорят боги,
Шум и говор окрест трона,
Наконец громовый голос
Раздается Аполлона:
«Мы с сестрой своей Минервой
Так решили, смертный! Право
Твое дело, и наказан
Будет недруг твой лукавый.
И за то он. нашей властью,
На театре будет вскоре
Роль купца играть немую
Бессловесно в «Ревизоре».
Ты же — так как для романа
У тебя нет вновь сюжета —
На казенный счет поедешь
Путешествовать вокруг света.
Верно, лучшее творенье
Ты напишешь на дороге.
Так решаем на Парнасе
Я, Минерва и все боги».

АХ, ГДЕ ТА СТОРОНА!..

Ах, где та сторона,
Где был нем сатана
 Века?
Где знавал стар и млад
Наизусть «Аммалат-
 Бека»?
Где наш ярый прогресс
Был для всех темный лес —
 Братцы,
И всю Русь обучал
Дед Кайданов, как знал —
 Вкратце;
В одах ставил поэт
Вместо Феба в куплет —
 Фебус,
А князь Рюрик не мнил,
Что в науке он был —
 Ребус;
Не пугались мы мглы,
Не стучали столы
 Юма,
Гласность в люльке спала,
Хоть и с гласным была
 Дума;
Акция бурный поток
Вырывать нам не мог
 Ямы,

И на свой идеал
Новый Нестор писал
Драмы;
Не смущались умы,
Как пел Глинка псалмы
Слезно,
И нас трагик пленял,
Как порой завывал
Грозно;
К преньям гласным суда
Мы не были когда
Падки,
И с крестьян становой
Драл весной и зимой
Взятки;
Взятки были в ходу,
Жил исправник в ладу
С роком,
Зимний ветер не знал,
Что Невой он гулял
Боком;¹
Дни, когда нашу речь
Муж грамматики — Греч
Правил,
А Булгарин Фаддей
Сильных мира людей
Славил.
В этот век золотой
Наш смущали покой
Реже.
Где же та сторона?
Други! те времена
Где же?

1860

¹ См. стихотв<орение> Случевского: Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой..

**КОНКУРСНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ НА ЗВАНИЕ
ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ¹**

I

ВО СНЕ

В полдневный жар на даче Безбородко
С «Беседой Русскою» лежал недвижно я.
Был полдень жгуч, струился воздух кротко,
Баюкая меня.

Лежал один под тенью я балкона,
Немая тишь сковала все кругом,
И солнце жгло отвесно с небосклона —
И спал я мертвым сном.

¹ Стихотворения эти присланы нам при следующем письме автора:

Гг. редакторы!

Надеюсь, что вы не откажетесь поместить письма моего на столбцах вашей газеты.

В одном из последних №№ «Искры» была помещена статья о «Дилетантизме во всех его проявлениях», в которой не совсем благосклонно высказано мнение о московском Обществе любителей российской словесности.

При всем моем уважении к мнениям вашей газеты, я никак не мог вполне согласиться с взглядом «Искры» на Общество любителей. Общество, которое вырабатывает *завтрашние* мысли народа, слышит стон из сердца и *подоплеку народной* и лишает г-на Селиванова звания своего члена за его мечты о благотворительности, — заслуживает большего внимания и удивления. Дела и заседания Общества любителей с некоторых пор сделались предметом моего

И снилось мне — большое заседание
Любителей Словесности в Москве,
В кафтанах, в охабнях — творящих заклинанье
Журналам на Неве.

Пред капищем славянских истуканов
Там Лонгинов могилу мрачно рыл:
Да лягут в ней Елагин, Селиванов —
Ликуй, славянофил!

Тогда зажглась в душе моей тревога,
И в полусне прозрела мысль моя,
И видел я, что за два некролога
Там в члены выбран я.

II

ВЛЯВУ

Я трепетал,
Как говорил,
Явившись в зал,
Славянофил.
Я изнывал
От ног до плеч,

жадного любопытства и наблюдения, и мне пришла в голову дерзкая мысль во что бы то ни стало сделаться членом Общества любителей российской словесности. Но как этого достигнуть? Каким путем? Путем заискивания, протекции мне не позволяет идти мое глубокое уважение к строгим принципам этого Общества. Мне остается другая дорога, тернистая и трудная, — достигнуть этого собственными своими силами, полжизнившись совершенно на беспристрастный суд гг. Любителей.

Не заявив в российской словесности еще ничем настолько своего имени, чтобы прямо просить своего выбора в члены Общества, я решил через посредство вашей газеты представить Обществу несколько своих стихотворений, из которых гг. Любители могут, во 1-х, узнать мой взгляд на вещи, а во 2-х — мою способность владеть российским словом — *этим мечом правды, который никогда не должен быть обращаем в кинжал клеветы*, и наконец, решить: могу ли я надеяться удостоиться высокой чести быть выбранным в члены Общества любителей российской словесности.

Приводя здесь мои стихотворения, я с трепетом и робким чувством новичка буду ждать решения важного для меня вопроса: **быть или не быть?**

Обличительный поэт.

Как он читал
Собратьям речь.
Я тосковал
И тер свой лоб,
Как он строгал
Европе гроб,
Как Запад клял,
И мудр и строг,
И прославлял
Один Восток.
И тех идей
Водоворот
В душе моей
Переворот
Тогда свершил,
К Москве свой взор
Я устремил,
Поддевку сшил
И стал с тех пор
Славянофил!

III

МОСКОВСКАЯ ЛЕГЕНДА XIX ВЕКА

Друг друга любили они с бескорытием оба;
Казалось — любви бы хватило с избытком до гроба!

Он был Славянин — и носил кучерскую поддевку,
А ей сарафан заменял и корсет и шнуровку.

То платье обоим казалось и краше и проще,
И в нем они вместе гуляли по Марьиной роще.

Читал он ей Гегеля, песни Якушкина, сказки,
Цалую то в губки, то в щечки, то в синие глазки.

И в ней развивал он вражду к молодым либералам,
К прогрессу, к Европе, ко всем не московским
журналам.

Он ей по-французски болтать запретил совершенно
И с ней о народности он говорил вдохновенно.

Суровый завет для нее был тяжелой веригой,
Но Кириша Данилов у ней был настольною книгой.

Так дни проходили — их счастье все шире да шире, —
Казалось, четь нет блаженней, довольнее в мире.

Но счастья лучи не всегда одинаково жарки.
Ужасную вестъ от соседней болтуни-кухарки

Узнал Славянин, весь исполнен грозы и испуга,
Что носит украдкой корсет с кринолином подруга!

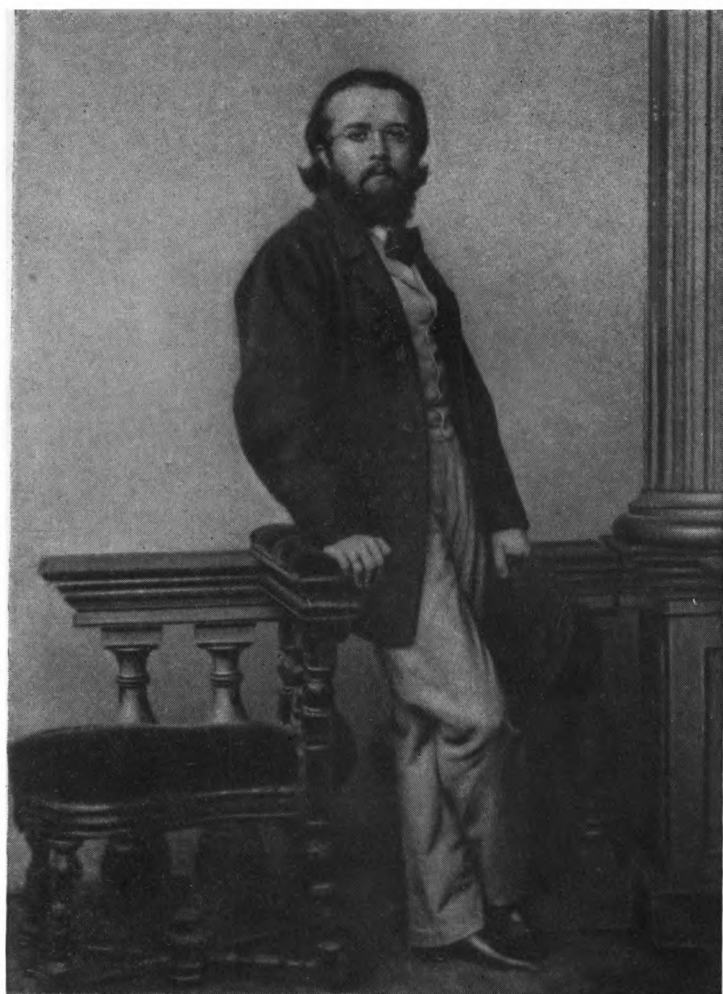
Узнал — не спасла, не пошла, верно, в прок
. пропаганда, —
Что ночью Славянка... читает романы Жорж-Занда.

Узнал он и, верный принципу московских собратий,
Любовь свою предал всей силе суровых проклятий.

Угрюмо и мрачно всегда проходил он Лубянкoй,
Страшась повстречаться с коварною псевдославянкой.

Друг с другом навеки они так расстались оба,
А счастья, казалось, обоим хватило б до гроба!

1860

**МОНОЛОГ ХУДОЖНИКА В ДРАМЕ „ДЖУЛИАНО
БЕРТИНИ ИЛИ ТЕРНОВЫЙ ВЕНОК ГЕНИЯ“**

Я весь в жару, как в первый день признанья.
Души моей натянутые струны
Готовы вдруг одним певучим хором
Ответить небесам мелодиею звуков.
Чело горит, струится в жилах пламень,
Я чувствую приливы вдохновенья
Во имя чистого великого искусства! . .
Искусство!

(Падает на колени.)

Весь я твой — и ты мое, искусство!
Вот здесь, в груди, божественная искра
Горит огнем небесного веленья,
Тревожит, жжет меня, и я, небес избранник,
Весь трепещу под чарой вдохновенья.

(Быстро встает и начинает импровизировать.)

Я расторгнул жизни путы,
Вдохновенный без границ.
В те великие минуты,
Люди, люди-лилипуты,
Преодо мной падите ниц.
На колени! песнопений,
Для грядущих поколений,
Я пролью за звуком звук.
Вы — толпа, я — светлый гений,
Я — рожден для вдохновений,
Вы — для мелких бед и мук.

Для детей погибших мира
Я пою, — смиряет лира
Горе, скорби и печаль.
С именами Гете, Данта
Имя нового гиганта
Люди впишут на скрижаль.
Душно, душно! .. мир мне тесен...
(Срывает с себя галстук и сюртук.)
Муза, муза! лиру мне!
Нужно звуков, рифм мне, песен —
Я горю, я весь в огне...

*(Обессиленный и облитый холодным потом, опускается на ковер
поддерживаемый музой.)*

<1860>

БАЛ

Залит бал волнами света;
Благовонием нагрета,
Зала млеет, как букет.
Упоительно-небрежно,
Зажигательно-мятежно
Ноет скрипка и кларнет.
В вихре звуков, в море жара,
С сладострастием угара
В вальс скользит за парой пара,
Опьянения полна,
В ураган огнепалящий,
Душу пламенем мутящий,
Волканически летящий,
Грудь взрывающий до дна.
Вот она, царица бала:
Раздраженная смычком,
Быстро сбросив покрывало,
В танце бешеном летала,
Припадая ко мне плечом.
Кудри змеями сбегали,
Волновались, трепетали
И, играя предо мной,
По щекам меня хлестали
Ароматною волной.
Мы неслись — мелькали люди,
Ряд колонн и ряд гостей,
Фермуары, плечи, груди,
Лампы, люстры, блеск свечей,

Косы, жемчуг, бриллианты,
Дымки, кружева, атлас,
Банты, франты, аксельбанты
И алмаз горящих глаз.
Мы неслись — кружилась зала,
Я дрожал, как кровный конь,
Весь был жар я, весь огонь,
В жилах лава пробегала,
И корсет ей прожигала
Воспаленная ладонь.

<1860>

ЧУВСТВО ГРЕКА

Мы на ложах сидели пурпурных
В благодатной тени сикоморы;
Ароматы курились в урнах,
И гремели певучие хоры.
И Эллады живые напевы,
Как вино, нашу кровь разжигали,
На коврах ионийские девы
С негой южною нас шекотали.
Целовала меня Навзикая,
На груди волновался гиматий,
И, устами к устам приникая,
Ожидала ответных объятий;
Но ни ласка, ни песня, ни шутка
Мне немылы от девы Эллады:
Мальчик розовый — дивный малютка
Привлекал мои жадные взгляды;
Я внимал, как лились, не смолкая,
Его песни согласные звуки,
И рыдала вдали Навзикая,
Опустив свои смуглые руки.

<1860>

ПРОСЕЛКОМ

Раз проселочной дорогою
Ехал я — передо мной
Брел с котомкою убогою
Мужичок как лунь седой.

На ногах лаптишки смятые,
Весь с заплатками армяк.
Верно, доля небогатая
Тебе выпала, бедняк!

Подпираясь палкой длинною —
Путь-то, верно, был далек, —
Брел он с песней заунывною.
— «Дядя, сядь на облучок!»

Сел старик. Седую бороду
Только гладит. — «Ты куда?»
— «Пробираюсь, барин, к городу,
Ждут оброка господа,

Крепко староста наказывал...
Вот бреду, болит спина...»
И, склонившись, мне рассказывал
Свою повесть старина.

— «Погоди, дед! С тяжелой болию
Ты не ляжешь умирать,
На отчизну божьей волею
Сходит мир и благодать;

После лет долготерпения,
Бесконечного труда,
Под лучами просвещения
Смолкнет лютая нужда.

От его превосходительства
Слышал я — а он мне зять, —
Что теперь само правительство
Будет слабых защищать».

В мужике сердечный пламень я
Этой речью оживил,
И старик честное знаменье
С благочестьем сотворил.

<1860>

ПОДБОЧЕНЯСЬ ХОДИТ МЕСЯЦ...

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой.

К. Случевский.

Подбоченясь ходит месяц
Голубой, лазурной высью,
От востока и на запад
Пробегая плавной рысью.

И, прищуря томно глазки,
Со звездой звезда болтает,
А Меркурию Венера
Подозрительно мигает.

И над миром усыпленным,
Где не спят жуки да блохи,
Рея плавают в тумане
Лишь одни людские вздохи.

<1860>

ПРАЗДНАЯ СУЕТА
СТИХОТВОРЕНИЕ ВЕЛИКОСВЕТСКОГО ПОЭТА
ГРАФА ЧУЖЕЗЕМЦЕВА

(Посвящается автору „*La nuit de St.-Sylvestre*”¹
и „*Истории двух калов*”)

(Перевод с французского)

Был век славный, золотой,
Век журнальной знати,
Все склонялись перед той
Силой нашей рати.

Всё вельможи, важный тон...
Но смешались краски —
И пошли со всех сторон
Мошки свистопляски.

Бородатый демократ
Норовит в Солоны;
Оскорбить, унижить рад
Светские салоны.

Грязь деревни, дымных сел
В повестях выводит,
Обличает кучу зол,
Гласность в моду вводит.

Свел с ума его — Прудон,
Чернышевский с Миллем,
А о нас повсюду он
Пишет грязным стилем.

¹ «Ночь под Новый год». (Франц.) — *Ред.*

А глядишь — о, века срам! —
Прогрессистов каста
Без перчаток по гостям
Ходит очень часто.

А глядишь — Прудона друг,
Сочиняя книжки,
Носит вытертый сюртук,
Грязные манишки.

Нас нигде он не щадит,
Отзываясь грубо,
Даже гения не чтит
Графа Соллогуба.

Им давно похоронен
Автор «Тарантаса»;
И не шлет ему поклон
Молодая раса.

Где же автор «Двух калош»
С грузом старой ноши?
Нет! теперь уж не найдешь
Ни одной калоши!

Что ж? быть может, Соллогуб
Уступил без бою?
Иль, как старый, мощный дуб,
Был спален грозюю?

Нет, он в битвах не бывал,
Не угас в опале;
Но свой гений пробуждал
Вновь в «Пале-рояле».

Что ж? быть может, наблюдал
Там он русских нравы
И себе приготавлиал
Новый путь для славы?

Нет, ему российских муз
Лавры опостыли,

Он в Париже, как француз,
Ставил водевили.

Что ж? быть может, он стяжал
Лавры и на Сене,
И Париж его встречал,
Павши на колени?

Нет, и там он как поэт
Не был запевала,
Хоть порой его куплет
Ригольбош певала...

Вот парадный, пышный зал.
Туш. финал из «Цампы»,
Кверху поднятый бокал,
Спичи, люстры, лампы,

И напудренный конгресс
Старичков зеленых,
И старушек — целый лес,
Пышных, набеленных,

Немец-гость, сказавший речь,
Звуки контрабаса,
И маститый старец Г<реч>,
Автор «Тарангаса»,

Дев прекрасных хоровод
В русских сарафанах,
И гостей безмолвных взвод
Длинный на диванах,

На эстраде, все в цветах,
В виде панорамы,
С поздравленьем на устах
Дамы, дамы, дамы!

Всё вокруг стола. — гостям,
С гордостью сознанья,
За столом внимает сам
Президент собрания.

Тут парижский виц-поэт
С расстановкой, басом
Спел хозяину куплет
Вслед за контрабасом:

«Не умрешь ты никогда, —
Пел он в длинной оде. —
Ты последняя звезда
На туманном своде,

Ты живой уликой стал
Века чахлым детям. . .»
И пошел, и распевал,
Верен мыслям этим.

Пел поэт. Весь замер зал. . .
Стоя за эстрадой,
Я, как все, ему внимал
С тайною отрадой.

О поэт! Ты тот же был
На Неве, на Сене!
И я мысленно твердил:
— Bene! bene! bene! ¹

В наш немой, пустынный век,
Век без идеала,
Ты единственный человек
Старого закала!

1861

¹ Хорошо! хорошо! хорошо! (Лат.) — Ред.

НАД УРНОЙ

Ах, неужель ты кинул свет,
Хозяин мой седой?
Таких людей уж больше нет
Под нашею луной.
Ты состояние с трудом
Всю жизнь свою копил,
У Покрова построил дом,
А в дом жильцов пустил.

С процентом скромным капитал
Пуская частно в рост,
Раз в год ты нищим помогал,
Ел постное весь пост.
Умел узнать ты стороной,
Кто деньги занимал,
И ежедневно на Сенной
Сам мясо покупал.

Хотя ты был не из числа
Чувствительных сердец,
Но от тебя не ведал зла
Домовый твой жилец.
До самой смерти не женат
И чужд семейных уз,
Носил ты ватошный халат
И плисовый картуз.

Ты сам себе приготовлял
Лукулловский обед:
Картофель с свеклою мешал
В роскошный винегрет.
Без темных дум, без тайных мук
Добрел до поздних лет;
Всегда с тобой был твой чубук
И вязаный кисет.

С чухонцем-дворником был строг,
Журил его слегка;
Ходил ты изредка в раек
Смотреть «Жизнь игрока».
Порою, чтоб себя развлечь,
Ты почитать любил:
Тобой прочитан был весь Греч
И Зотов — Рафаил.

Я на потухший твой закат
Без слез смотреть не мог,
Как, сняв свой ватошный халат,
Ты в гроб сосновый лег.
С тех пор, как ты покинул свет,
Я все твержу с тоской:
— Таких людей уж больше нет
Под нашею луной!

<1861>

КУКУ...

(ПОСВЯЩАЕТСЯ „КУКУ“, СТИХОТВОРЦУ
„ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАЦИСОК“)

Избавь нас, боже,
От элегических Куку!..

В лесу, под зеленым навесом,
Кукушка поет на суку;
Она недовольна прогрессом —
Куку!

Все плачет кукушка о мире:
Пора, дескать, в гроб старику...
А кто-то ей вторит на лире —
Куку!

Все вторит, что свет безотраден,
Бесцветен, как глыба песку,
Что много червей в нем и гадин —
Куку!

Над жизнью глухо хохочет,
Вещует всем смерть и тоску,
И в тину запрягаться хочет —
Куку!

Уйду, — говорит, — о народы!
От вас я один за реку
Сбирать насекомых породы —
Куку!

Так долго рыдала о мире
Кукушка в лесу, на суку,
А кто-то ей вторил на лире —
Куку!

Поэты! забудьте ж кручину
И брэнного мира тоску,
Но пойте, зарывшись в тину, —
Куку!

1861

ПРОВИНЦИАЛЬНЫМ ФАМУСОВЫМ

Люди взгляда высшего,
Книг вы захотите ли!
Пусть для класса низшего
Пишут сочинители.
Для чего вам более
Все людское знание?
Не того сословия —
Чтоб читать издания!

Нынче — травля славная,
Завтра — скачка тройками;
То обед, где — главное —
Угостят настойками.
То к родне отправишься,
С дворнею — мучение. . .
Ясно, что умаешься, —
Тут уж не до чтения.

Пусть зубрят приказные
Те статьи ученые,
Где идеи разные
Очень развращенные.
Мы ж, допив шампанское,
Спросим с удивлением:
Дело ли дворянское
Заниматься чтением?

<1861>

**ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА,
КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ НАПЕЧАТАЕТСЯ**

«Неужели так поздно? —
Лениво удаляясь прочь,
У башен спрашивает ночь. —
Который час?»
— «Да уж девятый», —
Звонит ей Спасская в ответ.

Я. Полонский.

Потух последний луч зари,
Туманы сизые упали,
И звезды, будто фонари
В саду у Излера, мерцали.
Роса на листьях, как алмаз,
Слезами крупными дрожала,
А в небесах луна, как таз,
Суконкой вытертый сейчас,
Над темным городом всплывала.
«Куда ж мне деться?» — молвил день,
Спросив у стража Нарвской части;
Но страж молчал. . . лишь, в блеске власти,
Над ним всплывала ночи тень.
«Который час, кума?» —

«Не рано! . . .»

И из жилетного кармана,
Ночь, вынимая свой брегет,
Дню шлет решительный ответ:
«Иди! уж час пошел десятый,
Дремотой сладкой мир объятый
Теперь весь мой. . .»

И мнилось мне:

В тот час по мрачному эфиру,
Надевши темную порфиру,
Ночь, при звездах и при луне,
Гнала день палкой по спине. . .

1861

〈РАЗГОВОР ТРЕХ ТЕНЕЙ〉

На мрачном темном фоне появляются три угрожающие тени...

Затем следует страшная сцена, достойная Шекспира:

Тени сходятся и начинают погребальную пляску,
схватившись руками.

Тень 1-я
Смерть идет,
Гром ревет!
Ночи мгла!
Смерть поет...

Тень 2-я
Кто поет
Вести зла?

Тень 3-я
Черный кот!

Тень 2-я
Гром ревет!
Тучи рвет
Ветра стон...

Тень 3-я
Сгинь и сгинь,
Пропади,
Фельетон!

Все вместе
Пропади, пропади, фельетон!
Танец прекращается.

Тень 1-я
Беда идет, беда!
Летала я...

Тень 2-я
Куда?

Тень 1-я
В журнальный ад,
Где в каждом — грех
Казнит стократ
Мертвящий смех,
Где судят ложь
И злобы смрад,
Где новых лож
Открылся ряд.
От эпиграмм
Пощады нет...

Тень 2-я
О, срам! О, срам!..

Тень 3-я
Позор газет!..

Тень 2-я
Скорей собирайтесь дружно в ряд!
Казнить, казнить мы их должны:
Готовьте зелье им и яд...

Тень 3-я
А как зовут их?

Тень 1-я
Свистуны!

Общий хор

Мякни, кот!
Сова, завой!
Свисток идет:
Готовьтесь в бой.
Мрак, свет гони,
Ломайся, лес!
Прогресс, прогресс
Похорони!

Тени исчезают.

1861

НАШЕСТВИЕ СВИСТОПЛЯСКИ

(ЛЕГЕНДА XIX СТ.)

Что за волнение в рядах журналистики?
Жалкий, испуганный вид!
Жертвенник пуст и журнальные мистики
Бросили скит.

Тунки смятые, лица печальные,
Очи тревогой горят,
Стонут и плачут витии журнальные
Все зауряд.

Хроники в трауре; сонная критика
К нам нагоняет тоску,
Лиры не тронуты, даже, взгляните-ка,
Смолк и «Куку»...

Где же их жажда труда и опасности,
Где их походы за дам,
Даже погас перед статуей гласности
Вдруг фирмиам.

Что ж их тревожит? игра ли фантазии?
Слава ли сводит с ума?
Или холера идет к ним из Азии,
Или чума?

Иль, наконец, им грозит наводнение,
Новый всемирный потоп? . .
Нет! их иное пугает сомнение,
Хмурит их лоб.

Ужас наводит чума азиатская,
Страшен холеры возврат,
Но наказание послано адское
Хуже в стократ.

Враг их явился под гаерской маскою!
Нет от беды оборон. . .
Имя ж ее (хоть зовут свистопляскою)
Есть «Легион!»

Ходит она, словно тень неотвязная,
И, потешая народ,
Ловит все пошлое, все безобразное, —
Ловит и бьет.

Что б ни увидела, что б ни заметила,
Пусть лишь сфальшивит где звук, —
Так эпиграммою прямо и метила,
Дерзкая, вдруг!

Мысль, уж преданьем давно освященную,
Нужно, так, смотришь, казнит,
Даже Буслаева — личность ученую
Не пощадит.

Жрец журналистики пляской скандальнойю
Назвал ту пляску с тех пор,
И похоронную песнь погребальную
Пел хроникер.

Пел он протяжно, — жрецы ж, сняв сандалии,
Древних молили богов,
Чтоб не смущал этот свист вакханалии
Старческих снов.

ДЕТЯМ

Розги необходимы как энергические мотивы жизни.

П. Юркевич.

Розог не бойтесь, дети!
Знайте — ученым игривым
Прутья ужасные эти
Названы жизни мотивом.

Пусть вырастают березы,
Гибкие отпрыски ивы, —
Вы, улыбаясь сквозь слезы,
Молвите — это мотивы!

Если ж случится вам ныне
С плачем снести наказание —
Что ж? и мотивы Россини
Будят порою рыданья.

Дети! отрите же слезы!
Можете строгость снести вы:
Прежде терпели ж вы лозы,
Так и стерпите *мотивы!* . .

1861

ОТКРЫТИЕ

Все люди — скоты.

Бланк.

Не гордись, о смертный,
Быстротой развития:
Господином Бланком
Сделано открытие.

Брось труды науки,
Ей ни в чем не веря:
Мир — *стадообразный*,
Люди — хуже зверя.

Всё встречай на свете
С чувством беззаботным:
Господином Бланком
Ты сравнен с животным.

Лишь один вопрос есть
В следующем роде:
Так к какой же Бланка
Отнести породе?

1861

КУМУШКИ

— Эх! не плачь, кума!
Значит — дело земское! . .
— Знаю и сама,
Да ведь сердце женское.
Врозь с ним — нет житья. . .
— Не вернешь Кондратьева,
Вышла, вишь, статья
Гнать, и гнать, и гнать его.

Знай! везде бедняк
(В умных книгах значит)
До могилы так
Все с бедой маячится.
Мать на свет родит —
Нечем воспитать его,
И судьба спешит
Гнать, и гнать, и гнать его.

Бедняки снесут —
Сладко ли, не сладко ли —
Всё: по шее ль бьют,
Лупят под лопатку ли.
Сирому — сна нет,
Давит зло, как тать, его,
И один ответ —
Гнать, и гнать, и гнать его.

Раз уйдет от зла —
Словно жизнь и ладится,
Глядь — из-за угла
Снова горе крадется.
Так не плачь, кума!
Позабудь Кондратьева:
Нужно из ума
Гнать, и гнать, и гнать его.

1861

1-е ЯНВАРЯ

Нового года лишь вспыхнет денница,
С раннего часа проснется столица.

В праздничный день никого не смутит,
Стонет ли ветер, иль вьюга крутит,

Хлещет ли снегом в лицо непогода —
Всюду на улицах волны народа;

Мчатся кареты то взад, то вперед,
Смело шагает везде пешеход,

Словно с плеча его спала забота,
Словно свершилось великое что-то,

Словно сегодня — не то, что вчера...
Город проснулся и ожил с утра.

Хмурые лица — свежей и пригожей:
Барин в медведях, в тулупе прохожий,

Женщин головки в замерзшем окне...
Только невесело что-то всё мне...

Право, не знаю — от зависти, что ли, —
Только смотреть не могу я без боли

И без досады на праздный народ:
Что же вас тешит? что жизнь вам дает?

Что веселитесь, беснуетесь что вы?
Дай-ка взгляну я на ваши обновы

И, замешавшись в толпе без труда,
Ближе на вас погляжу, господа!

Вот вы скользите по гладкой панели:
Сколько ж обновок на вас, в самом деле!..

Золотом шитый швейцар у дверей,
Яркие канты потертых ливрей,

Кружева модниц, рубины булавок, —
Вот и герои Милютиных лавок,

Баловни счастья и щедрой судьбы...
Как металлически светят их лбы!

В лицах читаешь всю важность их целей:
«Устриц бы свежих, да свежих камелий!..»

Блеском нарядов смущается глаз —
Бархат и соболь и мягкий атлас,

Только ходи да записывай цены...
Моды столичной гуляют манкены,

И умирят капризный мой сплин
Выставка женщин, детей и мужчин.

Долго портные, модистки, торговки
Шили им к празднику эти обновки;

Жаль, что не шьют они новых идей —
Вот бы примерить на этих людей,

В мысли здоровой дать лучшую моду, —
Как бы пристало-то к новому году!

Право, пристало бы... но, говорят:
Нам не к лицу незнакомый наряд!..

Дальше смотрю я... фельдъегерь несется,
В ветхой шинельке чиновник плетется,

Тащит подмышкой старуха салоп,
Ванька, качаясь, заехал в сугроб,

И пред толпой разодетой, богатой
Тянет шарманка мотив «Травиаты»,

Плачет в сказанье каких-то потерь...
Вот и питейного здания дверь.

Дровни подъехали, словно украдкой,
Пар от мороза стоит над лошадкой,

Входит в питейный, с оглядкой, бедняк,
Чтоб, заложив свой последний армяк,

Выпить под праздник, забыться немного:
Завтра опять трудовая дорога,

Серые будни и ночи без сна.
Как не хватить зеленóва вина!..

Тут, одержим публицистики бесом,
Думал смутить бедняка я прогрессом,

Думал блестящий прочесть монолог:
«Пьянство-де страшный, великий порок,

Нового дела приспела минута...»
Но посмотрел — и замолк почему-то,

И, как пристыженный школьник иной,
С новой досадой побрел я домой.

<1862>

ЖАЛОБА УЕЗДНОЙ КРАСАВИЦЫ
ЭЛБИЯ

Что это, тетенька, — просто мучение
Новые книги читать!
Нет никакого почти развлечения:
Так и захочется спать.

Повесть раскроешь — герои всё штатские;
Нет интересных двух лиц,
Всё разговоры такие дурацкие —
Скука одна для девиц.

А уже критики — вот наказание!
Словно туман в голове;
Нет и примет благородного звания,
Тон — настоящий *мове*...

Очень ведь нужно порядочной женщине
Знать, как живут мужики.
Слышите: чувство нашли в деревенщине,
Сердце нашли... Пустяки!..

Бьют их! Так что же? за дело и следует,
Так говорит сам *naná*.
Что ж сочинитель-то тут проповедует —
Я и сама не глупа.

Нет, погадаю уж лучше о суженом...
Просто заснешь у носка!..
Хоть бы лесничий пришел перед ужином!
Господи! что за тоска!..

<1862>

ОТЦЫ ИЛИ ДЕТИ?

ПАРАЛЛЕЛЬ

Уж много лет без утомленья
Ведут войну два поколенья,
 Кровавую войну;
И в наши дни в любой газете
Вступают в бой «Отцы» и «Дети»,
Разят друг друга те и эти,
 Как прежде, в старину.

Мы проводили как умели
Двух поколений параллели
 Сквозь мглу и сквозь туман.
Но разлетелся пар тумана:
Лишь от Тургенева Ивана
Дождáлись нового романа —
 Наш спор решил роман.

И мы воскликнули в задоре:
«Кто устоит в неравном споре?»
 Которое ж из двух?
Кто победил? кто лучших правил?
Кто уважать себя заставил:
Базаров ли, Кирсанов Павел,
 Ласкающий наш слух?

В его лицо взгляните строже:
Какая нежность, тонкость кожи!
 Как снег, бела рука.

В речах, в приемах — такт и мера,
Величье лондонского «сэра», —
Ведь без духов, без несессера
И жизнь ему тяжка.

А что за нравственность! О боги!
Он перед Феничкой, в тревоге,
Как гимназист, дрожит;
За мужика вступаясь в споре,
Он иногда, при всей конторе,
Рисуясь с братом в разговоре,
«Du calme, du calme!»¹ — твердит.

Свое воспитывая тело,
Он дело делает без дела,
Пленяя старых дам;
Садится в ванну, спать ложаясь,
Питает ужас к новой расе,
Как лев на Брюлевской террасе
Гуляя по утрам.

Вот старой прессы представитель.
Вы с ним Базарова сравните ль?
Едва ли, господа!
Героя видно по приметам,
А в нигилисте мрачном этом,
С его лекарствами, с ланцетом,
Геройства нет следа.

Он в красоте лишь видит формы,
Готов уснуть при звуках «Нормы»,
Он отрицает и . . .
Он ест и пьет, как все мы тоже,
С Петром беседует в прихожей,
И даже с горничной, о боже!
Играть готов идти.

Как циник самый образцовый,
Он стан madame де-Одинцовой
К своей груди прижал,

¹ Спокойствие, спокойствие. (Франц.) — *Ред.*

И даже — дерзость ведь какая, —
Гостеприимства прав не зная,
Однажды Феню, обнимая,
В саду поцеловал.

Кто ж нам милей: старик Кирсанов,
Любитель фесок и кальянов,
Российский Тогенбург?
Иль он, друг черни и базаров,
Переродившийся Инсаров —
Лягушек режущий Базаров,
Неряха и хирург?

Ответ готов: ведь мы недаром
Имеем слабость к русским барам —
Несите ж им венцы!
И мы, решая всё на свете,
Вопросы разрешили эти. . .
Кто нам милей — отцы иль дети?
Отцы! отцы! отцы!

1862

ПРОСЬБА

Я, жены севера, ныне с участием
К вам обращаюсь с благими советами,
Ваше развитие считая несчастьем,
Вашу ученость — дурными приметам.

Пусть перед мудростью женскою муж яной
Рад предаваться в душе умилению, —
Встретясь с Авдотьей Никитишной Кукшиной.
К новому я прихожу убеждению.

Женщины севера, в помыслах строгие,
Анны, Варвары, Лукерьи и Софии!
Бойтесь вы физики, эмбриологии,
И математики, и философии.

Бойтесь, как язвы, *якшаться* с студентами,
В Думе на лекциях, в аудитории;
Но развлекайтесь нарядами, лентами,
Вместо всеобщей и русской истории.

Лучше держитесь порядка вы старого!
Скучно ведь думать и чувствовать заново.
Замуж идите — но не за Базарова,
А уж скорее за Павла Кирсанова.

Знайτε, о женщины: эмансипация
Лишь унижает сословье дворянское;
Вдруг в вас исчезнет опрятность и грация.
Будете пить вы коньяк и шампанское.

Сбросив наряды душистые, бальные,
Станете ногти носить безобразные,
Юбки, манишки, белье некрахмальное
И разговаривать точно приказные.

Нет, позабудьте все преня бесплодные,
Будьте довольны, как прежде, рутинною;
Вечно нарядные, вечно свободные,
Бойтесь встретиться с мыслью единою.

Чем утомляться в ученых вам прениях,
Лучше хозяйкою быть полнокровною,
«Дамой, приятной во всех отношениях»
Или Коробочкой, Дарьей Петровною.

1862

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИГОВОР
(ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА)

Посреди огромной залы,
Где скользит вечерний свет,
Грамотеи-радикалы
Собралися на совет.
Бродит мысль по лицам важным,
Хмуры брови, строгий вид, —
И лежал пред мужем каждым
Букв российских алфавит.
Час настал, звонок раздался,
И суровый, как закон,
Перед обществом поднялся
Председатель Паульсон.
Двери настежь, и квартальный
Вводит связанную рать —
Букв российских ряд печальный
Счетом ровно тридцать пять.
Для позора, для допросов
Привели на стыд и срам
Буквы те, что Ломоносов
Завещал когда-то нам.
Не скрывайте ж тайных мук вы,
Не сжимайте бледных губ;
Не одной прекрасной буквы
Мы увидим хладный труп.
Первый враг ваш есть Кадинский.
Он, о ужас! (*смех и крик*)
Думал шрифт ввести латинский
В благородный наш язык;

И, отвергнутый советом,
Чуть не пролил горьких слез...
Но постойте: в зале этом
Начинается допрос.
— «Буква *Ять!*»

И мерным шагом,
Глаз не смея вверх поднять,
Перед всем ареопагом
Появилась буква *ять*.
Как преступница, поникла
И, предвидя свой позор,
От новейшего Перикла
Слышит смертный приговор:
«Буква жалкая! Бродягой
Ты явилась в наш язык,
Сам подьячий за бумагой
Проклинать тебя привык,
За тебя лишь называли
Нас безграмотными всех;
Там, где люди *ять* писали,
Е поставить было грех.
Даже избранную братью
Педагогов (*крики: вон!*)
Допекали буквой *ятью*
С незапамятных времен.
Так в тебе гермафродита
Мы признали, — и теперь
Выдти вон из алфавита
Приглашаем в эту дверь!»
Ниц склоняясь, как хилый колос,
Ять уходит.

— «На места!»
Раздается новый голос:
«Шаг вперед, мадам *Фита!*
Так как с русским человеком
Кровной связи нет у вас,
То ступайте к вашим грекам...»
Но *Фита* вдруг уперлась:
«Мир ко мне неблагодарен!»
Дама рвется, вся в поту:
«Даже сам Фаддей Булгарин
Век писался чрез *фиту*.

Вашу верную служанку
Не гоните ж. . .» (*резкий звон*).
И несчастную гречанку
На руках выносят вон.
Та же участь ожидала
Букву Э и Ер и Ерь:
Стража вывела из зала
Их в распахнутую дверь.
Потеряв красу и силу,
Всем им в гроб пришлось лечь,
И теперь на их могилу
Ходит тайно плакать Греч.

1862

ПОСЛЕДНИЕ СЛАВЯНОФЛЫ
(ЕЩЕ СВЕЖЕЕ ПРЕДАНИЕ)

Когда в челе своих дружин,
Победу празднуя заране,
Стоял Аксаков Константин, —
Мужали духом все славяне.

«Маяк», дремавший столько лет,
Вновь проявил свой голос смелый,
И «Москвитянина» скелет
Забыл в гробнице саван белый.

Пронесся клик: «О смелый вождь,
Пробей к народности ты трóпу,
Лишь прикажи: каменьев дождь
Задавит дряхлую Европу;

Иди, оставь свой дом и одр, —
Кричат славянские витии, —
И все, что внес в Россию Петр,
Гони обратно из России.

Верь прозорливости друзей:
Назад, назад идти нам надо!
Для этих западных идей
Безумны милость и пощада».

И вождь им радостно внимал,
Бичуя Запада пороки.

«Мы постоим, — он восклицал, —
За честь «народной подоплеки!»

В негодовании в те дни
Славяне фраки с плеч срывали
И за Москвою жгли огни,
И на кострах их сожигали;

Славяне в мурмолах, в бобрах
Сидели, с злобою циклопа,
И ждали — скоро ли во прах
Падет разбитая Европа.

Но время шло. Редел их круг,
Не улыбалась им победа;
Среди усилий и потуг
Угасла «Русская беседа»;

Перун угрюмый, чтимый встарь,
Упал, крапивой зарастая,
И только «Светоча» фонарь
Чадил, кого-то примиряя.

Во тьме гробов своих немых
Лег за боярином боярин,
Осталось двое только их:
Иван Аксаков и Самарин.

Разбит славянский их кумир,
Едва мерцает «День» в тумане,
И одиноко в новый мир
Глядят последние славяне.

Они глядят — и взор их ждет:
Вот богатырь Илья очнется,
Перун поднимется, — вот-вот
Вся Русь старинная проснется.

Ответа нет. Тот век почил;
И вот, собрав остаток силы,
У позабытых двух могил
Сошлись на пир славянофилы.

Сошлись и молвили они:
«Вот здесь, средь дедовских угодий,
Нам близки только в эти дни —
Один Кирилл... один Мефодий».

Пируют... речи их мертвы,
Бессильны гневные угрозы;
На дно широкой енды
Они роняют только слезы.

И вдаль, угрюмо, сквозь туман
Глядят последние славяне, —
А им Погодин, как баян,
Читает спичи на кургане.

1862

СКАЗКА О ВОСТОЧНЫХ ПОСЛАХ

Шлет нам гостинцы Восток
Вместе с посольством особым.
«Ну-ка, веди, мужичок,
Их по родимым трущобам».
Ходят. Всѣ степи да лес,
Все, как дремотой, одето...
«Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это!..»

В села заходят. Вросли
В землю, согнувшись, избенки;
Чахлое стадо пасли
Дети в одной рубашонке;
Крытый соломой навес...
Голос рыдающий где-то...
«Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это!..»

Город пред ними. В умах
Мысль, как и в селах, дремала,
Шепчут о чем-то впотьмах
Два-три усталых журнала.
Ласки продажных метресс...
Грозные цифры бюджета...
«Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это!..»

Труд от зари до зари,
Бедность — что дальше, то хуже...

Голод, лохмотья — внутри,
Блеск и довольство — снаружи. . .
Шалости старых повес,
Тающих в креслах балета. . .
«Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это! . . .»

— «Где ж мы, скажи нам, вожак?
Эти зеленые зимы,
Голые степи и мрак. . .
Полно, туда ли зашли мы?
Ты нам скажи наотрез,
Ждем мы прямого ответа:
Это ли русский прогресс?»
— «Это, родимые, это! . . .»

1862

ДВА ВЕКА

(ИЗ ХРОНИК БУДУЩЕГО СТОЛЕТИЯ)

I

«Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой».
На берегу Невы широкой,
Меж двух высоких пристаней,
Где волны прядали сердито
У ног недвижимого гранита, —
Акционер один стоял
И вдаль глядел. Пред ним, как львица,
Река неслася. Город спал.
Безмолвна шумная столица.
Вдоль берегов суда стоят,
Не мчатся лодки, гички, яхты,
Пустынны площади, — и спят
Дома, казармы, гауптвахты,
Трактиры, будки, кабаки,
Аптеки, лавки, рестораны,
И утра раннего туманы,
Прозрачны, влажны и легки,
Бегут над городом. Венера
На светлом небе чуть видна...
И в этот час не знал лишь сна
Пытливый ум акционера
Водопроводов. Думал он,
Любуясь площадью свободной:
— Большой бассейн водопроводный
Здесь будет нами заложен;
Проект огромный, строгий, важный

Палибин в «общество» внесет,
И бельведер семиэтажный
На диво внукам возведет...
Мы перероем город в ямы
И запрудим горою труб...
Откупщики, банкиры, дамы
В водопроводный вступят клуб.
Весь Петербург придет в движенье,
Гражданский подвиг наш хваля,
И в члены нашего правленья
Введут героя Шамиля.
Потом в него войдут попарно
Иные члены: Пель, Ильин,
Друзья Палибина, Веймарна —
За гражданином гражданин.
Посредством ловкости и силы,
Которых тратить нам не жаль,
Мы водяные пустим жилы
Во все концы чрез *магистраль*,¹
И жилы те в две-три недели
Столицу всюду обовьют:
Так точно нервы в нашем теле,
Виясь и путаясь, бегут.
И скоро чудную картину
Увидят жители, когда
Чрез водоемную машину
Взбежит прозрачная вода
И потечет подземным ходом,
Заглянет в каждый бедный дом,
Везде усталым пешеходам
Открытый будет водоем.
И пронесется не однажды
Отрадный крик по Руси всей:
«Так свой народ спасал от жажды
В степи когда-то Моисей».
И наше «общество» до века
Прославит нищий и калека,
Толпа сирот, больных, вдовиц,
И даже в хронике Громека
Нам посвятит пять-шесть страниц.

¹ Название самой большой и главной трубы.

Прошло сто лет.

Иное племя

В столице севера живет,
 «Пчелу» и «Почту», «Наше время»
 Забыл бесчувственный народ.
 Не пел Зарин о ласках «милой»,
 Сразил Чичерина недуг,
 И над Скарятна могилой
 Ходил поплакать добрый внук;
 Громеки старые сказанья
 Уже не помнила молва,
 И только «Свежего преданья»
 Явилась новая глава.
 Как прежде, был прогресс наш ломок,
 Безмолвна гласность, жизнь скупа,
 И лишь Краевского потомок
 Хвалил в газете откупа;
 Как прежде, люди брали взятки,
 Вели гуманный разговор,
 Жил в отдаленной нашей Вятке
 Такой, как прежде, прокурор.
 Как прежде, в азбуке жив *ерик*,
Фита и *ижсица* жива;
 Как прежде, в свой гранитный берег
 Волнами прядает Нева,
 А близ Невы стоят руины
 Какой-то башни. Старики
 Смотреть не могут без кручины
 На это зданье. Две доски
 Прибиты наглухо у входа,
 Стена надтреснула едва,
 И заросла кругом трава
 Подъезд и дверь водопровода.
 Обломки труб со всех сторон...
 Один край башни был отшибен,
 На нем начертан ряд имен:
 Пель, Окель, Веймарн и Палибин,
 Ильин, Овсянников и Крон...
 Прошло сто лет. Стоят обломки,
 Гниют в канавах труб ряды,

И всё, как прежде, ждут потомки
Водопроводов и воды;
Как прежде, в городе, на даче,
В июльский день, зимой в мороз,
На изнуренной, чахлой кляче
Развозит воду водовоз.

1862

ОПЫТ ВСЕМИРНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

АФИНЫ

8-го ноября (27 октября) 1863 г.

(От моего шестого собственного корреспондента.)

Из Афин вам прямо сообщаю вести:
Тотчас как в Афинах стихли беспорядки,
Жить здесь стало скучно, точно в Бухаресте,
Иль, пожалуй, в нашей отдаленной Вятке.
Здесь скучают греки. Ведь во время оно
Все они Оттоном очень восторгались,
Им едва ль заменит короля Оттона
Президент афинский господин Булгарис.
Их тоска понятна... Что ж это такое?
Без начальства людям жить на свете скверно.
Знайте: если б в мире жить остались двое,
То из них начальник был один уж верно.
И решили греки: «Нам Оттон, положим,
Досаждал порядком, сделал много злого,
Но, изгнав баварцев, посадить мы можем
На престол афинский короля другого,
Был бы лишь охотник...»

Но за этим дело

Вовсе не стояло, как увидим ниже.
Всюду кандидатов примеряют смело
На престол порожний, в Лондоне, в Париже,
В Вене и в Италии — счетом ровно десять;
Каждый — с правом власти, силы и рожденья...

Грекам оставалось лишь поклон отвесить
И придти в большое очень затрудненье: -
Как бы ухитриться, чтоб одним престолом
Можно было править многим кандидатам.
Братья! вдохновитесь этим фактом голым:
Мы придем наверно к выводам богатым.

ТУРИН

2 ноября (21 октября).

(От моего собственного корреспондента.)

Грустным известьем хочу опечалить своих земляков я.
Нынче у берега По разыгралась кровавая свалка
Славных австрийских солдат с солдатами войск

италийских.

Носятся слухи: австрийцы с уроном назад отступили,
Только, пожалуйста, этому слуху совсем вы не верьте.
Может ли воин австрийский терпеть неудачу

в сраженье,

Если стоит он за правое дело? Старую истину
Вспомните только при этом: победа всегда там,

где правда.

МЮНХЕН

1 ноября (20 октября).

(От моего 10-го собственного корреспондента.)

Сегодня поутру был праздничный звон,
Весь Мюнхен кричал, суетился:
Со своею супругой приехал Оттон, —
Народ не шутя прослезился.
И также, могу я прибавить к тому ж
(Что это: болезнь ли, принцип ли?),
Здесь все горожане схватили коклюш,
От криков восторга охрипли.
Баварское пиво лилось не в пример
В желудки, как нектар прекрасный,
И немцами проклят был самый Гомер
За то, что был греком, несчастный!..

ЮМОРИСТАМ

Юмористы! смейтесь все вы,
Только пусть ваш стих,
Как улыбка юной девы,
Будет чист и тих.
Будьте скромны, как овечка,
Смейтесь без тревог,
Но от желчного словечка
Сохрани вас бог!..

Без насмешки, без иголок,
Весело для всех,
Смейтесь так, чтоб не был колок
Безобидный смех;
Чтоб ребенок в колыбели
Улыбнуться мог...
От иной гражданской цели
Сохрани вас бог!..

Смейтесь... ну хоть над природой —
Ей ведь нет вреда,
Над визитами, на модой
Смейтесь, господа;
Над ездой в телеге тряской
Средь больших дорог...
От знакомства с свистопляской
Сохрани вас бог!..

Пойте песнь о стройном фронте,
О ханже, хлыще,
Только личностей не троньте,
Смейтесь — *вообще*...
И от кар, от обличений
Вдоль и поперек,
От новейших всех учений —
Сохрани вас бог! . .

1862—1863

**ВИЛЬЯМУ ШЕКСПИРУ
ОТ МИХАИЛА БУРБОНОВА**

Любезный друг Шекспир, талантлив ты, — не спорим,
Тебе соперников не часто я встречал,
Но все же, признаюсь, с большим смотрю я горем,
Какую ложную дорогу ты избрал.

Ты слишком горд, Шекспир, друзей забыл советы:
Тебе б все древний мир, старинных хроник тьма,
Где лишь какие-то Отелло да Макбеты,
Иль датский принц, прыгнувший вдруг с ума.

Дай лучше драму нам, без всяких дальних споров,
Военный быт рисуй, жизнь лагеря раскрой,
Где б на коне скакал великий наш Суворов
И манием руки за строем двигал строй.

Ты вместо Дездемон, Корделий и Офелий,
Без деклараторских ходулей и прикрас,
На сцену выведи Ефремовских камелий —
Тогда, тогда, Шекспир, почтут тебя у нас.

<1863>

ДУЭТ

М и х а и л Р о з е н г е й м

Если дурен народ, если падает край,
Зло проникло в него глубоко,
Легкомысленно в том не тотчас обвиняй
Учрежденья, законы его.
Осторожно взглядишь, обсуди и тогда
К убежденью, быть может, придешь,
Что в народе самом затаилась беда,
Что закон сам собою хорош.¹

М и х а и л Б у р б о н о в

Если выйлет мужик из дверей кабака
И его расшатает травник,
Ты скажи, указав на него, мужика:
«Утопает в разврате мужик».
И тогда откупам сладко гимны запой:
«Журналистика наша слепа:
Ведь в народе самом затаился запой,
Не виновны ни в чем откупа».

М и х а и л Р о з е н г е й м

Если зол ты на свет, точно правду любя,
То не тронь в нем порядка вещей,
Н_о исправь-ка сперва, мой почтенный, себя,
Отучи от неправды людей.¹

¹ Стих<отворения> М. Розенгейма. 1858 г. СПб.

Михаил Бурбонов

Если ты по призванию совсем не поэт,
Но его только носишь ты сан,
Не сердись на людей, что твой каждый куплет
Им ужасней, чем сам кукельван.

Михаил Розенгейм

Если жидкость дурна, если скислось вино,
То куда ты его ни налей,
Только каждый сосуд замарают оно,
Но не будет, не станет светлей.¹

Михаил Бурбонов

Если ты благороден, как истинный росс, —
Полицейских ни в чем не кори,
Но по улицам невским не жги папирос
И сигар никогда не кури.

Михаил Розенгейм

Если сплав нехорош, если дурен металл,
То какой ни придай ему вид,
В каждой форме, куда б отлить ты ни стал,
Он пороки свои сохранит.¹

Михаил Бурбонов

Если будешь журнал издавать на Руси,
Хоть у нас их порядочный рой, —
По кварталам билеты везде разноси
И при будках подписку открой.

Михаил Розенгейм

Ведь не случай один правит миром, о нет!
И застою не может в нем быть,
И дух века подаст в свое время совет,
Как и что в нем должно изменить.¹

¹ Стих<отворения> М. Розенгейма. 1858 г. СПб.

М и х а и л Б у р б о н о в

Если в жизни застой обличитель найдет, -
Ты на месте минуты не стой,
Но пройди по комнате взад и вперед
И спроси его: где же застой?

<1863>

СОВЕТ

В собственном сердце и уме
человека должна быть внутрен-
няя полиция...

Н. Павлов.

От увлечений, ошибок горячего века
Только «полиция в сердце» спасет человека;

Только тогда уцелеет его идеал,
Если в душе он откроет бессменный квартал.

Мысль, например, расшалится в тебе не на шутку —
Тотчас ее посади ты в моральную будку;

В голову ль вдруг западет неприличная блажь —
Пусть усмирит ее сердца недремлющий страж;

Кровь закипит, забуянит в тебе через меру —
С ней не стесняясь, прими полицейскую меру,

Стань обличителем собственной злобы и лжи
И на веревочке ум свой строптивый держи.

Знайτε ж, российские люди, и старцы и дети:
Только «с полицией в сердце» есть счастье на свете.

<1863>

ФАНТЫ
СОВРЕМЕННАЯ ЭЛЕГИЯ

*(Посвящается детям, начинающим учиться
русской азбуке)*

Бросив газет беспорядки
И отрицания сети,
Будем играть хоть в загадки,
Милые дети!

Будем, вверяясь року,
Чужды задорного спора,
Все понимать по намеку
Быстро и скоро.

Дети! в вас эти таланты
Крепки с самой колыбели...
Ну, так сыграемте в фанты
Мы, в самом деле!

Классную доску я вытер.
Слушать! займемся мы делом:
Азбуки тридцать шесть литер
Вывел я мелом.

Аз — первый фант, нас зовущий!
Кто же враг западных фраков,
Западной прессы гниющей?
Кто же? — А...¹

¹ Вот разгадки всех загадок по порядку: Аксаков, Аскоченский, Буслаев, Безрылов, Водовозов, Громека, Глинка, Дьяченко, Дружинин, Катков, Касьянов, Краевский, Кори, Молинару, Погодин, Скарятин, Щербина, Юркевич. — *Ред.*

Кто о погибели края
С эманципацией женской
Воет, нам ад предрекая,
Кто? — А...

Новая литера: *Буки!*
Кто, русский эпос прославив,
Сделался дивом науки?
Кто же? .. — Б...

Кто в фельетонах (чуждаясь
Всяческих *истов* и *илов*)
В прессу явился, ругаясь?
Кто же? .. — Б...

Литера *Веди!* В народе
Кто для журнальных курьезов
Гейне терзал в переводе?
Кто? — В...

Вот подошли и к *Глаголю*.
Кто же над «бомбами» века
В жизни наплакался вволю?
Кто же? — Г...

В чьих песнопеньях, о дети!
Каждая строчка — слезинка?
Кто всех скучнее на свете?
Кто ж это? — Г...

Вот и *Добро* вам на смену.
Кто (и его ждет оценка)
Вывел животных на сцену?
Кто же? — Д...

Кто для российского мира
Вечно был скучен и длинен?
Кто обрусил нам Шекспира?
Кто же? — Д...

Кто.
Пишет «заметки» сурово?
Дети все плачут, услыша
Имя? .. — К...

Кто земляков из Парижа
И из его ресторанов
Гонит? . . . Малютка, пойми же —
Кто он? — К. . .

Кто постоянно рифмуем
С рифмой избитою: «невский»?
Кто свистунами волнуем?
Кто он? — К. . .

Кто одиноко и сиро,
В битвах ослабнувший вскоре,
Бросил свой жезл триумвира?
Кто ж это? — К. . .

Вот и *Мыслете*. О, кто ты,
Славивший в лютом угаре
Разные тяжкие льготы?
Кто? — М. . .

Кто под охраной *Покоя*
Стал для науки негоден?
Дети! шепну на ушко я —
Это. . . П. . .

Литера *Слово*. Загадки
Смысл, вероятно, понятен:
Ржет в постоянном припадке
Только. . . С. . .

Кто он, сорвавший гиматий
С музы афинской в час сплина,
Пост завещавший для братий?
Кто он? — Щ. . .

Кто он, воспевший нам лозы,
В деле наук — Собакевич,
Бюхнеру славший угрозы?
Кто он? — Ю. . .

Здесь остановимся, дети!
Что ж, непонятно вам? или
Новые ребусы эти
Вы разрешили?

1863

**ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
С ГРАЖДАНСКИМ ОТЛИВКОМ
(ПОСВЯЩАЕТСЯ А. ФЕТУ)**

I

— Сядем здесь, под этим кленом! —
Говорит моя подруга. —
Посмотри: над небосклоном
Брызжет светом солнце юга...
Позабыть пора давно нам,
Что груба теперь прислуга.

Посмотри, как эта нива,
Точно море, колыхает;
Как, к реке склонясь лениво,
Зеленеющая ива
В струйках ветви обмывает, —
И забудь, что так лениво
Дворня шапки нам снимает.

Посмотри, как вся поляна
Задымилася от жара,
А за лесом даль румяна,
Точно в зареве пожара...
Так оставь бранить Ивана,
Что не чистил самовара.

— Нет, ни волны аромата,
Ни сияние денницы,

Мной воспетые когда-то,
Не разбудят струн цевницы,
Оттого, что гусенята
Съели пук моей пшеницы.

II

Когда наплыв противных мне идей
К нам ворвался, — смирить не в силах стона,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда меня журнальный асмодей
Преследовал как лирика салона,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда табун соседних лошадей
Топтал мой хлеб, — увидя то с балкона,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда один из нынешних судей
Оправдывал работника Семена,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда в мой сад явился гусь-злодей
Для похоти гусяного мамона,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

И вот теперь, бродя между людей,
Я не пою, как пел во время оно, —
Но плачу все, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

III

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян.

От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень,
И работника Семена
Плутовство и лень.
На полях чужие гуси,
Дерзость гусенят, —
Посрамленье, гибель Руси,
И разврат, разврат! . .

IV

Солнце спряталось в тумане.
Там, в тиши долин,
Сладко спят мои крестьяне —
Я не сплю один.
Летний вечер догорает,
В избах огоньки,
Майский воздух холодает —
Спите, мужички!

Этой ночью благовонной,
Не смыкая глаз,
Я придумал штраф законный
Наложить на вас.
Если вдруг чужое стадо
Забредет ко мне,
Штраф платить вам будет надо. . .
Спите в тишине!

Если в поле встречу гуся,
То (и буду прав)
Я к закону обращуся
И возьму с вас штраф;
Буду с каждой я коровы
Брать четвертаки,
Чтоб стеречь свое добро вы
Стали, мужички. . .

**ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
БЕЗ ГРАЖДАНСКОГО ОТЛИВА**

I

Ты предо мною сидишь;
Весь я горю от любви:
Ум я теряю всегда,
Если сидим vis-à-vis.

Сядь же напротив меня
Или к себе подзови:
Будем мы молча сидеть
Целую ночь vis-à-vis.

II

Что это: ночь или день?
Дай мне, мой ангел, ответ!
Свет, прогоняющий тень,
Тень, застилавшая свет.
Тучки нигде ни следа,
Ярко зарделся восток. . .
Шепчешь ты мне — *среда*,
Я ж говорю — *четверток*.

III

Тихая звездная ночь.
Друг мой, чего я хочу?
Сладки в сметане грибы
В тихую звездную *ночь*.

Друг мой, тебя я люблю,
Чем же мне горю помочь?
Будем играть в дурачки
В тихую звездную ночь.

Друг мой! Умен я всегда,
Днем я — от смысла не прочь.
Лезет в меня ерунда
В теплую звездную ночь.

1863

Гоняйся за словом тут каждым!
Мне слово, ей-богу, постыло!..
О, если б мычаньем протяжным
Сказаться душе можно было!

1863

Чудная картина!
Грезы всюду льнут:
Грезит кустик тмина,
Грезит сонный пруд,
Грезит георгина,
Даже, как поэт,
Грезит у камина
Афанасий Фет.
Грезит он, что в руки
Звук поймал, — и вот
Он верхом на звуке
В воздухе плывет,
Птицы ж щебетали:
— Спой-ка нам куплет
О «звенящей дали»,
Афанасий Фет.

1863

Пусть травы на воде русалки колыхают,
Пускай живая трель ярка у соловья,
Но звуки тишины ночной не прерывают...
Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я.
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой,
Порой тяжелый карп плеснет у тростников;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Уснули рыбаки у сонных огоньков.
Скользит и свой двойник на влаге созерцает,
Как лебедь молодой, луна среди небес.
Русалка белая небрежно выплывает;
Уснуло озеро; безмолвен черный лес.

1863

**ОПЫТЫ ПЕРЕВОДОВ ГЕЙНЕ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК**
(ПОДРАЖАНИЕ РУССКИМ ПЕРЕВОДЧИКАМ
НЕМЕЦКОГО ПОЭТА)

(Посвящ<ается> М. Бурбонову)

I

В МОГИЛЕ

Ночь над мертвым тяготела;
Вкруг могилы тишина. . .
Мозг застыл, замерзло тело. . .
Я лежал в оковах сна.

Я лежал в сырой могиле
И проснулся: слышу — стук;
Голоса ли там, шаги ли —
Я не понял — странный звук.

«Гейне, Гейне! Где ты, где ты?» —
Слышу голос в высоте,
То российские поэты
Подошли к моей плите.

«Гейне, встань! Твои мотивы
Перевел я, — сбрось свой сон!
Песни Гейне будут живы!» —
Шепчет Майков Аполлон.

— Не могу из темных сводов
Я подняться, Майков, вновь:

От российских переводов
В жилах снова мерзнет кровь.

— «Гейне, встань! Мы, для примера,
Познакомим русский свет
С «Intermezzo», с «Romanzero»! . . .» —
Шепчут Миллер, Берг и Фет.

— Не тревожьте Гейне кости.
Если кончится ваш труд,
Я — умру тогда от злости,
Люди — со смеху умрут.

— «Гейне! Прачек, водовозов
Познакомлю я с тобой,
Только встань! . . .» И Водовозов
На могилу пал с мольбой.

И, склонившись у гробницы,
Вынув толстую тетрадь,
Из «Германии» страницы
В переводе стал читать.

Этой рубленою прозой
Я был так в гробу смущен,
Что под новой тяжкой грезой
Снова впал в могильный сон.

II

Была весна. Из сада несся гул,
Пел соловей, пел сладострастно так. . .
Прошли мы весь любовный артикул,
Ты обняла, а я свечу задул —
И. . . мрак.

Осенний день и ветра резкий звук,
С деревьев листья падают кругом. . .
Ты реверанс мне сделала, мой друг,
Я ж повернул налево круг-
Гом.

Мне попалась в январе ты --
Эта памятна зима, --
Ты взглянула из кареты
И — свела меня с ума.

Что ж! Едва беды не вышло...
Но тебя ль винить я мог,
Что твоей кареты дышло
Мне заехало в висок?

Ясный взор твой — дышло тоже,
Я сражен им на убой, —
Так висок ли мне дороже
Сердца, взятого тобой?

<1864>

УЕЗДНЫЙ ГОРОДОК

I

В НАТУРЕ

I

В нашем городе жизнь улыбается
Прощельгам одним да ворам;
Что ни шаг — то душа возмущается,
Как пойдешь по уездным дворам.

II

Залита грязью площадь базарная,
И разбитый гниет тротуар;
Здесь нередко команда пожарная
Прикатит без воды на пожар.

III

Все начальство пропахло здесь взятками,
Всем берут — что кладут на весы:
Ситцем, сахаром, чаем, лошадаками
И, пожалуй, куском колбасы.

IV

Здесь обычай такой городничего:
Если в лавку поедет жена —

Говорит: «Ты, смотри, не купи чего ---
Лавка даром давать мне должна».

v

Наш исправник старинного норова,
Пьет за двух он тринадцатый год,
А уж грабит --- так грабит он здорово
Да и ухом себе не ведет.

vi

Не боясь обличенья столичного,
Лихоимством живет наш судья;
По словам стихотворца отличного:
«При колоде пустынь он бадья».

vii

Сплетни, карты, баталии с женами,
Вот и все, что встречаешь у нас;
С крючкотворами теми прожженными
Не зевай, попадешься как раз.

viii

В нашем городе жизнь улыбается
Прощелыгам одним да ворам;
Что ни шаг — то душа возмущается,
Как пойдешь по уездным дворам.

2

В ГАЗЕТЕ

1

В нашем городе жизнь улыбается
Всем, кто в городе только живет,
И невольно слеза проливается,
Если ступишь ногой из ворот.

II

Мостовой крыта площадь базарная,
Тротуар, как картинка, на вид,
Аккуратна команда пожарная,
В фонарях керосин здесь горит.

III

Здесь начальство гнушается взятками,
И привычки такие давно
Называют привычками гадкими:
«Брать-де стыдно теперь и грешно».

IV

Городничий у нас... городничего
Мы такого не сыщем нигде
(Не всегда лишь умеют постичь его) —
Он любому поможет в беде.

V

Наш исправник без всякого норова,
Ведь хмельного и в рот не берет,
А поймает он вора которого —
То его со слезами дерет.

VI

Наш судья же не тронет и волоса,
Если видит, что прав человек,
И в статейках издания «Голоса»
Одобряет он нынешний век.

VII

Сплетни, пьянство, с семейством баталии —
Их не знает у нас гражданин;
Здесь у женщин высокие талии
И высокая честь у мужчин.

В нашем городе жизнь улыбается
Всем, кто в городе только живет.
И невольно слеза проливается,
Если ступишь ногой из ворот.

<1864>

Я, обожая панну Лизу,
Меж двух огней попал, как в ад:
Любовь — влечет меня на мызу,
Долг службы — тянет на парад.

О панна! вы меня зовете,
Я — подлетел бы к вам к крыльцу,
Но — служба ждет... (Фельдфебель, ротэ
Вели сбираться на плацу.)

Любовью вся душа объята,
В груди, как в бане, горячо.
(Команды слушайся, ребята!
Равняйся! смирно! на пле-чо!)

Дождусь ли с панной встречи новой!
Как сабля, блещет панны взгляд! . .
(Штык на себя, эй ты, фланговый!
Зарубкин! подтяни приклад!) ●

Она теперь, наверно, дома
И приготовила мне грог. . .
(Учебным шагом в три приема!
Носок вытягивать, носок!)

От нежных ласк ее тупею,
Готов ягненком кротким лечь! . .
(Пучков! Не чистил портупею!
За это буду больно сечь!)

Любовь и — подчиненье старшим! ..
Нет, долг служебный верх берет!
(Равняйся! смирно! скорым маршем!
Глаза направо! грудь вперед!)

Довольно! Вижу я в окошке,
Платком мне панна машет там!
(Ребята, вольно! ружья в сошки
И расходитесь по домам.)

1864

Жизнь наша вроде плац-парада;
И в зной, и в холод на ветру
Маршировать тем плацом надо,
Как на инспекторском смотре.

Как рекрут, выучись смиряться,
Но забегать не хлопочи:
Похвалят — крикни: «рад стараться!»
А не похвалят — промолчи.

Тебе прикажут — делай дело!
Терпи — вот лучший твой паек,
А в остальное время смело
Носок вытягивай, носок! . .

1864

ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ

Я не Пятковский, а другой
Еще неведомый избранник...

I

Солнце весны улыбается кротко.
В сердце усталом тоска:
Верно, кого-нибудь злая чахотка
Гонит долой с чердака.

В поле всех манит румяное лето —
Мысль моя бродит во тьме:
Где-нибудь, верно, без ласк, без привета
Узник томится в тюрьме.

Ветер осенний проносится, плача, —
Ужасом скорчен мой рот:
Бьет тебя палкой, несчастная кляча,
Грубый фургонщик-деспот.

Зимнею ночью скорблю я: дика ты,
Нашей планеты судьба!
Господи! скоро ли южные штаты
Снимут ошейник с раба? . .

II

В глухую ночь я шел Коломной,
Дождь лил, и ветер с ног сбивал;
Один вопрос головоломный
Меня дорогою смущал:

«Я так устал... идти далеко...
Но как извозчика найму,
Не заслужив за то упрёка
В неуважении к нему?»

Иду. «Наймите, что ли, барин!
Возьму двугривенный один».
— «Нет, милый друг мой, — благодарен:
Как я — ты тоже гражданин.

Могу с тобой я покалякать!
Ты брат нам всем, — но для чего ж
В такую ночь, в такую слякоть
Меня ты, друг мой, повезешь?

Тебе, как мне, нужна свобода,
Ступай домой, — ты весь продрог». —
Проговорив такого рода
Красноречивый монолог,

Побрел я площадью пустынной;
Уныло Ванька крикнул вслед:
«Ну дайте хоть пятиалтынный!»
Но я шепнул гуманно: «Нет».

1863—1864

**ОСЕННЕЕ ПЕТЕРБУРГСКОЕ УТРО
В 7 ПЕСНЯХ НА ОДНУ ТЕМУ**

I

(ПО НЕКРАСОВУ)

Ночь зловещую, гнойную, серую
Гонит утро... За дело пора...
День поплелся обычной мерою,
Дышит язвой сибирской, холерою
Воздух города... Злость и хандра!..
Лишь едва человек просыпается
И, глаза раскрывая, глядит,
Уж в груди его желчь разливается
И бессильная злоба кипит.
Слышны в ветре глухие рыдания
И тягучий, пронзительный свист;
Над трубою огромного здания,
Точно дьявол, торчит трубочист.
На дворе с кем-то дворник ругается
И метлой вычищает крыльцо.
Вон напротив окно открывается,
Молодое мелькнуло лицо,
Белый чепчик и кофта узорная...
После сна дышит грудь горячо...
И коса удивительно черная
Опустилась змеей на плечо.
А на улице жизнь начинается,
Будни шумного, тусклого дня.

Вон с конвоем чуть-чуть подвигается
Дюжий парень, цепями звеня;
Вон модистка промчалась с картонкою,
Вон в квартал забулдыгу вѣдут
На веревке с какой-то бабенкою;
Вон извозчик над потной клячонкою
Обновляет вновь купленный кнут.
Завернувшись угрюмо шинелями,
По панелям, где лужи стоят,
Торопливо с своими портфелями
Там плетутся служаки в Сенат;
Вон мальчишка со спичками шведскими,
С целой кипой газет почтальон,
Вон подмышкою с книжками детскими
Два ребенка бегут в пансион.
Вон лакей у ворот с комплиментами
Перед толстой служанкой стоит,
С ридикюлем большим, с инструментами
Повивальная бабка бежит.
В этом городе смерти, калечества,
Где недуги и бедность сильны,
Чтоб плодилось вновь человечество,
Повивальные бабки нужны.

II

(ПО ПЛЕЩЕВУ)

Ах, отдерни занавеску,
Мне несносна эта тень, —
Уж врывается в окошко
День веселый, ясный день.
Ах, отдерни занавеску,
Темный ставень отвори, —
Уж игла Адмиралтейства
Вся горит в лучах зари.
Утро ясно — в сердце праздник,
Тянет в город улиц шум...
Отчего ж мне нет покою
От моих упорных дум?
Оттого, что в это утро
Где-нибудь — а где их нет? —

Много бедных и голодных
Проклинают черствый свет;
Оттого, что в это утро
Тянут жизнь средь чердаков
Стселько сирых и бездомных,
Столько горьких бедняков.

III

(ПО ФЕТУ)

1

Мы сидели на балконе,
Утро к нам несет любовь,
До ланит взбегает кровь,
И рука горит в ладони.
Вспыхнул заревом восток,
Ярким светом город залит,
И лучами солнце жалит
Кожу нежных, детских щек.
Друг мой, страсть нам вновь знакома,
В нас любви проснулась блажь...
Шепчешь ты: пойдем в пассаж,
Я ж шепчу: останься дома...

2

Посмотри кругом, малютка:
Пышный город встал от сна,
Таает в утреннем тумане
Бледнолицая луна;
Посмотри — при свете солнца
Все сияет и блестит:
Эти улицы и зданья,
Мостовая и гранит.
В магазинах бриллианты,
Бриллианты в брошках дам,
В бриллиантах старцы, франты,
Бриллианты здесь и там.
И теперь, о друг мой милый,
Недоволен я судьбой
Оттого, что бриллианты...
Заложили мы с тобой.

IV

(по полонскому)

Я хандры не могу превозмочь,
Если финская белая ночь
Над столицею невской проносится.
Ночи бледный и девственный лик!
Я к нему, как к страданью, привык:
Ночью легче тоска переносится,
Но чужда и дика для меня
Ты, красавица невского дня...
Не люблю твою песню унылую
И напевы зловещие те
О нужде, о мирской нищете,
О слезах над убогой могилою.
Для чего на меня ты глядишь
И страданье мое бередишь?
Пусть вокруг погибает вселенная,
Пусть нужда развращает людей, —
Я поэт — не из сонма судей,
Для небес моя песнь вдохновенная.
О красавица дня! поспеши
Потеряться в полночной тиши,
Выплывай же ты, ночь ароматная,
И мой дух воспарит в облака,
И пройдет роковая тоска
По ночам, для меня непонятная...

V

(по тютчеву)

Над Невою посребренной
День сияющий встает,
Солнце — страж земли бессонный
Над планетою влюбленной
Совершает свой обход.
Небеса поют и тают,
Слышен гул издалека,
Птицы весело порхают,
Грезы мира улетают
Вместе с ночью в облака.
Постоянно дни сменяют

Ночи трепетную тень,
Им и люди подражают:
Ежедневно умирают
И рождаются каждый день.

VI

(ПО МАЙКОВУ)

Да, ты хорош, великий Рим. . .
Твои священные останки
Я посещал как пилигрим:
Там сладострастные вакханки
Нередко мой смущали сон;
Там перед образом мадонн,
С благоговеньем капуцина,
Я был в молитву погружен.
Твой Колизей с семьей аркад
И остов арки триумфальной
Я видел, трепетом объят. . .
Мне пел фонтан струей печальной
Напевы грустные наяд.
А Лара милая! . . О боже!
Могу ль забыть великий Рим? . .
Но я на родине. . . и что же?
Мне этот тусклый день дороже
С осенним холодом своим.
Он дорог мне под сенью мрака
Без итальянской синевы,
Мне дорог плеск родной Невы
И яркий купол Исаака. . .
Бродя по Риму в поздний час,
Меня манила та картина,
И на отчизну каждый раз
Просилось сердце славянина.

VII

(ПО БЕНЕДИКТОВУ)

День осенний над столицей. . .
Солнце в тучи прорвалось
И глядит, как пред денницей
Вспрянул северный колосс,

Разодвинул быстро полог
И орлом глядит кругом:
Сон его всегда недолог,
Долгий отдых незнаком.
Просыпается Петрополь
И бежит туда-сюда.
Что же это? не Европа ль
Перед нами, господа?
Дождь иль грязь — ему нет дела,
Шум, езда и здесь и тут,
Мостовая загудела,
И летит под громом смело
Петербурга бодрый люд.
И толкуются люди эти,
Точно летние шмели,
То в коляске, то в карете,
В щегольском кабриолете.
На извозчике в пыли;
Их преследуют горячки,
Им дантисты зубы рвут,
А они — и не мигнут,
Им не делают потачки,
И хоть станут на карачки,
А дневной окончат труд.
Поговорка есть у янки:
«Время — деньги», — свищет он,
Здесь твердят со всех сторон
Горожане, горожанки:
«Час один — есть миллион».
Мы в расходах знаем — минус,
В барышах повсюду — плюс,
И с дешевкою «на вынос»
Легок нам гражданства груз.
Слышен грохот барабана,
Визг шарманки, гул колес;
Здесь оглоблю шарабана
Бедняку вкусить пришлось,
Там — он стонет под копытом
Городского рысака.
Но до битого небитым
(Ведь беда невелика)
Дела нет. В лучах Авроры

Ожил город. Блещут шпоры,
Взоры, дамские уборы,
Каски, канты, козырьки,
На панелях — полотеры,
Букинисты, куафёры,
Дети, дамы, старики.
В беготне, в всеобщей скачке
Мчится люд во все концы —
Почтальоны, денди, прачки,
Омнибусы, дрожки, тачки
И курьеры и купцы.
Все кружится, все пускает
В дело силу и талант,
Пишет, судит, распекает,
И рабѣту начинает
Грозный северный гигант.

<1864>

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ
НОВЫЙ ПЕРЕВОД ПО СПИСКУ,
НАЙДЕННОМУ МЕЖДУ БУМАГАМИ
МИХАИЛА БУРБОНОВА

I

Не лепо ли ны бяшет, братие,
начяти старыми словесы
трудных повестий о пълку
Игореве...

Аль затягивать, ребята,
Нашу песню для славян?
Кроме сала и булата,
Русь баянами богата,
Что ни шаг у нас баян.
В старину боярский терем
Был баянам вещим рад,
Нынче — мы в поэта верим
И восторга не умерим,
Хоть бы создал он «Разлад».
В старину баяна гусли
Развлекали русский свет;
Нынче свиньи ль, овцы, гусь ли
В сад войдут — и поет Фет.

Что не соколов спускали
В старину на лебедей,
То баяны распевали:

Только струны рокотали,
Только груди трепетали
Под кольчугой у людей.

Наша песня с тем же толком
Совершает чудеса:
Рыщет в поле серым волком,
Мчится зайцем по проселкам,
Перепелкою — по елкам
И заносчивым орленком
Улетает в небеса.

Хоть спросите у Галахова —
Все певцы закала лучшего:
От Полонского до Страхова,
От Щербины и до Тютчева,
От пииты премудренного,
Перед кем вся Русь растаяла —
Розенгейма свет-Михаила
До Михаила Бурбонова.

Так возьмем же гусли в руки,
Снова песни потекут. . .
Пусть докажут песен звуки,
Что от дедов наши внуки
Ни на шаг не отстают.

II

Игорь взре на светлое
солнце и виде от него тьмою
вся своя воя прикрыты.

Смотрит в небо Сикофантов-князь.
Видит: меркнет солнце ясное,
Заслонила солнце на небе
Нигилизма туча черная.
И промолвил Сикофантов-князь
Пред московскою дружиною:
«Други-братья, помужаемся!
Нигилистов всех в полон возьмем.
О, проклятая утопья!

Уничтожу эту топь я . . .
Братцы, ринемся мы в сечь
Преломить стальные копыя,
Иззубрить славянский меч».

Вся Москва сверкнула пиками,
Загудела под копытами,
Застенала всюду кликами
И угрозами сердитыми.
Встала буря над славянами ---
Нигилистами опальными,
Поражая их романами
И протестами журнальными.
Что не гром гремит за тучею,
Потрясая землю сирую, —
«Русский вестник» длань могучую
Поднял с тяжкою секирою,
И, краснее цвета макова,
Под славянскою поддевкой.
Поднимает «День» Аксакова
Булаву с лихой сноровкою. . .
Вот «Отцы и дети» на поле
Нигилистов поцарапали,
Их нечесаную бороду
Потрепали всласть по городу,
Все от малого до старого
Рвали за полы Базарова
И пред тем врагом измученным
Всплыли «Морем взбаламученным».
Поражая племя новое,
Встало «Марево» суровое.
Мысль пришла и Боборыкину --
«Дай и я здесь штуку выкину»,
И Стебницкого творение
Он пустил на посрамление.

Длилась битва ровно три года.
Изгнан враг без сострадания.
«Нигилистом быть — невыгода», --
Порешили все издания.

III

Комони ржуть за Сулою;
звенить слава в Кыеве.

Кони ржут за Сулою,
Публицисты — в «Вести»,
На Неве и в Кыеве
Все заржали вместе.
Восклицает Берг Фита:
Ах ты, буй-тур Всеволод!
Аль в нас нынче силы нет?
Аль с тобой я не молод?
Встань же с балалайкою,
Пой стихотворения,
Мной давно уж собраны
Все мои творения,
Майковым исправлены,
Меем Львом дополнены,
Тютчевым навеяны,
Чувством преисполнены,
Розенгейму ведомы,
Фет вошел раз в пассию,
Лишь пропел я песенку
Фету Афанасию.

IV

ПЛАЧ НОВОЙ ЯРОСЛАВНЫ¹

Ярославныи глас слышать:
зегзицею незнаем, рано кычать...

Не кукушка куковала
За околицей на сене —
Причитая, тосковала
Тур Евгения на Сене:
«Русь... морозит... санный полоз
Режет снег... висит туман...»

¹ Г-жа Е. Тур в письмах своих из Парижа гневалась за то, что между русскими невеждами развилась сильная охота читать и изучать трех авторов: Бокля, Милля и Кинглека; гневалась за то, что эти три книги встречаются везде и всюду; гневалась она за то, что Бокль в России «удостоился чести двух переводов»...

Напишу статью я в «Голос»
Для спасения славян.
По салонам, по бульварам
Я заметила давно,
Что российским нашим барам
Три несчастья дано.
Есть ужасные три книжки:
Кинглек, Бокль и Милль. . . Увы!
Их читают все мальчишки
От Урала до Невы».

Не кукушка куковала
За околицей на сене —
Причитая, тосковала
Тур Евгения на Сене:
«Ветер, ветер! В наказанье,
Вызывая много слез,
Три зловещие изданья
Ты на север перенес.
Али нет тебе простора
По поднебесью летать? . .
Книги злобы и раздора
Унеси от нас опять.
И покуда яд не выпит,
Чтоб наш север отдохнул,
Занеси их хоть в Египет,
В дальний Пекин иль в Стамбул».

Не кукушка куковала
За околицей на сене —
Причитая, тосковала
Тур Евгения на Сене:
«О Нева, ты королева
Между рек страны родной,
Так зачем в порыве гнева
Не затопишь ты волной
Этих книжек хлам ненужный? . .
О, нахмурь свой гневный лик
И струей своей жемчужной
Смой печать зловредных книг.
Разыграйся на просторе,
Волю дай своей волне,
Пусть они в Балтийском море
Отдохнут на темном дне».

Не кукушка куковала
За околицей на сене —
Причитая, тосковала
Тур Евгения на Сене:
«Солнце, солнце! ты пригрело
Бокля, Милля вредный труд,
И печатают их смело
И в России издают.
Солнце красное! На свете
Жечь лучи твои могли,
Так сожги ты книжки эти,
Их листы испепели,
Чтоб никто отравы не пил
От зловещего труда,
Чтобы даже самый пепел
Разлетелся без следа».

**АЛЬБОМ СВЕТСКОЙ ДАМЫ, СОСТАВЛЕННЫЙ
ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ ПОЭТОВ**

Вдали сверкают Апеннины.
Передо мной разбитый храм,
Где отдыхают капуцины,
Но под плющом, в тени руины
Я мысленно летаю к вам,
И этот край, и Рим суровый,
Блеск неба яркобиризовый
Забыл для улицы Садовой.

Последний вечер помню живо.
К подушкам голову склоня,
Лежали вы полулениво,
А я читал вам песню: «Нива»...
Вы чутко слушали меня,
И вот теперь, под бюстом фавна,
Грущу, — вам, может быть, забавно —
О вас, Настасья Николавна.

А. Майков

Мы встретились с вами на бале.
Всю ночь до утра был в экстазе я...
Со мною вы в вальсе летали,
Как грезы легки, как фантазия.
На эту волшебную встречу,
На страсть поэтически-детскую
Я драмою светской отвечу,
Где выведу женщину светскую.

Брожение мысли неясной
В ней будет понятно для всякого...
Вы явитесь музой прекрасной
И славой Полонского Якова...

Я. Полонский

Давно ли, безумный и праздный,
Я с вами по лесу бродил,
И он нас рососою алмазной
С ветвей изумрудных кропил.
Вчера я прочел «Положенье»!
В прихожей слышался стук:
Семен — какво положенье! —
Сервиз мой сронил на сундук.
Уснул я — и сон неотвязный
Меня в ту же рощу унес,
И сосны рососою алмазной
Сверкали, как брызгами слез.

А. Фет

Итальянских певцов-теноров
Я не слушаю с их примадоннами,
Но, закутавшись в плащ, под колоннами,
Я с цветами в природу влюбленными,
Чую музыку вечных миров.
Уловить этих звуков нельзя,
Выраженье для них не придумано:
Слаще гимнов Россини и Шумана,
Льется музыка, в душу скользя.
Вечный враг театральных кулис,
Сидя в поле с афинскою лирою,
Я поющим мирам аплодирую,
Восклицая неистово: *bis!*

Н. Щербина

Поздним летом, ночью тихой
Дышит поле теплым сном,
Спелой рожью и гречихой...
Тихо в небе голубом.
Усыпительно-безмолвны

Спят вершины дальних гор,
И серебряные волны
Льет луна на сонный бор.

Ф. Тютчев

ИЗ СЛУТИ

Все в природе плачет.
Плачет ветер в поле,
Плачет в хате пахарь,
Плачут дети в школе;
Плачет мир по селам,
Городам и дачам.
Милая! с тобою
Сядем и заплачем.

А. Плещеев

Хотелось мне для вашего альбома
Сложить десятка два веселых строк,
Но мне, увы! веселье незнакомо,
Есть скорбь одна, — скорбеть я только мог.
Едва ль себя для вас переиначу,
Могу лишь петь страданье и грозу. . .
Поверьте мне: я и теперь вот плачу
И вместо точки ставлю здесь — слезу.

А. Плещеев

ИЗ БЕРАНЖЕ

Выпив миску жженки,
К речке я подкрался:
Там без рубашонки
Мылись две сестренки. . .
В ближний куст в сторонке
Тихо я прижался.
Что за формы, боже! . .
Торс — как у Венеры. . .
Что за тонкость кожи! . .
Был бы я моложе,
То. . . но для чего же
Городить без меры? . .

Званием поэта
Пользуясь кстати,
Про купанье это
Сорок три куплета
Я сложу для света
И — предам печати.

М. Розенгейм

**ПО СЛУЧАЮ ПОСТУПЛЕНИЯ В ДОМ
ГУВЕРНАНТКИ ИЗ АНГЛИЧАНOK**

Вы поддалися на приманку
Цивилизованных затей
И взяли в дом свой англичанку
Для обучения детей.
Предупреждаю вас заране:
Они вертлявее ужей;
Притом же эти англичане
Суть «фабриканты мятежей».
Страшитесь меньше скорпионов,
Кредиторов и обезьян,
Чем попирателей законов —
Рыжеволосых англичан.

М. Розенгейм

ИЗ ГЕЙНЕ

Ночь. На море качка.
Убоясь истерик,
Милая рыбачка,
Выдь ко мне на берег.

В вихре непогоды
Пред рыбачкой таю,
Гейне переводы
Нежно ей читаю.

Но она, о горе! —
Стал пред ней как пень я —
Вновь пустилась в море,
Испугавшись чтенья.

В. Греков

Я не рожден в альбомы дам
Писать в лирическом припадке;
Могу кнутами эпиграмм
Лишь бичевать людей за взятки.
Но если б знал я, что и вы
До лихоимства очень падки,
Тогда б, не слушая молвы,
Вас обличил бы я за взятки.

Один из многих

На чужбине каждый жаден
С земляком пробыть хоть час:
Прискакал я в Баден-Баден,
Но, увы! не встретил вас.
Что ж! в любви я безвозмезден,
Как верблюд я терпелив —
И по рельсам в милый Дрезден
Мчал меня локомотив.
Но на Брюлевской террасе
Обманулся вновь поэт:
Там гулял лишь автор «Аси»,
А от вас простыл и след.
Где вы? в Риме, в Ницце? или...
На судьбу свою злюсь я:
Мне и рифмы изменили,
И старинные друзья...

Кн. Вяземский

1865

ДВУЛИКИЙ ЯНУС

I

Жизни камень философский
Я постиг и помирил
Строгий опыт стариковский
С порываньем юных сил.
Всюду лезу я из кожи,
Поспеваю здесь и там,
Угождаю молодежи,
Потакаю старичкам.
Всем сочувствую я живо,
И хоть часто мелют вздор:
«Совершенно справедливо!» —
Я вставляю в разговор.

II

Молодого поколенья
Уважая идеал,
Прогрессивные стремленья
Я с восторгом разделял;
Но когда внимал в гостиной
Приговорам стариков,
Возвещавших с кислой миной:
«Новый век наш бестолков.
От мальчишек ждать ли дива?
В грош они не ставят нас. . .»
— «Совершенно справедливо!» —
Я подхватывал тотчас.

III

Там, где нужно, полный сметки,
Громко гласность защищал;
«Петербургские отметки»
Даже в «Голос» посылал.
Но когда мое начальство
Раз изволило сказать:
«Эта гласность — верх нахальства,
Эту гласность нужно гнать...
Мы живем и так счастливо...»
Я ответить тороплюсь:
«Совершенно справедливо!
Гласность губит нашу Русь...»

IV

Вред закрытых заведений
Прогрессисты признают.
«Я таких же точно мнений», —
Замечаю смело тут.
Но когда про зло гимназий
Слышны крики матерей:
«То — рассадник безобразий,
Яд для наших дочерей...
Там научат только лживо
Их все вещи понимать...»
— «Совершенно справедливо!» —
Тороплюсь я отвечать.

V

«Я бежать хочу от мужа! —
Мне супруга говорит. —
Он тиран!...» — «Так почему же?
Вас никто не обвинит».
Муж же мне твердит как другу:
«Друг! хоть ты бы мне помог:
Чтоб спасти, свою супругу —
Посажу я под замок.
Нигилизм испортит живо —
Эту женщину... потом...»

— «Совершенно справедливо!
Пусть побудет под замком».

VI

Хоть скиталец вечно праздный,
Деловым я всем кажусь
И, как ум разнообразный,
Всяких принципов держусь. . .
Управлять людьми нетрудно —
Изучите их коньки:
Люди сами безрассудно
Попадутся к вам в силки.
Пусть все врут самолюбиво,
Мой ответ готов давно:
«Совершенно справедливо!
Это дельно и умно».

<1865>

**УЖАСНЫЙ ПАССАЖ ИЛИ ИСТИННОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ
О ТОМ, КАК ОДИН ГОСПОДИН ВАЖНОГО САНА ОБРАТИЛСЯ
В ВОДОЛАЗА И ЧТО ОТ ЭТОГО ПРОИЗОШЛО
(ПОДРАЖАНИЕ Ф. ДОСТОЕВСКОМУ)**

I

Однажды я с супругой Анной
Почил от дел,
И скоро сон благоуханный
Ко мне слетел.
Вкруг нас легло молчанье гроба
И царство тьмы. . .
Под одеялом ватным оба
Храпели мы.
Вдруг клоп, столь лакомый до кожи,
В меня впился,
И на своем двуспальном ложе
Я поднялся.
Хотел рукой схватить злодея,
Чтоб не кусал,
Но, от волненья холодея,
Я застонал,
И в страшном ужасе, в испуге
Сознал в тот час,
Что я — не муж своей супруги,
А. . . водолаз! . . .
Собачья шерсть, собака морда. . .
Пропал мой рост. . .

И по ковру шагал я твердо,
 Поднявши хвост.
Себе не веря, я у шкапа
 Огня ищу,
И вот моя собачья лапа
 Зажгла свечу.
И я в трюмо смотрел в два глаза
 И изнывал,
Что в нем фигуру водолаза
 Я узнавал.

II

Испуган случаем той ночи
 (Он был жесток!),
Хотел я крикнуть что есть мочи
 И... и не мог.
Застигнут новой неудачей,
 Я начал выть
И только громкий лай собачий
 Мог испустить.
Жена проснулась в полумраке...
 Раскрыла рот...
Но мужа верного в собаке
 Не признает.
Напрасно ей хотел сказать я,
 Что я — не пес
И что законные объятья
 Ей в дар принес,
Но шерсть моя, мой вид звериный
 Ее смущал,
И пред дражайшей половиной
 Я зарыдал.
Когда ж на грудь хотел я рыло
 Склонить к жене,
Она с подсвечником вскочила
 Навстречу мне.
И вот на крики глупой бабы
 Весь дом бежит,
И если мысль мне не пришла бы,
 Отбросив стыд,

От страха, с удалью горячей,
Скакнуть в окно —
В сырой земле б мой труп собачий
Истлел давно.

III

Пять дней без крова и без пищи
Я так блуждал,
Но вновь идти в свое жилище
Не рисковал.
На пятый день меня поймали
И — так добры! —
Мне цепь на шею навязали
У конуры.
Никто не знал, что пес мохнатый —
Был человек. . .
Ужель мне жребий дан проклятый
На целый век?
Ужель продлится долго прихоть
Твоя, о рок?
О Достоевский Федор! Ты хоть
Мне б здесь помог! . .
Хоть ты воспой мои несчастья! . .
Прошу с мольбой. . .
Смотри: раскрыл собачью пасть я
Перед тобой.
Зато (недаром водолазом
Я начал выть)
Могу меж псов «Эпоху» разом
Распространить.
Когда журнал твой знает плохо
Шальной народ,
То меж собак найдет «Эпоха»
Большой почет.

От германского поэта
Перенять не в силах гений,
Могут наши стихотворцы
Брать размер его творений.

Пусть рифмует через строчку
Современный русский Гейне,
А в воде подобных песен
Можно плавать, как в бассейне.

Я стихом владею плохо,
Но — клянусь здесь перед всеми —
Напишу я тем размером
Каждый вечер по поэме,

Каждый вечер по поэме,
Без усидчивой работы,
Где сплетутся через строку
Вместе с рифмами остроты.

Начинающим поэтам
Я могу давать уроки,
Как писать стихотворенья
В незначительные сроки,

Как писать такие песни
(Изучил я ту науку),
Чтоб читатель был доволен
И редактор сжал вам руку.

Превосходная манера! . .
Учит нас прием готовый
Вместо шляпы Циммермана
Надевать венок лавровый.

Я постиг отлично тайну,
Как писать оригинально:
Стих начну высокопарно,
А окончу — тривиально.

Запою я песню звездам,
Вспомню лилий, незабудок,
А потом замечу *кстати*,
Что расстроил я желудок.

Расскажу я в песне «к деве»,
Как мои объятья жарки, —
И при этом ей напомним
Про горячие припарки.

Фимиам курия природе,
Я воскликну вдруг: о россы!
Все по улицам столицы
Курят нынче папиросы.

Заведу я речь о неграх,
О Жюль Симоне, Жюль Фавре,
А потом перескачу я
Хоть к своей кухарке Мавре.

Неожиданно сближая
Всевозможные предметы,
Я уверен — о читатель! —
Что талант найдешь во мне ты! . .

А затем, чтоб журналисты
Поднесли мне лист похвальный,
Оскорблять я их не стану
Эпиграммою нахальной.

Мимоходом не надену
Я на них колпак дурацкий,
Чтоб они меня не звали
«Голью нравственной кабацкой».

Целый ряд живых событий
Обходя небрежно мимо,
Буду брать сюжет из мифов
Древней Аттики иль Рима.

И тогда согласным хором
Посреди журнальной свалки
Запоют мне песню славы
Все скворцы, стрижи и галки.

1865

ЛИРИК

I

Лет... неизвестных он лет.
Ясный, как день, напомаженный,
Ходит счастливый поэт,
Словно амур переряженный;
Смотрит на всех свысока...
Барышни лет сорока
Шлют ему с краской девической
Вздохи любви платонической.

II

Кудри отбросив назад,
В песне искусственно-пламенной
В каждой гостиней он рад
Бросить свой стих отчеканенный,
Нежа и сердце и слух
Пудрой затертых старух,
Фатов, без дела скупающих,
И старичков отцветающих.

III

Льется блестящий каскад,
Звуки холодные, лживые...
Блеском подобным горят
Все бриллианты фальшивые.

В зале молчанье царит,
Только поэт говорит,
 Как он однажды в Неаполе
 С нимфой беседовал на поле. . .

IV

Чуждый житейских тревог,
 Бредит он небом Италии,
В песне не скажет — сапог,
 Скажет наверно — сандалии.
В Рим переносит нас он:
Образы римских матрон,
 Лес кипарисный и тополи. . .
 Все мы неистово топали —

V

В зале, когда он читал
 Стансы свои вдохновенные.
Даже, я сам замечал,
 Лысины очень почтенные,
В сани влезая, с крыльца
Вслух поощряли певца:
 Скрыть не могли одобрения
 После публичного чтения.

VI

Кончен парадный обед. . .
 Общество все дожидается. . .
Вот наконец сам поэт
 Из-за стола поднимается,
Сделал классический жест
(Публика больше не ест)
 И с грациозной свободою
 Вдруг разрешается одою.

VII

Жалок отпетый творец. . .
 В прессе над ним насмеваются,
Но не робеет певец:

Им и теперь увлекаются —
Барышни лет сорока,
Два-три седых старика...
И меж своими знакомыми
Он осаждаем альбомами.

<1865>

В кругу друзей у камелька
Уселся старичок,
И льются речи старика,
Как в поле ручеек.
О прошлых днях он вспоминал,
Скрывая тайный вздох:
«Друзья! людей я умных знал,
Хоть сам был очень плох.
Карамзина я знал, как вас, —
Не счесть его услуг,
Хоть Николай Михайлыч раз
Сказал: «ты глуп, мой друг».
В те дни, скажу без дальних слов,
Известность я стяжал:
В карикатурах сам Брюллов
Меня изображал.
Я сам ходил к Ростопчиной,
Хотя меня потом
Она — нельзя ж мешать больной! —
И не пускала в дом.
В одном приятельском кругу
С Жуковским говорил:
Меня он принял за слугу
И квасу попросил.
Меня почтил своим стихом
Сам Пушкин, наш певец:
«Люблю тебя, сосед Пахом»...¹
Я позабыл конец.

¹ Известная эпиграмма Пушкина, которая кончается так:
Люблю тебя, сосед Пахом:
Ты просто глуп — и слава богу!

Меня обедать Дельвиг ждал
И всех смешил до слез:
Из хлеба шарики катал
И их бросал мне в нос.
Я с Соколовским¹ вместе пил.
Отличный был пиит!
Меня однажды он прибил —
Ну, бог его простит.
Булгарин! С ним я до зари
Играл однажды в вист. . .
Булгарин, что ни говори,
Был честный публицист.
Сам Грибоедов мне сказал,
Вот так же у огня,
Что он Молчалина списал
С меня, друзья, с меня!
Барон Брамбеус, как родной,
Снимал мне свой картуз,
И хоть смеялся надо мной,
Но этим я горжусь.
Я был и с Гоголем знаком,
Ценю такую роль:
Он как-то в цирке каблуком
Мне отдал мозоль.
Когда, хилея день от дня,
Я ездил на Кавказ,
Там встретил Лермонтов меня,
Обрызгал грязью раз;
Любил трунить и Полевой,
Застав меня врасплох. . .
Всё это люди с головой,
И я пред ними — плох.
Панаев был мой ученик,
Хоть говорят враги,
Он осмеял и мой парик
И с скрыпом сапоги.
Теперь иные времена,
Куда ни погляжу —
Везде иные имена
В журналах нахожу,

¹ Покойный автор «Мироздания».

Но я уж стар, почти без ног,
Знакомых новых нет —
И даже я достать не мог
Хоть Лейкина портрет.

1865

МОТИВЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

I

МОТИВ МРАЧНО-ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЙ

Мир — это шайка мародеров,
Где что ни шаг, то лжец иль тать:
Мне одному такой дан норов,
Чтоб эту сволочь усмирять.

Не буду петь я: mia saга! ¹
«Ночной зефир струит эфир»,
Но как гроза, как божья кара,
Заставлю дрогнуть целый мир.

Во все трактиры, рестораны,
Как зоркий страж, начну ходить,
Для вас, общественные раны,
Я буду пластырем служить.

Во всех приказных, бравших взятки
(Подогревая в сердце злость),
Во всех, кто грубы, грязны, гадки,
Мой стих вопьется, словно гвоздь.

Рысак ли бешеный промчится,
Спадет ли с здания кирпич,
Хожалый вздумает напиток —

¹ Моя дорогая! (Итал.) — *Ред.*

Я буду всех разить, как бич,
И стану сам себе дивиться.

Людей сдержу я, как уздой,
И буду в жизненном потоке
Для них живой сковородой,
Где станут жариться пороки.

II

МОТИВ СЛЕЗНО-ГРАЖДАНСКИЙ

Мне жаль тебя, несчастный брат! . .
Тяжел твой крест — всей жизни ноша.
Не предложу тебе я гроша,
Но плакать, плакать буду рад.

Пусть возбуждают жалость в мире
Твои лохмотья, чахлый вид —
Тебе угла не дам в квартире,
Но плакать буду хоть навзрыд.

Ходи босой в мороз и слякоть,
Я корки хлеба не подам,
Но о тебе в альбомах дам
Я стану плакать, плакать, плакать! . .

III

МОТИВ ЯСНО-ЛИРИЧЕСКИЙ

Тихий вечер навевает
Грезы наяву,
Соловей не умолкает. . .
Вот я чем живу.
Месяц льет потоки света. . .
Сел я на траву, —
Огоньки сверкают где-то. . .
Вот я чем живу.
В летний день, в затишье сада,
Милую зову,
Поджидаю в поле стадо. . .
Вот я чем живу.

Лаской девы ненаглядной,
Rendez-vous¹ во рву,
Видом бабочки нарядной —
Вот я чем живу.
Я срываю шишки с ели,
Незабудки рву
И пою, пою без цели...
Вот я чем живу.

<1865>

IV

ЮБИЛЕЙНЫЙ МОТИВ

(Кому угодно)

Когда сном крепким спал народ,
И спячка длилась год за годом...
*(Тут нужно древний эпизод
Сравнить с новейшим эпизодом.)*

Когда на всех, в ком сила есть,
Смотрела Русь в немом испуге...
*(Поэт обязан перечесть
Здесь юбилятора заслуги.)*

Тогда *(обеденный певец
Встает в порыве вдохновенья)*
Ты появился наконец!
(Сбегают слезы умиленья.)

Как луч из мрачных облаков,
Ты вдруг сверкнул, нам дал отвагу!..
*(Чтоб не забыть своих стихов,
Поэт косится на бумагу.)*

И вот теперь весь этот зал
Тебя помянет в общем тосте!..
*(Певец хватает свой бокал,
А лоб певца целуют гости.)*

1865

¹ Свиданием. (Франц.) — Ред.

Русь героями богата,
Словно вылита она
Из гранита и булата,
И прихода супостата
Не боится вся страна,
Не обдаст врагов картечью,
Не покажет им штыка,
Но отбросит перед сечью
Молодецкой, русской речью,
Просолив ее слегка,
Этой речью сочной, рьяной,
Крепкой, цепкой так и сяк,
Забубенной, грозной, пряной,
Удальством славянским пьяной,
Едкой, меткой, как кулак.
Кто ж противиться нам может?
Славянин перед врагом
Руку за ухо заложит,
Гаркнет, свистнет и положит
Супостатов всех кругом.

<1865>

НА УЛИЦЕ
(ЧЕТЫРЕ МГНОВЕНИЯ)

I

Утро. Весь город от сна просыпается. . .
Люди рабочие всюду бегут.
Гул и движение. . . Кто-то ругается
И. . . непременно кого-нибудь бьют.

II

Полдень. Столица как будто наряднее,
Взад и вперед экипажи спуют. . .
Треск: на передних наехали задние
И. . . непременно кого-нибудь бьют.

III

Вечер. По улицам газ зажигается,
Речи свободней слетают, и кнут
Как-то живее в руке поднимается
И. . . непременно кого-нибудь бьют.

IV

Ночь. Люди спят уже. Время пришло им
Кончить поденный свой труд,
Если же шаг мы по улице сделаем —
Там непременно кого-нибудь бьют.

<1865>

КТО ОН!

I

Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ...
Говорит немного,
Больше *да* и *нет*,
Сядет молча, строго,
С кипую газет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

II

Все его встречали,
Но не знал никто,
В театральной зале,
В клубе у лото.
Для него дорога
Не закрыта в свет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

III

В дверь у Доминика
Входит, «Весть» берет...
«Вот он! посмотри-ка!...» —
Кто-нибудь шепнет.

Общая тревога...
Опустел буфет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

IV

Утром в день приемный
Журналисту он
С рукописью скромной
Отдавал поклон,
Корчил демагога,
Порицал бюджет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

V

В зале Бенардаки
Чтение... народ...
Он уж в черном фраке
Пробрался вперед
Слушать прелесть слога
И живой куплет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

VI

Ночью в час урочный
Начался шпиц-бал, —
Как депеша точный,
Он уж там — и взял
В кассе у порога
Даровой билет...
Кто он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

VII

Тучи вокруг нависли...
В слякоть через мост

Труженика мысли
Тащат на погост...
Поотстав немного,
Он бредет вослед...
Кто ж он? Ради бога,
Дайте нам ответ.

<1865>

ЛУННАЯ НОЧЬ

I

Полночный мрак! . . Лишь лунным светом
В моей тюрьме озарена
С ночного неба, теплым летом,
Решетка узкого окна.
О, сколько раз, с ночного крова,
В иные дни, с закатом дня,
Вот так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

II

Я был дитя. Вскочив с кровати,
Прижавшись к няне в поздний час,
Я слушал, словно в лихорадке,
О змей-горыныче рассказ.
Все в страшной сказке было ново,
А в детской тёмно, нет огня. . .
И так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

III

Я помню ночь. Все в доме спали,
Лишь мы в аллее, милый друг,
Как дети, в трепете дрожали
За каждый шелест, каждый звук. . .

Руки пожатье. . . полуслово. . .
И, мягким светом осень,
Вот так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

IV

Осенний вечер. Тускло зала
Освещена, а впереди,
В гробу, в цветах она лежала,
Сложивши руки на груди.
В углу от горя рокового
Рыдал я, жизнь свою кляня,
И так же с неба голубого
Луна смотрела на меня.

V

Метель, сугробы. . . С диким воем
Кругом меня стонала степь.
Я шел закованный, с конвоем,
В ногах звучала мерно цепь.
Повсюду снег блестел. и снова,
Как будто путника вина,
Сквозь иней с неба голубого
Луна смотрела на меня.

VI

Свидетель жизни неудачной,
Мне ненавистна ты, луна! . .
Так не смотри в мой угол мрачный
Сквозь раму тусклого окна
И не буди того нескромно,
Что улеглось во мне давно. . .
Пусть лучше в небе будет тёмно,
Как на душе моей темно.

<1866>

ДОБРЫЙ ПЕС

(В А С Н Я)

К тяжелой конуре привязан,

Рвался, метался пес:

«За что, за что я так наказан?»

Его хозяин тронут был до слез

И наконец, смягчившись как-то, раз он

От цепи пса освободил.

Ну что же пес? На шаг не отходил

От конуры и на цепь вновь просился,

Как будто с ней спокойствия лишился.

Так ты, газета «Голос»... но едва ль

Здесь нужно пояснять мою мораль.

1865—1867

ДВОЕ

Я слушал беседу двух старцев в гостиной,
Мой бас превратился в дискант:
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

Внимая речам их, забился я в угол
И дергал на галстук бант. . .
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

Профессор мой мудрый! Припомнил тебя я,
Но ты перед ними педант. . .
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

Они порицали наш век развращенный,
«Что делать?», Прудона, Жорж-Занд. . .
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

И думал я, слушая старцев беседу:
Что, люди, ваш ум и талант?
Один был действительный статский советник,
Другой — генерал-лейтенант.

МУЗА

Муза, прочь от меня!
Я с тобой разрываю все узы. . .
Право честного слова ценя,
В мир хочу я явиться без музыки.
Прочь, развратница! Твой Геликон
Шарлатанам стал местом базара,
Лучезарный твой бог Аполлон
Нарядился в ливрею швейцара;
Опозоренный, дряхлый старик
Мелкой лестью сменил вдохновенье
И в прихожих, в грязи униженья,
От речей неподкупных отвык.

Муза, прочь! . . не нужна
Мне опора твоя ненавистная.
Ты порой, как весталка, скромна,
То нагла, как блудница корыстная.
Перед юным и честным певцом
Ты свой умысел гнусный скрывала,
Подходила с невинным лицом,
Как невеста пред брачным венцом,
Целомудренно взор опускала.
Ты водила поэта в поля,
В наши грустные, русские степи;
Ты рыдала, кляня
Крепостничества ржавые цепи,
Ты на вопли народные воплем своим отвечала,
И могучая песня стонала,
Как стонала родная земля.

Время шло... На мотивы гражданские мода
Обратилась в плохое фиглярство;
Спали цепи с народа
На глазах изумленного барства;
На вчерашние темы напев
Что ни шаг представлял неудобства,
И свободная муза свой гнев
Променяла на лиру холопства.
А ты, поэт, спокойней путь избрав,
Не постыдился жалкого юродства:
За чечевичную похлебку, как Исав,
Ты продал на обедах первородство.
Нет, муза, — прочь!..

1866—1867

ДОБРЫЙ СОВЕТ
(ПАМЯТИ И. И. ДМИТРИЕВА)

I

«Кружась в житейской суете
Мирских тревог, забот,
Друзья мои, вы уж не те —
И я не тот.

И то сказать: пятнадцать лет —
Ведь не короткий срок.
Пожалуй, стал и дряхл и сед
Весь наш кружок.

Бывало, помнишь, спор и смех,
Стаканов мерный звук...
Ты расскажи мне обо всех...»
— «Изволь, мой друг!»

II

«Где наш оратор? В тридцать лет,
В душе своей — дитя,
Он верить в жизнь, в грядущий свет
Мог не шутя.

Всю ночь он часто напролет
Нас слушать заставлял
И скорый солнечный восход
Нам предвещал;

Одушевлять умел легко
Приятельский наш круг...
Пошел он, верно, далеко?»
— «Он умер, друг!»

III

«А наш поэт, герой пиров?
Он в прошлые года
Был вечно весел и здоров
И пьян — всегда.

Ром и стихи, стихи и ром —
Вот весь его удел;
Последний рубль пускал ребром,
И — пир кипел.

Искусству посвящал добряк
Всю трезвость, весь досуг...
Ну, что теперь — живет он как?»
— «Он умер, друг!»

IV

«Наш желчный доктор — сибарит...
Он нем скажи мне... Ну,
Все бредит Фогтом да бранит
Свою жену?

Иной, бывало, из проказ
В честь женщин спич начнет,
А он казнить пойдет тотчас
Весь женский род,

Хоть, всем словам наперекор,
Был любящий супруг...
Что случилось с ним? Уж с давних пор...»
— «Он умер, друг!»

V

«А тот румяный весельчак...
Ведь он не умер, нет?
Неистошимый наш остряк,
 Душа бесед?»

Взбесить педанта иль глупца
Лихой он мастер был;
Отца для красного словца
 Он не щадил...

Бросает тысячи острот
И мимоходом, вдруг,
Бывало, фата оборвет...»
 — «Он умер, друг!

VI

И всех оставшихся в живых
Считай за мертвецов.
Не различишь ты нынче их
 В толпе льстецов,

Низкопоклонников, вралей,
Фразеров... В свой черед
Я сам — меня ты пожалей, —
 Я сам — не тот...

Чтоб кончить во-время свой век,
Чтоб не сказал твой внук:
Он был нечестный человек —
 Умри, мой друг!»

ШУТ

Его удел — смешить нас всех.
Блажен такой удел! . .
Ведь в наши дни мы ценим смех —
Лишь только б он не ставил в грех
Нам наших собственных прорех
И наших темных дел.
Он шутит мило и легко. . .
Угрюмейший педант,
Ценя в нем юмор высоко,
С ним разопьет стакан клико,
О нем шепнув вам на ушко:
«Талант, большой талант!»

Едва он в комнату вошел,
Едва раскроет рот —
Веселья общего посол, —
Все гости покидают стол;
Смеется весь «прекрасный пол»,
Смеется весь народ:
Смеется жирная вдова,
Смеется тоший франт;
Не смотрит барышня на льва
И может смех скрывать едва,
И все твердят одни слова:
«Талант, большой талант!»

Пусть у других в насмешке — яд,
Но он одним смешит:
Как две старухи говорят,

Как раз напился пьян солдат,
Купцы на ярмарке кутят,
 А в этом нет обид.
Без соли весел и остер,
 Мишенью для потех
Он изберет мужицкий спор,
Ничем нас не введет в задор —
И слышишь общий приговор:
 «Вот настоящий смех!»

Зевают в клубе от статей
 Угрюмого чтеца,
Глаза смыкает нам Морфей,
Но вышел клубный корифей —
И у старух и невских фей
 Забились вдруг сердца...
Все чутко слушают рассказ,
 Хотя столичный шут
Его читал уже сто раз...
Дрожит вся зала в этот час,
От смеха тухнет в люстре газ,
 Перчатки дамы рвут...

Кутит богатый самодур —
 И шут, в главе льстецов,
Всех забавляет чересчур —
И за дешевый каламбур
Он награжден визжаньем дур
 И хохотом глупцов.
Без остановки круглый год
 Кривляться он готов,
Смеша лакеев и господ
Дождем копеечных острот,
Не замечая в свой черед,
 Что шут он из шутов.

Теперь шутам везде привет
 За их бесценный дар
Шутить, хоть в шутках смысла нет...
— Молчи ж, озлобленный поэт!
Займет твой пост на много лет
 Общественный фигляр...

Твои насмешки нас язвят
Сильнее клеветы. . .
Нам нужен смех на старый лад,
На жизнь веселый, светлый взгляд,
Нам нужен гаера наряд. . .
Да здравствуют шуты! . .

<1867>

ГРАЖДАНИН НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА

I

На Невском проспекте в четыре часа
Пышной и нарядней столицы краса;

Счесть всех экипажей блестящих нельзя,
И зимнее солнце, по окнам скользя,

Дробится лучами в зеркальном стекле.
Огромные шлейфы влача на земле

И шляпкой прикрывши затылок едва
(Подобная мода у нас не нова),

Мелькают обычные группы из львиц,
Румяных старушек и чахлых девиц,

И вьются вблизи их — то вычурный франт,
То сбруей гремящий лихой адъютант,

То модный художник с кудрями до плеч,
Но, чу! раздается знакомая речь...

В обеденный час целый Невский проспект
Судьбой осужден на привычный эффект —

Смотреть, как гуляет чиновный приап,
Разгулов вакхических ментор и раб,

Которому память такая дана,
Что знает камелий он всех имена,

Их адрес последний и номер квартир,
И, если заглянем в их замкнутый мир,

У каждой под рамкой знакомый портрет
На стенке красуется как амулет. . .

Смотрите, бежит он! Смеясь, на бегу
Жмет женские ручки на каждом шагу;

С одной перекинется парюю слов,
С другою к Борелю поехать готов,

Забыв свое дело, служебную цель
И с срочной работой изящный портфель.

Юнейший из старцев! . . Безделью ты рад, —
Пропустишь ли ты хоть один маскарад?

Забудешь ли новый скандальный балет,
Где с каждой статисткой знаком много лет?

Кто лучше научит богатых повес
Скромным куплетам французских пьес?

Кто лучше устроит секретный пикник,
Где жрицы веселья, разгульный старик,

Откинув назад соблазнительный стан,
Тебя увлекают в безумный канкан,

И песни сменяются криком — ура! . .
И оргия длится всю ночь до утра. . .

II

А утром. . . А утром в приемной твоей,
Под скромной вуалью, у самых дверей

Видали просительниц. . . Гнет нищеты
Не с каждой стирает следы красоты.

Не каждую женщину бедность хранит
От пошлых намеков и горьких обид.

Красавицы прелесть, как ловкий знаток,
Под бедной одеждой заметить ты мог

И, слушая голос, дрожащий от слез,
Вопрос предлагал ты... невинный вопрос:

«Хотите любить меня, милочка?» Что ж,
Ну чем же подобный вопрос нехорош?

И чем он обиден? С чего же она
Вдруг вся задрожала и вышла бледна,

Как будто бы грубо была принята?..
Решительно портит людей нищета!

О юный из старцев! Не трать своих слов
Для бедных чиновниц и плачущих вдов.

Зачем переходят они твой порог?
Оставь ты в покое таких недотрог

И крови напрасно своей не тревожь:
Их ласки — печальны, их гнев — нехорош;

Они огрубели от вечных забот,
И с честною женщиной много хлопот.

Ласкай ты цыганок, танцовщиц, актрис...
За шляпу, за шляпу скорее берись —

Тебя ожидают побед чудеса
На Невском проспекте в четыре часа.

ПРАЗДНИЧНАЯ ДУМА

Христос воскрес! Я помню времена:
Мы этот день с волнением невозвратным
Встречали кружкой доброго вина
И честным поцелуем троекратным.
Пылал румянец юношеских лиц,
В речах срывались искренность и сила,
И общее лобзание свято было,
Как чистый поцелуй отроковиц.
Но шли года. Редел кружок наш тесный,
Жар юности в друзьях моих исчез,
И не с кем встретить праздник наш воскресный
И некому сказать: Христос воскрес! . .

Христос воскрес! Напрасно ждать ответа. . .
Одних уж нет, другие далеко,
Среди снегов, где северное лето
Так сумрачно, так грустно-коротко.
К другим же, изменившим нам собратьям
Я только сожаленье сохраню
И грязным их циническим пожатием
Своей руки теперь не оскверню.
Их воздух — заразительней больницы. . .
Скорей пойду я в степь иль в темный лес,
Где песнями ответят только птицы
На громкий мой привет: Христос воскрес! . .

За всех, убитых пошлостью житейской,
Ничтожных честолюбцев, медных лбов,

За всех льстецов в сиятельной лакейской,
Забивших в грязь с усердием рабов
Их благородной молодости грезы
И честную, как молодость, любовь —
Не раз во мне вскипала гневно кровь,
А на глазах навертывались слезы.
Круг бескорыстных, пламенных повес
Погиб в среде ничтожной и развратной,
И не с кем встретить праздник благодатный
И некому сказать: Христос воскрес!..

Как после битвы, в сказке древней, витязь
Меж трупами живых бойцов искал,
Я звал своих: «Кто жив еще? проснитесь!»
Но мне никто на зов не отвечал.
Лишь от бойцов, любимых мной когда-то,
В мой уголок несло издалека
Шипящее проклятье ренегата
Иль купленный донос клеветника...
Никто связей с прошедшим уж не ценит,
И недоверчиво смотрю теперь вокруг:
Цинически предаст вчерашний друг,
И женщина любимая изменит.
Куда зовут наука и прогресс,
Никто нейдет... Напрасно ожиданье!..
И некому сказать: Христос воскрес!
И нет людей... Вкруг — мертвое молчанье.

Но, стойте... Чу! мы слышим детский крик:
Ведь это наши собственные дети;
Их лепет и ребяческий язык
Вещуют возрождение на свете,
Они растут близ вырытых могил,
Они детьми уж лучше нас по виду...
Признаем же всю немощь наших сил
И по себе отслужим панихиду...
А ты, под сводом северных небес
Растущее, иное поколение, —
Прими в священный праздник воскресенья
Мой праздничный привет: «Христос воскрес!»

ВОЙНА И МИР¹

ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ («БОРОДИНО») И ГРАФУ
ЛЬВУ ТОЛСТОМУ («ВОЙНА И МИР»)

— Скажи-ка, дядя, без утайки,
Как из Москвы французов шайки,
Одетых в женские фуфайки,
Вы гнали на ходу.
Ведь если верить Льву Толстому,
Переходя от тома к тому
Его романа, — никакому
Не подвергались мы погрому
В двенадцатом году.

Какой был дух в Наполеоне
И были ль мы при нем в загоне,
Нам показал как на ладони
В романе Лев Толстой.
Тогда славяне жили тихо,
Постилась каждая купчиха...
Но чтоб крестьян пороли лихо,
Застенки были, Салтычиха...²
Все это слух пустой.

¹ Последний роман графа Л. Толстого привел меня к печальному соображению, что стихотворение Лермонтова «Бородино» не лишено больших погрешностей, почему я осмелился, так сказать, реставрировать сие стихотворение по сочинению «Война и мир», сочинению неоспоримо художественному и правдивому. Пусть мою смелость извинят только одною любовью к истине. М<ихаил> Б<урбонов>.

² «Ужасы крепостного права того времени, которое я описываю, закладывание жен в стены, сечение взрослых сыновей, Салтычиха и т. п. — я не считаю верным и не желал выразить...» («Русский архив», № 3, стр. 516. Заметка графа Льва Толстого).

— Да, были люди в наши годы,
Не мелкой, нынешней породы:
В дни мира — гордые Немвроды,
Богатыри в войне...
Ростов — звезда всей молодежи,
Андрей Болконский — диво тоже,
Безухой — член масонской ложи,
*Денисов, Долохов...*¹ О боже,
Их вспомнить любо мне!..

Нам Бонапарт грозил сурово,
А мы кутили образцово,
Влюблялись в барышень Ростова,
Сводили их с ума...
Безухой прочь прогнал супругу,
Послал картельный вызов другу
И, друга ранивши, с испугу
Едва совсем не спился с кругу...
Но вот пришла зима.

Войска французов шли в тумане.
Мы отступали... Ведь заране,
Как говорится в алкоране,
Наш рок определен.
Бояться ль нам Наполеона?
Что значат званья, оборона?..
Лежит над миром, как попона,
Лишь «*власть стихийного закона*»...²
Так что Наполеон?

Но вот и войско Бонапарта:
«Посмотрим мы, какой в вас жар-то!..»
(Того сражения ланд-карта
В «Войне и мире» есть...)
Безухой, главный член романа,

¹ Вероятно, всем читателям известны эти имена главных героев в сочинении «Война и мир».

² Совершенно справедливо говорит граф Л. Толстой, что миром управляют не гении, не наука, но «*стихийный зоологический закон*», что историю управляет закон предопределения («Русский архив», № 3, стр. 525—528).

Явился в поле утром рано
И стал смотреть из шарабана: ¹
Полна французами поляна,
И всех врагов не счесть...

Под ранним солнцем блещут ружья...
С *Безухим* не было оружия.
Подумал он: «И так ведь дюж я,
Неустрашим, как слон...»
Пред ним, как пестрый ряд игрушек,
Мелькали в поле сотни пушек,
Палаток множество верхушек:
В одной палатке, среди подушек
Лежал Наполеон.

Нетерпеливость обнаруживая,
Он мыслил: «Русских угощу же!...
Лишь только б насморк не был хуже, ²
Я тотчас двину рать,
Мюрата с конницею ходкой,
И будет мне Москва находкой...»
И корсиканец этот кроткий
Себе всю спину жесткой щеткой
Велел вдруг растирать. ³

Два дня мы были в перестрелке,
С врагом играли, как в горелки;
Стрелки шныряли, словно белки,
И прятались во рву.
Денисов так вошел в охоту:
«О, дайте мне одну лишь роту,
И всю французскую пехоту
Я разобью сейчас с налету,
На части перерву...» ⁴

¹ Прошу припомнить, что граф Безухий выехал на Бородинское поле как на прогулку, с одной тросточкой и лорнетом.

² У Наполеона, говорит граф Л. Толстой, был насморк во время Бородинской битвы, и насморком объясняет его неудачу в этот день. Что ж? Сам Наполеон говаривал: «От великого до смешного — один шаг».

³ См. «Война и мир», том 4-й.

⁴ Там же.

Французский лагерь был в тревоге,
Что промочил в ненастье ноги,
Ступивши в лужу на дороге,
Их «маленький капрал»...
У нас же в войске — смех и шутки,
Да раздавались прибаутки:
«Французы вымокли, как утки,
И Бонапарт раз двести в сутки
Чихать от страха стал!..»

На третий день сошлись два стана.
Раздался грохот барабана...
Взглянуло солнце из тумана
На Бородинский бой.
Безухой был в сраженьи этом
Одет легко, как будто летом:
Вооружась одним лорнетом,
Он любовался, как балетом,
Военною стрельбой.

Средь пушек, касок, пик, фуражек,
Блестящих блях, стволов и пряжек:
«Вот так веселенький пейзажик! —
Сказал *Безухой* Пьер. —
Стрелки французские не метки
(*Шасспо* не знали наши предки),
Но все ж годятся для виньетки
В иллюстрированной газетке,
Хоть в «Искре», например...»¹

Ну ж был денек!.. В дыму сраженья,
Конечно, общего движенья,
Победы или пораженья
Нам рассмотреть нет сил.²

¹ Если граф Л. Толстой (да и многие другие сочинители, как, напр., автор «Смерти Грозного») не стесняется в своем сочинении анахронизмами, и то, что думал или делал Наполеон на острове св. Елены, заставляет его говорить и делать в двенадцатом году, то, следуя его примеру, и я не стесняюсь хронологией и героя Бородинской битвы заставляю упомянуть об журнале «Искра».

² См. «Война и мир», том 4-й.

Война свирепа, как Медуза;
Ее описывать — обуза,
И здесь моя робеет муза...
Лишь видно было, как француза
 Безухой князь душил,

Как, распростертый у лафета,
Лежал солдат один, да где-то,
На возвышеньи, у пикета,
 Чихал Наполеон...
Как в бенефис к ногам актера
Летят букеты для фурора,
Летели ядра очень скоро,
Но все кричали вместо «фора»
 «Урал» со всех сторон.

Так бились, верно, только в Трое.
Но уцелели в русском строе
Романа славные герои,
 Не смяли их враги.
Себя для «пятой части»¹ холя,
Они в Москву вернулись с поля,
Лишь только князя Анатоля
Постигла в битве злая доля:
 Лишился он ноги.

Вот смерклось... Тел кровавых груду
Наполеон встречал повсюду
И проклинал свою простуду:
 «Мой насморк ввел в беду!»
Горнисты громко затрубили,
И — басурманы отступили...
Так, по сказанью новой были,
Мы неприятеля разбили
 В двенадцатом году.

Да, были люди в наши годы!..
И будут помнить все народы,
Что от одной дурной погоды,
 Ниспосланной судьбой,

¹ Кто же из нас не ожидает теперь с нетерпением выхода 5-й части «Война и мир»?

Пал Бонапарт, не вставши снова,
И пал от насморка пустого...
Не будь романа Льва Толстого,
Мы не судили б так толково
 Про Бородинский бой!

1868

НАСУЩНЫЙ ВОПРОС |

Гражданин

Молчи, толпа! . . . Твой детский ропот
Тревожит мирный сон граждан.
Ужели был напрасно дан
Тебе на свете долгий опыт? . . .
Тебя, капризную толпу,
Ведем мы к истине, к науке,
И, яркий светоч взявши в руки,
Твою житейскую тропу
Мы озаряем блеском знанья.
Среди блестящего собранья
Мы проливаем много слез,
Слагая речь за бедных братьев,
За всех, кто много перенес
Обид, гонений и проклятий.
Твои невзгоды и тоску
Мы чтим в созданиях поэта,
И среди земского совета
Даем мы место мужичку;
Всему, что сирю и убого,
Мы сострадали столько раз,
И Ломоносова дорога
Открыта каждому из вас.
Чего ж вам надо? Не робей,
Вкушайте знанья сладкий сок:
Сплетем лавровый мы венок
Для гениального плебея,
И — будь он селянин простой —
Пред ним преклонимся мы дружно.

Чего же вам, безумцы, нужно?
Того ль, чтоб дождик золотой,
Как манна, падал прямо с неба,
Балуя праздностью народ?
Чего же вам недостает?
Чего ж хотите? . .

Т о л п а

Хлеба! Хлеба! . .

<1868>

На борзом коне воевода скакал
Домой с своим верным слугою;
Он три года ровно детей не видал,
Расстался с женой дорогою.

И в синюю даль он упорно глядит,
Глядит и вздыхает глубоко...
«Далеко ль еще?» — он слуге говорит.
Слуга отвечает: «Далеко!»

Уж стар воевода; скакать на коне,
Как прежде, он долго не может,
Но хочет узнать поскорей о жене,
Его нетерпение гложет.

Слуге говорит он: «Скачи ты вперед,
Узнай ты, все ль дома здорово,
С коня не слезая, у самых ворот,
И мчись ко мне с весточкой снова».

И скачет без усталы верный слуга...
Скорее ему доскакать бы...
Вот видит знакомой реки берега
И сад воеводской усадьбы.

Узнал обо всем он у барских ворот,
И вот как опущенный в воду
Печальные вести назад он везет,
И жалко ему воеводу.

«Ну, что?» — Воевода скрывает свой вздох
И ждет. — «Все в усадьбе исправно, —
Слуга отвечает, — лишь только издох
Любимый ваш сокол недавно».

— «Ах, бедный мой сокол! Он дорог был мне...
Какой же с ним грех приключился?»

— «Сидел он на вашем издохшем коне,
Съел падаль и с жизнью простился».

— «Как, конь мой буланый? Неужели пал,
Но как же погиб он, мой боже!»

— «Когда под Николу ваш дом запылал,
Сгорел вместе с домом он тоже».

— «Что слышу? Скажи мне, мой терем спален,
Мой терем, где рос я, женился?»

Но как то случилось?» — «Да в день похорон
В усадьбе пожар приключился»...

— «О, если тебе жизнь моя дорога,
Скажи мне как брату, как другу:

Кого ж хоронили?» — И молвил слуга:
«Покойную вашу супругу».

ХРАБРЫЙ РАТНИК

На село вернулся ратник,
Где он долго не бывал,
И спрашивали парни:
«Где ты жил? с кем воевал?»
— «На татар ходил походом», —
Хвастал ратник. . . — «На татар? —
Парни вокруг заголосили. —
А скажи-ка нам, Макар,
Коль не трус ты, то, вестимо,
Одного хотя врага
На войне за Русь святую
Да убил ты, брат. . .» — «Ага! . .
Точно, братцы, было дело, —
Отвечает им храбрец. —
Сам дивлюсь я, как от смерти
Уберег меня творец. . .
Раз иду я, братцы, лесом,
Глядь — лежит передо мной
Здоровеннейший татарин,
Растянувшись под сосной.
Я к нему подкрался с саблей
И — хоть в гроб сейчас, не лгу —
Отрубил ему я руку,
А татарин — ни гу-гу,
Все лежит. Что, мол, за диво?
Видно, крепкий человек!
И ему другую руку
В ту ж минуту я отсек,

А татарин — хоть бы дрогнул,
И ногой не шевелил. . .»
— «Да ему, — кричали парни, —
Ты бы голову срубил. . .»
— «Бестолковые ребята!
Знать, большие дурни вы:
Как я мог с ним это сделать,
Коль он был. . . без головы».

<1868>

РЕНЕГАТ

По недовольной, кислой мине,
По безобидной воркотне,
По отвращенью к новизне
Мы узнаем тебя доньше,
Крикун сороковых годов! . .
Когда-то, с смелостью неожиданной,
Среди российских городов, —
Теоретически-гуманный,
Ты развивал перед толпой,
Из первой книжки иностранной,
Либерализм еще гуманный,
Радикализм еще слепой.

Каратель крепостного ига,
Ты рабство презирал тогда,
Желал свободного труда;
Ты говорил красно, как книга,
О пользе гласного суда.
Предвестник лучшего удела,
Такую речь бросал ты в свет:
«И слово самое есть дело,
Когда у всех нас дела нет! . .»
Глашатай будущей свободы,
Ты в дни печали и невзгод
Сидел у моря — ждал погоды
И нам указывал вперед.

Но вот пришло иное время,
Свободней стала наша речь,

И рабства тягостное бремя
Свалилось с крепких русских плеч.
Открытый суд с толпой «присяжных»
К нам перешел из чуждых стран;
Но сонм ораторов отважных
Вдруг отошел на задний план.
Защитник слабых, подневольных,
Переменив свой взгляд, свой вид,
Теперь, в разряде «недовольных»,
Порядки новые бранит.

Как промотавшийся повеса,
Смолк либеральный лицемер
В толпе друзей полу-прогресса,
Полу-свободы, полумер. . .
Движеньем новым сбитый с толку,
Везде чужой, где нужен труд,
Корит он прессу втихомолку
И порицает гласный суд;
Из-за угла и не без страха
Бросает камни в молодежь,
И оперетки Оффенбаха
В нем возбуждают злости дрожь.
Зато порой, по крайней мере,
Отводит душу он: готов
Отхлопать руки все в партере,
Когда дают «Говорунов».

О ренегаты! Вам укоров
Мы не пошлем. . . Казнить к чему ж
Давно расстриженных фразеров,
Сороковых годов кликуш! . .
Их гнев и старческая злоба
Уже бессильны в наши дни, —
Так пусть у собственного гроба
Теперь беснуются они!

ИНТИМНАЯ БЕСЕДА

— «Ваш начальник нрава, говорят, крутого?»

— «Тише, тише, тише! Что вы!.. Что за слухи!..

В мире человека не найти такого:

Добр и справедлив он, честное вам слово,

Он не только ближних, не обидит мухи».

— «Он в отставку подал...»

— «Да? Что ж вы молчите!

Лучше всех подарков весть такого сорта...

Коли правду точно вы узнать хотите —

Это человек был даже хуже черта,

И в его прошедшем есть такие пятна...»

— «Он свою отставку взял на днях обратно...»

— «Взял назад?.. А я-то... Впрочем, что ж такое:

Только ради шутки несколько легко я

Говорил о графе... Вот вам бог свидетель:

Наш начальник — общий друг и благодетель;

Мы души не чаем в нашем генерале!..»

— «Да вчера он умер. Разве вы не знали?»

— «Умер. Полно, так ли?.. Вы не лжете если,

Я готов издохнуть, сидя здесь на кресле,

Коль совру пред вами, да и вратъ к чему же? —

В мире человека не бывало хуже:

Зол, сварлив, развратен, и — того не скрою —

Жил он перед смертью с собственной сестрою, —

Но должна казаться для судебной власти

Смерть его, однако, истинной потерей:

Мне сказал недавно пристав нашей части,

Что замешан даже он в подделке серий».

<1869>

ФИСКАЛ

*Sic transit gloria mundi.*¹

С расстройством в голове
Давно — лет десять будет —
Доносит, рядит, судит
Фискал один в Москве.
Он мечется в припадке
Безумства, — но ни в ком,
Однако, нет догадки,
Что он в бреду таком
Шалеет с каждым разом...
В рассудке кутерьма...
Перо макая в разум,
Фискал сошел с ума.

Фискалом соп атоге²
Начав карьеру, стал
Работать как фискал
Из выгоды он вскоре,
И, тронувшись умом,
Он так вошел в фискальство,
Что даже и начальство
Решило: «В желтый дом
Он годен по проказам;
Бог весть, творить что стал!..»
Перо макая в разум,
С ума сошел фискал.

¹ Так проходит земная слава. (Лат.) — *Ред.*

² Из любви к делу. (Итал.) — *Ред.*

Забившись где-то в угол,
Он видит на Руси
(Господь его спаси!)
Каких-то красных пугал.
Он чует всюду там
Маратов, Робеспьеров...
(Не первый из примеров:
«Чай, пил не по летам!»)
Фискал кричит с экстазом:
«Позор для них, тюрьма!..»
Перо макая в разум,
Фискал сошел с ума.

Когда подчас на бале
Явившийся фискал
Увидит, что тот бал
Мазуркой заключали,
Он крикнет, став на стул
(Дрожи, танцоров лига!):
«Здесь польская интрига!..
Измена! Караул!..»
Мигни-ка кто тут глазом,
Он стражу бы позвал...
Перо макая в разум,
С ума сошел фискал.

Скажи-ка кто печатно,
Что «давит мух паук»,
Он разразится вдруг
Доносом, вероятно.
«Смысл этой фразы взвесь! —
Взревет фискал беспутный. —
Над властью абсолютной
Насмешка скрыта здесь!»
К невинным самым фразам
Пристанет, как чума...
Перо макая в разум,
Фискал сошел с ума.

Для всех великоруссов
Отличный в нем урок:
Московский наш Видок,

Сводя с ума всех трусов,
Рехнулся сам теперь;
В своем недуге злейшем,
Рыча, как лютой зверь,
Он равен стал с Корейшем.
Нам жаль его весьма,
Хоть он и был пролазом...
Перо макая в разум,
Фискал сошел с ума.

<1870>

ДИКИЕ СНЫ

Я уснул, и в каком-то безумном бреду
Мне приснился волшебный, невиданный свет:
 Будто в дивном саду
 По цветам я иду,
И бессмертные птицы поют мне привет,
И кивают цветы мне головками вслед.
Вот селенья людей: лица — кровь с молоком,
Я не встретил убогой избы ни одной,
С нищетой селянин лишь по сказкам знаком...
Что за дикие сны снятся людям весной! . .

Из-за рощ поднимались, росли города:
Пышной роскоши в них не найти и следов,
 Но порок и нужда
 Не свивали гнезда,
Под тяжелым ярмом непосильных трудов,
В самых дальних и темных углах городов.
О свободе гражданской, о братской любви
Споров нет там, как здесь, на планете земной,
Но свобода и братство у всех есть в крови...
Что за дикие сны могут сниться весной! . .

Не мрачит чистых душ преступления тьма,
И железные цепи для ног и для рук,
 Эшафот и тюрьма
 Для людского ума
Там еще — непонятный, неслышанный звук.
Речи, странные мне, раздаются вокруг:

Как про зверский разбой, о войне говорят,
И нигде, проносясь над счастливой страной,
Я нигде не видал ни штыков, ни солдат...
Что за дикие сны могут сниться весной!..

Это вечное счастье в волшебной стране,
Вечный блеск незакатного дня

В заколдованном сне

Были тягостны мне

И в бреду бесконечно смущали меня.
Грешный мир наш земной, мир печали и слез,
Так сжился, так сроднился со мной,
Что шептал я невольно, очнувшись от грез:
Что за дикие сны прилетают весной!..

<1870>

ДВЕ СУДЬБЫ

Завидуя когда-то
Их счастьем бесконечно,
Не мог я знать, конечно,
Что сгинут без возврата
Они для света оба:
Она — под крышей гроба,
Оплакана чужими,
А он — под небесами
Такими. . . а какими,
Поймете вы и сами.

Сперва о них тужили,
Сперва их вспоминали,
Но новые печали,
Как тучи, плыли, плыли,
И скоро все забыли
Обоих их неволью. . .
И нас всех жизнь томила.
Летели дни за днями. . .
Ее взяла — могила,
Его взяла. . . Довольно! . .
Досказывать как больно —
Поймете вы и сами.

1870

В стихах и в прозе, меньший брат,
Мы о судьбе твоей кричали;
О, в честь тебе каких тирад
Мы в кабинетах не слагали!
А там, среди убогих хат,
За лямкой, в темном сеновале,
Всё те же жалобы звучат
И песни, полные печали.
Всё та же бедность мужиков;
Всё так же в лютые морозы,
В глухую ночь, под вой волков
Полями тянутся обозы...
Терпенье то же, те же слезы...
Хлеб не растёт от нашей прозы,
Не дешевет от стихов.

<1870>

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Природа манит всех к себе, но как?
По-своему глядят все на щедроты неба. . .
В лесу густом сошлись — богатый весельчак
И нищий, без угла, без паспорта и хлеба.
Невольно странники замедлили свой путь,
Увидя пышный лес, но думали различно:
Один — «ах, здесь в лесу отлично отдохнуть!»
Другой — «ах, здесь в лесу повеситься отлично!»

<1870>

(Н. П. Р - П - ВУ)

Когда-то, милые друзья,
Среди студенческого пенья
С сознанием вторил вам и я:
«Вперед без страха и сомненья!»

Я снова петь готов «вперед!»
Иным, грядущим поколениям,
Но страх в груди моей живет,
И мысль отравлена сомненьем.

<1870>

НА ПЕРЕПУТЬИ

Жизнь, обновись! — О, желанье нескромное!
Давит тебя только скука смертельная...
Умное слово подметишь — заемное,
Ласке поддашься — так, верно, поддельная.

Книгу раскроешь — одни повторения,
Скучны зады для ума ненасытного;
Даже в разврате, в любом преступлении
Нет у людей ничего самобытного.

Самый разгул измелечал до ничтожества,
Юности нет в нем и нет вдохновения;
Только копошится многое множество
Мелких страстишек... Во всем расслабление,

Все опустилось от вечного роздыха,
Словно застыла кровь наша ленивая...
Воздуха хочется, свежего воздуха!...
Только напрасно желанье тоскливое.

Воздух недвижим, как будто над кладбищем
В летние дни, утомительно знойные;
Замкнутый мир наш становится пастбищем,
Где мы пасемся, сонливо-покойные.

На перепутьи мы, что ли? Осталось нам
Это одно утешенье печальное,
И над тобой, наша лень колоссальная,
Люди смеются с злорадством безжалостным.

Не научила история прошлая
Нас ничему, разве только терпению;
Тянется жизнь, как комедия пошлая
Пошлого автора, но к представлению

Все равнодушно и тупо относятся:
Вижу повсюду довольные лица я,
Только порой из райка свист доносится,
Да и его усмиряет полиция.

<1870>

НЕОТРАЗИМАЯ ЛОГИКА

Трактовать об отмене телесного наказания не значит ли посягать на уважение к народным обычаям? Нужно относиться с уважением к народной жизни.

В. Безобразов.

В народной нашей жизни
Есть недостатков много,
Но можно ль очень строго
Их осуждать в отчизне?
Положим, взятки — гадки
И ниже всех приличий,
Но взятки брать — обычай...
Да здравствуют же взятки!

Жизнь западного строя
Пришлась не по душе нам:
Бьют жен у нас поленом
И плеткой Домостроя.
Кулак — эмблема брака
Всех классов без различий,
Но драка — наш обычай...
Да здравствует же драка!..

Приносит вести почта:
В Одессе, в Шуе, что ли,
Ни за́ что и ни прó что
Крестьян перепороли.

Следя за этим зорко,
Виним мы быт мужичий:
Пороть у нас обычай...
Да здравствует же порка!..

С обычаем, как с бурей,
Не совладать в принципе.
О том Самарин Юрий
И Безобразов с Шлиппе
Сказали много спичей,
Поднявши шум великий:
«Да здравствует обычай,
Хотя бы самый дикий!»

1871

СВОЙ СВОЕМУ ВОВСЕ НЕ БРАТ
(СОВРЕМЕННАЯ ПОСЛОВИЦА)

Стремясь к сближению с народом,
Сошелся барин с мужиком
И разговор с ним мимоходом
Подобным начал языком.

Б а р и н

Дай руку, пахарь! По принципам
Я демократ и радикал. . .
Но как же звать тебя?

М у ж и к

Антипом.

Б а р и н

Я твой гражданский идеал
Желал бы знать хотя отчасти.
Защитник ты какой же власти:
Консервативной, или нет?
В свои «дорожные наброски»
Вписать хочу я твой ответ.

М у ж и к

Ты это баишь по-каковски?

Б а р и н

Чего ж боишься ты, хитрец,
Мне отвечать категорично?
Сообрази же наконец:

Друг друга мы поймем отлично
При полном тождестве идей.
«Свободу совести» людей
Ты признаешь и понимаешь?

М у ж и к

Чаво?

Б а р и н

Ну, то есть... отрицаешь
Ты право каждого иметь
Свою религию, любезный?
Вопрос весьма не бесполезный,
Чтоб нам сообща его решить...
Мир старины приходит в гнилость...

М у ж и к

Да что вам нужно, ваша милость?
Вы тёмно говорите так,
Что вас понять мне трудновато...

Б а р и н

Да ты не бойся же, чужак!
На том стоим мы, чтоб как брата
Теперь встречали мужика;
Мы все на том стоим пока,
Чтоб реставрировать картину
Всей вашей жизни бытовой
И вековую кручину
Сменить на праздник вековой...
А ты на чем стоишь, друг мой?

М у ж и к

На чем? Да на земле, известно!..

Б а р и н

Ах, всё не то! Ну как тут честно
К ним относиться! Нас поймут
Скорей колбасники из Риги...

М у ж и к

Что хлеба мало в нашей риге —
Могу сказать...

Б а р и н
(наставительно)

Хлеб там, где труд,
И вас, поверь, топ шер, ¹ спасут
От вашей бедности и спячки
Ассоциации и стачки.
Я без ума от них! . .

М у ж и к
Эх-ма!
Признался сам, что без ума! . .

Б а р и н
Читал ли ты хотя Жорж-Занда?

М у ж и к
Да я, кормилец, не учен.

Б а р и н
Возможна ль с ними пропаганда!
Нам нужно лень забыть и сон,
Вступить в борьбу открыто, смело,
Нам нужно всем, карая зло,
Чтобы в руках горело дело. . .

М у ж и к
У нас сгорело все село,
Так не поможешь ли мне, барин?

Б а р и н
Ну как тут будешь солидарен
С подобным скифом? Как его
Встряхнуть, чтоб он от сна проснулся?

М у ж и к
(тихо)
Мой барин, кажется. . . того. . .
Немножко головой рехнулся.

¹ Мой милый. (Франц.) — Ред.

Смущенный странным языком,
Мужик пришел в недоуменье,
И прогрессиста с мужиком
На этом кончилось сближенье.
Один из них пошел *домой*,
Себя беседой растревожа,
Другой домой побрел бы тоже,
Да дом его сгорел зимой.

<1871>

ПРОТЕСТ

Когда заводит речь бедняк
О городской дороговизне
И плачет о тяжелой жизни
Среди житейских передряг —
Всегда дивлюсь я бесконечно:
От колыбели — сын беды,
Бедняк привык нуждаться вечно —
До нужд его нам нет нужды! . .
Где только нищенство, всегда там
В ад превратится самый рай. . .
Но каково вот нам, богатым? . .
Хоть просто ляг и умирай.

Про нищих скажут мне, что нечем,
При страшных ценах на дрова,
Топить в своих приютах печь им,
Но нищий — участь такова! —
Вином согреется, потопит
В нем горе, выпить очень рад,
А если грош последний пропит —
То в этом кто же виноват?
Всем горемыкам, вместе взятым,
Все ж хлеб дает родимый край,
А каково вот нам, богатым?
Хоть в гроб ложись и умирай.

Привыкли с детства мы к комфорту,
А нам приходится, в борьбе
С судьбой, пославши роскошь к черту,
Во всем отказывать себе.

Пятнадцать комнат занимая,
Я жил как позволял бюджет,
Теперь смотрю квартиры с мая
И просто приступу к ним нет.
Мы не привыкли к дымным хатам,
Нам нужен дом, а не сарай,
И в наше время всем богатым
Хоть в гроб ложись и умирай.

Ресурсов прежних нет и следу,
Растут и дети и... долги.
Жена кричит: «Я в Эмс поеду!»
А Берта хнычет: «Помоги
И денег дай без отговорок»...
Везде расход, расход, расход...
Как ни хитри, а тысяч сорок
Прожить придется каждый год...
Хоть стань купчиной бородатым,
Хоть в карты шулерски играй,
Иначе жить нельзя богатым:
Хоть ляг и молча умирай.

Нет тени прежней дешевизны.
Того гляди — все прогорим;
Хоть из родной своей отчизны
Беги в Карлсбад иль в скучный Рим,
Чтоб жить попржнему, блистая —
Иль нас затрет в конец худой
Лесопромышленников стая
С домовладельческой ордой.
Они живут лишь нашим братом,
Девиз их — «ближних разоряй»,
Так как тут людям жить богатым?
Закрой глаза и умирай.

Мы можем шляться по Европе,
Как шлялись деда наши встарь,
Но чтоб издать, как этот... Гоппе,
Иль Гатцуг, что ли, календарь
Для ежедневного питанья,
Или ремесленником быть —

Мы до такого прозябанья
Еще не можем доходить.
К труду, к мозолям и утратам
Привык плебей иной, холоп,
Но сесть за труд аристократам?! .
Скорей всажу я пулю в лоб! . .

Легко сводить концы с концами
Тому, кто вечно жил в обрез,
Вот почему бедняк над нами
Всегда имеет перевес,
И долг прямой литературы
Не за него стоять — за нас,
За представителей культуры,
За высший по рождению класс,
А в прессе к социальной ломке
Стал уськать всех любой журнал,
А мы тузы, вельмож потомки. . .
Хоть в гроб ложись и умирай.

1871

ПОЛУСЛОВА

Обучена в хорошей школе
Ты, муза бедная моя!
От света, с тайным чувством боли,
Желанья жгучие тая,
Ты изломала бич сатиры
И сходишь так в мир грустный наш:
В одной руке — обломок лиры,
В другой же — красный карандаш.
Ты тихо песни мне диктуешь,
То негодуя, то любя,
И вдруг, прервав сама себя,
Свой каждый стих процензируешь,
И, дрогнув порванной струной,
Твой голос слух на миг встревожит,
Но только смех один больной
Наружу вырвется, быть может.
К чему ж нам петь?

И я едва
Расслушал, затаив дыханье,
Ее ответ: «Полуслова
Всё ж лучше вечного молчанья. . .»

<1871>

ПРОБУЖДЕНИЕ

Зачем его мы разбудили?
Зачем обманывали мы?
В глубоком сне он, как в могиле,
Не отличал от света тьмы,
Любви от вечного гоненья,
Отвык желать и думать он
И тем был счастлив в сновиденьи,
Что наяву считал за сон.
И этот сон вы разогнали,
Вы разбудили бедняка
И вместо хлеба камень дали,
Когда дрожащая рука
За подаяньем потянулась.
Но берегитесь, чтобы в нем
Негодование не проснулось,
Глаза не вспыхнули огнем;
Тогда, стряхнувши униженье,
Он сам себе не будет рад,
И те же самые каменья
На вас обратно полетят.

<1872>

ЗОЛОТОЙ ВЕК
(О К Т А В Ы)

I

· Немало развелось теперь людей
Всем недовольных — холодом и зноем,
Печатью, сценой, множеством идей,
Нарядами с нескромным их покровом,
Решеньями присяжных и судей,
И стариной и новой жизни строим,
И русскою сатирой, наконец. . .
Вступишь же, сатирический певец,

II

Скорей за репутацию сатиры
И отвечай: вы правы! мы скромны,
Не кровопийцы мы и не вампиры,
Но в этом не видать еще вины,
Как думают различные задиры.
Когда нет зла среди родной страны,
Где каждый счастьем ближних только занят,
Где без улыбки праздничной лица нет,

III

Как может быть сатира наша зла?
Какие сокрушительные ямбы
Придут на ум, когда одна хвала
Сама собой ложится в дифирамбы,

Когда поэт, как из цветка пчела,
Отвсюду мед собирает, и не вам бы,
Друзья мои, скорбеть, что этот мед
Сатире нашей пищи не дает.

IV

Живем мы в век «отчетностей» и съездов
Общественных, обеденных речей,
Манифестаций шумных у подъездов
И экономной топки для печей,
Прогресса всех губерний и уездов,
Где что ни шаг, то всюду для очей —
«Отрадное и светлое явление»,
Достойное похвал и умиленья.

V

Сегодня — где-нибудь народный пир,
А завтра шумный праздник юбилея
И торжество на целый русский мир,
Где, от вина и счастья алея,
Сливаемся мы в сладкозвучный клир,
И никогда такая ассамблея
Насмешки злой — о, боже сохрани! —
Не вызовет в печати в наши дни.

VI

Кто ж явится с сатирою бесстыдной
Среди торжеств, веселья и утех
Смушать в толпе покой ее завидный?
Нет, на такой мы неспособны грех.
У нас есть только юмор безобидный
И цензурированный самими нами смех,
Без всякого ехидства и протеста:
В Аркадии сатирикам нет места.

VII

Но все-таки мы смелы чересчур
И говорим с известною свободой;

Без страха наш развязный балагур
Трунит над бедной финской природой,
На «чернь» рисует ряд карикатур
(Над «чернью» смех повальною стал модой),
А иногда, как гражданин-пиит,
Городовых и дворников казнит.

VIII

До колик мы смеемся иногда,
С эстрады клубной слыша анекдоты
О плутовстве одесского жида,
О мужичке, который до икоты
Напился пьян... Все это без вреда
Нас развлекает в клубе в день *субботы*;
Тот смех лишь возбуждает аппетит
И нашему веселью не вредит.

IX

Наш юмор безобиден. Скуки ради
Стишки запретные мы любим почитать,
Мы подтруним над «сильным мира» сзади,
Чтоб льстить в глаза и стулья подавать,
И наши черновые все тетради
Наполнены — коль правду вам сказать —
Хвалебными посланьями к вельможам...
Мы никого сатирой не тревожим.

X

И это ли не признак, что настал
Век золотой? Смех горький затаился
В груди людей, и каждый думать стал
Теперь: «И я в Аркадии родился!»
И потому российский Ювенал
В Полонского у нас преобразился
И начал славить умственный застой,
Как делает граф Алексей Толстой,

XI

Который некогда так весел был и боек...
— Да, век прошел проселочных дорог,
Валдайских колокольчиков и троек,
Исчез и крепостник и демагог;
Цыганок нет, нет ухарских попок,
А вместе с тем почил на долгий срок,
Похороненный с прочими грехами,
Наш прежний смех — и в прозе и стихами.

XII

По рельсам чинно ездим мы теперь,
Цыганок заменили оперетки,
И прогрессистом смотрит прежний зверь;
Безумные попойки стали редки,
Крепостники, смирившись от потерь,
Не могут жить, как прежде жили предки,
Повсюду тишь да божья благодать...
Откуда же сатиры ожидать?

XIII

Сатира с отрицаньем неразлучна,
А мы давно девизом запаслись,
Что вокруг «все обстоит благополучно»,
И, искренно поверив в тот девиз,
Нашли, что и без смеха нам не скучно,
А если б даже им мы увлеклись,
То этот смех не смех ведь, а скорее
Хихиканье ливрейного лакея.

СКАЗКА О СЛАВНОМ ВИКОНТЕ СЫР-БРИ

I

Жил да был виконт Сыр-Бри,
Жил на воле, в полной холе,
От зари и до зари
То гоняя зайцев в поле,
То из дома в каждый дом
Распуская массу сплетен,
И на Невском был замечен,
Всем известен и знаком.
На столичном горизонте
Он считал себя звездой,
И молвы вполне худой
Не ходило о виконте.
Кто там что ни говори
Про его умозатменье,
Но в гостиных уваженье
Возбуждал виконт Сыр-Бри.

II

Вот однажды в небе звезды
Лишь зажглись, как фонари, —
В близлежащие уезды
Собрался виконт Сыр-Бри.
Чтоб в пути не сбиться с толку,
Взял с собою он компас,

Патронташ, рожок, двустволку
И мешерский сыр в запас.
Шел он долго ль, коротко ли
Под ночную тьмой небес, —
Наконец, из поля в поле,
Забрался в дремучий лес.
Вкруг себя глядит он в оба,
Зги не видно, хоть смотри:
Настоящая трущоба! . .
И струхнул виконт Сыр-Бри.

III

Задрожал, и вдруг из мрака,
Словно волк голодный зла,
Одичавшая собака,
Лая, вышла и легла.
Взвел курок он, приложился,
Снял двустволку из-за плеч,
Вдруг лай пса преобразился
В человеческую речь:
«Господин виконт, не троньте!
Неровен на свете час:
Я припомню о виконте,
Помогу ему не раз,
Услужу без всякой фальши! . .»
Постояв минуты три,
Вновь путем-дорогой дальше
Зашагал виконт Сыр-Бри.

IV

Вновь идет чрез темный бор он,
Тайным страхом одержим;
С мшистой ели черный ворон
Вдруг закаркал перед ним.
«Что ты каркнул из тумана
Мне, проклятый вестник зла?» —
И навел виконт на врана
Роковые два ствола.
«Эй, виконт, меня не троньте!
Там, на невском берегу,

Я припомню о виконте
И помочь ему могу». —
«Хорошо же! Это слово
Не забудь же ты, смотри!» —
И путем-дорогой снова
Зашагал виконт Сыр-Бри.

V

Неудачно шла охота. . .
Уж за ночью день спешит;
Вот пред путником болото,
А с болота дичь летит.
Разом вырвался из груди
У стрелка невольный крик,
Но лесная дичь, как люди,
Закричала в этот миг:
«Господин виконт, не троньте,
Не стреляйте лучше в нас!
Мы припомним о виконте,
Угодим ему не раз. . .
Пригодится дичь — не трогай!»
— «Ну, так черт вас побори!» —
И вперед путем-дорогой
Вновь побрел виконт Сыр-Бри.

VI

Год прошел. Свою газету
Издавать стал наш виконт,
Но, создав затею эту,
Потерпел везде афронт.
Ждет, а пользы нет, однако;
Вдруг пред ним, как пред травой
Лист, является собака:
«Мой совет, виконт, усвой:
Лай и вой в своем журнале,
Лай на солнце, лай на свет;
В том собачьем идеале
Скрыт успех таких газет.
Люди глупы; похвала им
В прок нейдет, так ты схитри. . .»

И тогда собачьим лаем
Занялся виконт Сыр-Бри.

VII

Лай издание спас в ту пору,
Но потом всем надоел,
И к виконту раз в контору
Ночью ворон прилетел.
«Ты полемикою жаркой, —
Начал вран, — журнал спаси;
Как зловещий ворон, каркай
Постоянно на Руси;
Предвещай беды и горе,
Попридерживай прогресс,
И тогда в журнальном хоре
Будешь брать ты перевес.
За совет мой благотворный
Ты меня благодари!..»
И с тех пор, как ворон черный,
Каркать стал виконт Сыр-Бри.

VIII

Процветает орган новый,
Но, исполненный забот,
Думать стал виконт суровый:
Дичи мне недостает!
И тогда свершилось чудо:
Только мысль ему пришла,
Дичь взялась бог весть откуда
И журнал весь заняла.
С этих пор в нем раздаются
Лай и карканье и дичь,
И хоть в обществе смеются,
Но — как нрав людской постичь? —
Все же орган тот читают
И в Якутске и в Твери,
И ташкентцы восклицают:
«Молодец, виконт Сыр-Бри!»

СОН ВЕЛИКАНА

В степи, на кургане склоняясь,
Спит старый, седой великан;
Спит старый, седой великан,
И стаями птицы, кружась,
Глядят с высоты на курган.

В кольчуге, в стальном шишаке
Он спит, в мертвый сон погружен;
Он спит, в мертвый сон погружен,
Меч стиснув в железной руке,
Сыпучим песком занесен.

Он долгие годы проспал,
В неподвижности самой могуч;
В неподвижности самой могуч,
Он бурь над собой не слышал,
Не жег его солнечный луч.

Над ним разрасталась трава,
Песком занесен он до плеч;
Песком занесен он до плеч,
И только одна голова
Осталась открытой да меч.

Сном скованный много веков,
Однажды раскрыл он глаза;
Однажды раскрыл он глаза,
И в них, как во тьме облаков,
Казалось, сверкнула гроза.

Казалось, один поворот —
И вспрянет опять великан;
И вспрянет опять великан,
Насевшую землю стряхнет,
Покинет песчаный курган.

Дохнул он и — дрогнула степь,
Неведомых звуков полна;
Неведомых звуков полна. . .
Как будто рассыпалась цепь
Волшебного долгого сна.

Но вежды сомкнулись опять
И — спит великан прежним сном;
И спит великан прежним сном,
И снова его засыпать
Стал ветер сыпучим песком.

1873

Поэт понимает, как плачут цветы,
О чем говорит колосистая рожь,
Что шепчут под вечер деревьев листья,
Какие у каждой капусты мечты,
Что думает в мире древесная вошь.
Он ведает чутко, что мыслит сосна,
Как бредит под раннее утро, со сна,
И только поэт одного не поймет:
О чем это думает бедный народ?

<1873>

СМЕХ

Всегда неподкупен, велик
И страшен для всех без различья,
Смех честный — живой проводник
Прогресса, любви и величья.

Наивно-прямой, как дитя,
Как мать — многолюбящий, нежный,
Он мудрости учит шутя,
Смягчает удел безнадежный.

Струясь, как по камням вода,
Как чистый фонтан водоема,
Торжественный смех иногда
Доходит до грохота грома,

Сливаясь в густых облаках
В немолчное, грозное эхо,
И тот, кто забыл всякий страх,
Дрожал от подобного смеха.

Смирная рыданья порыв
И гордую скорбь гражданина
Под маской шута затаив,
Запрятав под плащ арлекина,

Стремление к лучшей судьбе
Родит он в груди всего мира
И с гидрой пороков в борьбе
Сверкает и бьет, как секира;

Он сонную мысль шевелит
И будит во мраке глубоком:
Плясал вокруг ковчега Давид,
Но был и царем и пророком.

1875

ПЕРЕМЕШАННЫЕ ПАШКИ
(СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ)

I

Однажды заболел Зевес
Недугом мрачным мизантропа,
Вон выгнал всех своих метресс
И стал смотреть из телескопа
На нашу землю с облаков,
С планеты не спуская взгляда:
«Нет, мир не должен быть таков!
Там все идет не так, как надо.

II

Разлад всеобщий поутих
Среди людей, — за ум хватились:
На дело каждое у них
Специалисты расплодились,
Но мне все это не с руки:
Я первый юморист в природе
И, как лекарство от тоски,
Спектакль мне нужен в новом роде.

III

А потому...» Схватив звонок,
Трезвонить громко он пустился,
И, честь отдав под козырек,

Пред ним Меркурий очутился:
«Что вам угодно, ваше—ство?»
И услышал глагол Зевеса:
«Оставив лень и баловство,
Мне службу сослужи, повеса!..»

IV

Ступай на землю и сюда
Стони поболее народу:
Кто первый встретится — айда!
Побольше б только было сброду.
Беги ж теперь что силы есть
И наскочи на землю бурей...»
Отдавши властелину честь,
Как пуля, полетел Меркурий.

V

И на Олимпе через час
С людской толпой он появился.
Тогда Зевес, развеселясь,
Сортировать людей пустился,
С карандашом в одной руке,
В другой — с полоскою бумажки:
«На вашей шахматной доске
Давно смешать мне нужно шашки.

VI

Я ваши роли изменю
При общей сделке любовной,
Составив новое меню
Для вашей трапезы духовной».
Людей поставив под ранжир,
Зевес допрашивать их начал
И всем, их отпуская в мир,
Призванье новое назначил.

VII

«Ты кто такой?» — «С давнишних пор
Я, сударь, ламповщик — не боле...»
— «Отныне будешь ты актер,
Берущий jeune premie¹ роли...
Ты кто?» — «Я уличный маляр:
Малюю потолки, дома я...»
— «Будь пейзажистом! Этот дар —
Твоя профессия прямая.

VIII

А ты?» — «Швейцар я». — «Будь поэт!..
Эй, Аполлон, — ему дай лиру».
— «Я евнух». — «В этом смысла нет.
Примкни к ученому ты миру
И сядь на кафедре...» — «Зовусь
Я, ваша милость, акробатом...»
— «Тебя же сделать я берусь
Общеизвестным адвокатом.

IX

Ты из каких?» — «Я из портных».
— «Строчить умеешь! Потому ты
Будь публицистом с сей минуты:
Строчит ведь и сословье их.
А это кто с затылком бритым?»
— «Из дома желтого субъект».
— «Так будь отныне ты спиритом:
Произведешь везде эффект».

X

Так на Олимпе сортировка .
Смущенных смертных шла весь день.
Меркурий, быстрый, как олень,
Потом их выпроводил ловко

¹ Первого любовника. (Франц.) — *Ред.*

С особым на спине клеймом,
Чтоб после отыскать их в свете. . .
— Вот почему — поймите, дети, —
Все на земле пошло вверх дном.

<1876>

РАЗДЕЛ
(С К А З К А)

При разделе мира Зевс, все громы спрятав,
Всевозможных наций собрал депутатов.

Угостил сперва их завтраком отличным,
Олимпийски-пышным, истинно-античным:

Аристов Василий, говорят, при этом
Управлять был призван кухней и буфетом. . .

А потом встал с трона: «Дело делать будем!» —
И делить стал землю поровну всем людям,

Положив на глобус мощную десницу,
В облако закутан, словно в багряницу. . .

Кончилось все скоро. Зевс, коль верить сказкам,
Всю планету нашу роздал по участкам,

И когда земной весь шар был размежеван,
Молвил Зевс (был в деле точен, как Межов, он):

«Кто моим разделом недоволен — смело
Говори, какого хочет он раздела. . .»

Но довольны были все без исключения, —
Лишь, переминаясь и не без смущенья,

Почесав затылок, снявши рукавички,
Попросил на водку русский, по привычке.

«Что ж, твое желанье скромно и законно!» —
И ему на водку Зевс дал благосклонно.

И изрек: «У смертных еще нет ли просьбы?
Каяться, смотрите, после не пришлось бы...»

— «У меня есть просьба!» — и перед Зевесом
Англичанин начал рассыпаться бесом:

«Много благодарен! Дал ты мне владенья
Двух Соединенных королевств — имения,

Множество колоний, Индию с Калькуттой
(Где еще узнают мой характер лютый), —

Милостью твоею я довольно взыскан,
Но недаром мною целый мир обрыскан,

И, его узнавши, я, хоть наудачу,
Кое-что желал бы получить в придачу —

Например, Египет: брежу я Египтом,
И, как фараоны, я бы не погиб там...

А Египет давши, полный благодати,
Уступи, Зевес, мне Африку уж кстати.

Дальше — я логично говорю и строго —
У меня колоний в Новом Свете много,

В Азии владею тоже я Цейлоном,
И у австралийцев тоже жить тепло нам...

Так прошу — чтить будут вечно тебя бритты —
Мне четыре части света подари ты.

Лев британский будет уж тогда не львенком,
А с Европой сам я справлюсь как с котенком».

Зевс слова Джон-Буля слушал, сдвинув брови,
И прервал британца на последнем слове:

«У тебя отнять мне *все* — было б приятно,
Но что раз даю я — не беру обратно...

Пользуйся покуда частью, мною данной:
Индусов подвластных край обетованный

Золотом Востока даст британцу силу,
А потом ему же выроет могилу...

Ты ж, рожденный жадным, торгашом бесстыжим,
До скончанья века будь отныне — рыжим,

Чтоб был виден всюду огненный твой глянец,
Всем везде кричащий: «вот идет британец!»

Чтоб тебя при встрече сторонились люди
И грудные дети жались робко к груди

Матерей...»

Вот с тех-то самых пор, пойми же,
Друг-читатель, стали все британцы рыжи.

<1878>

Говорят про сладость
Честного труда...
Милая! он в радость
Был ли нам когда?

Очерствели оба
Мы в когтях нужды:
Зависть, голод, злоба —
Вот ее плоды.

Ты лежишь, больная,
Не сомкнешь очей;
Я сижу, не зная
Сна уж пять ночей,

Пять ночей над пыльной
Кипой скучных дел...
Сонный и бессильный
Мозг окованел.

Милая, больна ты;
Но, хоть грудь в огне,
Мы не так богаты,
Чтобы слечь и мне.

Слег бы, впрочем, тоже...
Затекла рука,
А болезнь, о боже! —
Отдых бедняка.

Но нужда на страже,
Ждет, чтоб одолеть. . .
Не имеешь даже
Права заболеть.

<1878>

НА ВЗМОРЬЕ
(ИЗ Я. ПОЛОНСКОГО)

Гаснул день в дымке сумерек нежных,
Солнце скрылось, когда я стоял
 На одной из прибрежных,
Над заливом поднявшихся скал
И с тоскою смотрел неизменную,
 Позабыв всю вселенную,
 Как морские валы
Серебристо-молочною пеною
Омывали подножье скалы,
Как неслись надо мною волокна
Облаков золотисто-лиловые,
Как в прорехи их, словно как в окна,
Улыбались мне звезды перловые...
Вот и ночь... Ароматна она,
Эта ночь благодатная, южная...
Вот, как лебедь, всплыла молодая луна,
Отражаясь в воде, как жемчужная...
И в тот час я, забывши свой челн,
И свой насморк, и тело недужное,
 Слушал музыку волн.
Песни волн были полны причуды,
И в их ропоте слышен совет:
«Ревматизма побойся, поэт,
И домой уходи от простуды...»

1877—1878

ЖИТЕЙСКАЯ ИЕРАРХИЯ

Строго различаем мы с давнишних пор:
Маленький воришка или крупный вор.

Маленький воришка — пища для сатир,
Крупный вор — наверно, где-нибудь кассир;

Маленького вора гонят со двора,
Крупного сажают и в директора;

Маленький воришка сцапал и пропал,
Крупный тоже сцапал — нажил капитал;

Маленький воришка угодил в острог,
Крупному же вору — в пору всё и впрок;

Маленьким воришкам — мачеха зима,
Крупных не пугает и сама тюрьма,

И они спокойно ждут законных кар...
Там, где шмель прорвется, берегись комар!..

<1878>

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ВОРОВСТВУ

I

Не рожден я ликующим лириком,
Я не склонен к хвалебным речам,
К юбилейным стихам, к панегирикам,
Не пишу мадригалов «очам»,
Алым щечкам и губкам коралловым,
Не хвалю я маститых ослов
(Без меня, господа, разве мало вам
На Руси всяких спичей и «слов»)
Исповедую дух отрицания,
Хоть и слышу за то порицания
Я, как русский реальный певец;
Но теперь долг гражданский молчание
Мне нарушить велит наконец.
Часто в жизни молчанье обидное
Хуже всяких крикливых обид,
И всеобщая робость постыдная
Мне подняться за правду велит.
Тон для песни избрав соответственный,
Я похвальную оду спою.
На возвышенный лад и торжественный
Перестроивши лиру свою,
У державинской музыки сообщества
Я прошу, чтоб бесстрашно сказать
То, что смутно в сознании общества
Уже бродит давно, что печать
Лишь по трусости жалкой, ей свойственной.

Громогласно не смела почтить...
Публицист наш, с натурою двойственной,
Любит торной дорожкой ходить.
Мысль, которая в воздухе носится,
Чтоб облечься в горячую речь,
И у всех с языка точно просится,
Я попробую в звуки облечь.

II

Я пою воровство!.. Брать не смело ли,
Скажут мне, столь опасный сюжет?
Но какой бы вопрос мне ни делали,
У меня есть готовый ответ.
Воровство на Руси оклеветано.
В массе всяких общественных бед оно,
Став давно «очищенья козлом»,
Самым меньшим является злом.
Зло — понятие коварно-тягучее...
Если в виде лишь частного случая
Заявляет себя воровство,
Если деньги, толпы божество,
Оставаясь в пределах отечества,
Из кармана, положим, купечества
Переходят в карманы мещан,
А от них к плутократам в карман,
От погонцев к дельцам и так далее,
То какая же в том аномалия
И какой для отечества вред?
Патриот русский, дай мне ответ!..
От домашней такой операции
Не скудеют богатые нации;
Так и наша страна не бедна,
Хоть кишит вся ворами она,
Хоть идут грабежи в ней повальные,
По размерам своим колоссальные,
Хоть орда жадных хищников ждет
Только случая грабить народ.
Велика их орда разноликая;
Отличить невозможно патриция
От червонных валетов порой,

А иной биллиардный герой,
Спавший некогда вместе с маркерами,
На своих рысаках кровных, с шорами,
Выезжает, живет как набоб,
Вверх закинув свой бронзовый лоб.

III

Но за что же пред целой отчизною
Будем в них мы бросать укоризною,
Надоевшею всем одинаково?
Без того уж о них вздору всякого
Много молото и перемолото. . .
Если нашего русского золота
Не швыряют они в Баден-Бадене
(Больше любят Москву, Петроград они),
По Парижу теперь не мотаются
(Парижанки к ним сами съезжаются)
И те деньги, которые сцапали,
Не бегут тратить в Риме, в Неаполе, —
То решимся ли, быв патриотами,
Подстрекаемы личными счетами,
В них бросать обличенья каменьями,
С жаждой мести, со злобой нервической,
И считать их дела преступленьями?
Кто знаком хоть слегка с *политической*
Экономией и хотя на-слово
Верит знанью Вернадского, Маслова,
Тот на свежую голову в утренний
Час придет к мысли той, что наш «внутренний
Вор» — явление совсем не опасное,
А подчас — говорю беспристрастно я —
Есть явление такое полезное,
Что смягчить может сердце железное.

IV

Русский вор — честный рыцарски мот,
Сам ворует, другим жить дает,
Поощряет в отчизне коммерцию,
Нарушает торговли инерцию,

Рассыпает свой дождь золотой,
Оживляя фабричный застой,
Наживаться дает окружающим,
От щедрот его дань получающим,
Рестораторам, погребщикам,
Поварам и голодным приятелям,
Всевозможных сортов прихлебателям,
Фигуранткам, портным, игрокам
И кокоткам последней формации...
Тот, кто жжет на огне ассигнации,
Тот, кто нажил легко капитал
Или, попросту, смело украл,
Для него наше золото дешево,
Может сделать немало хорошего
При посредстве различных даров, —
И немало «почтенных воров»,
Обирав чужого и ближнего
Без смущенья до платья их нижнего,
Жить дают в то же время другим,
Поправляя зло делом благим,
Нас подобною честностью трогая...
Пусть же наша юстиция строгая
Привлекает к суду их, громит,
Отдаленною ссылкой грозит,
Но все мы, став на точку особую,
Укорять их не будем со злобою;
Я же, лиру настроив свою,
Им похвальное слово пою.

<1879>

ПЕЙЗАЖ

(ИЗ К. СЛУЧЕВСКОГО)

Природу всю томит жар сильный;
Бежит *прилежная* река,
И *расторопно*, как посыльный,
Скользят по небу облака.
На берегу, румяны, полны,
Две бабы с ведрами стоят;
Благовоспитанные волны
Лизнуть у них не смеют пят.

1879

ЗВЕЗДЫ И СЛУЧЕВСКИЙ

По эфиру, как с поминок
Возвращающийся инок,
Месяц крадется бочком;
По эфиру без ботинок
Бродят звезды босиком,
Бродят ночью без опаски,
Сняв чулки и сняв подвязки,
И мигая, словно глазки
Засорили им песком,
Пылью нашею земною,
Говорят они со мною
Мне понятным языком.
Их язык чужд нашей сфере,
Их язык, как очи Мэри,
Состоит весь из лучей,
И ему, по крайней мере,
Ни в каком диксионере
Равносильных нет речей.
С языком лучистым этим
В мире я знаком один
И внимаю звездам-детям.
Нынче вздумалось пропеть им:
«Для тебя лишь только светим
Мы, Случевский Константин!..»

1879

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

(В А Л Л А Д А)

I

Утро позднее. Небо туманное
Над столицей как саван висит,
И движенье кругом беспрестанное —
Шум, и говор, и звон от копыт.
Все торопится, с ног все сбивается,
Словно времени каждому нет,
Но столица не той представляется,
Как назад тому двадцать пять лет.
Вновь проложены улицы многие,
Омнибусы бегут на парах;
Репортеры, как мухи двуногие,
На воздушных летают шарах.
Электричеством весь освещается
Петроград. . . Каждый день, например,
Домонтович, чтоб в Думу отправиться,
Приготовить велит монгольфьер.
Посмотрите — кругом не Европа ли?
Питер с Лондоном спорить готов.
Обессмертили Струве в Петрополе
Чрез Неву пять висящих мостов.
Телефоны связали все здания,
Все жилища: при помощи их
Композиторов новых создания
Можно слушать в квартирах своих

И, забыв суматоху напрасную,
В зимний или в осенний сезон,
Чтоб не бегать в погоду ненастную,
Можно сплетничать чрез телефон,
Разболтавшись при этой okazji
С «дамой сердца» удобно весьма...
Две-три лишних явилось гимназии
И чрез пятый-шестой дом — тюрьма.
Словом, всюду прогресса знаменья,
И хоть два миллиона людей —
Невских жителей, стало все ж менее
Завирательных прежних идей.
Перестроилось общество заново,
Места нет в нем реальным творцам;
Пять домов генерала Мартьянова
Отдаются бесплатно жильцам.

II

На Неву из Усолья далекого
Прикатил коммерсант-сибиряк;
От казны был тяжел кошелек его,
Сам он был далеко не из скряг.
Новичком он явился в Петрополе,
И при виде различных чудес
Не однажды глаза его хлопали:
Восхищал его невский прогресс.
Все его возбуждало внимание,
Так что с раннего часто утра,
Свой восторг предвкушая заранее,
Он чуть свет покидал номера
И по городу рыскал богатому,
Где смущал его грохот и гул...
Раз — знаком уже был Петроград ему —
В лавку книжную он завернул.
«Подписаться хочу на газету я,
А притом и на толстый журнал.
Укажите, по правде советуя,
Чтобы сам я впросак не попал,
Чьи издания в ходу теперь более?»
— «Господина Суворина. Он,
Знать такая далась монополия,

Всю печать нынче забрал в полон.
Да-с, один завладел прессой целою,
И других соиздателей нет.
Все журналы — я список вам сделаю —
«Огонек», «Голос», «Слово» и «Свет»,
«Время новое», «Речь», «Иллюстрация»,
«Нива», «Вестник Европы» и «Сын»
(Чтоб в руках была целая нация)
Издавать стал Суворин один,
Чем ужасно была раззадорена
Отставных журналистов толпа...»
— «А вот эта чья лавка?» — «Суворина.
В книжном деле нет выше столпа:
Он убил магазины все книжные,
И бороться нельзя с ним никак.
Верьте в слово мое необлужное...»
Лишь руками развел сибиряк,
Речь приказчика важного слушая,
И, покинувши лавку, шептал:
«Видно, бил лишь в Сибири баклуши я,
Если дива такого не знал...»

III

Суета на проспекте обычная.
Сибиряк по панели бредет,
Погружен в размышленья различные,
И, лицо свое пряча в енот,
Чтоб от ветра избавиться резкого
(Петербургский неласков зефир),
До угла дотащился он Невского
И Владимирской; видит — трактир
С освещенной парадною лестницей.
К ней стремятся в обеденный час
Туз-делец с рыжекудрой прелестницей,
Правовед, только кинувший класс,
Аферисты, валеты червонные,
Бюрократы, шагистики цвет,
И татары, как бы окрыленные,
Их в особый ведут «кабинет»
Или в общую залу громадную...
Увлеченный толпой, наконец

В ту же залу трактирно-нарядную
Пробрался и сибирский купец.
Заказавши уху со стерлядкою,
Блюдо редкое очень зимой,
Он спросил у слуги с миной сладкою:
«А чей это трактир, милый мой?»
И, вопросом смущенный сильнее, чем
Всякой грубостью, молвил слуга:
«Куплен он Алексеем Сергеечем
Был у Палкина втридорога».
— «Куплен кем? Человеку нездешнему
Ты толковее должен сказать:
Алексея Сергееча где ж ему
По единому имени знать.
Кто такой он?» Татарин куражится,
Посмотрел на купца, словно зверь:
«Господина Суворина, кажется,
Знает каждый младенец теперь».

IV

Вечер. Прежнего сада Демидова
Не узнать. В нем огромный вокзал,
И каскадно-заманчивый вид его
Всех невольно к себе привлекал.
А в вокзал так и ломится публика
Торопливо с различных сторон:
Ей знакома газетная рубрика,
Что гласит: «Вновь открыт Демидрон».
Можно здесь позабыть важность чинную,
Все дневные заботы и труд, —
И валит, и валит в залу длинную
Петербургский скучающий люд.
На эстраде — певицы французские,
Знаменитостей целый реестр;
Музыканты приезжие, прусские
Занимают огромный оркестр;
Плясуны и плясуньи канатные,
Много клоунов, «Новый Боско»,
Шансонетки клубнично-приятные
И игривые, точно клико;
Блеск и шум, гул толпы прибывающей,

Полусвета отборный цветник,
Самый воздух слегка одуряющий —
Все влечет в Демидрон в этот миг.
Сибиряк сбросил шубу тяжелую,
Занял кресло в четвертом ряду
И певичу в трико, полуголую,
Созерцает в каком-то чаду,
То краснеет, то, жмурясь, волнуется
(Он недаром родился в избе),
А сосед его просто беснуется
И отхлопал все руки себе.
Атмосфера такая уж жгучая,
Быть нельзя хладнокровным никак...
Вот, дождавшись удобного случая,
Речь с соседом завел сибиряк:
«Превеселое здесь заведение
И пьянит оно, словно вино,
Только думаю — на поведение
Может действовать дурно оно».
— «Почему же?» — взглянул вопросительно
На купца еще юный сосед.
— «Да уж очень здесь все соблазнительно
И обычной пристойности нет».
— «Отсталое у вас очень мнение...»
— «Чей же, сударь, теперь Демидрон?»
— «Лишь на днях перешел во владение
Алексея Суворина он».
— «Как, и здесь он поспел?» — «Воротилою
Стал он первым у нас на Неве,
Стал финансовой нашею силою,
Да и в прессе стоит во главе.
Хоть в идеях дошел до убожества,
Но барыш от изданья таков,
Что имеет он портерных множество
И четыреста шесть кабаков».

V

День субботний. Погода суровая,
Жметса каждый столичный жилец,
Но отправился в бани торговые
По привычке сибирский купец,

Взял фуфайку, в дороге полезную,
И с бельем небольшой узелок,
Занят думой одной разлюбезною:
«Поскорей бы залезть на полок!»
Вот и баня. Дверь настежь растворена,
Но уж сам порешил сибиряк:
«Вероятно, здесь бани Суворина?»
И швейцар отвечал: «Точно так...»

1878—1879

НАРОДНЫЕ МОТИВЫ

I

«Ты куда бежишь?» — «Купаться», —
Крикнул сын из-за угла,
И старуха-мать ругаться
По привычке начала:
«Попадись-ка мне, парнишка,
Встрепка будет, — погоди! . .
А утонешь если, Мишка,
То домой и не ходи».

II

ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ

По селу идет с котомкой
Отставной солдат.
В небе светит полный месяц,
Звездочки горят.

Всюду тихо; только где-то
Лает сонный пес.
Вдруг солдат остановился,
В землю словно врос.

«Что за диво! Тучки малой
Нет в выси небес;
Надо мной сейчас плыл месяц,
Плыл и вдруг исчез.

Про затмение толковали,
Помню, господа,
Но его мне не случилось
Видеть никогда».

В этот миг ему навстречу
Мужичок. «Земляк,
Что вдруг с месяцем случилось?
Не пойму никак.

Не успел набить я трубки,
Месяц с неба — прыг. . .»
— «Я, голубчик мой, нездешний», —
Отвечал мужик.

<1880>

ПРИВЫЧКА — ВТОРАЯ НАТУРА

Вчера попробовал чижа
Я выпустить из клетки,
Но птица глупая, дрожа,
Порхнувши в сад, на ветке

Не посидела двух минут,
С испугом посмотрела
На дальний лес, на светлый пруд
И — в клетку вновь влетела:

Присмотр обычных сторожей
Ей полюбился больно...
И «новременских» чижей
Припомнил я невольно.

Для опыта вы клетку их
Оставьте без задвижек
И без затворов роковых,
Но ни единый чижики,

Своей неволей дорожа,
Не тронется, при сметке,
Что для журнального чижа
Покойнее жить в клетке.

<1880>

6 АВГУСТА 1880
(РАЗДУМЬЕ РЕТРОГРАДА)

Про порядки новые
Подтвердились слухи:
Августа шестого я
Был совсем не в духе,
И меня коробили
Ликованья в прессе:
Ей regretium mobile¹
Грезится в прогрессе...
Плача от уныния
И по той причине
Окуляры синие
Надевая ныне,
С чувством содрогания
Я убит был просто
Упразднением здания
У Цепного моста.

Учрежденья старые —
Их ломать мы падки —
Возбуждают ярые,
Общие нападки
Лишь по малодушию
Либеральной клики,
И с тоской я слушаю
Радостные крики,

¹ Вечное движение. (Лат.) — *Red.*

Толки суемудрые...
Всюду лица блещут,
Даже среброкудрые
Старцы рукоплещут;
Но без колебания
Нравственного роста
Можно ль жить без здания
У Цепного моста?

Истина давнишняя
Есть в подобном роде:
Пугало — не лишняя
Штука в огороде.
Пугало единое
Держит в вечном страхе
Царство воробьиное.
Люди ж — вертопрахи,
С воробьями схожие.
В страхе — их спасенье;
А теперь прохожие
Без сердцебиенья
И без трепетания,
Как в саду у Роста,
Ходят мимо здания
У Цепного моста.

А давно ль — не надо ли
Повторять нам детям! —
Сами шапки падали
Перед зданьем этим;
Мысли нецензурные
Прорывались редко;
Радикалы бурные —
И у них есть сметка --
Фразу их любимую
Повторяли людям
С резкой пантомимой:
«Все, дескать, там будем!»
Я же в назидание
Внукам до погоста
Буду славить здание
У Цепного моста.

Днем иль в ночи звездные
По Фонтанке еду, —
Зданье мне любезное
Увидав, беседу
Завожу с ним нежную,
Не реву едва я,
С грустью безнадежною
Головой кивая.
Сердце разрывается
У меня на части,
Дух же возмущается...
Впрочем, хоть отчасти,
Два иль три издания,
Стоящие тоста,
Заменяют здание
У Цепного моста.

1880

БЛУДНЫЕ ДЕТИ

Когда пред нами в образах поэта
Под серым небом бедных деревень
Встает народ, несущий ночь и день
Тяжелый крест, — до слез картина эта
Нас трогает. . . Дивит нас, сельский люд,
Порою доводя до умиленья,
Твое неистощимое терпенье,
Безропотность и бесконечный труд,
И сердце в нас становится моложе
От грустных нот певца, и наконец,
Отзывчивые нервы растревожа,
Мы сами плачем, как певец,
И чувствуем, что связаны судьбою
С тобой, народ, что кровна эта связь. . .
Потом, вполне довольные собою,
Чувствительностью собственной гордясь,
Как практики сухие по природе,
Среди забот и наших личных нужд
Позабываем скоро о народе,
Который нам на самом деле чужд.
Так блудный сын, усталый от разврата,
В минуту светлую, чтоб успокоить мать,
Клянется всем, что дорого и свято
Еще ему, иную жизнь начать;
Клянется на коленях он, с рыданьем —
Загладить прошлое бесславие и стыд. . .
Потом, очистив совесть покаяньем,
Опять на оргию полночную бежит.

<1880>

ВЗГЛЯД И НЕЧТО
(БЛИЗКОЕ ПОДРАЖАНИЕ „НОВОМУ ВРЕМЕНИ“)

Утром. Мненья либеральные
Я всегда предпочитал.
Ночью. Самая скандальная
Нынче кличка — либерал.
В людях. Смысла нет и логики —
Сечь детей и колотить.
Дома. Дело педагогики
Снова розги в ход пустить.
Утром. Преобразования
Нужны в Думе, господа! ..
Вечерком. Кричу заранее:
Все реформы — ерунда!
В среду. Гласности значение
Отвергать ли? .. Мысль дика!
В четверток. Держусь я мнения
Господина Поздняка.
Полдень. Немцев ненавижу я,
Но люблю всех англичан.
Полночь. К черту раса рыжая!
Немец — первый друг славян.

1880

ДВЕ СМЕРТИ
(ВАЛЛАДА)

I

Действительный статский советник Курдюк,
Дородный, румяный, как солнечный круг,

Обедов хороших знаток и ценитель
И пола прекрасного страстный любитель,

Позавтракав плотно в трактире «Москва»
И шубу медвежью надевши, едва

На улицу вышел, как скрыть удивленья
Не мог. Никогда он такого движенья

Не видел, не помнил таких похорон:
Как тихое море, с различных сторон

Вокруг колесницы толпа тысяч во сто
Содвинулась как-то торжественно просто. . .

Отдельными группами шла молодежь
С венками лавровыми — их не сочтешь, —

И убраны пышно венки были эти.
Смешались мужчины, и дамы, и дети,

Печально у многих потуплен был взор,
За хором одним новый следовал хор,

И весь подвижной погребальный тот клирос
От самой Литейной до Знаменской вырос.

II

Действительный статский советник Курдюк,
Толпой увлеченный, смотреть стал вокруг

На пышный кортеж, на толпу вокруг гроба,
И думал: «Конечно, большая особа

Скончалась, вельможа помре, крупный чин,
А иначе не было б вовсе причин

В столице его хоронить так парадно...
Однако... однако тут что-то неладно, —

Курдюк с беспокойством раздумывать стал. —
Я сам в крупном чине, я сам генерал,

Различных особ хоронил я немало
И знаю, что так на Руси генерала

Нельзя, невозможно никак погребать.
Во-первых, регалий нигде не видать,

А их для парада — они не игрушки —
Всегда до кладбища несут на подушке;

Затем нет мундиров, чиновных фигур;
Толпа либеральна на вид чересчур,

И слишком уж много в ней «длинноволосых»:
Сюда пять-шесть тысяч, не меньше, сошлось их...

Притом полицейских не видно почти,
Хотя образцовый порядок в пути

Народ соблюдает. . . Теряюсь в догадках!
Приходится век доживать при порядках

Таких, что идет кругом вся голова.
Бывало, два-три человека едва

Сойдутся случайно — глядь, бог весть откуда
Является чин полицейский как чудо,

А нынче посмотришь. . . Однако, кого б
Спросить: в Лавру, что ли, несут этот гроб?

И кто был покойник: почтенье внушая
Такое, он, верно, особа большая. . .»

III

«Позвольте спросить, — оглянувшись вокруг,
Действительный статский советник Курдюк

Спросил одного господина в еноте, —
Кого хоронить, господа, вы идете?»

— «Кого? — с изумленьем заметил енот,
Невольно свой шаг замедляя. — Идет

За гробом почти целый город, и вдруг вы
(Курдюк стал красней кумача или клюквы)

С вопросом подобным! . . .» — «За этот вопрос
Прошу извиненья, — но умер-то кто-с?»

— «Не знаете разве? Известный писатель».
— «Писатель, и только, — что слышу, создатель!

Подобный кортеж. . . цугом шесть лошадей. . .»
— «Покойник был автором «Бедных людей»

И «Мертвого дома». . . Вам этого мало?»
— «Простите, я думал, везут генерала

Иль знатного барина, что ли, — а он. . .»
— «А он был бедняк, и чинов всех лишен,

И выдержал каторгу даже в Сибири,
Но тут его память в читающем мире,

И имя его, хоть кого ни спроси,
Известно повсюду у нас на Руси

И лишь незнакомо безграмотным людям,
Которых за то и винить мы не будем. . .»

IV

Курдюк не дослушал его до конца.
Курдюк то горел, то бледней мертвеца

От мыслей, бушующих в нем, становился;
Курдюк поскакал и дорогой крепился;

Когда же завидел квартиры порог,
В дверях оборвал он мгновенно звонок,

Рванул ручку двери, и ахнула громко,
Всплеснувши руками, его экономка;

Но, сбросивши шубу с себя и сюртук,
Действительный статский советник Курдюк

Дал полную волю проклятьям и гневу,
Смутив экономку, почтенную деву,

Потоком ругательств отборных таких,
Что немка застыла, услышавши их.

Та дева из Риги, лет за сорок с лишком,
Хотя к генеральским капризам и вспышкам

Давно попривыкла, робка по натуре,
Но все ж не слыхала она такой бури.

Курдюк же ревел, словно раненый: «Как?
Писака какой-нибудь... нищий... голяк

(Он тут оборвал у сорочки весь ворот)
Такой удостоился чести! Весь город

За гробом его нес хоругви, венки! ..
Что власти смотрели? Мои кулаки

Сжимались все время при этом скандале...
О, если бы волю... сегодня... мне дали,

То я...» Тут упал как подкошенный вдруг
Действительный статский советник Курдюк,

И — был генерал оскорблен очень тяжко —
Хватил его насмерть в то утро кондрашка,

И доктор, взглянувши на казус такой,
Ушел, безнадежно махнувши рукой.

V

Прошло трое суток. По грязной дороге
На Волково двигались крытые дроги,

На них возвышался глазетовый гроб,
За гробом, нахмуривши низкий свой лоб,

Плелась экономка, с ней две-три старушки;
Несли ордена на обычной подушке,

А сзади шла кучка знакомых, родных, —
Покойник едва ли узнал бы иных,

Отставши от многих родных и знакомых:
Путейский полковник, что выпить не промах

И ради поминок покушать, кадет,
Чиновник из банка — партнер и сосед

Умершего, писарь, какая-то полька,
Курьер да племянник с супругой — и только.

И если бы мог оглянуться вокруг
Действительный статский советник Курдюк,

Слегка приподняв над собой крышку гроба,
Такая б проснулась в нем дикая злоба,

Увидя своих провожатых, что вновь
Застыла б слегка забродившая кровь,

И, выбравив эту компанию зычно,
С досады наверно б он умер вторично.

1881

ЗАГОВОР В ЛЕСНОМ

БАЛЛАДА

Редакция журнала «Полярная звезда» помещается за городом, в Лесном.

Газетное известие.

С волками жить — по-волчьи выть.

Пословица.

Ночь, мороз трещит. На сонный
Парк льет бледный свет луна.
Там и здесь — сугроб саженный,
Холод, глушь и тишина.

Запушились снегом елки...
Непробудно-поздний час...
В парке только рыщут волки
И издатель Салиас.

— «Братцы-волки! Не простая
У меня есть просьба к вам...»
И волков сбежалась стая,
Удивясь таким словам.

«Позадумал издавать я
Здесь «Полярную звезду»
И от вас, о волки-братья,
Дорогой услуги жду.

Для издания не барашки
Нужны мне, а волчья рать,

Чтоб за икры и за ляжки
Либералов всех кусать.

Помогите — вы мне любы —
Издавать в Лесном журнал:
Пусть узнает волчьи зубы
Современный радикал.

Волчий стиль мы все усвоим...
Не жалеете же клыков»...
И свое согласие с воем
Изъявило сто волков.

М о р а л ь

Не советую на тройке,
Господа, скакать в Лесной:
Могут кончиться попойки
Там катастрофой одной.

Либералов вкусно мясо, —
Нынче ж кто не либерал?
Так что волки Салиаса
Вас съедят и — кончен бал.

СОВРЕМЕННАЯ БАСНЯ

Вороне, хищнице известной, где-то бог
Послал с начинкой вкусною пирог...
Хоть ей грозил путь отдаленный,
Все ж уплетать ворона начала
Пирог казенный,
А в это время мимо шла
Лиса, известная юристка и софистка,
И, поклонившись низко,
Сказала: «Упекут
Тебя, голубушка, под суд,
Где защищать тебя готова я, пожалуй,
«Присяжным» псам сказав: лежать! ни с места!
куш!

Когда вперед заплатишь мне немалый
За это куш».

Ворона знала, странствуя по суше
И по воде,
Что раздавать такие куши
Приходится везде,
Чтоб дело выиграть в суде.
И заключила тотчас же условие
С лисой и ей дала от пирога кусок.
Но это только предисловье
Истории, а вот и эпилог:
Попала скоро хищница в острог
И о таком «пассаже»

Скорбела день и ночь, совсем лишившись сна,
Лиса же
Осталась в барышах одна.

Как вора ни зови — шакалом иль вороной,
Узнают все, однако, кто вор оный.

<1882>

КОРОЛЬ И ШУТ

Король негодует, то взад, то вперед
По зале пустынной шагая;
Как раненый зверь, он и мечет и рвет,
Суровые брови сдвигая.

Король негодует: «Что день, то беда!
Отсюда зловещие вести.
Везде лихоимство, лезть, подкуп, вражда,
Ни в ком нет ни правды, ни чести. . .

Поджоги, убийства, разврат, грабежи,
Иуда сидит на Иуде. . .»
Король обратился к шуту: «О, скажи:
Куда делись честные люди?»

И шут засмеялся: «Ах ты, чудодей!
Очистив весь край понемногу,
Ты в ссылку отправил всех честных людей
И — сам поднимаешь тревогу!»

<1882>

ВОПЛЬ РЕТРОГРАДА

От опасений вечных тая,
Как жертва гласности шальной,
Под небо дальнего Китая
Бегу я из страны родной...
На прессу сильно негодуя
И раньше срока стар и сед,
Туда, туда — в тот край уйду я,
Где репортеров вовсе нет.

Готов бежать я к готтентогам,
К даякам... Пусть страна дика, —
Жить несомненно хорошо там,
Где нет печатного станка,
Где человек к природе ближе,
Неграмотен, совсем раздет...
Туда, туда направлю лыжи,
Где репортеров вовсе нет!

<1883>

ИЗ И. АКСАКОВА

(СМ. ПОСЛЕДНИЙ Ж „РУСИ“)

Школьник

Еду. Спереди и сзади
Лишь поля одни встают.
— Ну, пошел же, бога ради!
Покажи лошадкам кнут.

Полетела птицей тройка...
Шел с котомкой за спиной
Впереди мальчишка бойко.
— Стой, ямщик! Куда, родной,

Пробираешься? — Не близко:
В город... — Этакий сверчок
И один идет! Садись-ка
Ты ко мне на облучок.

Подвезу. — Присел парнишка.
— Что в котомке ты несешь?
— Две рубашки в ней да книжка.
Я иду учиться. — Что ж,

Будешь писарем, быть может.
— Поучившись шесть-семь лет,
Попаду, коль бог поможет,
Даже в университет.

— Что-о? Как? В университете
Хочешь быть ты, мальчуган? ..
Вот о чем мечтают дети
Добрых наших поселян! ..

Боже, это уже слишком! ..
У меня зудит рука. . .
Помогать таким мальчишкам
Не хочу. . . Прочь с облучка

И ступай пешком. . . Проселки
Каковы у нас? .. Разврат! ..
Погоняй, ямщик! Хоть волки
Пусть его здесь заедят.

1883

ПЕСНИ О РОЗГАХ

I

Во поле березынька стояла,
Во поле кудрявая стонала:
— Некому кудрявой защитити,
Не к кому прибегнуть мне к защите;
Вновь на каждом листике березы
Выступают, словно жемчуг, слезы
От беды — невзгоды неминучей,
И опять зовут меня «плакучей».
Тошно мне! Настали дни иные.
Публицисты — люди озорные,
Соблазнившись строгостью острогов,
Усыкают российских педагогов
И, назад указывая путь им,
Голосят: «Вернитесь снова к прутьям,
Прибегайте — и почаще — к розгам:
Только розги могут детским мозгом
Управлять, как руль, в житейском море, —
А не то с детьми вам будет горе.
Им нужна «березовая каша»;
Эта каша — мать родная наша...
Вырубайте же березки по проселкам,
И детей порите с чувством, с толком,
С расстановкою, приличной делу:
Все, что больно молодому телу,
То смиряет детский ум строптивый,
Так что мальчик резвый и ленивый,

Только из боязни жгучей боли,
Даст зарок не баловаться боле».

Так береза во поле стонала
И, роняя слезы, причитала;
Смысл речей был жалобен и горек,
А Суворин, в руку взяв топорик,
Подрубал «плакучие» березки
И, отправив в собственной повозке
В город их, в своей конторе даже
Выставил для розничной продажи.

II

О Незнакомец! Вы учеников-птенцов
Сечь предлагаете с развязностью привычной
И пользы ждете необычной
От розог и от их классических рубцов.
О Незнакомец! вам поэму в сотню тысяч
Строк посвящу... Да что! Поэма — вздор...
Я с удовольствием готов бы был вас высечь...
Из мрамора, когда б я был скульптор.

1883

ПОВЕТРИЕ

Имея пломбу от Европы,
Нетрудно гением прослыть;
Всегда найдутся остолопы,
Чтоб приговор такой скрепить.

«Он человек великий!» — часто
Мы слышим их табунный крик.
Глупцы решили так и — баста!
Он потому для них велик,

Что, на колени ставши, снизу
Вверх на него они глядят,
Но если рабскому капризу
Они служить не захотят,

То, вставши на ноги и просто
Взглянув, узнают в миг один,
Что незначительного роста
Их изумлявший господин.

Теперь же обратили в идол
Они его, плетут венки, —
Но аттестат единый выдал
Им, верно, сам он: «Дураки!»

<1884>

НАПРАСНЫЕ ОПАСЕНИЯ

Мы, люди старого закала,
Смотря, как мир идет вперед,
Скорбим и сетуем немало,
Что обновился жизни ход,
Что изменились люди, нравы,
Черты нет прежней ни одной, —
Но в этом мы, друзья, неправы:
Все тот же он, наш край родной.

Как старовер журнальной лиги,
Смотрю кругом я без забот:
У жизни, как у старой книги,
Лишь обновился переплет.
Под неизменным зодиаком
Живет и дышит божья тварь,
И под блестящим, новым лаком
Еще сквозит родная старь.

В столицах и в глуши уезда
Все те же блага старины,
Лишь не с парадного подъезда,
А с заднего крыльца должны
Мы в бытовые наши гнезда
Вступать в родимой стороне,
Где все мы рано или поздно
Вернемся к прошлому вполне.

Прогресса ширмы лишь для виду
Скрывают наш старинный быт,
Но он не даст себя в обиду,
За дело предков постоит,
Не променяет идеала,
Которому служил века,
И — поскобливши либерала,
Мы в нем найдем крепостника.

Держась за старые порядки,
Мы противу рожна не прем;
Где нужно, предлагаем взятки,
Где можно, сами их берем;
Не отрицая просвещенья,
Имеем в сердце божий страх
И выставляем в день крещенья
Кресты на всех своих дверях.

Любая пришлая химера
У нас мутит одних детей;
Мы любим почитать Вольтера
И верим в леших и в чертей;
Забываясь о домашнем мире,
Просыпав соль, скрываем вздох,
И изумляемся, в квартире
Не находя клопов и блох.

Идеи западные с толку
Не сбили нашу «соль земли»,
И ту же «Северную пчелку»
Мы в «Новом времени» нашли.
В его любой заглянешь номер
И крикнешь радостно всегда:
«Булгарин жив, и Греч не умер!»
Чего ж еще вам, господа?!

<1885>

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

БАЛЛАДА

В виду океана ревел, как Борей,
Джон Буль, находясь в ажитации:
«Явись, о Фетида, богиня морей,
Защитница английской нации,
Явись и скажи мне, кто может со мной
Соперничать в силе и в славе земной? ..

На двух полушариях английский флаг
Всевластно теперь развевается;
Пред золотом нашим как друг, так и враг
Почтительно ныне склоняется;
Где меч не проложит дорогу себе,
Там деньги осият в неравной борьбе.

Весь мир — мой!» Тогда из пучины морской,
Где стихло волнение шумное,
Ему отвечала Фетида с тоской:
«Какая кичливость безумная!
О смертный, скажу, справедливость любя,
Заносчивость эта погубит тебя.

Как ты, был заносчив мой сын Ахиллес
И боя искал рукопашного;
Однако, к несчастью, по воле небес,
Пята Ахиллеса бесстрашного
Была уязвима, и пал он в бою,
Наполнивши скорбью всю душу мою.

Британский твой лев также грозен на взгляд,
Кичливость за ним та же водится,
Но все же своих «ахиллесовых пят»
Ему забывать не приходится.
Египет — Ирландия — Индия: ты
Сперва залечи-ка три эти пяты».

<1886>

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕРОИ

К о л у п а е в

(подходя к Обломову)

Здравствуй, барин!

Обломов отворачивается.

Р а з у в а е в

Видишь, кланяться

Не желает нам гордец.

К о л у п а е в

(Обломову)

Эй, не плюй в колодец! Чваниться

Переставши наконец,

Сам к колодцу за водицею

Неприменно ты придешь

И вокруг нас сам лисицею

Увиваться ты начнешь.

Ныне властные хозяева

Кто, скажи-ка, на Руси?

Ты об этом Разуваева,

Колупаева спроси.

Ту двойную, всем знакомую,

Кличку знает русский люд.

Величают вас — *соломою*,

Нас же — *силою* зовут.

Барство прежнее умело ли

Так хозяйничать? Поверь,

Даже климат переделали

Мы в родном краю теперь;

С той поры, как вокруг да около
Истребляем мы леса,
А у вас всех сердце ёкало, —
Совершились чудеса:
Климат сделался суровее,
Юг на север стал похож,
И, скажу без празднословия,
Молотить мы можем рожь
На обухе. . . Не сторонятся
Нас, кому нужны гроши. . .

Обломов

Дайте руку. Познакомиться
С вами рад я от души.

<1887>

ПОЭТ ПЕРЕД СУДОМ АДВОКАТА
(ПОДРАЖАНИЕ СОФИСТУ XIX ВЕКА)

Автор «Демона» и «Мцыри»
Даровитый был поэт,
Но, как дважды два — четыре,
Ясно мне (*я первый* в мире
Об его замечу лире):
Самобытности в нем нет.

Да, пора предать огласке,
Что российский сей баян,
Создавая песни, сказки,
Все эпитеты, все краски
Брал нередко без опаски
У привислинских славян.

У «оставленного храма»
Пел он: «это все же храм!»
Но настаивать упрямо
Буду, высказавши прямо:
У Мицкевича Адама
Тот же стих найду я вам.

Есть «желтеющая нива»
В стансах русского певца,
Есть «малиновая слива»,
Но, однако — что за диво? —
Те ж слова, их вспомнив живо,
Я нашел у Одынца.

У поэта «волны сини»
В океане. . . ¹ Стих богат,
Слаще музыки Россини, —
Но могу заметить ныне,
Признаюсь не без гордыни:
У Словацкого он взят.

Все же, публика, причисли
Ты певца к среде светил!
Хоть и не жил он на Висле,
Но ее поэтов чтит,
Брал их образы и мысли
И от них лишь, в строгом смысле,
Понабрался мощных сил.

1888

¹ «По синим волнам океана».

II

ГАЗЕТЕ „ДЕНЬ“

«Дню» мадригала лучше нет:
«Ни *день*, ни ночь, ни мрак, ни свет».

1861—1862

ЗАГАДКА

Кто на Руси возрастил красноречья афинского розы?
В веке прогресса, скажи, кто казаков угадал?
Кто Славянин молодой, Греч мощью, а духом Булгарин?
Вот загадка моя: хитрый свистун, разреши.

1862

В ДЕНЬ ИМЕНИН И. А. А<РСЕНЬ>ЕВУ

Почтить в день ангела — обычай
Блюдет издревле славянин,
Иной хоть крендель из приличий
Да поднесет в день именин.
И в этот праздник — так ведется —
Никто до ночи от утра
Над срочным делом не согнется
И не кохнет до пера;
И мы теперь, не без причины,
Вам восхвалив безделье, лень,
Желаем все, чтоб именины
У вас бывали каждый день.

1862

НА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКЕ

I

НИЩИЕ (г. ГАУГЕРА)

В этих нищих мы напрасно
Бедняков несчастных ищем:
Мне, смотря на них, ужасно
Быть таким хотелось нищим.

1862

II

К КАРТИНЕ „ВИТАЯ ДИЧЬ“ г. ГРАВЕРТА

Здесь в указатель глядеть не приводится,
Можно здесь разом постичь,
Что на картинах пред нами находится
Дичь, господа, только *дичь!* . .

1863

III

„ГОЛОВА ОСЛА“ ПРОФЕССОРА ШВАБЕ

Твое произведенье
Каких же стоит слов?
— О, скудно вдохновенье,
Творящее . . ослов.

1863

IV

„ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА С АНДРОМАХОЙ“ С. ПОСТНИКОВА

Вздыхнул я от горя немалого:
Твой Гектор похож на хожалого,
Твоя ж Андромаха — о боже! —
Совсем ни на что не похожа.

1863

V

ОТЕЛЛО И ДЕЗДЕМОНА
(КАРТИНА Б. КЕНИГА)

Ах, покорись судьбы закону.
Отелло твой весьма смешон:
Хотел зарезать Дездемону¹
И лишь *тебя* зарезал он.

1863

VI

К КАРТИНЕ г. КРЕСТОНОСЦЕВА

Я думал, глядя на треножник,
Где помещались три этюда:
— Ты только потому *художник*,
Что уж рисуешь очень *худо*.

1863

НАДПИСЬ К РОМАНУ г. БОБОРЫКИНА
„В ПУТЬ-ДОРОГУ!“

«*В путь-дорогу!*» — новейший роман!
Для какой же он публики дан?
Да спасут Боборыкина боги:
Сбился он и *с пути* и *с дороги*.

1863

НАДПИСЬ К ПИЕСЕ „БЫЛО ДА ПРОШЛО“

Прохожие! забудьте зло,
И, успокоясь понемногу,
Скажите здесь: о, слава богу,
Что это *было да прошло!*

1863—1864

¹ «Отелло» у г. Кенига убивает Дездемону кинжалом.

К ПЬЕСЕ „ЧУЖАЯ ВИНА“ г. УСТРЯЛОВА

Эта драма назваться должна,
Чтоб избежать скандала немалого,
Уж совсем не «Чужая вина»,
А вина — господина Устрялова.

1863—1864

БОБОРЫКИНУ В РОЛИ ЧАЦКОГО

Карету мне, карету!
(«Горе от ума», акт IV)

На сцене видя пьесу эту,
Я об одном лишь плакал факте,
Что Боборыкину карету
Не предложили в первом акте.

1864

АНАЛОГИЯ СТИХОТВОРЦА

«Я — новый Байрон!» — так кругом
Ты о себе провозглашаешь.

Согласен в том:

Поэт Британии был хром,
А ты — в стихах своих хромаешь.

<1865>

А. МАЙКОВУ И Ф. БЕРГУ, СТАВШИМ ПОСТОЯННЫМИ СОТРУДНИКАМИ ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА „ДЕЛО И ОТДЫХ“

Вы правы, милые певцы!
Все изменяется на свете:
Не признавали вас *отцы*,
Так, может быть, признают *дети*.

1865

ПО ПРОЧТЕНИИ ДРАМЫ „МАМАЕВО ПОВОИЩЕ“

Своею драмой донимая,
Ты удивил весь Петербург:
Лишь только в свите у Мамаея
Мог быть подобный драматург.

1864—1865

ПРИ ПОСЫЛКЕ РОМАНА „ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ“

Доктора в леченьи странны.
Все они — не смело ли? —
Говорят: морские ванны
Многим пользу делали.

Эта книга тоже *«море
Взбаламученное»*,
Встретит в ней большое горе
Грудь измученная.

И теперь пред целым светом
Я на ванны эти сетую
И купаться в море этом
Вам я не советую.

1863—1865

В ресторане ел суп сидя я,
Суп был сладок, как субсидия,
О которой сплю и думаю,
Соблазняем круглой суммою.

1865

ПУШКИНУ, ПОСЛЕ ВТОРИЧНОЙ ЕГО СМЕРТИ

Гоним карающим Зевесом,
Двойную смерть он испытал:
Явился Писарев Дантесом
И вновь поэта расстрелял.

1865

**Н. ЩЕРБИНЕ,
ИЗДАВШЕМУ СБОРНИК „ПЧЕЛА“**

Поэт! к единственной я склонен похвале:
«Пчела» Булгарина сродни твоей «Пчеле».

1865

ЗАМЕТКИ

(ПОДРАЖАНИЕ МОСКОВСКОМУ ПОЭТУ)

I

«На нашей почве урожайной
Растит и тупость семена...»
Так молвил в злобе чрезвычайной
Поэт, воспрянувший от сна.
Вы правы, злобою алая:
В одни и те же времена
Взросли — ведь нет насмешки злее —
Таланта Пушкина лилея
И вашей музы белена.

II

Проснулась в нем страстей игра,
За то, что мысль не сходит к барду,
И вместо прежнего пера
Схватился он за алебарду.
Напрасно будочника вид
Приняв, он ею машет гордо,
Но на Парнасе Держиморда
Уж никого не устрасит.

1866

У ВХОДА В ПРЕССУ

«Кто там?» — «Я истина». — «Назад!
В вас наша пресса не нуждается».
— «Я честность!» — «Вон!» — «Я
разум!» — «Брат,

Иди ты прочь: вход запрещается.
— Ты кто такая?» — «Пропусти
Без разговоров. Я — субсидия! . . .»
— «А, вы у нас в большой чести:
Вас пропущу во всяком виде я!»

<1867>

— Когда я нравлюсь публике? — спроста
Сказал актер. Ответил я невольно:
«О, семь недель великого поста
Тобою очень публика довольна. . .»

<1868>

БЕЗЫМЕННОМУ ЖУРНАЛИСТУ

Сразить могу тебя без всякого усилья,
Журнальный паразит:
Скажу, кто ты и как твоя фамилья,
И ты — убит.

<1868>

У тебя, бедняк, в кармане
Грош в почете — и в большом,
А в затейливом романе
Миллионы нипочем.
Холод терпим мы, славяне,
В доме месяц не один.
А в причудливом романе
Топят деньгами камин.
От Невы и до Кубани
Идиотов жалок век,
«Идиот» же в том романе
Самый умный человек.

1868

Каков талант? И где ж его
Поймет простой народ?
Он сам напишет «Лешего»
И сам его споет. . .

Слез много нами вылито,
Что он в певцы пошел. . .
Иван Сергеич! Вы ль это?
Вас *Леший* обошел.

1868

**СКОПЦУ П<ЛОТИЦЫ>НУ,
КОТОРОГО ПРЕСЛЕДОВАЛА
ОДНА МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА**

Журнальный враг твой очень злится.
Но он ведь жалок в свой черед:
Он может только тем гордиться,
Чего тебе недостает.

1869

Гордись же ты, надменный росс!
Свободное печати слово
Под алебардою Каткова
Преображается в донос.

<1870>

ПРИ НОВОЙ ПОСТАНОВКЕ „ГОРЯ ОТ УМА“

Вот занавес взвился, и вскоре
Решила публика сама:
На сцене видели мы *горе*,
Но не заметили *ума*.

1869—1870

ЖУРНАЛУ „НИВА“

Пусть твой зоил тебя не признает,
Мы верим в твой успех блистательный
и скорый:
Лишь «нива» та дает хороший плод,
Навоза не жалеют для которой.

1870

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Чтоб утонуть в реке, в нем сердце слишком робко,
К тому же, господа, в воде не тонет пробка.

<1870>

ГРАФУ СОЛЛОГУБУ

Хотя из памяти своей
Меня давно вы, верно, вымели,
Но вам, как другу прежних дней,
Я шлю теперь свое факсимиле.
Меж нами сходства много, граф,
И сходства, право, очень милого,
Так пусть вот этот автограф
Напомнит вам про Репетилова.
Как вы, я Пушкина знал. . .
Раз увидел на Невском издали,
О нем статейку издавал,
Как сами вы когда-то издали.
Как вы, и я пишу стихи,
Стихи, как ваши, хромоногие,
Зато уж юности грехи. . .
В грехах мы сходны, как немногие.
Своих не выдумав острог,
Вы пробавлялись не моими ли?
Так не дивитесь вы, что шлет
Вам старый друг свое факсимиле.

<1870>

КЛЕВЕТА

Не верьте клевете, что мы стоим на месте,
Хоть злые языки про это и звонят. . .
Нет, нет, мы не стоим недвижно, но все вместе
И дружно подвигаемся. . . назад.

<1870>

БУДЬТЕ КАК ДОМА

Когда в гостях супругам говорят:
«Пожалуйста, вы будьте здесь как дома»,
Я всякий раз свой потупляю взгляд,
Я всякий раз при этом жду содома
И думаю, знакомый не с одной
Славянскою семьей: пора бы догадаться —
Когда в гостях *как дома* муж с женой,
Они, пожалуй, могут и подраться.

<1870>

Нельзя довериться надежде,
Она ужасно часто лжет:
Он подавал надежды прежде,
Теперь доносы подает.

<1870>

Я не гожусь, конечно, в судьи,
Но не смущен твоим вопросом.
Пусть Тамберлик берет до грудью,
А ты, мой друг, берешь до — носом.

<1870>

**Я. ПОЛОНСКОМУ
ПО ПОВОДУ ЕГО КНИГИ „СНОПЫ“**

В поэте этом скромность мне знакома,
Но все-таки я очень поражен:
Свои стихи «Снопам» назвал он,
А где *снопы*, там и *солома*.

1871

ПРОТЕСТ

Я Марса одного недавно назвал Марсом. . .
Ну, кажется, скромней не может быть печать,
Но Марс обиделся и просто лютым барсом
Хотел меня на части разорвать.
Ведь после этого житья нет в божьем мире,
Ведь после этого, отбросив всякий фарс,
Нельзя хулить «картофеля в мундире»,
Чтоб не обиделся иной мундирный Марс.

<1871>

ИСТОРИЯ ОДНОГО РОМАНИСТА

Коротенькие мысли, коротенькие строчки,
Клубничные намеки от точки и до точки,
Широкие замашки и взгляд мещански-узкий,
Язык преобладающий — не русский,
а французский;
Легко все очень пишется и без труда читается,
И из голов читателей тотчас же испаряется.

<1871>

ВОПРОС

Послушать вас — вам все сродни на свете.
Заговорят случайно о Гамбетте —
Окажется Гамбетта ваш *confrère*; ¹

¹ Собрат. (Франц.) — *Ред.*

Рошфор — ваш кум, граф Бисмарк — друг,
завзятый,

Гюго земляк и однокашник Тьер,
И, кажется, сродни немножко Пий IX.
Везде у вас друзья — их сорок сороков —
В Париже, в Лондоне, в Берлине и в Мадриде,
И вертится вопрос у ваших земляков:
Как вам приходится, пожалуйста, скажите,
Знакомец наш всеобщий — Хлестаков?

<1871>

АРТИСТУ-ЛЮБИТЕЛЮ

«Служителем искусства» постоянно
Ты, милый мой, привык себя считать.
Что ты «служитель» — это мне не страшно,
Но об искусстве-то зачем упоминать? . .

<1871>

ЗАГАДКА

Для чего на небе звезды?
Много толков я слыхал.
Но верней всех заключенье
Сделал прусский генерал.
Долго он смотрел на небо
И решил загадку сам:
«Вероятно, за отличие
Даны звезды небесам».

<1871>

НА ПРОЩАНИЕ

«Услышавши, что скоро, ваше—ство,
Вы нас оставите, чиновники все плачут».

(В глазах «особы» видно торжество.)
— «Гм! Плачут! Да? Что ж слезы эти значат?

Я их не баловал. За баловство
Меня не упрекнут, не нарушал я долга. . .»

— «Они о том скорбят все, ваше—ство,
Что с ними вы служили очень долго! . . .»

<1871>

ОДНОМУ ИЗ ДЕЯТЕЛЕЙ

Всего, чем жизнь кипит вокруг,
Термометр в некотором роде,
Он брюки, «принципы», сюртук
Имеет по последней моде.
Сейчас с парижской мостовой,
Он парижанин в каждой строчке,
И даже строчки на сорочке
Парижской сделаны швеей.
Он из Парижа все новинки
Ловить умеет на лету:
И убежденья, и ботинки,
И звонкой фразы пустоту.
Но ветер может измениться,
И он, без многих дальних дум,
Из Вены выпишет костюм
И венским духом заразится.

<1871>

ПРИ ЧТЕНИИ РОМАНА „ПРИ ПЕТРЕ I“ СОЧ. КЛЮШНИКОВА И БЕЛЬСИЕВА

По паре ног у них двоих,
Теперь же, видя вкупе их,
Два автора, на удивленье многим,
Являются *одним* четвероногим.

1871

М. О. М<ИКЕШИ>НУ

Художник смелый наш, Орфей в карикатуре!
Таланта твоего нельзя не оценить:
Ты камни заставляешь говорить...
О собственном бессилии в скульптуре.

<1871>

**ПО ПРОЧТЕНИИ РОМАНА И. ТУРГЕНЕВА
„ВЕШНИЕ ВОДЫ“**

Недаром он в родной стране
Слывет «талантом»... по преданьям;
Заглавье вяжется вполне
В его романе с содержанием.
При чтении этих «Вешних вод»
И их окончивши, невольно
Читатель скажет в свой черед:
«Воды действительно довольно...»

1872

ПАРАЛЛЕЛЬ

**ПЕРЕД ДОМОМ ВЯЗЕМСКОГО
(НА КАМЕННООСТРОВСКОМ ПРОСПЕКТЕ)**

«Какой прелестный дом! Все, до пустых безделиц,
Изящно в здании. Сказать могу вперед,
Что множество людей живет в нем...»

— «В нем живет

Всего один домовладелец».

**ПЕРЕД ДОМОМ ВЯЗЕМСКОГО
(НА СЕННОЙ ПЛОЩАДИ)**

«Что за развалины! Скажите, мой любезный:
Тут разве крысы могут только жить!»
— «В нем столько жителей, что городок уездный
Не в состоянии всех их поместить».

<1872>

И. В. ШУМАХЕРУ

Раскрыл я Пушкина недавно.
«Поэт, ты сам свой высший суд», —
Он восклицал весьма забавно;
Не ведал он, что дни придут,
Когда и музы приговора
В любом суде не избегут,
И уж певцы не запоят
В ответ на громы прокурора:
«Поэт, ты сам свой высший суд!»

1872—1873

НА СОЮЗ Ф. ДОСТОЕВСКОГО С КН. МЕЩЕРСКИМ

Две силы взвесивши на чашечках весов,
Союзу их никто не удивился.
Что ж! первый дописался до «Бесов»,
До чертиков другой договорился.

1873

ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЫИГРЫШ

«Я дом купил!» — «Ах, очень рад!»
— «Постойте радоваться: вскоре
Он за долги мои был взят».
— «О боже мой, какое горе!»
— «Но адвокат вернул назад
Мне этот дом». — «Вот так удача!»
— «Ну, нет большой удачи в том:
Мой адвокат взглянул иначе
И за «защиту» взял мой дом».

<1873>

ОСЕННЯЯ ВИНЬЕТКА

Кислая осень в окошко врывается.
Дома сидеть невозможно никак:

Выйдешь на улицу — злость разыграется:
Сырость и грязь отравят каждый шаг.
Целые сутки льет дождь с неба хмурого,
Некуда деться от сонной тоски,
Будто бы ты все статьи Гайдебурова
Перечитал от доски до доски.

<1873>

М. Н. Л<ОНГИНО>ВУ

За что — никак не разберу я —
Ты лютым нашим стал врагом.
Ты издавал стихи в Карлсруэ,
Мы — их в России издаем.
Мы шевелить старались вместе
Ты — мозг спинной, мы — головной;
Читает нас жених невесте,
Тебя же муж перед женой
Читать, наверно, побоится
И только, может быть, хмельной
Иным стихом проговорится.
За что ж накладывать на нас
Ты любишь цензорскую лапу?
За то ль, что новый наш Парнас
Не служит более Приапу?
Иль, наконец, твоя вражда
В различьи наших свойств таится?
Так мать блудница иногда
На дочь невинную косится.

Первая половина 70-х годов

ПЕРЕД ГРОБОМ М. Н. ЛОНГИНОВА

Стяжав барковский ореол,
Поборник лжи и мрака,
В литературе раком шел
И умер сам от рака.

1875

В. ОРЛОВСКОГО

(РЫБАКИ)

Его картина цели достигает:
Спят «рыбаки», а публика зевает.

1875

В ФИНЛЯНДИИ

Область рифм -- моя стихия,
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаясь с каламбуром.

<1876>

ТРЕЛИ И СИГНАЛЫ ОТСТАВНОГО МАЙОРА М. БУРБОНОВА

I

ДОМАШНЕЕ ГОРЕ

Несчастливая жена рыдает день и ночь.
Напрасно ей стараются помочь,
Напрасно врач все средства предлагает —
Все плачет, бедная, и только причитает:
«Голубчик мой!.. Оставил он жену!..
Погибнет он... погибнет он, ей-богу!..
Иль руку оторвут, иль голову, иль ногу...»
— «Куда же он уехал? На войну?!»
— «Нет, на Балтийскую... железную дорогу!..»

<1877>

II

Мой булочник стал дурно булки печь,
За что его я поспешил распечь:
— Я гласности предаю дурное ваше тесто! —
А он мне отвечал: «Ну что ж, держите речь;
«Про тесто» не было у нас еще «протеста».

<1876>

III

Два бедняка из лавки угловой
Стащили колбасу, поели и — попались.
Известно — к мировому... Мировой
Спросил их, не входя в особенный анализ:
«Скажите: да иль нет —
На колбасу вы в лавке *покушались?*»
— «Покушали-с!» — наивный был ответ.

<1876>

В. ЯКОБИЙ

ПОРТРЕТ Г-ЖИ Р-СОЙ.

Так много таланта и чувства
Потрачено, *но*, скажем прямо:
Атласному платью реклама
Едва ли есть дело искусства.

1877

ЧИТАУ

Конечно, недостатки есть и в ней —
Ведь пятна и на солнечном есть диске, —
Но я восторженно до настоящих дней
Готов слагать хвалы... ее модистке.

<1877>

«Какого мнения вы об С.?» — «Да о котором?»
— «О fils'e: ведь на сцене только fils!»¹
— «Он — я о нем замечу не с укором:
Актера сын, племянник трех актрис,
Но самого его кто ж назовет актером?..»

<1877>

¹ Сын. (Франц.) — *Ред.*

**ЖУРНАЛУ,
ПЕРЕМЕНИВШЕМУ РЕДАКТОРА**

Мы перемены в нем дождались,
Но пользы нет и нет пока:
Переменили ямщика,
А клячи прежние остались.

1877

НАШИ ТИТАНЫ

Кого пленит теперь затея,
Познав земного счастья вес,
Идти дорогой Прометей
И похищать огонь с небес?

Огня такого похищенье
Не дразнит нынешних страстей,
Но тысяч триста без смущенья
Похитит новый Прометей.

<1877>

КН. В. МЕЩЕРСКОМУ

«Я внук Карамзина!» —
Изрек в исходе года
Мещерский. — «Вот-те-на!»
Пошел такого рода
Гул посреди народа:
«При чем же тут порода?
И в наши времена —
В семье не без урода».

1877

ЗА КУЛИСАМИ

За кулисами пел песенку
Как-то Нильский, сев на лесенку:
«Мы свернули шею Лессингу
И еще кому-нибудь
Шею надо бы свернуть.
Пусть дрожит вся драматургия:
Проживаю в Петербурге я
С Марковецким, с Леонидовым. . .
Мы еще покажем виды вам,
Пыль подняв до облаков,
Драматурги всех веков!»
Так, свернув шею Лессингу,
Пел наш трагик, сев на лесенку.

1878

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИРИКИ

Они под звон нестройных лир
Поют и вяло и туманно
Иль, как швейцарский старый сыр,
Слезятся только беспрестанно.

<1878>

АЛЕКСАНДРИНСКОМУ ТЕАТРУ

Мировой судья Трофимов за известные деянья
Скоро будет вместо штрафа иль другого наказанья
Приговаривать виновных всех спектакля на два, на три,
Чтоб виновный до конца их в этом высидел театре.

<1879>

П. ВЕРЕЩАГИН

(РЕКА Ч(Ч)УСОВАЯ)

О академик! Извлеки
Ты пользу из такого мненья,
Что, всем надеждам вопреки,

Твой путь от Чусовой реки
Тебя ведет к реке забвенья.

1879

ХАПАЛОВ

„ПОРТРЕТ СТАРУШКИ“

Хапалов даровит, быть может, только дар-то
Особый у него, и в наши времена
«Морщин топографическая карта»
Портретом называться не должна.

1879

ЗАПИСКА

Я вместо всякого письма
Тебе шлю Пушкина издание.
В нем есть Геннади примечанья:
«Фу, братец, сколько в них. . .» Ума,
Ты думаешь, поди? А я так
В них больше вижу опечаток.

<1879>

ЧИНОВНЫМ НЕМЦАМ

В России немец каждый,
Чинов страдая жаждой,
За них себя раз пять
Позволит нам распять.
По этой-то причине
Перед тобою, росс,
Он задирает нос
При ордене, при чине:
Для немца ведь чины
Вкуснее ветчины.

<1879>

НЕОБХОДИМАЯ ОГОВОРКА

Текущей журналистику назвать,
Конечно, можем мы, и это правда сушая:
Она поистине «текущая»,
Но только вспять.

<1879>

ОДНОМУ ИЗ МНОГИХ

Он всюду тут как тут, живет во весь карьер,
Он новости до их рожденья слышит,
Он за два месяца уж чует, например,
Кто женится и кто на ладан дышит...
А *livre ouvert*¹ играет он и пишет
И даже врет à *livre ouvert*.

<1879>

ЗОИЛУ

Ведя журнальные дебаты,
Страшись одной ужасной казни:
Того гляди, из неприязни
Укусишь самого себя ты
И сгинешь от водобоязни.

<1879>

ПОСЛЕ БЕНЕФИСА

«Чья же пьеса нынче шла?»
— «Александрова». — «Была
С шиком сыграна, без шика ли?»
— «С шиком, с шиком: громко шикали».

1879

¹ Без подготовки. (Франц.) — *Ред.*

БОЛЕСЛАВУ М<АРКЕВИЧУ>

Не дается боле слава
Бедной музе Болеслава,
И она, впадая в детство,
Избрала плохое средство
Отличиться перед россом
Обстоятельным доносом.

1879—1880

Что ж, чокнемся в последний раз
И будем ждать ответа:
Весна чем разутешит нас,
Чем огорошит лето,
Каких ждать осенью тревог,
Чья уцелеет шкурка —
Об этом знает только бог
Да губернатор Гурко. •

1879—1880

Н. ГЕ

Какие ни выкидывай курбеты,
А все-таки, друг милый, не Курбе ты.

1880

Ю. ЛЕМАН

„ДАМА ПОД ВУАЛЬЮ“

Мысль Лемана развить задумавши упрямо,
Явилась у меня задача сумасшедшая:
Картину написать на тему «Дама,
Из комнаты ушедшая».

1880

И. КРАМСКОЙ

„ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА И. ШИШКИНА“

Когда к портрету только подойдешь,
То крикнешь, в пафосе хохол свой теребя,
Что более портрет на Шишкина похож,
Чем сам оригинал на самого себя.

1880

Б. МАРКЕВИЧУ

На днях, влача с собой огромных два портсака,
Приплелся он в вокзал; с лица струился пот...
«Ему не донести!» — вокруг сожалел народ,
И только лишь какой-то забияка
Сказал: «Не беспокойтесь — *донесет!* . . .»

1879—1880

Едва ль придет художнику охота
Когда-нибудь писать его портрет:
На свете прозябая много лет,
Он сам похож на копию с кого-то.

<1880>

ХЛЕБ И СОЛЬ

Хлеб с солью дружен. . . Так подчас
Болтаем мы иль просто мелем;
Но часто «*соль земли*» у нас
Сидит без *хлеба* — по неделям.

<1880>

ЛИБЕРАЛ ОТ „ПОРЯДКА“

Либерал от ног до темени,
Возвещал он иногда:
«До поры лишь и до времени
Я молчу, — но, господа,

Будет случай, и могучее
Слово я скажу, клянусь!»
И — того дождался случая:
— «Говорите, сударь, ну-с!»
И, прищуря глазки карие,
На свой фрак роняя пот,
Из времен Гистаспа Дария
Рассказал он анекдот.

1880

**Г-НУ БАРЫШЕВУ,
ПЕРЕВОДЧИКУ БАЙРОНОВСКОГО „КАИНА“**

Барышев! ты отомстил:
Каин нераскаянно
Брата Авеля убил,
Ты ж ухлопал Каина.

1880

**В АЛЬБОМ КРУППУ-МЛАДШЕМУ,
ПРИЕХАВШЕМУ В ПЕТЕРБУРГ**

Ем ли суп из манных круп,
Или конский вижу круп —
Мне на ум приходит Крупп,
А за ним — большая масса,
Груда «пушечного мяса». . .
Ах, да будет не тернист
Путь такого человека:
Он великий гуманист
Девятнадцатого века!

1880

<М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВУ>

Как член российской нации,
Привык к субординации. . .

Ввиду ж порядка строгого
Мы просим, граф, немногого:
Вы дайте конституцию,
На первый раз хоть куцую!

1880

НОВАЯ НОВИНКА

Украсился журнальный огород,
И новая в нем появилась грядка,
Но скукою «порядочной» несет
От первого же номера «Порядка»,
Хоть даже сам Тургенев очерк дал,
Чтоб оживить хоть несколько издание.
Так в дом купца, в день бракосочетанья,
Зовется свадебный, парадный генерал.

1881

„ЛЕС“

(И. ШИШКИНА)

Правдиво так написан лес,
Что все невольно изумляются.
В таком лесу насмешки бес
И эпиграмма заплутаются.

1881

„САПОЖНИК“

(КОЧЕТОВА)

Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... шилом —
Тьфу! — кистью — я хотел сказать.

1881

ОТГОЛОСКИ О ЦЕНЗУРЕ

I

О Зевс! Под тьмой родного крова
Ты дал нам множество даров,
Уничтожая их сурово,
Дал людям мысль при даре слова
И в то же время — цензоров! !.

II

В КАБИНЕТЕ ЦЕНЗОРА

Здесь над статьями совершают
Вдвойне убийственный обряд:
Как православных — их крестят
И как евреев — обрезают.

<1881>

-

М. Н. КАТКОВУ

С толпой журнальных кунаков
Своим изданием, без сомненья,
С успехом заменил Катков
В России Третье отделение.

II

В доносах грязных изловчась,
Он даже, если злобой дышит,
Свою статью прочтет подчас,
То на себя донос напишет.

1880—1881

Понемножку назад да назад,
На такую придем мы дорожку,
Что загонят нас всех, как телят,
За Уральский хребет понемножку.
Мы воздвигнем себе монумент,
Монументов всех выше и краше,
И в один колоссальный Ташкент
Обратится отечество наше.

<1881>

НА КОМ ШАПКА ГОРИТ?

Имея многие таланты,
К несчастью, наши интенданты
Преподозрительный народ.
Иной, заслуша слово: «ворон»,
Решает, что сказали: «вор он!»
И на его, конечно, счет;
А если кто проговорится
Невинным словом: «воробей»,
Он начинает сторониться,
Поймавши звуки: «вора бей!»

<1881>

„ВЕСТНИКУ ЕВРОПЫ“

Сплин нагоняющий, усердный, как пчела,
Об аккуратности единой он хлопочет,
Всегда выходит первого числа,
Но век опередить на час один не хочет.

<1883>

ОСЕННЯЯ ВИНЬЕТКА

Ночь. Тройка борзая несется,
В пустынном поле ни души;
Однообразно раздается
Звон колокольчика в тиши.

О чем бессвязно он бормочет?
О чем поет он на дуге?
Не так ли в каждой пьесе хочет
Сказать нам что-то бедный Ге?

<1883>

ЗАКУЛИСНЫЙ СЛУХ

«Увидавши Росси в «Лире»
И взглянув на дело шире,
Нильский сам имеет честь
Взять роль Лиры. . .» — «Вот так ново!
В «Лире» шут один уж есть,
Для чего ж шута другого?»

<1883>

СПРАВЕДЛИВОЕ ОПАСЕНИЕ

Непризнанный пророк,
Воспламеняясь часто,
Аверкиев изрек:
«Писать не стану: баста!»
И невская печать
Теперь в большой тревоге:
А ну, как он опять
Строчить начнет, о боги!

1883

<Е. М. ФЕОКТИСТОВУ>

Островский Феоктистову
На то рога и дал,
Чтоб ими он неистово
Писателей бодал.

1883

МАДРИГАЛ

Она останется всегда
Артисткой нужною для сцены,
И хоть не очень молода,
Но все ж моложе Мельпомены.

<1884>

ЖПЖПЛЕНКО

Он пейзажист такого рода,
Что кисть его дивить должна.
Решив однажды, что природа
Хоть, конечно, недурна,
Не без красот, но в смысле строгом
Поправок требует во многом,
Художник начал исправлять
Природы этой недостатки,
Подкрашивать и подвивать,
Заштопывать и класть заплатки,
Этюдам дал конфетный смак,
Обсахарил природу так,
Что сомневаться начал Питер:
Он пейзажист или кондитер?

<1884>

В. КОКОРЕВ

Вот имя славное. С дней откупов известно
Оно у нас, — весь край в свидетели зову;
В те дни и петухи кричали повсеместно:
Ко-ко-ре-ву! ! .

<1884>

ЛИТЕРАТУРЩИКУ

О боже, помоги
В конце концов прозреть им:
Толстой шьет сапоги,

А ты занятъем этим,
Как видно, пренебрег,
Стал корчить беллетриста,
Избрав ту из дорог,
Которая терниста.
Тшеславием пустым
Опасно увлекаться.
Тебе бы с Львом Толстым,
Мой милый, поменяться,
Что было бы остро
И, право, очень мило:
Ему отдай перо,
А сам возьмись за шило.

<1886>

NN

Он знает, где зимуют раки,
Как кошки, видит все во мраке
И, чуя носом капитал,
Пришел, увидел и украл.

<1887>

ВПК. КРЫЛОВУ

Обзавестись в преклонные года
Ты можешь внуками, но все же никогда
Не будешь *дедушкой Крыловым*. Перемены
Такой не жди: покорствуя судьбе,
Придется целый век прожить тебе
В *племянниках*. . . у невесткой Мельпомены.

<1888>

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

(ПО АДРЕСУ ГОСПОД АКТЕРОВ)

От «фрачных пьес» томит нас скука,
Хандра терзает россиян,
Но очень трудная наука —

В одежде греков и римлян
Ходить — актерам не дается.
На них смотря, театр смеется.
Они, затеяв маскарад
(Каких последствий ждать хороших!),
В котурнах ходят, как в калошах,
А тогу носят, как халат.

1888

ОДНОМУ ИЗ ЛЕКТОРОВ

Не диво, что клонил всех слушателей сон
На лекциях его, но то одно, что он
Сам не заснул от собственного чтенья,
Гораздо большего достойно удивленья.

<1888>

<В. П. БУРЕНИНУ>

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил. . .
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!

III

МИШУРА

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ „ТА ИЛИ ЭТА“

Лишь над городом зимней порой
Ночь морозная выплывет разом,
Там, в тумане, двойной полосой
Загорятся все улицы газом.
Мимо пышных и темных палат,
Мимо лавок, вокруг залитых блеском,
Вперегонку куда-то спешат
Всё кареты — кареты на Невском.
На каретах мелькают гербы,
А за стеклами бледные лица,
Ветхих старцев нависшие лбы
Или взбитые локоны львицы.
Там толпами летит молодежь,
Рысаков дорогих загоня. . .
Что, бедняк, ты с дороги нейдешь,
Вкруг усталые взоры роняя? . .
Ведь задавят, пожалуй, как раз!
Нам такие потехи не диво. . .
Сторонись — и от буйных проказ
В темный угол забейся пугливо. . .
Но куда ж эти люди спешат?
Гонит, верно, их спешное дело!
Ведь известно: нам мода велела
Жить, как истый живет демократ,
И кричать возмутительно смело:
Дорог нам погибающий брат!
Дорог! да, господа, ведь не так ли?

В пользу бедных мы ездим в спектакли,
Сочиняем балы, пикники,
Разоряться для них не устанем
И, пожалуй, гуманно протянем
Мещанину три пальца руки. . .
Пусть вам на-слово бедность не верит,
И какой-нибудь скептик-бедняк,
Забираясь в свой темный чердак,
Тайно думает: мир лицемерит,
И, в окно свое глядя на вас,
На проспект, где ваш поезд несется,
Сардонически-горько смеется —
Не смущайтесь! . . И вновь напоказ,
Чтоб почтила вас бойкая пресса,
Наслаждайтесь в пользу прогресса. . .

И в туманной, морозной пыли
Экипажи как тени летели,
А по гладкой, широкой панели
Шла толпа. . . люди разные шли. . .
И в тот час — его знает столица —
Там, при блеске ночных фонарей,
Женщин чахлые, бледные лица
Словно кажутся вдвое бледней.
Всем в глаза они смотрят так жадно,
Так открыт, откровенен их торг,
Что поймешь, как толпа плотоядна,
Покупной принимая восторг! . .
О, как нравственны тут не в пример вы,
Моралисты! . . как грозен ваш вид! . .
Проходите ж. . суровой Минервы,
Вы испортите свой аппетит
Иль расстроите слабые нервы. . .
Проходите ж. . . Бесстрастны, как сталь,
Вы готовы — примеры нередки —
Добродетели книжной мораль
Декламировать падшей соседке,
И казнить, и казнить, и казнить,
Не смягчаясь пред жертвой порока,
И, рисуясь пред нею, ходить
Под мишурным венком лжепророка. . .
Вам казнить так легко, нипочем! . .

Ведь с запасами мертвой морали
Наслаждение — быть палачом
Тех, кого мы с пелен развращали,
Тех, в ком чувства священного жар
Мы давили без сердца, без краски,
И — в них видя лишь красный товар,
На общественный гнали базар
Продавать непродажные ласки.
Но когда превратим их в табун,
Сердце выжжем и жизнь изломаем,
Вот тогда-то мы с шатких трибун
В них холодным проклятьем бросаем. . .

И напрасно б, терзая сердца,
Униженная жертва искала
Первый образ того идеала,
Что поруганным был до конца,
Но везде бы, повсюду встречала
Оскорбительный хохот глупца
И цинический вызов нахала.
Вопль ее ни на миг не смутит
Филантропов недвижимые лица,
И один приговор прозвучит:
«Нет тебе покаянья, блудница!»

О, как в гневе своем хороши
Вы, каратели язвы публичной,
Убеждений своих торгоши
Под румянами маски двуличной!
Приговор ваш: слова и слова. . .
В громких фразах — вам милы обновы
И вчерашних богов вы готовы
Завтра всех истребить на дрова.
Беспощадны вы так для чего же? . .
Нет, постойте, ведь эта жена,
Что толпе продает свое ложе,
Вас достойна: и вы, как она,
Честь на карту поставите тоже;
Как она, вы порою не прочь
Низко пасть, обесчестить собрата,
Воспитаньем растлить свою дочь
И толкнуть на дорогу разврата.

Не спешите ж!.. Вас кара найдет ·
Меж людей ли, в своем кабинете ль,
И таких же блудниц в вас поьет,
Подвязную сорвав добродетель.

<1861>

АД
ПОЭМА В ТРЕХ ПЕСНЯХ
(Подражание Данте)

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Едва ли стих, которым пишут оды,
Посланья «к ней», к трем звездочкам, к луне,
Стих, мелкий льстец и раб вчерашней моды,

Сумеет людям передать вполне
Картину ада, нынешнего ада,
Куда спуститься вздумалось мне.

Певучих рифм для этого не надо;
Тут воплями и скрежетом зубов,
Шипением раздраженного гада .

Откликнуться в рассказе будь готов. . .
О муза робкая! хоть на минуту
Забудь свой пол, стыдливости покров,

И загляни со мною в глубину ту,
Где не один знакомый нам земляк
Стал осужден гореть подобно труту.

Я несся в ад, и несся быстро так,
Держась рукой за крылья Люцифера,
Что не видал, как вдруг исчезнул мрак,

И предо мной разверзлася пещера,
За ней другая, третья. . . целый ряд.
Метнулась в нос струей зловонной сера,

А под ногами огненный каскад
Ревел и прыгал. Далее, спустились
Мы в глубину, центральный самый ад,

Где жар такой, что волосы дымились
И щеки трескались на части. Вдруг
Передо мною тени закружились,

И я увидел сотни чьих-то рук,
Простертых вверх. Я смело крикнул: «Кто вы?»
И повторило эхо этот звук;

В огне кружась, завывли дико совы,
И вопль теней, крутящихся в смоле,
Меня смутил. Картины были новы.

Палим огнем в кровавой этой мгле,
Где что ни шаг — то тень, то стон собрата,
Я прислонился с ужасом к скале,

А вокруг меня скакали чертенята,
Дрались, кувыркались на голове,
Прося хоть «грош на бедность». Так когда-то

За мной гонялись нищие в Москве,
С припевом старым «дайте медный грошик
Убогой сироте или вдове. . .»

И стало жаль мне этих адских крошек,
Но им едва я горсть монет швырнул,
Они слились в визжаныи диких кошек

И вскрыли пасть, как тысяча акул;
За дележом рассыпанной монеты
Уж свалка началась, но Вельзевул,

С которым в ад низвергся я с планеты,
Махнул жезлом — и эта сволочь вмиг
Рассыпалась и спряталась где-то.

Вдруг долетели к нам — ужасный крик,
Ругательства и треск славянской брани.
«Иди вперед, — сказал мне проводник, —

В пещеру ту посажены славяне. . .»
— «О, к ним скорей! . .» И, к землякам спеша,
Я много встреч сулил себе заране.

Вошли. Едва шагнул я, чуть дыша,
В огне, в дыму, как где-то близко, рядом,
Завыла чья-то падшая душа.

При встрече с ней попятился я задом:
Погружена в шипящий кипяток,
Бранилась течь и задыхалась смрадом,

А с вышины ей в рот лился поток
Прозрачной влаги, внутренность сжигая.
Кто́ был тот грешник — я признать не мог,

Но на меня, проклятья изрыгая,
Он бросил взгляд — и взгляд был зол и дик,
Как будто представлял ему врага я.

«Прочь от меня! я — русский откупщик!
Пью голый спирт, питаюсь скипидаром,
Мой рот сожжен, изорван мой язык,

Мне в чрево льют напиток адский — даром,
Но если б в мир я вырвался опять —
Поил бы вас все прежним полугаром».

И голый спирт он начал вновь глотать
С гримасой отвратительной и зверской. . .
Я далее стал ад обозрывать

И подошел к какой-то яме мерзкой,
Откуда грешник звал меня: «сюда!»
И вдруг за плащ схватил рукою дерзкой.

Увы! я в нем узнал не без труда
Известного мне прежде бюрократа,
Для женщин труд бросавшего всегда,

В рinсе-pez, в бобрах, по Невскому когда-то
Искавшего то устриц, то интриг,
С Борелем бывшего всю жизнь запанибрата! . .

Ты в ад попал, изящный мой старик,
Где устриц нет, где нет белья и фрака! ..
Хоть за душу хватал мне старца крик,

Но так силен был запах аммиака,
Такая вонь из ямы поднялась,
Что мимо я бежал, и гений мрака

Мне указал на тень: она вилась
И ползала, влача на плéчах груды
Тяжелых слитков золота, рвалась,

Но, ношею приплюснутая в слюду,
В почтовый лист, опять стиралась в прах.
«Тень грешника! тебя я не забуду!

Пусть злая казнь твоя пробудит страх
Корыстолюбца, жадного к аферам,
Всегда, как ты, тонувшего в долгах

И лезшего в карман акционерам.
Сиди же тут и золото лижи! !.»
И я пустился вслед за Люцифером.

Вдруг гнусный призрак вырос. «О, скажи,
Кто ты, ужасный грешник, и откуда?
Но стой! Свой лоб закрытый покажи!

На лбу написано: «предатель и Иуда».
Кто ж ты такой? смолою залит рот,
Чтобы донос не выползал оттуда,

И уши срезаны...» Стонал Искарриот,
Сжав кулаки и топая ногами.
С его лица бежал кровавый пот,

Но он не мог пошевелить устами.
«Кто ж ты?» — я вновь допрашивал. В тот миг
Он начал знаки делать мне руками;

Я отскочил, я лишь тогда постиг,
Что встретился с знакомым лицемером,
И вслед ему проклятья бросил крик:

«Будь проклят ты! пусть станет всем примером
Казнь лютая! терзайся и лежи!»
И я опять пошел за Люцифером.

А вокруг меня вставало царство лжи
В дыму костров, которые не гасли. . .
Там плавали распухшие ханжи

Одной семьей в кипучем постном масле;
Там в грудь певца вселился наглый бес
И заставлял — из злости ль, из проказ ли —

Его тянуть всю вечность *ut diez*;
Без отдыха трагический ломака
Ревел, как Лир, поавший ночью в лес;

Там, рук лишен, кулачный забияка,
Скрипя зубами, в пламени скакал:
Ему везде мерещились — то драка,

То уличный классический скандал;
Там лихоимцев мучалися брды,
Там корчился мишурный либерал,

Которым все мы прежде были горды;
Там в рубище скорбел парадный фат,
И скромностью страдали Держиморды. . .

И с трепетом блуждал вокруг мой взгляд:
Везде с бичом стоял незримый мститель.
«Но тут еще не весь славянский ад, —

Докладывал мне мой путеводитель. —
Здесь есть отдел: «Литературный мир»,
И на него взглянуть вы не хотите ль.

Там звук цитат, бряцанье русских лир,
Занятие ученых, журналистов
Даст тему вам на несколько сатир. . .»

И тут мой бес, как адский частный пристав,
Открыл мне вход, и я увидел вдруг
Пристанище родных экс-нигилистов.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

О муза! выдумай особый звук,
Чтоб ад чадил сквозь каждую щертину,
Чтоб каждый стих был криком тяжких мук,

И передал, хоть в очерках, картину,
Которая в аду открылась мне,
Когда явился я на половину

Писателей, томящихся в огне,
Под сводом таргара. В минуты эти
В моем мозгу мелькнул, как в смутном сне,

Картонный ад, ад Роллера в балете,
Где бес наряженный выделяет па,
Где чертенят, приехавших в карете,

По сцене бегают неловкая толпа,
И вверх летит по блоку, на веревке,
Звезда танцовщиц русских Петипа —

В короткой юбочке, в классической шнуровке.
Тот детский ад стал для меня смешон,
Как платье королевы на торговке. . .

Я чуть дышал. Был воздух раскален
И — как сургуч растопленный — жег тело;
Поток огней бежал со всех сторон,

И я едва вперед шагнул несмело,
Вдруг чьи-то зубы в ногу мне впились,
Так, что нога от боли посинела;

Передо мной два трупа поднялись
И стукнулись затылками: их спины
(Мысль адская!) между собой срослись.

Конечно, бес нашел к тому причины,
Недаром он логичнее людей. . .
Один из двух был стар; его седины

Торчали вверх, как чёлки лошадей.
То был творец покойных «всяких всячин»,
Землей давно оплаканный Фаддей,

Но кто ж другой? Приземист и невзрачен,
Он так взглянул, оскалясь, на меня,
Так рот раскрыл, что был я озадачен.

Людей, и дьявола, и смрадный ад кляня,
Он возопил: «Земля и ад — все то же,
И в полымя попал я из огня.¹

Как на земле, меж адской молодежи
Я нигилизм, Базаровых нашел,
Волненья здешние с людскими также схожи,

Пожары те ж, и тот же есть раскол...
Но лишь одним земля мне краше ада,
Одна беда здесь хуже всяких зол —

Здесь клеветать нельзя... Одна отрада
Была мне в жизни: это клевета,
Язвившая смертельным жалом гада —

И у меня та сила отнята!...»
И взвыла тень, с рыканием шакала,
И пена показалась вкруг рта,

А рядом группа новая вставала:
В чаду зловещих, красных облаков,
Где бездна пасть широко разевала,

На берегу одном стоял — Катков,
А на другом — Леонтьев. Вскинув руки,
Они рвались друг к другу через ров

«Для пользы просвещения и науки»,
Но пропасть, разлучая навсегда,
Дразнила в них и раздражала муки.

¹ В аду об этом грешнике ходит предание, что он когда-то сильно пострадал на земле от пожара. Его собственные слова наводят на ту же мысль. *Примеч. автора.*

Я крикнул им обоим: «Господа,
Вам кланяюсь! . .» и начал делать знаки,
Они же враз откликнулись: «Сюда

Зачем пришел? Не нужно нам кривляки! . .
Смерть свистунам, залезшим на канат,
Смеющимся и пляшущим во мраке!»

«Смерть свистунам!» От воя дрогнул ад,
Отозвались московские кликуши,
Когда-то заселявшие Арбат,

Все «Вестником» пленившиеся души;
И, криком тем застигнутый врасплох,
Я с ужасом заткнул скорее уши,

Иначе непременно бы оглох.
Но замер рев. Я подошел к утесу,
И — странный вид! — вокруг его, как мох,

Лепясь и извиваясь по откосу,
Сидел партер из кровных бесенят,
Всегда везде сующихся без спросу,

А наверху — там был утес так сжат,
Что негде поместить одной ладони, —
Сидел старик. — «Сто лет тому назад, —

Так объяснил мой адский чичероне, —
Посажен здесь ваш русский Цицерон;
Чтоб прежний жар не гаснул в Цицероне,

Он в тартаре навеки обречен
Не сдерживать порывы красноречья,
И не молчит уж с давних он времен. . .»

Я слушать стал. Ах, знаю эту речь я,
Которая разила наповал,
Противника ломая до увечья! . .

В ораторе я Павлова узнал.
Измученный ораторским припадком,
Уж много лет он уст не закрывал

И говорил, бросаясь то ко взяткам,
То к юности, провравшей не раз,
То к митингам, то к разным беспорядкам,

И речь текла, и мысль его неслась
В Париж и в Рим, на Волгу и на Неман...
Когда ж, порой, устав от пышных фраз,

Хотя на миг вдруг становился нем он,
Опять в нем возбуждал витийства жар
Безжалостный, неумолимый демон,

И снова им овладевал кошмар
Ораторства, — и слушал я памфлеты.
Вдруг кто-то крикнул сзади: «Bonsoir,

Je vais vous dire...»¹ И кто ж мне слал приветы
На языке Феваля и Дюма?
О дух славян, скажи мне: где ты, где ты?

Москва, Рязань, Орел и Кострома!
Друзья кокошника и сарафана,
Узнайте, с кем сыграла шутку тьма —

Там я узрел Аксакова Ивана,
Завитого, одетого в пиджак,
С брелоками, под шляпой Циммермана,

В чулках и башмаках à la Жан-Жак...
Ужасней казни для славянофила
Не изобрел бы самый лютей враг,

В котором злость все сердце иссушила;
Но сатана отлично знал славян —
Напрасно тень Аксакова молила:

«Отдайте мне поддевку и кафтан,
Мою Москву и гул ее трезвона!...»
Но черти перед ним, собравшись в караван,

Читали вслух творения Прудона.

¹ Здравствуйте, я скажу вам... (Франц.) — *Ред.*

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Меж тем как в тартаре Иван Аксаков,
Услуг чтецов нисколько не ценя,
Входил в азарт при виде шляп и фраков,

Тень новая скользнула из огня,
Которой грудь от вздохов раскололась;
Когда ж она взглянула на меня,

На голове моей встал дыбом волос, —
Той встречею так был я поражен.
Ужели в ад попал и самый «Голос»,

И тот, которым был он сотворен?
«Кто ты? — я призрак спросил несмело. —
Краевский жив, еще не умер он. . .»

— «Я — дух его!» — «Ты отвечай мне дело!
Он на земле, и нет Краевских двух».
— «Там, на земле, мое встречал ты тело,

А дух мой здесь. . . давно в аду мой дух!!»
И тяжкий вздох из груди вновь прорвался,
Болезненно мой поразивши слух.

И призрак продолжал: «С землей расстался
Я в восемьсот сороковом году,
Но на земле никто не догадался,

Что я давно переменял среду.
И вот теперь я ваш обман нарушу:
Скажи ты всем, что повстречал в аду

Андрея Александровича душу,
И что, хоть здесь доходов вовсе нет,
Я дьявола решительно не трушу

И с ним насчет издания двух газет
Хочу войти в прямое соглашение.
Сотрудников моих — здесь лучший цвет,

К ним самый бес питает уваженье.
Сергей Громека здесь от сатаны
Особое имеет порученье —

Чтоб черти были тихи и скромны.
А Небольсин? Хоть он не всем приятен,
Статьи его немножко и скучны

И тяжелы. . . но в ком не сыщешь пятен? . .
Но, чтоб врагов туманить и сражать,
Со мною в ад посажен сам Скарятин.

Он нервы всем умеет раздражать,
И тартар весь приходит в содроганье,
Когда Скарятин начинает ржать

(Он сатаную осужден на ржанье!!)»
— «Но чем же ты наказан?» — я спросил.
— «Карман мой пуст — нет злее наказанья:

Ад отнял все, что в жизни я любил,
И золото, добытое годами,
В кипучую он лаву растопил. . .»

И тень такими плакала слезами,
Что сжалился б, наверно, и Харон.
Я сам слезу почувал под глазами. . .

Вдруг музыкой был слух мой поражен.
«В аду ли мы, — я крикнул, — иль в танцклассе,
Что слышу здесь я звуки «фолишон»?

Пристало ли веселье к адской расе?»
Смотрю и вижу: десять чертенят,
На скрипках кто, а кто на контрабасе,

Смычком своим неистово пилят,
Так что в ушах трещала перепонка, —
В середине ж круг, где с тенью, падшей в ад,

С визжанием плясали два чертенка;
Когда ж в лицо я грешника взглянул:
«Аскóченский! . .» — не мог не крикнуть звонко.

«Он осужден, — шепнул мне Вельзевул, —
Быть нашим первым адским канканером
И в тартаре поддерживать разгул. . .»

И в этот миг Аскоченский с задором
Такое па в канкане сотворил,
Что зрители рукоплескали хором:

«Он Фокин наш! Он Фокина убил. . .»
Но я меж тем, в усталости, в тревоге,
Уже терял запас последних сил

И брел, едва передвигая ноги.
«О проводник! неси меня к земле, —
Я утомлен, измучен от дороги! . .»

Но мы наверх всё лезли по скале,
Скользя по крутизне ее мохнатой,
Где всюду искры бегали в золе.

«Смотри вперед, — сказал мне мой вожатый,
Когда мы на вершину взобрались, —
Отсюда виден тартар весь проклятый».

И я глядел с невольным страхом вниз.
Там, под скалой, где цербер адский лаял,
Измученные призраки вились

(От зноя там и самый камень таял);
Те призраки знакомы были мне.
Я узнаю: вот Розенгейм Миха́ил,

Не в силах рифмы приискать к «луне»,
Зовет к себе на помощь Кушнерева;
Вот Бланка тень мяукнула в огне,

Вот тихо стонет призрак Гончарова:
«Отдайте мне удобства и комфорт!
Здесь спать нельзя, здесь пища нездорова»;

Там о театре плачет Раппопорт,
Там ищет Фукс со штемпелем конверта —
В контору «Почты» переслать рапорт.

А вот и тень Старчевского Альберта,
В разлуке с «Сыном», проклиняет рок
(Издатели! какой для вас пример-то!..);

Там под собой, исполненный тревог,
Жрец «Времени» все ищет почвы прочной,
Но только пламя вьется из-под ног

И пятки жжет ему; там ад порочный
Камбека вызывает на протест,
Там о полиции соскучился Заочный,

Арсеньева желанье славы ест,
Там далее... но там, в парах тумана,
Я не видал, что делалось окрест.

Весь смрадный ад, как вскрывшаяся рана,
Слился в пятно... проклятия и стон!..
И я опять, держась за великана,

Понесся вверх... в ушах и треск и звон...
Кровь бьет в виски, подобно адской лаве...
Но миг один — я был перенесен

В свой кабинет, в квартиру дома Граве.
Я на земле. Что это: сон иль явь?
В минуты те решать я был не вправе.

**МОСКВИЧИ НА ЛЕКЦИИ ПО ФИЛОСОФИИ
ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ В ОДНОЙ СЦЕНЕ**

Большая освещенная зала; несколько рядов стульев и кресел.
На возвышении стоит кафедра. В зале собирается публика.

ЯВЛЕНИЕ I

Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна
Горичевы

Наталья Дмитриевна
Платоша, душечка! не будь такой тюфяк,
Иди же поскорей: боюсь, что опоздали,
Дружочек, слышишь ли. . .

Платон Михайлович
А что, хотя б и так:
Ну опоздали бы — не много потеряли.

Наталья Дмитриевна
Mon dieu, mon dieu! ¹ как ты во всем отстал!
За веком не следишь, журналов не брал в руки,
И дела нет тебе до выводов науки.

Платон Михайлович
Ах, матушка! Ей-богу, я устал
С тобой на лекции таскаться да на чтение. . .
За пищей, видишь ты, для сердца и ума.

¹ Боже мой, боже мой! (Франц.) — *Ред.*

Да что таить! ведь к лекциям сама
Большое ты питаешь отвращенье:
Сидишь, хоть слушаешь, а не поймешь двух слов,
А едешь. . . ну, затем, что нынче тон таков.

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а
Несносный! замолчи. . . представь, услышат если. . .

П л а т о н М и х а й л о в и ч
Молчу, молчу, пойдем дремать на кресле.

ЯВЛЕНИЕ II

Т е ж е и З а г о р е ц к и й

З а г о р е ц к и й

Наталья Дмитриевна, Платон Михайлыч, вас
На этих лекциях я вижу каждый раз.

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а
Движением научных всех вопросов
Интересуюсь я. . .

З а г о р е ц к и й

Вы женщина-философ.

Я занят сам теперь, тружусь, что просто страх:

Кант, Фихте, Молешотт и Фейербах —

Всех изучил — и вижу — небылица;

Так все поверхностно, верхушек набрались,

И, верите ль, из них мне по сердцу пришлось

Лишь Страхов да Косица.

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а
А вы не знаете, о чем сегодня нам
Читать профессор будет?

З а г о р е ц к и й

Д а м

Наталье Дмитриевне ответ весьма подробный:
Предмет для лекции он выбрал неподобный,

И постарается публично доказать,
Как дважды два — четыре, а не пять,
Что человек, в котором мозг нету,
Быть может мудрецом с громадным умом.
Представьте же: мысль ту же, мысль вот эту
Имел я сам, — клянусь вам честью в том.

П л а т о н М и х а й л о в и ч

И клятва не нужна. Ты служишь сам примером:
Живешь весь век без мозга в голове,
А умником слывешь и «ловким кавалером»
Для всех старух на матушке Москве.

З а г о р е ц к и й

Попрежнему чудак, а в сердце добрый малый.

Я В Л Е Н Ц Е Ш

Т е ж е и с т а р у х а Х л е с т о в а

Х л е с т о в а

Куда же тут идти? Шум, давка, толкотня...
Антон Антоныч! а! ты человек бывалый;
Голубчик, хоть бы ты здесь проводил меня.
Мой нумерок, вот видишь, сорок пятый.

(Отдает ему билет.)

Дай, на тебя немножко обопрусь;
Устала я, да ревматизм проклятый.

З а г о р е ц к и й

(берет Хлестову за руку)

Позвольте; посадить на место вас берусь,
И проведу назад, как опытный вожатый.

Х л е с т о в а

Уж я раскаялась, что забралась сюда,
Народ теперь стал дерзок и нахален...
Нет, не поехала б, — да вот вчера Молчалин
Привез билетик мне — услужлив он всегда —
Да рассказал, что здесь мудрец — ума палата,

Всей молодежи-то, ну, как их там зовут. . .
Ну, нигилистам-то задумал дать капут, —
Не выдержала я и приплелась с Арбата.
Уж, думаю, пускай устану, расклеюсь,
Но уж послушаю, как распекут мальчишек,
А после вечером с соседом посмеюсь;
Мне Лонгинов сосед; охотник до картишек,
Заходит иногда сыграть со мной в пикет.

Загорецкий

Вот ваше кресло здесь. . .

Хлестова

Благодарю, мой свет.

Теперь ступай, спасибо за услугу,
А вечер кончится — опять меня сведи,
Да отыщи, родной, в сених мою прислугу.

Загорецкий отходит.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, князь Тугоуховский и княгиня
с 6-ю дочерьми

Княгиня

Князь, князь, стой! сюда иди.

Князь

Огм! . .

Княгиня

Ох, этот князь, впал просто в возраст детский.
Что б дома посидеть! Нет, тоже прискакал.

Загорецкий

Княгиня и княжны! Сто лет вас не видал.

Княжны

(хором)

Антон Антоныч Загорецкий! . .

Первая княжна
Антон Антоныч, нам должны вы рассказать,
Что будет вечером?

Вторая княжна
Кто будет здесь читать?

Загорецкий
Юркевич — педагог, философ и писатель,
Известный всем...

Четвертая княжна
А вы знакомы с ним?

Загорецкий
С Юркевичем, mesdames? Он лучший мой приятель
И в доме у меня считается своим.

Пятая княжна
Скажите, он брюнет?

Шестая княжна
Он холост?

Вторая княжна
Он военный?

Третья княжна
Хорош собой?

Четвертая княжна
Богат?

Первая княжна
Он молод или нет?

Загорецкий
Я вам, mesdames, одно скажу в ответ:
Он выше похвалы обыкновенной.
Однажды в Киеве, я помню, сорок дам,
Пленившись им, все с горя утопились.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Фамусов

Фамусов

О чем он тут рассказывает вам?

Загорецкий

О философии мы толковать пустились.

Я нахожу, что Бюхнер...

(Смотрит в потолок.)

Фамусов

Просто глуп.

Отлично говорит полковник Скалозуб,

Что всех философов, витийствующих ныне,

Не худо б приучить немножко к дисциплине.

А вот он сам.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Скалозуб

Загорецкий

(раскланиваясь)

Вы лёгки на помине.

Скалозуб

Зато вот на руку всегда я был тяжел.

Случилось мне в полку ударить вестового:

Он лег в постель, там в госпиталь пошел

И навсегда оглох, вот честное вам слово.

Раздается звонок. Все садятся по местам. На кафедре появился профессор.

ЯВЛЕНИЕ VII

Профессор

(сказав несколько предварительных слов и прочтя перед публикой анонимное письмо)

Мне, господа, теперь осталось

Здесь повторить опять для вас

Все то, что мною развивалось

На лекции в последний раз.

А вот с письмом, где так грозитя
Мой неизвестный аноним,
Защитник Бюхнера...

(С улыбкой)

так с ним

Я знаю, как распорядиться...
(Прячет письмо в карман.)

Единодушный хохот публики, аплодисменты.

Скалозуб

(хлопая)

Брависсимо! ура! ударил пулей в лоб!
Профессор — молодец, из храброго десятка.

Фамусов

(хлопая)

Я со смеху умру... Ну, услужил по гроб...
Я буду хохотать до нервного припадка.

(Хохочет.)

Загорецкий

Преострый человек! я помню, в школе нас
С Аскóченским вдвоем — прелюбопытно было —
Он со смеху морил...

Хлестова

(обращаясь к соседу)

Спросить позвольте вас,

О чем он толковал? Мне уши заложило,
Вишь, публика-то как кругом заголосила.

Редактор почтенной московской газеты
(аплодируя)

Отщелкал свистунов.

Хлестова

Ну, им и поделом.

Есть внучек у меня, из новых, из студентов,
Свистун отъявленный — Владимир Монументов;
В родню не верует: насмех поднял мой дом,
Меня совсем не чтит и не подходит к ручке,
Да разные стихи читать приходит внучке.

Нет, пусть он свистунов покрепче разберит.
Прекрасный человек, дай бог ему здоровья,
Он сердце старое невольно молодит.. .

Ах, жаль, что не со мной теперь сестра Прасковья.

Профессор продолжает читать лекцию. Первые ряды елушают,
в остальных идет тихий говор. Там только иногда прислушиваются
к словам профессора.

Г о л о с п р о ф е с с о р а

Затем скажу я наконец,
Что этот Бюхнер пресловутый
Есть только дикий и надутый
Недоучившийся глупец.

Взрыв рукоплесканий.

Лекция оканчивается. Стулья гремят, и в зале начинается
движение.

П л а т о н М и х а й л о в и ч

Наташа, матушка, теперь пора до дому.
От этой чепухи, от этого содома
Весь вечер у меня трещала голова.

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а

Платоша, не кричи.

(Тихо)

Ведь я сама едва

Не задремала здесь — хоть совестно признаться.. .

П л а т о н М и х а й л о в и ч

А кто неволит нас по лекциям таскаться?
Поедем-ка скорей.

(Уходят.)

Ф а м у с о в, Л о н г и н о в и С к а л о з у б

Ф а м у с о в

(Лонгинову)

Согласен с вами я:

Ученье Бюхнера — одна галиматья.

Сергей Сергеич вот таких же точно мнений.

С к а л о з у б

Не очень я люблю ученых рассуждений.

Лишь их послушаешь — и станешь нездоров;

Но вот чему дивлюсь: ученый есть Лавров, -
Военный, говорят, — и как досель нет жалоб:
Ведь философия к мундиру не пристала б.
(Уходят.)

Хлестова

(опираясь на руку Загорецкого)

Отец мой, ты сказал, что каждый нигилист. . .

Загорецкий

Пьянчуга, мот, картежник, забулдыга
И на руку, случается, нечист;
О них написана особенная книга,
Тургенев сочинил. . .

Хлестова

Слыхала я, да, да, —

Вот нужно бы прочесть, принес бы ты когда.
Сыщи ж Петрушку мне — я подожду покуда.

Загорецкий уходит

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестова и Репетилов

Хлестова

Кого я вижу здесь? Ты? мой родной, откуда?
Зачем пожаловал к разъезду в поздний час?
Ведь не мешало бы отвыкнуть от проказ.

Репетилов

Анфиса Ниловна! голубушка! Сон в руку!
Пускай я враль, пусть все не верят мне,
Но нынче в ночь я видел вас во сне.
В том голову свою готов отдать в поруку.

Хлестова

Зачем же к ночи-то сюда ты прикатил?

Репетилов

Анфиса Ниловна, на фокусы спешил. . .

Хлестова

Да ты в своем уме находишься едва ли:
Ведь здесь не фокусы, здесь лекцию читали,
Где нигилисты все глупцами назвались.
Прощай же, батюшка; пора: перебесись.

(Уходит.)

Репетилов

(один)

Так, стало быть, я здесь не нужен.
Куда ж теперь на этот раз?
К Каткову ехать мне на ужин
Иль уж отправиться в танцкласс?

(Стоит в раздумье.)

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН НАШЕГО ВРЕМЕНИ
РОМАН В СТИХАХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

«Мой дядя, как Кирсанов Павел,
Когда не в шутку занемог,
То натирать себя заставил
Духами с головы до ног.
В последний раз, на смертном ложе,
Хотел придать он нежность коже
И — приказал нам долго жить...
Я мог наследство получить:
Оставил дом он в три этажа;
Но у него нашлись враги,
И дом был продан за долги,
А так как «собственность есть кража»
(Как где-то высказал Прудон),
Я рад, что дома был лишен».

II

Так думал в Северной Пальмире
Магистр естественных наук,
Пришлец из Западной Сибири,
Семинариста старший внук.
Друзья мои! без проволоочки
Хочу сейчас же, с первой строчки,

С героем повести моей
Вас познакомить поскорей.
Онегин, добрый мой приятель,
Был по Базарову скроен:
Как тот, лягушек резал он,
Как тот, искусства порицатель,
Как тот, поэтов не ценил
И с аппетитом ел и пил.

III

Он не толкался в модном свете,
Прочел заглавья многих книг,
Не размышлял о туалете
И никогда волос не стриг.
Умел он в споре ядовито
Воскликнуть вслух: «Вот дураки-то!»
Умел врага отделать в пух:
«Шекспир ваш — то же, что лопух!»
Готовый с яростью ужасной
Свалить любой авторитет,
Хотя б его ценил весь свет,
И скоро критик первоклассный
С большою смелостью решил,
Что он умен и очень мил.

IV

Он отрицал искусство яро,
Пугал угрюмым взглядом дам;
Ему гаванская сигара
Дороже всех высоких драм.
Все отвергая на свободе,
Читал он Фогта в переводе,
Ореста Миллера труды;
Он к Миллю скрыть не мог вражды
И с современным публицистом
Согласен был приятель наш,
Что Милль — невежда и торгаш,
И вслед за мрачным нигилистом
Произносил, что негр есть скот,
Едва ли стоящий забот,

V

Бывало, он еще в постеле,
Чтоб дать себя кухарке знать,
Начнет пред нею не без цели
Авторитеты разрушать,
Бранить Вольтера и Бэкона,
Корнеля, Гете и Мильтона
И, булкой набивая рот,
Цикорный кофе жадно пьет.
Как враг прогулок и шатанья,
Он сил напрасно не терял
И лишь статьи порой писал
В одно реальное издание,
И часто пасмурен и хмур
Был от помарок корректур.

VI

Но за обед пора садиться.
Куда же мчится он, куда?
Морозной пылью серебрится
Его густая борода.
Бежит к кухмистеру Евгений
И там, без дальних объяснений,
Велит к столу себе подать
Обед копеек в тридцать пять;
Свершает трапезу он живо,
Пересмотревши пук газет,
И заливает жир котлет
Бутылкой кроновского пива,
Ворча, что хуже прежних лет
Стал Крон, и Фриц, и Казалет.

VII

Кулис почетным гражданином
Онегин не был; издавна
Браня театр по всем гостиным,
Мешал он с Нильским Бурдина.
Трактую часто как медведей
Творцов классических комедий,

Он мог кричать в театре: «bis!»
Лишь для хорошеньких актрис.
Он заходил минуты на три,
Билет имея даровой,
Взглянуть, с поникшей головой,
Как драму новую в театре
Давал знакомый драматург
(А ими полон Петербург).

VIII

Театр уж полон. Газ блистает,
Стучат в партере каблуки,
Раек неистово зевает,
Бьют у подъезда рысаки.
Вот потянулось представление,
И началась с того мгновенья
С дремотой в публике борьба.
Давалась драма «Не судьба».
Хлопочут бедные актеры,
Стараясь автору помочь,
И, сон желая превозмочь,
Ведут по ложам разговоры
Купцы с Апраксина двора
И шепчут женам: «Спать пора!..»

IX

Театр весь спит. Онегин входит,
Идет меж ног в девятый ряд,
Глазами публику обводит,
Откинув волосы назад.
Насилу выслушав пол-акта,
На ложу авторскую как-то
Он покосился, молвив: «Вздор!»
И чрез пустынный коридор
Шаги направил он к буфету,
Где съел с икрой бутерброд,
Потом зевнул во весь свой рот,
Махнул рукой на драму эту
И, пледом закрывая грудь,
Онегин вновь пустился в путь.

Х

Изобразжу ль в картине яркой
Уединенный кабинет
С огромной печью, очень жаркой,
Где жил Онегин пять-шесть лет
В соседстве с шведкою-старушкой?
Окно без стор, часы с кукушкой,
Диван клеенчатый в углу
Да стул, приставленный к столу,
Где на листе от старых лекций
Лежал креоновский табак...
На ширмы брошен старый фрак.
Скелетов несколько коллекций
И пара голых черепов
Глядят в тени меж двух шкапов.

XI

Ряд книг на полках небеленых,
Ключки бумаги, стертый грош...
Чуть видны в рамках запыленных
Жан-Жак Руссо и Ригольбош.
Бутыль чернил, бутылка рома,
Портфель и Шлоссера два тома,
Сигары в пачке, микроскоп
И без стекла стереоскоп;
Два неразрезанных журнала
И неоконченный рассказ,
Где несколько начальных фраз
Перо героя замарало,
Но женских ножек и голов
Там не чертил он вместо слов.

XII

О муза! ты была бы рада
Начать иначе свой обзор:
«Янтарь на трубках Цареграда,
Хрусталь, и бронза, и фарфор»,
И все, что любят в модном свете.
Наставить в этом кабинете;

Но мой герой, увы, не фат,
И будуарный аромат
Из кабинета гнал он строго
И высший свет он презирал,
Хоть в высшем свете не бывал,
Но так как фосфору в нем много,
То он, друзья, заочно мог
Быть к светским людям очень строг.

ХІІІ

Не воспевал он дамских ножек,
Для женщин жизни не терял,
Анатомический свой ножик
Он в чувство каждое вонзал,
Бесил артистов до азарта,
Браня Россини и Моцарта,
И поражать любил народ,
Сказав, что Пушкин — идиот.
С любой красавицей при встрече
Вопрос о браках поднимал
Иль, как Базаров, восклицал:
«У вас отличнейшие плечи!»
И речь сводил на геморрой. . .
Он в новом роде был герой.

ХІV

Среди бесцельных походов
Уже томился скукой он,
Но вдруг, в одно из воскресений,
С письмом явился почтальон.
К нему писал приятель Ленский:
Затишье жизни деревенской
Ему описывал тепло
И звал его в свое село.
Онегин думает: «Поеду!
Пусть Ленский глуп, пусть он поэт, —
Но до того мне дела нет,
Зато он к каждому обеду
Подаст отличное вино!
Итак, поеду! Решено. . .»

ХV

О ты, прелестная Татьяна!
Ужель тебя несчастье ждет?
Но забегать еще мне рано
С моим Онегиным вперед.
Пока он в шумном Петрограде
Сбирает платье и тетради
И наполняет кошелек —
Мы отдохнем на краткий срок;
Потом ряд новых приключений
Включит дальнейший мой рассказ.
Я опишу в стихах для вас
«Деревню, где скучал Евгений»,
Как жил, что делал он в степи. . .
О мой читатель, потерпи! . .

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

«Деревню, где скучал Евгений»,
Хотел я было описать,
Но скука — праздных фатов гений —
Его не смела посещать.
Став поселенцем деревенским,
Он целый день возился с Ленским,
Стыдил ленивого певца
За жажду брачного венца,
Читал отрывки из Дарвина,
Сводил открытьям алфавит
И елисеевский лафит
Лил из хрустального графина,
А Ленский слушал и слагал
Для милой Ольги мадригал.

II

Про органическую клетку
Онегин другу говорил,
А Ленский Ларину-соседку
Ему в ответ перевозносил.

Один — хвалил умно и жарко
Труды Лапласа и Ламарка,
Труды Мюссе, Жоли, Пуше,
А друг его — поэт в душе,
Поднявшись рано до рассвета,
Головки, ножки рисовал
И, вместо дела, отвечал
Стихами Майкова и Фета.
Онегин прикусил язык
И сбросил в печку полку книг,

III

Творенья Байрона, Шекспира
И много доблестных славян,
Которых северная лира
Вводила юношей в обман.
Поступком нового Омара
(Я уж сказал: ему сигара
Была дороже, чем Мильтон)
Был Ленский очень возмущен.
Не посягая на монологи,
С ним говорил он битый час,
Потом свой сельский тарантас
Велел готовить для дороги
И, сбросив пестрый свой халат,
Облекся в праздничный наряд.

IV

«Куда ты?» — «К Ларинным». — «Так скоро!
С тобой мы были там вчера...»
— «Мой друг, теперь мне не до спора:
Я Ольгой зван еще с утра.
А что ты скажешь о Татьяне?
Предупредить спешу заранее:
В тебя, мне кажется, она,
К несчастью, очень влюблена.
Я наблюдал за ней немножко:
Вчера чертила на стекле
Она твой вензель: *О* и *Е*,
Склонясь головкой у окошка.

О ней какого мненья ты?»
— «Я враг унылой красоты

V

И этих барышень слезливых,
Влюбленных в звезды и луну,
Всегда пугливых, молчаливых...
Я их увижу — и зевну.
Они живут весь век без цели
И под подушкой постели
Романы пошлые хранят,
А в нашем обществе молчат,
Да угощают сладким чаем,
Да упражняются в любви,
Танцую с нами vis-à-vis,
Хоть мы любви от них не чаем...
Все ж поклонись им, не забудь».
— «Пока прощай!» — «Счастливый путь!»

VI

Меж тем, действительно, в Татьяне
Проснулась страсть. Теперь она
Лепечет ночью старой няне:
«Я... знаешь, няня... влюблена...»
— «Усни, родная, бога ради!»
Но при мерцающей лампаде,
Ночной луной озарена,
Она твердит: «Я влюблена!»
Сорочка с плеч ее спадает,
Она не спит в слезах всю ночь...
Чем услужить ей, чем помочь
Старушка сонная не знает
И лоб Татьяны молодой
Кропит крещенскою водой.

VII

Вот Ленский к Лариным явился,
Сестра к Владимиру бежит.
— «Один!» — взор Тани помутился...

— «Один!» — чуть слышно говорит.
— «А друг ваш?» — молвила старушка.
— «Он занят. Новая лягушка
Ему попалась, и мой друг
Ей посвящает свой досуг. . .
Вот вам мое стихотворенье!»
Тут Ленский Ольге подает
Влюбленной музы новый плод,
А в зале подано варенье
И — чем богаты их сады —
С зеленой яблони плоды.

VIII

Проходят дни. Не идет Евгений.
Однажды, званный на пирог,
Приехал он, но трех мгновений
В гостиной высидеть не мог.
Он похвалил пирог отличный
И отдал дань воде брусничной,
Хозяйке бросил пару слов,
Фуражку взял — и был таков.
Служанку, шедшую с посудой
И с свежим венником в руках,
Случайно встретивши в сенях,
Назвал Лурлеей полногрудой,
Взглянул на тучи и шажком
Домой отправился пешком.

IX

Прошло три дня. Проснувшись рано,
Когда еще Владимир спал,
Когда вдали, в волнах тумана,
Денницы луч едва блистал,
Онегин вышел в сад пустынный,
Побрел вперед аллеей длинной,
Но вдруг, как лист перед травой,
Мальчишка с рыжей головой
Перед Онегиным явился:
«Письмо к вам, сударь, из села».

Проговорил и как стрела
Он в боковой тропинке скрылся.
Онегин стал читать тогда
Письмо Татьяны, господа!

х

Читалось с трепетом, бывало,
Письмо Татьяны дорогой,
Но поколение то увяло
Иль уж вступило в гроб ногой.
Онегин — верьте иль не верьте —
Сорвал облатку на конверте
И, сев спокойно на пенек,
Сказал сквозь зубы: «Ну, денек!»
И стал читать не без улыбки,
Царапал ногтем на листе
При каждой новой темноте
Иль грамматической ошибке,
В письмо вставляя целый ряд
Непозволительных цитат:

Письмо
Татьяны к Евгению Онегину

Я к вам пишу— чего же боле?
(В любви признанье! вот те на!)
Теперь, я знаю, в вашей воле
Подумать, как смешна она.
(Еще бы! как еще смешна!)
Сначала я молчать хотела
(Недурно б было помолчать!),
Когда б надежду я имела
Хоть раз в неделю вас встречать,
Чтоб только слушать ваши речи. . .
*(Вот любопытная черта:
Не раскрывал пред ней я рта
От первой до последней встречи.)*
Зачем вы посетили нас?
(О мой создатель! вот беда-то?)

Я никогда б не знала вас
И, новым чувством не объята,
Была б со временем — как знать
*(Так чем же я-то мог мешать?
Иль понимать я стал все туго! ..)* —
И превосходная супруга
И добродетельная мать.
*(Живи как знаешь в этом свете!
С кем хочешь шествуй к алтарю! ..)*
Но в высшем суждено совете:
Ты — мой теперь! .. *(Благодарю!)*
Я знаю, ты мне послан богом
(Ведь это, наконец, разбой!),
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой.
Ты в снах ко мне являлся часто
*(Да чем же я тут виноват?
Приснился вам я, ну и basta! —
Про всякий вздор не говорят),*
В душе твой голос раздавался
Давно... Нет, это был не сон! ..
*(Вот неожиданно попался!
Вот вам Вольмар и Ричардсон!)*
Не правда ль? Я тебя слыхала,
Ты в тишине меня встречал,
Когда я бедным помогала?
*(Татьяна Дмитриевна! Скандала
Такого я не ожидал!
Вы помогли бедным. Верю,
И это делает вам честь:
Имейте жалость даже к зверю,
Но для чего ж неправду плесть?
Прогулок тайных ожидая,
Не шел за вами никогда я
И не следил из-за куста:
Ведь это просто клевета.)*
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Прикинул тихо к изголовью?
*(Нет просто меры пустословью:
Ведь я еще не Вельзевул.*

*Я ночью сплю всегда, не тень я,
Я человек, а не виденье.)
Кто ты? скорее дай ответ.
Кто ты? мой ангел ли хранитель?
(Я ваш, сударыня, сосед.)
Или коварный искунитель?
(Вас искушать охоты нет.)
Никто меня не понимает
(Кому понятна ерунда!),
Вообрази, я здесь одна,
Рассудок мой изнемогает.
(Безделье — вот в чем вся вина.
Трудиться, барышня, вам ново;
Труд освежил бы разум ваш:
Статьи читайте Шелгунова
И позабудьте эту блажь.)
Кончаю. Страшно перечесть. . .
(Ну, перечесть бы не мешало:
В письме нелепостей немало
И разных глупостей — не счесть,
И я от вашего припадка
Не стану таять в уголке,
Хоть сохла, может быть, облатка
На воспаленном языке.)*

XI

Конец. — «Задать ей нужно гонку
За болтовню и этот бред.
Все, что простительно ребенку,
То — безобразно в двадцать лет.
И вот плоды от неразвита! . . .»
Но здесь прерву рассказа нить я
И умолчу, как мой герой
Ворчал и дулся той порой
На праздных дев, всех взятых вместе,
Как ноги грел у камелька,
Как Ленский, встав с пуховика,
Вновь разболтался о невесте,
Бульдога черного ласкал
И дождь осенний проклинал.

I

«Сегодня Ольги день рождения».
— «Что ж из того?» — «Нам нужно быть:
Вчера мне дали порученье
Тебя хоть силой притащить».
— «Помилуй, там с тоски умру я
И, у труда часы воруя,
Весь вечер потеряю, но...»
Онегин вспомнил, что давно
Татьяна ждет его ответа,
Что нужно ей прочесть урок...
Письма измятого листок
В карман широкого жилета
Он опустил и через час
Уселся с Ленским в тарантас.

II

Меж тем у Лариных толпились
Соседи, — подан самовар,
На блюдах сласти разносились,
И о рядах кадрильных пар
Шептались танцев коноводы;
Шумели сельские Немвроды,
Хваля псарей своих, собак,
И пили сладостный коньяк.
Девиц танцующая раса
Бродила в зале и ждала,
Когда в углу из-за стола
Раздастся рокот контрабаса,
И закружится сонм девиц
Под скрип смычков и половиц.

III

Свежа, нарядна и румяна,
Ждет Ольга в гости жениха.
Одна унылая Татьяна
Сидит безмолвна и тиха,

Бледна, как снег под лунным светом,
Как небо ночи финским летом,
И молчалива и грустна,
В толпе гостей она одна;
Полна тревоги и сомнений,
Татьяна думает теперь:
Вот, вот сейчас отворят дверь,
Пред ней очутится Евгений. . .
Как ей взглянуть, что ей сказать,
Что будет ей он отвечать? . .

IV

Но, чу! вот слышен конский топот
И колокольчик у крыльца.
«Онегин! Ленский! . .» — в зале шепот
Летит. . . На Тане нет лица.
Полусознательно со стула
Приподнялась и соскользнула
Она с террасы в темный сад. . .
Идет, боясь взглянуть назад,
Рыдания просятся наружу,
В груди любовь, и страх, и стыд,
Татьяна робкая дрожит. . .
Так, изменив ревнивцу мужу,
Порой несчастная жена
Трепещет, ужаса полна.

V

Татьяна бедная страдала
И на скамье меж двух берез.
Она в отчаяньи упала,
Скрывать не в силах больше слез,
И нет конца ее обетам. . .
— Что он подумает об этом
Письме? Какой мне даст ответ?
Ужель с ужасным словом «нет»
Придет ко мне мой добрый гений? . .
Но вдруг — шаги. . . песок хрустит. . .
Татьяна вздрогнула, глядит:

Пред ней в саду стоит Евгений
И, сняв фуражку с головы,
Ей говорит: «Здоровы ль вы?»

VI

Ну, духота! Пот льется градом...»
Потом он вынул свой платок,
Стер пот с лица, сел с Таней рядом
И начал длинный монолог
О том, что физик Маттеучи
Был ярким солнцем в темной туче,
Что всем нам праотец — полип,
И что похож на мелкий гриб
Acetabulum известковый,
Что от несчастий всех народ
Ассоциация спасет,
Что реалист закалки новой —
Иль пьянства мрачного поэт,
Иль гениальный Архимед.

VII

Потолковав о меньшем брате,
Онегин начал речь опять:
«Татьяна Дмитриевна! я кстати
Хотел совет вам добрый дать.
Ко мне письмо вы написали
И им отлично доказали,
Что вы — чувствительны, больны,
Но, но... простите... неумны.
Любовь не может вдруг явиться:
Вам чужд и я и мой язык,
И я, ей-богу, стал втупик —
Как вы изволили влюбиться
В два-три визита, с пары фраз?
Нет, не любовь смутила вас.

VIII

Когда б без дела, без занятия
Не убивали жизни вы

(Жизнь без труда — не мог понять я),
Когда б развитием головы
Вы занялись, забыв романы,
И вечно бледный лик Дианы,
И неба звездного лазурь,
Тогда б, клянусь, такая дурь
К вам не являлась в наказанье,
И я, слуга покорный ваш,
Не знал, что вам приходит блажь
Писать любовные посланья
И в том другого уверять,
Чего самим вам не понять.

IX

Какой вы будете женою?
Что вы за мать, скажите мне,
Умея только пред луною
Мечтать в полночной тишине?
Что для жены быть может хуже —
Искать опоры только в муже,
Его трудиться заставляя,
Самой же плакать и вздыхать,
Краснеть пред дочерью и сыном,
Своим невежеством казнясь,
И постепенно падать в грязь! ..
Муж будет честным гражданином,
Жена же — куклою немой! ..
Вот идеал, но он не мой! ..

X

Я все сказал. Теперь довольно.
Наш разговор забыть я рад,
И вам отдам я добровольно
Письмо безумное назад.
Мы все от случая зависим,
И мой совет — подобных писем
Вам не писать. .. Но уж темно,
Нас, верно, дома ждут давно,
Притом же я проголодался,

Татьяна Дмитриевна, пора...
Теперь свалилась с плеч гора,
И аппетит мой разыгрался.
Но я вперед пока пойду». .
Без слез, без звука, как в чаду,

XI

Сидела бледная Татьяна...
Увы, Татьяне ль оценить,
Что он, герой ее романа,
Не мог иначе поступить?
Певцом Онегин оклеветан:
Мог только дать такой ответ он
Татьяне, барышне простой.
О мой читатель! Удостой
Вниманьем нового героя
И, размышляя, оцени,
Что так поступит в наши дни
Онегин лучшего покроя,
Онегин, сшитый напоказ
Одним из критиков для нас.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Что за роман, где нет дуэли!
Я описать, конечно б, мог,
Как, прислонясь к высокой ели,
Онегин молча взвел курок,
Как пулю вбил он в ствол граненый,
Раздался выстрел и, сраженный
Своим приятелем, поэт
Упал, роняя пистолет.
Я мог с эффектом несомненным
Сложить про бой пять новых строф,
Но *мой* Онегин не таков:
Он с хладнокровьем неизменным,
Не посмотревши на запрет,
Вошел бы в чумный лазарет,

II

Где ряд больных почти уж вымер;
Но мог сказать: «Вы глупы, сэр»,
Когда б задумал вдруг Владимир
Его поставить на барьер.
На эпиграмму он нередко
Мог эпиграммы сыпать метко,
Но на барьер — таков принцип —
Его поставить не могли б,
И в крайнем случае скандала,
В толпе обиженных глупцов,
Онегин мой в конце концов
Прибегнет к помощи шандала,
К обломку стула, кочерги
И — горе вам тогда, враги! . .

III

Герой мой смел был, как Якушкин,
Но все дуэли отвергал. . .
Да, Александр Сергеич Пушкин
Его совсем оклеветал.
Забывши Лариной истому,
Не ссорясь с Ленским попустому
И у него взяв до зимы
Четыре красненьких взаймы,
Онегин снова в путь пустился. . .
Теперь пропустим лишний год,
Пропустим целый эпизод,
Как Ленский сватался, женился,
И как Татьяну из села
В Москву мамаша увезла,

IV

Как под влияньем страсти нежной
Не шла Татьяна под венец
И в брак законный, неизбежный
Она вступила наконец. . .
Мы, сократив свою дорогу,
Приступим прямо к эпилогу. . .

Итак, однажды на полке,
С мочалкой взмыленной в руке,
Лежал Онегин в невской бане
И по привычке рассуждал
С своим знакомым: «Не бывал
Я в вашем клубе. Россияне
Приличней дела не найдут:
Лото и танцы — вот их труд.

V

Вы в клуб отсюда?» — «В Молодцовский...
Вы не хотите ль заглянуть?»
— «По мне так в бане Туляковской
Гораздо лучше отдохнуть».
— «Там нынче чтение, съезд немалый...
Раз можно съездить». — «Что ж, пожалуй,
На полчаса я заверну...
Эй, друг любезный, банщик! Ну,
Теперь на каменку поддай-ка...
Еще, еще, вот так... вот так...
Пусть буду красен я, как рак
Иль как филипповская сайка...
Всех европейцев перерос,
Придумав бани, мудрый россл..

VI

Ну, в клуб теперь!..» Был клуб уж полон.
Онегин, хмурясь, входит в зал,
Толпу мужчин, «прекрасный пол» он
В блестящей зале увидал.
Пестрели шлейфы, панталоны,
Наколки, ленты и шиньоны,
Чепцы, мантильи, парики...
Мелькали дети, старики
И капитальные невесты.
Они на всех смотрели так:
С тобой тогда вступлю я в брак,
Когда получишь в жизни вес ты,
И крупный чин, и важный пост,
И капитал положишь в рост.

VII

Там были ветхие калеки
В дыму у ломберных столов,
Там были невские ацтеки —
Опора танцев и балов;
Неповоротливы и скромны,
Там были девы из Коломны
И с Петербургской стороны.
В четыре фута вышины,
С ртом наподобье арки целой,
Там был какой-то фотограф,
Какой-то князь, какой-то граф,
Там был, с походкою несмелой,
С старинной мягкостью манер,
Седой как лунь акционер.

VIII

Там был и крошечный писатель,
Живущий гением пера,
Хромой, как Байрон, и каратель
Купцов Апраксина двора.
Там был один болтун столичный,
Отличный франт, танцор отличный,
Собой пленявший клубных дам;
Там был на этот раз я сам. . .
Онегин в клубе, полный злости,
Стал наблюдать, как игроки,
Не без дрожания руки,
Вокруг столов меняли кости,
Сердясь на целый мир за то,
Что разоряет их лото.

IX

Над игроками дым табачный
Волнами в комнатах ходил,
И за игрой Онегин мрачный
В тот час рассеянно следил.
Вдруг у меня спросил он прямо:
«Скажите мне, кто эта дама

Играет в домино-лото?»
— «Ее не знает здесь никто».
— «Ужель она?.. Да это словно
Татьяна Ларина... ей-ей!..»
Идет Онегин прямо к ней,
Подходит ближе и безмолвно
Глядит на даму наш герой.
Но, занята своей игрой,

Х

Татьяна глаз не поднимала.
С волнением бледного лица
Она свой проигрыш считала...
Она — о, плачьте без конца,
Певцы любви и юных граций! —
Следя за кучей ассигнаций,
Она, как страстный банкомет,
Готова ночи напролет
Сидеть в дыму сигар и трубок
И все играть, играть, играть...
Счет деньгам может лишь слетать
Теперь с ее прекрасных губок...
Вдруг Таня вздрогнула, глядит:
Онегин рядом с ней стоит.

ХІ

Друзья, не в клубе (что за проза!
Воскликните вы, может быть),
Но в будуаре с книжкой Дроза
Я мог Татьяну посадить,
Мог говорить ее заставить:
«Я вас люблю — к чему лукавить!
Но я другому отдана...»
Затем бы верная жена,
Смягчая гордость увлечением,
Герою проповедь прочла
И для финала бы дала
Мораль с эффектным заключением;
Но для финала я избрал
Не без причины клубный зал.

ХII

Роман любви, роман старинный
С луной, с безмолвным tête-à-tête,
В тени ветвей в аллее длинной —
Не в наших нравах. Как поэт
Непоэтической эпохи,
Я слышал дам столичных вздохи
Лишь у игорного стола,
Где только стуколка могла
Все их лицо разжечь румянцем.
Досуги их идут на то:
От танцев — отдых за лото,
И карты — добавленье к танцам;
С их уст слетает не «люблю»,
Но «пас», «стучу» или «куплю» . . .

ХIII

На каждый век — свои игрушки.
К нам не вернется век ваш вновь,
Сантиментальные старушки!
Играли бабушки — «в любовь»,
Играют «в стуколку» их внучки. . .
И те и эти — белоручки,
Им надо чем-нибудь играть,
Но если станем выбирать,
То я, как истый пролетарий,
В обиду бабушек не дам. . .
Избавь нас бог от новых дам,
Когда они наш гонорарий,
Назло всем толкам и речам,
Мотают в клубах по ночам.

ХIV

Кто ж удивится, что Татьяну
Онегин в клубе повстречал?
Она встает, идет к дивану,
И в этой даме не узнал
Евгений прежней девы томной,
Пугливой, влюбчивой и скромной.

«Евгений Павлыч! Bonsoir! . . .
Пойдемте! здесь ужасный жар. . .
Я рада вам. . . Известно вам уж, —
Вам Ленский, верно, рассказал, —
Что вышла замуж я?» — «Не знал!»
— «Да, уж полгода вышла замуж. . .»
— «И счастливы?» — «Как вам сказать! . .
Мой муж не хочет мне мешать —

ХV

Ни в чем. Привыкла здесь играть я
В лото и езжу иногда. . .»
— «Нашли отличное занятие!»
— «В игре нет счастья — вот беда!»
— «Ну, есть зато очаг семейный. . .»
— «Да, кстати, дом наш — на Литейной:
По четвергам у нас игра
Бывает с самого утра.
Я жду вас. . . Право, не заметим,
Как день промчится за игрой. . .»
— «Я езжу к женщинам порой,
Но только, право, не за этим,
Скажу, как Чацкий. . .» — «Пустяки!
Мы вас запишем в игроки.

ХVI

А вот мой муж идет. . .» Подходит
Старик походкой вялой к ним
И важно речь о том заводит,
Что Пальмерстон незаменим,
Что молодежь бежит от службы,
Что это — странно: почему ж бы
Ей видных мест не занимать
И награждения получать. . .
«Все это вздор». — «Так что же вас-то
Так занимает, господа?»

¹ Добрый вечер! (Франц.) — *Ред.*

— «У нас немало есть труда:
Мы отрицаем все — и баста».
Муж что-то под нос промычал
И за женой поплелся в зал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Прошло три года, — наши нравы
Переменились в этот срок.
Не те занятия и забавы:
Вступил на службу демагог,
Угомонились либералы,
Исчезли старые журналы,
А в новых — вздор один найдешь.
Юркевич, Хан и Мессарош,
В главе общественного мненья,
Поднявши свой бесцветный флаг,
Теперь стоят пред нами как
Бездарной прессы воплощенье,
И в прежний девственный свой сон
Вновь россиянин погружен.

II

Вновь тишина в житейском море,
Куда ни взглянешь — все не то;
И даже в клубах — вот так горе —
Исчезло с стуколкой лото,
Нас развлекавшее нередко;
Не допускается рулетка,
И только разве по углам,
Присевши к ломберным столам,
Играют в преферанс с болваном
Старушки-дамы, старички,
На карты жмурясь сквозь очки,
А нашим барышням — Дианам
Лишь остается танцевать
Иль «Дым» Тургенева читать.

III

Но, к утешенью фатов разных,
Всегда веселых старичков,
Красавиц невских, барынь праздных,
Невест отцветших, женихов,
Певиц, чтецов и пианистов —
В ходу остался «клуб артистов»,
Где артистическую прыть
Гость каждый может заявить —
Романсом, оперной руладой,
Уменьем фокус сделать вдруг,
Иль просто беглостью рук,
К роялю севши за эстрадой,
Иль даже чтеньем длинных од...
Для всех талантов есть исход.

IV

Пусть говорят — искусство пало
И что у всех творцов картин,
За наименьшем идеала,
Казенный есть прием один:
Бежать во всем житейской прозы,
В академические позы
Людей в картинах расставлять
И правду жизни заменять
Одною пышной драпировкой,
Изображая целый ряд
Вакханок голых и наяд;
Пусть говорят — с такой сноровкой
Отстал во всем художник наш
И должен бросить карандаш, —

V

Пусть нет артистов образцовых,
Но в «клуб артистов» круглый год
Валит толпа, и двух целковых
Не жалко ей отдать за вход.
Могу заметить не без чувства:
Мы чтим славянское искусство

И каждый вторник ездим в клуб,
Где нет обычных клубных групп,
Нет по углам столов игорных
И игроков азартных нет,
Где отвратительный буфет
Не привлечет кутил задорных
И где «искусство» лишь одно
Для услаждения дано.

VI

Надев кафтан свой и рейтузы,
Поэт-швейцар — Ефим Дроздов —
Плоды своей швейцарской музы
У входа вам подать готов,
И пеоны клубного швейцара,
Достойны, право, гонорара
Хотя за то, что сей певец
Постиг всех раньше наконец,
Что музе русского поэта
Пора остаться без венца,
Что у парадного крыльца,
С запасом льстивого куплета
И булавою снабжена,
Она стоять теперь должна.

VII

Роскошной мебели в гостинных
Не встретит в клубе модный фронт;
Богатство клуба все — в картинах:
Что ни картина, то талант;
В искусстве много фарисеев,
Но Шульман, Клодт и Алексеев
Поставят каждого втупик.
У них в картинах есть язык
И возвещает громко всем он:
«Смотрите! вот Наполеон,
Которым я был вдохновлен».
— «Смотрите! вот этюд мой «демон».
Едва ль сам Лермонтов бы мог
Заметить в нем какой порок».

VIII

Портреты, женские головки,
Пейзажи в рамках на стене
И (как художники-то ловки!)
Изображен на полотне,
Чтоб вызвать общую потеху,
Через холшовую прореху
В дыру смотревший господин, —
И вот вблизи таких картин
С вниманьем публика теснится,
Кругом любители снуют,
Но чтоб купить такой этюд —
Никто на это не решится,
Затем что цены высоки,
Как замечают знатоки.

IX

В гостиных давка от народа,
Библиотека же — пуста. . .
Давно прошла на чтение мода!
Два-три газетные листа,
Да «Русский вестник» запыленный
Лежит под лампою зажженной
И не разрезан и забыт;
Как камень от могильных плит,
С стола не сходит «Невский сборник».
Художник русский не привык
Искать развития в чтеньи книг;
Искусства чистого поборник,
Он начал с детства презирать
Уменье ставить букву *ять*, —

X

Что вынес я из наблюдений,
Из разных надписей, реклам
И всевозможных объявлений,
Прибитых в клубе по стенам.
Так что ж! Я сам держусь той веры,
Что для создания Венеры

Иль хоть собачки буквы ять
Творцу не нужно вовсе знать,
Лишь было б сочно только тело,
Изящен абрис рук и плеч...
А уж грамматику хоть сжечь...
Какой-нибудь Микель-Анджело
Едва ли грамотно писал,
А все же в гении попал.

XI

Меж тем в парадной клубной зале
«Какая смесь одежд и лиц!»
В глазах мелькают ленты, шали,
Прически, профили девиц,
Путейцы, медики, черкесы,
Два-три чиновника от прессы,
Певцы, актеры, казаки,
Усы, лорнетки и очки,
Носы и уши всех размеров
И шлейфы длинные, как спор
Двух академиков, — в задор
Вводили многих офицеров...
Рядами ламп освещена,
Вся зала публики полна.

XII

Вот общий наш увеселитель,
Друг оргий, женщин и вина,
«Свободной сцены» представитель,
Носящий всюду ордена,
С какой-то дамою дородной
Стоит в дверях картинкой модной,
Имея цель одну в виду —
Быть перед всеми на виду.
Его встречали вы — поверьте —
На каждом шумном пикнике,
В театре, в клубе, на катке,
В живых картинах и в концерте.
Он очень мил, хоть фат на вид,
И в нос немножко говорит.

ХІІІ

Вот в банке место занимавший
Чиновник длинный, как верста,
Сухой и сильно отошавший,
Как после долгого поста,
Имевший страсть дурного тона —
Походкой мрачного Харона
Ходить повсюду за женой;
Вот врач, имевший дар тройной —
Отлично петь и пить отлично
И до упаду танцевать,
Чтоб после петь и пить опять,
Всех обнимая безразлично;
Вот опочивший от трудов
Гравер сороковых годов,

ХІV

Везде сующийся, как муха,
С запасом новостей, сигар. . .
Вот без ума, без сил, без слуха,
На всех озлоблен, сед и стар,
Экс-драматург в высоком чине.
Бранит он век по той причине,
Что ни в один еще журнал
Он, как ни бился, не попал.
Вот, из военных, прав ревнитель,
Времен новейших Скалозуб,
Хотевший в том уверить «клуб,
Что в клубе каждый «член-любитель»
Обязан голос свой иметь
И о порядке в нем радеть.

ХV

Вот наш художник знаменитый
И мастер монументных дел,
С прической львиной, в кудри сбитой,
Имевший в клубе свой удел:
Везде героем быть девичьим
И с гладиаторским величием
Провозглашать подобный факт:

«Mesdames! Messieurs! Теперь — антракт!»
Краса обоих полушарий,
Наш денди модный, наш талант,
Наш обольститель и наш фронт,
Он носит множество регалий
И сам похож на монумент
Из орденов и пестрых лент.

XVI

Вот тощий лирик с музой сладкой,
Певец весны и облаков,
Везде являвшийся с тетрадкой
Меланхолических стихов;
Вот мировой судья близ дамы,
С лицом, имевшим вид рекламы:
«Я Дон-Жуан и Ловелас!»
Вот быстроногий, как Пегас,
Издатель маленькой газеты
В кружке Арсеньева бранит;
Вот бальной сферы паразит, —
Известны всем его приметы:
Танцор, историк, мелкий фат,
Библиофил и ренегат.

XVII

Вот музыкант чрезмерно длинный,
Довольный обществом, судьбой,
Вином, певцами, скукой чинной,
Икрой в буфете и собой.
Вот архитектор — вечно вялый,
Вот драгоман — добрейший малый,
Вот, наконец, «поэт-солдат» . . .
Но, чу! . . . все в публике глядят
По направлению к эстраде,
Где бледнолицый педагог
За монологом монолог
Читал на память без тетради
О том, что Гоголь был талант
И меж талантов бриллиант.

ХVIII

Умолк, но в речи все так ново,
Что хлопать публика пошла.
Потом стихи из Хомякова
С экстазом барышня прочла;
Потом немецкого актера
Встречали криком: «Bis!» и «Fora!»
И наконец поднялся рев,
Когда явился Горбунов. . .
Чтоб оценить славян развитие,
Как тонок их изящный вкус
И как ты мудр, великорусс,
Еще не раз готов сходить я —
Взглянуть, как Горбунова вид
И шутовство народ смешит.

ХIХ

Между артистов на эстраде
Явилась дама. . . Что за вид,
Что за уверенность во взгляде! . .
Она пред публикой стоит,
Как королева, гордо, смело.
Она толпы не оробела,
Красиво руку подняла
И громко, явственно прочла
Из Розенгейма две страницы
И обвела глазами зал.
Я с удивлением узнал
Татьяну в образе той львицы
И с ней в гостинной через час
Я говорил уж глаз на глаз.

ХХ

Меж разных новостей столицы
Речь об Онегине зашла;
У ней не дрогнули ресницы. . .
«На днях в журнале я прочла
Его статью и — мужа мнение
Про молодое поколение
Я начинаю разделять:

Все отрицать и отрицать!
Какой же толк в речах их злобных?
Онегин судит резко всех,
А сам... сам возбуждает смех.
Я не люблю людей подобных». —
Но тут прервал один корнет
Наш неприятный tête-à-tête.

XXI

Разъезд. Окончен ужин. Звонкий
Раздался роковой звонок,
Но за столом, любуясь жженой,
Еще сидит один кружок.
Всех оргий ментор и художник,
Из вилок сделавши треножник,
Их над кастрюлей укрепил
И на пылавший сахар лил
Струей киршвассер ароматный;
Потух огонь — и на столе
Готов в граненом хрустале
Напиток крепкий и приятный,
А день уж смотрит со двора.
— Пора!.. И мне кончать пора.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Январь в конце. Волокна туч,
Нависших над столицей зимней,
Прорезал солнца редкий луч, —
И веселей, гостеприимней
Глядит ряд улиц... Мимо нас,
В колясках сидя напоказ,
Мелькает в бурках, в бриллиантах
Цвет красоты всех стран и рас.
На петропавловских курантах
Уже пробил условный час
Прогулки... Общее движенье,
Однако, слишком велико:
Сегодня праздник, без сомненья!

II

В том убедиться нам легко
По экипажам, по нарядам,
По табельным, сиявшим взглядам,
По виду праздничных купчих,
По быстроте городовых,
Свистящих, рыщущих, хватавших
Всех очень сильно подгулявших;
По лицам барынь молодых,
Старух, мальчишек, мамок, нянек,
Швейцаров, франтов, сторожей,
Хлыщей, камелий, марсов, ванек,
Жен и мужей, врачей, пажей,
Российских немцев, «думных» земцев,
Купцов, актеров и певцов,
Всегда ликующих ташкентцев,
Всегда задумчивых скопцов.

III

Да, праздник! . . . В общей шумной давке
В любом кафе и в модной лавке
Нигде ни сядешь, ни шагнешь,
И в роли статуй неподвижных
Снять негде шубы и калош;
Лишь в магазинах только книжных
Души единой не найдешь.
У нас — ведь это всякий знает,
Кто в нашу жизнь немножко вник, —
Никто в дни праздничные книг
Не покупает, не читает.

IV

Веселье, роскошь, шум и гам,
Атлас и соболь, шелк, куница,
И словно говорят все лица:
«Легко живется в мире нам!»
И с умилением невольным

Среди блестящей кутерьмы
Дивились этим лицам мы
Счастливым и самодовольным.

V

Но вот, однако, затрудненье:
Попали мы на погребенье.
Печальный движется кортеж
И длинной цепью экипажи:
В них речи всё одни и те ж,
И в лицах скорбь одна и та же:
Спешат покойнику отдать
Друзья, родные долг печальный,
Последний долг... Сопровождают
И мы желаем погребальный
Тот поезд. Славный человек
Покончил свой веселый век!
И каждый встречный невинный житель
Твердил: «Спаси его, творец!
Он первый наш благотворитель,
И благодетель, и отец!

VI

Он гласа сердца только слушал,
В столицах знал всех поваров,
Он в пользу бедных пил и кушал,
Был вечно весел и здоров;
Для блага бедного народа
Все лотереи посещал,
Проел три дома, два завода
И пропил женин капитал...
Сей муж из самых образцовых,
Каких не встретить долго нам:
Чтобы десятка два целковых
Послать самарским мужичкам,
В желудок свой имея веру,
Недавно посетил обед,
Покушал гуся он не в меру

И как герой покинул свет...
«С благотворительною целью»,
А благородней цели нет...

VII

Но время нас зовет к веселью...
Пора! в окошках, в фонарях
Огни давно уж заблестели —
Двойной шеренгой вдоль панели,
В подъездах зданий и в дверях,
В концертных залах, в светлых клубах.
Карет, карет — несметный ряд...
Порой бубенчики звенят:
В санях широких, в теплых шубах
На тройках за город летят
Благотворители столицы,
Где ждут их музыка и смех,
Вино и песни, шутки, «вицы»,
Девицы, львицы, тьма утех
До поздней утренней денницы.

VIII

И целый город до утра
В филантропическом экстазе,
Во имя пользы и добра
Галантерейно безобразя,
Танцует, скачет и поет
И декламирует с эстрады,
Декольтируется и врет,
И пьет, и ест, и ест, и пьет,
Всю ночь ликует напролет
Без наслажденья и отрады,
Пока в бессильи не заснет;
А завтра вновь с лицом измятым
Из скучных собственных квартир
Весь город кинется на пир
С благотворительным развратом.

IX

Другое зрелище нас ждет:
Театр афишей бенефисной
Радушно публику зовет.
Уже гирляндой живописной,
Облечены и в шелк и в газ,
Блистают дамы бенуара;
Уж в нетерпении не раз
Партер с райком стучали яро,
Уже со сцены чей-то глаз
В прореху занавеса зорко
Давно глядит, и нам видна
Нога и шитая оборка
У самой рампы. Но должна
Сейчас начаться, без сомненья,
Пьеса новая. Пора
В закрытой ложе, без стеснения,
Пока не началась игра,
Занять места нам, где удобно
Мы можем лечь, зевать, болтать,
Иль очень тонко и подробно
Игру актеров разбирать,
Иль, наконец, по крайней мере,
Следить за кем-нибудь в партере.

X

Все стихло. Занавес взвился.
Нелепый и рутинно-узкий
Со всею скукой драмы русской,
Бессодержательно-пустой,
Невероятно-бестолковой,
Конечно, с фабулой не новой
И с самой щедрой пестротой
Ненужных лиц, пейзаж, пейзажок,
Присяжки, песен, хоров, драк,
Любовных сцен и перебранок...
Я созерцал и думал так,
Не пропустив на сцене слова:
Я аксиомы не пойму
«Нет в мире действия такого,

Причин чтоб не было ему», —
И вот пять действий перед нами
Даются вовсе без причин? !.

XI

Кому же верить? Этой драме
Иль аксиоме? Пусть один
Эдип новейший в «Гражданине»
Решит загадку эту ныне,
А я... я в ложе отдохнуть
В углу уселся в мягком кресле,
Невольно думая: не здесь ли
Всего удобнее соснуть?
Кто усыпит так в Петербурге
(За то хвала тебе, Зевес!),
Кто, как не наши драматурги
И исполнители их пьес?
И я заснул...

XII

«Покойной ночи! —
Шепнул вдруг кто-то сзади мне. —
Спектакль всем кажется короче
И занимательней во сне...»
Очнулся я и вижу — Ленский,
Сосед и друг мой деревенский,
С которым время коротал
Я в Костромской его усадьбе
И даже у него на свадьбе
Недели три пропировал.
На свадьбе этой в сельском храме
Я не последним был лицом:
Я и Онегин — шаферами
У Ленских были под венцом.

XIII

«Владимир! Это, полно, ты ли?
Позволь обнять! рад от души!

Давно ль ты из своей глуши,
Где зайцев мы с тобой травили?»
— «Давно, а ты?» — «Три дня назад
Вернулся я из-за границы,
Средь нашей северной столицы
Надолго якорь бросить рад.
А что жена твоя?» — «Тебя я
Сейчас же повезу к жене.
Вот будет благодарна мне,
Уже никак не ожидая
Сюрприза! . . .»

XIV

Оба сели в санки.
«Живу я близко, на Фонтанке,
Отсюда два всего шага.
Поздравь: ведь я адвокатурой
Стал заниматься, брат. . .» — «Ага!
А муза?» — «Музе белокурой
Отставку чистую я дал:
Не наживешь с ней капитал. . .
Вот мы и дома. . .» Дом отличный:
Швейцар, на лестнице цветы,
Газ и ковры. . . «Я вижу, ты
Пошел дорогою обычной:
Как истый адвокат столичный,
Идеализм не ставишь в грош
И куши крупные берешь. . .»

XV

Звонок нажат, и в миг единый
Пред нами распахнулась дверь.
Нас Ольга встретила в гостиной,
Еще прекрасна и теперь
И в возраст свой тридцатилетний
Еще способная пленять.
Радужней встречи и приветней
Нельзя мне было ожидать. . .
О времени припомнив старом,

Вся раскраснелась Ольга вдруг.
И через час за самоваром
Сидел я как домашний друг.

ХVI

И вот, вблизи четы счастливой,
Любимой мною с давних пор,
Вступил я скоро в разговор
Неуловимый и игривый,
Где настоящее всегда
Переплетается с минувшим,
На всех нас юностью пахнувшим
И всем, чем молодость горда.
Когда ж в беседе оживленной
Спросил я о Татьяне их,
Склонила Ольга взор смущенный
И замолчала. Ленский стих.
Я сам смутился на мгновенье:
Молчанье их — недобрый знак.
Когда же общее смущенье
Прошло, Владимир начал так:

ХVII

«Не знаешь ничего ты, значит?»
— «Я в Петербурге лишь три дня».
(Украдкой, вижу, Ольга плачет,
Скрывая слезы от меня.)
— «Сквернейшее случилось дело:
Три месяца тому назад
Татьяна наша овдовела,
Но вся беда не в этом, брат:
Муж был старик, подагрик хворый,
Деспот ревнивейший, который
Жену преследовал, как тень,
И портил ей и ночь и день.
Скоропостижно он скончался,
Пошел по городу трезвон,
И скоро доктор доискался,
Что от отравы умер он.

ХVIII

Сам отравился он случайно,
Иль отравил его другой,
Пока еще все это тайна,
Но я ручаюсь дорогой
Мне честью, что она, Татьяна,
Виновна в том, как я и ты.
Она от этой клеветы,
Конечно, поздно или рано
Себя очистит на суде,
Суде присяжных наших, где
Употреблю я все усилья,
Чтоб клевете обрезать крылья».

ХIХ

В то время раздался звонок
Такой пронзительный, что разом
Прислуга Ленских сбилась с ног.
Час поздний!.. Вдруг, под черным газом,
Вся в трауре, как снег бледна,
Вошла Татьяна. Мне она
Сперва покойной показалась.
Но в том спокойствии скрывалась
С немym отчаяньем борьба,
И с беломраморного лба
Как будто не сходила туча.
Все ж притягательно могуча
Была Татьяны красота,
И каждая ее черта
И чаровала и манила...
И вот вдова заговорила,
Не бросив взгляда на меня:
«Откуда, угадайте, я
Явилась к вам?.. От прокурора!..
Да, Ленский, вам придется скоро
Из-за меня вступить с ним в спор».
— «Но кто ж, скажите, прокурор?»
— «Онегин, друг ваш». — «Как? Евгений?»
— «Да, он, он, вечный злой мой гений:
Дает жестокий мне урок

В его лице судьба вторично. . .»
И тут недобрый огонек
(Что я заметить мог отлично)
В глазах Татьяны промелькнул;
Затем, как статуя, на стул
Она беззвучно опустилась,
Не слыша Ленского речей,
И из опущенных очей
Слеза на грудь ее скатилась.

эп.лог

I

Чрез месяц в окружном суде
Татьяны разбиралось дело.
Дела подобные везде
Волнуют общество, и смело
Заметим, в ложь не смея впасть,
Что в зале яблоку упасть
Возможно было бы едва ли.
За подсудимой наблюдали
Из-за решетки сотни глаз,
И постоянно, каждый раз,
Когда Татьяна говорила,
Жужжанье мухи слышно было,
И весь народ ни мертв, ни жив
Сидел дыханье затаив. . .

II

С изящной скромностью одета,
Без украшений золотых,
Без всяких брошек и браслета,
Лишь только в локонах густых,
Обворожительно прекрасна,
Но как мертвец бледна ужасно
Лафарж новейшая была
И все сердца к себе влекла,
И каждый думал: «Неужели
Она виновной может быть?
Способна ль мужа отравить,

И для какой ужасной цели? . .
Как горд и чист Татьяны взор! . . .»
Но, чу! речь начал прокурор.

III

То знаменитый был оратор,
Прокуратуры всей звезда,
Экс-реалист, экс-литератор,
Уже в последние года
Избравший новую карьеру. . .
Он, соблюдая такт и меру,
Построил речь свою умно,
Хоть беспощадно слишком, но
Легально, ясно и логично,
Так что защитник, Ленский сам,
Рукой вода по волосам,
Подумал про себя: отлично!
И поднялся, войдя в задор,
Чтоб дать Онегину отпор.

IV

Чувствительно, красноречиво,
Хотя и сбивчиво порой,
Пространно очень, но красиво
И увлекаясь слов игрой,
«С душою прямо геттингенской»,
Час говорил Владимир Ленский.
Пред прокурором он был пас,
Но симпатичней во сто раз:
То возбуждал негодование,
То трогал публику до слез;
Ему присяжных удалось
Расчувствовать до состраданья,
И наконец их приговор
С Татьяны снял ее позор.

V

Она «оправдана». . . По зале
Гул одобренья пролетел. . .

Глаза у Ленского блистали,
Он скрыть восторга не умел —
И вывел из суда Татьяну...
О том рассказывать не стану,
Как Ольга встретилась с сестрой,
Как наша пресса той порой
Вердикт хвалила безусловно
И как Онегин прошептал,
Покинувши судебный зал:
«А все-таки она виновна!»
Но прав он в этом или нет —
Не мы дадим на то ответ.

VI

Конец, моя поэма спета...
Прошу прощенья у славян
И у славянского поэта,
Что я классический роман
Подверг цинической поверке,
Перекроил по новой мерке
И перешил на новый лад.
Но я ли в этом виноват?
Пусть устыдится критик бедный,
Что он в бессилии толкал
Поэта гордый пьедестал.
Но от руки его безвредной
И лавр не сдвинулся с чела,
И слава та же, что была.

1865, 1867, 1874, 1877

НИГИЛИСТ

П О Э М А

ГЛАВА ВТОРАЯ¹

Не в свой «тарантас» не
садись.

Новая пословица.

Какую выберу я тему —
Того пока не знаю сам.

Гр. Соллогуб.

I

Подобно графу Соллогубу,
Кой-как взобравшись на Парнас,
Не знаю сам, кусая губу,
Чем я начну теперь рассказ, —
Но, как ему, мне также любо
Писать на тему — нигилист,
И я, хоть это, впрочем, грубо,
Бледнея, словно в книге лист,
К поэме графа Соллогуба
Приделать смело пожелал
И продолженье и финал.

¹ В малоизвестном московском сборнике «Утро» помещена *первая глава* поэмы гр. Соллогуба «Нигилист». Так как, по всем вероятностям, второй выпуск «Утра» выйдет никак не ранее 1966 года, то я взял на себя смелость продолжать начатую поэму гр. Соллогуба и довести ее до конца, оставаясь верным плану и характеру начатого произведения. Я уверен, что все поклонники поэтического дарования гр. Соллогуба будут мне признательны за мою смелую литературную попытку — продолжать нить, вероятно надолго, если не навсегда, порванного рассказа.

II

Моя услуга, если взвесить,
Должна возрадовать славян:
Поэт, наверно, лет чрез десять
Успеет кончить свой роман
И «тайну старческой работы»
Отдаст Погодину, а тот,
Не получивши с «Утра» льготы,
Положит рукопись в комод
И, может быть, лишь лет чрез двести,
Для услажденья разных каст,
С трудами собственными вместе
Поэму графскую издаст.
А я — мне вечер только нужен,
Чтоб в горе выручить певца,
Я сяду весело за ужин,
Сведя поэму до конца.

III

Поэмы план исполню свято
И ничего не искажу;
Ее героя демократа,
Как Соллогуб, изображу
Я той же самой черной краской;
Его в безбожьи обвиню
И даже стих, немного тряский,
Для колорита сохранию.
Ведь, в самом деле, есть причины
Такие фразы мне сберечь:
«В душе прорезались морщины»
Иль «ум его широкоплеч».
От фраз поэта цепenea,
Я им подобных не слышал
С «сухих туманов» «Атенея»...
Но, чу! уж мой Пегас заржал
(Старинной верен я системе
Пегаса вспомнить при поэме),
И я, как опытный ездок,
Путь начинаю без печали.

IV

Герой — Белин. Его так звали.
Его портрет в короткий срок
Я очерчу, и по контуру
Увидят все — я убежден, —
Что из себя карикатуру
Изображал в природе он;
Что все певцы в преклонных годах
(Я сам как лунь, к несчастью, сед)
В его типических приметах
Найдут все язвы поздних лет,
Найдут, что он был очень странен,
Трихином века заражен,
Эгоистически-гуманен
И отвратительно умен.

V

Итак, он был, во-первых, молод,
А этот факт на стариков
Нагнать повсюду может холод;
Потом, он был из бедняков,
Имел долги и не платил их,
Носил в заплатках сапоги
(У богачей кровь стынет в жилах:
— Как? он, бедняк — имел долги?!),
Был, разумеется, нечесан,
Неловок, грязен, неотесан. . .
«Весть» всем студентам зауряд
Дала сей яркий аттестат,
И без подобного патента
Нельзя описывать студента, —
К тому ж и мало тут хлопот:
Прием известный — спорит грубо,
Волос не чешет круглый год,
Как волк голодный ест и пьет
И — не читает Соллогуба.
Лишь подвяжи такой ярлык —
Герой готов в единый миг.

VI

Дарвина, Фогта, Молешотта
Белин прочел уже давно,
Но пропадала в нем охота
Читать Погодина, Михно,
Каткова, Вяземского, Фета,
Замоскворецких мудрецов,
Заголосивших не под лета,
Лихих обеденных певцов,
Жизнь отравивших многим россам, —
И, как Москвы ленивый сын,
Не занят вовсе был вопросом:
«Когда родился Карамзин?»
Любил он спорить за обедом,
Что жизнь без знания — детский бред,
Что без труда жить — цели нет,
Короче — был он *людоедом*,
Как выражается поэт.

VII

Чтоб жизнь не кончить со скандалом
(Смотрите первую главу),
Белин вдруг стал провинциалом
И бросил шумную Неву.
Благодаря различным шашням
Ему в столице не везло,
И он учителем домашним
Попал к помещику в село
И обитателей усадьбы
Стал изучать, ворча не раз:
«Вот если всех вас описать бы —
Отличный вышел бы рассказ».

VIII

Аристократом по преданью
В то время слыл помещик N;
Богат был только по названью,

Хоть пил вино высоких цен,
Курил гаванские сигары,
Себя, как куклу, наряжал
И на уездные базары
На кровной тройке выезжал.
Но так балуясь, год за годом,
Он не мирил приход с расходом,
А впереди. . . Он думал: вот,
Быть может, бабушка умрет!
Но бабушка не умирала. . .
Отживший лев не унывал,
На съездах корчил либерала
И всюду деньги занимал.

IX

Любил теперь он в час досуга
Провозгласить пред всеми вдруг:
«Меня Жуковский чтит как друга,
И даже Пушкин был мне друг. . .»
Когда-то в юности далекой
(Он вспоминал о той поре)
Послання «к деве черноокой»
Писал он в «Утренней заре».
В Париже ставил водевили,
В России драму написал,
И в Баден-Бадене ходили
Толпой смотреть, как он играл
И ставил золото в рулетку. . .
Но он не тот уже теперь,
Он точно зверь, попавший в клетку,
С когтями сломанными зверь.
Теперь он более не рвется,
Как прежде, в дальние края,
В его груди уже не бьется
Стихожурчащая струя.
Лениво «Голос» он читает,
Питает ненависть к перу
И лишь поноске обучает
Щенков лягавых поутру,
Новейший век ругает круто,

Всю журналистику хуля
За отрицанье. . . Вот к нему-то
Белин попал в учителя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

В огромном барском кабинете,
Где двадцать лет без перемен
Стояло все, помещик N
Ходил, поднявшись на рассвете,
Уже причесан и одет
И вспрыснут нежными духами. . .
Но здесь мне хочется стихами
Воспеть сей барский кабинет,
Покой полу-аристократа,
Полу-псаля, полу-певца,
Полу-французика с лица,
В Париже жившего когда-то,
Полу-помещика степей,
Полу-героя в старом стиле,
Тех дней, когда еще носили
Парик, камзолы и тупей.

II

Всем понемножку в этом свете
Хотел быть русский сибарит,
И обстановка в кабинете
Носила тот же самый вид:
Диваны, мягкие подушки,
Седло казацкое в углу,
Галантерейные игрушки
Меж книг и счетов по столу;
Карамзина изображенье,
Портрет любимого коня —
Внизу же было изречение:
«Жил восемь лет, четыре дня»,
Устав дворянского собранья,
Нагайки, ружья, мундштуки,

Крылова «полное издание»,
Размеров разных чубуки;
На полках книги меж диванов:
«Маяк», «Онегин», «Новый псарь»,
Ростопчина и ты — Курганов,
Настольной книгой бывший встарь,
Французских несколько романов
И без обертки календарь,
Да в переплетах разнородных
И привлекательных для глаз
На всех столах и полках модных
Лежал известный «Тарантас».

III

Помещик был с утра не в духе
И скрыть ворчливости не мог.
Бесило все его — и мухи,
И сладкий чай, и скрип сапог,
И платье сельского покроя,
И прыщ, вскочивший на щеке, —
Забыл он даже о щенке
Своем возлюбленном «Медоре».
Так утро шло. Устав шагать,
Он сел к столу в большом зазоре,
Раскрыв огромную тетрадь;
На ней же тщательно наклеен
Был с краткой надписью ярлык:
«Год двадцать третий. Мой дневник».
Привычку старую в селе он
Еще сберег и по утрам
Вносил в дневник свой без системы
Отрывки сельских эпиграмм,
Воспоминанья, «мысли», темы,
Посланья, стансы в честь кузин,
Заметок мелких ряд летучий,
Стихотворения на случай:
«В день похорон» или «в день крестин»,
На смерть собачки или дяди...
Прелюбопытная тетрадь, —
И кое-что из той тетради
Теперь мы можем прочитать.

Дневник помещика

1

Тоска и глушь! . . . Здесь как номады
Живут дворяне, бросив свет. . .
Нигде хорошей нет помады,
И куаферов вовсе нет.
Иным здесь славно жить, но я ли
Так прост, как эти чудаки? . . .
Кто долго жил в Пале-рояле,
Тот здесь удуется с тоски.
Здесь все выходит вон из нормы —
Грязь, неопрятность, грубость, смрад,
Притом же новые реформы. . .
Плебей на шею к нам сесть рад.
О боже мой! Во время оно
Мы не знавали этих бед
И на работника Семена
Тогда не жаловался Фет.

2

Повсюду злиться есть причина
И хоть в могилу впору лечь:
Нельзя крестьянина посечь
И выдрать собственного сына,
Как будто в этом есть вина. . .
Жить так нельзя нам, воля ваша,
С тех пор, когда упразднена
О ты, березовая каша!

3

Учитель новый наш, Белин —
Прямой образчик демократа:
Со мною горд, как властелин,
А со слугой — запанибрата.
Со мною спорит без затей
И очень рад перед соседом,
Перед глазами всех детей
Поднять хоть насмех за обедом.
Ну так и смотрит *людоедом*. . .
Положим, точно он умен,

И образован, и начитан,
Но все ж мужик. . . При мне кричит он,
Что век наш после похорон
Напрасно рвется из могилы,
Что мы, отцы, мозгами хилы,
Что нам повсюду, здесь и тут,
Везде отходную поют
И что для чтения негоден
Ученый Грот и сам Погодин.

4

Просил главу из «Тарантаса»
Прочесть при детях Белина,
И — вот новейшая-то раса! —
Он мне ответил: «Вот-те на!
К чему такая старина?
Найдем мы книжку посвежее,
Чем ваш любезный «Тарантас»!»
— «Вы, сударь, грубы. . . таранта-с. . .», —
Ему воскликнул в кураже я.
Mop dieu! ¹ Могу ль я уважать
Таких набитых дуралеев!

5

«А вы стишки для юбилеев
Всё продолжаете писать? —
Белин спросил меня за чаем. . . —
Стишки такие любы мне.
Мы этот род предпочитаем
Всем гимнам к солнцу и луне.
Принадлежать весьма солидно
К числу обеденных певцов! . . .»
Ну как подобных наглецов
Могу выслушивать? . . . Обидно. . .

6

Белин за прожитое время
Хотел взять деньги. Подождешь! . . .
Все это нищенское племя
Дрожит за каждый медный грош.

¹ Боже мой! (Франц.) — *Ред.*

Когда б не этот долг проклятый,
Я не терпел бы в доме зла,
И мой назойливый глашатай
Давно б был прогнан из села.

IV

В то утро, рано встав с постели,
Помещик N занес в дневник:
«Что ж это будет в самом деле?
Повелевать здесь всем привык
Недоучившийся мальчишка,
Ученьем новым умудрен,
И носит ветхий сюртучишко
Как тогу цезарскую он...
Ну нет, сегодня будет трепка...»
Тут он закрыл свою тетрадь
И закричал: «Эй, кто там! Степка!
Ко мне учителя позвать!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

I

Меж тем как гнев аристократа
От раздраженья выростал
И кистью шитого халата
Лев в нетерпении играл,
Меж тем как чай был на пол пролит,
Забыв черешневый чубук
И в доме все узнали вдруг,
Что «барин гневаться изволит», —
В соседнем флигеле один,
С пером в руке, между двух окон,
Перед столом сидел Белин.
Уж написал немало строк он,
В письме добравшись до конца,
И даже вставил *Nota bene*,
Как вдруг услышал, что с крыльца
К нему стучится кто-то в сени...
Но здесь, по прихоти певца,
Приличья света проклиная

(Я — каюсь — их давно не чту),
Письмо студента Белина я
Без позволенья перечту.
Пускай мне скажут: экой срам-то!
Но я не вижу в том вины:
Права чиновников почтамта
Давно поэтам всем даны.
Певец в желаньях независим,
И для него, с былых времен,
Нераспечатанных нет писем,
Как для любовниц и для жен.
Белин писал:

II

«Занес же леший
Меня в проклятый уголок!..
Ушей, пожалуста, не вешай,
Не жди, что юный демагог
Тебе опишет пышным слогом,
Как он шлифует дураков
И просвещает по берлогам
Лесных медведей и волков.
Здесь, право, к подвигам великим
У всех охота пропадет;
Здесь, милый друг, в единый год,
Того гляди — сам станешь диким,
Забудешь совесть, смысл и стыд
И станешь мелким, грязным плутом
И на Петропольский гранит
Потом «вернешься алеутом»,
Как Грибоедов говорит.
Тружусь я здесь для высших целей:
Оклад имею годовой,
Уча двух юных пустомелей
С клинообразной головой,
Которым знания — вериги,
Которых тешит мысль одна,
Что в золотой дворянской книге
Стоять их будут имена;
Которым герб рассудка краше...
Ждут с детства эти делибаши,

Когда отца уложат в гроб,
Хоть перейдет им от папаши
Одно наследство — медный лоб.
А сам папаша... в денди оном
Различных свойств явилась смесь:
Он весь пропах одеколоном,
Пропитан чванством пошлым весь.
Плохой певец без дарованья,
Деспот под бабьим башмаком,
Аристократ без состоянья,
Богач с иссякшим кошельком,
Романтик, грабивший реально
Своих дворовых и крестьян,
В себе явивший специально
Тип славный «русских парижан».
Он, весь уезд переполоша,
Всех мотовством своим дивил,
А мне, наставнику, ни гроша
Пока еще не заплатил
И говорит, что тот вульгарен,
Кто не умеет долго ждать...»

III

«Кто там?» — «К себе вас просит барин...»
— «Зачем бы это — нужно знать?..
Не о движеньи ли науки
Прослушать хочет он урок,
Иль просто от лягавой суки
Родился новенький шенок,
И о событии этом важном
Он известить желал меня...»
Так думал, голову склоня,
Белин пред домом двухэтажным
И чрез парадное крыльцо
Дошел до двери кабинета.
Увидя хмурое лицо
Степного франта и поэта,
Белин улыбки скрыть не мог,
Спросил его: что вам угодно?
Затем домашний педагог
Сел в кресла мягкие свободно.

Минуты три любимец муз
 Ходил по комнате сурово,
 Но наконец так начал: «Ну-с,
 Я вам хочу сказать два слова».
 — «Хоть целый спич». — «Нельзя ль остро
 Вам не пускать на время в ход. . .
 Я вами, сударь, недоволен».
 — «Благодарю за комплимент».
 — «Я болен, слышите ли, болен
 Через вас лишь, господин студент».
 — «Больны, так нужен, значит, лекарь:
 Болезнь как раз прогонит прочь,
 А я не медик, не аптекарь,
 И вам едва ль могу помочь».
 — «Вы, сударь, держите не строго
 Моих детей, — веду я речь. . .»
 — «Что ж, мне прикажете их сечь?
 Хожалым стать из педагога?»
 — «М-г Белин! Дурной пример
 Моим вы детям подаете. . .»
 — «Пример дурной. . . Гм! Например?»
 — «Хоть о крестьянстве, о работе,
 О тунеядстве высших сфер,
 О пользе всех ассоциаций
 Ведете с ними разговор,
 А я подобных демонстраций
 Не признаю уж с давних пор.
 Потом. . . хоть это вздор. . . однако
 Вас нужно мне предостеречь:
 У вас приличного нет фрака
 И — волоса до самых плеч.
 Что мне — свяшенно, вам — потеха,
 И много, много есть причин. . .»
 Но здесь, скрывать не в силах смеха,
 Расхохотался вдруг Белин.
 Тут барин, мрачен, словно ворон,
 Трясаясь от злобы, вышел в зал,
 Шататься стал, и на ковер он
 В изнеможении упал.

Прибавлю вместо эпилога,
Нисколько в правде не греша:
Прогнал помещик педагога,
Не заплативши ни гроша,
А сам задумал он для света
Писать поэму «Людоед»,
И, говорят, поэма эта
Должна на днях явиться в свет.

1866

КОМУ НА СВЕТЕ ЖИТЬ ПЛОХО

I

В системе нашей солнечной,
Меж Марсом и Венерою,
Одна планета движется,
И на планете той

Есть городок заброшенный,
Углом Медвежьим прозванный;
Его на карте Зуева,
Пожалуй, не найдешь.

Тот городок не тронули
Прогресс с цивилизацией,
И даже в дни холерные
Проникнуть не могла

Через трупобы темные,
Лесистые, болотные
Туда и эпидемия...
Не город — благодать!..

Как у Христа за пазухой,
Исправник жил с исправницей,
И часто дело правила
Супруга за него.

У них-то рос сын-недоросль,
Сорвиголовым прозванный,

Как травка подзаборная
На солнышке растет.

Ни в мать и ни в родителя,
А в молодца проезжего;
Учиться не учился он,
А был куда смышлен.

На серую медведицу
Ходил с одной рогатиной,
А спор начнет — так «батюшку»
Мог с толку разом сбить.

Когда Сорвиголовому
Лет двадцать с годом стукнуло,
Пришел к отцу он с матерью
И молвил старикам:

«Задумал думу крепкую
Я, милые родители,
Живу немало в свете я,
А горя не знавал.

Хочу я с «лихом» встретиться,
Хочу беды попробовать;
Их в жизни не знаваючи,
Какой я человек?

Пустите же, родимые,
На все четыре стороны.
Домой вернусь, за ум возьмусь,
Помощник буду вам».

Исправник и исправница
Подумали, поохали,
Да видят — делать нечего,
Не удержать сына.

Благословили малого;
Снабдил казной отец родной,
Родная мать советами,
И след его простыл.

II

Сорвиголовый за город
Выходит в поле чистое,
Идет и озирается,
А *Глупость* тут как тут.

Известно, что без глупости,
Как старику без посоха,
Старухе без ворчливости,
Без алой ленты девице,

Без песни парню доброму,
Иль пьянице без сткляницы,
Нельзя ступить и двух шагов
На матушке Руси.

Подходит *Глупость*, чванится,
Кричит Сорвиголовому:
«А кто ты, добрый молодец?»
— Зовут меня *Никто*, —

Ответил сын исправника. —
А как тебя-то кликать мне?
— «Я — *Глупость* всероссийская!
Я десять сотен лет

Живу в твоём отечестве.
Видала Гостомысла я,
Встречалась и с Погодиным».
— А лихо в мире знала ты?
— «Да лихо я сама!»

И стала *Глупость* хвастаться,
Что держится вселенная
Лишь только ей единственно:
«Всему я голова!

Где двое собираются,
Там я наверно третий гость,
И место мне почетное
Отводится везде.

Народ мучу я одурью,
Вожу я за нос сытого,
Едой дразню голодного,
И все мне трын-трава.

Ослиному терпению
Учу я пролетария,
Отца на сына уськаю,
А жен на их мужей.

Лихой бедой для каждого
Лежу я поперек пути,
И сам ты, добрый молодец,
Мне в лапы попадешь».

Чем дальше *Глупость* хвасталась,
Тем больше раскипалась
Душа Сорвиголового,
И зло его взяло.

И вот, недолго думая,
Дубинкой здоровенною
Непрошенную спутницу
Он начал угощать:

— Лихой бедой не хвастайся,
Не суйся людям под ноги,
И чтоб меня ты помнила,
Помну тебе бока. —

Лишь свист идет по воздуху,
Удары градом сыплются,
И взывала *Глупость* по полю:
«Спасите! Караул!»

На крик ее сбегаются
С поляны парни с косами,
С цепами девки красные.
«Кто бил тебя?» — галдят.

«*Никто!*» — взревела *Глупость* им,
И парни в свою очередь

На *Глупость* опрокинулись:
«Чума тебя возьми!

Никто тебя не трогает;
Чего же ты ревешь?»
И сильно эту странницу
Избили мужички.

Сорвиголовый далее
Идет и ухмыляется,
А *Глупость* сзади тащится,
Кряхтит и говорит:

«Постой же, добрый молодец,
Походишь и умаешься,
Узнаешь, чем свет держится:
Тебе я удружу!

Постой же, добрый молодец!
Узнаешь, что лихой беды
Без глупости на свете нет;
Поклонишься ты мне!

Еще с тобой сквитаемся.
Не первый, не последний ты,
Которому подставила
Я ногу на пути».

III

Идет путем-дорогою
Проселочной наш недоросль,
Смеясь, труня над *Глупостью*,
И входит в темный лес.

Идет и видит — из лесу,
Согнувшись в три погибели,
Старухи вышли старые,
Три, страшные, как смерть. . .

«Здорово, сокол! — каркнули
Старухи, словно вороны. —
Куда идешь? Коль нас искать,
То сами мы придем,

Нежданные, незваные. . .»
И им он отвечал:
— Ищу, старушки старые,
На свете я лихой беды;

Хочу я с ней помериться,
В глаза взглянуть, рукой встряхнуть:
Авось, я зайцем испуганным
Пред ней не побегу. —

Глухим, разбитым голосом
Одна старуха молвила:
«Взгляни на нас, боярский сын;
Ты три беды нашел.

Мы три беды житейские,
Земли самой ровесницы,
И стар и млад нас ведает». —
— А как же вас зовут? —

И ведьмы разом крикнули:
«Зовут меня *Нуждою* все». . .
«Меня все *Ницетой* зовут». . .
«Я всех *Болезней* мать». . .

«Без нас и дом не строится,
И нет угла единого,
Где мы рукой костлявою
Не правили людьми».

Тут *Глупость* подвернулася.
«Не верь им, добрый молодец!
Старухи эти страшны лишь
При помощи моей.

Без *Глупости* на свете им
И часу не прожить.

Когда бы в людях разум был,
Смышленость муравьев,

Которые всё делают
Собща, а не взброд,
Тогда б *нужда* и *нищенство*
Не смели их смущать;

Когда б держались люди все
Той муравьиной мудрости,
Не ведать бы зловонных им
Подвалов и углов;

Тогда они не стали бы
Больным, гнилым картофелем
И рыбой ядовитую
Питаться круглый год;

Тогда они не знали бы
Болезней заразительных...
Я, *Глупость* всемогущая,
Я корень всех их бед,

А ведьмы эти самые
Сильны моею помощью...
Кто прав теперь, скажите же
Вы, старые карги!»

И в пояс перед *Глупостью*
Старухи стали кланяться:
«Ты мать наша, кормилица!
Нам нечего скрывать.

Нам без тебя, сударыня,
Нигде бы ходу не было...»
Старухи вновь отвесили
Поклон и прочь пошли...

«Так вот какая птица ты! —
Косясь на *Глупость*, путник наш
Идет и думу думает. —
С тобой дремать нельзя».

Шел коротко ли, долго ли
 Сорвиголовый по лесу,
 Вдруг видит на поляне он —
 Семь теремов стоят.

У терема у каждого
 Был, впрочем, вид особенный;
 Известно: нет товарища
 На вкус или на цвет.

Едва перед площадкою,
 Где терема построены,
 Остановились путники,
 Как из семи ворот

Семь великанов выбегло. . .
 По виду и наряду их —
 Мужчины или женщины —
 Понять нельзя никак.

Сорвиголовый несколько
 Смутился, их увидевши,
 Но *Глупость* захихикала
 И слово начала:

«Не бойся, храбрый недоросль!
 Меня не испугался ты,
 Так стыдно пред вассалами
 Моими унывать. . .»

— Какие ж это чучелы? —
 Воскликнул сын исправника.
 — *«Семью грехами смертными,*
 Мой милый, их зовут.

Страшны они по облику,
 Но если рассудить,
 То по моей лишь милости
 Открыт им доступ в мир;

Им для разнообразия
Даны названья разные,
Хоть, в сущности, от *Глупости*
Они родились все.

Вот этот, что насупился,
Людьми зовется *Гордостью*.
Глупей он на сто градусов
Других пороков всех,

А потому и чванится.
Во все пустые головы
Ему дорога скатертью
Открыта целый век.

Дурак всегда тщеславится
Имением наследственным,
Наследственной глупостью,
Хоть с ним бывает так:

Богатства все наследные
Он скоро пустит по ветру,
Но с глупостью фамильною
До смерти проживет.

Так знай же ты, боярский сын,
Все глупое заносится,
Все глупое спесивится
И задирает нос.

Вот грех второй. Вы *Скупостью*
Его все называете,
А этого не знаете:
Он тоже мой сынок.

Лежит на сене глупый пес,
И сам сенца не пробует
И им ни с кем не делится.
Вот *Скупость* какова.

Лежит она на золоте,
А умирает с голоду;

У ней добра и счету нет,
А в рублище сама.

Мной разума лишенная,
Она на свете мается,
Проклятая, дрожащая
За каждый медный грош.

Вот *Зависть* — третье чучело,
По глупости бессильное
И — тоже мое детище.
Завидует оно

Богатству, знанию, разуму,
А потому не любит их
Оно по скудоумию,
А это мне с руки.

Вот это, видишь, с красными
Глазищами чудовище:
То *Гнев*. Он вместе с *Жадностью*
Лишь мной руководим.

Мутит он, ссорит нации,
Ведет их стена на стену
И труппами кровавыми
Их устилает путь.

Я, *Глупость* всемогущая,
Стада людей уверила,
Что *Гнев* в союзе с *Жадностью*
Войною называются
И к славе приведут.

И льется кровь озерами
И, мною обезумлены,
На братьев братья бешено
Кидаются в бою.

И гибнут силы юношей,
Слабеет поколение,

А я-то, вездесущая,
Лишь знай себе смеюсь.

Вот два греха последние:
Один зовется *Роскошью*,
Живет на счет голодного
И загребает жар

Руками глупой бедности...
А грех последний — *Леностью*
С рожденья называется
И целый век свой спит.

По моему велению
Зевает он за книгою
И дремлет за работою,
Раскрыть не в силах глаз.

Нет дров — на солнце греется,
Нет солнца — так обходится...
Вся Азия той леностью
Давно заражена...

Так властвую над теми я
Семью грехами смертными
И в страхе человечество
Посредством их держу.

Я *Глупость* всемогущая!
Без воли без моей
И волоса единого
У вас не упадет.

Что б умники ни делали
И ни творили гении,
Земной весь шар опутала
Сетями крепко я.

Все люди, мне покорные,
В таком прогрессе движутся:
Едва вперед шаг сделают —
И три шага назад!..»

В душе Сорвиголового
 Страх тайный шевелиться стал:
 «Ты, *Глупость*, чего доброго,
 Всех бед земных беда!»

Идет он и сторонится
 От спутницы привязчивой,
 А *Глупость* сзади тащится,
 Как тень его, везде.

По свету добрый молодец
 Бродил два года с месяцем,
 Видал столицы шумные
 И много разных стран;

Но всюду, где являлся он,
 Встречалась *Глупость* с почестью,
 С пальбой, с трезвоном радостным,
 Как самый первый гость.

Пред ней все двери отперты,
 Все головы отворены;
 Входи и знай хозяйничай
 В домах и головах.

Под разными одеждами,
 И формами, и званьями
 Она распоряжается
 Народом, как детьми;

Цинически-отважная,
 Настойчиво-упрямая,
 Незваная, продажная
 Является везде —

Там в виде проповедника
 Во славу папской святости,
 Здесь с палкою фельдфебеля
 Из прусской стороны.

То классиком является
С латынью вкупе с розгами,
То публицистом бешеным
С доносом на губах.

И всюду, где пройдет она,
Народ пред ней склоняется
И голову ослиную
Венчает часто лаврами. . .

Так понял добрый молодец,
Бесстрашный сын исправника,
Что *Глупость* — та лиха беда,
Которой он искал.

Так понял добрый молодец
«Суть жизни» и немедленно
Вернулся в дом отеческий
Совсем уже другим.

VI

Исправник и исправница
Встречают сына милого,
Встречают, удивляются,
Что больно стал умен.

И прежде был со смыслом он,
Теперь же — даже страх берет:
Ума — палата выросла,
Рукою не достать.

Исправнику с исправницей
Обидно даже сделалось,
Что сын, сын их единственный,
Их выше головой.

Родители в волнении:
«Не учат куриц яйца,
И уши выше лба расти
Не могут у людей».

Весь город полон ужаса
От старого до малого. . .
Белугой взвыли граждане
«Медвежьего Угла»:

«Да разве это водится,
Да разве это слыхано,
Чтоб в нашем глупом городе
Жил умный человек! . .

Позор такой нельзя терпеть!
В острог Сорвиголового,
В острог и прямо «в темную»
Засадим светлый ум! . .»

В острог и посадили бы,
Когда бы не отец:
Нельзя ж детей исправника
Без всякого суда

Упрятать в арестантскую! . .
И стали думать граждане,
Как от заразы умственной
Себя освободить. . .

Они бы, верно, думали
Без пользы и до сей поры,
Да *Глупость* всемогущая
Их от беды спасла.

Исправнику с исправницей
Она благой совет дала,
Чтоб сына от излишнего
Ума освободить.

Советчица потрафила,
Советчицу послушались,
И для Сорвиголового
Открылся новый путь.

В губернский город недоросль
Отправился с родителем

И отдан был к учителю
Гимназии классической.

Там умника великого
Для умоослабления
С утра сажали до ночи
За греческий букварь;

Долбить его заставили
Язык великой Греции
С латинскою грамматикой
Упорно, по пятнадцати
Часов во всякий день.

А чтобы отупление
Быстрее подвигалось,
То в виде развлечения
Дозволили ему

Издания российские,
По выбору особому,
Читать в часы, свободные
От греческой долбни.

И вот пред ним явились
Изделья, подходящие
К системе исправления:
Гилярова-Платонова,

Каткова и Краевского
И, наконец, Суворина,
Столь смело овладевшего
Булгарина пером.

Такими журналистами
Приниженный, измученный,
Учителем классическим
Задавленный вконец,

Тупеть Сорвиголовый стал,
Расслабивши мозги
«Печатью» усыпляющей,
Латынью одуряющей;

Год от году тупеет он
В познаны книжной мудрости,
От вечного зубрения
Двух мертвых языков.

Когда же в дом родительский
Вернулся он на пятый год,
Везя диплом блистательный,
Весь город ликовал,

Перерожденью «умника»
С восторгом аплодируя:
От каблуков до маковки
Он идиотом стал.

А *Глупость* всемогущая
Над ним лукаво тешилась:
«Скажи-ка, добрый молодец,
Доволен ли ты мной?»

Шипела, распроклятая:
«Скажи-ка, добрый молодец,
Кому на свете плохо жить?
Ксму и отчего?»

ДЕМОН
САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

I

Печальный демон, дух изгнашья,
К земле направил свой полет,
Печальный демон, но не тот,
Что у Ефремова в изданьи
Прошел без пропусков в народ.
То был не лермонтовский демон,
Не мефистофель из гусар,
И в мире занят был не тем он,
Чтоб в нем отыскивать Тamar.
В дела людей он не мешался,
Но, как турист из англичан,
По свету белому скитался
От теплых до полярных стран,
Без антипатий и симпатий
К тому, что в мире он встречал;
Не знал любви, не знал проклятий,
Для адских каверз адских братьей
Досугов он не посвящал,
И все, что на земле он видел,
Он не любил, не ненавидел,
А хладнокровно изучал. . .
Наверно б он не изумился,
Когда бы солнца шар разбился,

Все звезды рухнули с небес,
Плутон на небе очутился,
И провалился в ад Зевес.
На свет взирая без ехидства,
Он в нем не думал сеять зла,
И цель пути его была —
Одно простое любопытство.

II

Таких героев меж людей
Всегда встречается немало.
Без чувств, без собственных идей,
Без цели и без идеала,
Они на жизнь свою глядят,
Как смотрим мы на представленье;
В партере вечер весь сидят
И ждут развязки, заключенья.
Но спущен занавес — финал, —
Стесняться больше не под силу,
И едет сонный театрал,
Зевнув в последний раз, — в могилу. . .

III

Бес мчится. Никаких помех
Не видит он в ночном эфире:
На голубом его мундире
Сверкают звезды рангов всех,
И бездна в трепетном их свете
Тайн неразгаданных полна,
А на незримом минарете
Серпом прорезалась луна.
Меж тем внизу туман клубится,
Туманом дальний остров скрыт,
Им, словно саваном, обвит;
Но демон ниже опустился,
И наконец пред ним открылся,
Когда рассеялся туман,
Огромный остров англичан.

Пред ним страна свободы, братства
 И тиранической пяты,
 Великолепного богатства,
 Невыносимой нищеты,
 Парламентизма, эгоизма,
 Край олигархов, торгашей,
 Приличий, полных деспотизма,
 Край боксов, скачек и дендизма
 И кровью политых грошей,
 Угрюмых сквайров, деревянных,
 Надутых леди, чинных мисс. . .
 Косился бес на этих странных,
 Несимпатичных, негуманных
 Людей. Куда ни оглянись —
 На всех гражданах без различий
 Печать особая лежит:
 Недвижность их, язык их птичий,
 Надменный, чопорный их вид,
 Их тип двуногого бульдога
 И страсть их к золоту, вполне
 Им заменяющему бога, —
 Все чуждо бесу в этой строго
 Цивилизованной стране,
 Где всем известный на чужбине
 Был Милль рожден и погребен,
 Где в то же время есть закон,
 Не уничтоженный доньше
 И всем мужьям дающий власть
 Жен продавать на главном рынке;
 Бес рисковал в сплин мрачный впасть
 В стране, где бритты любят всласть,
 Красноречиво, без запинки,
 В живой парламентской борьбе,
 С трибун и в прессе их свободной
 Излиться речью благородной
 О том, что бедность — бич народный,
 И — забывают о судьбе
 Своей Ирландии голодной! . .

V

Вот Лондон. Гул над ним стоит,
 Ряд пышных улиц блещет ярко,
 И бес, взглянув на Риджент-Стрит,
 Взглянув на общий вид Гайд-парка,
 Остановил свой грустный взор
 На тех кварталах отдаленных,
 Зловонной гнилью зараженных,
 Где по ночам из грязных нор,
 Вертепов полуразоренных
 Толпа голодных, истомленных
 Продажных женщин и бродяг
 На мостовую выползает
 В своих лохмотьях и не знает
 Окончить ночь ей где и как;
 Где не однажды с преступленьем
 Дружились голь и нищета
 И, обессилена бореньем,
 В разврате грязля чистота,
 И гибли в Темзе не однажды
 Все эти парии нужды,
 Продукт и голода и жажды,
 Цивилизации плоды.

VI

Но Лондон назади остался...
 Вот мирный Числьгёрст — уголок,
 Куда шум лондонский не мог
 Достичь и в зелени терялся.
 Вот дом и парк. Его аллея
 Пустынный вид тоску наводит...
 Но чей же это мавзолей?
 Чья это тень к нему подходит?
 Поникла долу голова,
 Грудь поднимается от стона...
 То саркофаг Наполеона,
 То одинокая вдова.
 Припомнив поздних лет обиды,
 Она стоит с немой мольбой,
 И словно хохот Немезиды
 Вдовица слышит за собой.

VII

Но бес уже на континенте.
Подобно серебристой ленте
Струится Сена в берегах.
Вот и Париж, в своих бедах,
В своих несчастиях великий.
Но отдохнул ли он от бед?
В нем Бонапарта уже нет,
Но он сменен продажной кликой
Из бонапартовских солдат,
Удобных только для парадов
И для военных ретирад, —
Из сотни проходимцев разных
И промотавшихся вралей,
Из личных видов, темных, грязных,
Готовых мир родных полей,
Удобной пользуясь минутой,
Смутить раздорами и лютой
Междоусобною враждой.

VIII

Бес мчится дальше. Чередой
Идут равнины боевые,
Где были схватки роковые
И битвы двух соседних стран.
Вот словно точка на Маасе
Мелькнул прославленный Седан,
А там, в отторженном Эльзасе,
И Страсбург встал. Его собор,
Ордой расстрелянный германской,
Еще хранит до этих пор
Следы их бойни тамерланской.

IX

А бес все дальше. . . На пути
Чей это замок одинокий?
Ему травую зарасти
Придется скоро. Тьмой глубокой

Одеты окна; лишь одно
Его окно освещено.
А в замке пусто. . . В нем, объятый
Тоской, скрывая в сердце боль,
Живет, надеждами богатый,
Проектированный король,
Столь пресловутый Генрих Пятый.
Его советников с ним нет,
Его покинули клеветы,
И он садится за обед
Один. Где прежние банкеты,
Собраний смелость и задор?
Уж не стремясь к заветным целям,
От скуки с некоторых пор
На бильярде с метрдоцелем
Играет грустный граф Шамбор.

Х

Но дальше, дальше. . . Бес за Рейном.
И нужно с бесом поскорей нам
Подняться выше от земли:
До нас уж запахи дошли
Цикорной гуши и сосисок,
Капусты кислой и колбас,
Дух габер-супа, грязных мисок,
Дух диких буршеских проказ,
Дух ветчины и филистерства,
И педантизма чад, и жар
Цивилизованного зверства
С букетом пива и сигар.

ХІ

Заткнувши нос, глаза зажмуря,
Спешит бес дальше, и нигде
Нет мысли отдыха: везде
Под тишиной таится буря.
Хотя тайком, в любой стране
Вражда растет все шире, шире:

Все говорят об общем мире,
И все готовятся к войне,
Щедры на тонкие уловки,
И — ждут повальной потасовки.

ХII

Бес волю наблюденью дал
И — что ж! — обманутый в надежде,
Кругом все то же увидал,
Что на земле он видел прежде:
Всё те же громкие слова
И бред несбыточных утопий
(К ним не чутка уже молва),
И копировка старых копий,
Которых участь не нова;
Все тот же блеск штыков и копий,
Мир так же немощен и глуп,
И целым миром правит — Крупп.

ХIII

Всё те же партии карлистов,
Дипломатических ужей,
Бонапартистов и папистов,
Легитимистов и ханжей.
Там папа мир клянет в азарте,
Здесь подкупной грохочет бард:
«Скóнчался *третий* Бонапарте,
Но жив *четвертый* Бонапарт!»
Все то же море перебранок,
Микроскопической возни;
Все то же царство куртизанок,
Всё те ж бенгальские огни
Продажной иль пустой печати;
Всё те же толки, елки, Патти,
Заботы о текущем дне;
Всё те же истины одне
О том, что солнце наше с неба
Равно для всех бросает свет,
Что оставлять нельзя без хлеба
Тех, у которых хлеба нет;

Что голод людям ненавистен,
Что беднякам дать нужно труд, —
Но только мир от этих истин
Еще не сыт и не обут.
От дедов отшатнулись внуки,
Отцы от лучших их детей,
И светоч знания и науки
Бледнеет в хаосе страстей.
И в этом хаосе разврата,
Интриги, лжи и клеветы
Не отличишь врага от брата,
От безобразья — красоты,
Микадо от его солдата,
Продажных ласк от чистоты,
Ума от глупости мишурной —
Дороже нам ее лучи —
И всякой тли литературной
От полицейской саранчи.

XIV

Прогресса начатое зданье
Из вековых, гранитных плит
Уже колеблется, дрожит,
И, чуя это колебанье,
Оставив спячку многих лет,
Как змеи, дряхлые преданья
Из-под камней ползут на свет.

<1874. 1878>

ДВЕ ЭПОХИ

(П О Э М А)

Печален будет мой рассказ.

А. Пушкин.

I

Не все ж смеяться нам. . . Находит иногда
На каждого из нас стих грустный, господа,

А не найдет, так жизнь сама тот стих подскажет,
Его с каким-нибудь печальным фактом свяжет

И если вырвет смех, то не веселый, злой,
Как в осень ветра стон, под непроглядной мглой

Тоскливо ноющий, нам в душу проникая. . .
Печальный свой рассказ начну издалека я.

В те дни, когда от сел до шумных городов
Очнулась наша Русь от сна, в конце годов

Пятидесятых, вдруг в кружках литературных
И в двух-трех органах, в то время подцензурных,

Но смелых, — с цензором в ладу жила печать, —
Писатель молодой вниманье обращать

Стал на себя. Ему успех сулили верный
Журналы тех времен, и — случай беспримерный! —

Сам Гончаров Иван, на похвалы скупой,
К нему благоволил. Закон судьбы слепой,

Однако, подшутил над бедняком жестоко,
И не сбылись слова газетного пророка,

Сплетавшего ему заранее венки
Лавровый. С климатом Невы бороться мог

Недолго молодой приятель мой Рахимов
(Я выбрал для него один из псевдонимов)

И, раздражительный до крайности, больной,
В хандре был принужден уехать в край иной

За новым воздухом живительным и светом.
Как жил, что делал там два года он — об этом

Не знал никто из нас. Как в воду канул он
И без вести пропал. Был сильно поражен

Печальной вестью я уже гораздо после,
Что он сошел с ума в Испании. Нашлось ли

Там несколько друзей у юноши? Какой
Отравой нравственной с безумною тоской

Он был сражен? Не мог о том сказать никто нам;
Узнали только мы, что там, под небосклоном

Толедо, он попал в больницу, как в тюрьму,
Где, верно, суждено окончить дни ему,

И что надежды нет уже на возвращенье
Рассудка. От души и полны сожаленья,

На родине друзья скорбели о судьбе
Собрата своего, но в будничной борьбе,

Где бьемся день за днем мы все теперь тревожно,
Воспоминаньями жить долго невозможно,

И постепенно был забыт и погребен
В гробнице памяти друзей живущих он.

Так два десятка лет промчались... Разве мало?
Достаточно нас всех помяла, истрепала

Жизнь, полная тревог, падений, горьких слез,
Обманутых надежд и оскверненных грез.

Ко многому привык наш мозг, наш глаз и ухо,
И старость, гадкая, развратная старуха,

Неумолимая, как голод, как нужда,
Уже подходит к нам... «Жизнь вечно молода!»

Но отвлеченное понятие такое
Иронии полно и не вернет покоя,

Когда при этом я — не правда ли, mesdames? —
Вам по наружности лет сорок с лишним дам,

Наживши в вас врага ужаснейшего сразу...
Однако возвращусь я к своему рассказу.

Рахимов был забыт, как я уже сказал,
Но вдруг случилось то, чего никто не ждал

И меньше всех врачи испанские в Толедо...
Где было знание бессильно, там победа

Осталась за одной природой. Прав Шекспир,
Что многое есть в ней, чего не может клир

Всех мудрецов понять. Больной, приговоренный
К безумью навсегда, при жизни погребенный

В больнице, ожил вдруг, и разом спала тьма,
Как пелена, с его дремавшего ума.

То было чудо, но все стихотворцы с жаром
Испанию зовут «страной чудес» недаром,

А факт вам налицо. Давно забытый друг
На родину спешил и, словно с неба вдруг

Иль, правильной сказать, как выходец из гроба,
Явился предо мной, но мы друг друга оба

Едва могли узнать, и радость встречи той
Смутила грусти тень. «О милый мой, постой, —

Твердил невольню я. — Да это, полно, ты ли?
Прощаясь, разве мы с тобой такими были?»

И в этом старике усталом и худом
Живого юношу я мог признать с трудом,

И только лишь глаза, хотя глубоко впали,
Нередко у него, как в юности, сверкали.

III

Но драма впереди еще его ждала,
Чего не мог тогда предвидеть я. Была

Большая разница меж им и всеми нами,
Которых он нашел покрытых сединами.

Мы шаг за шагом шли все эти двадцать лет,
Оставив за собой утрат печальный след;

Судьба не сразу нас, но исподволь ломала,
Нас жизнь по мелочам со многим примиряла,

И мы не делали в ней бешеных скачков,
А он слетел в наш мир как будто с облаков,

С мечтами прежними, с студенческим экстазом,
Все эти двадцать лет перешагнувши разом,

Начавши с лозунга: «Курган Малахов сдан!»
И кончив новостью: «Взят Карс и Ардаган».

Тогда его пришлось знакомить год за годом
С неведомым ему огромным периодом,

Сжав повесть длинную, состарившую нас,
В один эпический и бытовой рассказ.

Друг слушал, голову склонив и хмуря брови,
Все делался бледней — в лице ни капли крови, —

И наконец сказал: «Но было в наши дни
Немало крупных сил, талантов. . . Где ж они?»

Да, где они, скажи? Не все же изменили
Прошедшему, не все еще лежат в могиле?»

Я веру сохранил в людей, мне дорогих,
И, прежде чем спрошу тебя я о других,

Дай Добролюбова и Писарева адрес». —
— «Они отправились. . .» — «Куда, зачем?» —

«Ad patres.¹

Оплакали мы их, но в мире нет потерь
Незабываемых, и их у нас теперь

С успехом заменить успел Евгений Марков,
Пересиявший всех, как посреди огарков

Друммондов яркий свет». — «Бессмертье заслужив,
Великий комик наш Мартынов, верно, жив?»

— «Жив. . . в памяти своих поклонников, дружище.
А сам давно лежит на городском кладбище

С Максимовым рядком, с Сосницким. . . Многих нет,
Которых он увел с собою в лучший свет

И никого взамен себя нам не оставил. . .
Но, впрочем, нет, у нас еще есть Вейнберг Павел,

При общем хохоте всех русских городов
Способный мастерски изобразить жидов».

— «Некрасов как живет, что пишет? В полной силе,
Надеюсь я, талант его богатый, или. . .

Боюсь спросить о том. . .» — «Он умер тоже, брат,
И уж о нем у нас почти не говорят.

¹ К праотцам (т. е. умерли). (Лат.) — *Ред.*

Забыт и Курочкин покойный вместе с Меем.
Мы духу времени противиться не смеем

И в век промышленный биржевиков, дельцов
Совсем уже не чтим лирических певцов,

Давно их заменив продуктами грошовых
Стихотерзателей каких-то Барышевых,

Мартьяновых. . . имен не помню даже всех,
Чего, конечно, мне ты не поставишь в грех».

— «Да, почва невская, я вижу, нездорова. . .
Хоть Даргомыжского найду ли я, Серова?»

— «Увы, их тоже нет, но вздох свой затаи:
Маэстро Лазарев есть с Цезарем Кюи,

Который так у нас не терпит итальянцев,
Что со столбцов газет привык, как из-за шанцев,

Их грозно сокрушать как музыкальный страж».
— «Так кем же полон мир интеллигентный ваш?

Порадуй чем-нибудь меня хорошим, новым,
Дай «Современник» мне последний с «Русским
СЛОВОМ».

— «Тебе их дать, мой друг, никак я не могу.
Вот «Берег» почитай. . . Нет, нет, поберегу

Тебя на первый раз. . . Два толстые журнала,
Где прежде мы с тобой работали немало,

Уж стали редкостью, и их библиоман
Хранит в своем шкафу и переплел в сафьян.

Вот «Русский вестник» ты везде найдешь покуда
И купишь дешево на рынке на вес, с пуда;

Но сам Катков сказать мог смело бы весьма:
«Теперь я, брат, не тот!» как в «Горе от ума»,

И лишь с Цитовичем — судьба такая вышла —
Он вправе нынче стать под пару прямо в дышло».

— «А Помяловский где, Левитов и Слепцов?»
— «Всё там же, где и все, — у дедов и отцов.

Зато за шестерых, день каждый, без отдышки,
Стал Лейкин печь то очерки, то книжки

И так пришелся влать, что уже с давних пор,
Поджав животики, ржет целый Щукин двор

От разных сцен его и очерков...» — «Довольно!
Пощады я прошу, тебя мне слушать больно...»

И быстро он ушел... Теперь он очень плох.
Смутил его контраст различных двух эпох,

Поставленных пред ним так беспощадно рядом,
И старый юноша, идеалист по взглядам,

Не ужился в среде, совсем чужой ему,
Дичиться начал всех, не ходит ни к кому

И часто, позабыв об отдыхе и пище,
Проводит целый день на Волковом кладбище,

Читая надписи крестов, могильных плит
И, потрясенный вновь, как доктор говорит,

От ломки нравственной поправится едва ли
И перейдет опять к безумью от печали.

IV

П Е Р Е В О Д Ы

ГЕРМАНИЯ

Зимняя сказка

(ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ)

III

В древнем Ахене в старой гробнице лежит
Карл Великий. . . Я верен надежде,
Что с ним Мейера Карла не будут мешать;
Этот «карлик» жил в Швабии прежде.

В императорском гробе во храме лежать
Не желал бы я трупом отпетым;
В этом случае лучше бы я предпочел
Жить в Штутгарте безвестным поэтом.

Даже псы в древнем Ахене выли с тоски
И просили такого привета:
Чужестранец! Пожалуйста, дай нам пинка,
Может быть, развлечет нас хоть это.

Целый час я бродил в этом скучном гнезде,
С прусским воинством встретился снова
И, его наблюдая, я в нем не нашел
Измененья почти никакого.

На шинелях все тот же пришит воротник,
С яркокрасным, воинственным цветом:
Красный цвет знаменует французскую кровь —
Кернер нам сообщил под секретом.

А народ все такой же солдат и педант,
В каждом жесте — углов переломы;
Заморожено чванством холодным лицо,
Деревянные те же приемы.

Эти бревна в мундирах с ходулей глядят,
Словно все они вдруг проглотили
Те же самые палки, которыми их
Так недавно еще колотили.

Да! для них фухтеля не исчезли вполне...
Но, внутри себя их сберегая,
Знают верно они, что без тех фухтелей
Жить не может страна дорогая.

Нынче носят, положим, большие усы,
Но что ж нового в том, в самом деле?
В старину прежде сзади носили косу,
Нынче — под носом косы надели.

Вот мне новая форма пришла по душе —
Стоят, право, похвальной огласки
Шишаки с их булатным, большим острием,
Наподобие рыцарской каски.

Старину с романтизмом напомним опять
Этот шлем, заостренный как пика,
Он напомним баронские замки, пиры,
И Фуке, и Уланда, и Тика;

Он напомним рассказы из средних веков,
Знаменосцев в их пышном наряде,
Как они свою верность носили в груди,
А гербы золоченые — сзади.

Он напомним крестовых походов года,
Меченосцев, турниры, обеты,
Дни, когда ядовитый печатный станок
Не печатал для мира газеты.

Да, на каску я, право, с восторгом глядел.
Ведь, ей-богу, придумано мило:

Королевская выдумка эта для всех
Остроумье свое заявила.

Я боюсь одного: если вспыхнет гроза
И метать свои молнии станет,
То, пожалуй, ваш острый булатный шишак
На себя гром народа притянет.

Каской новой и легкой на случай войны
Вам придется тогда запастись:
Ведь под тяжкими шлемами средних веков
Мудрено будет бегством спастись.

На почтамтской стене, я увидел опять,
Ненавистная птица сидела,
И своими глазами она на меня
Ядовито и злобно смотрела.

О! проклятая птица! Когда я тебя
Наконец в свои руки поймаю —
Я из крыльев все перья твои ощиплю
И все когти твои обломаю.

На высоком шесте я тебя посажу
И, чтоб разом покончить с тобою,
Созову непременно я рейнских стрелков
Развлекаться веселой стрельбою.

И чья пуля зловещую птицу собьет,
Я невольный восторг обнаружу,
И корону и скиптр королевский вручу
Я тому благородному мужу.

ХП

Темной ночью тащился по лесу рыдван,
Вдруг повозка, треща, закачалась:
Колесо соскочило. Мы стали. Беда
Мне забавной совсем не казалась.

Почтальон убежал, чтоб людей отыскать,
И в лесу том один я остался, —

А кругом меня в эту угрюмую ночь
Несмолкаемый вой раздавался.

Изморенные голодом, пасти раскрыв,
Это волки в лесу завывали,
И во мраке ночном, видел я, их глаза
Меж деревьев как площадки сверкали.

Вероятно, узнав о прибытии моем,
Волки подняли ночью тревогу,
Заливались хором и сотнями глаз
Освещали пришельцу дорогу.

Серенаду такую я понял: они
Торжество мне устроить желали.
Я в позицию стал и приветствовал их,
И слова мои чувством дрожали:

«Сотоварищи волки! Я счастлив меж вас,
Где встречаю радушия знаки,
Где так много прямых, благородных сердец
Мне сочувственно воют во мраке.

Слов не знаю, чтоб выразить чувства мои,
Благодарность моя бесконечна.
Для меня, о друзья, эта дивная ночь
Незабвенной останется вечно.

Я сочувствие ваше, поверьте, ценю,
Вы его мне давно доказали —
В дни иные моих испытаний и бед
И в годину глубокой печали.

Сотоварищи волки! Во мне никогда
Не могли вы еще сомневаться
И словам негодяев не верили вы —
Будто я стал с собаками знаться,

Будто я изменил и в овчарню войду
Я надворным советником скоро...
Отвечать на подобную гнусную ложь
Я считал всегда верхом позора.

Прикрывался порою я шкурой овцы
Лишь затем, что она согревала,
Но о счастье овечьем мечтать я не мог:
Это счастье меня не пленяло.

Я не пес, не надворный советник, друзья,
И овцой никому не казался.
Это сердце и зубы — закала волков,
Я был волком и волком остался.

Я был волком и им остаюсь навсегда,
Буду выть я по-волчьи с волками.
Да, нам небо поможет! Лишь верьте в меня
Да себя защищайте клыками».

Так экспромтом с волками витийствовал я,
Эту речь, выражения эти
Озадаченный Кольб поспешил, исказив,
Напечатать в немецкой газете.

XXVII

Что случилось потом в эту чудную ночь
От заката луны до рассвета, —
Я об этом когда-нибудь вам расскажу
В дни цветущего, теплого лета.

С каждым днем, слава богу, редет вокруг
Поколения старого племя;
Лицемерных и дряхлых льстецов с каждым днем
Реже видим мы в новое время.

Поколение другое растет в цвете сил,
Жизнь испортить его не успела,
И для этих-то новых, свободных людей
Петь могу я свободно и смело.

Эта чуткая юность умеет ценить
Честность мысли и гордость поэта;
Вдохновенья лучи греют юности кровь,
Словно волны весеннего света.

Словно солнце, полно мое сердце любви,
Как огонь, целомудренно-чисто;
Сами грации лиру настроили мне,
Чтоб звучала она серебристо.

Эту лиру из древности мне завещал
Прометей поэт вдохновенный:
Извлекал он могучие звуки из струн
К удивлению целой вселенной.

Эта лира ко мне перешла от того,
Кто воспел Пайстетероса с милой
Базилеей, с которой он к небу взвился,
Увлечен непонятною силой.

Подражать его «Птицам» я пробовал сам,
Их любя до последней страницы;
Изо всех его драм, нет сомнения в том,
Драма самая лучшая — «Птицы».

Хороши и «Лягушки», однако. Теперь
Их в Берлинском театре играют
В переводе немецком; они, говорят,
В наши дни короля забавляют.

Королю эта пьеса пришла по душе,
Значит — вкус его тонко-античен.
К крику прусских лягушек наш прежний король
Почему-то был больше привычен.

Королю эта пьеса пришла по душе,
Но, однако, должны мы сознаться:
Если б автор был жив, то ему бы навряд
Можно было в Берлин показаться.

Очень плохо пришлось бы живому певцу,
И бедняжка покончил бы скверно:
Вкруг поэта мы все увидали бы хор
Из немецких жандармов наверно;

Чернь ругалась бы, право на брань получив,
Наглость жалких рабов обнаружив,

А полиция стала бы зорко следить
Каждый шаг благородного мужа.

Я желаю добра королю... О король!
Моего ты послушай совета:
Воздавай похвалы ты умершим певцам,
Но щади и живого поэта.

Нет, живущих певцов берегись оскорблять,
Их оружия нет в мире опасней:
Их карающий гнев всех Юпитера стрел,
Всех громов и всех молний ужасней.

Оскорбляй ты отживших и новых богов,
Потрясай весь Олимп без смущенья,
Лишь в поэта, король, никогда, никогда
Не решайся бросать оскорбленья!..

Боги могут, конечно, карать за грехи,
Пламя ада ужасно конечно,
Где за грешные подвиги в вечном огне
Будут многих поджаривать вечно, —

Но молитвы блаженных и праведных душ
Могут грешникам дать искупленье;
Подаяньем, упорным и долгим постом
Достигают иные прощенья.

А когда дряхлый мир доживет до конца
И на небе звук трубный раздастся,
Очень многим придется избегнуть суда
И от тяжких грехов оправдаться.

Ад другой есть, однако, на самой земле,
И нет силы на свете, нет власти,
Чтобы вырвать могла человека она
Из его огнедышащей пасти.

Ты о Дантовом «Аде». быть может, слышал,
Знаешь грозные эти терцеты,
И когда тебя ими поэт заклеит,
Не отыщешь спасенья нигде ты.

Пред тобою раскроется огненный круг, -
Где неведомо слово — пощада...
Берегись же, чтоб мы не повергли тебя
В бездну нового, мрачного ада.

< 1867—1870 >

КНАЯ

Поэт и рыбак

Поэт

Ты счастлив, друг-рыбак, средь вольной нищеты.
Завидую тебе! Желал бы я, как ты,
Тянуть морской канат вдоль тихого залива
И невод мокрый свой, развесив на кусты,
На солнце, жарким днем просушивать лениво!
Завидую тебе! Когда багряный день
В туманных сумерках утонет за горами,
Следишь ты с палубы, как мягко ночи тень
Безмолвным призраком всплывает над волнами.
А я, — о добрый друг, пойми мою печаль:
Мне берег родины стал берегом изгнания;
Дворцы Неаполя, небес родных эмаль,
И солнца яркий блеск, и рощ благоуханье
Уже не радуют, не веселят мой взор, —
Все здесь мне говорит про общий наш позор,
Напоминает мне, что здесь я — чужестранец.
Вы — небо теплое, вершины снежных гор,
Садов душистых мирт и пышный померанец,
День, светом залитой, и вечера румянец,
И воздух тающий, и волны пышных нив,
Везувий пламенный, и здесь у ног зеркальный,
Под нежный шепот струй стихающий залив,
Вы — счастья прежнего последний след печальный.
Меня не греете, я стал и слаб и хил;
Перо не слушает; лишь кисть возьму с боязнью —

На белом полотне выходят краски грязью,
И я с проклятием треножник свой разбил
И лиру мертвую отбросил с неприязнью.
И вот, в полдневный жар, неволи общий раб,
Брожу я по полям, сожженным солнцем жгучим.

Рыбак

Я понимаю, друг, каким ты горем мучим,
Я знаю, отчего ты бродишь вял и слаб,
Понутив голову, закутан в плащ дырявый,
По почве каменной, залитой жаркой лавой.
Я знаю все, мой брат, и хоть мой груб язык,
Но сердце теплое под грубым платьем бьется...
И я, как ты, поэт, от радостей отвык,
Да и кому теперь жизнь ясно улыбнется?
Кто наряжается? кто в праздник надевать
Решится на себя венок из винограда?
Кто петь начнет из нас и весело плясать
В тот час, как спустится вечерняя прохлада?
Нет, не до песен нам; глухих рыданий стон
Напевы нежные гнетет и подавляет,
И наша жизнь, мой друг, как выжатый лимон,
Своею горечью нас всюду отравляет.
Мы — дети матери свободной с давних пор,
Должны ярмо влачить с терпением ослицы,
Под игом пришлецов краснеть за свой позор
И лить кровавый пот с денницы до денницы.

Поэт

Ты все ж счастливее; тебе в удел дано
Всегда свободное, как этот воздух, море,
И если на земле все злом заражено,
И если с берега к тебе пахнуло горе,
Ты можешь броситься в свой легкий, быстрый челн;
Два сильных взмаха рук — и темный берег тонет
В тумане, назади, лишь ряд жемчужных волн
Вокруг тебя, рыбак, лаская, ветер гонит;
Там, голову подняв, ты можешь отдохнуть,
Забыв тот мир земной, что грязен так и тесен,
И можешь облегчить надломленную грудь
И горе высказать в порывах страстных песен;

Там станешь плакать ты, своих не пряча слез,
Их капли теплые с рыданием примут волны...
Но мы, возросшие под тенью наших лоз,
Земли изгнанники, мы, тайной злобы полны,
Должны всю боль души, гной наших ран скрывать
Под палкою гостей незваных и бесчестных,
И двадцать раз на дню безмолвно умирать
С невозмутимостью животных бессловесных;
Должны крик ужаса тогда в себе давить,
Когда бы закричал от боли самый камень,
И где-нибудь в углу украдкой слезы лить,
Глотая этих слез горячий, острый пламень.
Измены всюду здесь боятся и дрожат:
В семье, в кругу друзей, в любви, в самом разврате,
И если говорить начнет с тобой твой брат —
Боишься ты найти предателя и в брате.

Рыбак

Но будет не всегда ж противный ветер дуть
И рвать нам паруса... Не все ж беды да слезы,
Дождемся наконец и мы когда-нибудь
Безбурных, теплых дней; губительные грозы,
Как тучи, пролетят над нашей головой,
И все мы, отдохнув от голода и боли,
В лохмотьях рубища, с дырявою сумой
Не станем, ползая, нести весь стыд неволи;
Не все же нам, влачась под сумраком ночей,
В сору, в грязи канав, в квартале отдаленном,
Для наших плачущих от голода детей
Объедки отрывать с рыданием затаенным;
Не все ж тяжелый гнет, на камне сон тупой,
Неблагодарный труд и плач во всю седмицу,
Не все ж раздавленным суровой нищетой
Нам умирать ходить в холодную больницу...
Надежде верю я, и любо мне терпеть,
Лежать на берегу и с моря ждать погоды,
Иль, бросивши весло, закинуть в море сеть
В тот час, когда заря зальет румянцем воды.
Недаром верю я, что день тот недалек,
Который ловлею окончу я счастливой,
И из моих сетей, из глубины залива,

Стряхая с кос серебряный песок,
Свобода выплывет, смела и горделива. . .

Поэт

Она, рыбак, она — свобода, дочь морей,
Сестра богини волн, ногою ступит белой
На зыбкую корму, в круг старых рыбарей?
О, я боюсь, мой брат, чтобы твой голос смелый
Не прозвучал в пустыне! . . Гости этой грудь,
Ее объятия с любовью всем раскрыты,
Но наш народ ей чужд, к нему закрыт ей путь. . .
Что стали мы теперь? — тупые сибариты,
Которых идеал — бессмысленный разврат,
Приапа храм, вино и вакханалий пляска,
В которых мысль и воля дружно спят,
И со щеки давно стыда сбежала краска.
В мамоне сердце их, и в голове — мамон;
Валяясь на спине от соку винограда,
Они, кошунствуя, глядят на небосклон. . .
Обжорство — вот их бог, их муза, их награда. . .
А если в тяжкий год придется взять им меч,
Они безмолвствуют. . .

Рыбак

О, не вини народа,
Которого ты сын. К чему проклятья речь
И гордость гения? Поверь мне, что природа
Твоей земли не так скудна; верь мне: народ
Есть почва добрая, в ней скрыто много силы,
В ней семя истины без пользы не умрет,
Лишь был бы сеятель. Той силе нет могилы;
Она без устали всегда невидимо живет,
Добром платя за зло, за мщение наградой,
Растит могучий дуб, нам, людям, мощь дает
И вечно трудится с любовью и отрадой.
Той силы мы везде встречаем след живой,
Везде ее рука и сильный, звучный голос;
Она среди пустынь плод нежит наливной,
На почве каменной растит златистый колос;
Как ни дави ее, ни мучь, ни унижай,
Она прорвется вновь могучею струею,
Усталый дух людей и целый падший край

Вдруг освежит здоровою волною, —
И тот народ, бессмысленный от сна,
В пороке гибнувший и ползавший когда-то,
Даст миру наконец из омута разврата
Людей прославленных святыя имена.

П о э т

Ах, если бы ты знал, как тяжело мысль скрывать,
Когда она жжет мозг и череп давит-давит,
Ты начал бы, как я, со злобой проклинать.
Но жизнь твоя проста, и что меня печалит,
Мутит всю желчь мою и сердце тайно жалит,
Ты не поймешь, рыбак! Тебе нельзя понять,
Как возмутительно не смея обняться с братом,
Тянуться к солнцу, к дню и мраком быть объатым,
Иметь крыло у плеч, все силы на полет,
И ползать здесь в грязи, как связанным орлятам.
А жизнь не ждет меж тем, за годом год идет. . .
Мы вялы и больны под старческою гнилью,
На сердце нет надежд, и меч нас не зовет,
В ножнах съедаемый и ржавчиной и пылью.
Так с каждым днем могила ближе к нам,
Бессилие души и тело убивает,
И гордый гений наш, как бесполезный хлам,
В забытых сундуках под плесенью сгнивает.
Для гения, старик, необходим простор,
Как пьянице нужна с вином большая чаша,
И я. . . я ждать устал; то горе, то позор
Убили дух во мне, — чужда мне почва наша.
Что пользы ждать теперь и рваться? Так кастрат
Дрожит над девою в бессильи иступленном. . .
О, если здесь ни в ком в народе утомленном
Нет сил на подвиги, и если все здесь спят —
Уйду отсюда я к друзьям иноплеменным.

Р ы б а к

О, как нетерпелив ты, пламенный поэт;
С душою пылкою, ничем неудержимой,
Дитя капризное на утре детских лет,
Умей терпеть и ждать — усталый и гонимый.
Но если нас тебе покинуть суждено
Для лучших берегов, для новых впечатлений,

Ты сбереги в душе — то, что душе дано,
Не измельчай тогда в самолюбивой лени.
Ты не забудь о том, что грудь твою согрел
Рок не напрасно же таланта чудным жаром,
Всех выше головой поставлен ты недаром,
И если ты падешь — каков же наш удел?
Терпи ж пока, псэт! На подвиг твой великий
Даст силы новые великая душа.

Поэт

Ты сердцем добр, старик, но, гнев свой заглуша,
Ты, верно, позабыл, что только камень дикий
Да тощую траву найдешь среди наших нив,
Где не дают плодов посаженные зерна,
Где человек стал мелок и ленив,
Бессильна мысль, добро, и только зло упорно!
Дай руку мне, старик! Иду отсюда я,
Быть может навсегда Неаполь оставляю,
К тебе, к тебе теперь, Калабрская земля,
Несу остаток сил и руки простираю!
Поклон свой шлю тебе, далекий, чуждый кров,
С челом нахмуренным седой утес Гаргано,
Вам, скалы дикие с подножием лесов,
Увитых ризою нагорного тумана! . .
Прошу, прошу у вас дать страннику приют
В ущельях темных гор, в лесах, в степях
раздольных. . .

О, пусть моя душа и силы отдохнут
Опять среди племен кочующих и вольных,
Где жизнь не растлена и прост людей язык,
Где каждый человек, природе лишь послушный,
Блестя красотой, свободен и велик.
Сживяся с той средой, делить бы с ней привык
Я все труды свои и черствый хлеб засушный;
Я стал бы, как орел заоблачных высот,
Несвязан и могуч в полете мысли смелой;
Когда же смерть ко мне украдкой подойдет —
Не свяжет тела мне в могиле саван белый,
Не станет узкий гроб давить своей доской,
Но прах мой грудь земли возьмет к себе, ревнуя,
И, убаюканный Цибелою седой,
В ее объятиях с улыбкою засну я;

Исчезну вдруг, как дым, как мимолетный звук,
Как молния в ночи, как луч скользнувший света,
И никогда ногой не ступит гордый внук
На остов моего забытого скелета.

1861

ВО МРАКЕ

Старый мир

Волна, остановись, отпрянь назад. Довольно!
Прилив твой никогда так дерзко-произвольно
Вверх не взлетал... И отчего, волна,
Ты так сурова, мрачно-холодна?
Зачем весь этот рев и ливень непрерывный,
И ветра дикий вой в час полночи отзывной?
Как чудо грозное, твой вал вперед бежит...
Так стой же, говорю. Здесь твой предел лежит.
Не сокрушай в своих набегах ярых
Законов старины и предрассудков старых,
Безумья, нищеты и тяжкого ярма,
Ничтожества давно уснувшего ума,
Где стихли навсегда желанья с их тревогой;
Цепей, наложенных на женщину, не трогай,
Оставь великий пир, где нищим места нет,
И пусть предания боготворит весь свет.
Не трогай их и стой: они для нас святыни.
Те сильные, громадные ттердыни
Вкруг человечества я строил и воздвиг...
Но ты вперед бежишь, все выше каждый миг,
Все унося в неистовом напоре:
Вот старый манускрипт, вот древний кодекс в море
Ты унесла, и в массе буйных вод
Умчался далеко кровавый эшафот.
Вот королевский трон. Оставь его... О боже,
Низвергнут он. Низвергнуты с ним тоже
Последних месс последние жрецы.

Вот судьи, — стой! Стой — это чернецы. . .
Довольно — стой! Не поднимайся выше,
Соленая вода, покойней будь и тише. . .
Но до колен моих ты поднялась,
Меня залить ты хочешь. . . ворвалась
В приют мой вечно тихий и обширный. . .

В о л н а

Ты думал, я — прилив, а я — потоп всемирный.

<1875>

НИ ДЕНЬ, НИ НОЧЬ

De quel nom te nommer, heure trouble
où nous sommes?

V. Hugo.

Каким мы именем назвать тебя должны,
Текущий, смутный час? Мы все омрачены
Неведеньем; с чела холодный пот струится,
В душе, как в небесах, со светом тьма мирится.

Надежды и мечты, страданья, страсти, стыд —
Ни в чем нет блеска дня, нигде нет полной ночи,
И мир, где призраки скользят и смотрят в очи,
Зловещим сумраком одним полузакрит.

В том тусклом сумраке оглушены мы шумом;
Сливается в нем все — и песня рыбака,
И шелест листьев, трав в полях, в лесу угрюмом,
Где гнезда прячутся и чашечки цветка.

Сливается в нем все — шаги людей, идущих
Вперед равниною обширной без дорог,
И звуки камышей, друг друга хлестко бьющих,
И колокольный звон, и полевой рожок,

И плющ трепещущий в ночной полудремоте,
И ветер, гибельный для дальних моряков,
И скрип и треск воев, на узком повороте
Столкнувшихся в пути, и говор мужиков,

И жалкой нишей плач, и чей-то бред несвязный,
И крик проклятия, мольба в ночной тиши,
И гул людской толпы, то занятый, то праздной,
И голос, вызванный волнением души,

И ропот волн морских вкруг голого утеса,
И воздух рекущий, и бешеный поток,
И все, что говорят про мир людских тревог
Соха — сырой земле, а мостовой — колеса,

И лиры нежный звук, раздавшийся с челна,
Которого несет, баюкая, волна,
И вздохи синих гор с их перекатным эхом,
И голос родов, где плач слился со смехом,

И человека стон, и стон событий дня. . .
В насмешливый наш век, век общего затмения,
На дне людских сердец, их чистоту грязня,
Как тина гадкая, скопляются сомненья.

И этот общий шум, — мольбы, укоры, крик —
Как песня странная, звучат не умолкая,
Которую поют и мать и гробовщик,
Качая колыбель иль гроб приготавлиая.

Поэты! на восток смотрите только вы;
Ему все помыслы отдайте, все вниманье.
Что видите вы там? И был ответ: «Увы!
Таинственное там лишь видим мы мерцанье.

Во тьме, где горизонт уходит за холмы,
Трепещет этот свет таинственный и дальний,
Как кузницы огонь, который видим мы,
Не слыша, как гремит кузнец за наковальней.

Но все ж не знаем мы — та дальняя заря
Нам предвещает ли день солнечный? Смотри
На запад, может быть обмануты жестоко,
Его мы приняли за сторону востока.

Заря вечерняя, быть может, там блестит. . .
То солнце яркое, к которому стремилась
Всегда природа вся, то солнце, что живит,
То солнце, может быть, лишь только закатилось».

Заря ли занялась, создатель, или нет?
В нас опасение невольно сердце сжало:
Иль наступает мрак, иль брезжит первый свет?
О господи, конец мы видим иль начало?

В душе и на земле от сумерек темно.
Те очи самые, на небе для которых
Светило дня творцом когда-то зажжено, —
Закрылись ли совсем, иль вновь заблещет взор их?

Тот странный, смутный гул, который по пути
Мы слышим вокруг себя, его поддавшись гнету,
Не есть ли крыльев шум, поднявшихся к отлету?
Быть может, в этот миг земля нам шлет: «Прости!»

Тот странный, смутный гул, порою замирая,
Как нежной лютни звук, с чела сгоняя тень,
Не музыка ли вновь проснувшегося рая?
Быть может, говорит земля нам: «Добрый день!»

Там птицы голосят — их голос: смех иль слезы?
Там лес шумит — о чем? — печален, весел он?
Там ропщет океан — то радость иль угрозы?
Там человек поет — то песня или стон?

Покоя, отдыха ничья душа не знает.
Печально у дверей сидит, оставя дом,
Священник, весь седой, и по складам, с трудом,
Во мраке темную он книгу разбирает.

О чем хлопочешь ты, служитель алтаря?
Не верит человек ни божеству, ни чуду. . .
Сомнения шипы проглядывают всюду
И отравляют кровь, в сердцах людей царя.

Что нужды! Пусть судьба уносит нас сурово,
Захватывает всех, кто бодрствует, кто спит, —
Для мертвых и живых, мне что-то говорит,
Наш век последнего еще дождется слова.

И дальний горизонт, где шум идет глухой,
Потухнет наконец иль ярко загорится...
Так подожди еще немного, дух людской:
Иль солнце явится, иль мрак распространится.

Смотря на роковой, таинственный восток,
Стараясь уловить звук каждый — грозный,
И жалобы небес, и шум толпы мятежной,
И вздохи каждого, и общий гул тревог,
нежный, —

Как эхо горное, отзывчивый и чуткий,
В задумчивых стихах передает поэт
Все наши грезы, сны, и все, что целый свет
Лепечет и поет, мешая слезы с шуткой.

<1880>

ПЕСНЯ РАБОТНИКОВ

Мы, чьи огни до зари зажигаются,
Только лишь крикнет петух в ночь бессонную.
Чьи истомленные спины сгибаются
Пред наковальней, в огне раскаленной;
Мы, у которых работа гнетущая
С детства замучила живость природную,
А впереди посулило грядущее
Холод, недуги да старость голодную —

Братцы! Добытый тяжелым трудом
Весь заработок, все наше богатство
Вместе пропьем,
Вместе пропьем за свободу и братство!

Доля работника — чем не счастливая!
В грубых руках его — перлы да золото,
Он снаряжает все барство спесивое
Силою мышц да железного молота.
Выхолит в поле он рожь золотистую,
Пóтом его вся земля обливается...
Добрые овцы! Их шкурой волнистою
Сытая праздность везде одевается.

Братцы! дав отдых труду и заботам,
Спины усталые мы разогнем
И дружно копейку, облитую потом, —
Пропьем.

Много уж лет наша кровь проливалась
Лишь по шальному капризу тиранами,
Но еще силы довольно осталось
В теле, измученном гнойными ранами.
Будем же силу беречь мы могучую,
Сладкой надеждой пусть сердце согрется:
Солнце свободы — за черною тучею,
Ветер подует — и туча рассеется.

Братцы! дав отдых труду и заботам,
Спины усталые мы разогнем
И дружно копейку, облитую потом, —
Пропьем.

<1862>

КАИН И АВЕЛЬ

Племя Авеля, будь сыто и одето,
Феи добрые покой твой охранят;

Племя Каина, без пищи и без света
Умирай, как пресмыкающийся гад.

Племя Авеля, твоим счастливым внукам
Небеса цветами усыпают путь;

Племя Каина, твоим жестоким мукам
В мире будет ли конец когда-нибудь?

Племя Авеля, довольство — манной с неба
На твое потомство будет нисходить;

Племя Каина, бездомное, без хлеба,
Ты голодную собакой станешь выть.

Племя Авеля, сиди и грейся дома,
Где очаг семейный ярко запылал;

Племя Каина, постель твоя — солома,
В стужу зимнюю дрожишь ты, как шакал.

Племя Авеля, плодишься ты по свету,
Песню счастья поют тебе с пелен;

Племя Каина лишь знает песню эту:
Вопль детей своих и стоны чахлах жен.

Племя Авеля! Светло твое бывшее,
Но грядущего загадка нам темна. . .

Племя Каина! Терпи, и иго злое
Грозно сбросишь ты в иные времена.

Племя Авеля! Слабея от разврата,
Измельчает род твой, старчески больной. . .

Племя Каина! Ты встанешь — и тогда-то
Под твоим напором дрогнет шар земной.

<1870>

ПЕСНЯ ЧАЙЛД-ГАРОЛЬДА

I

Прости! Утопает в дали голубой
Родимого берега вид,
Волна за волною ревет вперевой,
И дикая чайка кричит.
Мы видим, как солнце в морской глубине
Торопится отдых найти...
Прости! и тебе и родимой стране!..
Мой край! доброй ночи! прости!

II

Часы пролетят, и опять надо мной
Румяное солнце взойдет,
Вновь день я увижу, но берег родной
Из глаз навсегда пропадет.
Стал пуст и заброшен печальный мой дом,
Огонь разведенный зачах,
И стены травой зарастают кругом,
И воеет мой пес в воротах.

III

— Мой маленький паж! Подойди же ко мне,
О чем ты рыдаешь с тоской?
Боишься ль ты смерти в холодной волне?
Иль холоден ветер ночной?

Утри ж свои слезы, будь весел опять.
Корабль наш построен легко,
И если бы сокол нас вздумал догнать —
Остался бы он далеко.

IV

— «Не страшны мне бури. Пусть волны ревут,
Пусть ветер рвет парус в клочки,
Но ты, господин, не дивись, что бегут
Из глаз моих слезы тоски.
Не вижу я больше отцовских седин
И мать со слезами в глазах;
Остались друзьями мне: ты лишь один
Да тот, что живет в небесах.

V

Отец на прощанье крестил мне чело,
Хоть холоден был его взгляд,
Но мать моя будет вздыхать тяжело,
Пока не вернусь я назад».
— Довольно, малютка! понять я умел,
Что слезы такие — не стыд,
И если б я чистое сердце имел,
Я сам бы заплакал навзрыд.

VI

Поди же ко мне ты, мой верный слуга,
В лице твоём бледность видна!
Уж ты не боишься ль француза-врага?
Иль буря морская страшна?
— «Ты думаешь, мой господин, обо мне,
Что стану за жизнь я робеть.
Нет, мысль о покинутой бедной жене
Меня заставляет бледнеть.

VI

Близ замка отцов твоих с мукой в лице
Пришлось мне детей покидать.
Теперь, если спросят они об отце,
Что может ответить им мать?»
— Довольно, мой добрый слугитель, ты прав.
Печаль твоя стоит похвал.
Но я — не таков легковёрный мой нрав —
Смеясь край родной покидал.

VII

И что же находим мы в женских слезах?
И долго ли женщина ждёт?
Чужая рука на прекрасных глазах
Вчерашние слезы сотрет.
Не жаль мне дней счастья в родимой стране,
Не гнусь я при виде грозы,
Но горько одно лишь, что не о ком мне
Пролить ни единой слезы.

IX

Я вновь одинок, как в былые года,
Один посреди этих вод...
К чему ж о других я заплачу, когда
Никто обо мне не вздохнет.
Недолго мой пес будет выть и скучать,
Найдет новый угол и кров,
И если вернусь я — меня разорвать
Пес собственный будет готов.

X

Корабль мой! Неси же меня по волнам,
Пусть море кипит подо мной!
Неси куда хочешь, к далеким странам,
Лишь только не в край мой родной.

Привет посылаю я синим морям,
А их не увижу в пути,
Привет мой пещерам, пустыням, горам...
Мой край! доброй ночи! прости!..

<1863>

ПЕСНЯ О РУБАШКЕ

В лохмотьях нищенских, измучена работой,
С глазами красными, опухшими без сна,
Склонясь сидит швея, и все поет она,
И песня та звучит болезненной нотой.
Поет и шьет, поет и шьет,
Поет и шьет она, спины не разгибая,
Рукой усталою едва держа иглу,
В грязи и холоде, в сыром своем углу
Поет и шьет она, спины не разгибая:

«Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока петух вдали кричать не станет;
Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока хор звезд сквозь крышу не проглянет.
О, лучше б быть рабой у турков мне
И от работы тяжелой задохнуться:
Ведь в их нехристианской стороне
Язычники о душах не пекутся!..

Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока твой мозг больной не станет расплываться;
Сиди и шей, шей день и ночь,
Пока глаза твои совсем не помутятся.
Переходи от ластовицы к шву...
Швы, складки, пуговики и строчки...
Работу сон сменил, но словно наяву
Я и в тревожном сне все вижу шов сорочки.

О вы, которых жизнь тепла так и легка,
Вы, грязной нищеты не ведавшие люди, —
Вы не бельем прикрыли ваши груди,
Нет, не бельем, но жизнью бедняка.
Во тьме и холоде, чужая людям, свету,
Сиди и шей с склоненной головой. . .
Когда-нибудь, как и рубашку эту,
Сошью сама себе я саван гробовой.

Но для чего теперь я вспомнила о смерти?
Она ли устрасит рассудок бедный мой?
Ведь я сама похожа так — поверьте —
На этот призрак страшный и немой.
Да, я сама на эту смерть похожа.
Всегда голодная, ведь я едва жива. . .
Зачем же хлеб так дорог, правый боже,
А кровь людей повсюду дешева?

Работай, нищая, не ведая истомы,
Работай без конца! Твой труд всегда с тобой,
Твой труд вознагражден: кровать есть из соломы,
Лохмотья грязные да черствый хлеб с водой,
Прогнивший, ветхий пол и потолок с дыроу,
Разбитый стул, подобие стола,
Да стены голые; казалось мне порою —
С них даже тень моя свалиться бы могла. . .

Сиди и шей и спину гни,
С работы не своди взор тусклый, утомленный. . .
Сиди и шей и спину гни,
Как спину гнет в тюрьме преступник заключенный.
Сиди и шей — работа нелегка, —
Работай — день, работай — ночь настанет,
Пока разбитый мозг бесчувственным не станет,
Как и моя усталая рука.

Работай в зимний день без солнечного света,
Не покидай иглы, когда настанут дни,
Дни благовонного, ликующего лета. . .
Сиди и шей и спину гни,
Когда на зелени появятся росинки,
И гнезда ласточки свивают у окна,

И блещут при лучах их радужные спинки,
И в угол твой врывается весна.

О, если б я могла вон там, над головою,
Увидеть небеса без темных облаков,
Увидеть пышный луг с зеленою травю,
Могла упиться запахом цветов —
И белой буквицы и розы белоснежной, —
То этот краткий час я помнила б всегда,
Узнала бы вполне я цену скорби прежней,
Узнала б, как горька бессменная нужда.

За час один, за отдых самый краткий
Неблагодарною остаться я могла ль?
Ведь мне, истерзанной холодной лихорадкой,
Понятна лишь одна безмолвная печаль.
Рыданье, говорят, нам сердце облегчает,
Но будьте сухи вы, усталые глаза,
Не проливайте слез: работе помешает
Мной каждая пролитая слеза. . .»

В лохмотьях нищенских, измучена работой,
С глазами красными, опухшими без сна,
Склонясь сидит швея, и все поет она,
И песня та звучит болезненною нотой.
Поет и шьет, поет и шьет,
Поет и шьет она, спины не разгибая,
Рукой усталою едва держа иглу,
В грязи и холоде, в сыром своем углу
Поет и шьет она, спины не разгибая.

<1865>

ТИРОЛЬСКИЕ ЭЛЕГИИ В ПЕСНЯХ К МЕСЯЦУ

I

Ах, свети, румяный месяц,
Сквозь туман и мрак;
Разве не люб тебе Бриксен,
Что ты хмурен так?
Не закатывайся в тучку,
Рано, красный, спать,
Я б хотел с тобой немного,
Месяц, поболтать.
Не беги; я издалёка,
Здесь чужой всем, брат;
Я не *treu und bieder*¹ — в Бриксен
Я *в науку* взят.

II

Я из края музыкантов;
Там-то мой тромбон,
Видишь, всё у венских панов
Беспокоил сон.
Деловые люди, паны,
Свой храня покой,
С полицейскими карету
Выслали за мной.

¹ Верный и честный. (Нем.) — *Ред.*

Полночь. Спал я; но когда же
Третий час пошел, —
С «добрым утром» поздравляя,
Вдруг жандарм вошел.
А за ним в парадной форме
Полицейских ряд, —
Шарф на брюхе, а мундиры
Зслотом горят. . .
«Вам поклоны шлют из Вены,
Бах целует вас,
Вы здоровы ль — знать желает
И свой шлет приказ».
Добр на тощий я желудок,
Нет игры страстям.
«Виноват я. . . я в рубашке. . .» —
Я сказал гостям.
Но мой Джек, бульдог свирепый,
Дерзкий грубиян.
К странным выходкам способен:
Он из англичан.
Лишь один параграф стали
Гости мне читать,
На жандармов — под кроватью
Начал Джек рычать.
Бросил я в него Законник,
Нет сильней угроз,
И — недаром, я догадлив:
Стал как мертвый пес.

III

Верный долгу гражданина
И порядку дел,
При собраньи — торопливо
Я чулки надел,
А потом прочел бумагу.
Вот она — со мной;
Если слог казенный знаешь,
Прочитай, родной.
Бах, как доктор, пишет: вреден
Будто воздух мне

Нашей Чехий, что лучше
Жить в другой стране;
Будто в Чехии мне душно,
И туман и смрад,
Что мое теперь здоровье
Он поправить рад.
И за тем за мной карету
Он с поклоном шлет,
Что могу я в путь пуститься
На казенный счет;
А жандармам дал приказ он
Убедить меня,
Если, в скромности, пред ними
Заупрямлюсь я.

IV

Каюсь! глупая привычка!
Нужно же сказать:
Не могу с штыком жандарму
В просьбе отказать.
Торопил меня Дедера
Ехать, чтоб за мной,
Пробудившись, не бежал бы
Целый Брод толпой.
И просил Дедера — чтобы
Сабли не брал я,
Что они оружие взяли
Охранять меня;
А пока меж чехов едем —
Был я нем и глух,
Чтоб по Чехии тревожный
Не пронесся слух.
Мне советов пан Дедера
Много мудрых дал,
И, как Баха пациент, я
Кротко им внимал.
И манил меня Дедера,
Как сирена звал,
Я ж меж тем штаны с жилетом,
Шубу надевал.

У крыльца жандармы, кони
Сбруею гремят. . .
Братцы! две еще минуты —
И я ехать рад.

V

Месяц красный! Ты недаром
Светишь с высоты!
Силу женских ласк горячих
Знаешь, верно, ты.
Ты не раз, мой красный месяц,
В полуночный час
Серебрил слезу разлуки
На ресницах глаз.
Мать, жена и дочь Зденчинка!
Помню их испуг,
Слезы тихие и трепет
Задрожавших рук.
И хоть был солдат я старый,
Поседел в бою, —
Слезы очи затемняли,
Рвали грудь мою.
Я надвинул *подебрадку*
Глубже на глаза,
Чтоб не тешила жандармов
Ни одна слеза.
У моих дверей стоял их
Неподвижный строй
Декорацией зловещей
Сцены грустной той.

VI

Рог трубит, бегут колеса;
Мы в Иглаве. В ряд
За каретою жандармы
С грохотом спешат.
Вот на горке церковь божья;
Золоченый крест

Грустно смотрит, провожая
Из родимых мест —
Будто молвит: «Ты ли это?
Помню твой расцвет,
Как учил тебя викарий,
И согбен и сед;
Как ты вырос и светильник
Правды в руки взял,
И в краю родном дорогу
Братьям освещал.
Видишь, как промчались годы,
Ровно тридцать лет...
Но... зачем жандармы скачут
За тобою вслед?»

VII

Проезжая чрез Иглаву,
Я все думал о Шпильберге,
А за Линцем, право, Куфштейн
В голове моей был только.
Но когда Куфштейн остался
Назади нас, — тут уж Альпы,
Мне казалось, веселее
И приветнее глядели.
Но глупей езды нет в свете,
Если сам не знаешь — скоро ль
Будет пристань. Рог возницы
Тут плохое развлечение.
То — путь стал за перепряжкой,
То — за смазкой оси. В Вене
Лучше б было перепрячь им
И колеса с осью смазать!
Благо — есть хоть телеграфы.
Вот так выдумка! Повсюду
Впереди они разносят
Очень точно приказанья:
Чтоб полиция, мать наша
Вездесушая, могла бы,
Нас повсюду ожидая,
Нагреть теплей каминь.

Не забуду я Будейвиц —
Там услужливый Дедера
Предложил мне на дорогу
Три мельницкого бутылки.
То — движенье патриота...
Или, может быть, он думал,
Что в парах вина, как в Лете,
Схороню я память чеха,
Но мельницкое я выпил,
Пил вино я итальянцев,
Но в вине и в том и в этом
Хмель один бурливый бродит.

VIII

Ну, мой месяц! Не могу я
Больше петь элегий. Тонем
Геронческим хочу я
Воспевать свой путь дальнейший.
Знаешь тракт от Рейхенгалля
До Вайдринга? Тракт чертовский!
Конституцию удобней
Перестроить можно — верь мне!
Скалы голые громадней
Лучшей глупости народов,
Тут же пропасти бездонны,
Как расход на войско. Темно...
Ночь мрачней католицизма...
Мы с горы, как вихрь, несемся.
«Стой, держи!» — кричит Дедера.
Глядь на козлы — пусты козлы.
Свищет ветер, карета мчится,
Словно дьявол наш возница,
Почтальон же где-то сзади
Зажигает трут для трубки.
Спуск с горы — отвесней башни...
Вниз летим мы... Дух занялся...
Что ни шаг — то словно пропасть
Съесть гостей незваных хочет.
Ах, я славные минуты
Испытал, и с наслажденьем

Наблюдал я, как тряслася
Вся полиция от страха.
Вспомнил я (Завет же Ветхий
Я читал), как был Иона,
Для смиренья грозной бури,
С корабля отправлен в воду.
«Бросим жеребий, — сказал я, —
Есть меж нас великий грешник.
Пусть он выскочит — и все мы
От погибели спасемся».
Лишь сказал я полицейским,
Как они, не тратя время
В покаянье, — дверцы настезь,
И марш-марш все из кареты.
Ах ты, свет, свет наизнанку!
Стража, в шарфах, вверх ногами
Поскакала, а преступник
В экипаже едет важно.
Ах вы, дряблые австрийцы!
На шнурке вести народы
Вы хотите, а за вожжи
Лошадей сдержат не в силах! . . .
Так, во мраке, без возницы,
Без вожжей и без жандармов,
Только с бездной под ногами,
Я до Альп летел как ветер.
Мчались кони. Мне ли было
Им не вверить долю чеха?
Гражданин ведь я австрийский,
Что ж могло случиться хуже!
Так, с холодной головою
И с дымящейся сигарой,
С быстротою русской почты
Я на станцию приехал.
Там, как честный я преступник,
Сел за ужин, — и уж поздно
Приплелась за мною стража
С перебитыми носами.
Спал я славно, но жандармам
Эта ночь была плохая:
Их спина совсем не гнулась —
Ведь ужасней нет несчастья!

Тут конец и эпопеи.
В ней все правда. Кто не верит —
Может справиться в Вайдринге
У почтмейстера Дальрупа.

IX

Так приехали мы в Бриксен,
В Бриксене и стали;
Обо мне Дедере тотчас
Там расписку дали.
И уехал он с бумагой,
Выданной властями,
А меня орел австрийский
Давит здесь когтями.
Так раскрылась надо мною
Вечная обитель,
Где один жандарм зловещий
Ангел мой хранитель.

1860

СОВЕТ ВИЛЫ

(СЕРБСКАЯ ПЕСНЯ)

На горе стояла рано утром Вила,
Облакам румяным Вила говорила:

«Вы куда летите и где были прежде?
Что с собой несете в пурпурной одежде?»

— «Мы в стране индейской были-побывали,
Где под жарким солнцем холода не знали,

Где благоуханья вечные курятся,
Где в земле алмазы царские родятся,

Где, волной целуем, взорам недоступный,
Под песком таится в море жемчуг крупный.

Индию покинув, мы несем оттуда
Людам три подарка дорогих, три чуда.

Первый дар — сердечко просто золотое,
Хоть и ярко блещет золото литое;

Дар второй — корона: нестерпим для глаза
На короне этой дивный блеск алмаза;

Третий дар — колечко, — дорогой, заветный,
На кольце играет жемчуг самоцветный.

Первый дар — сердечко золотое наше
Отдадим мы деве, что всех в мире краше.

Дар второй — корону, — им, как королеву,
Княжеского рода мы украсим деву,

А колечко с перлом — нам отдать желанней
Той, кого скромнее нет и постоянной».

На горе, обвита утренним туманом,
Отвечала Вила облакам румяным:

«Первый дар гречанке вы отдайте: девы
Краше не найдете по свету нигде вы;

Дар второй снесите стройной франкистанке:
Знатны они родом, стройны по осанке, —

А кольцо — славянке. . . Верьте слову Вилы:
Коль славянка любит — любит до могилы».

<1877>

ВЫБОР НЕВЕСТЫ
(БОЛГАРСКАЯ ПЕСНЯ)

«Матушка родная, нынче утром рано
Звали, умоляли твоего Стояна,

Чуть не со слезами даже, три девицы,
Три невесты-красавицы, с виду три сестрицы.

Первая — волошка, женихов приманка,
Средняя — гречанка, гордая осанка,

А болгарка третья — что твоя сметана,
Белая и словно маков цвет румяна.

Первая взмолилась предо мной волошка.
Поводя глазами, ластилась, как кошка:

«У моей родимой ты меня посватай,
И за мной приданым мой отец богатый

Даст быков три сотни круторогих, сильных,
Да коров семь сотен, молоком обильных,

Да баранов крымских тысячи четыре,
С бойнею в Стамбуле, и ты будешь в мире

Точно сыр кататься в масле, а в Царьграде,
На базаре люди, угожденья ради,

Станут все с поклоном пред тобой толпиться...
Только бы на мне ты пожелал жениться...»

А гречанка молвит: «Милый мой, любимый!
Ты меня посватай у моей родимой

И за мной получишь к свадьбе, мой хороший,
С шемаханским шелком сотню карагوشий,

Да червонцев желтых тысячу приданым
Ты возьмешь за мною, милый, чистоганом,

Будешь ты доволен собственной судьбою
И, ходжей, хаджинок понабрав с собою,

Сходишь ты господню гробу поклониться...
Только бы на мне ты пожелал жениться...»

А за ней болгарка молвила, краснея:
«Ты меня посватай... Пусть я их беднее,

Но зато, как солнце вешнее, румяна
И красивей будет всех жена Стояна.

Нет за мной богатства, золота... так что же?
Но зато стройна я и лицом пригожа...

Как пойдем мы лесом по тропинке горной,
Поведу свою только бровью черной —

Дерево сухое распускаться станет,
Если же покрыто зеленью — завянет.

А как вступим в церковь — потерявши разум,
Люди, мной любясь, немеют разом,

Лишь в груди сердца их станут громко биться...
Только бы на мне ты пожелал жениться...»

— «Слушай, — мать-старуха отвечала сыну, —
О Стоян мой милый, — как умом раскину,

ВАСИЛИЙ БОГДАНОВ

ВАСИЛИЙ БОГДАНОВ

Василий Иванович Богданов родился в 1838 г.

В 1861 г. он окончил медицинский факультет Московского университета. Будучи студентом (в 1859—1860 или 1860—1861 учебном году), Богданов давал уроки в семействе Берсов. В воспоминаниях жены Л. Н. Толстого, урожденной Берс, сохранилась колоритная страница, рисующая его облик в студенческие годы. «Это был живой, способный малый, интересовавшийся всем на свете, — пишет С. А. Толстая, — прекрасный студент, умелый учитель и ловкий стихотворец. Он первый, как говорится, *развивал* нас трех сестер. Он так умел интересно преподавать, что пристрастил прямо меня, ленивую девочку, например, к алгебре и русской литературе, особенно к писанию сочинений. Эта форма самостоятельного изложения впечатлений, фактов, мыслей до того мне нравилась, что я писала длиннейшие сочинения с страшным увлечением. Раз он задал мне тему чрезвычайно трудную: „Влияние местности на развитие человека“. Позже, по свидетельству Толстой, Богданов приносил ей «философские книги материалистов: Бюхнера, Фейербаха и других»: вместо урока «он горячо толковал мне, что бога нет, что весь мир состоит из атомов и тому подобное». ¹

В 1862 г. Богданов переехал в Петербург. Сначала он служил в больнице для чернорабочих и в родильне воспитательного дома, а затем перешел в морское ведомство и в течение двадцати лет

¹ С. А. Толстая. Письма к Л. Н. Толстому. М.—Л., 1936, с. 4. В Яснополянском архиве С. А. Толстой сохранились два ненапечатанных стихотворения Богданова: «Я» и «Человек». По словам П. С. Попова, Богданов послужил прототипом студента Дмитрия Ивановича — героя повести С. А. Толстой «По поводу „Крейцеровой сонаты“» (там же, с. XII).

служил врачом в Балтийском флоте: в Кронштадте и Петербурге, в морском госпитале, флотских экипажах и пр.¹ В 1866—1867 гг. Богданов совершил кругосветное плавание на клипере «Изумруд». Литературным результатом этого путешествия явилась статья «Корабельный медицинский журнал винтового клипера „Изумруд“», напечатанная в «Медицинских прибавлениях к „Морскому сборнику“» (вып. 10, СПб., 1870).

Переехав в Петербург, Богданов, повидимому, довольно скоро сблизился с искровцами. Во всяком случае, уже 22 марта 1863 г. (то есть за полгода до начала его сотрудничества в «Искре»²) в III Отделение поступил донос бывшего студента Технологического института Волгина, исключенного во время студенческих беспорядков 1861 г., в котором он упоминает и о Богданове. «После падения Шахматного клуба, — писал Волгин, в доносах которого, правда, много вздора, — образовался клуб поморных в редакции журнала «Искра». Инициатива этого клуба принадлежит г-ну Василию Степановичу Курочкину. В его клубе собирались и собираются постоянно большею частью члены крайней партии и иногда и члены бывшего Шахматного клуба, в ожидании открытия нового публичного клуба. Состав его уже известен: Курочкин, Преображенский,³ Минаев, Храповицкий, Зиновьев, Лев Камбек, Николай Наумов, Стопановский и многие другие. В последнее время в этот клуб поступили два новые лица: Александр Венецкий и доктор Василий Богданов; обе эти личности из Московского университета, из кружка деркачевского.⁴ В настоящее время в этом клубе поморных идет решение вопроса о том: 1) каким образом открыть новый публичный клуб (вроде Шахматного) и 2) каким образом открыть подписку денег на расходы, которые окажутся необходимыми при первой удобной минуте к революции».⁵

Богданов был тесно связан с «Искрой» в течение десяти лет — с осени 1863 г. до ее прекращения — и был одним из тех сотрудников журнала, которые определяли его идейную физиономию.

¹ Сведения о врачебной деятельности Богданова приведены в био-библиографическом словаре Л. Ф. Змеева «Русские врачи-писатели», тетрадь 4, СПб., 1888, с. 33.

² Возможно, впрочем, что сотрудничество Богданова в «Искре» началось несколько раньше, но первые напечатанные в ней произведения появились анонимно или под неизвестными нам псевдонимами.

³ Псевдоним Н. С. Курочкина.

⁴ Вероятно, речь идет об известном впоследствии педагоге И. П. Деркачеве.

⁵ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. 16. Пб., 1920, с. 170.

Главным героем первых стихотворений Власа Точечкина (основной псевдоним Богданова в эти годы) является бедняк-разночинец, задавленный нищетой и бесправием: лекарь, который думал — «жить буду честным человеком», но опустился и стал взяточником («Лекарь»);¹ провинциальный семинарист, пешком добравшийся до Петербурга, поступивший в университет, но не имевший возможности учиться, спившийся и умирающий с голоду («Наш пролетарий»); выгнанный со службы мелкий чиновник, заливающий свою несчастную долю водкой («Песня дяде Хмелю»), и т. д. Высмеивая оторванную от реальной жизни, лакирующую ее темные стороны «чистую поэзию», Богданов в программном стихотворении «Беседа с музою» демонстративно подчеркивает, что его героями являются бедняки, труженики, работники, работающие до изнурения и живущие в ужасных условиях.

В ряде стихотворений этого и более позднего времени Богданов, как и другие искровцы, обращается к куплету с рефреном. При этом он, по удачному выражению одного критика, старался приспособить рефрен «не только на русский, но и на мужицкий лад».² Явственно чувствуется в стихотворениях Богданова с первых лет его литературной деятельности идейно-художественное воздействие Некрасова, его образов, поэтических интонаций.

В середине 60-х годов в творчестве Богданова намечается известный перелом. Вехой этого перелома является его «Дубинушка» («Много песен слышал я в родной стороне»), которая, в позднейшей переделке А. А. Ольхина, стала одной из самых популярных революционных песен. Естественно, что замечательная революционная песня заслонила собою первоначальный, легальный текст «Дубинушки», который был совершенно забыт и до 1933 г. ни разу не перепечатывался, а между тем не только в творчестве Богданова, но и в истории русской революционной песни его «Дубинушка» представляет собою заметное явление.

Судьба крестьянина оттесняет в поэзии Богданова на задний план образ задавленного нуждой демократа-разночинца. В то же время наряду с лирической струей, лирической стихией существенное, даже преобладающее место занимает в ней сатира, а безнадежные настроения, психологическая подавленность сменяется болрым, мажорным тоном. Ко второй половине 60-х годов относятся стихотворения «Химеры» и «Е rig si tuove!», полные веры в пре-

¹ «Искра», 1863, № 40, с. 566.

² А. В. Амфитеатров. Забытый смех, сб. I. М., <1914>, с. 360.

красное будущее человечества, причем в первом из них явственно чувствуются социалистические симпатии Богданова.

«Героem времени», с наибольшим постоянством и язвительностью преследовавшимся в сатире Богданова, является пореформенный крепостник. Многие его стихотворения воссоздают яркий сатирический образ помещика, тоскующего о блаженных временах крепостного права, жалующегося на лень и грубость «хамова отродья» и взывающего к правительству о сохранении всех сословных привилегий дворянства. Он не прочь несколько «улучшить быт простонародья», но отнюдь не из любви к нему, а вследствие убеждения, что более или менее сытый, здоровый и грамотный мужик будет ему гораздо полезней («Свой идеал»). Вместе с тем он «ладит дома с батраками кулаками» («Подводный камень современного прогресса»). В стихотворении «Мы — особь статья!», написанном, как и некоторые другие, от имени «одного из могикиан» крепостнической России, говорится о постепенном оттеснении от социально-политической жизни родовитого дворянства и высмеиваются претензии аристократии на первую роль в государстве. Не только в революционных идеях, но даже в постепенном проникновении в русскую жизнь капиталистических начал и весьма умеренных реформ герой стихотворения видит посягательство на неотъемлемые права своего класса.

Резко антидворянский характер имеет стихотворение «Из автобиографии щенка». Иронизируя над дворянством, кичащимся своим древним происхождением, Богданов разоблачает его тунеядство, угодливость и подобострастие перед особами царствующего дома, презрение к народу и как бы мимоходом упоминает о французской революции XVIII в. («От революции бежали С поджатым между ног хвостом»). Таким образом, антидворянские тенденции выражены здесь на западноевропейском материале. Стихотворение интересно и по своим художественным приемам. По словам автора, оно является «переводом с собачьего языка на русский». Герой стихотворения взят из мира животных, и оно в какой-то степени перекликается со сказками Щедрина.

Как видим, сатира Богданова касается не только русских, но и иностранных дел. В течение нескольких лет он вел в «Искре» (а когда в 1869 г. «Искра» несколько месяцев не выходила, то в «Будильнике», где он вообще активно сотрудничал) обозрение иностранной политической жизни «Заметки со всех концов света». В них рассыпано много интересных образцов политической поэзии, стихотворных отрывков, которые нередко почти невозможно изъять из прозаического контекста. Но и по своим художественным, жан-

ровым признакам это преимущественно фрагменты, фиксирующие и оценивающие отдельные стороны и события текущей политической жизни. Здесь мы находим много злых насмешек над милитаризмом, клерикализмом, над притеснителями рабочего класса, предпринимавшими поход на заработную плату, разгонявшими демонстрации и сходки, над соперничеством английского и французского империализма в колониях, Наполеоном III, Бисмарком, Тьером, ряд явно сочувственных высказываний об испанской революции, Парижской коммуне и т. д. Стихотворение о Парижской коммуне, построенное в форме диалога парижского и версальского хоров, то есть сторонников и врагов Коммуны, кончается столь же выразительной, сколь лаконичной репликой парижан: «Ну так пусть все прения порешат штыки».¹ Сквозь иностранные события нередко просвечивают русские социальные отношения (см., например, стихотворение «Плантаторам рабов отдали напоследках»). Очень часто Богданов приписывал свои стихи какому-нибудь французскому или немецкому сатирическому журналу, а самого себя выдавал лишь за скромного переводчика, но читатели-друзья понимали, конечно, что это делается для цензуры.

После прекращения «Искры» Богданов вряд ли перестал писать, но он потерял широкую читательскую аудиторию, которая у него была во время сотрудничества в журнале Курочкина; обрвались, повидимому, и его тесные связи с литературной средой.

Во время своей службы в Кронштадте Богданов принимал близкое участие в работе местного общества морских врачей, а в 1874—1875 гг. состоял его секретарем. В «Протоколах» общества он напечатал две медицинские статьи.

В 1878 г. Богданов выпустил брошюры: «Таблицы для измерения влажности воздуха на судах» и «Житье-бытье на море. Беседы из морского и приморского быта». Он задумал целую серию популярных брошюр-бесед о «житье-бытье на море», но дальше первой, в которой говорится «о том, как люди начали плавать по морю», дело не пошло.

Уже в 1884—1885 гг. Богданов много печатался в «Осколках» Лейкина, но помещенные здесь стихотворения, за исключением двух-трех политически острых вещей, не возвышаются над уровнем неприязнительного и поверхностного юмора этого журнала. Целый ряд стихотворений Богданов напечатал также в театральной газете

¹ Несколько позже, в «Новостях и заметках», напечатанных в «Азиатском вестнике», Богданов писал о зверствах версальцев (1872, № 1, с. 88).

«Суфлер», но лишь одна из появившихся в «Суфлере» вещей заслуживает внимания. Это — перевод «Марсельезы», из которого, правда, были изъяты — без сомнения, по цензурным причинам — наиболее резкие места о тиранах и деспотах. Переводу было предпослано краткое предисловие («Два слова о „Марсельезе“»), где Богданов писал, что «Марсельеза» — не «чисто революционная песня, разжигающая народные страсти», а «просто патриотический гимн», в котором нет «ровно ничего возмутительного». ¹ Разумеется, все это вовсе не выражает подлинных взглядов Богданова и является «защитным цветом», ширмой, которыми часто приходилось пользоваться писателям демократического лагеря. Только таким образом можно было провести в печать — хотя бы в урезанном виде — знаменитую революционную песню. Следует подчеркнуть, что и в таком виде появление «Марсельезы» в легальной печати было весьма небезразличным фактом, напоминавшим русской читающей публике о вдохновенной песне, с которой шли на борьбу за родину и революцию против отечественной реакции и иностранных интервентов французские революционеры и патриоты XVIII в. и которая звучала как призыв к революционному действию для многих поколений не только французского, но и русского народа. ²

В 1885 г. Богданов перевелся в Черноморский флот. 5 августа 1886 г. он умер.

¹ «Суфлер», 1885, № 22, с. 2.

² Иначе — как сознательное и «грубо тенденциозное, реакционное искажение гимна революции» — оценивает богдановский перевод «Марсельезы» и «Два слова» о ней А. Л. Дымшиц («Литература и фольклор», М., 1938, с. 162—163), совершенно игнорирующий при этом условия русской печати 80-х годов.

БЕСЕДА С МУЗОЮ
(В ЧИСТО КЛАССИЧЕСКОМ РОДЕ)

Как-то муза мне сказала,
Потрепав меня рукой:
«Влас, мой друг, ты пишешь мало,
Пой! пой! пой!»

И ответил я сестрице:
«Я спою тебе, изволь,
Как живет у нас в столице
Голь, голь, голь

В тех углах, где близ заборов
Мостовых, панелей нет,
Где чуть теплится Шандоров
Свет! свет! свет!

Где лачужки длинным строем
Догнивают, искосясь,
Где лежит глубоким слоєм
Грязь, грязь, грязь;

Где всю жизнь одни лишенья
Жалких тружеников ждут,
Где тяжел до изнуренья
Труд, труд, труд...»

— «Стой! — прервала муза, — вникнет
В эту песнь сонм важных лиц,
И как раз тебе он крикнет:
Цыц! цыц! цыц!

Скажут: песня не из лестных...
Навлечешь как раз их гнев,
Лучше пой, брат, про прелестных
Дев, дев, дев.

Обратись к луне, к природе,
Пой утехи юных лет —
Ведь поет же в этом роде
Фет, Фет, Фет.

Если ж жизнь тебя прельстила,
То ты можешь воспевать,
Как живет изящно, мило
Знать, знать, знать;

Как столица ослепляет
Непривычный к блеску глаз,
Как по улице блистает
Газ, газ, газ;

Как весь год жилося славно,
Что в балете ты видал.
Как Ефремов дал недавно
Бал, бал, бал;

Как... да ну, бери же лиру
И скорей про край родной
Песню сладенькую миру
Пой! пой! пой!»

<1863>

ПРИТЧА

Пировал Барыш средь своих хором,
Угощал он Знать дорогим вином,
Не жалел рублей, не шадил труда...
В этот час к окну подошла Нужда.
Говорит: «Барыш! Не оставь меня,
Голодаю я уж четыре дня».
— «Видно, пьянствуешь. — ей Барыш сказал,
Черствый хлеба край ей в окошко дал
И, смеясь, кричит: — Пир так пир горой!
Эй, жена, на стол поскорей накрой,
Подавай пирог, подавай нам ши.
Все, что есть в печи, все на стол мечи!»
Поплелась Нужда от окошка прочь...
На дворе метель и глухая ночь,
На дворе мороз, в стороне ж кабак,
И в него Нужда доплелась кой-как.
В кабаке Нужде уголок был дан,
За лохмотья ж ей поднесен стакан.
Пропила зипун — стали гнать Нужду,
И пошла Нужда, позабыв беду,
Прямо в темный лес, улеглась под ель,
Хлеб жует она... а над ней метель...
Засыпай, Нужда, — и чего тут? — знай,
Что «коль хлеба край, так под елью рай».

<1864>

ПРОЕЗЖИМ
(РАЗДУМЬЕ ГОРЕМЫКИ)

Что вы смотрите так подозрительно
На заплаты одежды моей?
Или прихоть пришла снисходительно
Бросить мне пару медных грошей?
Вы сегодня добры изумительно,
Благодарен я вам от души! —
Только знайте:
Не помогут мне ваши гроши —
Проезжайте!

Было время: с какою охотою
За работой я грудь надрывал,
Все боролся с нуждой да с заботою,
Но не мог устоять — и упал.
А теперь я почти не работаю,
Что добуду — ташу все в кабак...
Что ж? Ну знайте,
Что я пьяница, нищий, — итак,
Проезжайте!

Было время: рукою несмелою
Я стучался у ваших дверей...
Да! я с матерью жил престарелою
И с несчастной сестрою моей.
Но теперь я к вам шагу не сделаю,
Миновала невзгоды пора,
Поздно! — Знайте,
Что уж мать умерла, а сестра...
Проезжайте!

<1864>

УТОПНЯ

(ПОСЛЕОБЕДЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
ВЕСЬМА ДОСТАТОЧНОГО ЧЕЛОВЕКА)

Нет! Рай — не житье здесь для бедных!
На папертях денег им медных
Купечество много дает;
Хлопочут об них комитеты,
И нищие сыты, одеты
И пьянствуют даже весь год.

А есть среди них негодяи,
Что плачут и ропщут, лентяи! —
Брались бы скорее за труд.
Запрос так велик на работу,
Имели бы только охоту,
Работу же верно найдут.

Больны, что ль? пусть идут в больницу.
Нет, будь моя воля, в столицу
Я б бедных пускать запретил.
Смотреть ведь на них неприятно:
В лохмотьях, живут неопрятно,
И вид их болезнен и хил.

Нуждою забытые лица
Ведь портят величье столицы —
Зачем же пускать их сюда?
И нужно ли знать иноземцам,
Французам, британцам и немцам,
Что есть и в России нужда.

Здесь Русь налицо — здесь столица,
Здесь жить бы порядочным лицам,
А бедным жить можно в глуши.
Здесь роскошь сияла б повсюду,
Европа России как чуду
Дивилась тогда б от души.

Скупили бы мы во владенье
Себе все дома и именья
И сдали в наем беднякам.
Рабочим не нужно ученье,
В столице б зато просвещение
Цвело в утешение нам.

Пускай пролетариев массы
Составят рабочие классы,
Живут для работ и труда.
А тех, кто нажил состоянье,
Имеет приличное званье,
Тех милости просим сюда.

Умолк бы и бред социальный;
На нас, на владельцев, журнальной
Опалы тогда б не легло.
Все б жили здесь в мире, согласно,
И все как по маслу, прекрасно
У нас бы в России пошло.

Конечно, для бедных собирали
Мы б деньги и им посылали —
Ведь бедную братию жаль.
Мы ближнего любим — понятно,
Как будет для всех нас приятно
Утешить вдали их печаль.

Уж коль для финляндцев голодных
Спектакль из особ благородных
Устроить возможным нашли,
То что б, посудите, мы дали,
Когда бы про нужды узнали
Сынов нашей русской земли.

Ну что б вам принять эти планы,
Прудоны, Фурье, Луи Бланы...
Ведь было бы, право, умно!
Да, если б принять эти меры,
Давно б все забылись химеры,
Мы счастливы б были давно!

<1864>

НАШ ПРОЛЕТАРИЙ

Смотрите, вот наш пролетарий!
Он не успел окончить курс
В одной из наших семинарий,
В одной из наших бурс.

Из бурсы с скверным аттестатом
Начальством был он исключен;
Хотел быть по найму солдатом,
Да плох здоровьем он.

Потом читал он и учился. . .
Больной, собрав остаток сил,
Пешком в столицу притащился,
В студенты поступил.

Терпел нужду, терпел лишения —
Нет сил трудиться, нечем жить. . .
Бедняга вышел из терпенья —
И с горя начал пить.

Тут посещать не стал он лекций,
На службу поступить хотел,
Но не имел знакомств, протекций,
Прав по рождению не имел.

А время шло и дни летели;
Он, обнищать успев кругом,
Стал в рваной фризовой шинели
Ходить в питейный дом.

Чем он живет, он сам не знает:
То настрочит прошение он,
То с днем рожденья поздравляет,
То сходит на поклон.

Бедняге-пьянице не стыдно
Просить дрожащею рукой —
Все человеческое, видно,
Убито в нем нуждой.

И вот, помаявшись в столице,
Он станет чахнуть и умрет,
И купят для него в больнице
Гроб на казенный счет.

<1864>

**ТРОЙКА ИЛИ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
НАШЕГО ПРОГРЕССА**
(ЛИРО-ТРАГИЧЕСКАЯ ПОЭМА)

Когда в эпоху возрожденья
Внезапно Русь объял прогресс,
Вмиг родилось у нас стремленье
Наделать тысячу чудес.
Явилась тройка удалая —
Авось, небось да как-нибудь;
На ней прогресс не унывая
Пустился смело было в путь.
Авось, мы думали, прекрасно
У нас дела пойдут везде,
Когда печатать станем гласно
О господах А, В, С, D...
Авось, французы-инженеры
Построят нам чугунок сеть,
Авось, начнут акционеры
От наших акций богатеть,
Авось, из газовых заводов
Мы осветим все города,
Авось, из труб водопроводов
Польется невская вода,
Авось, пойдет торговля путно,
Авось, авось... и довелось
Нам повторять ежеминутно
Одно авось, авось, авось!

А между тем родная тройка
Уж начинала уставать,

Прогресс смекнул, что этак бойко
Ему вперед не ускакать.
Авось оставил он в покое
(Разбит был на ноги авось),
Зато прогресс усердней вдвое
Стал погонять у нас небось.
Уж замолкали обличенья,
Весь перебравши алфавит,
От акций — только разоренье,
А нам прогресс «небось» кричит.
Там, глядь, нет толку от французов,
Выходит дело просто брось,
Трудна, как встарь, доставка грузов,
А нам кричат: небось, небось!
Проводят нас водопроводы,
Как встарь, на улицах темно,
А между тем проходят годы
И данный срок прошел давно...
О неудачах рассуждая,
Толкуем мы и вкривь и вкось,
А наш прогресс не унывая
Кричит: небось, небось, небось!

Глядь — и небось хромает тоже
(Должно быть, был неровен путь),
Ну что же делать тут, о боже!
Пришлось налечь на как-нибудь.
Но «как-нибудь» ползет, как кляча,
И, не наделавши чудес,
Сидит в телеге, чуть не плача,
Разочарованный прогресс.
А между тем судьба сурово
Все тяжелее воз грузит,
То даст в попутчики Каткова,
То чем другим затормозит,
То даст такую *Путь-дорогу*,
Что просто плачь! — Пришлось в путь
Нам подвигаться понемногу
Хоть как-нибудь! хоть как-нибудь!
Сочли мы обличенья вздором,
Исчезла гласность будто сон,
Газ заменили мы Шандором,

Водопроводы же взял Крон.
И, уж не веря разным врачам,
Мы лишь того желать пошли,
Чтоб хоть не шел прогресс наш раком,
Чтоб мы не сели на мели.

<1864>

ПЕСНЯ БЕСПУТНОГО

Мне брюзгливый старикашка-
Опыт часто говорил:
«Жить в нужде куда как тяжко,
Бедным свет немил:
Потому копейку надо
Сберечь на черный день».
Опыт прав, да вот досада:
Сердце — не кремень.

Вспыхнет ретивое,
Закипит душа,
Глядь — и суток в двое
Денег — ни гроша.

За работою тяжелой
Сидя, видишь день-деньской,
Как гуляет люд веселый
Праздничной толпой;
Видишь — всюду тунеядцы,
Всюду роскошь, чванство. лень...
Эх, досадно станет, братцы!
Сердце — не кремень.

Вспыхнет ретивое,
Закипит душа,
Глядь — и суток в двое
Денег — ни гроша.

У людей жена и дети
И как чаша полон дом,
Мне ж продажной феи сети
Страшны вечерком:
Сделай фея глазки ловко,
Попышней наряд надень —
Разорит совсем, плутовка,
Сердце — не кремень.

Вспыхнет ретивое,
Закипит душа,
Глядь — и суток в двое
Денег — ни гроша.

Ни гроша? .. да как же это?
Чем тут горю пособить?
Кое-что из туалета,
Видно, заложить...
Заложил — и гадко станет,
Совесть мучит целый день,
Выпить с горя так и тянет,
Сердце — не кремень.

Вспыхнет ретивое,
Закипит душа,
Глядь — и суток в двое
Снова — ни гроша.

Да, беднякам бесприютным
Жить так стыдно и грешно,
Подделом меня беспутным
Стали звать давно.
Вволю может потешаться
Раззолоченная лень,
Мы ж... Но как нам воздержаться?
Сердце — не кремень.

Вспыхнет ретивое,
Закипит душа,
Глядь — и суток в двое
Денег — ни гроша.

**ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ
СОВРЕМЕННОГО ПРОГРЕССА
(ПРИЗНАНИЯ ДЕЯТЕЛЯ)**

Дал зарок я жить гуманно. . .
Только странно,
Вечно лажу с батраками
Кулаками.
Есть пословица в народе
В этом роде:
«Мужика не бей дубиной,
Бей полтиной!»
Но мужик хитер ужасно,
И напрасно
Прибегать с ним к мере этой:
Плут отпетый,
Без гроша живет он вечно. . .
Ну конечно,
Из нуля не вычтешь много:
Как ни строго
Поступай, отнять нельзя же
Платье даже? . . .
Дашь на платье заработки —
Купит водки.
Оштрафуй его поди-ка! . . .
И хоть дико
Обращаться негуманно —
Постоянно
Лажу дома с батраками
Кулаками.

<1865>

ПЕСНЯ ДЯДЕ ХМЕЛЮ

Мне сегодня от места отказано.
Ну, конечно, и сам я неправ —
Мне молчать было строго приказано,
Но сгубил меня вспыльчивый нрав.
Нет, носиться с своею амбицией,
Видно, нашему брату не след. . .
Я без места, грозят мне полицией,
И надежды на лучшее нет. . .

Эх, семь бед — один ответ!
Тяжко, братцы, жутко,
Горе невзначай. —
Дядя Хмель родимый, нутко,
Нутко, выручай!

Я домой завернул на минуточку —
Как узнала о горе жена,
Поглядела на дочку-малюточку
И заплакала горько она.
Ни словами она, ни намеками
Попрекнуть не решилась в ответ;
Но мне легче б жить было с попреками,
А теперь — просто моченьки нет. . .

Эх, семь бед — один ответ!
Тяжко, братцы, жутко,
Горе невзначай. —
Дядя Хмель родимый, нутко,
Нутко, выручай!

Да, измученных жизнью убогою
Приютил Хмель немало людей;

Знать, и мне уж такую ж дорогою
Подвигаться к могиле скорей.
Без меня пусть жена побирается,
Ей нетрудно разжалобить свет:
«Муж, мол, пьяница, пьет да шатается,
Обо мне ему нуждушки нет. . .»
Эх, семь бед — один ответ!
Тяжко, братцы, жутко,
Горе невзначай, —
Дядя Хмель родимый, нутко,
Нутко, выручай!

Люди добрые, мне в утешение,
Всё советуют ждать и терпеть. . .
Да откуда же взять мне терпения,
Да откуда ж взять силы глядеть,
Как оставит нужда неисходная
На семье моей тяжкий свой след,
Как грозить будет смерть нам голодная,
Как подаст Христа ради сосед. . .
Эх, семь бед — один ответ!
Тяжко, братцы, жутко,
Горе невзначай, —
Дядя Хмель родимый, нутко,
Нутко, выручай!

Не карайте ж меня укоризною. . .
Много честных, высоких умов,
Угнетенных судьбою капризною,
Уж погибли в грязи кабаков,
Закатились, как звезды падучие. . .
Видно, так уж устроен наш свет,
Что ключом бьют в нем силы могучие,
Да исхода порою им нет. . .
Эх, семь бед — один ответ!
Тяжко, братцы, жутко,
Горе невзначай, —
Дядя Хмель родимый, нутко,
Нутко, выручай!

ДУБИНУШКА

Много песен слышал я в родной стороне,
Как их с горя, как с радости пели,
Но одна только песнь в память врезалась мне,

Это — песня рабочей артели:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух! ..»

За работой толпа, не под силу ей труд,
Ноет грудь, ломит шею и спину. . .
Но вздохнут бедняки, пот с лица оботрут

И, кряхтя, запевают дубину:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух! ..»

Англичанин хитрец, чтоб работе помочь,
Вымышлял за машиной машину;
Ухитрились и мы: чуть пришлось невмочь,

Вспоминаем родную дубину:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух! ..»

Да, дубинка, в тебя, видно, вера сильна,
Что творят по тебе так поминки,

Где работа дружной и усердной нужна,
Там у нас, знать, нельзя без дубинки:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух! . . .»

Эта песня у нас уж сложилась давно;
Петр с дубинкой ходил на работу,
Чтоб дружной прорубалось в Европу окно, —
И гремело по финскому флоту:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух! . . .»

Прорубили окно. . . Да, могуч был напор
Бессознательной силы. . . Все стали
Эту силу ценить и бояться с тех пор. . .
Наши ж деды одно напевали:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух! . . .»

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня пошла по наследству;
Чуть на лад что нейдет, так к дубинушке там
Прибегаем как к верному средству:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух! . . .»

Эх, когда б эту песню допеть поскорей!
Без дубины чтоб спорилось дело
И при тяжком труде утомленных людей
Монотонно б у нас не гудело:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух! . . .»

ХИМЕРЫ

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,
Что время настанет, когда у людей
Помчатся стрелою по рельсам подводы
 Без лошадей;
Что станут повсюду работать машины,
Что по морю плавать без ветра начнем...
 О боже! какой бы содом
Все подняли тотчас в защиту рутины:
 «Он рехнулся! В желтый дом,
 На цепь сумасброда!
 Ведь волнует у народа
 Он умы...»
Что ж теперь про крик такого рода
 Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,
Что люди со временем так будут жить,
Что им и перуны небесного свода
 Станут служить;
Что сила, которой пугают нас грозы,
Покорно депеши мчать станет потом...
 В ответ бы раздались кругом.
И крик, и проклятья, и брань, и угрозы:
 «Он рехнулся! В желтый дом,
 На цепь сумасброда!
 Ведь волнует у народа
 Он умы...»
Что ж теперь про крик такого рода
 Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,
Что станет вдруг солнечный луч рисовать,
Что мы и портреты, и горы, и воды

Станем писать

Не кистью, а пользуясь солнечным светом,
Что кисть и палитру заменит во всем

Нам свет, покоренный умом...

В ответ что за крик бы раздался при этом:

«Он рехнулся! В желтый дом,

На цепь сумасброда!

Ведь волнует у народа

Он умы...»

Что ж теперь про крик такого рода

Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в старые годы,

Что в обществе вовсе не будет рабов,

Что время настанет, и снимет свобода

Бремя оков,

И новый склад жизни, склад жизни свободной

Заставит все делать свободным трудом...

Сказать бы все это — кругом

Раздался б немедленно крик всенародный:

«Он рехнулся! В желтый дом,

На цепь сумасброда!

Ведь волнует у народа

Он умы...»

Что ж теперь про крик такого рода

Скажем мы?

Предсказывать стань-ка кто в наши хоть годы,

Что время настанет такое, когда

На свете не будет страданий, невзгоды

С гнетом труда,

Что люди устроят склад жизни примерно,

Что с голодом бедный не будет знаком...

Скажите-ка это — кругом

Поднимутся громкие крики, наверно:

«Он рехнулся! В желтый дом,

На цепь сумасброда!

Ведь волнует у народа
Он умы. . .»
Что ж теперь про крик такого рода
Скажем мы?

<1868>

Проповедники морали
Встарь всех смертных посылали
 К куче муравьиной;
Говорили им: О чада,
Вразумитесь сей картиной,
 Как трудиться надо!

Устарели эти меры. . .
Пусть с ослов берет примеры
 Наше поколение. . .
Чтоб исчезли все пороки,
Нам ослиного терпенья
 Надобны уроки.

<1868>

Французы в Суэце, как видно,
Канал не на шутку ведут, —
Ну, это немножко обидно:
Дорога ведь в Индию тут. . .

Джон Буль заламаншского друга
Так любит, так им дорожит,
Что стать в Абиссинии с юга
С почетною стражей спешит.

1868

Был близок взрыв народных масс,
Все ждали меры радикальной, —
Взамен ее на этот раз
Кладут лишь пластырь либеральный.

Отсрочат час святой борьбы,
Отсрочат час освобожденья, —
И долго не найдут рабы
Путей спастись от угнетенья.

1868

Красный принц в стенах Стамбула
Наблюдает, чтобы ловко
Все скрутила, все стянула
Либеральная веревка.

Даст приличный вид разбою,
И окажется в остатке —
Гнет с железною рукою
В бархатной перчатке.

1868

Е PUR SI MUOVE!

Страх пытки и тюрьма вынудили Галилея отречься от убеждения в движении земли. После торжественно принятой очистительной присяги Галилей, топнувши ногою, сказал: *E pur si muove!* (А все-таки движется!)

*Примечание для не пошедших
далее классического ликея.*

Вот в черных рясах сонм судей,
Сонм инквизиторов собрался;
Пред ним, в оковах, Галилей
От убеждений отрекался.
Он говорил: «Я сатаной
Был одержим! мое ученье —
Безбожно, каюсь! . . Шар земной
Стоит от века без движенья. . .»
Крест Галилей поцеловал,
Но вслед за тем, нахмутив брови
И топнувши ногой, вскричал:
«*E pur si muove!*»

Мысль Галилея понял свет:
Земли движенье стало ясным;
Замолк ханжа, затих аскет. . .
Но свет ученьем был опасным
Взволнован. . . Стали толковать
И про движенье в сфере мнений:
Что как, мол, все на веру брать?
Нужна свобода убеждений. . .

Рим проклял ересь. . . Взят был бич,
Зажглись костры, но в каждом слове
Страдальцев слышался все клич:
«E pur si muove!»

Гоненья вызвали борьбу,
Кровь полилась, бой долго длился;
Рим наконец, кляня судьбу,
От протестантов отступился.
Слагаться начал новый быт,
Снимались старые вериги,
И тщетно хитрый иезуит
Стал в ход пускать свои интриги.
Опутав в сети целый свет,
Ряд тормозов был наготове. . .
Жизнь шла вперед, твердя в ответ:
«E pur si muove!»

Прошли года; утих взрыв масс,
Освоюсь с мыслию простою,
Что все в движении у нас,
Что в жизни места нет застою,
Что жизнь не в силах подавить
Ни Чингисханы, ни Аттилы,
Что силу жизни не сломить,
Что нет плотин от этой силы
И что пора простор ей дать,
Чтоб в каждой мысли, в каждом слове
Могло торжественно звучать:
«E pur si muove!»

Очень грозен горизонта
Политического вид,
От Кале до Геллеспонта
Все с смущением твердит:
«Близок взрыв! близка невзгода!»
Шовинисты ж тешат нас:
«Для защиты, мол, народа,
Для блаженства целых масс
Нам война нужна и слава. . .»
Ах, отстаньте! Полно, право,
Вам нести всю эту ложь —
Нужен вам грабеж!

Там, над Сеной, в кабинете
Сидя, думают порой:
«Чем бы это нам на свете
Отличиться пред толпой?
Рейн бы взять. . . Тогда в народе
Не желали б перемен. . .»
И тотчас же в этом роде
Речь заводит Жирарден:
«Рейн нужней, мол, чем свобода,
Для французского народа!»
Что ж, ведь это, чай, не ложь —
Любят там грабеж!

План затеяв исполинский,
Бисмарк думает тайком:
«Всю Германию — берлинской
Нужно сделать! . . Всех прижмем

Вырвем с силой молодецкой
Лотарингию, Эльзас. . .
Где звучит язык немецкий —
Там добыча есть для нас». —
И толкует он народу:
«Эй, народ, свою свободу
Ты в единстве лишь найдешь —
Надобен грабеж!»

В одряхлевшем Ватикане
Тоже думают, кряхтят,
Совещаются о плане
Старину вернуть назад,
Чтоб в провинциях свободных
Снова папа править стал,
«Много там статей доходных!» —
Шепчет каждый кардинал.
А вокруг них уже в народе
В Риме крики о свободе. . .
Ватикану невтерпеж —
Он вопит: «Грабеж!»

Больше чем четыре века
Занят турками Босфор;
За «больного человека»
Турка знают с давних пор.
Доконать его есть средство,
И вопрос теперь весь в том,
Как начать делить наследство,
Что кому отдать потом.
Так на этом стало дело. . .
И теперь кричат все смело,
Чуть о турке речь начнешь:
«Караул! Грабеж!»

Дела пошли прекрасно тут,
Париж отстроился на славу,
Искать рабочие идут
Углов дешевых за заставу...
Прекрасно! их давно б прогнать!
Достоин Гаусман награды...
О, если б мог бы он отнять
Все средства строить баррикады!

1868

Для грозной силы неприятно,
Когда подавленным понятно,
 Что больше нечего терять,
Когда рождается убежденье.
Что смерть отраднее мученья,
 Что с жизнью нечего терять,
Когда все массою восстанет
И грозный крик повсюду грянет:
 «Нам больше нечего терять!»

1868

О свободе громких фраз
Много слышится у нас,
Но сознаться хоть обидно,
А свободы все не видно...
Так же бедствует народ,
Так же все стесняет,
Словом, по усам течет,
В рот не попадает.

Много нам реформ и льгот
Обещали каждый год,
Мы всё ждали, ждали, ждали...
Наконец нам льготы дали,
Только впрок нам не пошло,
Толку вышло мало:
По усам-то потекло,
В рот же не попало.

Власть твердит народу: жди,
Лучше будет впереди,
Но народ уж плохо верит,
На аршин он старый мерит
И, о льготах слыша речь,
Говорит: «Смотрите,
По усам-то будет течь,
В рот же — и не ждите».

1869

Орел французский встарь вносил
Свободу, братство и равенство,
И вдруг теперь он поступил
В распоряженье духовенства.
Он защищает мрак и гнет,
Он с иезуитом, он с прелатом...
Не прав ли тот, кто назовет
Орла французов — ренегатом?

1869

Плантаторам рабов отдали напоследках,
Чтоб из рабов они сок выжали пока...
Рабов же, как зверей, запертых в тесных клетках,
Дразнить свободою хотят издалика.
Но если раб, как зверь, сорвавшись с цепи, смело
По трупам палачей себе проложит путь, —
Кто в этом виноват? Чье это будет дело?
Кого за сотни жертв придется упрекнуть?

1869

СВОЙ ПДЕАЛ

(РАЗМЫШЛЕНИЯ ОДНОГО ИЗ „НЕДОВОЛЬНЫХ“
ПО ПРОЧТЕНИИ „ВЕСТИ“)

Глаз видит, да зуб неймет.

Пословица.

Упрекают все меня в застое,
Говорят, что я б, вишь, не желал
Улучшений в быте масс... Пустое!
Создан мной давно свой идеал.

Не балуя хамова отродья,
Не внося губительных начал,
Я б улучшить быт простонародья
До известной степени желал.

Пусть мужик у нас не ест мякины,
Хлеб всегда пусть будет у него,
Даже в праздник ши из солонины
Пусть себе он варит... Ничего!

Я кормлю охотно попугая,
Я кормлю собаку и коня,
Рад рабочего кормить я, зная,
Что он тратит силы для меня.

Пусть тепло одет крестьянин будет:
Пусть сермягу толстого сукна
И тулуп он сам себе добудет,
Шапка тоже для него нужна,

Ну и лапти не должны быть худы
У рабочего — не то беда!
Может слечь мужик мой от простуды,
Я лишусь рабочих рук тогда.

Я совсем не враг и просвещенью —
Пусть заводят школы мужики,
Пусть детей их и письму и чтенью
Обучают сельские дьячки.

Мне рабочий грамотный полезней...
Я беречь согласен мужиков,
И в селе на случай их болезней
Разрешить больницу я готов!

Но затем, устроив быт рабочих,
Я б смотреть за ними строго стал,
И чтоб власть иметь тут, я бы прочих
Вольнодумств в реформах не желал.

Улучшенья быта — не свобода,
С улучшеньем быта мужики
Дать должны нам более дохода,
А не шляться вечно в кабаки.

Даже пусть считается свободным
Наш мужик — но только на словах,
Ведь тогда лишь будет он мне годным,
Если он вполне в моих руках,

Если все, что труд его приносит,
Собирать возможность мне дадут.
Пусть мужик мой пашет, сеет, косит —
На себя беру я тоже труд.

Труд большой, мне с ним хлопот немало:
Нужно мне доходы собирать;
Назначение для капитала
Нужно мне приличное искать.

Я б зимой поехал жить в столицу,
Роскошью торговлю поощрять,

А потом махнул и за границу
Честь России с шиком поддержать.

Подражая рабски иностранцам,
Я б усвоил речь их, нравы, вкус —
В Лондоне б был истинным британцем,
Жить в Париже стал бы как француз.

Иль, чтоб сказкой стать молвы стоустой,
Патриота б корчил я подчас:
Стал бы есть в Париже щи с капустой,
Стал бы в Лондоне пить русский квас.

Жил везде б я пышно и богато,
И, во славу родины моей,
Чисто русский тип аристократа
Я в себе б осуществил, ей-ей!

А таких, как я, у нас немало —
Жаль, реформы губят нас вполне...
Эх, когда б их все начать сначала
Да побольше бы дать воли мне!

Не балуя хамова отродья,
Не внося губительных начал,
Я б улучшил быт простонародья
И осуществил свой идеал.

<1869>

<ШНЕЙДЕРУ>

У вас в Крезе теперь волненья,
Там прав рабочие хотят,
Для вас большое затрудненье
При этом вышло, говорят.
Как президент права народа
Должны вы свято охранять,
А как заводчик вы дохода
Себя не любите лишать.
Но вы. . . вы сладили с скандалом:
Бригаде войска с генералом
Так беспристрастно вами тут
Был поручен третейский суд.

1870

У министров буржуазных
Много планов, мыслей разных,
Много есть затей;
У простых людей —
Только баррикады,
Рады иль не рады...
Да пришла пора —
Ça ira!

1870

МЫ — ОСОБЬ СТАТЬЯ!¹

(ПЕРЕЖИВАЮЩИЙ ОДНОГО ИЗ ПОСЛЕДНИХ МОГИКАН
НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЧВЕ)

C'est vrai, mon cher!² И спесь и чванство
Не в духе нынешних идей,
Но наше *старое* дворянство
Не грех бы поддержать, ей-ей!
Ведь что ж нибудь да значат предки?
Ведь что ж нибудь да значит кровь?
У нас же *столбовые* редки,
Дворян пекли так много вновь:
Крапивным семенем врывались
В наш круг аршинники, кутья;
Но всё же мы еще остались,
И всё же мы — особь статья!

Наш род богат был, был звездой
Екатеринина двора,
Ее щедроты к нам рекою
Лились — блаженная пора!

¹ Мы получили это стихотворение при следующем письме автора: «М. г., прилагаемое при сем стихотворение «Мы — особь статья» предназначалось мною для газеты «Весть», как для органа тех немногих представителей *столбовых*, к числу которых принадлежу и я — автор этого стихотворения, и к которому, как я слышал, принадлежите и вы, м. г., принявшие на себя редакторство «Искры». Но «Весть», несмотря на поддержку ее нами, прекратилась за истощением средств; поэтому я решился обратиться к вам с просьбою дать место моему стихотворению в вашем журнале, на который у нас, *столбовых*, теперь единственная надежда. Положитесь на нас, — мы вас поддержим. Примите и проч.»

² Это так, мой милый! (Франц.) — *Ред.*

Нас сам Державин в одах славил,
Но вдруг — переменялся взгляд,
Перевернул все круто Павел,
Пустив в ход гатчинских солдат.
С тех пор простора стало мало
Для нашего житья-бытья,
И вся Россия забывала,
Что мы у ней — особь статья.

Стеснен был ход родам дворянским,
И рагвенус¹ презренных рой
Полз за кутейником Сперанским
Бюрократической стезей.
Был век подьячих, век лакеев,
Век кантонистов и ханжей,
И во главе всех Аракчеев...
Затем предания свежей
Давайте вспомним: плац-парадом
Русь увлеклась до забытья
И к нам совсем уж стала задом,
Забыв, что мы — особь статья.

Фельдфебеля, не gentil'homme'a,²
Успех на службе ждал тогда,
И тихим шагом в три приема
Шли люди в люди в те года.
Нам не везло в эпоху эту,
Пришлось именья заложить,
Долг опекунскому совету
Возрос, нам нечсм стало жить...
Как вдруг — реформы... Стало жутко,
Но, ободрившись, думал я:
Все это так... все это — шутка,
Нас вспомнят... Мы — особь статья!

Но нет! Крестьянам очень ловко
Отрезан был от нас надел,
Сословных прав нивелировка
Пошла, и глядь — мы «не у дел».

¹ Выскочек. (Франц.) — *Ред.*

² Дворянина. (Франц.) — *Ред.*

В суде мы — нуль, и в земстве тоже
Наш голос часто очень слаб. . .
Что ж, неужели же, о боже,
И впредь так будет? . . . О, когда б
За наше право крепостное,
За роскошь барского житья
Нам дать хоть что-нибудь такое,
Чтоб были б мы — особь статья.

Пусть даже в формах либеральных
В отчизне ход нам будет дан,
Взамен традиций феодальных
Пусть воскресят боярский сан.
Дадут нам власть, значенье лорда.
Нам не по сердцу было б, что ль,
И право так держаться гордо,
И политическая роль,
И средства жить полуцарями?
Нет! ряд реформ — галиматья,
Коль прежде не займутся нами,
Pardieu! ¹ Ведь мы — особь статья!

1870

¹ Черт возьми! (Франц.) — *Ред.*

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ЩЕНКА (ОТРЫВОК)

Примечание переводчика. Предлагая читателям «Искры» перевод с собачьего языка на российский, долгом своим считаю представить предварительно некоторые объяснения. Всякому, кто читал «Принца-Собачку» Лабулэ, хорошо известно, в каких коротких отношениях с некоторыми из представителей собачьей расы находился этот достославный принц царства Ротозеев. Впоследствии, сделавшись уже гуманным и либеральным повелителем своего народа, принц не переставал чувствовать особенную симпатию к собачьему племени и, по всей вероятности, продолжал изучать нравы и обычаи этого племени, чему могло особенно способствовать знание собачьего языка, без всякого сомнения вынесенного принцем из его многочисленных приключений в собачьей шкуре.

Все эти предположения подтвердил нам недавно сверток старых бумаг, случайно купленный нами в табачной лавке. Из этого свертка, заключавшего в себе подлинные манускрипты Принца-Собачки, мы убедились, что принц этот — личность вовсе не вымышленная и что ему следует отвести весьма почетное место в ряду специалистов по канографии (собакоописанию). С особенной любовью и знанием дела обработана принцем-канографом порочная слабость породистых щенков кичиться своим тунеядством.

В виде образчика предлагаем отрывок, с буквальной точностью переведенный принцем Гиацинтом с собачьего языка на ротозейский. Перевод этот, при полном незнакомстве рода человеческого с собачьим языком, представляет такой прекрасный материал для изучения канографии, что им нельзя было не воспользоваться. Хотя и ротозейский язык представил немало затруднений для переводчика, но сходство этого языка со многими из европейских дало возможность преодолеть все трудности и представить русской читающей публике этот первый образчик чисто собачьей литературы.

Prrr... гам!..

Изречение одного из собачьих философов.

(NB в подлиннике)

.. Любила нас княгиня наша,
Ласкал нас весь княгинин двор.
Действительно. моя мамаша
Была мила: как нежен взор!
Как комильфотна! ¹ Вкус как тонок!
В крови все это... Ведь татап
Из рода знатного болонок,
Привыкла жить всегда en grand, ²
И барский быт ей был приятен.
Оно понятно: древний род
Болонок очень, очень знатен,
И предкам потерял он счет.
Он из Италии. Известно,
Как, не щадя ни задних лап,
Ни мордочки, служил он честно
Метрессам старых римских пап.
Милан, Флоренция, Болонья
Отчизной были их, и там
Болонки тешили спросонья
Великосветских знатных дам.
Оттуда для какой-то цели
Везли в Париж их... Им в ночи
Давала место на постеле
Екатерина Медичи.
Они роль важную играли
При кардиналах, а потом
От революции бежали
С поджатым между ног хвостом.
Из верности к владыкам ссыльным
Покинули родной свой край;
С тех пор в гербе у них фамильном —
Поджатый хвост с девизом «ай!»

.
.

¹ Благовоспитанна (по понятиям дворянско-буржуазного общества); от французского comme il faut. — *Ред.*

² Широко. (Франц.) — *Ред.*

К породе тоже чистокровной
Принадлежит папаша — он
В своей имеет родословной
Ряд исторических имен.
Наш пращур так подобострастно
Лежал у ног своих господ
И так лизал их сладострастно,
Что заслужил большой почет.
Рожден он был почти плебеем,
Но стал и знатен и велик,
И мы в гербе зато имеем
Усердно лижущий язык.
Родоначальника дорожку
Не оставлял наш род потом,
Служил он старшим понемножку
Подобострастным языком.
Итак, наш род, хоть род туземный,
Но род из первых по всему,
И много крови иноземной
Уж примешалось к нему.
В родстве у нас есть мопсы, шавки,
Левреток, мосек пять иль шесть,
Две-три курляндские лягавки
И дочь кинг-чарльса даже есть.
Да, примесь крови благородной
Облагородила наш род,
Папа — породы превосходной,
Зато какой ему почет!
Любим княгиней он своею,
К ней смело прыгает на шею
И ест с ней за одним столом
И, облизнувшись, вслед за нею
Плетется в спальню вечерком. . .
.
Итак, самим происхожденьем
Поставлен в высший я разряд,
Щенок я, но щенок с значеньем,
Щенок из княжеских палат.
Век сибаритничать я буду,
Но сохраню почет и честь. . .
Между собаками повсюду
Большая разница ведь есть:

Судьба дает одним на долю
Конуру, голод, цепь и труд,
Зато едят другие вволю,
Хоть тунеядствуя живут.
Так быть должно; священным правом
Своим считаю я так жить,
Чтоб не видать конца забавам,
Чтоб сладко есть, чтоб сладко пить,
Чтоб модной быть собачкой в свете,
Чтоб любовалась мною знать,
Чтоб в чудной, шегольской карете
С княгиней бешено скакать
И, полисмена не робея,
С усмешкой знатного щенка
Давить каретою плебея
И брызгать грязью в бедняка.

<1871>

«ДИАЛОГ ВЕРСАЛЬСКОГО И ПАРИЖСКОГО ХОРА»

Хор версальский

Мы — домовладельцы, мы — владельцы ренты.

Хор парижский

Ваши квартиранты мы, мы — рабочий класс.

Хор версальский

Нет, вы — коммунисты, воры, инсургенты. . .

Хор парижский

Вы ж — эксплуататоры обнищавших масс.

Хор версальский

В нас все средства Франции, мы — ее богатство.

Хор парижский

В нас вся сила Франции, мы — ее весь труд.

Хор версальский

Не платить по векселю — это святотатство.

Хор парижский

Грех долги там требовать, с голоду где мрут.

Хор версальский

Плата за квартиру — это долг священный!

Хор парижский

Без квартир прикажете околеть, что ль, нам?

Хор версальский

Нет, платить вы можете; смолк ведь гром военный.

Хор парижский

А найти мы можем ли сбыт своим трудам?

Хор версальский

Мы не виноваты, если вы фортуною
Несколько обижены... божья воля тут.

Хор парижский

Нет, пускай обсудится городской коммуною
Всё, как капитал заедает тяжкий труд.
Пусть решит сомнения голос всей столицы.

Хор версальский

Голос массы уличной? Это пустяки!
Вас в Париже тысячи, нас же единицы...

Хор парижский

Ну так пусть все прения порешат штыки.

<ТЬЕРУ>

Развивать он бойко стал
Прежние традиции,
Он всю Францию отдал
Под надзор полиции,
Прихоть он свою зовет
Волею народною,
А республикою — гнет
Над страной свободною.

1871

НИКОЛАЙ КУРОЧКИН

НИКОЛАЙ КУРОЧКИН

Николай Степанович Курочкин, старший брат редактора «Искры» В. С. Курочкина, родился в Петербурге 2 июня 1830 г. В 1848—1854 гг. он учился в Медико-хирургической академии. По окончании академии служил некоторое время окружным врачом пяти уездов Петербургской губернии, врачом Ораниенбаумского госпиталя, а затем отправился в Крым в действующую армию. После войны, выйдя в отставку, занялся частной практикой и принимал больных в Максимилиановской больнице. В 1858—1859 гг. служил врачом в Русском обществе пароходства и торговли и в связи с этим много путешествовал: побывал в Западной Европе, на Кавказе, в Сирии и Египте.

Литературой Курочкин стал заниматься на школьной скамье. Сохранился листок из гимназического журнала, выходившего под его редакцией.¹ Еще гимназистом, в 1847 г., Курочкин поместил в «Репертуаре и пантеоне» перевод романа А. Гуссе «Три сестры», в студенческие годы сотрудничал в «Сыне отечества» (повесть «Недоразумение», стихи, переводы, фельетоны), а в начале 1860 г., вернувшись в Петербург, совсем бросил медицину и посвятил себя исключительно литературе.

Курочкин был деятельным сотрудником «Искры» с первого же года ее существования. Он печатал в «Искре» под многочисленными псевдонимами (Пр. Преображенский, Хрисанф Тютетяев, Илья Чичервикин и др.²) и публицистические статьи, и фельетоны,

¹ Рукоп. отд. Пушкинского дома, собрание П. Я. Дашкова.

² Не принадлежат Курочкину приписывавшиеся ему ранее псевдонимы: Пр. Владимирский и Пр. Вознесенский.

и драматические сцены, и переводы, и оригинальные стихи. Курочкин принадлежал к руководящему ядру «Искры»; он принимал близкое участие в редакционной работе, в борьбе журнала со всеми устоями самодержавно-бюрократического государства, с политической реакцией, с реакционной журналистикой и литературой, с либерализмом, с идеалистической философией (борьба Курочкина за материалистическое мировоззрение нашла свое выражение в большом цикле его фельетонов «Житейские выводы и измышления», печатавшемся в «Искре» на протяжении двух лет, и в ряде других произведений). Из произведений Курочкина совершенно ясно его отношение к «великим реформам» 60-х гг., в том числе к крестьянской реформе 1861 г. Об этом имеется также не вызывающее никаких сомнений свидетельство современника. «Странно, — говорил Курочкин в 1864 или 1865 г., — что многие так ликуют и утешают себя настоящими и будущими реформами, которых ждет та же участь, что и крестьянскую реформу. Обкорнают, урежут, сократят, объяснят каждую из них так, что совершенно сведут на нет». ¹

Журнальная и редакционная работа Курочкина не ограничивалась «Искрой». В 1861—1862 гг. он несколько месяцев редактировал журнал «Иллюстрация», в 1865—1867 гг. — «Книжный вестник», который превратил в боевой журнал демократического направления. По его собственному свидетельству, в «Книжном вестнике» рассеяно много его рецензий и небольших статей, напечатанных без подписи. ² Официальным редактором «Книжного вестника» Курочкина не утвердили, так как, по отзыву III Отделения, он «не представляет достаточных ручательств в благонадежности». ³ В 1867 г. под редакцией Курочкина вышел также «Невский сборник». В разное время Курочкин сотрудничал, кроме того, в «Московской медицинской газете», журналах «Век», «Гудок» 1862 г.,

¹ Е. Н. Водовозова. К свету. — «Голос минувшего», 1916, № 5—6, с. 129—130.

² См. анкету Курочкина из собрания библиографа Н. Я. Агафонова — «Лит. наследство», № 51—52, М., 1949, с. 342.

³ Е. Н. Винер. Библиографический журнал «Книжный вестник». Л., 1950, с. 132. Больше чем через десять лет, в 1876 г., по поводу ходатайства о разрешении журнала «Библиографический листок», III Отделение писало, что несколько петербургских литераторов намереваются возобновить «Книжный вестник», выходящий под редакцией Курочкина и других и имевший «крайне вредное влияние на литературные вкусы публики» (ЦГИА. Дело 3-й экспедиции III Отделения, 1876, № 16, ч. 1).

«Время», «Русский мир», «Дело», в газетах «Очерки», «Современное слово»,¹ «Гласный суд»; в последней он заведовал отделом иностранной политики.

Еще в 1849 г. студентом 1-го курса Медико-хирургической академии Курочкин посещал кружок петрашевца С. Ф. Дурова и в связи с этим привлекался к допросу следственной комиссии по делу петрашевцев.² Через двенадцать лет, в 1861 г., он вступил в революционное общество «Земля и воля», а в 1862 г. был избран кандидатом в члены его центрального комитета.³

В 1862 и 1863 гг. Курочкин был за границей, в том числе в Лондоне, и, без сомнения, встречался с Герценом, хотя и утверждал на допросе в Следственной комиссии по делу Каракозова, что видел Герцена только на всемирной выставке, но ни в какие сношения с ним не входил.⁴ То, что Курочкин был в дружеских отношениях с Герценом (правда, в более поздние годы), засвидетельствовано рядом современников, да и самим Герценом. «Курочкину», — писал он А. П. Пятковскому 5 марта 1869 г., — кланяйтесь дружески. Скажите ему, что сын мой женился» и т. д.⁵ К Герцену, сообщает в своих воспоминаниях Пятковский, Курочкин, «кроме уважения, питал еще какую-то сердечную нежность, как к человеку рыцарского характера, с которым он познакомился лично во время своих заграничных путешествий.⁶ Курочкин был в близких отношениях и с другими представителями революционной эмиграции. Летом 1864 г., в связи с планами реорганизации «Колокола», выдвигавшимися «молодой эмиграцией», Н. И. Утин писал Огареву, что в реорганизованном «Колоколс», кроме него, могли бы сотрудничать В. И. Касаткин, М. С. Гулевич, Л. И. Мечников, «и даже Курочкин мог бы кое-что писать, ибо личность талантливая». ⁷ Другом Герцена и Мадзини, Лаврова и Бакунина называет Курочкина

¹ Сохранились интересные письма к Курочкину редактора «Современного слова» Н. Писаревского — ЦГИА. Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии. О вольнопрактикующем враче Курочкине, 1866, № 203, папка 119, л. 105—108.

² «Петрашевцы», т. 3. М.—Л., 1928, с. 360; «Дело петрашевцев», т. 3. М.—Л., 1951, с. 205, 248, 279—280.

³ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. 16. Пб., 1920, с. 74, 85.

⁴ Производство... следственной комиссии, 1866, № 203, с. 43.

⁵ Полное собр. соч., т. 21. М.—П., 1923, с. 317.

⁶ А. Пятковский. Две встречи с А. И. Герценом. — «Наблюдатель», 1900, № 2, с. 294—295.

⁷ «Лит. наследство», № 62, М., 1955, с. 657—658.

В. В. Тимофеева.¹ С 1862 г., в связи со сведениями об его сношениях с «лондонскими пропагандистами», то есть Герценом и Огаревым, Курочкин состоял под секретным наблюдением полицейских органов.² В 1865 г. Курочкин был охарактеризован ими как «давно известный своим вредным направлением».³

В 1863 г. Курочкин встретился во Флоренции с Н. Д. Ножиным и близко сошелся с ним. Ножин был впоследствии членом петербургского кружка каракозовцев. Курочкин если и не принимал в кружке непосредственного участия, то во всяком случае был хорошо осведомлен о том, что там делалось, был знаком с И. А. Худяковым и другими каракозовцами, знал, повидимому, о готовящемся покушении на Александра II.⁴ После каракозовского выстрела Курочкин не только был арестован, наряду с другими «неблагонадежными» литераторами, за сотрудничество в журналах «крайнего направления», но, кроме того, был привлечен к следствию по каракозовскому делу. Четыре месяца он просидел в Петропавловской крепости и по освобождении был подчинен полицейскому надзору.

По отзывам многих современников, Курочкин был глубоко преданным литературе, умным и остроумным, разносторонне образованным человеком, прекрасным собеседником. Курочкин «имел огромное влияние на мое развитие, — писал Н. А. Лейкин. — ... Благодаря ему я приохотился к серьезному чтению и расширил свой кругозор. Он натолкнул меня на чтение книг естественнонаучного и философского содержания».⁵ Он тепло относился к молодым, начинающим писателям и оказывал им всяческую поддержку. Н. К. Михайловский называет Курочкина своим «литературным крестным отцом»: «Он приютил и кормил меня в трудное

¹ В. Т - ва (Починковская). Г. И. и А. В. Успенские. — «Минувшие годы», 1908, № 2, с. 278. См. также: П. Д. Б о б о р ы к и н. Глава из неизданной части воспоминаний «За полвека» — «Лит. наследство», № 51—52, М., 1949, с. 160.

² М и х. Л е м к е. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, с. 116. Подозрения о связях Курочкина с Герценом зафиксированы и в ряде более поздних документов, 1866 и 1870 гг. — см. Производство... следственной комиссии, 1866, № 163, т. 2, л. 88 об., № 203, л. 59. В 1870 г. Курочкину на этом основании было отказано в выдаче заграничного паспорта.

³ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. 17, Пб., 1922, с. 363—364.

⁴ О связях Курочкина с каракозовцами см. статью Е. Колосова «Н. К. Михайловский в деле Каракозова» — «Былое», № 23, 1924.

⁵ «Н. А. Лейкин в его переписке и воспоминаниях». СПб., 1907, с. 169.

время, никогда ничем не давая мне почувствовать, что делает одолжение». ¹ Многие другие писатели с уважением вспоминали о Курочкине, об интересных встречах и разговорах с ним. Так, в 1886 г., прочитав «Пестрые письма» Щедрина, Н. И. Наумов писал А. М. Скабичевскому: «Целый день я ходил как ошалелый под влиянием их, и окружающая мерзость показалась, наконец, до того мерзостной, что хоть в гроб ложись... и припомнились мне слова покойного Николая Курочкина: „Мало того, что в гроб положили, еще и свинцовой крышкой прихлопнули!“» ²

Разностороннее образование сказалось в ряде статей Курочкина. Он писал по вопросам литературы (о Минаеве, А. К. Толстом, Берне, Эркман-Шатриане) и медицины; ему принадлежат статьи о современном положении Франции, о тюрьмах, о съезде естествоиспытателей, об ассоциациях, о Прудоне, о Рошфоре, — и обо всем он писал дельно, толково и вместе с тем политически остро. Знание французского и итальянского языков определяло круг его переводческой деятельности. Он переводил Джустини, Порта, Альфиери, Гюго, Бодлера, Надо, Коппе и др.; перевел несколько пьес, которые неоднократно ставились на сцене столичных и провинциальных театров («За монастырской стеной» и др.). Кроме того, под его редакцией были переведены книги Прудона «Искусство, его основания и общественное значение» и Макиавелли «Государь и рассуждения на первые три книги Тита Ливия».

С 1868 г. основной становится для Курочкина работа в «Отечественных записках», перешедших в руки Некрасова. В течение четырех лет он заведовал библиографическим отделом журнала и заменял Некрасова и Салтыкова, когда они уезжали из Петербурга. Курочкин печатал в «Отечественных записках» стихи, критические и публицистические статьи, рецензии, переводил иностранные корреспонденции и романы. В конце 60-х годов он принимал также близкое участие в редакционном кружке журнала «Неделя», где благодаря ему был напечатан цикл фельетонов Герцена «Скуки ради».

С начала 70-х годов Курочкин тяжело болел, а последние несколько лет своей жизни был прикован к постели, не оставляя, однако, литературной деятельности. В 70—80-х годах Курочкин, кроме «Отечественных записок», печатался в «Пчеле» Микешина,

¹ «Литературные воспоминания и современная смута», т. 1. 2-е изд., СПб., 1905, с. 49.

² Н. И. Наумов. Собрание сочинений, т. 1. Новосибирск, 1940, с. 356.

«Устоях», «Русском богатстве» (он был членом артели «Русского богатства»), «Слове», «Наблюдателе».

По всей вероятности, Курочкину принадлежит стихотворение «В память июньских дней 1848 года», напечатанное в журнале П. Л. Лаврова «Вперед». ¹ По инициативе Курочкина и Гл. Успенского, с которым он был в дружеских отношениях, в 1875 г. в республиканской газете «Le gappel» была помещена статья парижского корреспондента «Отечественных записок» Л. Шассена о Чернышевском. ²

До конца жизни Курочкин не изменил своим убеждениям. Годы реакции не привели его, как многих, в болото либерализма и к теории «малых дел». В его лирике появляются, правда, мотивы неверия, безнадежности, но зато его сатира попрежнему звучит язвительно. Уже в последние годы своей жизни он напечатал в «Наблюдателе» ряд злых сатирических стихотворений, создав своеобразную литературную маску поэта — околоточного надзирателя Ефима Скорпионова.

Курочкин умер 2 декабря 1884 г.

¹ См. Ф. Витязев. Неизвестное стихотворение Н. С. Курочкина — «Лит. наследство», № 25—26, М., 1936, с. 472—476.

² А. Гверитинов. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. СПб., 1906, с. 75

ПОСЛАНИЕ К Н. Л. ГНУТУ
(ПОДРАЖАНИЕ ЯЗЫКУ С ЧЕТЫРЬМА
ВЛАГОПРИБРЕТЕННЫМИ У НЕГО СТИХАМИ)

Плохих певцов плеяде бледной
Тебе судил могучий рок
Нравоучительно-победный,
Хоть жесткий преподать урок!
Чад незаконных Аполлона
Хоть и невесело колоть —
Но сорных трав и с Геликона
Не запрещается полоть.
Пускай до времени под паром
Лежат журналы без стихов;
Пусть не печатаются даром
Случевский, Страхов и Кусков.
*Пусть с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Пусть, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки!*

1860

ХУДОЙ МИР ЛУЧШЕ ДОВОЙ ССОРЫ

(СТИХОТВОРНОЕ ПОДРАЖАНИЕ СТАТЬЕ Г-НА ПОГОДИНА: „НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПРОТИВ СТАТЬИ, ПОМЕЩЕННОЙ В 75 Ж „СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ“ О ЮБИЛЕЕ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЬМСКОГО“)

Procul profanum vulgus! .¹

Прочь, буйна чернь, непросвещенна
И презираемая мной!
Писак *когорты* развращенна,
*Без сердца, с лимфою одной!*²
Давно ты тщишься дерзновенно
То попирать, что мне почтенно,
И не могу я превозмочь,
Чтобы тебя не *утолочь!*

Я, как профессор, *недреманно*
Один могу *протоковать*
О том, что для тебя туманно
И не можешь ты понять!
Давно уж, *не спросяся броду,*
Суешься ты без смысла в воду;
И всё и вся, и вкривь и вкось
Судить берешься на авось.

Пришла пора твои затеи
В правдивом свете показать
И за статьи об юбилее
Тебя изрядно наказать!

¹ Прочь, невежественная чернь. (Лат.) — *Ред.*

² Слова, напечатанные курсивом, — собственные выражения г-на Погодина.

О, рецензентов хор пристрастных,
Смотрю на вас как на *несчастных* ¹
И потому лишь говорю —
Что днесь вам правый суд творю!

В Медину бегством Магомета
Для турок эра началась...
Я ведаю, откуда эта
Продерзость критиков взялась:
С тех пор, когда для вертопрахов
Сгреб христоматию Галахов,
Вы все *истории* ² по ней
Учились до наших дней.

Отсель ваш подвиг исполинский;
Вся ваша мудрость — из нее,
Хоть все, что высказал Белинский,
Вы выдаете за свое.
И так скажу без ложных страхов:
Белинский только да Галахов —
Для вас начало и конец
И знания вашего венец!

Пускай я этими словами
Меж вами бурю подыму.
Имел я дело и не с вами!
Привычно уху моему
Шипенье ярости змеиной...
Сей полемической рутинной
Обстрелян я и окурен...
Зане и крепок и учен!

Полезен был Белинский многим,
Но только тем, кто вне его
Не умудрен ученьем строгим,
Не знал, не ведал ничего!

¹ Нововведение г. Погодина. До сих пор *несчастливыми* народ называл арестантов; г. Погодин распространяет эту привилегию и на пишущую братию.

² В подлиннике не объяснено — истории ли литературы или просто истории, по отрывкам из истории Карамзина, в христоматии помещенным.

Теперь пошло другое время...
И если молодое племя...
Еще досель ты бредишь им —
Казнись невежеством своим.

Он *имена* — не *сочиненья*
Своею речью *поражал*,
По теме заданной — *хваленья*
Или хулу он раздавал.
Задел он Вяземского князя,
Его слова обезобразя...
А вы боитесь стократ
Сказать, что был он виноват...

И по Белинского указу,
О витязей ничтожных рать!
Вы все, как будто по заказу,
Готовы каждого ругать —
Меня и Глинку, Хомякова,
Языкова и Шевырева,
Мильтона, Данте и других...
(Здесь трое не попали в стих.)¹

Он часто, истины не видя,
Народы целые казнил,
Друзей славянских ненавидя,
Меня раз сильно раздражил...
Меня уверить мнил лукаво,
Что там, где сила, там и право!²
Скажу сильнее, был он пуст...
(*Философом из третьих уст*).

Так вот каков был критик Данта.
Что ж вы-то? .. прихвостни его,

¹ Из лиц, по перечислению и выражению г-на Погодина, *обруганных* Белинским, а именно: г-да Виргилий, Бенедиктов и Марлинский.

² Это место несравненно сильнее в подлиннике. «До сих пор не могу я без негодования вспомнить, — говорит г. Погодин, — как он (Белинский), *ненавидя друзей славянских* (??), воскликнул, что сила составляет право, и если славяне находятся теперь под властью турок, то значит, что турки имеют право». Нам лично кажется, что если эти слова даже *буквально* Белинского, то г. Погодин не пожелал в них видеть того, что хотел сказать Белинский.

Его лишены таланта,
Вы чернь... и больше ничего!
Вы молоды... и что ж? вам милы
И пыль и тлен его могилы —
А это прах, а это мгла,
Уж жизнь иная расцвела!

Предохраните ж поколения
От подражания ему;
Его слова — и гниль и тленье
(По пониманью моему);
Ваш долг, всем одинако близкий,
Чтоб, *фетишизм* оставя низкий,
Моим глаголам чутко внять
И... Вяземского с ним сравнять!

Прочь, буйна чернь непросвещенна
И презираемая мной!..
Иль нет... вражда не есть почтенна
И отрицать — удел не мой.
Прочтя вам лекцию охотно,
Я ослабел... и мне моркотно...
Оставим старую вражду...
Не медлить! помните ж — я жду!..

Примечание. Печатаемая предлагаемый стиховный плод моей музыки, я должен объясниться, ибо иначе он будет непонятен... Стихи сии есть слабое предложение отрывков из поэтической статьи в прозе г-на М. П. Погодина, помещенной в 83 № «Сев<ерной> пчелы» и написанной для того, чтобы блистательно завершить целый ряд статей, вызванных юбилейным праздником князя П. А. Вяземского...

Вольное сие предложение позволил я себе, полагая, что мысли, заявленные почтенным профессором, несколько теряют от прозаической формы...

Отступая в некоторых частностях, я старался быть верным только общему тону отповеди г. Погодина; поэтому некоторые места вышли у меня сильнее, а некоторые слабее, чем в подлиннике...

Позволил я себе еще одну вольность... я уснастил сии стихи выражениями из другой статьи г. Погодина: «Грамотка», полагая, что такие слова, как *утоlochь*, *недреманно* и *протолокать*, введенные в живую речь г. Погодиным, не должны пропадать для потомства... Может быть, некоторые из читателей не знают, что такое «Грамотка» г. Погодина?..

Я сам сильно бы затруднился объяснить, что это такое и к разряду каких литературных форм должно ее отнести, если бы меня не выручил особенный случай...

Гуляя недавно по мосткам Летнего сада в то время, когда между ними северкал еще снегу девственною белизною, т. е. тогда, когда петербургское человечество только и гуляет в Летнем саду, я был случайным свидетелем следующей сцены...

Навстречу изящно одетой дамы, шедшей с ребенком, прекрасным как херувим, говоря выражением романов старого времени, — шла пожилая женщина. Должно полагать, что она некогда находилась в услужении у этой дамы. Встретив свою прежнюю барыню, эта женщина видимо обрадовалась и приветствовала ее так: «Здравствуйте, сударыня!» Потом вдруг присела на корточки и, сделав сладкую мину, сказала девочке: «Здлствуйте, здлствуйте, моя миленькая барышня!..»

Грамотки г. Погодина — суть статьи, обращенные к народу... в которых он говорит народу: «здлствуйте!..»

Нельзя же предположить, если бы это было иначе, чтобы г. Погодин позволял себе серьезно говорить, например, так: «Есть у нас привычка недобрая — браниться непристойною бранью, с позволения сказать. Ох, друзья, куда это как нехорошо! Надо отвыкать от этой нехорошей привычки. Толкуйте бабам, чтобы они сызмаленька детей учили остерегаться ее, и виноватых с первого слова за ви-хор!»¹ (Здлствуйте!)

Или:

«Смирение — раз, трудолюбие — два, бережливость — три, а четвертое дело... знаете ли что, братцы, — *ученье*».²

Таких «здлствуйте» в грамотках г. Погодина весьма изобильно!.. В статье, пробудившей наше влдохновение, г. Погодин обращается уже не к народу, а к литературной *когорте*, говоря его выражением, но сохраняет тот же прием... говорит с нею докторально, свысока, по-профессорски, не допускает в ней никакого знания и говорит, что вся мудрость молодых современных писателей почерпается только из сочинений Белинского да из христоматии Галахова (?!), и первому обязаны они своим знанием *теории*, а второй (христоматии!) знанием *истории*...

Наговорив молодому поколению пишущих кучу любезностей, он прибавляет под конец, что все это написано им в видах примирения: «Не хочу, впрочем, кончить своей статьи в отрицательном настроении и подаю слово на мир: оставим старые дрязги и обветшалые предубеждения. Забудем прошлое. Кто старое помянет, тому глаз вон. Начнем новую жизнь, в новой нашей атмосфере, жизнь любви и согласия!»

Понятно, что мы позволили себе сформировать в стихи последнее слово вражды и первый шаг к примирению г-на Погодина с молодым поколением пишущих.

1861

¹ Грамотка г. Погодина, «Русский мир», № 28, стр. 522.

² Ibid.

ДЕВА И ЖРЕЦЫ

(ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СЦЕНА ВРЕМЕН ДОИСТОРИЧЕСКИХ)

Действие — в капище, посвященном Эскулапу.

Д е в а

Отцы-целители и столпники науки,
Пред сонм ваш жреческий предстать дерзаю я
И с кроткою мольбой к вам простираю руки...

В е р х о в н ы й ж р е ц

Post hoc¹ поведай нам, о чем мольба твоя...

Д е в а

Надежда робкая и твердое желанье
Направили, отцы, мои стопы сюда.
Сознала я в себе высокое призванье,
Мне тяжело жизнь влачить без пользы и труда!
С младенчества глядеть я не могла без муки
На горе страждущих, на бедствия людей
И просветить хочу свой разум днем науки,
Чтоб быть полезною им помощью моей...
Хочу, целители, учиться медицине.
Хочу трудиться я... и после быть врачом...

В е р х о в н ы й ж р е ц

(строго)

Держите вашу речь в сем храме по-латыни,
По-русски не пойму, вы просите о чем...

¹ После этого, затем. (Лат.) — *Ред.*

Д е в а

Увы! я языком Галена не владею.
Но просьба так моя понятна и проста...
Я в жизнь хочу внести известную идею,
Что дверь научная напрасно заперта
Для женщины рукой обычая фатальной...
Пора, давно пора рассеять этот мрак!..

В е р х о в н ы й ж р е ц

Ты хочешь бабкою быть, верно, повивальной,
Иначе речь твою я не пойму никак...
Что ж? смело хоть сейчас беритесь за работу,
Диплом экзамена у нас бывает мздой,
Экзамен в капище сем каждую субботу
Во весь учебный год идет своей чредой...

Д е в а

Нет, смысл мольбы моей понять вы не хотите.
Я знания ищу — хочу природу знать,
Меня на лекции вы только допустите,
А лекарский диплом от вас зависит дать,
Когда, окончив курс науки человека,
Своими знаниями его я заслужу...

В е р х о в н ы й ж р е ц

Таких безумных слов я не слыхал от века,
И смысла здравого я в них не нахожу...
Смешно опровергать нам просьбу вашу, право...
Для женщин нет еще у нас врачебных мест...
Лечить, сударыня, больных — мужское право!..

(Обращаясь к жрецам.)

Nos verbum virginis, eheu! absurdum est!

О д и н и з ж р е ц о в

Eheu!

В т о р о й ж р е ц

Me Hercule! ¹

¹ — Увы! слова девы бессмысленны! — Увы! — Клянусь Геркулесом! (Лат.) — Ред.

Третий жрец

Scandala medicinae! ¹

Какого зрелища свидетелем я ныне! . .

Общие рыдания.

Верховный жрец

(звонит для произведения спокойствия)

Не время вздохами и жалкими словами
Нам гнев свой выражать на деву, о жрецы!
Рассудим об всем спокойно, между нами,
Составимте совет. . . и пусть во все концы
Молва народная несет решенье наше. . .
Пусть в даль грядущую веков оно пройдет. . .
Скажите, например, Бомбастус, мнение ваше,
А после прочие сочлены в свой черед. . .

Бомбастус

Я, с ясностью своей взглянув обыкновенной,
В словах бесхитростных то мнение изложу:
В мольбе бессмысленной сей девы дерзновенной
Злоумышление я прямо нахожу. . .
Сим наглым стимулом, невиданным афронтом,
Собратья! поражен я более вас всех. . .
Клянусь Фалесом я, Драконом и Гельмонтом:
На нашу практику свершается набег!
Не верьте в женщинах стремлению к науке!
И если деву мы допустим быть врачом,
Погибнем с голоду и мы и наши внуки. . .
Без славы, без больных, оставшись ни при чем. . .

Хор жрецов

В словах Бомбастуса высокой правды много.
Pro Dei pominis ² — сомненья в этом нет. . .

Верховный жрец

Итак, о женщина! иди своей дорогой. . .
Вот на мольбу твою единственный ответ. . .
Скорее удались! . .

Деву уносят из храма.

¹ Скандал для медицины! (Лат.) — *Ред.*

² Во имя бога. (Лат.) — *Ред.*

А мы об этом диве
Еще недели три подумаем слегка,
Составим протокол — и *tabulae votivae*¹
Его перенесут в грядущие века!

1862

¹ *Tabula votiva* (лат.) — табличка с надписью или изображением, которую в древности вывешивали в храме — в исполнение обета и в благодарность божеству за избавление от смертельной опасности. — *Ред.*

ДУРНЫЕ ВЕСТИ

Тяжесть какая-то жить не дает...
Каждый день вести дурные несет...
Умер один, застрелился другой,
Этот во гробе одною ногой,
Этот исчез. А ведь нет и недели,
Как и еще одного мы отпели
И опустили на вечный покой...
Что ж это? воздух ли нынче такой?..

Время ль такое для нас подошло?
Стало ли жить всем невмочь тяжело,
И от страданий и слез пролитых
Даже нет силы дышать у живых?..
Просто не веришь, на самом ли деле!
И утешаешь себя: не во сне ли...
Только нет мочи от горьких вестей,
Да и кругом всё пустей и пустей!..

Или всегда уж на свете так было,
Или так нужно, чтоб юность и сила,
Жажда свободы и творческий труд
В ранних гробах находили приют?
Что ж?.. покоряясь бесстрастной судьбе,
Тихо угаснем в неравной борьбе...
С верой, что вызовут наши гробы
Новое племя для новой борьбы.

<1862>

УТЕШЕНИЕ В РАЗЛУКЕ

(ДУЭТ НА ГОЛОС: „ПЛОВЦЫ“)

По реке вниз по широкой
(Говорить не нужно где)
Взятку гонят в край далекой
Изменения в суде.

Река шумит,
Река ревет,
Власы чиновник
На бреге рвет:
Сердит и страшен,
И злобы полн,
Глядит, как взятку
Уносит челн! ..

Чиновник

(тенор)

О друг души моей, прощай! ..

Взятка

(дискант)

Дитя! утешься, не рыдай!
Не верь в беду, пока прогресс
Еще для многих — темный лес. . .

Чиновник

Ах! как не верить мне, когда
Нет больше старого суда. . .
И чтоб тебя увидеть вновь. . .

В з я т к а

Уменье нужно и любовь:
Умей в суде
Найтись в беде,
Всех — провести,
Меня — ввести! . .

Ч и н о в н и к

Но как? . . Но как? . .

В з я т к а

Ты не дурак. . .

Ч и н о в н и к

Совет подай. . .

В з я т к а

Изобретай!!!

Река шумит,
Река ревет —
Но уж чиновник
Волос не рвет. . .

Ч и н о в н и к

Помедли, друг! не уезжай! . .

В з я т к а

Довольно выть! домой ступай!
Уже тебе сказала я:
Найтись умей — я вновь твоя.

Ч и н о в н и к

Но как найтись? . .

В з я т к а

Лишь не ленись. . .
И вновь вдвоем
Мы в жизнь войдем. . .

Чиновник
Войдем? .. прости...

Взятка
Войдем! .. прощай! ..

Чиновник
Изобрести?!!! ..

Взятка
Изобретай!!! ..

1862

ЧЕРТИ
(СОВРЕМЕННАЯ БАЛЛАДА)

I

«Засни, дитя, Христос с тобой,
 Что хныкать без ума!
Поди-ко, поздно — час второй,
 Пристала я сама...
Ишь, разбудила ты меня
 Как есть на первом сне,
Да из-за этого огня
 Достанется и мне!
Не увидала бы *мадам*,
 Что не изволишь спать,
Того гляди — проснется *сам*,
 Почнет весь дом ругать...»

II

— «Так что же, нянюшка, свечу
 Недолго загасить,
Но, хоть тихонько, я хочу
 С тобой поговорить...
Мне горько, тяжело невмочь,
 И слезы давят грудь,
Сегодня вот — седьмую ночь
 Я не могу заснуть.
Кругом — повсюду пустота,
 И жизнь мне немила,
Ну, словом, я совсем не та,
 Какой всегда была!

III

Поближе, дорогая, сядь,
Дай руку мне свою,
Хочу тебе я передать
Всю исповедь мою...
Мне больше не с кем говорить,
И кто вокруг поймет,
Что горе мне мешает жить
И спать мне не дает...
И что для сердца моего
Ни в чем отрады нет,
Одна печаль — хоть мне всего
Шестнадцать только лет!..

IV

Ты помнишь, няня, что весной
Хворала долго я?..
Из пансиона взял домой
Тогда отец меня...
Но как из лавки день-деньской
Он не выходит сам —
Со мною быть, смотреть за мной
Он пригласил мадам,
Тогда же, через день, ходить
К нам в дом учитель стал...
Чтоб мне наук не позабыть,
Отец его нанял...

V

Студент... выдаешь ты его;
Он беден так, что страх:
Ах! мать слепая у него
И сестры — на руках...
Но очень добр он и умен
И должен много знать,
Как хорошо умеет он
Мне все растолковать!

Из слов его так много я
Узнала, поняла,
Что, видишь, няня, мысль моя
Работать начала...

VI

Я стала думать и читать —
Он книжки мне носил,
И дом наш, няня... что скрывать,
Мне сразу опостыл...
Не он сказал мне — я сама
Додумалась о том,
Что здесь один обман и тьма,
Позор да ложь кругом!
Недаром мать, в чахотке злой,
Так рано умерла...
Она в темнице золотой
Неволи не снесла...»

VII

Но слезы дальше продолжать
Рассказа не дают...
Старухе-няньке не понять,
Какая притча тут!
Ей жалко девушку бранить,
Но зло ее берет,
Что научил дитя блажить
Учитель-верхолет.
Целует девушку... кропит
Ее водой святой...
И над заснувшею ворчит
С досадой и тоской:

VIII

«Ишь, черти, господи прости,
Вотрутся в честный дом,
Начнут недоброе нести,
Поставят все вверх дном!

Совсем голубку изведет,
Красавицу мою,
Пусть только завтрава придет —
Ему я напою! ..
Иль, даже лучше, *самому*
Все утром передам.
Тебя он выучит уму,
Как сгонит по шеям!»

<1863>

НАСТРОЙЩИК

Спеши, настройщик, за работу!
Здесь, видно, ждут гостей опять...
Из фортепьян за нотой ноту
Садись тоскливо выбивать!
Забудь на время в этом зале,
Что снег и холод на дворе...
Приладь свой ключ... нажми педали...
До-ре, до-ре.

Ишь, как все клавиши разбиты, —
Усердно, зная, тапер играл,
Со злостью колотил, поди ты.
Шесть струн, сердечный, оборвал...
Бедняк, как я, зная, голь из голи!
Оденься сам... семью корми!
Забарабанишь поневоле!...
До-ре, ре-ми!

Не больно сладок нам с тобою
Наш хлеб! хотя и то опять —
Таперу праздничной порою
Дают где *три*, а где и *пять*...
Нам тяжелей — как мест немного...
Полтинник... — вот и вся лафа,
Так и за тот прославишь бога...
Ре-ми, ми-фа!

Всю жизнь в борьбе с нуждой суровой.
Чуть не без крова в сорок лет.

А все горишь досадой новой,
Как вспомнишь юношеский бред...
Давно прошли все грезы эти,
Зачем же снова в сердце боль!..
«Вот, — думал, — буду Доницетти...»
Ми-фа, фа-соль!..

Нет, знать, когда, как фортепьяно,
Жизнь душу угодит разбить...
Во сне лишь только или спяна
Еще счастливым можно быть!
Без жалоб глупых до могилы,
Бедняк, свой тяжкий крест неси...
Погибли молодые силы!..
Фа-соль, ля-си...

Кто это отпер дверь столовой?..
Никак там фрукты, ананас...
Десерт для вечера готовый...
Такие блага не про нас!..
Ах! не прошло еще недели,
Как я, с женою и детьми,
Два дня без хлеба просидели...
Си-до, ре-ми!

<1863>

ПЗ ЦИКЛА „ПАРИЖСКИЕ ОДЫ“

1

ОДА НА „НЕГО“

Lui, toujours lui! . . .¹

«Он! всюду Он!» — как тот Наполеон,
Собой Гюго когда-то вдохновивший,
Во всем, везде, повсюду виден Он,
На все, на всех свой гений наложивший!
Во всем Его с восторгом тайным зрю,
Везде Его я мыслью прозреваю. . . —
На новые ль казармы посмотрю,
Зуава ли на улице встречаю. . .
Дивлюся ли бульваров широте,
Заслышу ль звук знакомый барабана,
Шевара ли замечу в тесноте,
Следящего глазами Жан Вальжана!
Услышу ли случайно, как Сенат
Любой вопрос в стенах своих решает,
Войду ль порою в Люксембургский сад,
Где тишь да гладь. . . Его напоминает!
Сижу ль в кафе с газетою в руке
И новый в ней «авертисман»² замечу,
Иль, господи прости, communique³
В одном столбце два раза сряду встречу, —

¹ Он, всегда он! . . (Франц.) — *Ред.*

² Avertissement (франц.) — уведомление, объявление, предупреждение. — *Ред.*

³ Правительственное сообщение. (Франц.) — *Ред.*

Он, всюду Он, опять и снова Он,
Французам ум и волю заменивший. . .
Он, наглухо, на все, со всех сторон,
Как бандероль, свой гений наклеивший! . .

1863

2

ОДА НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФРАНЦИИ

Ты ль это, Франция, о коей с юных лет
Наслушался я столько разных страхов
(В те дни, когда еще о жителях планет
Своих словес не изрекал нам Страхов)?
Ты ль предо мною, буйная страна,
С конвентами, народом, гильотиной,
Европы вождь. . . будивший ото сна
Все, что кругом баюкалось рутиной!
Где без боязни гражданин-герой
На плаху шел за мысль свою когда-то, —
Мой детский сон смущавшая порой
Неотразимым образом Марата! . .
Где после дважды черни страстный крик
На баррикадах грозно раздавался,
А дряхлый мир — глухой, слепой старик,
Дрожа за жизнь, от ужаса терялся! . .
Ты ль предо мной! . . иль прошлой славы сон
Навеки свеян чутким Аквилоном. . .
И сам Париж — сей буйный Вавилон —
Стал в наши дни — *клубничным*

Вавилоном! . .

Канкан, канкан, опять и вновь канкан,
Горят огнем *широкие* бульвары,
Весь день гремит и стонет барабан,
Снуют толпой усердные мушары. . .¹
И сладко мне! я вижу, победил
Рассудок — черни дикие мечтанья.
И буржуа надежно оградил
На долгий ряд годов свои стяжанья. . .
Так пусть прошедшее французов в наши дни

¹ Mouchards (франц.) — шпионы. — *Ред.*

Шальной поэт на жалкой лире славит...
Его мальчишки слушают одни!
Солидный взгляд — его мечты раздавит!
Пускай поет!.. что было — то прошло...
Утопий вздорных не вернуть стихами,
Прошедшего все ужасы и зло
Давно Скарятин доказал статьями,
Ему поверь... бессилье тщетных слов
Он жизненным узнал экспериментом...
И в оны дни за это сам Катков
Его держал своим корреспондентом!

1863

В РЕСТОРАНЕ
(В ПРОШЛОМ ГОДУ)

— Мальчик! карту! два прибора,
Джину, пирожков. . .
Ну-с, так вновь для разговора
С вами я готов.
Увеличивать напрасно
Незачем беду;
Верьте, жрут они прекрасно
Мох и лебеду. . .
Дай сюда! . . составлен глупо
Нынче ваш обед,
Дайте просто: устриц, супу,
С зеленью котлет,
Да пулярку пожирнее
Или. . . каплуна. . .
Каплуна! . . каплун вернее.
Карточку вина!

Вы напрасно всё поете,
Что мужик забит. . .
Вот и карта. . . что вы пьете —
Нью или лафит?
Или белого хотите?
Если все равно,
Так лафиту. . . но смотрите,
Подогреть вино.
В три рубли! зачем? оставьте:
Moі, je paus¹ весь счет.

¹ Я плачу. (Франц.) — *Ред.*

Да бутылки две поставьте
Редереру в лед!
Finissez donc¹ ваши речи,
Вас я не хочу
Разорять для нашей встречи
И за все плачу. . .

Вот и джин. . . цапапнем, что ли?
Настоящий он. . .
Не от голода, от воли
По России стон!
Я проездом видел, точно,
Есть кой-где беда,
Но зато ведь как порочна
Грубая среда!
Пьянство, буйство, лень повсюду,
Лишь на злое прыть;
Как же, спрашиваю, худу
В наши дни не быть?
Изленились — так за это
Кое-где и мрут,
Остальное всё газеты
Из злорадства врут.
Franchement,² я враг до смерти
Мнений через край,
И у нас не голод, верьте,
А неурожай. . .

1868

¹ Кончайте же. (Франц.) — *Ред.*

² Откровенно говоря. (Франц.) — *Ред.*

ПАРОВАЯ ГИЛЬОТИНА
(НА МОТИВ ДЖУСТИ)

Hanno fatto nella China
Una macchina a vapore
Per mandarla guigliottina;
Questa macchina in treore
Fa la testa a centomila,
Messi in fila.

(La guigliottina a vapore)¹

Что Китай — страна застоя
Повторяет целый свет.
Заблуждение пустое!
В нем на каплю правды нет!
Я, напротив, твердо знаю,
Что в прогрессе ни одна
Не ушла вперед Китая
Европейская страна.

Зоркий гений «сына неба»
Там избавил от забот
Чтущий власть превыше хлеба
Неиспорченный народ,
И охраной просвещенной
Бдит над обществом закон,
А недавно премудренный
Аппарат изобретен.

¹ В Китае построили паровую машину, которая приводит в движение гильотину. Эта машина в три часа лишает головы сто тысяч человек, расположенных по одной линии. (*Паровая гильотина*). (Итал.) — *Ред.*

Остроумная машина
(При пособии паров)
Режет, будто гильотина,
Сразу тысячи голов.
И притом такое чудо —
Устрашения людей
Перевозится повсюду
Только парой лошадей.

И умно и дальновидно!
А бранит Китай — поди ж —
Вся Европа, где постыдно
В наши дни сожгли Париж,
Где правители «льют слезы»
Из-за «камней крепостей»
И наводят митральезы
Против женщин и детей,

Где войска, как в лихорадке,
Кровь людскую льют ручьем,
И расстреливать десятки
Тысяч стало нипочем...
Где под звуки барабана
Мир дивит геройство вновь
И воителей Седана
И Базена «женихов».¹

Пусть стратегикам Версали
Трудно чести не отдать...
Отличились!.. но едва ли
Все же им Китай догнать!
Вот когда бы гильотины
Новой знал Версаль секрет,
Прогрессивнее картины
Мог свидетелем быть свет!

1871

¹ Известно, что в числе аргументов для объяснения сдачи Меце Базен приводил необходимость «сохранить для Франции женихов»

Честным я прожил певцом,
Жил я для слова родного.
Гроб мой украсьте венком!
Трудным для дела благого
В жизни прошел я путем.

Пел и боролся со злом
Силой я смеха живого...
Гроб мой украсьте венком!
Трудным для дела благого
В жизни прошел я путем.

<1876>

НЕКРАСОВ

«Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ,
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет!»
Так о себе в час скорбного волненья
И тягостной борьбы с самим собой
Сказал поэт народного терпенья,
Теперь уже отшедший в мир иной,
Когда просил, сознав, что непогодам
Противиться в нем силы сломлены,
За каплю крови, общую с народом,
Он родину простить его вины.
И — он свершил вполне свое призванье,
Он к страждущим — сочувствие привлек,
Расслушал стон народный и рыданья
И в звуки их могучие облек,
И осветил народа путь тернистый
Сознания лучами... этот свет
В грядущем мрак рассеет ночи мгlistой,
Все сбудется, о чем мечтал поэт!
Недаром с музой мести и печали
Он пережил всю скорбь страны родной,
Недаром песни все его звучали
Такой глубокой правдой и тоской!

Да почит же в мире! . . Увлеченья
Все музою его искуплены,
И не зачет, поняв его значенье,
Никто за ним и никакой вины.

5 января 1878 г

〈ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО〉

Мы все живем и все не знаем,
Зачем судьба нам жизнь дала?
Добра ли ждать нам или зла,
К чему идем, чего желаем,
За что в незнании умираем
Без сил на светлые дела!

Суди ж, моей виновник доли,
Меня за все дела мои!
Ах! лучше б дети не росли,
Которые, родясь в неволе,
Позор тебе же принесли.

1858

К МУЗЕ

(П Э Т. ШЕВЧЕНКО)

И ты, прекрасная, святая,
Подруга Феба молодая,
Меня в объятия взяла
И, с колыбелью разлучая,
Далеко в поле отнесла!
Там на могилу положила,
Туманом сизым обвила...
И на раздольи ворожила
И петь и плакать начала!..
То были чары... чаровницы!
Везде и всюду с этих пор,
Как светлый день, как луч денницы,
Горит на мне твой дружный взор!

В степи безлюдной, вдалеке
Блистала ты в моей неволе
В моем страдальческом венке,
Как пышный цвет сияет в поле!
В казарме душной... надо мной
Ты легким призраком носилась,
И мысль тревожно за тобой
На волю милую просилась!
Золотокрылой, дорогой
Ты пташкой надо мной парила,

И душу мне — живой водой
Ты благотворно окропила!

Пока живу я — надо мною
Своей небесною красою
Свети же, зоренька моя!
Моя заступница святая,
Моя отрада неземная,
Не покидай меня! В ночи,
И ясным днем, и вечерами
Ты людям истину учи
Вещать нелживыми устами.
За край любимый, край родной
Мне помоги сложить молитву
И в самый час последний мой,
Как я закончу жизни битву,
Не покидай меня — пока
Последний свет в очах не сгинет,
Поплачь о мне хотя слегка,
И пусть тогда твоя ж рука
И горсть земли на гроб мой кинет! . . .

1860

ИСКОПАЕМЫЙ ЧЕЛОВЕК

(ИЗ Д. ДЖУСТИ)

Вот в красе своей всецелой
Допотопный идиот,
Экземпляр окаменелый
Исчезающих пород.
Он в безделье и досуге
Дни проводит напролет
И, вращаясь в светском круге,
Пьет и курит, ест и врет.

Пуст душой, но сложен плотно,
По подобию быка,
Он десятки лет охотно
Роль играет мотылька.
Вечно с дамами любезно
Светский вздор им городит
И бесплодно, бесполезно
Только землю тяготит.

Умирая сам от скуки,
Он — стране своей чужой,
Презирает он науки,
Называя их чумой;
Но за это без умолку
По часам толкует он,
Не без чувства, не без толку,
О покрое панталон.

За любовное свиданье
Он отдать бывает рад
Совесьть, честь и состоянье
И идти хоть в самый ад.
Пусть кипит и жизнь и пресса
В вечном шуме вокруг него —
В них нисколько интереса
Он не видит своего.

Только в лени, только в неге
Да в обжорстве он силен
И в невежества ковчеге
От житейских зол спасен;
Но хотя от древа знанья
Не отведал он плода,
Жизнью разные познанья
Приобрел он без труда.

В удовольствиях охоты
Зоологию узнал
И, уплачивая счета,
Математиком он стал;
В ресторанах титул лестный
Гастронома заслужил
И практически — известный
Ряд рецептов изучил. . .

Он искусства мир в балете
Изучил со всех сторон;
Королей начтет в пикете
До четырнадцати он.
С географией немало
Он трущоб ночных знаком,
И в истории. . . скандала
Всеми признан знатоком.

ПЕТР ВЕЙНБЕРГ

ПЕТР ВЕЙНБЕРГ

Петр Исаевич Вейнберг родился 16 июня 1831 г. в Николаеве, в семье нотариуса. В том же году семья переехала в Одессу. Вейнбергу не было и пяти лет, когда его отдали в пансион известного впоследствии педагога В. А. Золотова; затем он учился в гимназии при Ришельевском лицее и на юридическом факультете лицея. В отличие от пансиона, о котором у Вейнберга сохранились прекрасные воспоминания,¹ в лицее господствовали рутинная и формалистическая атмосфера. В 1850 г. Вейнберг перевелся на историко-филологический факультет Харьковского университета, который и окончил через четыре года.

После окончания университета он попал в Тамбов, где служил чиновником особых поручений при губернаторе К. К. Данзасе и редактировал неофициальную часть «Тамбовских губернских ведомостей». «Здесь пробыл я три года, — писал Вейнберг в своей автобиографии, — и до сих пор не могу вспомнить без содрогания об этом времени глупого, праздного и бесцельного существования, которое совсем бы засосало меня, если бы я не вырвался из него».²

Началом своей литературной деятельности он считал перевод драмы Жорж Санд «Клоди», напечатанной в 1851 г. в «Отечественных записках» без имени переводчика. В 1854 г. в Одессе вышла небольшая книжка «Стихотворения Петра Вейнберга», в которой были собраны переводы из Горация, А. Шенье, Гюго, Байрона и несколько оригинальных стихотворений. Наконец, в 1856 г. Вейнберг впервые выступил в большом столичном журнале; он послал

¹ См. П. Вейнберг. Из моих школьных воспоминаний. — «Русская школа», 1890, № 8.

² «Минувшие годы», 1908, № 8, с. 173.

Каткову несколько своих стихотворений, а тот, приняв их за переводы, напечатал в «Русском вестнике» под заглавием «Из Гейне».

Для характеристики политических настроений Вейнберга в первые годы царствования Александра II нужно отметить его сотрудничество в «Колоколе» Герцена: в конце 1858 г. он поместил там гневное обличительное стихотворение «Иакову Ростовцову в день его юбилея», в котором заклеил предательскую рсль Ростовцова в деле декабристов, а его юбилей назвал «стыдом России».

В 1858 г. Вейнберг переехал в Петербург и быстро сблизился с литературными кругами. Он стал активно сотрудничать в «Библиотеке для чтения» (причем во время редакторства А. В. Дружинина был его помощником), «Современнике», «Сыне отечества», «С.-Петербургских ведомостях», где печатались его стихи, переводы и статьи. Сразу же после переезда в Петербург Вейнберг выступил и как юморист — в журнале «Весельчак» появились его большой стихотворный цикл «Мелодии серого цвета» и серия фельетонов «Жизнь и ее странности».

В 1861 г. Вейнберг редактировал еженедельный журнал «Век». Журнал не имел успеха и доставил ему немало огорчений. Вейнберг напечатал в «Веке» бестактный фельетон о некоей Е. Э. Толмачевой, которая-де, нарушив все правила благопристойности и нравственности, прочитала на литературном вечере в Перми «Египетские ночи» Пушкина. Фельетон этот вызвал резкие нарекания со стороны радикальной журналистики. Уже в старости Вейнберг сделал попытку оправдаться — этому эпизоду посвящены его воспоминания «Безобразный поступок „Века“». ¹

«Век» не принес Вейнбергу ничего, кроме долгов, и для их ликвидации он принужден был поступить на службу в Главное интендантское управление. «Здесь тяжелый литературный труд в разных журналах, — читаем в его автобиографии, — который я должен был нести и для существования и для уплаты долгов, чередовался у меня с докладами о заготовлении фуража для разных пехотных и кавалерийских полков и о тому подобных предметах».

Кроме указанных выше журналов, Вейнберг в 60-е годы сотрудничал в «Русском слове» (где до середины 1863 г. редактировал библиографический отдел), в «Гудке» 1862 г., «Иллюстрации» и др.

В «Искре» Вейнберг сотрудничал с самого ее возникновения вплоть до 1866 г. Он печатал в ней оригинальные стихи — преимущественно юмористические, переводы, обличительные фельетоны

¹ «Историч. вестник», 1900, № 5.

против откупщиков, цикл фельетонов «Выдержки из памятной книжки старшего чиновника особых поручений „Искры“» и т. д. и т. д. В первые годы существования «Искры» Вейнберг не только принадлежал к числу ее ближайших сотрудников, но и принимал участие в редакционной работе. О своем сотрудничестве в «Искре» Вейнберг вспоминает в упомянутой выше статье «Безобразный поступок „Века“». Уже одно из первых его стихотворений, появившихся в «Искре», — «На Невском проспекте» — вызвало негодование «властей предержажших». И впоследствии его произведения не раз привлекали к себе внимание цензуры.

Большинство своих юмористических стихотворений Вейнберг печатал под очень известным в свое время псевдонимом «Гейне из Тамбова». В 1863 г. он издал их отдельным сборником «Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова».

В 1866—1867 гг., после ухода из «Искры», Вейнберг заведовал литературным отделом другого сатирического журнала — «Будильника». В середине 60-х годов он предпринял также издание полного собрания сочинений Гейне в переводах русских писателей.

Хотя и в 60-е годы демократические взгляды Вейнберга не отличались глубиной и последовательностью и он примыкал к наиболее умеренному крылу искровцев, однако подъем общественного движения оказал на него в этом отношении существенное воздействие. В дальнейшем Вейнберг быстро эволюционировал к либерализму. О нем довольно язвительно сказал И. И. Ясинский: «Как были утопические социалисты, так были и утопические либералы. Петр Исач был певцом такой утопической свободы».¹

Годы 1868—1874 Вейнберг провел в Варшаве, заведывая кафедрой русской литературы в Варшавской главной школе, а затем, когда она была преобразована в университет, и в университете. В годы своего пребывания в Варшаве он, повидимому из материальных соображений, редактировал официозный «Варшавский дневник», что вызвало ряд сатирических откликов в «Искре». В Варшаве Вейнберг написал ценное исследование «Исторические песни об Иване Грозном».

Вернувшись в Петербург, Вейнберг продолжал вести и литературную и педагогическую работу. В течение пятнадцати лет он читал историю русской и всеобщей литературы на женских педагогических курсах, с 1887 г. состоял приват-доцентом Петербургского университета по кафедре всеобщей литературы, преподавал на драматических курсах театрального училища, читал публичные лекции на литературные темы в Петербурге и в провинции.

¹ И. И. Ясинский. Роман моей жизни. М.—Л., 1926, с. 252.

Вейнберг сотрудничал в «Отечественных записках» Некрасова и Щедрина, «Деле», «С.-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша, «Неделе», «Биржевых ведомостях», «Стрекозе» и других журналах и газетах.

В 1883—1885 гг. он издавал журнал «Изящная литература», посвященный преимущественно переводам лучших произведений иностранной литературы, и в разные годы составил несколько сборников для школы и самообразования: «Европейский театр», «Русские писатели в школе», «Русская история в русской поэзии», «Европейские классики» и пр.

В последние десятилетия своей жизни Вейнберг был широко известен как литературно-общественный деятель: он принимал близкое участие в Союзе писателей, состоял председателем Литературного фонда, был организатором литературных чтений, юбилейных чествований и пр. В 1905 г. он был избран почетным академиком. Умер Вейнберг 3 июля 1908 г.

Вейнберг был одним из лучших и плодovitых переводчиков XIX века. Из немецких писателей он переводил Гейне, Берне, Гете, Шиллера, Фрейлиграта, Гервега, Гуцкова, Лессинга, Ленау, Фаллерслебена, из французских — Гюго и Барбье, из английских — Шекспира, Байрона, Шелли, Шеридана и др., способствуя ознакомлению с ними русских читателей. Той же задаче служили и его статьи, собранные в книге «Страницы из истории западной литературы» (1907).

Из оригинального творчества Вейнберга наименее интересна и самостоятельна лирика, лишь немногие образцы которой отличаются подлинным поэтическим чувством. Зато остроумные сатирические и юмористические стихотворения пользовались в свое время успехом, а лучшие из них и до сих пор не потеряли известной ценности.

ПАКОВУ РОСТОВЦОВУ

В ДЕНЬ ЕГО ЮБИЛЕЯ, 23 ДЕКАБРЯ 1856 ГОДА

Когда деспот от власти отрекался,
Желая Русь, как жертву, усыпить,
Чтобы потом верней ее сгубить, —
Свободы голос вдруг раздался,
И Русь на громкий, братский зов
Могла б воспрянуть из оков.

Тогда, как тать ночной, боящийся рассвета,
Позорно ты бежал от друга, от поэта,
Взывавшего: «Грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
Принять я на душу готов,
Лишь только б русскому народу
Вновь возвратить его свободу!»

Ты убежал! Куда ж? — В Аничковский дворец.
И приумножил ты грехи жидов, сарматов,
Отступничество униатов:

Ты деспоту скрепил шатавшийся венец.
И как презрительна, подла твоя услуга!
Ты указал ему на друга,
По пальцам жертвы сосчитал;
Деспот их всех арестовал,
И пала русская свобода,
И друг твой — честь, краса народа —
Повис на петле роковой! . .

Скажи, ужель ни в размышленьях,
Беседах с собственной душой,
Ни покаянья в час святой,

Ни даже в темных сновиденьях
Ни разу ты не вспоминал,
Как друг твой в воздухе качался,
Как он весь корчился, дрожал
И как мучительно скончался?
Ужель тебе глас совести твоей,
Во весь период долгой жизни,
Ни разу не шепнул, что ты — злодей,
Продажный враг своей отчизны! . .

Печальных две картины знаю я:
В одной — ты сам; рука твоя
Рылееву сжимает руку;
В другой — Иуда, во уста
Лобзающий Христа:
И друг и ученик равно ведут на муку! . .
Но нет! С Иудой не сравню
И душу черствую твою.
В раскаяньи Иуда удавился,
А ты всегда своим предательством гордился,
И возвышал тебя деспот
Как самовластия и подлости оплот.
Потом, чтобы не дать опомниться народу,
Чтоб окончательно убить его свободу,
Он поручил тебе воспитывать детей!
Сынам России благородной
Он указал идти твоей тропой позорной,
Сосать млеко души твоей,
Души безнравственно-глетворной!
Ты долг свой выполнил пред деспотом-царем:
Программы всех наук раздуты пузырем,
Подчинены науки барабану,
В младенчестве задавлен человек,
И ход открыт бездушному болвану;
Умы отдвинуты назад на целый век,
А нравы чистые, а чувства семьянина,
А долг и доблесть гражданина
Убиты наповал! . .
Теперь, исполненный отваги самохвал,
Ты вздумал сам себя потешить юбилеем:
Ты приказал своим лакеям,
Чтоб в честь твою они задали пиршество.

Чтоб каждый, позабыв нужду свою, злодейку,
На пир твой отдавал последнюю копейку
И восхвалял тебя как будто божество!
Но ты забыл: дела и помыслы людские
Рассудит бог, узрит потомства верный взор.
 Твой юбилей есть стыд России
 И человечеству позор.
Придет пора — и летопись науки
Предаст тебя проклятью, Герострат,
И от тебя твои родные внуки
Откажутся не трижды, но стократ!

Печально я брожу по Невскому проспекту...
Как полон жизни он! как много в нем эффекту!
Бездельники, дельцы, народ мастеровой
Проходят и снуют по звонкой мостовой.

В коляске щегольской проносится красotka,
Гвардейца-молодца мчит узкая пролетка,
Линейку подает желающим лихач,
Плетется омнибус на паре тощих кляч.

Гуляющей толпой пестреют тротуары,
Там саблями стучат красивые гусары,
С лорнеткой на носу проходит дипломат,
Обнявшись с бабою, качается солдат.

Чиновники, купцы, швеи, кавалергарды,
Прически à l'anglaise,¹ усы и бакенбарды,
И львы лохматые, и франты без волос —
Все в массу пеструю, жужжащую слилось.

А я — один в толпе, потерянный, забытый,
В заплатанном пальто, нечесанный, небритый,
Брожу, — и с злобою глаза мои глядят
На всех, кто сыт, обут, и весел, и богат.

К чему мне Доминик, и Вольфы, и Рабоны?
И в окнах у портных жилеты, панталоны?
К чему мне это все, когда карман мой чист,
И ходит только в нем зловещий, вечный свист?

¹ На английский манер. (Франц.) — *Ред.*

Громадный Петербург, как ты хорош в то время.
Когда души не жмет забот житейских бремя,
И как противен ты, и как болит душа,
Когда в кармане нет ни медного гроша!

<1858>

Ах ты, плут-мальчишка,
Сын мой ненаглядный!
На тебя гляжу я
С нежностью жадной.

Ты идешь, каналья,
Тоже вслед за веком,
Будешь ты, я вижу,
Дельным человеком!

Полон я блаженства
И надежды сладкой,
Глядя, как ты часто
Подбежишь украдкой

К моему комоду,
Ловко ключ приладишь
И оттуда быстро
Гривенник украдешь;

И потом слезу я
В чистом наслажденьи,
Как ты эти деньги
Пустишь в обращенье,

Как сестру родную
Ими ты ссужаешь
И потом с нее же
Вдвое получаешь. . .

Как не восхищаться,
Глядя, как порою
Ты перед вельможей
Гнешься запятою;

Как ты понимаешь,
Кто богат и знатен,
Как в делах ты ловок,
Тонок, аккуратен!

Бестия-мальчишка,
Сын мой несравненный,
Ах, какой ты будешь
Рыцарь современный!

<1858>

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕСНИ

I

Перед стройною девицей,
Наклонившись к ней красиво,
Долговязый франтик что-то
Шепчет ей красноречиво.

Страстно девушка внимает,
Будто слышит диво-сказки,
И огнем желаний пылких
Блещут черненькие глазки.

Что же франтик долговязый
Шепчет этой деве милой?
О любви ли пылкой, вечной,
Неизменной за могилой?

О блаженстве ли высоком
Жизнь пройти одной дорогой
И любовью упиваться
Вместе в хижине убогой?

Нет, не эти речи льются
К деве франтом долговязым...
Он ей шепчет, что сегодня
Взял он триста акций разом;

Что, судя по всем расчетам,
Это чудо, а не дело,
И на верных семь процентов
Положиться можно смело.

Страстно девушка внимает,
Блещут черненькие глазки,
И на франта упадет
Взор участия и ласки.

«Вот кто послан мне судьбою! —
Шепчет юное создание... —
Семь процентов, семь процентов!
Это рай, очарованье!»

На других она не смотрит
И не слышит комплиментов,
И, забывшись, только шепчет:
«Семь процентов! Семь процентов!»

II

Меня зовут Амур... Не тот, что в дни былые
У рыцарей сердца так сладко волновал;
Не тот, во славу чью, за очи голубые
Унылый трубадур песнь томную слагал;
Не тот, кто говорил, что «злато вещь пустая»;
Не тот, кто о чинах не думал никогда
И под окном вздыхал, меж тем как *дева рая*
Храпела у себя, бесстрашна и горда.
Нет, нет! Другой Амур — серьезный, современный,
Холодный, как Сибирь, богатый, как она;
Амур, куда народ бежит, как оглашенный,
Где акции шумят, как бурная волна!
Не вздохи глупые, не сны, не идеалы
Амура прежнего в мечтаниях моих;
Нет, нет, в ушах звучат полуимпериалы —
И сладко я дышу, внимая звону их!

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь;
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

Пошел титулярный советник
И пьянствовал с горя всю ночь,
И в винном тумане носилась
Пред ним генеральская дочь.

<1859>

НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ

Прочь! пади с дороги! .. мчатся, словно черти,
В щегольских колясках чудо-рысаки;
Эй, посторонитесь — зашибут до смерти...
Прочь вы, пешеходы, горе-бедняки! ..

Вот хватили дышлом в шею старушонку,
Вот мальчишку сшибли быстрым колесом,
Вот перевернули тощую клячонку
С Ванькой-горемыкой, с бедным седоком.

Ну, куда суетесь? .. что вам за охота
Между экипажей проходить, спеша?
— «Да нужда припала, выгнала забота,
Дети просят хлеба, денег ни гроша.

Надо ж заработать, надо же разжиться,
Ждать не будут... много нас таких живет...
Тут уж поневоле станешь суетиться;
Страшно — опоздаешь — дело пропадет!»

Полно! — это горе, эти все тревоги,
Деньги, хлеб насущный — это пустяки!
Место, горемыки, место! .. Прочь с дороги!
А не то раздавят разом рысаки.

Им вот, этим франтам, выбритым отлично,
Этим щеголихам пышным, молодым,
Ехать тише, ждать вас вовсе неприлично,
Да и невозможно... много дела им!

Этот нынче утром должен быть с визитом
У графини Лумпе, у княгини Крак,
У Дюссо котлетку скушать с аппетитом,
Заказать портному самый модный фрак.

Этот мчит подарки к пышной Вильгельмине,
Цвету всех камелий, с кучею связей;
Этих ждут мантильи в модном магазине,
Тех — свиданья тайно от седых мужей...

Шибче, шибче мчитесь! Щедро раздавайте
Дышлами ушибы, вывихи, толчки...
Место этим барам! Место им дайте
Все вы, пешеходы, горе-бедняки!..

<1859>

НЕГОРДЫЙ ЧЕЛОВЕК

Родитель мой, готовясь кинуть
Сей свет,
Мне дал такой благоразумный
Совет:
«Мой сын, ничем не брезгай в мире,
Смотри,
И все, что только брать возможно,
Бери».

С тех пор храню я свято мудрый
Приказ,
На все глядит с участием теплым
Мой глаз.
Не мучась в гордой, бесполезной
Борьбе,
Я все, что можно, прибираю
К себе.
Увижу ль где галоши лучше
Моих —
Беру без спеси безрассудной
И их.
Платок увижу ли хороший —
Возьму.
Кто может денег дать — нет спуска
Тому.
Мне дали раз отличный перстень —
Чужой,
Чтоб передать его особе
Другой;

Я рассудил, что буду глупый
Педант,
Когда отдам такой отличный
Брильянт.
Другой бы брезгать стал, стыдиться,
А я
Не знаю спеси, и вещица ---
Моя.
Как птица божия, не сею,
Но жну,
И помню заповедь благую
Одну:
«Мой сын, ничем не брезгай в мире,
Смотри,
И все, что только брать возможно,
Бери!»

<1859>

Я на севере холодном,
Ты на юге, ангел мой. . .
Ах, когда же можно будет
Мне увидеться с тобой?

Степи матушки-России
Необъятны, милый друг,
И тащиться очень долго
Надо с севера на юг.

Эти степи бесконечны,
Грязны, холодны всегда,
И по ним для небогатых
Стоит дорого езда.

А на станциях так скверно,
Так ужасны тюфяки,
И кусают так безмерно
Всероссийские зверьки. . .

«Подожди дорог железных, —
Тайный голос шепчет мне, —
Побегут они красиво
По родимой стороне;

И в вагоне чистом, теплом
Ты за несколько рублей
Полетишь стрелой в объятия
К милой женщине своей!»

Ах, и так уже заметно
С каждым днем старею я,
И на темени так грустно
Светит лысина моя...

«Подожди дорог железных...»
Ах, проносятся года;
Что же я, мой ангел милый,
Привезу тебе тогда?

Ах, до той поры блаженной,
Как до неба, далеко;
Мы состареемся оба,
Мы погрязнем глубоко.

Я утрачу жизни силы,
Остальных волос лишусь
И в торговые расчеты
Всей душою погржусь;

Ты начнешь варить варенья,
Бегать с связкою ключей
И для мира изготовишь
Кучу маленьких детей.

И когда потом в вагоне
Я приеду в город наш,
Мы усядемся с тобою
По копейке в ералаш.

И не вспомним, что друг друга
Мы любили много лет —
В дни проектов и ревизий,
И блистательнейших смет;

В дни, когда акционеры
Были мыслию полны,
Что железные дороги
Будут скоро им даны.

<1859>

Прости, и если ты идешь от нас навеки,
Прости навек -- иди на лаврах отдохнуть! . .
Я чувствую — слеза моя щекочет веки,
Я чувствую — от слез мне хочется чихнуть.

Прости, певец, прости! Велением Зевеса
Со сцены жизни сей мы все должны сходить —
И ты кладешь перо, и юноша-повеса
Дерзает о тебе предательски судить.

Он говорит, что ты какого-то движенья
Был закоснелый враг, что ненавидел ты
Прогресс и правоту — пустые ухищренья,
Плоды глупейших дум и празднои суеты. . .

Но пусть безумец сей в порывах дикой злобы
Глумится над тобой, клеймит твои дела;
Ты слышишь: из болот, из леса, из труппы
Несется гимн к тебе и громкая хвала!

Ты слышишь — общий страх как души там
тревожит;
Ты слышишь — плачут там и каждый говорит:
«О, кто нас защитит? кто во-время *доложит*,
Что новый мир дела опасные творит?»

Кто выставит с таким приличием и умением,
Что волю мальчикам не следует давать,
Что следует смотреть за юным поколением,
Чтоб не пошло оно и вправду воевать? . .»

Утешься же, певец! Свежи покойно веки .
И спи покойным сном в болотистой ¹ земле,
А память о тебе останется вовеки
В почившей, как и ты, кормилице «Пчеле»!

1860

¹ Слово «болотистый» употреблено здесь мною только потому, что в С.-Петербурге почва вообще болотистая.

ТРОСТНИК И СПИНА
(ВАСНЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ)

«Как гибок я! как гнусь я превосходно! —
Сказал молодой тростник, с тщеславьем на челе. —
 Когда ни захочу, свободно
 Склоняюся к земле.
Кто в гибкости со мной осмелится сравниться?
 Кто обогнать меня решится?»
 — «Я!» — вдруг раздался крик,
 И видит наш тростник —
 Чудовище глазам его явилось.
«Кто ты? — тростник спросил, тряхнувши головой. ---
 Какое существо решилось
 Померяться со мной
И в гибкости со мною потягаться?»
 — «Я, — говорит чудовище, — спина,
 Которая затем лишь создана,
Чтоб кланяться и до полу сгибаться;
 Затем, что знаю я,
 Что, чем моя порода
Способнее к сгибанию, тем у ней
 Почету более, дохода,
 И силы, и связей. . .
 Конечно, и меж нами
 Такие спины есть,
Которые стоять какими-то шестами
 Считают за большую честь;
 Но эти спины —
 Какие-то дубины,

И им за то на свете нет житъя,
Перед такими же, как я,
Ты, о тростник, ничто; в способности согнуться
И думать нечего со мною потянуться.
Притом сгибание твое
Тебе копейки не приносит,
Ну, а мое
Обогащает и возносит!»

Тут понял истину тростник
И головой в смущении поник. . .

Мораль сей басни такова:
Нам гибкая спина нужней, чем голова.

<1860>

На столе передо мною
Всевозможные закуски,
И гостей своих блинами
Угощаю я по-русски.
Но блины едятся вяло:
Три, четыре — и довольно!
Я смотрю — и сердце бьется
Очень больно, очень больно!

Предо мною воскресает
Время славное, бывшее...
Ах, тогда в земле российской
Было племя удалое!
Ах, у наших дедов были
Всеварящие желудки;
Ели плотно наши деды
По четыре раза в сутки!
А на масленой блинами
Объедались до упаду
И пыхтели богатырски,
В сердце чувствуя отраду!..
Было время, были люди!
Было доблестное племя!
Измельчали, измельчали
Наши люди в наше время!
Эти жиденские франты,
Погруженные в заботы,
В современные вопросы,
В современные расчеты;
Эти люди с их мечтами
О возвышенных предметах —

Как ничтожны и мизерны
На обедах и банкетах!
Мозг тревожат чепухою,
А едят лишь так, для шутки...
Измельчали, измельчали
Всероссийские желудки!..
И с презреньем безотрадным
Я гляжу на это племя
И с тоскою вспоминаю
То блаженнейшее время,
Тех людей, что за бумагой
И за книгой не сидели
И от утра до полночи
Бойко пили, плотно ели!..

<1860>

В убогой избушке лежит одиноко
 На голой соломе бедняк
И дремлет, свернувшись от стужи, несчастный:
 Не греет дырявый армяк;
И снится ему, будто в доме высоком,
 В том доме, где роскошь и блеск,
Сидит жирный барин в халате атласном
 И с жадностью рябчика ест.

<1861>

ОДНА ИЗ МОИХ НАДЕЖД

Процветает наш век,
Оттого что Камбек
Неусыпно в нем зло обличает;
Полный жажды добра,
От утра до утра
Он протест за протестом качает.
Для других борода —
Небольшая беда,
Для Камбека — большая опасность;
Но от ней-то теперь,
О читатель, поверь,
Процветает в отечестве гласность.
Грубиян — кондуктор,
Спекулятор — актер,
Господин без души человека —
Только гадить начнут,
А глядишь, тут как тут
Неусыпное око Камбека...
О Россия моя!
Мощь и доблесть твоя
Не исчезнут отныне вовеки;
Ты окрепнешь в борьбе,
Потому что в тебе
Процветают и пишут Камбеки!!!

1861

ЭЛЕГИЯ

(ОДИН ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ВОПРОСОВ
С ПОЭТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ)

Я любил ее так нежно,
Так высоко, поэтично;
Все в ней было так эфирно,
Так небесно, гармонично. . .
Но вчера, о боги, боги,
Приключение какое! . .
Ту, которая являлась
Мне как нечто неземное,
Окруженная цветами,
В обстановке идеальной, —
Ту красавицу увидел
Я в палате госпитальной!
С инструментом возле трупа
Дева милая стояла
И, по правилам науки,
Труп спокойно рассекала.
Я отпрянул в изумленьи
От невиданного дела. . .
А она в глаза мне прямо
И учено посмотрела;
Протянула мне спокойно
Окровавленные руки
И сказала: «Друг, ты видишь
Здесь служителя науки!»
И опять припала к трупу. . .
Я стоял, глотая слезы;

Черной пылью рассыпались
Поэтические грезы;
Их, как молния, сменяли
Медицинские картины,
И шептал я: «Дева рая —
Доктор, доктор медицины! . . .»

1862

ВЕСЕЛАЯ ПЕСЕНКА

Ах ты, русская, русская гласность!
Сколько важных вопросов ты в ясность
Из тумана на свет привела!
И какая ты чудная сила,
И какие ты, право, свершила
Величаво-благие дела!
Если взятки еще не пропали,
Так теперь получать-то их стали
Осторожно, без грубых манер;
Если женщин еще оскорбляют,
Так ведь это уж дети свершают,
Как случилось в Твери, например;
Если мы дикарями богаты,
Если мы на словах тароваты,
Если лупит слугу либерал,
Если многие спины так гибки,
Если подлостью пахнут улыбки,
Если силу имеет нахал —
Так ведь это одни искильченья,
И бледнеют они от сравненья
С тем, что ты нам так щедро дала,
О великая русская гласность,
Все приведшая в яркую ясность. . .
Тра-ла-ла, тра-ла-ла, тра-ла-ла!

1862

**ИЗ ЦИКЛА
„ПЕСНИ СУМАСШЕДШЕГО АКЦИОНЕРА“**

Моего вы знали ль друга?..

Офелия.

Вы знавали ль Колиньюна?
Он был бравый кавалер,
Горделивый, важный барин
И французский инженер!

Там, далеко, за морями,
В пышной он сидит квартире,
Перед ним — сундук тяжелый,
В нем — всё русские рубли.

Колиньюн! Назад три года
Мы пришли к тебе толпой:
«Потрудись-ка для народа
И дороги нам построй.

Мы с тобою разных наций,
Но у нас найдешь ты рай,
А уж русских ассигнаций
Сколько хочешь забирай!»

Он поспешно снаряжался,
Все контракты заключил,
Всё построить страшно клялся...
Обманул — и укатил!

Колиньону мы сказали:
«Ты контракты позабыл:
Твой карман мы наполнили,
Ты до дна наш осушил!»

Он с усмешкой отвечает:
«Я контрактов не забыл;
Разве Общество не знает?
Я шутил! ведь я шутил!»

Отпустили его мы с тугим кошельком,
Проводили с смиренным поклоном,
И горячие слезы струились ручьем,
Как прощались мы с Колиньоном!

Он не придет! он не придет!
Сей славный гость земли российской,
И на чужбине не вздохнет
О линии феодосийской!

Он не придет! он не придет!
И там, среди французских граций,
Во славу русских ассигнаций
Рассказ заманчивый пойдет...
Он не придет, он не придет!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, редактор знаменитый,
Баюшки-баю!
Я тебе, старик маститый,
Песенку спою;
Пусть нелепейшие сказки
Жизнь срамят твою —
Ты пиши из-под указки...
Баюшки-баю!

Ходит всюду слух нелестный,
Ходит резкий свист,
Будто ты не слишком честный,
Ловкий журналист;
Плюнь на слухи! Тискай смело
Нужную статью...
Это выгодное дело...
Баюшки-баю!

Помогло тебе лихое
Перышко твое:
Ты забыл свое плохое
Прежнее житье;
Зажил ты богато, шибко,
Как в земном раю, —
Вот что значит гнуться гибко...
Баюшки-баю!

Продолжай такое семя
В землю ты кидать...
Видишь, может наше время
Труд вознаграждать.
Пусть клеймят тебя зоилы —
Ты силен в бою,
Будешь крепок до могилы...
Биюшки-баю!

1862

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

(В НОВОМ РОДЕ)

Говорят, водопроводы
 Попросили Думу
Отпустить им на расходы
 Тысяч в двести сумму.

Говорят, услышав это,
 Дума городская
Вместо всякого ответа —
 Странная такая —

На бассейн, громаду-зданье,
 Едко указала
И Правленье в назиданье
 Басенку сказала:

Попрыгунья-стрекоза,
Акведукная компанья,
Погрузилась в труд копанья. . .
Вдруг, глядит — пришла гроза:
В кассе чисто, словно в поле,
Нет уж дней тех светлых боле,
Как добряк-акционер,
Щедрый выше всяких мер,
Под директорские сказки
Спал, закрывши сладко глазки,
И давать свой капитал
Чистым счастьем считал.

Дни блаженства пролетели...
И Палибины, и Пели,
И Овсянников, и Крон
Чуют время похорон.
Труб печальнейшая груда
На Сенатской площади;
А далеко позади
Башня смотрит, как Иуда...
Тут компания с тоской
Лезет к Думе городской:
«Не оставь меня приветом,
Не срами пред целым светом,
Одолжи для спуска вод
Тысяч двести на расход...»
— «Кумушка, мне это странно!
Ты брала ведь беспрестанно
Деньги будто за труды,
А ни капельки воды
В наши трубы не пустила...»
— «До того ль, сестрица, было!
Ведь в Правлении у нас
Схватки, споры — каждый час,
Так что воду я забыла...
А притом, я без ума
Рыла ямы ежечасно...»
— «Рыла ямы! И прекрасно;
Так заройся в них сама!»

ДВОЕ ПОХОРОН

Шел я по Литейной. . . Вижу: тьма народу. . .
От карет, колясок нет почти проходу;
Конные жандармы, стража городская
И пред пышным домом пышная такая
Колесница, видно, в ожиданьи гроба:
Значит, жизнь скончала важная особа.
Вынесли особу важные все лица,
И зашевелилась шагом колесница. . .
Певчие в кафтанах синих с галунами,
Черный шелк на дамах, шеи с орденами,
Шитые мундиры, звезды, аксельбанты,
Пышные кареты, слуги, музыканты —
Просто загляденье! Все отлично, гладко,
Все с печатью строгой пышного порядка.
Взор нигде не видел скорби и страданья,
Слуха не смущали стоны и рыданья,
Медленно и ровно шли все эти люди,
Тихо, безмятежно их вздымались груди. . .
И когда б не рамка траурная эта,
Ни один философ не дал бы ответа —
Для чего сей знати собираться было,
Что ее призвало, что соединило? . .

Я пошел за ними. . . Вдруг, на полдороге,
Снова погребенье — только уж не дроги,
Не парча и бархат, не порядок пышный. . .
Старая телега с клячей горемычной,
Гроб сосновый, желтой краскою покрытый.

И за ними следом, вместо всякой свиты,
Бедная старуха и старик убогий
Шли, передвигая еле-еле ноги...
Но в картине этой бедной и холодной
Сколько было горя, муки безысходной!
Как сквозь эти дыры, ветхие заплаты
Мрачно пробивалась злая боль утраты!
Как глухие стоны ясно говорили,
Что свою всю душу двое хоронили... .

Вот на перекрестке встретились два гроба,
И остановились на минуту оба;
Бедный боязливо повернул с дороги,
И заколыхались величаво дроги... .

А на землю солнце сыпало брильянты,
В трубы громогласно дули музыканты,
Будто возглашая: «Место, место гробу,
В коем уложили важную особу!»
И сквозь эти звуки слышалось мне глухо,
Как стонала тяжело бедная старуха... .

<1862>

ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ
(РУССКАЯ МЕЛОДИЯ)

Я люблю смотреть на звезды —
Но не те, что в горнем мире;
Мне милее те, что светят
На чиновничьем мундире.

Эти Сириусы, Марсы
Для меня смешны и странны;
Мне милее Станиславы,
И Владимиры, и Анны.

И люблю я слушать шелест —
Но не вязов, не акаций;
Мне милее шелест крупных
Всероссийских ассигнаций.

Я люблю смотреть, как гнется —
Но не ива в роще темной;
Мне милей сгибанье тела
У начальника в приемной.

И люблю внимать я реву —
Но не ветра над волнами;
Мне милее рев *особы*
Над мельчайшими чинами.

Я люблю ключи большие —
Но не в скалах и пещерах;
Мне милее те, что блещут
На высоких камергерах.

И люблю я теплый климат —
Но не стран благословенных;
Мне милей теплынь родная
Мест гражданских и военных.

<1862>

УТЕШЕНИЕ

Верьте мне, о россияне,
Верьте — прав во всем Скарятин:
Все изменится как должно,
Все очистится от пятен.

Нигилисты-забияки,
Консерваторы-тупицы —
Все исчезнут безвозвратно
Из провинций и столицы.

Жизнь свободную не будет
Жать ярмо антагонизма,
Оттого что очень много
В нас живет либерализма.

Ни реакции не будет,
Ни тревоги грустно-шумной. . .
«Тише едешь, дальше будешь» —
Наш девиз благоразумный.

Безмятежны, как младенцы,
Выбрав гладкую дорожку,
Мы когда-нибудь до цели
Доплетемся понемножку.

Только дайте до второго
Нам дожить тысячелетья —
Оперимся мы отлично
В эти новые столетья.

Ко второму юбилею
Будет русский мир утешен —
И какой тогда воздвигнет
Новый памятник Микешин!

Подождите, потерпите!
Все очистится от пятен:
В этом нам залогом служит
Зорковидящий Скарятин!

1862

МИШУРА

Проносья на коне наблюдений
По арене общественных дел,
Я на множество светлых явлений
С умилительным чувством глядел.
Говорил я: «В Нью-Йорке, в Париже,
В Альбионе нет столько добра». . .
А как только взгляделся поближе —
Мишура, мишура, мишура!

О краса бюрократии новой!
С беспредельным восторгом не раз
Я внимал твоей речи громовой
О вреде стародавних зараз
И о том, что теперь-то приспела
Для реформ радикальных пора. . .
А как только коснулось до дела —
Мишура, мишура, мишура!

Сколько раз, о вития журнальный,
Увлекал и пленял ты меня,
Как любил я твой тон либеральный,
Полный силы, ума и огня!
Сколько было решимости грозной
В каждом взмахе живого пера. . .
А дошло до поверки серьезной —
Мишура, мишура, мишура!

О друзья интересов народных!
Сколько светлых надежд и идей

Проявлением сил благородных
Вы в душе возбуждали моей!
Вы с народом сливались так мило,
За народ вы кричали «ура!» . . .
А на деле опять выходило —
Мишура, мишура, мишура!

И куда бы, восторгом палимый,
Я ни мчал наблюдений коня,
Все какой-то чертенок незримый,
Хохоча, догоняет меня
И пищит: «На трескучие речи
Знаменитые вы мастера,
А взвали-ка вам дело на плечи —
Мишура, мишура, мишура!»

<1863>

КПТАЙСКПЙ АЛББОМ

I

Душно в воздухе Пекина,
Спят на крышах воробьи...
Два почтенных мандарина
Чешут бороды свои.

Говорит один другому:
«Что-то будет?» А другой
Отвечает, выпив рому:
«Я не знаю, милый мой!»

— «Времена пришли плохие!»
— «Да, плохие времена!»
— «Это всё проказы змия!»
— «Это гадит сатана!»

Смолкли оба мандарина,
Чешут бороды свои...
Душно в воздухе Пекина,
Спят на крышах воробьи.

II

Ты идешь купаться в ванну,
О красотка Лянь-Дзинь-Да!
И кричишь, ошпарив пятку:
«Ах, горячая вода!»

Но поверь, она не значит,
О мой ангел, ничего
Пред кипучею водою
Сердца друга твоего.

Покупайся в этом сердце —
И в мгновение одно
Ты ошпаришь все, что небом
Щедро так тебе дано!

III

Нынче все молокососы
Судят точно старики,
Всё какие-то *вопросы*
Подымают, дураки.

Не дают значенья чину,
Рады с каждым воевать
И готовы мандарину
Чуть не в бороду плевать.

Впрочем, мне-то что за дело!
У меня своя беда:
Мне терзает дух и тело
Милый ангел Лянь-Дзинь-Да.

Эти юноши уймутся,
Прекратят свою войну,
Потому что разобьются
О *китайскую стену*;

Но мои душа и тело
Сокрушатся навсегда...
Понимаешь ты, в чем дело,
Милый ангел Лянь-Дзинь-Да?..

IV

Говорят, в Европе нынче
Просто светопреставленья —
Политические споры,
И реформы, и движенье.

Говорят, что в ней приспело
Знаменательное время
И работает серьезно
Европейцев новых племя.

Говорят, что там поэты
Не поют, как в дни былые,
Про любовь к небесной деве
И про очи голубые.

Говорят, для них комичны
Эти юные порывы,
И схватились все поэты
За *гражданские мотивы*.

Но пускай шумит Европа,
Пусть идет тревога в мире —
Я изменником не стану
Сладкозвучной, юной лире;

В мире птичек, дев, цветочков
Буду жить всегда как дома,
И лишь в нем предметы черпать
Для китайского альбома.

▼

Ах, как счастлив я безмерно,
Научась читать по-русски!
Это чтение заменяет
Мне десерты и закуски.

Птичьи гнезда со сметаной,
Свекловичные котлеты
Для меня не так приятны,
Как российские газеты.

В них так много разных фактов
Поучительных, блестящих
И в ушах седых китайцев
Как-то сладостно звучащих.

В них так много разных фактов,
Говорящих, что Россия
Чтит дошедшие от дедов
Все предания святыя;

Что сыны ее доселе
Уважают дисциплину,
Что пред старшим чином младший
Гнет почтительную спину;

Что от глаз непосвященных
Скрыты тайны канцелярий,
Как у нас браминов тайны —
Мир, неведомый для парий;

Что не в моде откровенность,
Что святое изречение:
«Тише едешь, дальше будешь»
Всюду сыщет примененье —

И в судебном производстве,
И в развязке дел полезных,
И в работах телеграфных,
И в сетях дорог железных.

С наслаждением я вижу,
Что шагает тихо гласность,
Никого не повергая
В неприятность и опасность;

Что с примерным прилежаньем
Попирают злое семя
Мудрый Виктор Аскоченский,
Золотое «Наше Время»;

Что не только в мир чиновный,
Но и в мир литературы
Проникают, слава небу,
Мандаринские фигуры! . .

Много, много мне отрады
Доставляет это чтение,

Из которого мне ясно
Всероссийское движенье.

Но, как сын своей отчины,
Воздыхаю я глубоко
И шепчу: «Увы! Китаю
До святой Руси далеко!»

1863

ЭКСТРЕННЫЙ СЛУЧАЙ

Я бескорыстный чиновник,
Верой и правдой служу
И репутацией честной
Выше всего дорожу.
Всех, предлагающих взятки,
В шею гоню я всегда...
Раз только... В деньгах случилась
Мне до зареза нужда...
Взял я с каналы-купчишки
Кушик — и то небольшой...
Ну, да ведь экстренный случай,
Экстренный случай такой!

Всех наказаний телесных
Враг я до мозга костей;
Даже супруге я строго
Сечь запрещаю детей.
Я и в газетах однажды
Тиснул об этом статью...
Раз только... Мой камердинер
Лампу испортил мою...
Я рассердился — и в зубы
Съездил легонько рукой...
Ну, да ведь экстренный случай,
Экстренный случай такой!

«Женщины — перлы созданья!» —
Так я всегда говорю,

На ловеласов бездушных
С страшною злобой смотрю...
Раз только... Мне подвернулась
Прелесть — девчонка одна.
Жили мы долго... «А что, как
Вдруг да узнает жена?» —
Так я подумал — и тут же
Стал для бедняжки чужой...
Ну, да ведь экстренный случай,
Экстренный случай такой!

С каждым своим подчиненным,
Будь он хоть мелкий писец,
Я обращаюсь гуманно,
Даже почти как отец.
Руку порой пожимаю
Тем, кто и в малых чинах...
Раз только... Писарь на службу
В пестрых явился штанах...
Тут из терпенья я вышел —
Выгнал из службы долой...
Ну, да ведь экстренный случай,
Экстренный случай такой!

Строго себя разбирая,
Смело всегда я скажу,
Что и правдиво и честно
Я и живу и служу.
Совесть не может мне сделать
Самый малейший укор...
Если ж порой и случится
Этакий маленький вздор,
Если в порыве досады
Я и забудусь порой —
Значит, уж экстренный случай,
Экстренный случай такой!

<1865>

ДОКТРИНА

Стучи в барабан и не бойся...

Гейне.

«Стучи в барабан и не бойся,
Целуй маркитантку под стук;
Вся мудрость житейская в этом,
Весь смысл глубочайший наук.

Буди барабаном уснувших,
Тревогу без усталости бей,
Вперед и вперед подвигайся —
В том тайна премудрости всей».

Так пел знаменитый мой тезка,
И, в гордости странной своей,
Он думал, что этой «доктриной»
Составит блаженство людей;

Он думал, что эту доктрину
На деле легко применить,
И шел он с своим барабаном,
Стараясь будить и будить.

Я, тезка великого Гейне,
На вещи иначе смотрю...
Я, правда, поэзии жаром,
Как он, постоянно горю,

Когда забываюсь в мечтаньях
О птичках, девицах, луне...
Но чуть до доктрины доходит —
Доктрина иная во мне...

Отрекшись от дерзкой гордыни,
Судьбу обеспечив свою,
Я тихо, свободно и сладко
В своем кабинете пою:

«Оставь барабан ребятишкам,
Целуй благонравно жену,
Спи сам и ничем не препятствуй
Других безмятежному сну.

Где только заметишь тревогу,
Домой удирай поскорей,
И там лишь вперед подвигайся,
Где пользы немало твоей.

Вся мудрость житейская в этом,
Весь истинный смысл бытия...
Прекрасную эту доктрину
Изведал на опыте я.

И знаю, что кончу покойней,
Комфортней, светлее свой век,
Чем кончил мой тезка несчастный,
Больной фантазер-человек!»

<1867>

**<МОНОЛОГ ОТЕЛЛО
ИЗ 1-ГО ДЕЙСТВИЯ ТРАГЕДИИ ШЕКСПИРА>**

Ее отец любил меня и часто
Звал в дом к себе. Он заставлял меня
Рассказывать историю всей жизни,
Год за год — все сражения, осады
И случаи, пережитые мною.
Я рассказал все это, начиная
От детских дней до самого мгновенья,
Когда меня он слышать пожелал.
Я говорил о всех моих несчастьях,
О бедствиях на суше и морях:
Как ускользнул в проломе я от смерти,
На волосок висевшей от меня;
Как взят был в плен врагом жестокосердым .
И продан в рабство; как, затем, опять
Я получил свободу. Говорил я
Ему о том, что мне встречать случалось
Во время странствий: о больших пещерах,
Бесплоднейших пустынях, страшных безднах,
Утесах неприступных и горах,
Вершинами касающихся неба;
О каннибалах, что едят друг друга,
О племени антропофагов злых
И о людях, которых плечи выше,
Чем головы. Рассказам этим всем
С участием внимала Дездемона,
И каждый раз, как только отзывали
Домашние дела ее от нас,

Она скорей старалась их окончить,
И снова шла, и жадно в речь мою
Впивалася. Все это я заметил
И, улучив удобный час, искусно
Сумел у ней из сердца вырвать просьбу —
Пересказать подробно ей все то,
Что слышать ей до этих пор без связи,
Урывками одними привелось.
И начал я рассказ мой, и не раз
В ее глазах с восторгом видел слезы,
Когда я ей повествовал о страшных
Несчастиях из юности моей.
Окончил я — и целым миром вздохов
Она меня за труд мой наградила
И мне клялась, что это странно, чудно
И горестно, невыразимо горько;
Что лучше уж желала бы она
И не слышать про это; но желала б,
Чтоб бог ее такую сотворил,
Как я; потом меня благодарила,
Прибавивши, что если у меня
Есть друг, в нее влюбленный, — пусть он только
Расскажет ей такое ж о себе —
И влюбится она в него. При этом
Намеке я любовь мою открыл.
Она меня за муки полюбила,
А я ее — за состраданье к ним.
Вот чары все, к которым прибегал я.
Она идет — спросите у нее.

Г А В Р П П Л Ж У Л Е В

ГАВРИИЛ ЖУЛЕВ

Гавриил Николаевич Жулев родился в 1836 г.

Он был одновременно и поэтом и артистом. Окончив в начале 50-х годов театральное училище, Жулев в сезон 1852—1853 г. дебютировал на сцене Александринского театра,¹ а затем много лет состоял в его труппе.² «Помню, что Жулев превосходно играл прогрелого купеческого сына Перетычкина в комедии Красовского «Жених из Ножовой линии», — читаем в воспоминаниях современника. — Он подавал надежды на сцене, но его затер режиссер Е. И. Воронов, долго властвовавший в Александринском театре».³ Воронов и начальник репертуарной части петербургских императорских театров водевилист П. С. Федоров, самодур и взяточник, которого неизменно преследовали искровцы под кличкой «Губошлеп», особенно невзлюбили Жулева за то, что он сотрудничал в «Искре» и информировал редакцию журнала о всех закулисных тайнах и интригах.⁴

Жулев начал печататься в «Искре» в 1860 г. и был одним из ее постоянных сотрудников на протяжении всех 60-х годов. Его стихи печатались преимущественно под псевдонимом «Скорбный поэт». Жулева сразу оценили в «Искре». «Не могу я встретиться с Курочкиным, — писал ему его приятель, артист и драматург И. Е. Чернышев 23 марта 1861 г., — чтобы он не спрашивал о тебе... Отчего

¹ А. И. Вольф. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года, ч. 1. СПб., 1877, с. 160.

² В конце 50-х годов Жулев с успехом играл и в провинции — см. некролог в «С.-Петербургских ведомостях», 1878, № 179.

³ «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». СПб., 1907, с. 97.

⁴ Там же, с. 157.

ты перестал писать? Он о тебе отзывается как о лучшем своем со- труднике и постоянно просит писать к тебе». ¹

В конце 1862 г. Жулев собрал свои стихи, напечатанные в «Искре», и выпустил их отдельной книжкой под названием «Песни Скорбного поэта». Противопоставляя Жулева представителям «чистой поэзии» и либеральным обличителям типа Розенгейма, «Искра» следующим образом характеризовала его творчество в отзыве о «Песнях Скорбного поэта»: «Бедность, умеющая весело трунить над собою и хохотать непринужденно и смело над хлыщев- ством и богатою наглостью, в каких бы они формах ни проявля- лись, — вот главный мотив, повторяющийся во всех пьесах Скорб- ного поэта. Вдыхатели, отвергнутые дамою своего сердца по случаю бедности и наивно рассказывающие о своих злополучиях; супруги, получившие семейное счастье из рук начальников; швен, беззаботно проходящие известное поприще; девицы, стремящиеся замуж, и дамы, забывающие мужей под звуки штраусовой скрипки, павлов- ские *ландышки* и московские Пахиты; театральные музыканты и отставные майоры — вот действующие лица комедии, ежедневно разыгрываемой в жизни, верно подмеченной и осмысленно передан- ной своеобразными стихами поэта-юмориста. Все это перемешано, как добро и зло, вообще в жизни и в каждом человеке отдельно, но все это живет, движется, смеется над собою и над другими и, главное, все это просто и искренно». ²

Очень сдержанно отозвался о книжке Жулева М. Е. Салтыков, поскольку она не отвечала тем большим требованиям, которые он предъявлял к современной сатире. Но и Салтыков писал, что «лю- бителям чтения легкого мы эту книжечку рекомендуем: они в ней найдут некоторую частицу остроумия. В особенности указываем на веселую пьеску „Литературные староверы“». ³

В поэзии Жулева нет революционных мотивов, но он — демо- крат с головы до ног. Все его стихотворения пронизаны плебейской гордостью, однако она проявляется не столько в непримиримой не- навиди к классовым врагам, сколько в презрительном изображении роскоши, тунеядства, барского высокомерия. Один из типичных персонажей Жулева, столичный бездельник и фат, хорошо описан в стихотворении Минаева «Сорвалось!»:

В шляпе Циммермана,

В платье от Сарра,

¹ «Русская старина», 1906, № 12, с. 714.

² «Искра», 1862, № 50, с. 710.

³ «Современник», 1863, № 1—2; Полное собр. соч., т. 5. М., 1937, с. 284.

Я, поднявшись рано,
Вышел со двора.
Крап по панталонам,
С лентою лорнет,
Галстук с медальоном —
В медальоне оном
Блондена портрет, —
Струйки по жилету,
В талии изгиб...
Скорбному поэту
Я отличный тип... и т. д.¹

Наиболее характерны для Жулева юмористические стихотворения на бытовые темы. Произведения, направленные против конкретных людей и фактов общественной жизни, пародии, литературная полемика, резкий сатирический тон и т. п. — все это встречается у него сравнительно редко. Наибольшей удачей Жулева в этой области является отмеченная Салтыковым злая и хлесткая сатира «Литературные староверы». Для характеристики поэзии Жулева необходимо отметить его легкий и гибкий стих, свободные разговорные интонации,² а также бойкую, иногда не менее, чем у Миная, необычную и мастерскую рифму.

С 1865 г., наряду с «Искрой», Жулев активно печатался и в «Будильнике». В 1869—1874 гг. он был постоянным сотрудником газеты «Петербургский листок», а с 1875 г. до смерти — «Петербургской газеты». Здесь, кроме стихотворений, он систематически помещал и фельетоны. В последние годы Жулев был также одним из редакторов юмористического журнала «Стрекоза» (редактировал стихотворный отдел).³

Жулев написал — отчасти один, отчасти в сотрудничестве с Н. А. Лейкиным, А. А. Соколовым, И. Е. Чернышевым, С. Н. Худековым, А. Сазоновым — до десятка пьес: «Золотая удочка», «Беленькие и черненькие», «Петербургские когти», «Герои темного мира», «Петербургский Фигаро», «Со ступеньки на ступеньку» и др. Часть из них шла на сцене, однако они не представляют интереса.

В 1871 г. Жулев выпустил второй сборник стихотворений «Ба! знакомые все лица! Рифмы Дебютанта (Скорбного поэта)». Сбор-

¹ «Искра», 1864, № 36, с. 470.

² А. В. Амфитеатров писал: «Жулев редкостный, почти исключительный образец стихотворной простоты, умеющий «разговаривать» стихом, без всякой, хотя бы малой, натяжки» («Забытый смех», сб. 1. М., <1914>, с. 209).

³ См. некролог в «С.-Петербургских ведомостях», 1878, № 179.

ник уступал в художественном отношении первому, но тематика, идейные позиции и поэтическая манера остались у Жулева в общем те же, и книга, вышедшая без предварительной цензуры, встретила неодобрительный отзыв в цензурном ведомстве. «Собрание весьма тенденциозных, отчасти и довольно грязных стихотворений, — писал цензор. — Автор, кажется, поставил себе задачу изобразить в самом отвратительном виде отношения начальников к подчиненным в нашем служебном кругу; начальники оказывают протекцию подчиненным, которые делают им подарки или даже услуживают им своими женами; подчиненные, выведенные из терпения, дают своим начальникам пощечины и т. д. В других пьесах выражается презрение к людям, не сочувствующим отрицательному направлению в молодежи, и выхваляются, напротив, корифеи отрицания, напр. Добролюбов; даже и хорошие стремления в высших сословиях осмеиваются и изображаются как маски, под которыми скрываются лицемерие и всякие пороки; везде господствуют насилие и разврат».¹

Жулев умер 30 июня 1878 г. и скоро был забыт, хотя некоторые его стихотворения часто читались с эстрады и перепечатывались в «чтецах-декламаторах».

¹ Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 5 января 1872 г.; см. также Дело С.-Петербург. ценз. комитета, 1872, № 9.

У КУХНИ

О судьба лихая, для чего дала ты
Мне в удел лишь бедность, горе да заплаты,
Да еще в придачу ловко подшутила,
Давши мне желудок как у крокодила! . .
Мимо знатной кухни прохожу однажды,
Мучимый от глада, мучимый от жажды.
Я прильнул к окошку и смотрел, как быстро
Сочиняли блюда жирных два кухмистра.
Но, почуяв носом запах вкусный, слобный,
Я в бобер немецкий нос закутал злобно
И смотрел в окошко с сокрушенным сердцем:
Как фаршировали, посыпали перцем
Разную дичину к званому обеду
И вели кухмистры меж собой беседу:
«Бедный господин наш! говоря без шуток,
Страшно как расстроен у него желудок;
Точно на желудок навалило плиту,
Мучится бедняга — нету аппетита! . .»
Мысль вдруг пресмешная, надобно сознаться,
В голову пришла мне: что бы поменяться
Мне моим желудком, как у крокодила,
С этим господином? Мне бы лучше было
Быть без аппетита, а то что в желудке,
Как стоишь у кухни: славно пахнут утки,
Рябчики, фазаны, гуси и индейки, —
А в кармане только двадцать три копейки! !

<1860>

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАРОВЕРЫ

(БАЛЛАДА)

В ресторане собрались
 Староверы злые,
И беседы их велись
 Про дела былые.
И бунтует и кричит
 Громко шайка эта,
Что теперь уже молчит
 Старая газета.

И ватага эта зла
 И ломает стулья,
Что их главная пчела
 Выбыла из улья;
Что теперь им ходу нет
 И карманы голы;
Что теперь коварный свет
 Жаждет новой школы;

А что их давно не чтут
 И труды их — божел! —
На Толкучем продают
 С хламом на рогоже.
В заседаньи был нахал
 И кричал без складу, —
Вот который сочинял
 Для волос помаду;

Куплетист он и актер,
В старенькой бекеше,
Остроумие протер
Он себе до плечи.
Был еще тут драматург,
Очень злой и хворый,
В оны годы Петербург
Восхищал который.

Много было тут персон
И больших талантов,
И болгаринских времен
Хилых фигурантов.
Собралися и поют —
И кружок их тесен;
Много было спето тут
Очень старых песен:

«Боже мой! теперь во всем
Голая натура,
Ах! пропахла мужиком
Вся литература!
И писателей у нас
Развелось так много;
Всякий лезет на Парнас,
Без наук и слога.

И журналы издают
Всё молокососы
И преважно задают
Новые вопросы.
Для возвышенных вещей
Их таланты слабы,
Только слышишь запах щей
Да крестьянской бабы.

Ну, пожалуй, выводи
Чернь, но для потехи;
Да приличьем огради
И зашей прорехи.

Напомадь и причеши,
Скинь им сапожищи;
А потом и опиши
Как-нибудь почище.

Например: мужик живет;
Не горя, пашет,
Про любезную поет,
И поет, и пляшет;
Отработав — вечером
Ходит в хороводе. . .
Отчего же бы в таком
Не писать вам роде?

А то что у вас? — во всем
Голая натура,
Ах! пропахла мужиком
Вся литература! . . »
В ресторан со всех сторон
Собралися братья;
Слышны ахи, слышен стон,
Слышатся проклятья.

Секта эта новый век
И пилит и режет;
В ресторане человек
Слышит стон и скрежет
И, крестясь, отходит прочь,
Но не молкнут ахи. . .
И младенцы в эту ночь
Вздрагивали в страхе. . .

СОН

Мне снилось, дитя мое, что в зале ты
Читаешь пламенно толпе пустой листы
Моей возвышенной, изящнейшей поэмы...
Вот кончила ее и видишь, что все немы.
С вопросом ты стоишь пред мертвою толпой,
Но слушавшие все мотают головой...
Вдруг голос аспида послышался в народе:
«Читали Гейне мы, но в лучшем переводе».

1860

КАРЬЕРА

У старухи нанимал
Я себе каморку —
И частенько в ней глодав
Я сухую корку,

Но ведь я переносил
Беззаботно голод:
Ах, в каморке этой был
Я здоров и молод!

Хоть каморка у меня
Освещалась редко,
Но не нужно мне огня
С милою соседкой. . .

Ведь, бывало, прибежит —
И пойдет потеха!
Так, что комната дрожит
С ней у нас от смеха.

Песни, хохот и любовь —
И нужда забыта;
А хозяйка хмурит бровь
И на нас сердита.

И брюзжит она с печи:
«Перестаньте, стыдно!»
— «Ладно, думаем, ворчи,
Чай, самой завидно!»

И пойдет тут кутерьма,
А ведь плут старуха! —
Будто дремлет, а сама
Навострила ухо.

Вдруг негаданно — поди ж!
Туча налетела:
У начальника *Катишь*
Замуж захотела.

Все он сделать принужден,
Как велит подруга:
Для меня назначил он
Амплуа супруга.

Благодетель и отец
Наградил каретой;
Поташили под венец
Нас с *Катишью* этой.

И теперь уж я женат
И, по воле рока,
Стал заметен и богат —
И живу широко.

Проложил через жену
Я себе дорогу;
Я и сам уж младших гну
Нынче, слава богу.

Счастлив, кажется, вполне:
Ем и пью я вкусно,
Но порою что-то мне
Тяжело и грустно. . .

Или вдруг среди семьи,
Как резвятся дети,
Все мне мнится: не мои
Ребятишки эти!

И в груди бушует ад,
В рот не лезет пища,
Побежал бы я назад
В старое жилище,

Со старухой поболтать
И соседке милой
Со слезами рассказать
Свой роман унылый,

И зажить, как в старину,
Бедно, без излишек,
Бросив верную жену
И чужих мальчишек.

<1860>

НЕЗАБУДКА

Для камелий скорбна моя лира,
Для камелий карман мой убог;
На Крестовском цветет, у трактира,
Для поэта попроще цветок.

Незабудка, ты скромный цветочек.
Для меня ты камелий милей;
Грациозно повязан платочек
На головке красивой твоей.

Незабудка по будням с иглою
В магазине сидит у окна, —
Только в праздник, вечерней порою,
На Крестовский стремится она.

И как только увидит студента,
Что пленился ее красотой, —
Заколышется алая лента
У нее на груди молодой.

Ей не нужно подарков иль денег,
Хоть в кармане у ней только грош;
Что за важность, что милый бедненок, —
Но как молод и как он хорош!

На гулянье она не спесива,
Ей порою предложит бедняк
На Крестовском бутылочку пива;
Ну, а больше обходится — так! . .

У дружка в конуре небогатой
Незабудка работу найдет:
Иль поставит к мундиру заплаты,
Иль разорванный галстук зашьет.

Пусть камелия мчится в коляске;
Пусть купается в блондах, в шелку —
И претомные делает глазки...
Незабудка милей бедняку.

<1860>

ОТСТАВНОЙ МАЙОР И „ЛАНДЫШКА“

I

Павловск. Утро. Строен
Резвых птичек хор;
В сад выходит воин —
Отставной майор.
Хоть на шее тряпка,
Сюртучишко плох
И потерта шапка —
Но на вид он строг.
Севши безмятежно
В кресло, между роз,
Он пускать стал нежно
Жукова сквозь нос.
Запах роз, сирени,
Шепот ветерка
К сну и нежной лени
Манят старика.
Опустившись в кресло,
Он повесил нос —
И пред ним воскресла
Вереница грез:
Юность... звук гитары...
Пуншик... легкий хмель...
Трубка... тары-бары...
Лиза и Адель... .

Тошная собака...
Штоссик до утра...
Поцелуи... драка
И... et cetera.¹

II

Вдруг у лип тенистых
Раздается крик:
«Ландышей душистых!» —
Вспрынул наш старик.
Оседлав очками
Нос свой, воин зрит:
Ландышка с цветами
Перед ним стоит.
Чудная головка!
Глазки — васильки;
Носик очень ловко
Вздернут на дыбки.
Взгляд ее наивен,
Полон доброты:
Ландышке семь гривен
Дал он за цветы
И, мечтой настроен
Пылко, горячо,
Ущипнул наш воин
Деву за плечо;
Но она, плутовка,
Сморщив белый лоб,
Волокиту ловко
По руке вдруг хлоп!
Сделав злую мину,
Он сказал: «Ну, свет!
Нынче даже к чину
Уваженья нет!»

<1862>

¹ И так далее. (Франц.) — *Ред.*

ТОВАРИЩУ

Товарищ, не ропщи!
Хоть мы с тобой иззябли
И лишь пустые щи
Едим, как *мизерабли*;
Пускай у богачей
В роскошном бель-этаже
Уха из стерлядей,
Сюпремы и потажи;
Пусть к ним судьба добра,
Палаты их нагреты;
Пусть им кроит Сарра
И брюки и жилеты,
А мы бежим с тобой
К российскому тайлёру —
Какой уж тут покрой,
Лишь только было б впору!
Пускай богач несет
Мешки в ломбард, для росту,
А мы же свой доход
Несем подальше к мосту!
Зато ведь богачам
Подагрой сводит ногу,
А мы, привыкши к шам,
Здоровы, слава богу!
На днях вот богача,
От преизбытка пищи,
При помощи врача
Стащили на кладбище;

Какой был крик и вой —
Пересказать нет средства!
Ну, точно на Сенной —
Из-за его наследства.
Придет пора и нам!
Но мы с тобой, дружище,
Отправимся к отцам
Без шуму на кладбище,
Потащат нас с двора
На скорбной колеснице. . .
Addio! ¹ фельдшера
Обуховской больницы.

1862

¹ Прощайте! (Итал.) — *Ред*

БЕЗЗАБОТНАЯ

Что за скверная девчонка —
Беззаботна страх!
Вечно мятая шляпчонка
И бурнус в дырах.
Вишь, не может взять иголки:
Страх болит рука! —
А проказничать — из *пчелки*
Делать петушка,
Иль чинить мою фуражку,
Иль порой коту
Привязать, шутя, бумажку
Ниткою к хвосту;
Папиросы мне от скуки
Делать в уголке —
Оттого у ней и руки
Вечно в табаке.
А заметь, что руки желты
У нее — так что ж?
Вдруг как крикнет: «Да пошел ты!» —
Ну, и отойдешь.
Нигилистка беззаботна:
Ей не прекословь, —
С нею нас связала плотно
Бедность и любовь.

<1862>

ЧИЖИК

На грош не верят в лавке,
Начальник строг и лют,
И мне, увы! прибавки
За службу не дают;
От службы хуже кия
Иссох я — ну, хоть брось!
А между тем другие
Всё лезут врозь да врозь...

Болтают, что начальник
Не прочь подчас того...
На днях вот умывальник
Он взял у одного,
А у другого дрожки
Взял нынче по весне...
По этой вот дорожке
Пройтись бы надо мне...

Ох! смертная охота,
Да участь-то горька:
Ведь из вещей всего-то
В каморке бедняка
Лишь пара ветхих книжек,
Гитара да пенсне,
Да мой приятель-чижик,
Висящий на окне.

«Постой, постой!.. вот штука!.. —
Я вскрикнул в тот момент. —
Начальнику снесу-ка
Я чижика в презент;

Признаться, тяжело мне
Расстаться было с ним:
Он другом был в Коломне
Единственным моим!»

Ах! сняв с окошка клетку,
От горести дрожа
И завернув в салфетку
И клетку и чижа,
Расстроен, с мутным взглядом,
Крепясь от горьких слез,
К начальнику я на дом
Чиликалку понес.

Увидевши, что ношей
Я был обременен,
Начальник мой хороший
Прислугу выгнал вон;
И стал со мной — о диво! —
Любезен невпример
И спросил учтиво:
«Что это — несесер? . . .»

— «Нет-с, — говорю я, — клетка;
А в клетке чирик. . .» — «Что-с? —
Сказал начальник едко,
Здравши кверху нос. —
Вы думали, что взяткой
Прельщусь я! — крикнул он. —
Ах вы, мальчишка гадкий! . . .
Извольте выйти вон! . . .»

И, право, уж не помню,
Как в милые края,
В любезную Коломню
С чижом вернулся я.
Поступок неуместный
Надежды все пресек
И доказал, что *честный*
Начальник человек.

ПЕТРУШКА

К нам на двор шарманщик нынче по весне
Притащил актеров труппу на спине
(Деревянных, впрочем, а не тех живых,
Что играют роли из-за разовых).

Развернул он ширмы посреди двора;
Дворники, лакеи, прачки, кучера
Возле ширм столпились, чтобы поглазеть,
Как Петрушка будет представлять комедь...

Из-за ширм Петрушка выскочил и ну:
— Эй, коси-малина, вспомню старину! —
Весело Петрушка пляшет и поет;
«Молодец каналья!» — говорит народ.

Вот пришли арапы, начали играть, —
А Петрушка палкой по башкам их хватать!
С жалобой арапы поплелися в часть...
Голоса в народе: распотешил всласть!

Выскочил квартальный доблестный и стал
Приглашать Петрушку за скандал в квартал...
Петька не робеет: развернулся — хлоп!
Мудрое начальство в деревянный лоб...

Петька распевает, весел, счастлив, горд, —
Вдруг из преисподней появился черт
И басит Петрушке: «Ну, пойдём-ка, брат!...»
И повлек бедняжку за собою в ад.

Запищал Петрушка... «Не юли вперед!
Вот те и наука!» — порешил народ.
Я б сказал словечко за Петрушку, но
Многих ведь, пожалуй, раздражит оно.

<1864>

ГОРЯЧИЙ ЧЕЛОВЕК
(И. И. МОНАХОВУ)

Фу! какой горячка! уж не даст потачки
Никому герой мой — ни слуге, ни прачке,

Ни жене, ни детям; если в разговорах
Встретит фальшь какую — вспыхнет, точно порох!

Пыль столбом поднимет! .. ибо чист душою:
Подлость, лезть противны моему герою.

Впрочем, поднимает дым-то коромыслом
Он лишь там, где можно, и всегда со смыслом:

Если пофальшивит добродушный фoфан, —
Тут герой мой страшен: на ножи готов он. . .

Налетит на жертву, точно хищный ворон. . .
Если ж позубастей кто, то ведь хитер он:

Притворится мертвым и не слышит будто. . .
Нос уткнет в газету и молчит. . . (вот плут-то!)

Мой герой отменно ревностный служака,
Не видал ни разу я на нем пиджака,

Сюртука иль фрака, — вечно в виц-мундире:
И в гостях, и дома, даже и в трактире. . .

Как-то раз «начальство» чрезвычайно мило
Над моим героем утром пошутило:

«Говорят, вчера вы были в маскараде,
В черной полумаске и в цветном наряде,

Правда ли?» Герой мой понял эту шутку,
Но схитрил отлично. Помолчав с минутку,

Задрожал всем телом и сказал со злобой:
«Хоть я червь пред вами, пред такой особой,

Хоть вы мой начальник, коего до смерти
Я люблю за гений, за талант, — но верьте,

Что шутить с собою так вам не позволю!»
(Вынул тут платок он и слезам дал волю.)

«Вижу, — рек начальник, улыбаясь сладко, —
Что с тобой, мой милый, пошутил я гадко!..

Ну, ну, ну! — *горячка!* .. мир! — давай-ка руку! ..»
(Ловкую, разбойник, выкинул он штуку!)

А на днях герой мой до того взбесился...
Просто из окошка выпрыгнуть решился:

«Выпрыгну, пустите!» — он кричал сердито...
(Сажень этак восемь было до земли-то.)

Ну, да удержали... жаль! — а хорошо бы
Посмотреть на пятки этакой особы! ..

<1864>

Ли́ра моя, ли́ра,
 Добра́я подруга,
Ты брени́шь для́ мира
 Скромно́ в час досу́га...

В небога́той келье́,
 Ве́к с нуждо́ю споря́,
Ты полна́ весе́лья —
 Ну, а больше́ горя́...

Светских льви́ц бога́тых,
 С выто́ченным ста́ном,
Стра́сти и на́ряд их
 Воспева́ть куда́ нам!..

Жи́рного бога́тства
 Не да́ря купле́том,
Я ли́шь там, где бра́тство,
 Де́лаюсь поэ́том:

Где́ любовь́ живе́е,
 Где́ хо́ть лю́ди ни́щи,
Но́ умо́м трезве́е
 И душо́ю чи́ще...

Юно́сть! для́ тебя́ ли́шь
 Я игра́ю рифмо́й:
Ты́ одна́ похва́лишь
 Искренни́й мотив мой!..

<1867>

НЕКТО

Человек я откровенный
И сознаюсь, что в наш век
Самый я обыкновенный,
Самый смирный человек.
Не привязан я к напиткам,
Не бываю в кураже;
Страсть имею лишь к визиткам
Фабрикации Жорже.
Бредя модными штанами,
Я еще имею страсть:
Европейскими делами
Позаняться этак всласть...
Раз у Вольфа, в общей зале,
Закуривши наргиле,
С сослуживцем мы болтали
О баварском короле...
Болтовнею неуместной
Занимаясь, я узрел,
Что какой-то неизвестный
Господин за нами сел:
За газетой сидя в зале,
Он на нас упер зрачки...
На носу его торчали
Темносиние очки.
Подозрительно он что-то
Все глядел из-за стола:
О Баварии охота
У меня болтать прошла...

Завернувшись пледом серым,
Не доевши вкусный фарш,
Незаметнейшим манером
Из кондитерской я — марш!
Шедши быстро вдоль проспекта,
Оглянулся я — и страх
Изумился: этот *некто*
От меня был в трех шагах...
Я направо — он направо,
Я налево — он за мной...
Я от этой гонки, право,
Ног не слышал под собой.
Наконец при повороте
Он меня остановил:
«Извините, где вы шьете
Ваше платье?» — он спросил.
Руки, ноги онемели,
Голос мой совсем исчез;
Я ответил еле-еле
Фистулою: «У Жорже-с!»
— «Я приезжий: все мне ново, —
Некто снова мне запел. —
Имя модного портного
Я узнать у вас хотел...»
И ушел он вдоль проспекта,
Пробурчавши мне «мерси!»...
Что за странные субъекты
Существуют на Руси!..

<1868>

СОВРЕМЕННЫЕ РАЗГОВОРЫ

«Ум мой и сердце тревожат
Множество жгучих вопросов...»
— «Вы нездоровы, быть может,
Наш современный философ?»

— «Голод, лихие болезни
Всё представляю себе я...»
— «Что за унылые песни, —
Лучше споем из «Орфея»!

— «Грустно, что к нуждам гнетущим
Мало движенья в нас, мало!...»
— «Мы, чтоб помочь неимущим,
Пляшем всю ночь до отвала!...»

— «С мохом мешая мякину,
Люди больны и угрюмы...»
— «Да ведь на днях же складчину
Делали им по рублю мы».

— «Вдоль по дорогам без счету
Встретите драм вы народных...»
— «Вздор! по дороге к Дороту
Мы не встречали голодных!»

— «В вас фатовства только бездна,
А не участия к скорбящим!...»
— «Мы вас за это, любезный,
И к мировому потащим!...»

— «Смолкни же, скорбная лира,
Смолкни! напрасно ты стонешь, —
Ведь равнодушного мира
Горем народным не тронешь! . . .»

— «Чем о голодных-то охать
И принимать всё так к сердцу,
Лучше махнете к Дюссо хоть —
Хватимте там редерерцу! . . .»

<1868>

В И К Т О Р Б У Р Е Н И Н

ВИКТОР БУРЕНИН

Виктор Петрович Буренин родился 22 февраля 1841 г. в Москве, в семье архитектора. Одиннадцати лет он поступил в московское архитектурное училище, которое окончил в 1859 г.

Еще будучи учеником архитектурного училища, Буренин руководил разными постройками. В подмосковном имении Н. Д. Пушкиной-Фонвизиной Марьине он сошелся с ее племянником — поэтом С. Ф. Дуровым, незадолго до этого вернувшимся из сибирской ссылки. В своих неизданных воспоминаниях о Пушкиной Буренин пишет: «В Марьине, кроме меня и этой дамы <воспитанницы Пушкиной> и старой-престарой нянюшки Н. Д., заведывавшей хозяйством, жил еще петрашевец С. Ф. Дуров. Он очень благоволил ко мне за то, что я в то время переводил «Ямбы» Огюста Барбье. Дуров высоко ценил этого поэта... Благодаря его указанию, я перевел лучшие из ямбов Барбье. С. Ф. очень хвалил мои переводы. Но в то время их по цензурным причинам печатать было невозможно».¹

В Москве у Пушкиной Буренин познакомился с декабристами М. М. Нарышкиным, Г. С. Батеньковым, П. С. Бобринцевым-Пушкиным.² В те же годы Буренин сблизился с поэтом-петрашевцем А. Н. Плещеевым, только в 1858 г. вернувшимся из ссылки, и постоянно посещал его литературные собрания; здесь он впервые встретил Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Некрасова.³

Буренин писал стихи с детства, первое время подражая Фету. Сохранилась его более поздняя тетрадь, в которой преобладают

¹ Рукоп. отд. Пушкинского дома. Архив Буренина.

² В воспоминаниях Буренина, написанных в глубокой старости, имеются неточности. Он пишет, что работал у Пушкиной уже после смерти ее мужа, в 1859 г. Между тем Дуров жил в Марьине в 1857 г. и затем уехал на юг. О знакомстве Буренина с декабристами см. также статью о нем П. В. Быкова — «Всемирная иллюстрация», 1887, № 963; здесь в их числе упомянут и И. И. Пущин.

³ «Воспоминания о М. Е. Салтыкове». — Архив Буренина.

любовные стихотворения разочарованного юноши, написанные под явным влиянием Лермонтова.¹ Вместе с тем уже в годы учения в архитектурном училище Буренин был известен в товарищеской среде как автор сатир и экспромтов.

Литературная деятельность Буренина началась осенью 1861 г. сотрудничеством в «Колоколе» Герцена. В «Колоколе» появилась его корреспонденция «Спасение цензуры в Москве» — о неосуществленном проекте адреса литераторов по поводу ареста поэта и революционера М. И. Михайлова.²

О политической репутации Буренина в начале 60-х годов мы можем судить на основании показаний Вс. Костомарова по делу Чернышевского. Вот что говорится в них в связи с московским революционным кружком: «Некто Буренин, архитектор, был указываем Костомарову как руководитель кружка молодежи, готовый на уличные агитации».³

В начале 60-х годов Буренин окончательно осознает себя писателем и завязывает все более широкие литературные знакомства. В 1862 г. его стихотворения и драматические сценки появляются в «Дне» Аксакова, «Зрителе» и «Искре». Напечатанная в «Искре» остроумная сцена «Шабаш на Лысой горе или журналистика в 1862 году» понравилась Некрасову, и он пригласил ее автора сотрудничать в «Современнике». А вот что писал Некрасову Салтыков-Щедрин 29 декабря 1862 г.: «Слепцов обещал привести ко мне завтра некоторого остроумца с материалами для «Свистка»; если материалы недурны, то можно и еще кое-что набрать: у Жемчужникова и у другого молодого человека, живущего в Москве, г. Буренина, который уже печатался в «Искре».⁴ Весною 1863 г. в сатирическом приложении к «Современнику» «Свистке» появились сатиры Буренина «Драматические сцены по поводу выхода „Современника“», «После первого чтения г. Юркевича по „философии“» и др.

В 1863 г. Буренин переехал в Петербург, где первое время продолжал работать в качестве архитектора; уже сделавшись довольно известным литератором, он бросил архитектуру для литературы. Печатаясь в разных журналах («Современнике», «Искре», «Библиотеке

¹ Архив Буренина.

² «Колокол», 1861, л. 112 от 15 ноября, с. 937. В следующем, 113-м листе (с. 944—945) был напечатан «Текст адреса, не подписанного московскими литераторами», повидимому присланный Бурениным вместе с корреспонденцией. На авторство Буренина указал Б. Б. Глинский в книге «Революционный период русской истории», ч. 1, СПб., 1913, с. 107.

³ «Процесс Н. Г. Чернышевского». Саратов, 1939, с. 118.

⁴ Полное собр. соч., т. 18. М., 1937, с. 177.

для чтения», «Зрителе» и др.), Буренин выступает одновременно и как переводчик, и как лирический поэт, и как автор пользовавшихся наибольшим успехом юмористических и сатирических стихотворений, поэм, драматических сцен и пародий. В них он высмеивает «благонамеренных» и лжепатриотов, твердящих о том, что в России царит полный порядок и полное согласие всех сословий «под эгидою мудрых законов» («Благонамеренная поэма»), обличает социальное неравенство, презрительное отношение господствующих классов к мужику, жрецов «чистого искусства», реакционную журналистику и либералов. Буренин неустанно преследовал главного идеолога дворянской реакции Каткова, ему принадлежат острые сатиры на умеренно-либеральный «Голос» Краевского, журналы Достоевского, крепостнические статьи Фета и др.

Не все, разумеется, попадало в печать. Так, 25 июня 1863 г., в то время, когда под влиянием польского восстания цензура стала особенно придирчива, В. С. Курочкин писал Буренину: «Очень Вам благодарен за «Патриотические заметки»; к сожалению, они не могут пройти, как и сами Вы пишете. Бешенство цензурной реакции дошло до времен Мусина-Пушкина. Вы бы очень обязали меня, если бы на это, как говорят, *переходное* время присылали статейки и стихотворения невинного содержания».¹

Буренин и сам смирял свою злость и ненависть, понимая, что им все равно не суждено дойти до читателя. В его архиве сохранилось, например, начало неоконченной сатирической повести «Тринадцать генералов. Подробная и достоверная летопись многообразных трудов и походов, предпринятых некоторыми солидными и благонамеренными особами ради спасения отечества». Это острое произведение начато, повидимому, непосредственно после каразовского выстрела. Автор повествует в нем о тайном «обществе исследования и искоренения зловерного нигилизма в государстве российскийском», председателем которого является Феопрепий Папианович Патриотов, товарищем председателя — Агафопус Агафоподович Идиотов, а членами — Тигрий Урванович Неукротимов и др. Председатель произносит речь о борьбе с сатанинским «духом пренапитывающим» путем «изыскивания», «искоренения» и т. д., и общество принимает решение установить связь с Сикофантовым и Казенно-объявленским (Катковым и Леонтьевым). На описании поездки в Москву повесть обрывается, — Буренин, верно, понял, что она все равно не будет напечатана.

Но и те вещи, которые появлялись в журнале, неоднократно

¹ «Поэты „Искры“». Л., 1933, с. 406.

вызывали возмущение цензурного ведомства, а в 1872 г. № 15 «Искры» был конфискован за сатиру Буренина «Исправленный реалист или юноша ликея», направленную против Каткова.

В 1863—1865 г. Буренин был одним из основных сотрудников «Искры». После 1865 г. произведения его печатались на страницах «Искры» значительно реже. С 1865 г., не прекращая работы в «Искре», Буренин, однако, систематически вел фельетон, а затем обозрение журналистики в либеральных «С.-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша, с которыми «Искра» неоднократно и остро полемизировала. Много печатался он и в «Будильнике». С конца 60-х годов Буренин сотрудничал в органе русского либерализма «Вестнике Европы» и в то же время в «Отечественных записках» Некрасова, где появилось несколько десятков его сатир и переводов.

Сотрудничество в журналах и газетах столь различного направления свидетельствует о том, что политический радикализм молодого Буренина не отличался глубиной и последовательностью. В 1872 г. происходит разрыв между «Отечественными записками» и Бурениным. Прекращается и его к тому времени сделавшееся уже только эпизодическим сотрудничество в «Искре». Буренин продолжает активную работу в одних «С.-Петербургских ведомостях».

В 1875 г. «С.-Петербургские ведомости», по проискам Каткова, были отняты у Корша. Тогда популярный фельетонист «С.-Петербургских ведомостей» А. С. Суворин взял в свои руки газету «Новое время», куда с ним перешли некоторые сотрудники газеты Корша, в том числе и Буренин. Сначала «Новое время» имело либеральный оттенок, но вскоре Суворин переметнулся в правительственный лагерь и превратил свою газету в реакционный черносотенный орган. «„Нововременство“, — писал В. И. Ленин, — стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство». ¹ Вместе с «Новым временем» эволюционировал в том же направлении и Буренин. Он был главным критиком «Нового времени» и в течение нескольких десятилетий занимался травлей передовых течений русской общественной мысли и литературы.

Лишь небольшая часть произведений Буренина 60-х и начала 70-х годов была перепечатана в его сборниках «Стихотворения» (1878), «Былое» (1880), «Стрелы» (1880), «Песни и шаржи» (1886).

В 60-е годы Буренин печатался под разными псевдонимами: Владимир Монументов, Выборгский пустынный, Михаил Антиспатов, Худозад Цередринов и др.

Буренин умер 15 августа 1926 г.

¹ «Карьера». — Сочинения, 4-е изд., т. 18, с. 251.

„НАШЕ ВРЕМЯ“

Как старый танцмейстер, легка,
Хотя тяжеленько в ней бремя, —
На годы взглянув свысока,
Она назвалась «Наше время».

Как старый Кирсанов, нежна,¹
Болтлива, как древняя «Пчелка»,
Над временем нашим она
Острит и солидно и колко.

Не страшны ей проблески «Дня»,
Сильна в ней к прогрессу привычка;
Чичерин в ней мудр, как змея,
И Павлов увертлив, как птичка.

В ней слиты и сумрак и свет;
В ней правда зовется химерой,
Одно исключенье — бюджет
Воспет с надлежащею мерой.

Она — идеал наших дней,
Когда, по словам Мельгунова,
Цензура цензурных статей
Свободней свободного слова.

¹ См. «Отцы и дети» Тургенева.

Она залетит высоко,
Затем что летит осторожно;
Купить ее очень легко,¹
Зато уж читать невозможно.

1862

¹ Цена 9 р., с перес<ылкой> 10 р. 50 <к.>, в кн<ижном>
маг<азине> Бабунова, в Москве.

ДИФИГРАМЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Тебя пою, родная пресса!
Твои мне милы красоты:
Благонамеренность прогресса
И скромной гласности цветы!

Мне мило все: Борис Чичерин,
Скарятин, Мельников, Катков.
Я от обеден до вечерен
Статьи их читать готов.

Люблю, когда Скарятин дерзкий
Копытом бьет врагов своих,
И друг раскольников Печерский¹
Карает тех, кто грабил их!

Когда «свободному артисту»
Меланхолический свистун
Катков в элегии цветистой
Пророчит близкий карачун;²

Когда блестящий самородок
Чичерин примется вещать,
Что от одних *перегородок*³
Мы можем счастья ожидать;

¹ Печерский — псевдоним г. Мельникова, автора повести «Полярков».

² Смотри «Современную летопись Р<усского> в<естника>».

³ Одни «сословные перегородки» могут дать нам силу, по словам г. Б. Чичерина.

Когда боец с душою страстной,
Хоть и доживший до седин,
Сей бич Надимова ужасный,
Сей неподкупный гражданин —

Бессмертный Павлов — на сближенье
Дворян с народом восстает
И в молодое поколенье
С передовых своих высот

Швыряет грязью, как, бывало,
Швырял в него старик Фаддей,
Пером Белинского — нахала
Сраженный на закате дней.

Люблю «Пчелы» я лист большущий
И сикофантов в ней люблю,¹
Люблю порой на сон грядущий
Прочсть Юркевича статью.

И после сытного обеда
Душе незлобивой моей
Так мил, «Домашняя беседа»,
Твой примирительный елей.

Заочный, Ржевский и компания
Равно мне сердце веселят,
Я чтить привык их дарованья
И здравый их на вещи взгляд!

Тебя пою, родная пресса!
Твои мне милы красоты:
Благонамеренность прогресса
И скромной гласности цветы.

1862

¹ С и к о ф а н т — слово, кажется, греческое, введенное в нашу прессу «Русским в <естником>».

ИЗ ЦИКЛА „ПАРИЖСКИЙ АЛЬБОМ“¹
(ПОСВЯЩАЕТСЯ А. Н. МАЙКОВУ)

С легкой руки А. Н. Майкова поэтические альбомы разных местностей вошли в моду. В прошлом № «Искра» представила читателям «Венецианский альбом», теперь предлагается «Парижский». Мы надеемся еще предложить любителям поэзии альбомы лондонский, константинопольский и нагасакский. Выпуск в свет общего роскошного издания этих альбомов будет зависеть от согласия А. Н. Майкова. Без его альбома издание не состоится.

1

Три часа. В лесу Булонском
Экипажей едет ряд;
В них изящнейшие денди,
Дамы пышные сидят.

Что за модные деревья!
Куст наряднее куста!
Золотист песок дорожек,
И трава вокруг них густа.

Все так чинно и прилично...
Но всего приличней *он*
В шегольском кабриолете —
L'empereur² Наполеон!

¹ Все стихотворения этого альбома относятся к Парижу прошлого года. Я уверен, что с той поры ничего не изменилось; там то же правительство, те же полисмены, тот же И. С. Тургенев; недостает только меня, но к лету я думаю побывать туда. — Автор.

² Император. (Франц.) — *Ред.*

Серый взгляд его спокоен,
Вид приличный дан усам
И en deux ¹ с императрицей
Лошадьми он правит сам.

Победитель при Мадженте,
Автор «Цезаря», герой,
Отчего тебе в прогулке
Не сопутствует конвой?
.....

2

В русской церкви за обедней
Весь beau monde ² наш собрался;
Там Тургенева я встретил;
Поболтали с полчаса.

«Каково, Иван Сергееч,
Поживаете?» — «Merci.
Все пишу о нигилистах —
Русь от них Христос спаси!»

— «Нет ли с Севера известий?»
— «Вот Некрасов пишет мне,
Будто всякий день ему я
Все мерещуся во сне».

— «Что вы?» — «Право! зазывает
В «Современник»; ну, да я
Не поддамся, симпатию
В сердце к «Вестнику» тая».

3

Я любил за чашкой кофе
Восседать в café Dugand.
Там февральской революцыи
Начался плохой роман.

¹ Вдвоем. (Франц.) — *Ред.*

² Высший свет. (Франц.) — *Ред.*

Там фразерствовал когда-то
Благородный гражданин,
Автор разных медитаций
И виконт de Lamartine.

Там в дни оны «депутаты»
Проживали годы в час,
Революцию создавая
И волнуясь из-за масс!

А теперь сидят там чинно
Буржуа и пьют лафит,
И пред входом полицейский
Ходит мрачен и сердит. . .

4

Diable m'emporte! ¹ Гулять я вышел
От «Сопкорде» ² и вдоль «аркад».
Что ж? — едва ль не в каждой арке
Полицейские стоят!

Sacrebleu! ¹ До Tour Saint-Jacques ³ я
Прошагал всю «Риволи» —
И клянусь вам, полисмены
Непрерывной цепью шли!

Sacristie! ¹ К Палероялю
Выхожу я: тут и там
Полицейские повсюду —
Посредине, по углам!

Cent milles diables! ¹ Иду я дальше:
Rue Saint-Marc, quartier Bréda ⁴
Охраняет равномерно
Полицейская орда!

¹ «Черт возьми!», «Сто тысяч чертей!» и т. п. ругательства.
(Франц.) — *Ред.*

² Площадь Согласия. (Франц.) — *Ред.*

³ Башня Сен-Жак. (Франц.) — *Ред.*

⁴ Улица Сен-Марк, квартал Бредá. (Франц.) — *Ред.*

Ventre-saint-gris! Вот на бульвары
Занесла меня судьба.
Что же? — вижу полисменов
Я у каждого столба!

1863

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ ПО ПОВОДУ ВЫХОДА
„СОВРЕМЕННОКА“**

I

В МОСКВЕ

Магазин Базунова. Два «благонамеренных».

1 - й б л а г о н а м е р е н н ы й
Кто сей толстый, Базунова
Запрудивший магазин?

2 - й б л а г о н а м е р е н н ы й
Это *он* явился снова,
Нигилизма ярый сын!

1 - й б л а г о н а м е р е н н ы й
Что ж, воздержанный начальством,
Стал ли нынче он смирней?

2 - й б л а г о н а м е р е н н ы й
Нет, увы, с былым нахальством
Все шипит, шипит, как змей!

1 - й б л а г о н а м е р е н н ы й
Что ж, великого Каткова,
Заслужившего хвалу,
Он...

2 - й б л а г о н а м е р е н н ы й
Отделывает снова,
Изрыгнув Москве хулу!

1 - й благонамеренный
Что ж, исполнен прежней блажи,
Отвергает дерзко он
Даже? ..

2 - й благонамеренный
Ну, ему все «даже» —
Бред, сумбур, мечтанья, сон!

1 - й благонамеренный
Что ж, ужель опять скандалы
Он пускает, как пускал?

2 - й благонамеренный
(махнув рукой)
Что тут! все как есть журналы
Поголовно обругал!

1 - й благонамеренный
Что ж, ужель опять «мальчишки»
В нем найдут себе притон?

2 - й благонамеренный
Да уж в этой первой книжке
Им хвалы слагает он!

1 - й благонамеренный
Что ж, ужель раздастся снова
Возмутительный «Свисток»?

2 - й благонамеренный
Да, сей бич всего святого
В надлежащий выйдет срок!

Оба вместе

(с ужасом)

О, бежим от Базунова:
Нас враждебный гонит рок!

II
В ПЕТЕРБУРГЕ

Невский проспект. Сходятся: М. Достоевский, Громека
и Краевский; у каждого «Современник».

Достоевский
Появился!

Громека
Вот он!

Краевский
Эка
Толщина-то, толщина!

Громека
Да... а кто ж, как не Громека,
Разрешению вина?
В прошлой «хронике» я смело
Стал начальству объяснять,
Что теперь пора приспела
Нигилистам волю дать.

Достоевский
(язвительно)

Ну, почтеннейший мой, смею
Объяснить вам, на свою
Написали вы на шею
Эту мудрую статью!
Вот уж с ними солидарность
Вы иметь бы не должны:
Посмотрите, в благодарность
Что вам пишут «свистуны».
(Показывает ему какую-то статью.)

Громека
Что? невежда я и школьник?!
(Громовым голосом)
Ну так слушай, Невский град:
«Современник» есть крамольник!
Нигилизм — ужасный яд!

Достоевский

(Краевскому)

А меня на «почве» милой
Оскандалили!

Краевский

(меланхолически)

Грущу...

Достоевский

Ну, да я сберуся с силой:
Купно с Федором отмщу
Иль Косицу напущу!

Голоса благонамеренных
из атмосферы

Сей журнал — исчадь мрака!
В нем хозяин — сатана!

Краевский

Так, друзья мои; однако
Толщина-то, толщина!

1863

**ПОСЛЕ ПЕРВОГО ЧТЕНИЯ
г. ЮРКЕВИЧА ПО „ФИЛОСОФИЯ“**

Грянул гром не из тучи...

Ах я грешник окаянный!
Я себя в восторге чистом
До сегодняшнего полдня
Называл матерьялистом.

Был я к Бюхнеру привязан,
Покоряясь общей моде,
И читал его девицам
В запрещенном переводе.

Наводил на дам московских
Больше, чем все черти, страха,
Проповедуя идеи
Молешотта, Фейербаха!

Но ко мне внезапно в душу
Благодать сошла господня:
Мне Юркевич многоумный
Свет ее открыл сегодня.

Доказал он мне — о небо,
Я предвидеть это мог ли! —
Психологии незнанье
В обожаемом мной Бокле!

Горько плачь, несчастный Бюхнер,
Достодолжную острастку
Обещает дать тебе он,
Сняв с твоей системы маску!

Для девиц и дам московских
Ты не будешь страшной тенью,
Не привьешься гнойной язвой
К молодому поколению!

Вот тебе пример: навеки
Я прощаюся с тобою,
Породнил меня Юркевич
С философией иною;

Почитать я буду старших,
Полон к ним благоговенья;
И в великий пост намерен
Справить ровно два говенья!

1863

ГЛАВЫ ИЗ „БЛАГОНАМЕРЕННОЙ ПОЭМЫ“

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Слава нам! В поганой луже
Мы давно стоим,
И чем далее, тем хуже
Мы себя грязним!

Конрад Лилиеншвагер.

III

«Велика и обильна родная земля» —
Мы читали из школьных тетрадок;
«Но порядка в ней нет» — прибавлялось; теперь
Положительно есть и порядок.

Не угодно ль взглянуть — поразительный вид:
Вот народ в шестьдесят миллионов,
Что в любви и примерном согласьи живет
Под эгидою мудрых законов.

Всем известно, на праве основан закон...
Как бы здесь мне хотелось здраво
Бросить взгляд на идею, значенье и цель
Высоко мною чтимого права.

Изъяснил бы весьма юридически я,
Что спасительна порка для вора,
Как толкуют Капустин, Чичерин Борис
И юристов немецкая свора.

Но боюсь от предмета отвлечься... к тому ж
И «причин независящих» бездной
Руководствуюсь я... Так не лучше ль опять
Возвратиться к отчизне любезной?

Мы сказали, порядок у нас и во всем
Равновесие сил разнородных:
В низших классах наивная честность, зато
Есть лукавство рабов в просвещенных.

Все сословья концерт у нас общий дают;
Что за звуки! разлив их так ровен,
Так приятно согласен! В гармонии нам
Уступают Моцарт и Бетговен!..

Это точно, была роковая пора,
Взволновались однажды мы очень,
В оны дни, как солидные лица свои
Удостоивать стали пощечин.

Жажда плюх, как известно, пришла из Москвы:
Там, великих начал провозвестник,
Первый начал валять по ланитам себя
Джентельмен раздражительный «Вестник».

Мудрый Кокорев в такт ему вдруг заушил
Тучный лик свой, и вслед им Погодин
Энергично взялся за ланиты свои,
Находя, что сей акт благороден.

Петербургу понравилось это; и мы
Года два перед взором Европы
Колотили себя и в то время нашли,
Что не надо и розог!..

(Говорят — не ручаюсь за верность молвы, —
Что в те бурные дни из аптеки
Для целения арнику больше всего
Отпускалось Степану Громеке.)

Воспевали поэты в высоких стихах
Заушения подвиг отменный

И пророчили нам, что в грядущем за то
Вознесем мы в целой вселенной. . .

Появились, однако, тогда ж господа,
Что немножко в скептическом духе
Объясняли всеобщую жажду — себе
Задавать с наслаждением плюхи.

Эти скептики нам утверждали, что мы,
Потеряв на ланиты чужие
Наше прежнее право, себя по щекам
Принялись колотить, как шальные!

Впрочем, плюхи звучали. . . и стихли потом;
Раздалась на железной дороге
Вновь одна, но уж та по чужому лицу,
И — порядок остался в итоге!

У

Я, читатель, от няни-старушки слышал
В дни волшебню мелькнувшего детства
Много сказок чудесных: один этот клад
Мне она завещала в наследство.

На меня не посетуют, если теперь
Сказку я расскажу: отчего нам
Не запеть, как певалось в минувшие дни,
Простодушно-младенческим тоном?

Я люблю звуки песен былого, люблю
Этих звуков волшебные песни;
Сердцу сладко минувшие дни вспоминать,
С ними жизнь и светлей и чудесней! . .

Так начнем же: далеко, в заморских краях
Жил волшебник Прогресс благодушный,
Правил мирно страной да творил чудеса,
И Прогрессу все были послушны.

Жил Прогресс, не тужил; да случилось, узнал,
Что есть целые грады и веси,

Где в спокойствии добрые люди живут
Да и знать не хотят о Прогрессе.

Он разгневался. «Ну, — говорит, — коли так,
Сам иду я, своею персоной
К этим людям: посмотрим мы, как-то у них
Будет принят властитель законный?»

Собрался он без свиты; шел день, может два,
И пришел наконец: ничего-то
Не видать — ни долинок, ни речек, ни гор,
Лишь зловонное видно болото.

Люди разных чинов и сословий сидят
В том болоте средь грязи смердящей,
Жрут ее да хвалебные песни поют,
Полагая, что пищи нет слаще.

«Что за мерзости!» — плюнул волшебник Прогресс.
Да и прочь было. . . глядь: вместо суши
Очутилась трясина под ним — и завяз
Он в трясине по самые уши!

Оглянулся он в страхе: толпою к нему
Разноцветные люди всплывали —
На лицо ему плюнули грязью, потом
Сами грязь ту облизывать стали. . .

И сидит в том болоте Прогресс, и досель
Он не может уйти из болота. . .
«Ну уж сказка!» — кричат мне. Соскучились вы? —
Самому мне невесело что-то. . .

«Для чего же рассказывать было ее? —
Что за басни, давайте нам дело!»
Для чего? — «есть причина, но я не скажу
Ее звездам небес!». . . (из «Отелло»).

Впрочем, если угодно, вам можно теперь
Насладиться приятной мечтою:

.

То ли дело у нас-то, такой ли прием
Был оказан прогрессу сынами
Милой родины? принят он был, восхвален
И осыпан в восторге цветами.

На Скарятине въехал он в славе; в Москве
Был он встречен Катковым, лорд-мэром,
На пути ему Павлов песок посыпал,
И скакал Розенгейм пионером.

Все младенцы ему воспевали хвалу:
Калиновский, ¹ Громека, Чичерин,
Князь Черкасский с березовой ветвию шел,
Заливался Скарятин, как мерин. . .

VI

Ах, куда мы идем? до чего мы дойдем? —
Часто слышатся эти вопросы
В нашем обществе мудром, и часто от них
Сильно духом смущаются россы.

Отвечают одни: мы идем всё вперед;
Но другие, исполнясь тревоги,
Возражают: да что же нас ждет впереди?
И не лучше ль присесть на дороге?

Может быть, впереди-то — спаси нас господь —
Сами будем мы жизни не рады;
Ну, как месяцы вроде «плювьёзов» пойдут, ²
А недели заменят «декады»?

Ну, как вдруг, например, на Арбате, в Москве,
Развернутся деревья свободы?
И под ними российские девы начнут
В белых юбках водить хороводы?

¹ Г. Калиновский — издатель ныне почившего прогрессивного журнала для детей «Светоч».

² Здесь автор, очевидно, имеет в виду исключительно ежемесячные хронические предсказания г-на Громеки, потому что, кроме его, у нас, кажется, еще никто не предсказывал революции. Это ясно из сопоставления г. Гончарова — Марату и г-жи Кохановской — m-me Ro'and. Хороша вышла бы революция при таких деятелях! *Примечание* > наборщика.

Ну, как вдруг целовальник у нас с мясником
Зашумят, загуляют не в шутку?
И нельзя будет их на веревке свести,
Для смирения должного, в будку?

Ну, как «Почты» редактор Иван Гончаров
Обратится внезапно в Марата,
Кохановская выйдет подобьем Roland? . .
Что-то мы затолкуем тогда-то!

Но к столь страшным мечтаниям склонны умы
Только слишком наивного свойства,
Я сказал уж однажды: порядок у нас —
Так какие же тут беспокойства?

Надо только одним признаться: чтоб мы
Были в жизни невинны и чисты,
Яко голуби, и да исчезнут, как дым,
Из родимой земли нигилисты!

Это мирного общества нашего зло,
Это Запада гнойного дети;
Им не свято отечество самое, им
Ничего нет святого на свете!

Им благие реформы дают: например,
Улучшая цензуру, хлопочут
«Предварение» вместе с «каранием» слить —
А они безобразно хохочут!

Вред их обществу признан давно; и теперь
Нигилистов смиряют отлично:
В Петербурге келейно их правят, в Москве
Исправляет Юркевич публично.

Мне, однако, читатель, казались всегда
Эти меры медлительны очень;
Как быстрее нигилизм истребить до конца —
Этим я горячо озабочен.

Порошок я хочу изобресть, чтоб сморить
Порождение злых элементов:

Свистунов, журналистов, писателей всех
И, особенно, дерзких студентов.

.

VII

Ну, однако, довольно, малютка моя,
Будет петь нам. . . Уж скоро ведь, светел,
На востоке заблещет небес горизонт,
Уж два раза выкрикивал петел. . .

На плечо ты склоняешь головку ко мне,
И повязка чела золотая
Ароматные кудри не может сдержать. . .
Я дремлю, эти кудри лаская. . .

И как будто нисходит желанный покой. . .
Но покою нельзя мне отдаться;
Нет, малютка моя, не давай мне заснуть:
Мне всегда сны ужасные снятся!

Невеселые сны! Все-то слышу я в них
Безотрадные вопли и скрежет,
Слышу песни ликующих праздно. . . и мне
Звук той песни, как нож, сердце режет!

Снится мне: воеет грустно метель, и снега
Заметают деревню. . . Под кровом
Полусгнившего сруба рыдает бедняк,
Истомлен боем с жизнью суровым. . .

И зачем он рыдает безумно? кого
О спасеньи, о помощи просит?
Снится мне, что рыданья и вопли его
Только ветер да вьюга разносит!

Страшны мне эти сны, надо мною они
Пролетают всю ночь до рассвета. . .
Но увы! На вопрос о значении снов
Не дает моя Муза ответа.

ПРИЗРАКИ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ И. С. ТУРГЕНЕВУ, Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ
И ВСЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ „ВОЛЕЗНЕВНОЙ“ ПОЭЗИИ)

I

Столицу севера одела тьмою ночь.
В душе пылающей не в силах превозмочь
Желаний огненных вакхического ража,

Я жаждал повстречать «любви и неги дочь»,
Бродя вдоль галлерей таинственных Пассажа.

Я жаждал и мечтал. . . Вдруг, как эдем светла,
Ко мне прелестная девица подошла,
В бурнусе бархатном и в скунсовой боярке,

И за руку меня таинственно взяла;
Ее глаза как свечи были яркие.

— Скажи: «возьми меня», — она шепнула мне;
Я задрожал и весь сгорел, как бы в огне,
Услышав шепот сей приветный, хоть неясный.

И из Пассажа вон мы вышли в тишине
Под ручку с девой тайной, но прекрасной.

— Открой, о дева, мне, кого в тебе я зрю? —
Я страстно молвил ей, приблизясь к фонарю,
В надежде разглядеть попристальнее фею.

Она в ответ: «К тебе любовью я горю!
Мне имя: Ерунда; я быть хочу твоею!»

Услышав эту речь, я был душой смущен;
В уме мелькала мысль неясная, как сон:
Ну, вдруг окажется при блеске света *рыло?* . .

А дева чудная, взяв полный неги тон,
— Скажи: «возьми меня», — с улыбкой мне твердила.

И, слыша в тьме ночной прелестный голосок,
Напора страстных чувств я выдержать не мог
И молвил нежно ей: «Возьми меня с собою!»

И вдруг, о страх! земля исчезла из-под ног,
И я под небеса унесся с Ерундою!

— Куда меня влечешь? — вскричал я Ерунде.
И мне в ответ она: «Не бойся, милый! Где
Ты в нынешнюю ночь гулять со мной желаешь?»

Не полететь ли нам вон к синей той звезде?
В моих объятиях ты счастье там узнаешь».

— О нет, коварная! — свой гнев воспламеня,
Я молвил Ерунде, — любовью заманя,
Ты с почвы унесла поэта адской силой,

Неси ж теперь скорей, волшебница, меня
В Москву родимую, в мой город, сердцу милый.

И, кротко прошептав «закон мне твой приказ»,
Со мною Ерунда как вихорь понеслась,
И у нее в руках, весь замирая странно,

Я не успел мигнуть — клянуся в том — двух раз,
Как увидал главу Кремлевского Ивана!

II

Объята тихим сном, давно спала Москва;
В двух или трех домах мерцал едва-едва
Дрожащий свет огней сквозь темные окошки;

Дремали все купцы, храпя, как борова,
И в упоении на крышах ныли кошки.

Болвановка темна. Науки жрец Памфил
Сном мирным мудреца на ложе опочил
И видит пред собой он бога Абсолюта.

На Спиридоновке Иван-славянофил
Спит сном невинности, храпя довольно круто.

Везде безмолвие, все полно тайных чар.
Тверская улеглась, и тих Страстной бульвар;
Но там, тая в душе ад совершенно Дантов,

Не зная, как унять горящих чувств пожар,
Гуляет публицист московский Сикофантов.

Он шепчет: «Сокрушу я нигилистов род,
Погибнут от меня и Фогт и Молешотт!
Я к благу поверну систему воспитания:

Отныне Цицерон, Сенека, Геродот
Заменят химии губительное знание!»

Он шепчет и, от сих идей освирепев,
Рычит и мечется, как царь пустыни лев,
И наподобие кликуши дико стонет;

И ванька, едущий поблизости, узрев
Сей вид пугающий, быстрее клячу гонит. . .

На это зрелище, летая в вышине,
Глядел я целый час — и скучно стало мне.
Я молвил Ерунде: «Душа моя уныла,

Я мучаюсь хандрой в родимой стороне:
Ах, если б ты меня в Париж перетащила! . . .»

III

Мы взмыли над Москвой, что кулики; мой взор
Едва узрев во тьме цепь Воробьевых гор
И медных двух орлов на Пресненской заставе. . .

Дорогой с Ерундой вступил я в разговор:
— Во сне ли мы с тобой летаем или въяве? —

Я спутницу спросил; и, прислонясь ко мне
Пурпурной щечкою, горящей как в огне,
Она таинственно и сладостно шептала:

— Поверь, мой милый друг, что это не во сне.
Я не с тобой одним в полночной тьме летала;

Еще не так давно мы сряду ночи три
En deux ¹ с Тургеневым носились до зари
По разным сторонам; мой он слышал вздохи,

Как слышишь ты в сей миг (рассказ о сем смотри
У Достоевского Михаила в «Эпохе»).

— Помилуй, — я вскричал, — меня морочишь ты:
Иван Сергеевич летал средь высоты,
Как повествует сам, с британкой Эллис, с дамой? —

Но кротко Ерунда сказала мне: «Мечты! —
Те ночи он провел, мой друг, со мною самой. . .»

IV

Вот новый Вавилон; мы в воздухе текли
От длинной tour Saint-Jacques над rue de Rivoli. ²
При свете фонарей домов белели стены,

И цепью длинную, теряясь вдали,
На улице везде стояли полисмены.

Вот массой стройною мелькнул Пале-Рояль,
И магазинов газ, и бронза, и хрусталь,
И длинных галлерей громадные размеры. . .

Вот зданья Тюльери, штыков блестящих сталь
И будки, будки всё, а в будках гренадеры.

¹ Вдвоем. (Франц.) — *Ред.*

² Башня Сен-Жак над улицей Риволи. (Франц.) — *Ред.*

Вот rue Saint-Honoré, вот place de la Vendôme,¹
И министерств дома раскинулись кругом,
Вот знаменитый столб; здесь, духом благороден,

Взошел на высоту и роковым плевком
Огадил весь Париж ученый муж П<огоди>н.

Вот «Мира» улица, богатая отель;
Там драматург Сарду, в виду имея цель
Стяжать от высших лиц порядочную сумму,

Не может задремать, хоть лег давно в постель,
И сладко думает о новой пьесе думу.

Начальство слушая, отделать должен он
Таких говорунов, как Тьер и Жюль Симон,
Всю «опозицию» задеть обязан в драме,

И слышится ему металла сладкий звон,
И франки видит он, текущие реками.

Мы дальше понеслись, как будто легкий пар.
С толпой шумящею пред нами был бульвар;
Вот и café Anglais;² рекой лилась в нем водка,

Зане кутила там семья российских бар;
.

Мне тошно сделалось. . . «Скорее, Ерунда, —
Молил подругу я, — неси меня туда,
На родину мою, в полночную столицу!»

Но в улице Сен-Марс в момент сей, господа,
Внезапно я узрел прелестную девицу:

То Берта милая! Ах, я узнал ее:
Как сладко в оны дни текло с ней бытие
В сей самой улице (забыл, который номер).

¹ Вот улица Сент-Оноре, вот Вандомская площадь. (Франц.) —
Ред.

² Английское кафе. (Франц.) — *Ред.*

Ах, если б рассказать блаженство вам мое. . .
Я деньги все растрес, а сам едва не умер!

— К ней отпусти меня! — подруге я изрек.
Но лик у Ерунды от ревности поблек,
Она дрожала вся, как будто в лихорадке. . .

И, сделав в небеса отчаянный скачок,
Помчалася как вихрь, держа меня за пятки!

v

Я в обмороке был; когда ж очнулся я,
Уж светлою зарей зажглись небес края.
Летели плавно мы на высоте, как птицы;

И скоро, свой восторг невольный не тая,
Узрел я здания полуночной столицы.

Мы над Литейною с подругою неслись;
Мне, признаюсь, слететь хотелось очень вниз,
Я нежно посылал всему привета вздохи. . .

Вот дом Краевского — громаднейший карниз!
А это, боже мой, редакция «Эпохи»!

Смотрю — и что ж? своим не верю я глазам:
Нас с Ерундой узрел Д<остóевск>ий и нам
Вдруг крикнул в форточку: «Я знаю все, как ночь вы

Скитались вдвоем по разным городам,
Как вы оторвались от русской милой почвы!

Я знаю это все, и клятву вам даю —
В апрельском нумере пушу о том статью!
Сколь вредоносны нам беспочвенные лица,

Я в ней пред публикой подробно разовью
(Мне будет недосуг, так настрочит Косица)».

Услыша эту речь, я гнев сдержать не мог
И крикнул с высоты столь громко, сколько мог:
— Ведь и тебе грешки различные не чужды,

Сотруднику NN ты должен пяточок —
Итак, «не искушай меня в сей миг без нужды»!

Бог знает, до чего б дошла у нас вражда,
Когда б, столь пылкий спор услышав, Ерунда
Не бросила меня, в испуге взвизгнув дико,

Я пал. . . и только мог опомниться тогда,
Как выпил рюмки две Crimée у Доминика. . .

1864

«ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Это было печальное утро: туман
Над столицей свой саван гробовый
Распростер, с неба дождь, будто слезы, лился,
Веял холод повсюду суровый. . .

Я на площадь пришел. . . Там толпа собралась,
Эшафот поднимался там черный:
Три ступени, дощатый помост и на нем
Столб с тяжелою цепью позорный.

В строй сомкнувшись, солдаты стояли кругом,
Палачи на помосте гуляли,
И жандармы задами своих лошадей
С наглым видом толпу оттесняли.

Отделения Третьего мерзостный штаб
Тут же был — и с султанами кепи
Любовались с злорадством жестоким, когда
Укрепляли железные цепи. . .

Небо было темно, ветер жалобно выл. . .
Час за часом тянулся уныло. . .
Сердце было мучительной пыткой полно
И тоской ожидания ныло. . .

Раздался стук колес. . . Загремел барабан,
И карета подъехала. . . Вышел
Из нее человек — и его на помост
Палачи повели. . . Я не слышал

Вздохов скорби в толпе: каждый в сердце таил
Муки сердца. . . но взоры сверкали
Скорбным гневом. . . Он шел мимо нас, и пред ним
Все мы головы низко склоняли.

Бледен лик его был, но смотрел, как всегда,
Он с иронией горькой. . . Своими
Палачами он был окружен, но в тот миг
Не они — он смеялся над ними. . .

Но когда, приговор прочитавши, к столбу
Притянули ему цепью руки,
И с открытым челом он стоял под дождем
С бледным ликом, исполненным муки, —

О, тогда вздохи скорби толпа не могла
Превозмочь. . . и у женщин катились
Слезы, горькие слезы из глаз,
И сердца наши злобою бились. . .

Палачи! Как Христа, приковали его
У столба казни цепью позорной,
Приковали за то, что к свободе он звал,
Что насилья был враг он упорный! . .

1864

СОН ПУБЛИЦИСТА

ПРОЛОГ

Реакция тихо над темной землей
Плыла в вышине голубой
И взоры кидала с высоких небес
И видела всюду прогресс.

Стремился к прогрессу богатый чужак,
Стремился к прогрессу бедняк;
Все люди сливались в стремление одно —
И он, и она, и оно!

Свершалось быстро у сельских людей
Развитие новых идей:
По Миллю и Смиту о вольном труде
Судили пейзажи везде.

И в школах их детям давались — о, страх! —
И Штраус и сам Фейербах!
И дщери, прекрасные дщери пейзажей
Читали Жорж Занда роман!

В столицах развитие — сказать вообще —
Свершалось быстрее еще:
Везде фаланстеры, и в каждом канкан,
Отрадный сердцам россиянам;

И резвые группы прелестных маркиз,
Сей танец свершая, неслись,
И старцев и юношей милых толпа
Преловкие делали па...

СОН

Пала ночь; на небе чистом
Звезд сияет миллион;
Над великим публицистом
Низошел спокойный сон.

Он лежит на ложе сонном,
Будто некий сибарит;
Объявлением казенным
Шелк завес постельных шит.

Он лежит под одеялом
Из статей передовых;
Развеают опахалом
Воздух два городских.

К персям он в каком-то жаре
Прижимает Гнейста том
И портрет де Молилари
В медальоне золотом. . .

Полночь бьет. . . Городовые —
Дети слабые земли —
Впали в сон; две мухи злые
Публицисту в нос вползли.

Но лежит он, равнодушный
К уязвленью наглых мух,
И во сне мечтой воздушной
Публициста занят дух.

Перед ним в одежде белой
Дева чудная стоит;
Скромнен взор у ней, но смелый,
Благородно-смелый вид.

Вся газетными листами
Изукрашена она;
И призывными словами
Девы чудной речь полна:

«Встань, пророк! и панталоны
И пиджак скорей надень.
Гибнут братьев миллионы,
В городах, средь деревень!

С сорока восьми губерен
Ста субъектов не сберешь,
Кто вполне благонамерен,
Кто отверг прогресса ложь!

Те, что на руку нечисты,
Те, что тешат сатану:
Нигилисты, коммунисты
Переполнили страну!

Даже тем, что в высшем ранге
Служат родине — о, страх! —
Фаланстеры и фаланги
Представляются в мечтах!

Столь ужасное стремленье
Милых родины детей
К темной бездне развращенья
Укrotи, пророк, скорей!

Ты недаром пред собою
Лик реакции узрел:
Встань, избранник, — и за мною!
Для свершенья славных дел!..»

Изъяснившись столь речисто,
Дева скрылась.. Сперся дух
В нежных персях публициста,
И... чихнув, спугнул он мух!

<1864>

Ночи звезды, звезды ночи...
Платья шелест, шелест платья...
(Бросив мрачный тон, игриво
Начинаю вновь писать я).

Ручки, ножки, ножки, ручки...
Плечи, талья, талья, плечи...
(Вижу, как тебе приятны,
Мой читатель, эти речи!)

Лепет, трепет, трепет, лепет...
Поцелуев акты, акты...
(Отчего, о мой читатель,
Взволновался бурно так ты?)

Вздохи неги, неги вздохи,
Ласки, шепот, шепот, ласки...
(Отчего, читатель, маслом
У тебя покрылись глазки?)

Страстный ропот, ропот страстный,
Взора искры, искры взора...
(Здесь конец. Грустишь, читатель,
Что окончилось скоро?)

<1864>

В РЕДАКЦИИ „ДНЯ“

Через день посетил я редакцию «Дня»,
Но увы! не застал там Аксакова:
Он на даче был; жаль! признаюсь вам, я ждал
От беседы его блага всякого!

Двух знакомых славян встретил там я; они
Расспросили, где маюсь по свету я,
И, узнавши, что я в Петербург возвращусь,
Стали плакать, о грешнике сетуя.

Стали плакать, что сущность народных идей
От меня затемнит там «русляндия»,
Что забудется мной Кохановская и
Буду помнить меж тем о Жорж Санде я. . .

Плач их слезный желая прервать, я спросил,
Как идет их газета? Ответили:
«Очень плохо: да как и идти хорошо!
Времена теперь, знаете, эти ли!

Наши все поразъехались нынче; один
Здесь остался Аксаков; субботние
Он статейки с охотой пишет, но их
Не читают гораздо охотнее!

Грустно сделалось мне. . . Из редакции я
К Сикофантову думал отправиться:
О газете его я, читатель, хотел
С положительной точностью справиться.

Далеконько идти было; к счастью, мне
Повстречался хожалый; хожалого
Я спросил: что, подписчиков много у них?
— Десять тысяч покуда без малого.

— Убеждения, значит, — сказал он затем, —
В январе изменить там намерены;
Но куда повернуться им — в этом еще
В настоящий момент не уверены. . .

<1864>

ИЗ ПОЭМЫ „ПРЕРВАНИЕ ГЛАВЫ“

ГЛАВА IV

Я всегда осуждал направление тех,
Кто порядком вещей недоволен
И в наш век положительный жаждой реформ
И утопий мечтательных болен.

Мне порядок иной непонятен, как тот,
Освященный веками, с которым
Существует весь мир: удивительный вид
Представляет пытливым он взорам.

В основании его вложен строгий принцип —
Нуждам разных людей соразмерно
Потребление дадут: так, богатым всем жить
Хорошо суждено, бедным скверно.

В самом деле, нельзя же равнять меж собой
Бедняка с богачом; ведь бедняк-то
С колыбели к лишениям привык: меньше ест
И желает скромнее он как-то.

А богатый — он роскошью вскармлен, повит
Кружевами, парчою и шелком,
Он привык жить просторно, свежо и тепло,
В аппетите равняется с волком.

Строго мысля, читатель, бог знает зачем
Филантропам сочувствуем все мы:
Ведь стремление их бедным братьям помочь —
Нарушенье разумной системы.

Понимают ли сами они, что творят,
Извлекая из бездны проклятой
Нищеты и несчастья детей? Ах! какой
Их добро отзовется им платой!

Эти страшные люди, которым они
Подадут нежно руку спасенья,
Эти люди на место себя их столкнут
В бездну зла — в этом нету сомненья.

Филантропии, думаю я, путь иной
Нужно выбрать, чтоб братии нищей
Радикально помочь: нужно бедных людей
Насыщать идеальною пищей.

Эстетических прелестей тайну открыть
Нужно им, красоты тронуть струнки
В их сердцах, объяснив, что лохмотья нужды,
Ветхий кров хороши. . . на рисунке;

Что стенанья, мольбы голодающих масс,
Вид нужды, скорбный вид угнетенья
Много песен гражданских внушают певцам,
Возбуждая в певцах вдохновенье;

Что богатый на золото всё покупать —
И картины и песни обязан,
А бедняк в отношеньи таких же вещей
Затрудненьем подобным не связан:

Стоит только взглянуть на свой ветхий костюм
Иль на кровлю, как дождь в нее льется,
Иль прислушаться к стонам своим — и душа
Эстетическим жаром зажжется!

Здесь я с гордостью должен признаться: у нас
Благодетели есть для народа,
Что советуют меры на пользу ему
Совершенно такого же рода.

Радикалы, поборники крайних начал
Их бездушными шельмами, может,
Назовут; но ведь мнения крайних людей
В наши дни никого не тревожат.

Что касается лично меня, я вполне
Благодетелям верю и внемлю
С восхищеньем их мудрым советам: отнять
У крестьянина право на землю.

Разумеется, землю господь сотворил
Лишь для избранных лиц, как трудиться
Предоставил на ней он одним, а другим
Есть плоды тех трудов и лениться.

Неужели в народ добровольно вносить
Тунеядство должны мы? Ах, верьте,
Что мужик оттого на работу идет,
Что боится голодной он смерти!

Благодетельный стимул такой отстранять
Неразумно из жизни народной;
Крепостным вечно впроголодь жил «мужичок»,
Пусть он так же живет и свободный!

Состоянье такое имеет в себе
Благ так много: умеренность в пище
Нашу плоть укрощает и делает дух
Благородней, светлее и чище.

При желудке пустом обращается мысль
Исключительно к хлебу и, праздно
Не стремясь к разъяснению тайн бытия,
Охраняет себя от соблазна.

.

СОНЕТ

Temps futur! vision sublime!

«Lux». V. Hugo.¹

Мне снился сон: от края и до края
Европой всей владеют пруссаки
И формируют из людей полки,
Везде порядок мудрый водворяя.

Вокруг полков свиной толпится стая,
Баранов жирных блещут курдюки;
Профессора пасут их, сквозь очки
По-гречески Гомера разбирая.

Весь мир цветет: всем смертным почтальоны
Приносят письма в срок, везде вагоны
В назначенные движутся часы.

Ретур-билеты введены повсюдно,
И над землей развеян запах чудный
Гороховой берлинской колбасы!

1870

¹ Грядущие времена! величественное зрелище! «Lux». В. Гюго.
(Франц.) — *Ред.*

РОМАНС

Пред Парижем осажденным
Двое рыцарей стоят,¹
Оба к грозным бастионам
Устремили жадный взгляд.
Блещут оба сединою,
На обоих шишаки,
Оба пахнут колбасою,
Оба с виду пруссаки.

Оба мыслят: «Уморим мы
Здесь тьмы тем своих солдат,
Но Париж сей покорим мы,
Ибо в нем царит разврат;
Ибо выправки казенной,
Ибо юнкерских идей
Вавилон сей развращенный
Был врагом от давних дней.
Он хроническим азартом
Раздражать себя привык,
Он, покончив с Бонапартом,
Крикнул: vive la republique!²

Мы ль потерпим, чтоб в сем мире,
Где отныне мы введем
Благочестие в мундире,

¹ Гр. Бисмарк и гр. Мольтке.

² Да здравствует республика! (Франц.) — *Ред*

Зрелся вольности Содом?
Нет, гротфатер абсолютный,
Что от неба людям дан, —
Он смирит канкан беспутный,
Революции канкан!»

1870

ВИЛЬГЕЛЬМСГЭЙСКИЕ МЕЛОДИИ

I

ГРУСТЬ

Ах, почто за меч воинственный
Отдан мной, на склоне лет,
Друг империи единственный —
Полицейского кастет!
Я б не знал печаль, которую
Здесь терплю средь вражьих уз:
Был бы прочной мне опорой
Верный мой Пьетри со сворою
Знаменитых «белых блуз».

В Тюльери, порой вечернею,
Я б примернейший комплот
Сочинил и с глупой чернию
Стал играть, как с мышью кот.
Я Париж мутил бы драками,
Видом битых фонарей,
И травил бы я собаками —
Господами Кассаньяками
Радикалов, как зверей.

Совершенствою полицию
И смеясь в усы тайком,
Потешал бы оппозицию
Я Эмилем-дураком.

Опекая высшей властью
Всю Европу, каждый час
Ей грозил войны напастию,
Укрепил свою династию
И империю бы спас.

Но, прельстясь победной славой,
Но, поверив, что Лебёф
С гордой прусскою державою
На войну «архи-готов»,
Войско к Рейну с восхищением
Двинул я и, там «Люлю»
Окрестив «огня крещением»,
Поразил весь мир... пленением —
И подобен стал нулю! . .

Ах, почто за меч воинственный
Отдан мной, на склоне лет,
Друг империи единственный —
Полицейского кастет!
Я б не знал печаль, которою
Здесь томлюсь средь вражьих уз:
Был бы прочной мне опорой
Верный мой Пьетри со сворою
Знаменитых «белых блуз».

II

ГРЕЗА

Молча сижу пред дворцовой террасой,
Жгу папиросу и думаю праздно:
Раса германская с гальскою расой
Тешатся бойней весьма безобразной.

Я заварил эти страшные битвы
Для укрепления себя на престоле
И к небесам воссылаю молитвы:
Пусть они длятся свирепей и доле.

Стол мой весьма хорошо сервирован,
Кормит меня королевский здесь повар;

Свиты любезностью я очарован:
Вид ее лъстив и почтителен говор.

Пусть полоумные там адвокаты
В жертву республике граждан приносят:
Справятся с ними Вильгельма солдаты,
И наконец они мира запросят.

Тут, лишь порядка приблизится время,
Бисмарк придет меня с тронем поздравить,
Даст мне коня, сам подержит мне стремя —
И поскачу я вновь Францией править!

III

ЖЕЛАНИЯ

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня!

Лермонтов.

Развяжите узы плена,
Дайте Франции мне трон,
Дайте армии Базена
И седанский легион!
Дайте свору полицейских,
Дайте регентшу, «Люлю» —
Я порядков европейских
Мирный ход восстановлю!

Революцию успокоив,
Я тюрьмою устращу
Всех республики героев:
И Гамбетту и Трошою;
Я смирю сынов измены —
Буйство красных я смирю,
Население Кайенны
Я, клянусь, учетверю!

Я восточного вопроса
Грозный призрак прогоню;
Криком дикого тюркоса
Я Царьград обороню!

Верьте мне, придумал здесь я,
В тихой праздности часы,
Как поправить равновесья
Европейского весы!..

1870

**ПЕСНЬ
О ПЕДЕФИЛЕ И ПЕДЕМАХЕ**

I

Патриоты и пророки
Педефил и Педемах
За любезную отчизну
Ощутили в сердце страх.

И была причина страху:
От полярных хладных льдов
И до «пламенной Колхиды»
Зрится гибель всех «основ».

Разложение проникло
В нравы, в мысли и сердца,
Благочиние в презренье,
Беспорядкам нет конца. . .

II

Основанье государства
Есть семья — ковчег всех благ;
Что же зрят в семье российской
Педефил и Педемах?

Дети грудь сосут и мыслят —
Чтоб развиться поскорей —
О химическом составе
Молока их матерей!

Пососавши, начинают
О семейном рабстве речь,
Утверждая, что отцы их
Не имеют права сечь!

III

Чем народы крепки? — верой
В провидение; но ах,
Веры сей не зрят в отчизне
Педефил и Педемах.

Благочестие утратив,
Миллионы россиян
Убеждаются, что люди
Родились от обезьян;

Что из всех законов вечных
Человечеством один
Руководит — тот, который
В наши дни открыл Дарвин.

IV

Отторжение окраин
Может Русь низвергнуть в прах;
Что же видят по окраинам
Педефил и Педемах?

Видят ковы и интриги,
Равнодушие «высших сфер»
К обрусительным приемам
И забвенью прежних мер,

Видят вывески на польском,
На немецком языках —
И трепещут патриоты
Педефил и Педемах.

V

Пресса здравая есть признак
Здоровой жизни; что ж в статьях
Русской прессы обретают
Педефил и Педемах?

Порицание порядка,
Непочтительность к властям, -
Недостаток уваженья
К греко-римским словарям.

Вредный дух демократизма
И глумление — о страхе! —
Над мужами, коих имя
Педефил и Педемах.

VI

Обозрев все эти страхи,
Педефил и Педемах
Порешили непреложно
Справить Русь во всех частях.

Ради цели сей ликейский
Храм воздвигнув в наши дни,
В нем работать принялися
Древних мальчиков они.

В этих мальчиках лекарство
Всей Руси от гнойных ран,
Эти мальчики исправят
Радикально россиян.

VII

Но в ликее, что содержат
Педефил и Педемах,
Дивных мальчиков немного,
Русь меж тем обширна страх.

«Хорошо бы, — мнят пророки, —
Современных всех ребят
В древних мальчиков обделать» —
И проект о сем строчат;

И поспешно посылают
К славным невским берегам
С несомненною надеждой,
Что его одобрят там. . .

VIII

«Если нам удастся, — мыслят
Педефил и Педемах, —
Провести проект, к величью
Русь пойдет на всех парах.

Нигилизма дух исчезнет
Навсегда — и россов род,
Классицизмом просвещенный,
Власть над миром обретет.

Если наш проект отвергнут,
Сгибнет Русь вконец: таков
Жребий стран, где отрицают
Пользу древних языков! . . .»

эпилог

Слух идет, что, сею мыслью
Педефил и Педемах
Занимаясь непрестанно,
Повредились в умах!

1871

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

«Плохо, Петр Иванович?»
— «Плохо, Петр Ильич!
Думал, нынче за ночь
Хватит паралич:
Слышали, в суде-то
Что творится? Ох,
Верьте мне: нас это
Наказует бог!

Школьникам, мальчишкам —
Просто стыд и срам —
Поблажает слишком
Председатель сам!
Вежлив, как в салоне:
«Смею вам сказать...»
В эдаком-то тоне
С *ними* рассуждать!

Ну, и адвокаты
Тоже молодцы-с! . . .
Русь, вперед пошла ты —
Эй, остерегись!
Коль в суде так будут
Вольно говорить,
Гласный этот суд-ат
Надо затворить!

Уж и приговором
Одолжили нас!

Мы убийцу с вором
Строго судим — да-с!
Если ж — вот прогресс-то! —
Покарать мятеж
Надо судьям — теста
Мягче судьи те ж! . .

Коли в этом роде
Все пойдет — ей-ей,
Русь на полном ходе
К гибели своей!
Да-с, прогресс сей ввержет
Нас злосчастья в ров,
Если не поддержит
Господин Катков!»

1871

СОБАЧИЙ ППР
«ЯЗ О. БАРБЬЕ»

I

Ложился солнца луч по городским громадам
И плиты улиц тяжким зноем жег,
Под звон колоколов свистели пули градом
И рвали воздух вдоль и поперек.
Как в море вал кипит, лучам покорный лунным,
Шумел народ мятежною толпой,
И пушек голосам зловещим и чугунным
Песнь «Марсельезы» вторила порой.
По узким улицам и здесь и там мелькали
Мундиры, каски и штыки солдат,
И чернь, под рубищем храня сердца из стали,
Встречала смерть на грудах баррикад;
Там люди, сжав ружье рукой, от крови склизкой,
Патрон скусивши задымленным ртом,
Что издавать привык лишь крики брани низкой,
Взывали: граждане, умрем!

II

Где ж были вы тогда, в кокардах разноцветных,
В батисте тонком, родины сыны,
Вожди бульварные, герои битв паркетных,
Чьи лица женской красоты полны?

Что делали вы в день, когда средь страшной сечи
Святая «сволочь», бедняки, народ
Под сабли и штыки, под пули и картечи,
Презревши смерть, бросались вперед?
В тот день, когда Париж был полон чудесами,
Смотря тайком на зрелище борьбы,
От страха бледные, с заткнутыми ушами,
Дрожали вы, как подлые рабы!

III

О, это потому, что Вольность не маркиза,
Одна из тех великосветских дам,
Что падают без чувств от каждого каприза
И пудрятся, чтоб свежесть дать щекам!
Нет, это женщина с могучими сосцами,
С громовой речью, с грубою красой,
С огнем в глазах, проворными шагами
Ходящая пред шумною толпой.
Ей люб народа крик и вопль кровавой схватки,
И барабанов боевой раскат,
И запах пороха, и битвы беспорядки,
И в мраке ночи воющий набат!
Она лишь с тем предастся сладострастью,
Тому прострет объятия любви,
Кто черни сын родной, кто полон мощной властью,
Кто обоймет ее рукой в крови!

IV

Дитя Бастилии, топча ногою троны,
Горячей девой к нам пришла она,
И весь народ пять лет, любовью распаленный,
С ней тешился без отдыха и сна.
Но ей наскучило быть грубых ласк приманкой,
И сбросила она под гром побед
Фригийский свой колпак и стала маркитанткой,
Любовницей капрала в двадцать лет!
И вот теперь она, прекрасная, нагая,
С трехцветным шарфом, к нам опять пришла

И, слезы бедняков несчастных отирая,
В их душу силу прежнюю влила.
В три дня ее рукой низвергнута корона
И брошена к народу с высоты,
В три дня раздавлено, как прах, величье трона
Под грудой мостовой плиты!

v

И что ж? — О стыд! — Париж великий и свободный,
Париж, столь чудный в гнев роковом
В тот бурный день, когда грозы народной
Над властью грянул беспощадный гром;
Париж с священными минувшего гробами,
С великолепием печальных похорон,
Со взрытой мостовой, с пробитыми стенами —
Подобием изорванных знамен;
Париж, обвитый лаврами свободы,
Кому дивится с завистью мир,
Пред кем с почтением склоняются народы,
Чье имя чтут, как дорогой кумир, —
Увы, он ныне стал зловонной грязи стоком,
Вертепом зла бесстыдного он стал,
Куда все мерзости сливаются потоком,
Где катится разврата мутный вал;
Салонных шаркунов он сделался притоном:
К пустым чинам и почестям жадна,
Толпа их бегаёт из двери в дверь с поклоном,
Чтоб выпросить обрывок галуна!
Торгуя честью и теща черни страсти,
В нем нагло ходит алчности порок,
И каждая рука лохмотьев павшей власти
Окровавленный тащит клоч!

vi

Так издыхающий далеко от берлоги,
Сражен свинцом безжалостным стрелка,
Лежит кабан; под жгучим солнцем ноги
Он вытянул, и пена с языка
Струится с кровию. . . Уж он не рвет капкана,

Он замер в нем. . . Вздогну́л последний раз
И умер, пасть открыв кровавую, как рана. . .
И вот труба победно раздалась:
Тогда, как волн ряды, собак свирепых стая
Рванулась вдруг, и слышен там и тут
В долине резкий гул их смешанного лая,
Как будто псы пронзительно зовут:
«Пойдем, пойдем! Кабан лежит сраженный в поле!
Теперь настал победы жданный миг,
Нас цепь охотника не сдерживает боле,
Он наш, он наш! точите острый клык!»
И, бросившись на труп в порыве алчной злобы
И когтем и клыком готовая терзать,
Вся свора роется внутри его утробы,
И каждый пес спешит кусок урвать,
Чтоб, встретившись потом на псарне с сукой жадной,
Открыв в крови дымящуюся пасть,
Ей бросить кость, издавши вой злорадный:
«Вот и моя в добыче часть!»

<1866>

НИКОЛАЙ ЛОМАН

НИКОЛАЙ ЛОМАН

Николай Логинович Ломан родился 4 февраля 1830 г. В 50—60-х годах он преподавал русский язык и словесность в военно-учебных заведениях: в Новгородском кадетском корпусе, 2-м кадетском корпусе в Петербурге, 2-й военной петербургской гимназии и др. В 1862 г. вместе с преподавателем артиллерии Слуцким Ломан издал «Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса», в связи с его столетним юбилеем. Назначенный в 1868 г. директором петербургского тюремного комитета, Ломан заведовал его отделами, председательствовал в исправительном совете и хозяйственном правлении. Каждый проект, направленный к улучшению быта малолетних арестантов и смягчению тяжелых условий их жизни, находил в его лице энергичного защитника. Жизнь его текла, повидимому, довольно спокойно и благополучно, и вряд ли соответствует действительности каламбур П. А. Степанова:

Судьбой ты мало избалован —
Порою Гнут, порою Ломан.¹

Он умер 5 декабря 1892 г. в чине действительного статского советника.

Литературная деятельность Ломана длилась очень недолго. Она началась в 1858 г. В журнале «Весельчак» под псевдонимом «Август Дик» Ломан напечатал несколько довольно бледных юмористических стихотворений.

Расцвет его таланта падает на 1860 и 1861 гг., когда в «Искре» под другим псевдонимом — «Н. Л. Гнут» — появился цикл его фельетонов «Литературные вариации».

Борьба с «чистой поэзией» была центральным моментом фельетонов Ломана; сердцевину их составляли включенные в них пародии на Фета, Случевского, Вс. Крестовского, Мея, Каролину Павлову, русских переводчиков Гейне и др.

¹ «Петербург. газета», 1898, № 127.

В своих «Литературных вариациях» Ломан (как это делали до него Козьма Прутков и Новый поэт — И. И. Панаев) надевает на себя маску безусловного поклонника «чистой поэзии», еще более обостряя, таким образом, жало своей насмешки. Свои пародии он выдает за подражания любимым поэтам. Полемизируя якобы с приветствовавшим пародии «злоречивого Гнута» Амосом Шишкиным (А. П. Сниткиным), другим пародистом «Искры», и со стихотворением Пр. Преображенского (Н. С. Курочкина) «Вы не поверите, что мне сегодня приснилось...», он писал: «Решительно я начинаю считать себя непонятою натурою! Помилуйте: тогда Амос Шишкин усмотрел в моих вариациях злоречие; теперь г. Преображенский объявляет меня чуть не врагом гг. Случевского и Кускова. Уж и не знаю, право, чем я подал повод к подобным заключениям! Хвалю откровенно, простосердечно — в похвале моей видят иронию; пишу рабское подражание любимому поэту — литературную вариацию принимают за пародию». ¹

Ломан прежде всего берет под обстрел идейный комплекс пародируемого объекта, доводя его до абсурда и компрометируя в глазах «нормального человека». Обращаясь к произведениям, в которых уход от противоречий современной жизни проявляется в форме увлечения экзотикой далеких стран и эпох, Ломан пародирует их «высокий» сюжет, противопоставляя экзотической обстановке и образам неприглядный серенький быт и показывая, с чем же мы сталкиваемся в действительности. Он высмеивает поэзию мимолетных настроений, эротические мотивы, влечение к таинственному, необъяснимому, загадочному, романтическую лексику и романтический пейзаж (иронически подчеркивая при этом перенесение человеческих чувств и переживаний на явления природы), гипертрофию звукового начала стиха и формалистическое приглушение смысла.

Пародии Ломана пользовались в свое время большой популярностью. Наряду с пародиями Добролюбова, они явились одной из причин, заставивших замолчать на много лет не только П. А. Кускова, но и такого крупного поэта антидемократического лагеря, как К. К. Случевский.

Писал ли Ломан после 1861 г. — неизвестно. По свидетельству современника, он всегда вспоминал об «Искре» «с особым благоговением». ²

¹ «Искра», 1860, № 39, с. 418.

² «Минута», 1882, № 122, примечание редактора к «Литературным воспоминаниям» П. И. Пашино.

НА КЛАДБИЩЕ

Я взобрался на могильную плиту
И внимательно смотрел, как на лету
Два тяжелые, кургузые жука
Колошматили друг друга под бока,
Как в объятиях березу дуб сжимал,
Как под деревом опёнок вырастал,
Как паук, среди своих дневных хлопот,
Фантастический выплясывал матлот.
Так на кладбище за жизнью я следил,
И Случевский мне на память приходил:
Вспомнил я, как он на кладбище лежал,
Как под ним мертвец о камень лбом стучал,
Как мертвец т-г Случевского просил,
Чтобы тот его на время хоть сменил. . .
По закону же *содружества идей*,
Вспомнил случай я другой, еще страшней:
Вспомнил нищего, разрушенный гранит,
И восставшего из гроба страшный вид.
Ветра свист, луны дрожащий свет,
Мертвеца протест и нищего ответ. . .
И невольный трепет в сердце проникал,
Но попрежнему на камне я лежал,
И попрежнему сшибались жуки,
Отличались в матлоте пауки,
Всё с березами амурились дубы,
Всё росли еще под деревом грибы.

1860

ПЕРЕД МИЛЮТИНЫМИ ЛАВКАМИ

Пошли, господь, свою подачку
Тому, кто жаркою порой,
Как утлый челн в морскую качку,
Идет по знойной мостовой. . .
Он смотрит к Вьюшину тоскливо
В окно на крупный виноград,
На абрикосы, дули, сливы,
На пастилу и мармелад.
Не для него кокос, арбузы,
Гранаты в золотом огне,
Не для него и толстопузый
Гомар разлегся на окне. . .
И фрукт привозный, из Мессины,
Напрасно взор его манит:
Сок ароматный, апельсиновый,
Увы, его не освежит! . .
Так облегчи, господь, вериги
Тому, кто много претерпел,
Кто в здешней жизни, кроме фиги,
Других плодов еще не ел.

<1860>

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

Я доживал в одном квартале
Десятый год;
Но вот почил квартальный в мале —
Я просьбу в ход:
К стопам начальства припадая,
Квартал просил.
И как-то вывезла кривая:
Наш утвердил!
Квартал достался мне богатый. . .
Тут на меня
Надели каску, и с гранатой,
Но без огня.
И обыватель под защиту
Ко мне бежал,
Всех обворованных, побитых
Я утешал,
И всяк за это утешенье
Благодарил;
Но вдруг сердечное движенье
Я ощутил.
Раз, по грошовому взысканью,
К себе в квартал
Одно прекрасное созданье
Я вызывал.
Клянусь, клянусь богиней Фреей! —
Я, кстати, швед —
Подобных плеч, подобной шеи
На свете нет.

Что за глаза! — очарованье!
Я весь дрожал,
Когда управы предписание
Я ей читал;
Когда, склонив свои ресницы
И вся в огне,
Она, кротка как голубица,
Внимала мне. . .
Я прежде думал, что во власти
Я у себя,
Что застрахован я от страсти,
Как от огня;
Но я прочел, сидев в конторе
С пером в зубах,
Себе капут в прелестном взоре,
В ее очах.
Однажды я, тот взгляд встречая,
Не усидел;
Письмоводителю, вставая,
Уйти велел.
Я ей сказал: «К началу ночи,
Когда езда
Совсем затихнет, что есть мочи
Валяй сюда!»
Заря, бледнея, умерла
И умерла,
А ночь роскошно выплывала,
Как день светла.
Затихло все. Сребристый тополь
Благоухал,
И, по трудах дневных, Петрополь
Опочивал.
На перекрестке ждал я встречи,
И долго ждал:
В мечтах грудь пышную и плечи
Я рисовал.
Прошел патруль, глядел мне в очи
И созерцал,
Как, бедный, я в прохладе ночи
Самосгорал.
Уж зарумянилась денница,
И ночь ушла. . .

Так вот как, скромная девица!
Ты не была? . . .
Тогда ее на жертву мщенью
Я осудил:
Насчет билета сочиненье
Я смастерил. . .
И я смотрел, как исполнялся
Приказик мой,
Как с ней в прихожей объяснялся
Городовой.

1860

Так мыслями я сходствую с тобой,
Что оба мы теперь одно и то же
Задумали в опасности такой.

*(«Ад» Данта, XXIII, 28—30,
перевод Д. Мина).*

Давно любовь в обоих нас остыла;
Мы разошлись давно, и, так сказать,
Мне время на душу забвение спустило,

А проще — я тебя стал забывать.
И уж, бывало, скукою гнетомый,
Я мог порой экспромты помещать

В изящные заветные альбомы.
При этом каждый раз мой стих гласил,
Что я у той иль у другой знакомой

В листках альбома сердце схоронил;
Прелестный взгляд я вновь считал наградой
И наконец печатно повестил,

Что женщину себе сыскать мне надо,
И изложил, чего я в ней искал,
Чтоб быть могла она моей отрадой. . .

Но вдруг, что ты преступна, я узнал:
Сказали мне, что будто ты скончалась,
И в тот момент, как дух твой отлетал,

Когда уж Смерть к устам твоим касалась,
Меня назвал, коснея, твой язык,
И надо мной ты колко посмеялась. . .

Я выслушал и головой поник;
Потом, подняв чело, повел вокруг очами —
И взгляд мой был и сумрачен и дик. . .

И в путь пошел я скорыми шагами.
Я шел к тебе, под гнетом черных дум,
Гороховой, чрез площадь, островами.

И слышал я какой-то странный шум,
И мне подчас такое представлялось,
Пред чем вздрогнул бы даже мудрый Юм,

Что видеть лишь Случевскому случилось
(О чем и сообщал он нам в стихах);
Так: в небе много месяцев являлось;

Вся даль была в светящихся руках;
По призракам Ночь важно восходила,
И, величавая, она, в слезах,

Бежавший День десницею ловила;
По лесу ветер фертот пробежал;
Вослед ему трава зашелестила,

И чутко звук за звуком замирал,
И слышно стало, как росла былинка,
Как ландыш цвел, как мох произрастал. . .

Разряжена, что модная картинка,
Полулежала на диване ты.
Диван был на пружинах, с мягкой спинкой;

Обивка — синий штоф, по нем цветы;
Во храмине — приятный свет карсели,
Растений экзотических кусты,

И чьи-то лики пасмурно смотрели —
Линялые, в наколках и чепцах. . .
(То, верно, жен отшедших призраки сидели,

Уставши спать в затворенных гробах!)
Под окнами, глаз не сводя с дивана,
Стоял я долго и в твоих чертах,

В лице твоём насмешки и обмана
Старательно отыскивал улики;
Но тщетно: не нашел я в нем изъяна!

Напротив, как всегда, твой нежный лик
Был кроток, светел, девствен, и казалось,
Что ты водою «lait antéphilique»¹

Еще сегодня утром притиралась.
И порешил я: нет, подобных губ
Насмешка злая не касалась! . .

Но ты открыла рот — и . . . хоть бы зуб,
Единый зуб в нем тленью пощадило! . .
Мне было б легче, если бы твой труп

Смерть лютая нещадно исказила,
Чем томный, нежный лик беззубым увидать!
И понял я, что Смерть со мной шутила. . .

И стал ее, таинственную, звать,
Как кровного врага, на состязанье;
Но Смерть не шла. Я продолжал кричать. . .

И крик мой, перешедший в завыванье,
Весь твой r'tit comité² перепугал,
Ты подошла к окну, но тут дыханье

Во мне сперлось — и я как сноп упал. . .
Казалось, в окнах лики заморгали
И самый дом твой в ужасе дрожал;

Ракеты, взвившись, лопали, трещали,
И ярко озарялись небеса;
А там, вдали, плечами пожимали,

¹ Жидкость для смягчения кожи и уничтожения веснушек.
(Франц.) — *Ред.*

² Дружеское общество. (Франц.) — *Ред.*

Насупившись, сосновые леса;
В дыханьи ветра слышалась угроза...
И вдруг, гляжу, откуда ни взялся,

Высокий призрак. Тон и поза
В нем обличают частного врача,
Он молвит: «Что ж? *mania furiosa!*...»¹

И страж градской подводит лихача...

1860

¹ Буйное помешательство. (Лат.) — *Ред.*

УТЕШЕНИЕ

*Когда, что звали вы своим,
Навек от вас ушло
И горе камнем гробовым
Вам на сердце легло —*

Помочь в печали ближним рад,
Поэт вас позовет
Пройтись с ним, *бросить беглый взгляд
Туда, по склону вод.*

Он вам покажет, как струи,
Одна другой вослед,
Бегут на чей-то зов вдали
(На чей? — вам дела нет).

Вам нужно будет хоть на час
Взор в речку устремить,
Чтоб слезы брызнули из глаз,
Чтоб стало в них рябить.

Тогда, как ни были б тоской
Вы зло удручены,
Все горе выльется слезой,
И вы исцелены! . .

<1860>

Вот и жду не дождусь, чтобы глянула ночь
И облекся весь сад *тенью ясной*:
На свидание выйдет соседкина дочь;
С ней в аккорд мы сольемся безгласный.

И потом уж вдвоем с баловницей моей
До истомы читать станем Фета,
А сведут нас тесней упоительный Мей
Да языковских два-три куплета.

Разольют аромат каприфоли тогда,
Соловьи сладострастно засвищут;
Мы же с ней без следа неизвестно куда
Пропадем... и нигде нас не сыщут!..

1860

Ах, взгляните: закрывает тучкой *боязливо*
Бледный, томный лик свой интересная луна;
Робко в озеро склонилась ветвями ива;
Боязливая целует их *тайком* волна;
Ветерок *украдкой* бродит в липовой аллее,
И привет ему деревья *робко* шелестят;
Дергачи во ржи трещат *слабее и слабее*;
Соловьи над розами *от робости* молчат. . .
Вы взглянули! . . перемена прежних декораций!
Тучки нет уже, луна приветно светит вновь,
Исполняют соловьи под сению акаций
Ряд блестящих, звучных, гармонических варьаций
На мотивы нежные: «взаимная любовь. . .»
Прежней робости ни в чем как будто не бывало
С той поры, как вы, мой друг, ее *погнали прочь. . .*
О! еще б такая перемена не настала,
Когда милая, дрожа, певцу презентовала
«Тихо, всю в одно лобзанье слившуюся ночь!»

1860

Появилась головка в окне,
И поэтик ее вопрошает:
«Вы ли свет сообщили луне,
Или вас ее луч озаряет?
Самому рассудить мне невмочь —
Ваши ль дивные черные очи
Разожгли сладострастнее ночь
Или млеют они негой ночи?

Этот нежный румянец ланит
Уж не розы ли вам поставляют?
Или сами они колорит
С щечек ваших тайком похищают? . . .»
Ничего не сказала она,
Только губку слегка закусила
И, сомненьем таким смущена,
Поскорее окно затворила.

1860

RÉSUMÉ ВЕСЕННИХ СТИХОТВСРЕНИЙ
г. КРЕСТОВСКОГО

Не томите. . . выходите,
 Моя милая!
А какая ночь, взгляните,
 Молчаливая!
В павилике без улики
 Жду заране я
Разговоров о клубнике
 И лобзания. . .
Без огласки ваши глазки,
 Ваша талия
Встрелят пламенные ласки —
 И так далее. . .

1860

(Г. ПР. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ)

Вы не поверите, что мне недавно приснилось!
Будто минувшее наше опять возвратилось;
Лиры тридцатых годов вновь звучат тихострунные;
Будто восстали из тлена Ершovy, Трилунные,

Ожили с ними ручьи, соловьи пережатные,
Пеночки, просеки, гроты, поля ароматные —
Все это будто бы снова у нас водворилось...
Крайне прискорбно, конечно!

А все же приснилось...

1860

Душе становится легко хоть на мгновенье,
Как напечатаешь свое стихотворенье,
И мил тогда нам строк печатных самый вид,
Стих каждый как-то так приветливо глядит...
И все равно: то наш ли будет плод
Или чужих стихов тяжелый перевод,
Измены горечь в нем, любви ль взаимный нектар,
И весь ли свет его восторженно прочтет
Иль только пробегут редактор да корректор.

1860

СТЯХОТВОРЕНИЯ В ГЕЙНЕВСКОМ ДУХЕ

I

(С САРКАСТИЧЕСКИМ ОТТЕНКОМ)

Я верю: меня ты любила,
Да я-то тебя не любил;
Меня ты еще не забыла,
Тебя я давно позабыл.

II

(С ОТТЕНКОМ ИРОНИИ)

Меня ты когда-то любила,
Тогда я тебя не любил;
Теперь ты меня позабыла —
И что ж? я тебя не забыл.

III

(ОРДИНАРНОЕ)

Ты меня любила,
Я тебя любил, —
Ты меня забыла,
Я тебя забыл.

<1861>

В самом деле, шли бы вы на взморье,
Где в жемчужных звуках грохот льется.
Вот где петь, так точно уж раздолье —
Пойте всё, что на душе споеся. . .
Спелся вздор (ведь может же случиться!),
Так никто о нем и не узнает;
Над певцом там некому глумиться:
Водяной пародий не слагает!
Только знайте рифмами играйте:
Моря — вторя — лилий — белых крылий. . .
Много весу мысли не давайте —
Песнь споеся без больших усилий.
А устали вы от песнопений,
Наигрались в трелях ночи нежных —
Ждет вас много новых наслаждений,
Скромных, чистых, самых безмятежных:
Понабравши *ракушек* в лукошко,
Рикошетом в море их швыряйте
Иль, пожалуй, помяучьте кошкой,
Или хохот по морю пускайте!
Но печатно в этом развлеченьи
Лучше б вы не делали признанья:
Что как вдруг да все стихотворенье
За ребячье примут лепетанье?

<1861>

Ох, время тяжкое настало!
Нам смерть голодная грозит:
Случевский, *гений небывалый*,
«Молчанье строгое хранит».

Не слышно страстных песен Кроля,
Давно немотствует Кусков,
З. Тур молчит. . . нет, ваша воля,
А против нас устроен ков!

Вот Страхов вдруг исчез куда-то,
А он так много обещал,
Когда кометою *мохнатой*
Нам в «Русском вестнике» сиял!

Крестовский наш ушел на взморье:
Сбирает ракуш — *p'tit malin!*¹
Пропало важное подспорье! . .
*Donnez, messieurs, aux orphelins!*²

Иль разве мы еще не сиры?
Увы! поэтиков тех нет,
Под чьи цевницы, дудки, лиры
Легко слагался наш куплет!

¹ Плутишка. (Франц.) — *Ред.*

² Господа, подайте сиротам. (Франц.) — *Ред.*

Ах, мы и голодны и нищи,
Как истощился весь запас
Рифмованной духовной пищи,
Какой они питали нас!

И вот мы в страхе и печали
Возносим к вам свой томный глас:
Уж вы *для славы* пописали,
Создайте что-нибудь *для нас!*

О, не оставьте меньших братьей!
Внемлите нашему regain:¹
Не все творить для хрестоматий —
Donnez, messieurs, aux orphelins!

1861

¹ Припев. (Франц.) — *Ред.*

АЛЕКСЕЙ СНИТКОВ

АЛЕКСЕЙ СНИТКИН

В апреле 1860 г. состоялся спектакль в пользу Литературного фонда с участием ряда видных писателей. Был поставлен «Ревизор». Писемский играл городничего, Вейнберг — Хлестакова, Достоевский — почтмейстера, Тургенев, Некрасов, Григорович, Василий Курочкин и другие — купцов, а одного из полицейских (то ли Держиморду, то ли Свистунова) — молодой писатель Алексей Павлович Сниткин. Этот спектакль был для него роковым. Сниткин простудился и через несколько дней умер.

Его смерть вызвала ряд откликов, содержавших сочувственную оценку его литературной деятельности. «Кстати: не знавали ли вы одного Сниткина: он еще пописывал комические стихи под именем Амоса Шишкина, — спрашивал Достоевский артистку А. И. Шуберт 3 мая 1860 г. — Представьте себе: заболел и умер в какие-нибудь шесть дней... Очень жаль». ¹ Теплый некролог появился в «Иллюстрации», где о Сниткине писали как о «замечательном таланте, обещавшем еще большее развитие в будущем»; ² похвальным отзывом о его даровании сопровождалась публикация его повести «Стрикаловский барин» в «Библиотеке для чтения». ³ Только мракобес Аскоченский разразился в своей «Домашней беседе» грозной филиппикой, суля покойному вечные муки, ⁴ за что был беспощадно высмеян на страницах «Искры» в фельетонах Курочкина и Минаева. ⁵

Алексей Павлович Сниткин родился в 1829 г.

¹ Письма, т. 1. М.—Л., 1928, с. 294.

² «Иллюстрация», 1860, № 118, с. 292.

³ «Библиотека для чтения», 1860, № 10, с. 1—2.

⁴ «Блестки и изгарь». — «Домашняя беседа», 1860, № 34, с. 426—427.

⁵ Пр. Преображенский. Заметки (1860, № 34, с. 368); Обличительный поэт. О новом опыте загробной гласности («Домашней беседы» (1860, № 40, с. 432—433); «Хроника прогресса» (1861, № 16, с. 239).

О его жизни до середины 50-х годов ничего не известно. Начало литературной деятельности Сниткина относится к 1856 г., когда в «Современнике» под псевдонимом «Москвич» были помещены две его корреспонденции из Москвы и, по свидетельству его приятеля,¹ еще каких-то два рассказа.

В 1857—1858 г. Сниткин работал над комедией «Контр-мины» и романом «Увлечения», одна глава из которого появилась в журнале «Светопись». Публикуя ее, редакция «Светописи» сообщала, что роман «молодого, талантливого писателя» «с января 1860 года будет печататься в одном из наших журналов первой величины».² Однако, кроме этой главы, больше ничего не появилось. Рукопись романа, как и комедии «Контр-мины», повидимому, не сохранилась.³

В 1858 г. в аудитории факультета восточных языков Петербургского университета, студентом которого он был, Сниткин познакомился с Л. П. Блюммером и сблизился с ним на почве общих литературных интересов; оба, в частности, с глубокой симпатией относились к творчеству Островского. Они сошлись с Д. Д. Минаевым, тогда еще совсем молодым поэтом, и задумали издавать в 1859 г. еженедельную газету «Русский телеграф». Сниткин должен был заведовать литературным отделом. Но их план не осуществился — цензурное ведомство не дало им разрешения на издание газеты (подробнее об этом см. в статье о Минаеве, с. 11—12).

Сниткин все время жил в бедности, а теперь он неожиданно очутился в еще более тяжелом материальном положении. Однажды на даче под Петербургом он сказал Блюммеру: «Ну, вот видите, я вам говорил, говорил я вам, Леонид Петрович, что нам счастья нет... У меня припадков зависти, право, никогда не было; но как

¹ Леонид Книжник <Л. П. Блюммер>. Воспоминания об А. П. Сниткине. — «Книжный вестник», 1861, № 3. Эти трехстраничные воспоминания являются почти единственным источником для его биографии.

² «Светопись», 1859, № 2, с. 55.

³ Существует версия о том, что В. Курочкин, когда его роман «Увлечение» не был принят ни одним журналом, подарил его «одному из сотрудников «Искры», шутя предлагая ему выдать себя за его автора, но Сниткин совершил это, кажется, не шутя, и напечатал его, только под другим названием, в «Светописи» (П. Пашино. Мои старые знакомые. — «С.-Петерб. ведомости», 1882, № 16). Вряд ли эти слова Пашино соответствуют действительности: во-первых, они противоречат указанию Блюммера, что Сниткин в 1857—1858 г. упорно работал над романом, а во-вторых, уже по одному тому, что цензурное разрешение № 2 «Светописи» датировано 3 июня 1859 г., а Сниткин начал сотрудничать в «Искре» лишь в самом конце этого года.

взглянешь на этих ослов... гуляющих беззаботно и глупо улыбающихся, да как вспомнишь, что ни моей Лизе, ни моему Лекке завтра нечего есть будет — у-у! как завидно станет... Из всех предположений, из всех надежд остался, нет не остался, а созданся — огромный шиш!.. Да, Леонид Петрович, и теперь я — не Сниткин, а Шишкин...» Разговор продолжался в том же духе, пока Сниткин не воскликнул: «О Шишкин! не унывай! — ты поэт!»

В том же 1859 г. Сниткина постигла и другая неудача. Он намеревался издать сборник своих пародий «Перепевы из русских современных поэтов Амоса Шишкина»; цензор, рассматривавший рукопись, потребовал от него каких-то «поправок», и сборник (по причинам, которые трудно установить на основании сохранившихся данных) издан не был.¹

В 1860 г., уже сотрудничая в «Искре», Сниткин вел фельетонное обозрение «Петербургская летопись» в журнале «Светоч», а также печатал стихи в издававшемся при «Светоче» «Карикатурном листке» и в юмористическом журнале «Развлечение».²

В последние три года своей жизни Сниткин, по свидетельству Блюммера, написал несколько небольших рассказов, частично «из простонародного быта», но они не были напечатаны. Уже после смерти Сниткина были опубликованы две его вещи: рассказ «Танкред» в «Иллюстрации» (1860, № 138—144) и большая повесть «Стрикаловский барин» в «Библиотеке для чтения» (1860, № 10).

На «Стрикаловского барина» обратил внимание Тургенев и рекомендовал Герцену прочитать повесть Сниткина. В ответ на это Герцен писал: «Хоть и видно, что еще перо не устоялось, а хорошо».³ Герцен считал, что в «Стрикаловском барине» чувствуется воздействие Тургенева («Стрикал подражает тебе»), но повесть и по своим персонажам и по стилю, пожалуй, ближе к Писемскому. Как бы то ни было, и «Танкред» и «Стрикаловский барин» свидетельствуют о бесспорном беллетристическом таланте Сниткина и хорошем знании жизни русской деревни и провинции незадолго до

¹ ЦГИАЛ. Реестр рукописей и печатных книг, поступивших в цензуру в 1859 году, л. 225 об. — 226. Это было в конце ноября 1859 г. Через два с лишним года, 1 февраля 1862 г., Минаев получил из цензуры рукопись Сниткина и напечатал несколько его стихотворений в «Гудке». В рукописи сборника было 60 страниц.

² О том, как редактор-издатель «Светоча» расплачивался со своими сотрудниками, в частности со Сниткиным, см. Старший чиновник особых поручений «Искры» <П. И. Вейнберг>. Выдержки из памятной книжки — «Искра», 1860, № 13, с. 146, № 17, с. 184 «Светоч» назван здесь «Факелом», Сниткин фигурирует под буквой С.

³ Полное собр. соч., т. 11. Пб., 1919, с. 6—7.

реформы 1861 г. В «Стрикаловском барине», писала газета «Русский инвалид», много «неподдельного юмора, наблюдательности, знания общественной жизни, человеческой природы, поэзии, умения рассказывать».¹

Как указано выше, Сниткин сотрудничал в «Искре» с конца 1859 г., то есть очень недолго. Но редакция «Искры» ценила поэта и напечатала целый ряд его вещей и после его смерти, в 1861—1862 гг. В примечании к его «Антологическим стихотворениям» «Искра» сообщала: «Читателям нашим известно, что под псевдонимом Амоса Шишкина писал А. П. Сниткин, писатель с замечательным сатирическим дарованием, в прошлом году умерший».² «Особенность его юмора, — писал Н. Курочкин, — состояла в неожиданности оборотов, в комических сближениях и в бойкости и веселости изложения».³

Пародии Сниткина направлены преимущественно против поэтов «чистого искусства». Своего рода программным является его стихотворение «Для многих» — ответ на стихотворение Полонского «Для немногих». Полонский заявляет в этом стихотворении, что бог не дал ему «бича сатиры» и что не дело поэта писать о «мире сует», «карать обиды, грехи народов и судей», что его область совсем иная. Она далека от житейских треволнений: к нему прилетают видения, звезды шлют ему немой привет, но немногие внимают ему, и он — поэт для немногих. Решительно отвергая подобный взгляд на поэзию, Сниткин выдвигает диаметрально противоположную точку зрения. Для него на первом плане — ее обличительная общественная сила, защита «безгласных, маленьких людей», и он готов отказаться для этого от воспевания «сонных листьев трепетанья» и «сонма созвездий в небесах». Формуле «И для немногих я поэт» Сниткин противопоставляет совсем иную, выражающую его демократические убеждения: «Я для публики поэт».

Сниткин удачно пародирует идиллические и антологические мотивы «чистой поэзии» этих лет (для чего нередко иронически использует мифологические образы), намеренную неопределенность эмоций, меланхолически-элегические настроения и раздумья, облеченную в поэтические одежды эротику. Присоединяя к пародируемому стихотворению какую-нибудь дополнительную черточку, иную психологическую мотивировку, Сниткин дискредитирует в сознании читателей его эмоциональный смысл.

¹ «Русский инвалид», 1861, № 67, статья С. Гийлева.

² «Искра», 1861, № 2, с. 23.

³ П р. П р. е о б р а ж е н с к и й. Заметки. — «Искра», 1860, № 34, с. 368.

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

НЕПОНЯТЫЙ ВОПРОС

Скажи мне, подруга, не сам ли Зевес,
Спустившись на облаке светлом с небес,
В блаженстве со смертной три ночи провел
И дочку такую на свет произвел?
С обидной насмешкой глядя на меня,
Наивно сказала подруга моя:
«Какой тут Зевес и какая тут ночь!
Я просто военного писаря дочь».

<1859>

ПОДРАЖАНИЕ XIV ИДИЛЛИИ БИОНА

Звезда прелестная Венеры нежно-страстной!
Пока Диана лик скрывает свой прекрасный
За ближней рощею — молю тебя: свети,
Чтоб было через лес мне не темно идти.
Покинул я свой дом не для трудов опасных,
И в сердце не таю я замыслов ужасных.
Нет, мне назначила лесничего жена
Свиданье тайное в лесу. Теперь она
Давно, я думаю, супруга напоила.
Так некогда и ты Вулкана проводила.

<1859>

НАШЕ ВРЕМЯ

Увы, давно прошли счастливые те годы,
Когда, послушные лишь голосу природы,
Народы мирно жизнь среди полей вели
И реки не водой, а нектаром текли;
Когда за смертными Юпитер увивался
И Бахус замертво с людьми напивался;
Когда не привлекал Венеру денег звон
И неподкупен был прекрасный Аполлон;
Когда с Фемидою в согласи судьи жили
И правдой правому, а злomu злом платили;
Когда сам грозный Зевс преступников карал
И только лишь один Меркурий плутовал;
Когда... Но для чего нам попусту роптать?
Чем век наш не хорош? Чего еще желать?
Хоть нравы-то у нас теперь не слишком чисты,
Хоть денег за труды не платят журналисты,
Хоть Аполлон порой несет такую дичь,
Которой ни богам, ни смертным не постичь, —
Да гласность грозная повсюду процветает
И за делами всех бессонно наблюдает...

ПОЕЗДКА В ПАРГОВО

Забыв поэзию, людей и все на свете,
Я ехал с милою в извозчицкoй карете,
Спеша под кровлею крестьянскoй отдохнуть
И в тишине ночной в восторгах утонуть.
То было первое блаженное свиданье:
Красавица, склонясь на страстное желанье,
Решилася тайком покинуть отчий дом,
Чтоб сутки провести с любовником вдвоем.
(Кто любит истинно, в том безгранична вера!)
Для смелости с собой мы взяли редерера,
Бутылку коньяку, наливok двух сортов
И вкусных 35 с грибами пирожков.
(К несчастью, одарен я страшным аппетитом,
А поцелуями, увы! нельзя быть сытым.)
Но вот приехали. С улыбкой на лице
Встречает толстая нас баба на крыльце
И в комнату ведет, где, пар густой пуская,

Серdito самовар ворчит, на нас пеня. . .

.

Остались мы одни. Обвив меня руками,
Подруга милая впилась в меня устами.
И этот поцелуй так много говорил,
Что понял я его и — свечку погасил. . .

ЗЛОВЕЩИЕ ПРИМЕТЫ

На берегу реки, заросшем камышом,
Я часто вечером с подругою вдвоем
Сидел, обняв ее горячими руками,
Любуясь, как луна со светлыми волнами
Играла трепетным серебряным лучом,
Как мышь летучая, скользя над камышом,
Едва касаясь волн, крылом их задевала
И, оставляя круг, во мраке исчезала.
И сладки были нам свиданья в тишине
На берегу реки, при звездах, при луне,
Когда мы всей душой Киприде отдавались
И ночи целые в блаженстве забывались.
Не в силах смертные судьбу преодолеть:
Красавица моя вдруг начала полнеть,
На гибкой талии не сходятся корсеты. . .
И скоро явные, зловещие приметы,
Следы блаженные промчавшихся ночей,
Подвергнутся суду завистливых ханжей.

НОЧНАЯ МЫСЛЬ

(И д и л л и я)

Что за прекрасная ночь! На небе яркие звезды
Нежно мерцают. А в спальне светло и прохладно,
Будто как в полдень, когда удалишься в аллею,
Чтобы под тению лип от палящего зноя укрыться.
Милая возле меня разметалась, сбросив покровы.
Я же смотрю на нее, формы ее изучая.
Хочется спать мне давно, но заснуть я боюсь,
Чтобы мне фурия, вместо подруги, во сне не
приснилась.

ЭЛЕГИИ

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда в ночной тиши я вспомню вдруг о ней,
Как с ней ложились мы вдвоем на это лоно, —
То плачу я тогда, как плакал иудей,
Влекомый в дальний плен от стен родных Сиона.
Не жаль мне капитал, который я убил
На шляпы, на цветы, на шелковые платья;
Не жаль мне ничего, что ей я подарил
За жаркий поцелуй, за страстные объятия;
Я не сержусь за то, что мне ты предпочла
Улана с длинными, пушистыми усами...
Но, от меня бежав, зачем ты унесла
Шкатулку с деньгами и ценными вещами!

<1859>

В ПАВЛОВСКЕ

Постой! здесь хорошо... Зеленою оградой
Кустарники кругом с деревьями сплелись;
Чуть слышно музыка доносится из сада,
А шумный говор стих и звуки улеглись.
Я не пойду туда, где Штраус вероломный
Ломается с смычком и скрипкою в руках,
Как в знойной Африке, на Ниле, змей огромный,
Свиваясь, нежится на солнечных лучах.

Да, в этот уголок мы забрели не даром.
Скорей здесь отдохнем под тению куста!
А там ты встретишься с знакомым лейб-гусаром. . .
Нет, не пойдем туда. . . там шум и суета!

<1859>

Я все еще ее, безумный, не забыл!
Я все еще ее нередко вспоминаю,
Хотя давно уже другую полюбил
И, с первой разорясь, вторую разоряю.
Я все еще ее, безумный, не забыл.
Люблю, как не любить Полонскому и Фету,
Хоть деньги на нее казенные убил,
Хоть предпочла она откупщика поэту!

<1859>

МЕЛОДНИ

I

Я мрачно сидел за бутылкой,
На мир, на людей рассердясь —
Когда между мною и ромом
Какая-то связь родилась.

Стихи я писал, но какие?
Не помню, а кажется, вздор!
Ром сразу меня отуманил,
И ром полюбил я с тех пор.

<1859>

II

И ветер и дождик шумели
В деревне далекой, степной.
Мы с нею у печки сидели
С какою-то глупой хандрой.

Она была в теплой камали,
И я был закутан в халат,
А на сердце столько печали,
Как будто бы в нем целый ад!

И вижу я: духи толпою
Танцуют пред нами канкан.
О друг мой, скажи, что с тобою?
Я понял давно, что я пьян.

<1859>

III

Темная, майская ночь;
С холоду зубы стучат —
Долго я милую жду
В темную, майскую ночь.
Друг мой, скорей приходи,
Право, уж ждать мне невмочь!
Холодно будет зимой
В темную, майскую ночь.
Друг мой, тебя я люблю,
Хоть ты и дворника дочь!
Что ж? ведь я сам демократ
В темную, майскую ночь.

ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ

Расскажи, моя малютка,
С кем тебя вчера я встретил?
Я прошел нарочно мимо,
Будто вас и не заметил.

Видел я, что он немолод
И мужчина некрасивый.
И малютка, покрасневши,
Отвечала мне стыдливо:

«Это мой внучатный братец,
И приехал он намедни;
Когда с ним меня ты встретил,
Мы домой шли от обедни».

И все дальные вопросы
Поцелуем прекратила.
Знаю я, что ты, плутовка,
Мне неправду говорила!

Знаю я, что этот братец
У тебя, как я, ночует;
Знаю я, что эти глазки
Часто он, как я, целует.

И вся разница меж нами,
Что его ты обираешь,
А потом его все деньги
Ты со мною же мотаешь.

Не виню я, что должна ты
Исполнять его желанья:
Ведь тебе, моя малютка,
Не даю я содержанья!

<1859>

ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ

Свеча предо мной догорает.
Сосет мое сердце змея.
Рукой упершись в подбородок,
Глубоко задумался я.

И много великих вопросов
Явилось вдруг предо мной —
Они мою душу терзали,
Смущая мой сладкий покой.

Зачем не родился я графом?
Зачем мне судьбой не дано
Дремать перед теплым камином
И пить дорогое вино?

Зачем я не денди изящный?
Не баловень дам — офицер?
Тогда бы я ездил в колясках
И пил лишь один редерер.

Тогда бы в театрах, в концертах
Лишь в первом ряду я сидел
И, стеклышко к глазу приставив,
На всех бы с презреньем глядел.

Зачем я не статский советник,
Иль лучше — совсем генерал?
Тогда б ни о чем я не думал —
И даже газет не читал.

Тогда б, к мелочам придираясь,
Своих подчиненных ругал.
При встрече ж с коротким знакомым
Два пальца ему подавал.

Когда же под ручку с женою
По Невскому я бы гулял —
Мне делали б фронт все кадеты
И будочник честь отдавал.

Ответов на эти вопросы,
Увы! в голове моей нет;
Но шепчет мне внутренний голос:
«О Шишкин, молчи! — ты поэт!»

<1860>

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Под кустом густой малины,
В полдень, часто я лежу —
И на все тогда так мрачно,
Как философ, я гляжу.
Скандинавские преданья,
Поэтические сны,
И народные сказанья,
И поверья старины —
Все, что важно, что глубоко,
Носит след неясных дум,
До чего нам всем далеко. . .
Вот что мой решает ум.

Отчего к шарам воздушным
Не приделают руля?
Отчего, не уставая,
Вечно вертится земля?
Отчего непостоянно
Звезды на небе блещут?
Непонятные вопросы!
Непонятный результат!

<1859>

ДЛЯ МНОГИХ

Господь мне не дал дарованья
Изображать в моих стихах
И сонных листьев трепетанье,
И сонм созвездий в небесах.
Стихи мои не воспевают
Обеды знатных, высший свет —
Зато их многие читают,
И я для публики поэт.

Я не взываю к сильным лицам,
Мои стихи для их ушей
Подобны дерзким небылицам
Мальчишки глупого. Речей
Моих не слушают народы,
Зато туманного в них нет.
Я не певец цветов, природы,
Но я для публики поэт.

Не веря в честность Немезиды
И в бескорыстие судей,
Я не прощаю им обиды
Безгласных, маленьких людей.
И подвиг грязный и скандальный
В моих стихах найдет ответ;
И скажет не один кварталный,
Что я для публики поэт.

Я знаю: люди есть иные,
Которым правда колет глаз.
Они не любят, чтоб другие
Над ними тешились хоть час.
Я как поэт их презираю, —
Но чтоб об них проведаль свет,
Я их печатно обличаю.
Да, я для публики поэт!

1860

Думаешь, нам неизвестно, кто это такие мормоны?
Нет, брат, читал в «Библиотеке» я — и недавно —
Всю подноготную суть об этом проклятом расколе.
Знаю, что в разные страны клеветов они посылают
Народ обращать. И по рожу твоей эфиопской
Вижу, что есть ты мормон и, стало, притом многоженец.
Ну, отправляйся в сибирку и жди там себе приговора». —
Тщетно Горькая-Чаша всеми бессмертными клялся,
Что не мормон он и даже совсем не женатый.
Тщетно к богам он взывал, призывая на помощь Фемиду.
Было ответом ему столько же слов энергичных,
Сколько не скажет и сам становой в воскресенье.
И посадили его. Долго он, долго томился
В грязной сибирке, сказки свои арестантам читая.
А просидел бы и дольше, когда бы не сам бюргермейстер,
Хотя из военных, но муж современного века,
Сам бы к нему не явился с ласково-нежным приветом.
«Милый мой (рек он ему), вижу, что вы не мормон,
а учепый.

Паспорт возьмите вы свой и ступайте куда там хотите». —
Горькая-Чаша, снова в поддевку облекшись,
Тотчас хотел же уехать в свой град по железной дороге;
Но был он схвачен вторично и снова опять заподозрен:
Будто бы он не мормон был, а сам Дон-Кихот
Сервантеса.

Снова его заключили, и снова galant¹ бюргермейстер
Через неделю ему и билет возвратил и свободу.

Будь осторожен, читатель! Брей себе бороду глаже
И никогда не носи (если ты только ученый)
Скверной поддевки. Не то тебя горькая участь
Нашего рыцаря рано иль поздно постигнет.
Право, никто не поверит, что ты титулярный советник.
Примут тебя за мормона, иль за кого? . . за бродягу!
И уж наверно тогда перешлют напрямик восвояси.

<1860>

¹ Вежливый, учтивый. (Франц.) — Ред.

Л П О Д О Р П А Л Ь М И Н

ЛИОДОР ПАЛЬМИН

Илидор (или — как он сам себя называл — Лиодор) Иванович Пальмин происходил из старинного, но обедневшего рода ярославских помещиков. Он родился в Петербурге 15 мая 1841 г.; учился в гимназии, а затем на юридическом факультете Петербургского университета. Однако кончить университет Пальмину не удалось. За участие в студенческих волнениях 1861 года он был арестован, а по освобождении исключен из университета. Затруднительное материальное положение (пятнадцати лет Пальмин потерял отца) заставило его обратиться к литературному труду; он занялся переводами с французского и немецкого и компиляциями, а также стал уделять больше времени стихам. Склонность к поэтическому творчеству он почувствовал еще в детстве, унаследовав ее от отца; отец Пальмина тоже писал стихи (некоторые из них появились в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» Воейкова) и участвовал в литературных кругах 20—30-х годов.

Первое известное нам произведение Пальмина — перевод с французского — было напечатано в 1859 г. в журнале «Лучи» (№ 4). Затем он сотрудничал в «Веке» П. И. Вейнберга и «Библиотеке для чтения» А. Ф. Писемского, который признал в молодом человеке талант и поощрял его первые литературные опыты.

В своей автобиографии¹ Пальмин рассказывает о том, какое существенное влияние оказали на него общественный подъем 60-х годов, литература и журналистика этих лет, которая, по его словам, дышала «как будто свежестью весны», университетские лекции. Но в нарисованной им картине начала 60-х годов, когда классовые противоречия все более и более обострялись, есть известный отпечаток идиллии, свидетельствующий о том, что у Пальмина, при всем его

¹ Рукоп. отд. Пушкинского дома. Архив С. А. Венгерова.

беспорном демократизме, не было отчетливой политической позиции. Он был просто оппозиционно настроен и довольно наивно верил в близкое социальное переустройство России. Результатом отчасти этой политической аморфности, а отчасти постоянной материальной нужды явилось неразборчивое сотрудничество в самых разнообразных периодических изданиях. Пальмин печатался не только в «Искре», «Будильнике», «Женском вестнике», «Деле», а позже — в «Русской мысли», «Осколках», «Стрекозе» и других журналах, но и во враждебной «Искре» «Занозе» Розенгейма, реакционной «Литературной библиотеке» Богушевича, бульварном «Московском листке» Пастухова, — в последнем, по свидетельству современника, именно «из-за куска хлеба».¹

В 1863 г. Пальмин, служивший тогда в Адресной экспедиции, ходатайствовал о разрешении издавать журнал. Желая склонить на свою сторону тех, от кого это зависело, он писал о своем намерении вести его «в правительственном духе». Однако и это не помогло — министр внутренних дел Валуев решительно отклонил просьбу Пальмина.²

В «Искре» Пальмин активно сотрудничал в 1863—1868 гг., до переезда в Москву. Он с теплым чувством вспоминает об этих годах и о В. Курочкине как редакторе в своей автобиографии: «Покорный незабвенный В. С. Курочкин принял особенное участие и поэте и окончательно склонил его к литературной деятельности, а главным образом к поэзии. Многим обязан поэт доброму руководству, советам и глубокому нравственному влиянию Курочкина, который вообще с горячим участием относился ко всем молодым писателям, если замечал талант в них».

Осенью 1868 г., обращаясь в Литературный фонд с просьбой о ссуде, Пальмин писал, что хочет поступить в Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию и «стать на серьезную дорогу».³ Никакими другими данными об этом намерении Пальмина мы не располагаем, и трудно сказать, насколько оно было серьезно.

В 70—80-х годах Пальмин издал несколько стихотворных сборников: «Сны наяву» (1878), «Собрание новых стихотворений» (1881), «Собрание стихотворений» (1881), «Цветы и змеи» (1883).

Пальмин, как указано выше, довольно много занимался переводами. Особенно привлекали его в этом отношении польские

¹ «Н. А. Лейкин в его переписке и воспоминаниях». СПб., 1907, с. 207.

² ЦГИАЛ. Дело Центр. упр. по ценз. ведомству, 1863, № 279.

³ Архив Лит. фонда в рукоп. отд. Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. 19, л. 585.

поэты: Мицкевич («Пан Тадеуш» и другие произведения), Кондратович-Сырокомля и др.

И в 80-е годы Пальмину были дороги те идеи и настроения, которые он воспринял в 60-е годы. В 1884 г. он писал Н. А. Лейкину: «Ненавижу и клянусь систему и строй нашего общества, т. е. все то, что завещано веками, что поддерживается охранителями... Мне все ненавистно в отчизне, что освящено преданием, т. е. предрассудки, рутина, лакейство, азиатчина, рабство, официальная часть с казенным ярлыком, но горе страдающего брата глубоко трогает меня... Это мое главнейшее, священнейшее убеждение из тех немногих политических убеждений моих, которые я, однако, искренно и сердечно прочувствовал». Его идеал — «чтобы весь мир была одна семья, дружная, единоклубная, любящая, борющаяся только с одним всеобщим врагом — со всем тем, что причиняет зло и страдание людское и нарушает гармонию жизни». ¹ Именно поэтому он немало страдал от цензуры.

Пальмин был в дружеских отношениях с Чеховым. Чехов ценил его поэтическое дарование и любил его как человека. Имя Пальмина часто упоминается в письмах Чехова 80-х годов. В письме к В. В. Билибину 1886 г. читаем: «Пальмин — это тип поэта, если Вы допускаете существование такого типа. Личность поэтическая, вечно восторженная, набитая по горло темами и идеями... Беседа с ним не утомляет. Правда, беседа с ним, приходится пить много, но зато можете быть уверены, что за все 3—4 часа беседы Вы не услышите ни одного слова лжи, ни одной пошлой фразы, а это стоит трезвости». ²

Пальмин умер 26 октября 1891 г.

Пальмин не испытал значительной эволюции. В 70-е и 80-е годы, как и в 60-е, мы можем отметить в его поэзии две струи: с одной стороны — юмористические стихотворения, лишь изредка переходящие в сатиру, с другой — гражданскую лирику, большей частью довольно абстрактную. Лишь отдельные стихотворения — преимущественно ранние — возвышались над этим уровнем и сохранили свой интерес до наших дней. Вершиной творчества Пальмина является его «Requiem», ставший революционной песней.

¹ «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке», с. 201—203.

² А. П. Чехов. Полное собр. соч., т. 13. М., 1948, с. 128.

Пускай идет и гений и наука
Своим путем:
Пускай от их торжественного звука
Встает содом.
Хитри наш ум и, мудрствуя лукаво,
Иди в войну
За здравый смысл, за благо и за право
На старину.
Но есть одно, что выше ухищрений,
В земле родной,
Что против всех бесовских наваждений
Стоит стеной,
Что гасит все разумное, благое,
Как ветер свечу, —
То русское, кулачное, родное:
«Я так хочу!»
И ясен ум, и чист его светильник,
Да не пронять! . .
И, как хмельной, танцует подзатыльник
Под звук «молчать!»

<1865>

ОБЫКНОВЕННЫЕ ПЕСНИ

I

Пробудилась Русь родная —
Ну, довольно спать!
И, сапожки надевая,
Начала вставать. . .

Быстро вся пришла в тревогу,
Бодро так глядит,
Но, увы, обувши ногу,
Уж опять храпит!

С этим видом торопливым,
Вновь объята сном,
Сладко дремлет и сонливым
Клонится челом. . .

И красуется у спящей
На одной из ног
Прогрессивный и блестящий
Скороход сапог. . .

II

Когда ты так счастлив, что рядом стоишь
С каким-нибудь нужным ослом,
Не брезгай ты, если он, зад повернув,
В лицо тебе хлещет хвостом.

Не брезгай, что ключей лягается он.
Искусно за хвост ухвати.
У нас зачастую так в гору идут
На скользком житейском пути...

< 1865 >

ЭХО

У нас есть чудное одно,
 Таинственное эхо.
Как вторит возгласам оно
 Карающего смеха!

На голос истины святой,
 Великого призыванья
Оно шумит в стране родной,
 Как бури завыванье.

Возвысим голос — и оно
 Свой звук усилит вдвое:
Ах! то знакомое давно
 Храпенье носовое! . .

Вещавший дебрям и камням,
 Счастлив пророк в пустыне!
Ведь всё же не храпели там
 Гранитные твердыни! . .

<1865>

REQUIEM

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца!

<1865>

НОСТУРНО

Ни звездочки в небе, ни искры вò тьме,
Вся мраком столица одета.
О родина милая, спи, за тебя
Я жарко молюсь до рассвета!

Покойтесь, братья! в час полночи в вас
(О, лейся, слеза умиленья!)
Свершается чудный, таинственный акт
Вседневного пищеваренья!

Пускай прогрессисты кричат, что мы спим
В невежестве, в губительном мраке,
Но я и спокоен и весел душой,
Я знаю, что все это враки!

Покойтесь с миром, невинен ваш сон.
За вас не боюсь ничего я.
О братья, вы чужды опасных путей,
Ничто не смутит вам покоя. . .

Я знаю, что ум развивается в вас
Не слишком-то бойко и смело,
Не слишком-то мысли тревожат ваш сон,
Зато развивается тело. . .

Растут и толстеют и люди и скот,
И свиньи жиреют не в меру,
И ты, милый ангел, в постельке своей
Их общему вторишь примеру. . .

Храпите беспечно! в сей сладостный час
Покой безмятежный вам нужен,
Момент сей торжественен, братья! зане
Варится в вас съеденный ужин! . .

Я знаю, порывы душевной борьбы
Души не измучают вашей.
Ах, лишь не боролись бы в вас как враги
Селедка и лук с простоквашей!

При мысли о гражданах, братьях моих,
Мне только от этого жутко,
О небо, храни их от боли брюшной,
Храни от расстройства желудка! . .

<1865>

СВИДАНИЕ

(МОТИВ ИЗ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО ПОЭТА)

За честь и свободу родимой страны
Мы храбро с врагами дрались,
Поля боевые все кровью полны,
И стоны до неба неслись.

За честь и свободу в кровавом бою
Я честно и храбро стоял,
Вдруг свистнула пуля — и руку мою
Навек я одну потерял.

Но к милой невесте с полей боевых
Пришел я, увечный солдат,
И вот предо мной кровли хижин родных
Приветливо снова блестят.

И ты, мое счастье промчавшихся дней,
В затишье родного села,
Лобзая, встречаешь с любовью своей,
Как ангел прелестный мила!

Страшна мне разлука, и пули больной
С тобою утратить мой рай,
Но храбро пришел я к невесте моей —
Навеки ей молвить: прощай!

Прощай, моя радость, все клятвы твои
Тебе возвращаю назад:
Какое даст счастье для юной любви
Безрукий, увечный солдат! . .

— Мой храбрый, мой верный, всегда дорогой,
В бою пострадавший солдат!
Ты с боя увечный вернулся домой
Отдать мои клятвы назад. . .

Ты полон все прежней любовью ко мне,
Ты честно и храбро дрался,
И вот над тобою опять в тишине
Родные блестят небеса. . .

Увечье свое ты меж нами считал
Разрывом любви, но поверь:
Сын верный отчизны в увечьи мне стал
Милей несравненно теперь!

В нем чувство солью я к отчизне родной
С любовью страстной моей,
Пусть гордую этим обнимет герой
Одною рукою своей! . .

<1865>

Волшебные звуки таинственных струн
Запали мне в юную грудь,
И хочется громкую песню запеть
И цепью тяжелой тряхнуть.

С улыбкою доброй ты шепчешь, мой друг:
«Поэт, не стыдися цепей!»
О нет, не стыжусь я и даже готов
Для такта бить цепью моей. . .

Готов я звенеть ей анапест и ямб
Со смехом моим заодно,
Но кто ж будет слушать? И бабушка спит,
И детки заснули давно. . .

Нечистая сила им кажется всю ночь
Какой-то нелепейший сон,
И звон непрерывный в их бедных ушах
Гудит, как во дни похорон.

А если во сне и услышит порой
Аккорды мои кто-нибудь,
То на уши с сердцем опять поспешит
Отцовский колпак натянуть. . .

<1865>

ИЗ ТЮРЕМНЫХ МОТИВОВ

По гранитным уступам угрюмой тюрьмы
Воеет жалобно ветер ночной;
За решеткой тюремной мелькает лицо,
Озаренное тусклой луной.

Черных туч вереницы капризной толпой
По небесному своду ползут,
Но быстрее на бледном, обросшем лице
Беглых дум вереницы бегут.

Вместе с песней отчаянной, с ветром ночным,
Вот он — бледный, угрюмый злодей —
К светлой юности чистым, промчавшимся дням
Улетает душою своей.

Он прислушался: вот в шуме ветра звучит
Колыбельная песня родной,
Что когда-то звучала так сладко над ним:
Над младенцем с невинной душой.

Вот видения светлых, заветных картин
Как в тумане встают перед ним:
Купол церкви родимой над дальним холмом
Тихо блещет крестом золотым,

Тишь родного села и под милым окном
Яркокрасные кисти рябин,
И знакомые звуки знакомых теней.
И свобода родимых долин.

Вот в тумане минувшего ярко блеснул
Чей-то ласковый девственный взор;
С этим взором в преступную душу проник
Кроткий, ангельски-нежный укор.

Но сильнее над ним ветер буйный ревет,
И ему в этом свисте ночном
Снится сил молодецких и буйных порыв.
Сил, кипящих мятежным огнем.

Этим силам был нужен разумный исход,
Эти силы грудь юную жгли,
Но, напрасно сгорев, не на благо людей,
Свой исход в преступленьи нашли.

Так проносятся думы одна за другой,
Будто отблески молний ночных.
Нет, свободные люди родимой страны,
Не знавали вы мыслей таких! . .

Ты, что гордо позором клеймила его,
Добродетель, поднявшая нос,
Чужды узника беглые думы тебе,
И таких не знавала ты слез! . .

Никогда в этих дряблых и черствых сердцах
Не рождался звук песни такой,
Но бесследно замрет этой песни напев
В тишине каземата ночной. . .

Воеет ветер в уступах угрюмой тюрьмы,
Тускло месяц из тучи блестит,
Словно взором стеклянным в щель гроба мертвею
На живых с укоризной глядит. . .

<1865>

ТЕТУШКА ПОЛНОЧЬ

Холодная полночь деревней идет,
Покрытая черною мглою,
В чепце и фуфайке идет и трясет
Своею седой головою.
Идет и колотит морозной клюкой
В избу к мужику мимоходом,
То волком завоюет, то взглянет порой
В окошко ужасным уродом,
Задует лампадку, ворвавшись в щель,
И робко Петровна-старуха
Молитву творит, покидая постель,
И стонет, и кашляет глухо. . .

По городу тетушка полночь идет,
Покрытая черною мглою,
В чепце и фуфайке идет и трясет
Своею седой головою.
Фонарики тускло дрожащей толпой
Чуть светятся в темень глухую,
А полночь ворчит, угрожая клюкой:
«Я вас, пострелята! задую! . . .»
И молят фонарики, кланяясь ей,
И робко дрожа, и моргая:
«Оставь нас! не трогай клюкою своей,
О тетушка полночь родная!»
— «Я вас, пострелята! задую сейчас!
Негодники вы. . . либералы! . . .»

— «Ах, тетя родная, не трогай ты нас!
Смотри — как мы бледны и малы! . .
Смотри, как мы мелки, ничтожны, точь-в-точь
Писателей русских идеи. . .
Хоть мы просветители, всё же не прочь
Порой поступить и в лакеи. . .
Невинен и темен наш светик дрянной,
Мы в копоти гаснем и сами. . .
И только в полемике между собой
Друг друга дубасим лучами. . .
На каждом шагу, несмотря на наш свет,
Споткнуться большая опасность
Тому, кто поверит, что тьмы больше нет,
Что всюду разумная гласность. . .»
Фонариков глазки за речью такой
Заискрились подленьким светом,
А тетушка полночь махнула клюкой
И в путь поплелася при этом.

<1866>

ГУМАННЫЙ ПРОЕКТ

О, сколько поэты родные
Рифмованных пролили слез
В альбомы, в журналы бывшие
И в чашечки вянущих роз!

Как много в них страстной истомы
И жгучей любовной тоски —
Одни только знают альбомы,
Одни носовые платки! . .

В тот век стихотворной печали
Журналы минувших годов
Роль труб водосточных играли
Для слез вдохновенных певцов.

Но старым хозяйкам альбомов
Теперь уже лет пятьдесят,
И, хуже уродливых гномов,
Они уж сердец не язвят. . .

Поэты состарились сами
И, дряхлые, вместо очей,
Табачными плачут носами
На строки катковских статей.

Но в век наш реально-практичный
(Послушайте умную речь)
Проект я представляю отличный
Из слез этих пользу извлечь:

Те слезы любви и мученья,
Мрачившие столько очей,
Нельзя ли собрать для соленья
Грибов, огурцов и сельдей?

Зачем с лепесточками розы
Скрывать их альбомным листкам?
Пускай те обильные слезы
На пищу пойдут... беднякам!..

<1866>

ГРАЖДАНСКАЯ СКОРБЬ

Гражданской скорбью огневой
 Страдая безответно,
И аппетит свой и покой
 Я потерял заметно.
Чтоб возбудить мой аппетит
 И чтобы скорбь угасла,
Мне доктор принимать велит
 Касторовое масло.
А докторша, чтобы прогнать
 Гражданские идеи,
Мне все советует сыскать
 Местечко потеплее. . .
Но дочка их, желая мне
 От грусти исцелиться,
Дала совет наедине:
 Скорей на ней жениться. . .
О скорбь гражданская! у нас,
 Увы! нередко было,
Что исчезала ты как раз
 Таких рецептов силой!

<1866>

ВЕЧНОЕ БЫТИЕ

Кипят поколения несметных людей,
Как мелкая пена морская,
Проходят ряды королей и царей,
Во мраке веков исчезая.

В хаосе стремлений, трудов и забот
Мрут люди обычной чредою,
Одна лишь идея растет и растет,
Сияя бессмертной красою.

Одни возникают из праха других
И в прах рассыпаются сами:
Разложенный прах их из глыб земляных
Впивают растенья корнями.

Бесчисленных форм вся природа полна,
Все вид изменяем мы, тлея,
Но в этом движении вечном одна,
Одна лишь бессмертна идея.

Приверженцы папы сожгли на огне
Ничтожное Гусово тело,
Но Гуса идея, с ханжами в войне,
На этом костре не сгорела.

И вот на горящий костер оттого
Он смело так шел без боязни —
Он знал, что сожгут только тело его,
Идея ж окрепнет от казни.

Он чуял и знал, что воскреснет опять
В грядущих вождях поколений;
Пусть форму одну смерть разрушит, как тать,
Другие найдет себе гений! . .

В аккорды и звуки певец перелил
Свои задушевные грезы,
И все, чем он страстно и пламенно жил,
И думы, и радость, и слезы.

Та скрипка разбита в куски, и гниют
Давно его кости в могиле,
Но думы, и грезы, и звуки живут
Во всей обаятельной силе!

О нет, он не умер! он в наших сердцах
Воскрес и живет с полнотою;
Мы, слушая, тонем в его мечтах,
Страдаем его же душою. . .

Вот труженик мысли за тусклой свечой,
Весь творческой думой объятый,
В полночном затишье бессонной главой
Поник над тетрадкой смятой.

Быть может, велики идеи его,
Для мира труды благотворны,
И в души толпы из ума своего
Он сеет священные зерна.

Но годы проходят за тяжким трудом,
И суетный свет, без вниманья,
Его не украсит достойным венцом,
Награды не даст за страданья. . .

Пусть в мелком разврате, пошлея, вокруг
Тревожно спешат поколенья,
Насколько есть силы, исчерпать все вдру
В болотной грязи наслажденья. . .

Но он не грустит и идее своей
С глубокою служит любовью,
Несет ее знамя, готовый для ней
Пожертвовать жизнью и кровью...

Он знает: идея растет и растет,
Все чище, ясней и светлее,
Он знает, что сам он в веках не умрет,
Живя в той бессмертной идее...

Как золото в горне, в борьбе и в трудах.
В крови и в слезах поколений
Горит и растет, очищаясь в веках,
Живой человечества гений.

Во всех нас тот гений великий живет,
Пусть мрут скоротечной толпою
Минутные формы, но он не умрет,
Бессмертной блестя красотой!

<1867>

**СТПХОТВОРЕНИЯ
РАЗНЫХ ПОЭТОВ**

А Л Е К С А Н Д Р И В О Л Г И Н

(Ум. в 1869 г.)

Александр Николаевич Иволгин сотрудничал в «Искре» в 1866—1869 гг. Печатался также в других журналах и газетах 60-х годов, главным образом в «Будильнике» (под псевдонимом «Чижик»). Автор сборника стихотворений «Смешные песни» (СПб., 1868).

ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА

— Друзья! здесь плохо нам живется;
Но край волшебный знаю я, —
Кто там побудет — не вернется
Уж в эти бледные края.
Роскошный край! как там привольно!
Счастливым там нельзя не быть,
И скептик бешеный невольно
Там станет верить и любить!
Там вечно светел свод небесный...
— О друг мой! я хоть погляжу...
Скажи мне, где тот край чудесный?
— Постой! в конце тебе скажу!

Весь день там солнце золотое
Горит в лазурных небесах,
Там нету осени с зимою,
Там зелень вечная в лесах...
И блеск и свет! идешь лесами —
Прохлада, тень и аромат...
Кругом глядят плоды с цветами,
И песни птиц кругом звучат.
И их мелодией прелестной...
— О друг мой! я хоть погляжу...
Скажи мне, где тот край чудесный?
— Постой, в конце тебе скажу!

И люди там, друзья, другие, —
Живут как братья меж собой,
И наши грезы золотые
Смешны в сравненьи с жизнью той. . .
Там нет ни бедных, ни богатых,
Там грома пушек не слышать,
И в чем-нибудь хоть виноватых
Там нет — и слез не увидеть!
Не видан там еще бесчестный. . .
— О друг мой! я хоть погляжу. . .
Скажи мне, где тот край прелестный?
— Поймай! в конце тебе скажу!

В занятях там и ум и руки. . .
Нет пошлых фраз и пустяков. . .
Цветут искусства и науки,
И нет там вовсе дураков!
И жены там умны и нежны —
Подруги добрые мужьям,
И нет лентяев — все прилежны,
И песни льются по полям;
И нет там лестницы служебной. . .
— О друг мой! кровь кипит в груди. . .
Скажи мне, где тот край волшебный?
— Его, брат, ищут. . . погоди!

<1867>

ДЕЯТЕЛЬ

Из Италии прекрасной
В край родимый возвратясь,
В городишко свой несчастный
Приезжает русский князь
И, явясь на земском съезде,
Начинает говорить:
«Господа! у нас в уезде
Невозможно даже жить!
В ресторанах то и дело —
Чуть не голодом морят:
То жаркое подгорело,
То бульон пересолят. . .

То с какою-то брусникой
Гуся вздумают поднести. . .
Разве нации великой
Можно дрянь такую есть?»
— «Князь! трактирщиков в ученье
Вам позвольте поручить! . . .»
— «Принимаю назначенье. . .
Рад отечеству служить!

В Ницце, в Дрездене, в Берлине
Проводил я жизнь мою,
Но все знания отныне
Я России отдаю!
Все, что слышал. . . все, что знаю,
Все готов я вам отдать!
Я могу родному краю
Много пользы оказать!
Между прочим — ваши жены,
Замечаю я всегда,
Носят жидкие шиньоны. . .
Это скверно, господа!
И одеты вы к тому же,
Право, точно чудаки!
Панталоны шейте уже
И пошире сюртуки!»
— «Князь! об этом попеченье
Вам позвольте поручить! . . .»
— «Принимаю назначенье,
Рад отечеству служить!

Господа! и за границей
Проводил я жизнь в труде!
Жил, положим, вольной птицей
И не числился нигде, —
Но к себе неудержимо
Край родной меня манил:
Лишних три страницы *Дыма*
Я Тургеневу внушил. . .
Желудкова в Яссах встретил,
В слезы бедного привел
И Крестовскому заметил,
Чтобы он в уланы шел!

Здесь, в уезде, я намерен
Тоже пользу приносить:
Здесь прононс французский скверен,
Все стараются гнусить...»
— «Князь! об этом попеченье
Вам позвольте поручить!..»
— «Принимаю назначенье,
Рад отечеству служить!

Вы о чем тут толковали?
О дорогах и мостах?
О, когда б вы их видали
В европейских городах!
Там — как зеркало дороги...
Газ, беседки и мосты...
Здесь — сам дьявол сломит ноги
От шоссе и темноты!
Все поправить нужно скоро!
Проведемте же зараз
На проселках — свет *Шандора*.
На больших дорогах — газ!
Мы не то, что наши предки!
На дороге ж столбовой
Надо выстроить беседки
С минеральной водой!»
— «Князь! об этом попеченье
Потрудитесь отложить!..»
— «Grand merci¹ за облегченье...
Рад отечеству служить!»

1868

ГОРОВОЙ

— Pardon,² сосед! толкнул я вас?
Я озабочен, в хлопотах.
Я на ходу заснул сейчас...
. Едва держуся на ногах!
Притом я слишком даже рад:
Сегодня бог мне сына дал!

¹ Большое спасибо. (Франц.) — *Ред*

² Простите! (Франц.) — *Ред*.

- Как сына? Вы ведь не женат.
Я даже паспорт ваш читал.
- Да! я не венчан. Да я — так...
Люблю... Зову ее женой...
- Что слышу я? .. Гражданский брак?
Городовой! Городовой!
- Другие тоже есть дела...
И день и ночь я сам не свой...
Одна лишь тяжба с рук сошла —
Другая, смотришь, под рукой!
Вот с губернатором у нас
Теперь идет большой процесс...
- Ну, губернатор скрутит вас...
Из вас он выбьет весь *прогресс!*
- Но это будет тоже риск...
Я иск представлю в *Окружной*...
- Что? как? На лиц высоких иск?
Городовой! Городовой!
- Потом я, знаете, хочу
Писать роман один большой,
И в том романе обличу
Весь этот город мой родной...
Всех идиотов, всех воров,
Весь наш боярский чванный круг...
- Да ваш роман без дальних слов
Захерит цензор, милый друг!
- Я без цензуры выдам в свет,
И пусть тягаются со мной! ..
- Ага! цензуры, значит, нет...
Городовой! Городовой!

КУЛАК

Во глубь веков, в года былые
Свободной песней я вернусь...
Давным-давно, во дни Батыя,
В крови тонула наша Русь...
Пожаром пахло над полями

И гнилью мертвою в лесах,
И, плача, никли головами
И князь, и нищий, и монах. . .
Над Русью, язвами покрытой,
Царил тогда, как силы знак,
В разгуле, кровью весь облитый.
Монгола бешеный кулак!

Прошли века, исчезли ханы,
Исчез и царств их самый след,
Но Русь точили те же раны,
Остатки прежних скорбных лет. . .
Протест таился боязливо,
И сам закон немел пред злом,
И бедный раб молчал тоскливо
Перед всесильным кулаком. . .
Тогда над родиной смущенной
Висел все тот же силы знак —
Хотя в перчатке, надушенный,
Но все татарский же кулак!

Не мы одни, но все народы
Путем тяжелым этим шли. . .
Ослабло зло. . . Зарю свободы
Страданья дедов нам зажгли!
И вот уж робкими тенями
Давно исчезнувших годов
Теперь мелькают перед нами
Потомки старых кулаков. . .
И гул бывшего утихает,
И понемногу, кое-как,
Невольню пальцы разжимает
Совсем оплеванный кулак!

Простились с силою надменной,
Но все кулак еще силен,
И дикий бог грозы военной
Еще людьми не побежден. . .
Гром пушек, стоны и проклятья
Нам ухо режут иногда,
И плачут жены, гибнут братья.

Пожаром пышут города...
Тогда встает с мишурной славой
Над миром грубой силы знак:
Слезами смоченный, кровавый
И богом проклятый кулак!

НИКОЛАЙ КРОЛЬ

(1823—1871)

Поэт и драматург Николай Иванович Кроль в 50-х годах стоял на позициях «искусства для искусства»; в 1857 г. издал книгу стихов «Эскизы». Во время путешествия во Францию сблизился с политическими эмигрантами и, проникнувшись демократическими идеями, стал писать юмористические стихотворения, иногда с довольно яркой политической окраской. Печатал их в «Искре», «Гудке», «Будильнике», «Русском слове», «Деле» и других изданиях.

БРАМНИ

Однажды в городе, поблизости к Пекину,
Предстала девушка сказать грехи брамину.
Сей с кротостью внимал раскаянья язык.
«А целомудренна ль?» — спросил ее старик.
— «Грешна, отец!» — «Увы! так рано преступила!
Но что ж тебя к греху такому побудило?
Не труд ли с нищетой, иль праздность, мать
проказ?»
— «Я слышала, что грех целителен от глаз,
А я слаба была глазами с малолетства».
— «Эх, — закричал старик всердцах, — какое
детство!
Будь это правдою, так мне бы довелось
Увидеть в небесах всех гениев насквозь».

<1865>

ЖЕЛАНИЕ

(Н. А. Л. В О Й)

Лишенный светскости заученных приемов,
Мой неуклюжий стих негоден для альбомов.
В чем лирик бредящий обрел богов язык,
Слуга ваш чепухой давно считать привык.

Аркадская пора салонных нежных сказок
Прошла с порой певцов луны, кудрей и глазок.
И было странно бы отныне треском од
Смешить настроенный по-новому народ.
Нет, боже сохрани меня от мадригалов,
Да обойдет мой стих и доблесть генералов!
Пошли нам бог внутри с познаьем мир и труд.
Пусть люди мысли нас ко благу поведут!
До тех же пор, мой стих, не будь ничтожной

пешкой —

Громи порок хулой, язви его насмешкой,
Продажность мнения, невежество глупца,
Бесправность наглуую, двуличие певца.
Не шествуй им вослед, кадя, тропой избитой
И яд не подливай в гной раны ядовитой.
Певец, ты должен быть не раб толпы, а бог,
И честный гражданин — не клубный скоморох,
Не чествовать — карать, что совесть в нас бесславит,
И все, что нашу Русь так давит, давит, давит.
О, вы не знаете отрады странной в том,
Чтоб низость уязвить насмешливым стихом.
Той желчи сладостной и сладости той едкой
Бесстыдство наглое смутить сатирой меткой.
Но вы, вы — женщина, которой, спора нет,
Не по сердцу певец, влюбленный как корнет, —
Амурчик розовый, умишком хоть не резвый,
Зато приглаженный до приторности, трезвый,
Угодник нежный дам, поклонник женских глаз,
Который не найдет других достоинств в вас, —
Зато уж как сравнит он сладко ваши очи
С очами гурии, с звездами южной ночи.
Нет, нет, вы любите в карающих стихах
Свободного пера язвительный размах!
Итак, когда-нибудь, настроив вместе лиру,
Сложу у ваших ног я целую сатиру.
Не с музой нежною приду — как злобный дух
Явлюся возмутить ваш робкий женский слух.
Пока ж желаю вам — всегда останьтесь чисты
Душой, как вы теперь, — чтоб наши юмористы,
Когда случится вам их встретить на пути,
Недобрый стих про вас не мыслили найти.

<1866>

СЛЕПЕЦ

Покрытый рубищем, измученный недугом,
На грудь усталую склоняясь головой,
Слепец, с собакою, своим единым другом,
Участия людей просил на мостовой.

Раздался стук колес. С трудом приподнимаясь,
«Подайте бедному» он слабо произнес, —
Но пара пронеслась, и, завизжав, шатаясь,
Упал к его ногам копытом смятый пес.

«Проклятие, — сказал бедняк, — вам, злые люди!
Что сделал вам мой друг в несчастье немой?
Ах, лучше б ребра вы моей измяли груди
И камнем разнесли на части череп мой!

Куда пойду теперь, без племени калека?
И зною и дождю открыты небеса!
Между двурукими найду ли человека —
И стар, чтоб приучить к себе другого пса!

С утра до полночи он, мой вожатый верный,
Ни в ведро, ни в грозу меня не покидал!
Он ласкою манил к себе нелицемерной
И руку щедрую за старика лизал!

Он ночью укрывал меня от бурь и вьюги,
Вводя под дерево иль позабытый сруб.
Пойми ж, безжалостный, чего лишен я в друге!
Смягчись душой своей, глядя на этот труп!

Богач! и я, как ты, был счастьем не обижен,
И в юности не знал порока нищеты!
И мною был не раз мой младший брат унижен,
И так же льстили мне, и сам я льстил, как ты!

Таков удел земной! он был — он и остался!
Но сердца чистоту сберег я до конца.
Я над несчастьем, как ты, не издевался!
И даже пса ласкал, водящего слепца!

Вот выше чем тебя я, враг мой бессердечный!
Верь, в жизни верной нет дороги ни одной,
И, может быть, судьба с своей насмешкой вечной
Изменит и тебе, поворотясь спиной!

О, если нищеты кляня удел постылый,
В участии людей услышишь ты отказ
И будешь пса ласкать в слезах рукою хилой —
Припомни моего в тяжелый этот час.

<1866>

ТРИ ГРАДУСА
ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Наполните, други, стаканы,
И разом осушим до дна!
Да здравствует Бахус румяный,
Бог дружбы, веселья, вина!
Без этой живительной влаги
Давно бы застыла в нас кровь!
Не знали б ни сердце отваги,
Ни радостей милых любовь!
Поднимемте ж полные чаши
И выпьем дружнее скорей!
Да здравствуют женщины наши!
За жен! за сестер! матерей!

• Х о р

Да здравствуют женщины наши!
За жен! за сестер! матерей!

В стране, где поля плодотворный
Кропит, разливаясь, Нил,
Бог добрый для нас, животворный,
Впервой виноград рассадил.
Окончив полезное дело,
На жертву Зевесу-отцу
Сын мудрый прекрасной Семелы
Зарезал из стада овцу.
Мудрец, кто собою владеет
И первые чаши лишь пьет!
Их сок благодатный кровь греет
И разуму резвость дает!

Х о р

Их сок благодатный кровь греет
И разуму резвость дает!

Издравле пил с горя несчастный,
Счастливым затем, что счастлив!
Но этот напиток прекрасный
Был изгнан владыкою Фив.¹
Исполненный гнева, бог-мститель
Обиды ему не простил.
Во льва обращенный властитель
Растерзан вакханками был.
В сих чарках неистовства знаки
Оставил затравленный лев:
Они в невоздержном гуляке
Раздор поселяют и гнев!

Х о р

Они в невоздержном гуляке
Раздор поселяют и гнев!

Однажды под ветви банана,
Покончив свой полный рожок,
На тирс опираясь, вполпьяна,
Тащился на отдых божок.
Мартышка-проказница' ноту
Хмельному подставь на пути!
И вздумалось гневному богу
На жертву ее принести!
Друзья, в этих чарах излишек.
Мудрец их обходит прямой —
Не то на проказниц-мартышек
Похожи вернемся домой!

Х о р

Не то на проказниц-мартышек
Похожи вернемся домой!

<1866>

¹ Пантеем.

ЭПИСТОЛА СВЕТСКОЙ ДАМЫ К СТЕПНОЙ ПОДРУГЕ

Ах да, с тех пор, когда в Париже,
Ма chère,¹ я с мужем побывала,
Я сердцем жизнь постигла ближе,
Умом яснее поняла.

И все, и всё так было ново
Моей взволнованной душе,
Что я обнять была готова
В восторге первого соcher.²

Движенье, блеск, та chère, и мода,
По шумным улицам развал,
Везде cafés с толпой народа,
И все одеты как на бал.

Ни мины кислой, все смеется.
Вот три часа, — кипит бульвар,
Колясок модных ряд несется
В Champs d'Élysée,³ как на пожар.

А там обед в лесу Булонском,
Потом цирк, опера, балет,
И ужин с искристым бургонским
Chez Provençaux ou chez Vachette.⁴

И каждый мил, любезен, ловок,
А дамы, дамы, — о, quelle grâce!⁵
Таких лесбийских вы головок
Нигде не встретите у нас.

Ученых, правда, не встречала, —
Они в очках ведь и без кос, —
Меня кузина уверяла,
Что в этом Запад не дорос.

¹ Моя милая. (Франц.) — *Ред.*

² Кучера. (Франц.) — *Ред.*

³ Елисейские поля. (Франц.) — *Ред.*

⁴ У Провансо или у Вашетт. (Франц.) — *Ред.*

⁵ Какое изящество! (Франц.) — *Ред.*

Зато, та chère, как это мило,
И без ущерба красоте:
Я десять франков заплатила —
И член в ученом société.¹

С тех пор на карточке визитной
Всегда писала (magnifique!) —
Madame Agathe de Masslobitny,
Telle rue, maison, membre scientifique.²

И дни минутами бежали,
Как вдруг сказал мне деспот мой:
«Мы сорок тысяч промотали,
Знать надо честь, пора домой».

Представь, мой друг, как сердце сжалось!
Опять от скуки хоть умри!
Как я слезами обливалась,
Твердя одно: adieu, Paris!³

За что я молодость утрачу!
Взяла с собой Парижа вид, —
Гляжу, бывало, здесь и плачу,
А муж играет, служит, спит.

Все это тупо, скучно, вяло.
Так года треть почти прошла.
Я сохла, чахла, ныла, вяла
И непременно б умерла.

Мне стала жизнь тяжелым грузом;
Одной отдавшись мечте,
Неслась я вдаль, туда, к французам
И в их воскресла société!

¹ Обществе. (Франц.) — *Ред.*

² (великолепно!) Мадам Агата де Маслобитная, такая-то улица,
дом, член научного общества. (Франц.) — *Ред.*

³ Прощай, Париж! (Франц.) — *Ред.*

С тех пор одна мне дама близка,
Один мужчина мил с тех пор:
Madame Louise — моя модистка,
Monsieur Louis — мой coiffeur! ¹

<1867>

¹ Парикмахер. (Франц.) — *Ред.*

А Н А Н И Й Л А К И Д А

(Уж. в 1895 г.)

Ананий Гаврилович Лакида (Лякидэ) — по профессии педагог, преподавал восточные языки, вместе с Н. И. Зуевым составил учебное руководство по географии России. В 60-е годы печатал стихи в «Искре» и других журналах демократического лагеря — в «Веке», «Будильнике». Впоследствии — беллетрист и детский писатель. В 1889 г. издал поэму «Судьба лучшего человека» — продолжение «Евгения Онегина» Пушкина.

ВАХЛАК

Тому не больше лет пяток,
Один жил добрый старичок.
Ходил, бедняк, в засаленном халате,
Был слаб глазами и носил очки,
Играл с своей хозяйкой в дурачки,
Ну и пивал, когда то было кстати.
Плебей был, не учен никак,
Ну сказано — вахлак.

Живя еще в семье родной
Он обзавелся уж женой.
Кровь с молоком была его бабенка,
И добрая; и он ее любил;
Ну, счастье бог им, видимо, дарил,
Когда бы черт не подослал чертенка;
Знать, рок ему сулил уж так,
Ну сказано — вахлак.

Чертеночек был господский сын,
В селе красавец был один.
Молокосос подбил к молодой
И наградил рогами простака...

В селе, известно, гласность велика:
Как есть тотчас же сведения все духом;
А он им «врете!» сразу бряк!
Ну сказано — вахлак.

Уверился, узнал свой срам,
Схватил топор... но к образам
Нечаянно в тот миг оборотился...
«Прости ее! — шепнул, — прости меня!»
И слезы, слезы... в три ручья...
С час на коленях промолился;
Да мало — а рыдал ведь как!
Ну сказано — вахлак.

Эх-ма! Ведь вот стряслась беда:
Погибло счастье навсегда.
Пришлось жить ему с женой неверной.
Ну что ж, и жил, скрепивши сердце жил;
И не бранил ее, и не корил,
Ну словом — обходился с ней примерно.
И кто учил его жить так?
Ну сказано — вахлак.

Жена, бывало, загрустит —
Такою сумрачной глядит...
(Известно, чувствовала грех бабенка.)
А он, чудака такой, подсядет к ней:
«Да полно, — говорит, — будь веселей!»
Пойдет шутить, смешить, и так все тонко;
А там тайком слезу в кулак...
Ну сказано — вахлак.

Жена в холеру умерла —
Похоронил, да из села
Приехал в город, снял лавчонку с хламом:
Разбогатеть хотел и торг завел;
Да далеко на этом не ушел —
Проторговался в пух в начале самом
И на мели засел, как рак.
Ну сказано — вахлак.

Всё ж с добрым словом мы пройдем
Над горемычным бобылем:
Что говорить, был славный старичина!
Шутник, добряк, души отменной был,
Лишь по жене не в меру он грустил;
Бывало, и всплакнет. . . Да тут причина
Понятна каждому, никак:
Ведь сказано — вахлак!

<1862>

НОЧЬ НА ХУТОРЕ

Ночь какая, боже!
Спит дубовый лес,
А на лес оперся
Темный свод небес.

Старенькая хатка,
Клуня с сеником,
Изгородь из жердей,
Темный лес кругом.

И куда ни взглянешь —
Все он, темный лес;
И молчит, как будто
Полон он чудес.

И лежишь на сене. . .
Тихо, все молчит. . .
Инда сумно станет!
А хозяин спит.

Чу! неясный ропот. . .
Чей-то стон глухой. . .
Залились собаки
Стаю лихой. . .

И сам лес залился:
Воет он, гудит. . .

Весело и сумно!
А хозяин спит.

Спит он, утомленный
Пахарским трудом.
Тишь ему ночная,
Хутор — нипочем,

Чудная картина,
Да не для него:
Чудного не видит
В ней он ничего.

А другое видит
Он, пожалуй, в ней:
Труженицу-женку,
Пятерых детей,

Вечные лишения,
Вечный в поте труд. . .
Чудные картины
В ум тут не пойдут!

<1862>

ТРИ КАРТИНЫ

I

Полюбила девка барина
И, по милости его,
Ходит словно как ошпарена
И не смыслит ничего.
Девка больше не невинная —
Ей приходится рожать:
Дело, видите, кручинное. . .
Страх подумать, страх сказать!
Опозорены родители. . .
Могут насмерть занемочь!
Боже праведный! Святители!
Ведь одна у них и дочь!
Барин честным, добрым славился,

Барин щедр был на посул...
А как с девкой, значит, сладился,
Оказалось, что надул!

Над деревней ночь безлунная,
Звезды тихие зажглись.
Сторож в доску бьет чугунную,
Спать крестьяне улеглись.
В полутьме, в туман одетая,
Речка мутная бежит;
А над речкою — отпетая,
Девка горькая стоит.
Ей терпеть не стало моченьки —
Тяжела тоска и зла;
Дождалася темной ноченьки
Да топиться и пошла.
«Не умела, окаянная,
Честно я себя вести,
Не умела богом данную
Мне невинность соблюсти —
Так на что ж мне жизнь зазорная?
Пусть я лучше пропаду!
Буду злой судьбе покорна я —
Буду мучиться в аду!..»
Плачет... Поступь несвободная...
В воду по-пояс вошла...
А в реке вода холодная
Девку разом проняла...
Что же медлишь, горемычная?
Ну ступай, поищешь дна!
Видно, дело непривычное?
Видно, больно смерть страшна?..
Тихо льются волны темные,
Темной своей страшат...
Будто пропасть в них бездонная!
Девка пятится назад...
Холод. Сумно... Обезумела;
Зуб на зуб не попадет;
Наземь кинулась, зарюмила,
Стонет, охает... Встает
И идет домой, беспутная.
Вспышка, знаете, минутная!

II

Как в деревне да две новости
Рассказал нам дядя Клим.
Мы в правдивой нашей повести
Место им сейчас дадим:
В барском доме барин женится,
А вдали стоит изба,
А в избе лежит роженица,
И призвали уж попа.
Поп читает пред иконами,
В зыбке барский сын пищит,
Мать семьи в углу с поклонами,
А отец угрюм, убит.
Кончил поп и с назиданием
Обратился к старикам:
«Будьте бодры. Бог страданием
Испытует по грехам. . .
А тебе скажу я, милая. . .»
Но тут девка прервала:
«Согрешила, согрешила я! . . .» —
И рыдать, рыдать пошла. . .
По постели заметалася;
Растерялся даже поп,
Мать-старуха испугалася,
И отец наморщил лоб. . .

III

Эй, нечесанные бороды,
Зипуны, понурый вид!
Слышь, в одной из улиц города
Развеселый дом стоит.
В доме том живут всё барышни,
Разбитной такой народ:
Есть мещанки, есть боярышни,
Есть и ваш брат — всякий сброд.
Каждый день, едва смеркается,
В дом тот мѳлодцы гурьбой;
Люстры, свечи зажигаются —
И всю ночку пир горой.

Эй, смотрите, что зеваете!
Что за барышня сидит?
Может статься, что узнаете...
А какой вальяжный вид!
В кринолине, в платье газовом,
Украшений и не счесть...
Да ведь это Гаша Глазова,
Гаша, братцы, так и есть!..
Заиграли; гости brave
Стали с дамами в кружок;
Выступает Гаша павою,
Щурит с гордостью глазок;
С кавалером на политике,
Ну узнайте вы ее!..
Просто — барыня! Подите-ка,
Развеселое житье!

Что глазете? Красавица
Не родня уж мужикам!
Слышь, богатым барам нравится
Да зажиточным купцам.
Стала бойкою, проворною...
Проходите, земляки!
Пусть идет дорогой торною
С легкой барина руки.

<1862>

ПАВЕЛ МЕДВЕДЕВ
(1836 — 1865)

Павел Андреевич Медведев учился на медицинском факультете Московского университета, затем выдержал экзамен на кандидата юридических наук. Преподавал географию. Автор ряда критических статей и рецензий, стихотворных и прозаических переводов.

МЕЧТЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

I

Демократии, любви к народу
Я не терплю:
Беспечный кейф, стихи, природу —
Вот что люблю.

Я долго пел — о вешних грезах,
О соловьях,
О ласке дев, любви и розах
И о звездах;

И пел я — горю не причастный,
И знал весь свет,
Что я незлобивый, бесстрастный
Любви поэт.

Но дни тревоги и печали
Настали вдруг:
Чужие гуси истоптали
Мне целый луг;

Работник у меня зазнался:
Не хочет жить,
Задаток даже отказался
Мне возвратить;

Помочь посредник не явился
Безде моей,
И я совсем было лишился
Семи рублей.

Когда ж я, с старостой тягаясь,
На суд предстал,
От лютой злобы задыхаясь,
Я зарыдал. . .

Злой демагог (в том нет сомненья!),
Наш мировой
Отдал Семену предпочтенье
Передо мной!

Я видел, как Семен надменный
Торжествовал,
И тщетно я на суд презренный
Гром неба звал.

В такие ль дни на лире нежной
Петь о любви,
Когда злой желчи яд мятежно
Кипит в крови?!

.

Нет, нет! Хотя о камень лиру
Не разобью,
Но буйному иную миру
Я песнь спою.

II

Я пришел к тебе в смущеньи —
Рассказать, что тошно стало,
Что я жизнь влачу в мученьи,
Что година бед настала;

Рассказать, что дни златые
Безвозвратно миновались;
Демагогов страсти злые
Не на шутку разыгрались;

Рассказать, что с год тоскою
Одержим я непомерной;
Что не знаю, что завою,
Но завою непременно!

III

Вдали огонек за рекою;
Вся в блеске, струится река. . .
Понять не могу, что со мною,
С чего вдруг такая тоска?

Смотрел на реки я извивы;
Потом сел романс сочинять —
О том, как плакучие ивы
Любили над прудом шептать.

Внезапно и страх и смущенье
Моей овладели душой;
Встают и растут привиденья
Во мраке ночном предо мной.

И вижу я, будто из гроба
Базаров, очнувшись, встает:
Сверкает в очах его злоба;
Он, вижу, статьи мои рвет.

И рвет их, и на пол бросает;
С насмешкой в лицо мне глядит!
Я жду: вот сейчас обругает;
Но нет! все, зловещий, молчит.

Робею, смущаюсь невольно;
Угрюмый мне страшен мертвец:
Мне с жизнью расстаться так больно,
А вижу — пришел мой конец!

Понять не могу, чего хочет,
Зачем с таким гневом глядит?
Вдруг — что же? — как он захохочет:
«Какой же ты злой! — говорит, —

Я думал, ты петь будешь нежно
Весь век про весну да любовь;
А ты... Да с чего ж так мятежно
В тебе разыгралась кровь?»

И смотрит в глаза мне пытливо,
И снова угрюмо молчит...
Как молот, сжимаясь пугливо,
В груди моей сердце стучит...

Да гуси вдали закричали,
И, к счастью, очнулся я вдруг:
Уж, слышу, скотину погнали,
Играл на рожке уж пастух;

И утренний, свежий, росистый
Туман поднимался с полей;
И щелкал и пел голосистый,
В кустах притаясь, соловей.

И В А Н М О Ж А Й С К И Й

(1828—1893)

Педагог и поэт Иван Павлович Можайский учился в Петербургском университете. Служил учителем и смотрителем Новгородского уездного училища, а затем был инспектором народных училищ Новгородской губернии. В 50-х годах сотрудничал в «Отечественных записках», «Современнике»; в 60-х — в «Искре», «Гудке» и «Будильнике»; в 70—80-х — в «Наблюдателе», «Осколках», «Стрекозе». Автор книг: «Собрание стихотворений (прежних и новых)», СПб., 1885 (под псевдонимом «Дядя Пахом»), «Учебный курс географии Новгородской губернии» (1878), ряда статей об эпохе Александра I в «Историческом вестнике» 80-х годов и пр.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Kennst du das Land? ¹

Вам знакомы ль края,
Где блаженствую я,
Други?
Где всё ель да сосна,
Царство зимнего сна —
Вьюги;

Где со славой былой
Город спит над рекой
Быстрой
И теперь инвалид
Пастилой знаменит
Кислой;

Телеграф, пароход,
Хоть ему придает
Весу,

¹ Ты знаешь край? (Нем.) — *Ред.*

Но обычным путем
Верят граждане в нем
Бесу;

Где смутиться готов
От журнальных свистков
Духом
Злой старик Филимон
И мотает сквозь сон
Ухом;

Где Гасильник Макар
Гасит в юношах жар
К чтению,
Чтоб забить в них людей,
Чтоб их сделать своей
Тенью;

Где, на старости лет,
Чепухин, наш поэт
Рьяный,
В клубе другом избит
И водою облит
Пьяный?

Да такие ль у нас
Для души и для глаз
Дива!
Нужно их увидеть,
Чтоб потом описать
Живо!

Приезжайте-ка к нам,
Мы покажем их вам,
Право!
Осмотревшись вокруг,
Вы воскликнете вдруг:
«Браво!»

<1861>

УМЕРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Aurea mediocritas.¹

Во всем поборник примиренья
И убеждений крайних враг,
О чем ни шло бы рассужденье —
Сперва он скажет: «*это так!*»
Но чтоб придать своим беседам
Для всех равно приятный тон,
За этим *так*, однакож, следом,
Наверно, *но* прибавит он.

Скажите вы ему, что вечно
У нас идет все кое-как, —
Уж он ответит вам, конечно,
Насупив брови: *это так*;
Но все ж в сравнении с Востоком
Шагаем быстро мы вперед...
И фраз заученных потоком
Он эту новость разовьет.

Другие скажут: в просвещеньи
У нас что год, то новый шаг, —
Он и на это в размышленьи
Ответит важно: *это так*;
Но все же с Западом развитым
Когда сравним мы быт родной...
И к доказательствам избитым
Сейчас мудрец прибегнет мой.

И если б вы ему, читатель,
Смеясь, сказали: вы чуждак! —
Я полагаю, мой приятель
Вам отвечал бы: *это так*;
Но все ж в сравнении с другими
(Ведь чужаками полон свет...)
И он софизмами плохими
Свой разукрасил бы ответ...

Коснемся ль дел сего витии —
Они на тот же образец...

¹ Золотая середина, золотая посредственность. (Лат.) — *Ред.*

За что ж о нем твердят иные,
Что он практический мудрец?
Как будто очень благородно
И чрезвычайно мудрено
Пробалансировать свободно
Всю жизнь свою меж *так* и *но*.

<1862>

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удил?

«Сербская песня» Пушкина

Что ты, взяточник ретивый,
Руки грустно опустил,
Головой поникнул сивой,
Не на шутку приуныл?
Или откуп платит мало?
Иль трактиров меньше стало?
Иль не гонят здесь гуртов?
Иль купечество скупится?
Иль мясом не поживиться
Даровым — у мясников?

Отвечает муж печальный:
«Оттого моя тоска,
Что я слышу смех журнальный,
«Искры» свист и гул «Гудка»;
Что недолго мне уж взятки
Безнаказанно сдирать,
Безмятежно жить в достатке,
Экипажем щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Мой портрет в печать пошлет
И при всех с меня со злобой
Маску честности сорвет...»

<1862>

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕССИСТ

Sic transit gloria mundi! ¹

С великими надеждами
Приехал он сюда
И всех считал невеждами
В провинции тогда.

Чертил проекты; с книжками
Возился день и ночь,
Твердя, что здесь, с воришками,
Служить ему невмочь.

А с мужиком беседовал —
На стул его сажал,
И правду проповедовал,
Как истый либерал.

Потом поуспокоился,
Стал мягче на язык,
И с обществом освоился,
И к делу попривык.

Теперь уж пас все здешние
Пред ним в искусстве брать —
Доходы ли безгрешные,
Иную ль благодать.

И все мы в ожидании,
Что прежний либерал
Составит состояние
И будет генерал.

<1862>

ПЛОТНИКУ НАУМУ

Сквозь окно на дворе нашем слышу
Похоронное пение, шум:
То улегся под вечную крышу
Наш сосед, старый плотник Наум.

¹ Так проходит земная слава! (Лат.) — *Ред.*

Из далекой губернии в нашу
Каждый год его труд приводил,
И хоть часто он брался за чашу,
Но топор его бойко ходил.

Что ни треть — строкулист за косушку
Ему письма в деревню писал,
И хозяйке в конверт он синюшку,
Как заботный сожитель, влагал;

А когда заработок кончался
И зима расстилала свой мост,
С земляком по чугунке он мчался,
Чтоб увидеть родимый погост. . .

Но теперь наш Наум не вернется,
Не блеснет его сметливый взор,
И под лавкой весь день остается
Его друг неизменный — топор. . .

Спи спокойно, сосед наш любезный,
Ты почтенней был многих господ,
Ты был труженик честный, полезный,
Сын нужды и тяжелых забот.

Не растрогают речью прощальной
Нас при гробе убогом твоём,
Так позволь же мне прах твой печальный
Помянуть от души хоть стихом.

<1866>

Рязанский поэт, много скитавшийся по России; автор «Собрания стихотворений», изданного в Казани в 1862 году. Печатался в «Искре» в 1861—1862 гг. Сотрудничал также в «Развлечении».

ИЗБАВИ БОГ!

(ПРИЗНАНИЕ ОДНОГО ИЗ МНОГИХ)

Ни в чем не споря с новым веком,
Себе в угоду я живу
И современным человеком,
Вперед стремящимся, слыву;
Кричу о благодатной цели,
Твержу, что я правдив и строг,
Но чтоб я был таким на деле —
Избави бог! Избави бог!

К чему? Ведь в жизни очень трудно
Быть прогрессистом так как есть;
Молчать — и это безрассудно:
Осудят ум и вместе честь. . .
Вот стали петь, что взятки гадки,
Я честен стал, насколько мог,
Но чтоб совсем отстать от взятки —
Избави бог! Избави бог!

Я помогаю словом брату,
Сужу, как судит новый свет;
Я шлю укоры злу, разврату
И добродетели привет;
Я всем советую трезвиться,
Не пить, жить мирно, без тревог. . .
Но самому остепениться —
Избави бог! Избави бог!

Я говорю о просвещеньи,
О цели жизни всеблагой,
О состраданьи, снисхожденьи,
О правде, истине святой;
Я всех хвалю, кто без предела
Собрату ближнему помог,
Но чуть меня коснется дело —
Избави бог! Избави бог!

Вот пало крепостное право —
И я кричу: пора! пора! ..
Великий подвиг! честь и слава!
Свобода страждущим — ура!
Народ наш стал могуч и волен,
То счастья верного залог...
Но чтоб в душе я был доволен —
Избави бог! Избави бог!

Я говорю: теперь свободен
Народ, от счастья не далек...
О, как прекрасен, благороден
Наш умный русский мужичок! ..
О, я готов с ним целоваться,
Обнять, любить — ведь это долг;
Но чтоб на деле с *хамом* знаться —
Избави бог! Избави бог!

Я говорю: люблю Россию
Как гражданин и патриот;
Она не склонит гордо выю,
Европу за пояс заткнет;
Ей предан я душой и телом,
Вполне, от головы до ног;
Но чтобы фраза стала делом —
Избави бог! Избави бог!

И так, не споря с новым веком,
Себе в угоду я живу
И современным человеком,
Вперед стремящимся, слыву;

Кричу о благодатной цели,
Кажусь на вид правдив и строг,
Но чтоб я был таким на деле —
Избави бог! Избави бог! . .

<1861>

ПОКОЯЩИЙСЯ ПРОГРЕССИСТ

Уж не тот я, что бывало!
Надоели мне слова. . .
Переваривает вяло
Эти вещи голова.
Современный и гуманный
Скрылся где-то идеал. . .
Скучно. Празден ум туманный.
Я устал. . . устал! . .

Толковал я, как другие,
Чтоб отсталым не прослыть,
О прогрессе, о России
И о том, как должно жить:
Бросить фразы, делать дело,
Бить пороки наповал. . .
Надоело, надоело:
Я устал, устал!

И теперь в какой-то лени
Время праздно провожу,
По газетам связь явлений
Без волнения слежу. . .
Хорошенько сам не знаю,
Что хотел, о чем мечтал. . .
Но спокойно засыпаю. . .
Я устал, устал! . .

Убедился я на деле,
Что из фраз моих и слов
Не выходит путной цели. . .
Что ж кричать из пустяков?

Осуждают люди с весом,
И какой я либерал?
Черт возьми их и с прогрессом! . .
Я устал, устал!

<1861>

НИКОЛАЙ СТРАННОЛЮБСКИЙ

(1836—1868)

Николай Николаевич Страннолюбский — брат известного педагога-математика А. Н. Страннолюбского. Во второй половине 50-х — начале 60-х годов — морской офицер, мичман. Один из основателей Василеостровской воскресной школы. Печатал свои стихотворения в «Гудке» 1862 г. В «Искре» активно сотрудничал в 1866—1867 гг.

АРМЯНСКИЙ ПЕРЕУЛОК

БАЛЛАДА

Над Москвой луна сияет,
Словно медный таз,
И старушку созерцают
Звезды сотней глаз.

Снится Кучка ей боярин...
Грозный... Годунов...
Галл кичливый... злой татарин...
Михаил Катков;

Снится ей Борис Чичерин...
Буйные стрельцы —
Наших дней и дней минувших
Ярые бойцы...

Тишина царит повсюду,
Только где-то псы
Заливаются, да полночь
Гулко бьют часы...

Чрез Армянский переулок
Путничек спешит;
Под его ногой сердито
Мерзлый снег хрустит;

«Типография Каткова» —

Надпись видит он
И, какой-то безотчетной
Робостью смущен,

Шаг свой быстро ускоряет. . .

Сквозь ночную тьму
Тень Булгарина кивает
Головой ему.

<1866>

В Л А Д И М И Р Т И Х А Н О В И Ч
(1843—1862)

Владимир Григорьевич Тиханович, кроме «Искры», сотрудничал также в других журналах начала 60-х годов; был членом литературной артели, издававшей в 1862 г. журнал «Век». Целый ряд стихотворений Тихановича был напечатан в «Искре» после его смерти.

Я в село въезжаю —
Мужики попались.
«Бог на помощь, братцы!
Воли-то дождались?»

— «За привет спасибо», —
И в затылке чешут. . .
Не всегда, знать, воля
Радует и тешит.

<1862>

Вы не пойте веселых мне песен,
А романсов пустых и подавно,
Для души в них не вижу я пищи,
Хоть, быть может, они и забавны.

Спойте песню, как молодца воля
Словно связана — нету исхода,
Спойте песню, что в сердце созрела
И сказалась устами народа.

Спойте песню, как молодца други
При несчастьи лихом покидают,
Спойте песню, как бедные люди
Безответно, безвестно страдают.

Спойте песню, как запертый в клетке
Зоркий сокол томится тоскою,

Пойте, пойте, ведь эти напевы,
Эти песни — для нас все родное.

В ДЕРЕВНЕ

Я пришел в родимую деревню.
Окружили; всяк поцеловал,
И твердят: «Да что с тобою, барин,
Ты, кажись, за зиму исхудал,
Да и голос у тебя недужный,
Чай, теперь и песни не споешь?
Полечись у тетушки Петровны,
А не то зачахнешь и умрешь».
— «Ты поставь свечу перед Миколой», —
Старичок мне седенький сказал...
Жалко всем, а я-то улыбался
И в ответ, взволнованный, молчал.
Я молчал, наворачивались слезы,
И сильней, сильней болела грудь...
Не гони! к тебе, несчастный брат мой,
Я к тебе приплелся отдохнуть.
Питер наш мне просто опротивел,
Я бежал от ложных мудрецов...
Дай, земляк, дышать в твоей деревне
И росой и свежестью лугов;
Погулять в зеленой чаще леса,
В ней грибов осиновых искать,
Забрести в беленую избушку
И ребят-малюток поласкать,
Посмотреть, как ветер клонит долу
Колос ржи под тяжестью зерна,
В храм пойти и искренно молиться,
Что взошли и зреют семена,
Забавляться пеньем вольной пташки,
Сон кидать с последним петухом,
Слышать шум от выгнанного стада
И парным питаться молоком.
Проживу, земляк, в деревне лето,
А потом — опять в обратный путь...
Не гони — к тебе, несчастный брат мой,
Я к тебе приплелся отдохнуть.

П Е Т Р Ш У М А Х Е Р (1817—1891)

Петр Васильевич Шумахер провел свою юность в Орше. Учился в иезуитском конвикте, а по переезде в Петербург — в коммерческом училище. В 30—40-х годах служил в военном министерстве и министерстве финансов. Затем ряд лет провел в Сибири, занимая должности чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурском и управляющего золотыми приисками. Покинув Сибирь, жил в Петербурге, Нижнем Новгороде (где в 1858 г. встретился с возвращавшимся из ссылки Т. Г. Шевченко), снова в Петербурге, а в конце 70-х годов поселился в Москве. В 1871 г. Шумахер представил в цензуру рукопись сборника своих сатирических стихотворений, но она не была одобрена к печати (Дело С.-Петербур. ценз. комитета, 1871, № 101, л. 7). В следующем году его снова постигла неудача. Он пытался издать книгу стихотворений «Для всякого употребления», но печатание ее было приостановлено властями, а против Шумахера было возбуждено судебное преследование. При помощи Тургенева Шумахеру удалось напечатать в Берлине два сборника под общим заглавием «Мои землякам» (1873 и 1880). В 1879 г. в Москве вышла небольшая книжечка его стихотворений «Шутки последних лет». Незадолго до смерти поэт подготовил собрание своих стихотворений, но оно было издано, при этом с цензурными изъятиями, только в 1902 г. По своим политическим взглядам и симпатиям Шумахер — либерал, но в 60-е годы он был близок к демократическому лагерю. В «Искре» Шумахер печатался не часто, но в разные годы. В. С. Курочкин очень ценил его дарование; в одном из своих фельетонов 70-х годов он отзывался о Шумахере как о «замечательном поэте-сатирике». «Стихотворения его всегда оригинальные по форме, — писал Курочкин, — иногда исполнены глубокого юмора, многие из них имеют в высшей степени серьезное общественное значение как резкие сатиры» («За неделю». — «Биржевые ведомости», 1875, № 59).

ВАСИЛИЙ ЖУКОВ

В былые времена мечтой переносишь,
Когда, гордыни дух величьем убаюкав,
Тобою мощная затягивалась Русь,
Мой старый друг, Василий Жуков!
Любовью к родине и доблестью палим,
Ты груди русского был близок и понятен;
И я дышал тобой, и для меня твой дым,
Как дым отечества, был сладок и приятен!

Но волею судеб затмился славный век:
Не слышим мы теперь победных, громких звуков;
Народу русскому вскружил мозги Дюбек, —¹
Упал и ты, Василий Жуков!
Сынами родины отвержен и гоним,
Ты мне попрежнему и мил и ароматен;
Не изменю тебе, и для меня твой дым,
Как дым отечества, все сладок и приятен!

Смотрю в грядущее, — бледнею и страшусь:
С сигарами в зубах я вижу жалких внуков;
В объятьях Запада дрожит святая Русь, —
Утешь меня, Василий Жуков!
Воспоминанием о лучших днях томим,
Молю лишь об одном — будь более опрятен,
Поменее волос... и твой отрадный дым,
Как дым отечества, все будет мне приятен.

1861

¹ Вар.<ант:> Пал севера колосс, смолк глас победных звуков.
И Незабвенному вскружил мозги Дюбек.

КТО ОНА!

(В РЕНДАНТ Б „КАРТИНКЕ“ МАЙКОВА)

«Тятка! Эвон что народу
Собралось у кабака...
Ждут каку-то всё *свободу*:
Тятка, *кто она така?*»
— «Цыц! Нишкни! Пушай гуторют,
Наше дело сторона...
Как возьмут тебя да вспорют,
Так узнаешь, *кто она!*»

1862

ПЕСНЬ КАТОРЖНОГО

Ой ты, горечь, злая мачеха — Сибирь!
Снежной степью разнеслась ты вдоль и вширь,
Неприветна, неприютна, нелюдна,
Бессердечна, душегубна, холодна!
Не грызи ты злобой-местию своей
Беззаступных горемык, честных людей,
Что томятся в кнутобойной стороне
С лиходеями-ворами наравне!

— Ах, знавал и я свободушку,
Миловал жену-лебедушку.
Светлы дни и темны ноченьки
Все смотрел ей в ясны оченьки...
Да она, моя красавица,
Сатана-змея-лукавица,
И людей не постыдилася —
С нашим барином слюбилася!

.
На совет позвал я хмелюшку
И постлал друзьям постелюшку...
Услужил любезным чадушкам:
Положил на месте рядышком!

.
Не томи ты, дума черная!

Не греми ты, цепь зазорная,
Не звучи на степь пустынную
Про вину мою безвинную! —

Ой ты, горечь, злая мачеха — Сибирь!
Снежной степью разнеслась ты вдоль и вширь,
Неприветна, неприятна, нелюдна,
Бессердечна, душегубна, холодна!

1862

К ПАМЯТНИКУ КРЫЛОВА

Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как рэзвятся вокруг него ребята,
И думает себе: «О милые зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты!»

1866

ПАЛАШКА

Не Пелагея, а Палашка —
Уж так она
Со дня рождения, бедняжка,
Окрещена.

Она как лошадь почтовая:
Впрягут — вези!
Всегда в лохмотьях и босая,
Всегда в грязи.

На ней заплатки да заплатки —
И счету нет!
Сухие корки да остатки —
Ее обед.

Стирать белье, тереть посуду,
Корпеть с иглой;
Послать куда — Палашка всюду
Бежит стрелой.

И солнце жжет, и дождик мочит —
Ей нет защит;
Жалеет кто или хохочет —
Она молчит.

Одно глубокое смиренье
И вечный страх —
Другого нету выраженья
В ее чертах.

Все остальное шито-крыто
Давным-давно;
В ней все запугано, забито,
Заглушено.

Никто ничем не озадачит,
Бесстрастный взгляд. . .
А может быть, она и плачет,
Когда все спят.

<1860>

-СЛАВА ПУБЛИЦИСТОВ

I

Публицисты Сикофантов
И Казеннообъявленный,
Оба полные талантов
И породы джентельменской,

Шли однажды по бульвару;
Шли — вдруг слышат звуки свистов
И грядущих видят пару
Безобразных нигилистов.

Оба смотрят точно волки,
Кудри будто с потасовки;
Нигилист один в мурмолке,
Нигилист другой в поддевке.

На дорожке сапогами
Пыль поднять они старались —
И отечества врагами
Публицистам показались.

И вздохнули Сикофантов
И Казеннообъявленный,
Мужи, полные талантов
И породы джентельменской.

II

Выпив сладко, скушав много
Блюдов горячих и холодных,
Вот шумит и горячится
Сонм милордов благородных.

Между них, умом и брюхом
Исполин из исполинов,
Больше всех, в азарте диком,
Вопиет Мишель Кретинов:

«Будем горды, будем тверды!
Не уступим даже атом
Наших прав и убеждений
Европейским дипломатам!

Нас поддержит Сикофантов
И Казеннообъявленский,
Мужи, полные талантов
И породы джентельменской!»

III

Поль, наш друг, издать намерен
Интересную брошюру
И сидит над ней и мыслит,
Поправляя корректуру:

«Есть расчет: народ раскупит —
По восьми пушу копеек.
Одного боюсь: пожалуй,
Не одобряют сих идеек.

Впрочем, если б нигилисты
Порицать брошюру стали,
Защитят меня, наверно,
В уважаемом журнале

Мужи, полные талантов
И породы джентельменской,
Публицисты Сикофантов
И Казеннообъявленский! . .

Сатана приказом грозным —
 Дурно выйдет, хорошо ли —
 Положил, чтобы за шалость
 Чертенят в аду пороли.

Брань ли выйдет меж чертями,
 Зарезвятся ль черти просто,
 Тотчас им, где подобает,
 Влепят эдак розог со сто. . .

Скоро шалости утихли. . .
 Только черту раз немного
 Загрустилось: стал он думать,
 Думал долго, думал много.

Но, однако, ободрился,
 Кстати вспомнив, что в газете
 Человеческой, читал он,
 Одобряют меры эти

Мужи, полные талантов
 И породы джентельменской —
 Публицисты Сикофантов
 И Казеннообъявленский!

1863

Ах, и мне сказала муза,
 Лиру в руки дав:
 «Пой простор полей российских,
 Красоту дубрав;
 Восхваляй прогресс великий
 Родины своей
 Или, Фету подражая,
 В нежных песнях млей.
 А не то пиши заметки
 Разные в стихах,
 Нагоняя на мальчишек-
 Нигилистов страх. . .

Если ж хочешь ты сатирой
Нравы исправлять,
То советую примером
Розенгейма взять». —
Я хотел было решиться
Возразить в ответ;
Да раздумал, про цензурный
Вспомнив комитет. . .

<1864>

РАЗГОВОР

Князь Безголовый

Я совсем не консерватор,
Предрассудков не держусь,
И хотя мой род старинный —
Я нисколько не горжусь.
О, напротив! мещанину
Даже руку дать готов,
И с отеческой любовью
Я смотрю на мужиков.
Но, любя страну родную
И желая ей цвести,
Всех бы этих нигилистов
Отпороть велел в части.
Мы довольно отрицали,
Созидать теперь пора,
Принялись — и что ж? Мальчишки,
Ils nous font des embarras! ¹

Г <енера> л Зубатов

Я вполне согласен с вами.
Дайте руку вашу, князь;
(Жмет князю руку)

Эти жулики-мальчишки ²
Даже в нас бросают грязь!

¹ Они чинят нам препятствия. (Франц.) — *Ред.*

² Это выражение г<енерало>м Зубатовым, вероятно, заимствовано или из «Русского вестника», или из «Домашней беседы».

Впрочем, ныне, слава богу,
Эта язва не сильна. . .
Надо думать, сударь, близки
И порядка времена!

<1864>

БОГАТОЕ НАСЛЕДСТВО

Всю-то жизнь он горе мыкал,
Прбсвету не знал —
День-деньской, не разгибаясь,
Все сидел — писал.

Человек он был хороший,
С честною душой:
Не умел он увиваться,
Гнуть спины дугой. . .

И сиротам, умирая,
Завещать он мог
Только честь свою да пару
Стопанных сапог. . .

<1864>

П Р И М Е Ч А Н И Я

Большую часть второго тома настоящего издания занимают произведения Д. Д. Минаева.

Минаев издал свыше двух десятков стихотворных сборников. Кроме того, очень много его стихотворений, напечатанных в старых газетах и журналах, осталось за пределами этих сборников. Поэтому при издании стихотворений Минаева отбор приобретает особенно существенное значение. Я стремился выбрать произведения Минаева, с одной стороны, характерные для него и, с другой — художественно наиболее яркие и интересные для современного читателя.

Весь материал разбит на четыре отдела, а внутри каждого отдела расположен в хронологическом порядке. В первый вошли сатирические фельетоны, пародии, а также лирические стихотворения; отделение лирических стихотворений Минаева, как и других поэтов «Искры», от сатирических далеко не всегда возможно: лирическая и сатирическая стихи очень часто неотделимы в его поэзии; прежде всего это относится к его негодующей, «ювеналовской» сатире. Во второй отдел вошли эпиграммы, надписи, экспромты, каламбуры; в третий — большие вещи: поэмы, роман в стихах «Евгений Онегин нашего времени» и др.; в четвертый — переводы. Разумеется, отнесение некоторых вещей к тому или иному отделу иногда спорно, но вряд ли целесообразен и сплошной хронологический порядок, при котором вслед за поэмой была бы напечатана четырехстрочная эпиграмма.

Стихотворения других поэтов, сравнительно немногочисленные, расположены в хронологическом порядке; лишь переводы помещены в конце.

Творчество наиболее значительных поэтов «Искры» — Василия Курочкина и Минаева — представлено на всем его протяжении — и до возникновения «Искры» и после ее прекращения правительством в 1873 г. Стихотворения других поэтов взяты преимущественно за годы существования «Искры» (однако не только из «Искры»). Поэзия одних (Богданова, Н. Курочкина, Жулева) в эти годы наиболее ярка и интересна, другие (Буренин, Вейнберг) скоро отошли от демократических позиций, наконец творчество третьих (Ломана, Сниткина) полностью укладывается в первые годы существования «Искры».

Сказанное о выборе текста, комментариях, датах и пр. в первом томе (с. 720—722) полностью относится и ко второму. Следует только отметить, что для небольшого количества стихотворений Минаева не удалось найти первопечатные тексты.

Как и в первом томе, принадлежность псевдонимов тому или иному поэту определяется большей частью тем обстоятельством, что какие-нибудь стихотворения, первоначально напечатанные под этим псевдонимом, включены поэтом в свой сборник; в других случаях они расшифрованы на основании разных источников; сводка большинства этих источников имеется в работе И. Ф. Масанова «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей», 1941—1949.

Алфавитный указатель дан только к стихотворениям Минаева, так как остальные поэты представлены сравнительно небольшим количеством стихотворений и нужное стихотворение нетрудно найти в оглавлении.

Сокращения, принятые в примечаниях ко 2-му тому

Б — «Будильник»

БВ — «Биржевые ведомости»

«Заметки» — «Заметки со всех концов света» В. И. Богданова в «Искре»

И — «Искра»

ОЗ — «Отечественные записки»

ПГ — «Петербургская газета»

ПД — рукописное отделение Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР

Печ. — печатается

РВ — «Русский вестник»

РС — «Русское слово»

С. — страница или столбец

«Совр.» — «Современник»

Стр. — строка

Кроме того, сокращенные обозначения книг включенных во 2-й том поэтов см. на с. 985—988 в списке их стихотворных сборников.

Д м и т р и й М и н а е в

I

П е й з а ж (с. 51). Впервые — «Иллюстрация», 1858, № 45, с. 311. В сборники М. не включено.

В альбом русской барыне (с. 52). Впервые — сб. «Перепевы», с. 18. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 410, с исправл. по сб. «Перепевы». Пародия на стих. В. Г. Бенедиктова «К отечеству и врагам его», написанное во время осады Севастополя. Обличая англичан и французов, Бенедиктов воспекает не

только русский народ и русскую природу, но и самодержавие и православие:

...Я люблю тебя во всем:
В снеговой твоей природе,
В православном алтаре,
В нашем доблестном народе,
В нашем батюшке-царе
и т. д.

Тема пародии подсказана самим Бенедиктовым: дальше в перечислении идет строка «В русской барыне широкой». За несколько лет до пародии М. стихотворение Бенедиктова было высмеяно Некрасовым («Заметки о журналах». — «Совр.», 1855, № 10, с. 166).

Смертному у (с. 53). Впервые — сб. «Перепевы», с. 32—33. Пародия на стих. Н. Ф. Щербины «Мир» и отчасти на «Утро в горах Фокиды». М. высмеивает характерные для «чистой поэзии» мотивы ухода от жестоких социальных противоречий в мир «вечных» ценностей — мир природы и личных душевных переживаний, — мотивы примирения с якобы неизбежным социальным злом.

Грозный акт (с. 54). Впервые — *И* 1860, № 15, с. 157—158, подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 340—342, с исправл. по *И*. Стихотворение направлено против В. И. Аскоченского и его журнала «Домашняя беседа». К мукам вечным Абирона и Дафона. Согласно библейскому преданию, Абирон и Дафон, взбунтовавшиеся против Моисея и Аарона, были поглощены за это землей. *Ксенофонт* — Кс. А. Полевой. *Фаддей* — Ф. В. Булгарин. — «Грозный акт» — «перепев» стихотворения А. Н. Майкова «Приговор» («На соборе на Констанцском») (1860).¹

Парнасский приговор (с. 57). Впервые — *И* 1860, № 19, с. 197, подпись: Обличительный поэт. В сборники М. не включено. В марте 1860 г., после появления «Накануне», состоялся третейский суд между Тургеневым и Гончаровым. Гончаров, познакомивший Тургенева с планом своего романа «лудожник» (первоначальное заглавие «Обрыва»), увидел в «Дворянском гнезде» и «Накануне» частичное осуществление собственного замысла и обвинил их автора в плагиате. Обвинения болезненно подозрительного Гончарова были, разумеется, неосновательны. Третейский суд пришел к заключению, что «произведения Тургенева и Гончарова, как возникшие на одной и той же русской почве, должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. СПб., 1909, с. 521). Но мысль о плагиате продолжала мучить Гончарова всю жизнь — см. его записки, озаглавленные «Необыкновенная история», в которых он изложил в мельчайших подробностях историю своих отношений с Тургеневым («Сборник Российской публичной библиотеки», т. 2. П., 1924). *У меня Елена имя, у него —*

¹ О термине «перепев» см. т. I, с. 44—45.

Елена тоже. Героиня «Обрыва» Вера первоначально называлась Еленой. То же имя носит героиня «Накануне». *Роль купца играть немую.* Намек на состоявшийся в апреле 1860 г. спектакль в пользу Литературного фонда с участием ряда крупных писателей. Был поставлен «Ревизор». Тургенев играл одного из купцов. *На казенный счет поедешь.* . . Намек на факт биографии Гончарова. Еще в 1852—1854 гг. он принял участие в экспедиции адмирала Путятина в Японию. Литературным результатом этого путешествия явился «Фрегат „Паллада“» (1858). — Гончаров очень добродушно отзывался о «Парнасском приговоре» в письме к С. А. Никитенко («Литературный архив», т. 4. М.—Л., 1953, с. 119).

Ах, где та сторона?.. (с. 59). Впервые — И 1860, № 20, с. 214—215, в цикле «Перепевы», подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 156—158. Черновой автограф — в архиве «Русской старины» в ПД. «Аммалат-бек» — повесть А. Марлинского, пользовавшаяся огромной популярностью в 30-х годах. *А князь Рюрик не мнил.* . . Намек на незадолго до этого — в марте 1860 г. — состоявшийся диспут о происхождении Руси между Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным, первый из которых защищал литовскую, а второй — норманскую гипотезу. *Акций бурный поток.* . . В 50—60-е годы в России возникло большое количество акционерных обществ; в большинстве из них процветали растраты и нечистые дела; все это нередко приводило к банкротству обществ и разорению рядовых акционеров. *Новый Нестор* — Н. В. Кукольник. *Лик пел Глинка псалмы.* . . Ф. Н. Глинке принадлежит ряд переложений псалмов, вошедших в его сборник «Опыты священной поэзии» (1826). *И нас трагик пленял.* . . По всей вероятности, имеется в виду В. А. Каратыгин. *Зимний ветер не знал.* . На стих. К. К. Случевского «Ходит ветер избочась Вдоль Невы широкой» («Совр.», 1860, № 1, с. 336) М. написал также специальную пародию «Подбоченясь ходит месяц» (см. с. 72). *Муж грамматики — Греч.* Н. И. Греч написал несколько книг по русской грамматике. — «Ах, где та сторона?..» — «перепев» агитационной песни К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева (Марлинского) «Ах, где та сторона».

Конкурсные стихотворения на звание члена Общества любителей российской словесности (с. 61). Впервые — И 1860, № 29, с. 305—307, подпись: Обличительный поэт. Второе стихотворение перепечатано без заглавия и без стр. 24 в со. «Думы и песни» 1864 г. (с. 201—282) в цикле «Московские песни»; третье — самостоятельно, с исправл. — в сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 173—175. Печ. по И. В эти годы наиболее активную роль в Обществе любителей российской словесности играли славянофилы. «Дилетантизм во всех его проявлениях» — фельетоны В. Курочкина, направленные против славянофилов (И 1860, №№ 22 и 24). «Завтрашние мысли», «подоплека народная», «меч правды» — выражения из речей председателя Общества любителей российской словесности славянофила А. С. Хомякова, произнесенных им на заседаниях Общества («Русская беседа», 1860, № 1, с. 2, 5, 25). *Пишечки Безбородко.* Имеется в виду парк при загородном доме гр. Г. А. Кушелева-Безбородко (в Петербурге). «Беседа Русская» — журнал

славянофилов «Русская беседа». *Да лягут в ней Елагин, Селиванов.* См. стих. В. Курочкина «Дилетантизм в благотворительности» и «Дилетантизм в науке» и примечания к ним (I, 139—144 и 731—733). — «Во сне» — «перепев» стих. Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана») и отчасти «Когда волнуется желтеющая нива» («Тогда смиряется в душе моей тревога» и т. д.); «На-яву» — стих. Полежаева «Провидение» («Я погибал»); «Московская легенда» — переводка Лермонтова из Гейне «Они любили друг друга так долго и нежно».

Монолог художника в драме «Джулиано Бертини или терновый веночек гения» (с. 65). Впервые — «Время», 1861, № 1, «Критическое обозрение», в анонимном фельетоне о переводчиках Гейне, с. 75. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 212—213. Пародия на «итальянские» драмы Нестора Кукольника, в которых ходульный романтический образ художника или поэта занимает очень существенное место. См. импровизации Веррино в пьесе «Джулио Мости» (часть 4, явл. 8). Можно отметить и некоторые текстуальные совпадения — ср., например, первую строку пародии со словами Торквато Тассо в одноименной пьесе Кукольника: «Я весь в жару, как в первый день восторга» (акт 1, явл. 1).

Бал (с. 67). Впервые — «Время», 1861, № 1, в том же фельетоне, с. 77—78. В сб. «Думы и песни» 1863 г. (с. 201—202) — без стр. 12, повидимому выпавшей случайно. Пародия на стих. В. Г. Бенедиктова «Вальс». В «Бале» пародируется, кроме того, и вообще «бenedиктовщина». Отдельные детали «Бала» связаны со стих. «Напоминание», «Наездница» (В. Г. Бенедиктов. Стихотворения, под ред. Л. Я. Гинзбург. Л., 1939, с. 318) и др. Пародируя Кукольника и Бенедиктова, М., конечно, имел в виду не только их самих, но и пережитки романтических представлений о поэте и напыщенного романтического стиля 30—40-х годов в современной литературе.

Чувство грека (с. 69). Впервые — «Время», 1861, № 1, в том же фельетоне, с. 79. Пародия на стих. Н. Ф. Щербины «Пир». *Гиматий* — см. с. 906 («Фанты»).

Проселком (с. 70). Впервые — «Время», 1861, № 1, в том же фельетоне, с. 79—80, без заглавия и VIII строфы. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 203—204. В стихотворении есть ряд соответствий со «Школьником» Некрасова. Та же сюжетная схема использована для разоблачения либеральной болтовни об улучшениях крестьянского быта и реформах. Некоторые детали (армяк, длинная палка и др.) являются реминисценциями из некрасовского «Власа».

Подбоченясь ходит месяц (с. 72). Впервые — «Время», 1861, № 1, в том же фельетоне, с. 82, без заглавия и эпиграфа. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 403. Пародия на ряд стихотворений Случевского — «Ходит ветер избочась», первые строки которого взяты в качестве эпиграфа, «Людские вздохи» («Совр.», 1860, № 1) и др. Стр. «Рея, плавают в тумане» ср. с «Демоном» Лермонтова: «Тихо плавают в тумане Хоры стройные светил».

Праздная суета (с. 73). Впервые — И 1861, № 14, с. 201—203, подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 243—247. В И «Праздная суета» сопровождалась ироническим «примечанием переводчика»; в нем М. писал, что автор якобы переведенного им стихотворения — русский, но, «рожденный в среде высокообразованного и светского общества», он мало знаком с русской речью и «за невозможностью изъясняться по-русски пишет на французском языке». «Праздная суета» — отклик на празднование юбилея П. А. Вяземского; см. о нем I, 737 («Стансы на будущий юбилей Бавия»). Как и «Стансы» В. Курочкина, стихотворение М. направлено и против самого юбиляра и главным образом против его апологета В. А. Соллогуба. Граф Чужеземцев и есть граф Соллогуб. В 1856 г. он, по поручению министра двора Адлерберга, поехал за границу для изучения постановки театрального дела в европейских столицах. Особенно долго был он в Париже, где, между прочим, поставил свою французскую комедию «La greve d'amitié» («Доказательство дружбы»). «La nuit de st. Sylvestre» — французский водевиль Соллогуба. «История двух калош» (1839) и «Таринтас» (1845) — произведения Соллогуба, относящиеся к наиболее значительному периоду его литературной деятельности. Чернышевский с Миллем. В 1860—1861 гг. в «Совр.» были напечатаны «Основания политической экономии» Д.-С. Милля в переводе и с примечаниями Н. Г. Чернышевского. Пале-рояль — парижский театр. «Цампа» — комическая опера французского композитора Герольда. Немец-гость — В. Вольфсон — Вторая половина стихотворения довольно точно передает детали празднования юбилея Вяземского в Академии наук — см. изданную анонимно брошюру П. А. Плетнева «Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя П. А. Вяземского» (СПб., 1861). «Праздная суета» — «перепев» «Современной песни» Д. Давыдова. Заглавие сатиры взято из куплетов Соллогуба, которые он спел на чествовании Вяземского в Академии наук.

На д у р н о й (с. 77). Впервые — И 1861, № 19, с. 286—287, где на 16 строк больше. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 119—120. У Покрова... На Сенной — в Петербурге. «Жизнь игрока» — «Тридцать лет или жизнь игрока», мелодрама В. Дюканжа, в 30-е годы пользовавшаяся большой популярностью на русской сцене (в переводе Р. М. Зотова).

Куку (с. 79). Впервые — И 1861, № 21, с. 316—317, без заглавия и эпиграфа, в фельетоне «Весенняя выставка лирических произведений русских поэтов (Попурри из серьезных всероссийских стихотворений)», подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 407—408. В апреле 1861 г. в ОЗ появились за подписью «Куку» (псевдоним А. М. Иванова; см. его заявления в Литературный фонд 1868 г. — ГПБ, архив Лит. фонда, т. 19, л. 643, 645) три стихотворения с эпиграфом: «Горе, горе живущим на земле!» М. пародирует второе из этих стихотворений — «Слезы кукушки» и третье — «На прощаньи». «На что ж так сердита кукушка? — иронизирует он в фельетоне. — Кто обидел ее? Куку сам высказывает причину своего похоронного плача...» И дальше М. приводит цитату из стих. «На прощаньи»:

Я изнывал без света и людей,
Томился жаждою желаний
И видел вокруг себя лишь гадин и червей,
Жизнь трудную, без светлых упований
и т. д.

Но М. не удовлетворяет ответ самого поэта, и он дает другое объяснение его тоски в своей пародии. Эпиграф — из стих. Пушкина «Соловей и кукушка», направленного против «унылой» элегической поэзии; М. заменил строчную букву прописной в слове «куку», тем самым превратив его в имя собственное.

Провинциальным Фамусовым (с. 81). Впервые — РС 1861, № 6, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 64—65, без заглавия. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 170—171.

Отрывок из романа, который никогда не напечатается (с. 82). Впервые — РС 1861, № 7, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 20—21. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 209—210. Пародия на «роман в стихах» Я. П. Полонского «Свежее предание» (см. гл. III). «Свежее предание» печаталось во «Времени» Достоевского в 1861—1862 гг., но осталось незаконченным. *При звездах и при луне* — цитата из «Полтавы» Пушкина.

<Разговор трех теней> (с. 84). Впервые — РС 1861, № 8, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 2—4. В сборнике М. не включено. Эти тени, — писал он, — призрак из шекспировского «Макбета», но три нам всем знакомые издания». Стихотворение вызвано нападками ОЗ, РВ и «Русской речи» на сатирическую журналистику и поэзию. *Свисток идет* — т. е. очередной номер «Свистка».

Нашествие свистопляски (с. 87). Впервые — РС 1861, № 8, в том же фельетоне, с. 11—13. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 231—233. Как и «Разговор трех теней», вызвано нападками на сатирическую журналистику и поэзию. «Бранитесь же, господа, — писал М., — негодуйте, проклинайте, но сознайтесь откровенно, что тех людей, которых вы называете шутами, гаерами, литературными турманами, — сознайтесь, что вы их боитесь, этих «балаганных плясунов». Вы очень хорошо знаете, что эти шуты для вас опасны». «Рыцарями свистопляски» окрестил М. П. Погодин левый лагерь русской журналистики, вызывая Н. И. Костомарова на диспут о происхождении Руси («С.-Петербург. ведомости», 1860, № 60). *Хроники в трауре...* *Пел хроникер* — о внутреннем обозрении «Современная хроника России», которую вел в ОЗ С. С. Громека. У него М. заимствовал, разумеется совершенно переосмыслив, образ жертвенника. В «Современной хронике России» (ОЗ 1861, № 4, с. 63) это «мрачный жертвенник, у которого собрались... и, взявшись за руки, занялись свистопляской» сторонники «духа отрицания, безмолвно воцарившегося в литературе под личиною шутки». *Смолк и Куку...* См. с. 898 («Куку»). *Даже погас перед ституей гласности...* М., как и другие искровцы, слово «гласность» нередко употреблял иронически, потому что, во-первых, подлинная глас-

ность была неосуществима в царской России, во-вторых, одной гласности было недостаточно для коренных изменений социального строя, и, наконец, потому, что громкие фразы либералов о гласности находились нередко в резком противоречии с их практической деятельностью и журнальной борьбой против революционно-демократического лагеря. *Даже Буслаева — личность ученую...* Имеется в виду полемика между «Совр.» и Ф. И. Буслаевым. В № 1 «Совр.» за 1861 г. появилась статья А. Н. Пыпина «По поводу исследования г. Буслаева о русской старине»; Буслаев поместил в ОЗ (1861, № 4) «Ответ г. Пыпину...» Тогда в спор вмешался и Чернышевский; в «Полемических красотах» («Совр.», 1861, № 7) он подверг резкой критике мифологическую теорию, сторонником которой был Буслаев, идеализацию старины в его работах и пр.

Детям (с. 89). Впервые — РС 1861, № 9, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 9, без заглавия и эпиграфа. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 107—108. Написано по поводу «Заметки» П. Д. Юркевича, вышедшей в Киеве отдельной брошюрой, а затем перепечатанной в «Домашней беседе» Аскоченского (1860, № 14). Юркевич утверждал, что розги пока еще «неизбежное зло», что жизнь «нуждается в основах и мотивах более энергических, нежели отвлеченные понятия науки» и только «страх божий» может избавить детей от необходимости применять к ним телесные наказания. Эпиграф не является точной цитатой.

Открытие (с. 90). Впервые — РС 1861, № 12, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 11, без заглавия и эпиграфа. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 272—273. П. Б. Бланк заявил в статье «Крестьянские выборы» («День», 1861, № 4), что крестьяне нередко поступают как стадо, но их, мол, нельзя в этом обвинять, потому что «все люди суть животные и... чем менее толпа людей просвещенна, тем более подходит она к инстинктивному стремлению животных».

Кумушки (с. 91). Впервые — «Всемирный вестник», 1906, № 2, с. 78, под заглавием «Кумушка»; во «Всемирном вестнике» в обоих случаях — «Не вернешь, Кондратьевна». Печ. по корректуре И, для которой предназначалось. На корректуре следующая надпись П. А. Ефремова: «Было дозволено Ф. Ф. Веселаго для «Искры», но накануне выхода он явился в типограф<афию> д<епартамента> уделов (в этой типографии печаталась И.—И. Я.) и заставил исключить, приняв перепечатку на свой счет» (Библиотека Института русской литературы Академии наук СССР). Стихотворение является, повидимому, откликом на студенческие волнения в Петербурге осенью 1861 г. Оно построено на каламбурах. За словами «лупят под лопатку ли» скрывается «лупят подло Паткули», за словами «гнать, и гнать, и гнать его» — «гнать и гнать Игнатьева». Петербургский обер-полицмейстер А. В. Паткуль и военный губернатор П. Н. Игнатьев «прославились» как усмирители студенчества. Стихотворение ходило по рукам в списках. В Пражской коллекции Герцена и Огарева сохранился список (рукою Огарева) с указанием на то, что «Кумушки» предназначались для И и не были пропущены

цензурой, с расшифровкой каламбуров и датой: Сентябрь 1861 г. (Гос. архив Октябрьской революции в Москве. Сообщено С. А. Рейсером.). По словам Н. А. Лейкина, использованный в «Кумушках» каламбур, связанный с фамилией Игнатьева, принадлежит П. А. Каратыгину («Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». СПб., 1907, с. 157); рифма «Игнатьева — и гнать его» имеется также в эпиграмме С. А. Соболевского на Г. Н. Геннади («Эпиграммы и сатиры». М., 1912, с. 18).

1-е января (с. 93). Впервые — «Гудок», 1862, № 1, с. 2. *Милютинны лавки* — роскошные гастрономические магазины в Петербурге.

Жалоба уездной красавицы (с. 96). Впервые — РС 1862, № 2, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 20—21, с еще двумя строфами: после IV и после V. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 162—163. В первых двух строках предпоследней строфы вероятна реминисценция из стих. Л. Кондратовича (Вл. Сырокомли) «Кукла» в переводе Л. Мея, который, однако, был напечатан лишь в 1864 г. В последней строфе — реминисценция из стихотворения Фета «Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом». *Тон настоящий мове* — от франц. *mauvais ton*, дурной тон.

Отцы или дети? (с. 98). Впервые — И 1862, № 15, с. 217—218, без заглавия, в фельетоне «Отцы или дети? (Опыт художественной критики)», подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 211—213. Фельетон вызвал недовольство шефа жандармов кн. Долгорукова — см. статью В. Е. Рудакова «Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения» («Историч. вестник», 1911, № 9, с. 974). Как и многие другие представители радикальной интеллигенции тех лет, М. считал, что Турганев в «Отцах и детях» искажил образ демократа 60-х годов и что все его симпатии на стороне «отцов». «Кто устоит в неравном споре?» — строка из «Клеветникам России» Пушкина. *Кто лучший правил? Кто уважать себя заставил?* Ср. начало «Евгения Онегина»: «Мой дядя самых честных правил... Он уважать себя заставил». *Как лев на Брюлевской террасе*. В последней главе «Отцов и детей» говорится, что Павел Петрович Кирсанов поселился в Дрездене и ежедневно гулял на Брюлевской террасе. «Норма» — опера итальянского композитора В. Беллини. *Он отрицает и...* См. отрывок из «Отцов и детей» на с. 965 («Драматические сцены...»). *Гостеприимства прав не зная*. В журнальном тексте «Отцов и детей» абзац, в котором говорится об отъезде Базарова из усадьбы Кирсановых после дуэли с Павлом Петровичем (гл. 24), кончался фразой: «Ему <Базарову> и в голову не пришло, что он в этом самом доме нарушил все правила гостеприимства». Слова эти были вставлены Катковым или под нажимом Каткова и впоследствии исключены Тургеновым. *Тогенбург* — герой баллады Шиллера «Рыцарь Тогенбург», воплощение идеальной романтической любви. «Базаров... не однажды выражал свое удивление, почему не посадили в желтый дом Тогенбурга со всеми миннезингерами и трубадурами». — Построение строфы и система рифмовки заимствованы из «Бородина» Лермонтова.

Просьба (с. 101). Впервые — *И* 1862, № 15, с. 218, без заглавия, в том же фельетоне. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 117—118. Как и предыдущее стихотворение, направлено против «Отцов и детей» Тургенева. *Якшаться с студентами*. Ср. последнюю главу «Отцов и детей», где говорится, что Кукшина «попрежнему якшается с студентами». В *Думе на лекциях*. О публичных лекциях в здании петербургской Городской думы см. I, 748 («Шепочка и грязная шея»). — «Просьба» — «перепев» «Молитвы» Лермонтова («Я, мать божия, ныне с молитвою»). Стр. «Вечно нарядные, вечно свободные» — «перепев» стр. «Вечно холодные, вечно свободные» из стих. Лермонтова «Тучи».

Педагогический приговор (с. 103). Впервые — *И* 1862, № 16, с. 230—232, подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 159—161, с исправл. по *И*. Написано в связи с происходившими в то время в Петербурге совещаниями по вопросу об упрощении русской орфографии. М. насмешливо отнесся к ним, считая обсуждавшийся на них вопрос общественно незначительным. *Думал шрифт ввести латинский*. . . Один из участников совещаний, К. М. Кадинский, автор брошюры «Упрощение русской грамматики» (1842), «Преобразование и упрощение русского правописания» (1857), в которых ратовал за замену русского шрифта латинским, в 1862 г. возобновил свое предложение, но ни в ком не встретил сочувствия. *Ер и ерь* — старинные названия твердого и мягкого знаков. — Замысел стихотворения возник, повидимому, под влиянием фельетона К. Су<нгу>рова «Орфографическая распря» («Время», 1862, № 3), где совещания также изображались в виде суда: в нем говорится о «процессе здешних грамотеев с русской орфографией», мелькают слова «обвинительный акт», «преступница», «допрос».

Последние славянофилы (с. 106). Впервые — *И* 1862, № 21, с. 300—301, подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 218—220. Поводом для написания стихотворения послужил «торжественный праздник „последних могикианов“ славянщины», посвященный памяти Кирилла и Мефодия, — см. примеч. к стихотворению в *И*. *За честь «народной подоплека»!* Выражение «народная подоплека» принадлежит А. С. Хомякову («Русская беседа», 1860, № 1, с. 2). *Чадил, кого-то примиряя*. В объявлении об издании журнала «Светоч», в котором М. сотрудничал некоторое время, и во «Вступительном слове» его редактора Д. Калиновского («Светоч», 1860, № 1), говорилось о необходимости примирения западничества и славянофильства. — «Последние славянофилы» — «перепев» «Последних язычников» А. Н. Майкова.

Сказка о восточных послых (с. 109). Впервые — «Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году», т. 2. СПб., 1862, с. 170—171; с исправл. — *РС* 1863, № 9, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 4—5. Печ. по сб. «В сумерках», с. 23—24. Написано в связи с приездом в Петербург летом 1862 г. японского посольства. В *РС* М. предпослал стихотворению воспоминание о недавнем времени, когда «прогрессистов явилась тьма-тьмущая,

потому что быть прогрессистом в тот лирический период было вовсе не трудно. Вы смеетесь над Аскоченским, вы порицаете откуп — значит, вы прогрессист. Теперь пришло другое время; теперь все смеются над Аскоченским, все порицают откупа, но, увы! прогрессисты, переродившись в новейших нигилистов, сидят у многих как камень на шее... Весть о нарождении русского прогресса дошла даже до японцев, которые, желая на месте убедиться в этом случае, прислали к нам особую миссию. Одному из этих послов, по просьбе его — написать что-нибудь на память в его записную книжку, я написал следующее стихотворение...» Первоначально стихотворение предназначалось для «Гудка», но 9 августа 1862 г. было запрещено цензурой; автограф М. за подписью «Облич. п.» и с надписью о запрещении — в собрании корректур С.-Петерб. ценз. комитета, № 31, л. 1. По этому автографу «Сказка о восточных послых» и была напечатана в «Сборнике статей, не дозволенных цензурою...» Вслед за публикацией в *РС М.* хотел включить стихотворение в сб. «Думы и песни», но опять натолкнулся на сопротивление цензуры (Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 9 октября 1863 г.); через год перепечатка была снова запрещена (Опись журналам С.-Петерб. ценз. комитета, заседание 5 августа 1864 г.).

Два века (с. 111). Впервые — *И* 1862, № 29, с. 388—390, в фелетоне «Сказание об Обществе санктпетербургских водопроводов», подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 235—239. Работы по устройству водопровода в Петербурге были начаты Обществом с.-петербургских водопроводов в 1859 г. Через три года на собрании акционеров Общества выяснилось, что капитал полностью истрачен, долги очень велики, а все произведенные работы необходимо переделать. Решено было обратиться в Городскую думу с просьбой о поручительстве для получения из казны новой большой ссуды. Однако Дума отвергла эту просьбу. *Дела давно мивувших дней*... — цитата из «Руслана и Людмилы» Пушкина. *На берегу Невы широкой* и т. д. и ряд других мест — «перепевы» «Медного всадника». В «Двух веках» имеются также «перепевы» других произведений Пушкина: «Евгения Онегина», «Полтавы». *И даже в хронике Громека*... О «Современной хронике России», которую С. С. Громека вел в *ОЗ*. «Пчела» — «Северная пчела». «Почта» — «Северная почта». *Не пел Зарин о ласках «милой»*. Критик «Библиотеки для чтения» Е. Ф. Зарин напечатал несколько стихотворений, высмеянных в пародиях М. и другого искровца — Ломана (*И* 1861, № 21, с. 314, № 49, с. 732—733). «*Свежее преданье*» — см. с. 899 («Отрывок из романа...»). *Жил в отдаленной нашей Вятке*... — см. I, 728 («Опыты гласного самовосхваления»). *Как прежде, в азбуке жив ерик*... В это время оживленно обсуждался вопрос об упрощении русской орфографии — см. стих. «Педагогический приговор», с. 103.

Опыт всемирной корреспонденции (с. 115). Впервые — *И* 1862, № 44, с. 596—597 под заглавием «Опыт всемирной корреспонденции „Искры“», в статье «Откуда являются иногда всемирные корреспонденции газет? (Назидательное открытие)», подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г.,

с. 254—258. Из пяти корреспонденций печатаются три. Статья посвящена «собственным корреспондентам» «Северной пчелы». М. указывает, что помещенная в ней корреспонденция из Греции является перепечаткой из французской газеты. «Признайтесь, — пишет он, — что нужно иметь много изобретательности, смелости и ловкости, чтоб, сидя в своем кабинете, где-нибудь на Мойке, составлять всемирную корреспонденцию. Пример «Северной пчелы» соблазнил меня, и я предлагаю теперь для «Искры» мой первый опыт такой же корреспонденции „домашнего приготовления“». Однако в стихах М. высмеивает в первую очередь реакционное освещение событий международной жизни. *Афины*. В октябре 1862 г. греческий король Оттон I (сын баварского короля Людвига I) был свергнут с престола и изгнан из Греции вместе с королевой Амалией (принцессой Ольденбургской). Дмитрий Булгарис, бывший в оппозиции к баварской династии, после революции 1862 г. был избран одним из регентов. Сразу же после свержения Оттона начались переговоры между европейскими державами о кандидате на греческий трон, в результате которых весной 1863 г. греческим королем стал датский принц Георг.

Юмористам (с. 117). Впервые — РС 1863, № 1, в статье «Забутые уголки Парнаса, по поводу выхода в свет «В гостях и дома», стихотворений кн. Вяземского. Письма и размышления оставшего майора Михаила Бурбонова», с. 66—67. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 336—337. Так, как иронически рекомендует смеяться М., смеялся, по его словам, П. А. Вяземский «в лучшую пору своей деятельности». *Над ездой в телеге тряской*. Намек на стих. Вяземского «Русский бог» («бог метелей, бог ухабов, бог мучительных дорог»), «Дорожная отметка» и др.

Вильяму Шекспиру от Михаила Бурбонова (с. 119). Впервые — РС 1863, № 1, в той же статье, с. 85. Пародия на послания М. П. Розенгейма к Лермонтову. Написанные в 1840—1841 гг., они впервые появились в печати в сборнике стихотворений Розенгейма 1858 г. «Г. Розенгейму, — пишет М. от имени Михаила Бурбонова, — пришла гениальная мысль р а с п е ч ь поэта-покойника за то отрицательное направление, которого он держался в жизни, и живой стихотворец раскреп мертвого самым положительным образом». Это и внушило ему, Бурбону, мысль написать аналогичное послание к Шекспиру.

Дуэт (с. 120). Впервые — РС 1863, № 1, в той же статье, с. 87—88, под заглавием «Последний дуэт». Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 146—148. Все реплики Розенгейма взяты из его стих. «Современная дума», которое полно резких нападок на радикальные и революционные круги, считающие, что «порядок вещей устарел», и стремящиеся «прокинуть... вверх ногами общественный склад». В «Дуэте» чувствуется влияние Добролюбова, который писал по поводу «Современной думы» в рецензии на сборник стихотворений Розенгейма 1858 г.: «Он не любит тех, которые... требуют преобразований нашего общественного устройства. Нет, говорит он, не шуми... Устроено все прекрасно, но беда в том, что не во всех

внедрено почтение к существующему устройству» («Совр.», 1858, № 11, «Новые книги», с. 77). Любопытно, что «Современная дума» не была включена Розенгеймом в следующее издание его «Стихотворений» (1864). *По улицам невским не жги папирос...* В те годы курение на улицах было запрещено. *Если будешь журнал издавать на Руси...* С 1863 г. Розенгейм начал издавать юмористический журнал «Заноза», причем проявил большую изобретательность в рекламировании и распространении журнала.

Совет (с. 123). Впервые — *РС* 1863, № 1, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 18, без заглавия и эпиграфа. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 138—139. Статья Н. Ф. Павлова, из которой взят эпиграф, найти не удалось. В 1871 г. *И* приписала это «изречение» С. С. Громеке (№ 18, с. 547), а затем снова Павлову (№ 50, с. 1591).

Фанты (с. 124). Впервые — *И* 1863, № 26, с. 355—357, подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 239—241. *Кто же враг западных фраков...* и *Кто земляков из Парижа...* О корреспонденциях И. С. Аксакова «Из Парижа», печатавшихся в 1863 г. в газете «День» под псевдонимом «Касьянов». В одной из них Аксаков негодовал, что русские теряют за границей свой национальный облик. В отличие от «служителей всех прочих вероисповеданий», — писал он, — «только русское духовенство старается изо всех сил, чтоб его не признали за духовенство! Разумеется, нет никакой важности в том, ходит ли духовенство во фраке или в рясе, — но важность великая в тех побуждениях, которые заставили его сбросить рясу для фрака...» и т. д. («День», 1863, № 12). «*Кто, русский эпос прославив...* О полемике между «Совр.» и Ф. И. Булаевым; см. с. 900 («Нашествие свистопляски»). *В прессу явился, ругаясь...* Речь идет о фельетонах А. Ф. Писемского; о них см. I, 746 («Благоразумная точка зрения»). *Кто же над «бомбами» века...* О статье С. С. Громеки, в основе которой лежит типичное для либералов утверждение, что революционеры своими «крайностями» способствовали усилению реакции. Отмечая единодушные журналистики конца 50-х годов, которая якобы атаковала общими силами твердыни старого мира, он писал: «Вдруг посреди атакующих и атакованных упала со свистом и шумом бомба отрицания. Первые осколки посыпались на лагерь осаждавших. Осажденные обрадовались и вздохнули свободнее... Пока в рядах осаждавших шла междоусобная перепалка, осажденные возводили укрепление за укреплением, запасали оружие и умножали свои силы» (ОЗ 1863, № 3, «Совр. хроника России», с. 10). *Вывел животных на сцену.* Драматург В. А. Дьяченко, постоянный поставщик пьес для Александринского театра, не раз был высмеян на страницах *И*. В данном случае М. ошибочно приписал ему «заслугу» другого драматурга — А. Соколова. В пьесе последнего «Новгородцы в Ревеле», шедшей в сезон 1861—1862 гг., действительно на сцене появлялась лошадь, что было необычно в те времена. *Вечно был скучен и длинен.* О критических статьях А. В. Дружинина. *Кто обрусил нам Шекспира?* О его переводах. Свои переводческие принципы Дружинин изложил в предисловии к переводу «Короля Лира» («Совр.»

1856. № 12). «Заметки» — полемические статьи *PВ*, большая часть которых принадлежит М. Н. Каткову. Возможно, что первая строка строфы о Каткове была вычеркнута цензурой: вернее, однако, что М. нарочно поставил строку точек, показывая этим, что Катков находится под покровительством властей и о нем нет возможности говорить полным голосом. *Бросил свой жезл триумвира*. . . В январе — мае 1863 г. реакционный журналист Г. И. Кори редактировал вместе с В. Д. Скарятиным и Н. Н. Юматовым газету «Русский листок»; с конца мая он перестал принимать в ней участие. *Ржет в постоянном припадке*. . . Намек на статью Скарятина «О табунных и некоторых других свойствах русского человека»; о ней см. I, 749 («Конский дифирамб»). *Кто он, сорвавший гиматий*. . . Намек на «греческие стихотворения» Н. Ф. Шербины, в которых слово «гиматий» (верхняя одежда древних греков) встречается неоднократно. *Кто он, воспевший нам лозы*. . . О П. Д. Юркевиче; см. с. 900 («Детям»). *Бюхнеру славишь угрозы*. Имеется в виду цикл публичных лекций Юркевича в начале 1863 г., в которых он пытался развенчать философов-материалистов Запада и России.

Лирические песни с гражданским отливом (с. 128). Впервые — *РС* 1863. №№ 6 и 7, в фельетоне «Дневник Темного человека», без общего заглавия: I — № 7, с. 4—5; II — № 7, с. 5; III — № 6, с. 8—9; IV — № 6, с. 11—12, под заглавием «Серенада». Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 383—387, где включены в цикл; из шести стихотворений цикла печатаются четыре. «Лирические песни с гражданским отливом» направлены против статей Фета «Из деревни», напечатанных в *PВ* (1863, №№ 1 и 3). Фет идеализирует в них среднепоместного дворянина и жалуется на трудности его хозяйственной жизни после реформы 1861 г., на грубость и нерадивость крестьян, на литераторов, которые, мол, не только не способны примирению интересов помещиков и крестьян, но, наоборот, обнаруживают явно демократические тенденции, и т. д. Характеризуя в своем фельетоне классовую природу Фета, М. отмечает, что «он принадлежит к особой плеяде писателей и певцов, воспевших сладость крепостного состояния в России. . . Прежде в нем этого не подозревали и видели в нем просто объективного поэта, поющего без всякой предвзятой идеи», но новая, пореформенная эпоха «вдруг осветила деятельность таких писателей, как г. Фет, и показала нам их в настоящем свете. . . Перед нами является новый Фет — Фет обиженный, Фет взволнованный, Фет оскорбленный. Он не поет уже теперь: «Шепот, робкое дыханье, трели соловья», но у него вырываются другие, мрачные песни». *Оттого что гусенята*. . . В главе «Гуси с гусенятами», посвященной вопросу о потравах, Фет рассказывает о крестьянских гусях, которых он поймал на своем поле; хотя они и не успели еще принести ему никакого вреда, Фет взыскал с их владельца штраф. *Когда табун соседних лошадей*. . . См. главу «Новое положение о потравах и загнанные лошади». *Оправдывал работника Семена*. . . В главе «Равенство перед законом» Фет пишет о трудностях, возникающих при пользовании вольнонаемным трудом. Он утверждает, что интересы помещиков якобы в меньшей степени ограждены законом, чем интересы батраков, и в доказательство рассказывает о нерадивом

работнике Семене, которого он принужден был уволить и с которого еле удалось взыскать обратно полученный им задаток. — Являясь сатирами на статьи Фета, «Лирические песни» пародируют в то же время отдельные его стихотворения: I — стих. «Ива» («Сядем здесь, у этой ивы»), II — «Когда мои мечты за гранью прошлых дней», III — «Шепот, Робкое дыханье», IV — «Серенада» («Тихо вечер догорает»).

Лирические песни без гражданского отлива (с. 131). Впервые — *РС* 1863, № 9, в статье о двухтомном издании «Стихотворений» Фета 1863 г. — «Лирическое художество (Письма и размышления российского сочинителя, критика и стихотворца, отставного майора Михаила Бурбонова)», с. 29—31, без общего заглавия, как стихи некоего юнкера Звонкобрюхова. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 390—391, где включены в цикл; из пяти стихотворений цикла печатаются три. «Муза г. Фета, — писал М. в *РС*, — задалась грациозной работой подбирать звучные, мелодические слова, которые, будучи подобраны вместе, производят эффект своей музыкальностью. Весь процесс ее творчества состоит в том, что она ловит картинные выражения и из них лепит одну общую мозаику, вовсе не беспокоясь о том, будет ли смысл в целом произведении». Общим заданием цикла и является развенчание этих «звучных, мелодических слов». Отдельные «лирические песни» пародируют, кроме того, следующие стихотворения Фета: I — «Не отходи от меня», II — «Жди ясного на завтра дня» и «Ты говоришь мне: прости» (последние две строки пародии), III — «Тихая, звездная ночь».

«Гоняйся за словом тут каждым!» (с. 133). Впервые — *РС* 1863, № 9, в той же статье, с. 24. В сборники М. не включено. Пародия на одно из программных стихотворений Фета: «Как мошки зарею».

«Чудная картина!» (с. 134). Впервые — *РС* 1863, № 9, в той же статье, с. 33. В сборники М. не включено. В этой пародии на Фета использованы детали целого ряда его стихотворений: «Чудная картина, Как ты мне родна», «Знакомке с юга», «Георгины», «У каминна», «Грезы», «Певице».

«Пусть травы на воде русалки колыхают» (с. 135). Впервые — *И* 1863, № 44, с. 645: в фельетоне «Из записной книжки отставного майора Михаила Бурбонова». В сборники М. не включено. Эта пародия представляет собой стих. Фета «Уснуло озеро. Безмолвен черный лес», напечатанное снизу вверх. «Положа руку на сердце, — пишет М., — можно сказать, стихотворение даже выигрывает при последнем способе чтения, причем описываемая картина выражается последовательнее и художественнее». Пародируя поэтическую систему Фета, М. подметил одну ее существенную особенность. Над рядом его стихотворений можно произвести эту операцию без полного разрушения производимого ими поэтического эффекта, поскольку в них часто нет никакого сюжетного движения, а отдельные статические мотивы замкнуты в пределах строки.

Опыты переводов Гейне на русский язык (с. 136). Впервые — И 1864, № 8, с. 139—140, под заглавием «Рекреационные часы. I. Переводы из Гейне» и с примечанием о русских переводчиках Гейне, подпись: Михаил Бурбонов; с исправл. и под заглавием «Опыты переводов Гейне на русский язык (Подражание русским переводчикам немецкого поэта)» — в сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 416—420; с новыми исправл. — в сб. «Здравия желаю!», с. 43—47; здесь цикл озаглавлен просто «Из Гейне», поскольку вошел вместе со стих. «Из Беранжера» в отдел «Переводов» отставного майора Бурбонова, составляющий в свою очередь часть написанной от его имени книги. Печ. по сб. «Здравия желаю!», но с сохранением заглавия из сб. «Думы и песни». Из 16 стихотворений цикла печатаются три. Стих. «Мне попала в январе ты» в сб. «Не в бровь, а в глаз» (с. 553) включено в цикл «Из моего альбома». В примечании к первой публикации цикла М., подчеркивая смысл своих пародий, писал: «Благодаря русским переводчикам от Парнаса, немецкий стихотворец на нашей почве получил новую, совершенно оригинальную физиономию, физиономию до того новую, что если бы немцы попробовали вновь перевести русского, перегруженного Гейне на свой язык, то они бы не узнали в нем автора «Германии» и «Атта Троля». Чтоб вполне воссоздать и привести в ясность образ этого доморощенного Гейне, я решился предложить читателям и свои из него переводы». В первом стихотворении цикла использована сюжетная схема стих. Гейне «Nacht lag auf meinen Augen» из «Книги песен» (поэт в могиле, он слышит стук, разговор с любимой женщиной и т. д.). В первых двух строфах этого стихотворения М. использовал перевод М. Л. Михайлова (ПВ 1856, ноябрь, кн. 1); об этом свидетельствуют словесные совпадения в стихотворении М. и переводе Михайлова, не предопределенные текстом Гейне. *Гейне, встань! Твои мотивы...* Переводы А. Н. Майкова из Гейне были впервые собраны во 2-й книге его «Стихотворений» изд. 1858 г., где составили отдел, озаглавленный «Мотивы Гейне». *Шепчут Миллер, Берг и Фет.* Переводы Ф. Б. Миллера см. в 1-й кн. его «Стихотворений» (2-е изд., 1860), Ф. Н. Берга — в книгах: «Полное собрание сочинений Г. Гейне в русском переводе», изд. под ред. Ф. Н. Берга, т. 1. СПб., 1863, и «Романцеры» Г. Гейне. СПб., 1864 (также ОЗ 1864, № 3—4); Фета — во 2-й части его «Стихотворений» изд. 1863 г. *Из «Германии» страницы...* Перевод В. И. Водовозова напечатан в ОЗ 1861, №№ 10—12.

Уездный городок (с. 139). Впервые — РС 1864, № 2, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 96—99, под заглавием: первая часть — «Голос из захолустья (Стихи, отданные городничему)», вторая — «Мирный уголок». Печ. по сб. «В сумерках», с. 232—235. Говоря в фельетоне о грустном положении провинциального корреспондента и преследованиях со стороны непосредственного начальства и местных властей, М. высмеивает рассуждения на эту тему В. Д. Скарятин: «Каким способом избавить корреспондента от подобных сюрпризов, а редакторов избавить от ложных корреспонденций? Разрешением этого вопроса занялся г. Скарятин... По его мнению, каждый провинциал все свои корреспонденции должен представлять на рассмотрение местного началь-

ства и присылать их в столицу с полицейским удостоверением в личности автора». И дальше М. показывает, что из этого получится. «Мирный уголок» — стихотворение, исправленное городничим и одобренное им к печати. Стр. 19 первого стихотворения ср. со стихом из «Двуглавого орла». В. Курочкина: «А уж грабит, так грабит здорово». «При колодце пустынь он бадья» — несколько измененная и иронически переосмысленная строка из стих. Фета «Я люблю его жарко: он тигром в бою». *Ведь хмельного и в рот не берет.* Ср. с басней Крылова «Музыканты»: «Зато уж в рот хмельного не берут».

«Я, обожая панну Лизу» (с. 143). Впервые — РС 1864, № 6, в статье «Резервные стихотворцы (Заметки и размышления отставного майора Бурбонова)», с. 30—31. Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 139—140. Пародия на пьесу Я. П. Полонского «Разлад. Сцены из последнего польского восстания» («Эпоха», 1864, № 4). В основе этой пьесы, в которой польское восстание трактуется во многом довольно близко к официозной версии, лежат традиционные сюжетные мотивы. «Вся интрига драмы, — пишет М. о «Разладе», — основана, с одной стороны, на исполнении долга, долга службы, а с другой — на любви к панне. Борьба между двумя этими чувствами продолжается на семи печатных листах, но наконец первое берет верх над последним». Для понимания стилистической ткани пародии нужно иметь в виду еще одно замечание: «Умилила меня находчивость г. Полонского, который фронтовой военный язык уломал в ямбы своей драмы».

«Жизнь наша вроде плац-парада» (с. 145). Впервые — РС 1864, № 6, в той же статье, с. 35. В сб. «Не в бровь, а в глаз» (с. 548) — под заглавием «В альбом **». Пародия на стих. М. П. Розенгейма «Не вспоминай о бурном прежде».

Гражданские мотивы (с. 146). Впервые — И 1864, № 26, с. 363—364, подпись: Литературное домино. Из пяти стихотворений цикла печатаются два. Стих. «В глухую ночь я шел Коломойной» появилось с исправл. в сб. «Не в бровь, а в глаз» (с. 171—172), в составе другого цикла — «Лирико-гражданские мотивы»; текст его печатается по этому сборнику. Пародии М. направлены против либеральной «обличительной» поэзии и либерального фразерства. Незадолго до этого А. П. Пятковский издал антологию «Гражданские мотивы. Сборник современных стихотворений». Отсюда и заглавие цикла М. Эпиграф — «перепев» стих. Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой». Пародия М. перекликается с «Мотивами современной русской поэзии» Добролюбова.

Осеннее петербургское утро в 7 песнях на одну тему (с. 148). Впервые — РС 1864, № 8, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 58—64. В большинстве своем эти пародии направлены не против отдельных стихотворений, а имеют собирательный характер. По Некрасову. Здесь пародируются некоторые мотивы 1-й части цикла Некрасова «О погоде». Однако М., «не смотря на элемент пародии... отмечает принципиально иной <чем у Фета, Полонского, Майкова и др.> подход Некрасова к теме, под-

черкивая реалистически конкретный метод изображения и обличительные интонации Некрасова» (Т. Д. Фролова. Незавершенный сатирический цикл Н. А. Некрасова. — «Некрасовский сборник», т. 1. М.—Л., 1951, с. 177). По Плещееву. Труженик, не имеющий возможности любоваться красотами природы, — мотив ряда стихотворений Плещеева, — см. «Птичка», «Летние песни. II. И вот шатер твой голубой». В стр. «Много бедных и голодных» и т. д. есть словесные совпадения со стих. «Блажен не ведавший труда». По Фету 1. Стр. «До ланит избегает кровь» восходит к двум стихотворениям Фета — «Старые письма» и «Весенние мысли». Последние две строки пародируют стих. «Ты говоришь мне: прости!» II. Пародия на стих. «Знаю я, что ты, малютка». По Полонскому. Здесь использованы мотивы разных стихотворений Полонского, но в основном это пародия на его стих. «Ночь» («Отчего я люблю тебя, светлая ночь»). По Тютчеву. Стр. «Небеса поют и тают» ср. со стих. Тютчева «Полдень»: «Лениво тают облака». По Майкову. Основная часть стихотворения (о Риме) — пародия на цикл Майкова «Очерки Рима»: на стих. «Древний Рим» (триумфальная арка, Колизей с гирляндой пиллигрим), «Palazzo» («лениво бьет фонтан»), «Художник» («Лора») и др. Что касается строки «И яркий купол Исаака», то она связана не с Майковым, а с Тютчевым — см. его стих. «Глядел я, стоя над Невой, как Исаака-великана». По Бенедиктову. В этой пародии на стихотворные приемы Бенедиктова есть и несколько конкретных деталей, взятых из его стихотворений. Так, слова «Не Европа ль» в конце строки находим в стих. «К отечеству и врагам его»; последняя строка напоминает строку из стих. «Тост»: «Мощный тянется гигант».

Слово о полку Игореве (с. 155). Впервые — И 1864, № 45, с. 581—582, подпись: Темный человек. Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 65—72, с исправл. по И. «Разлад» — пьеса Я. П. Полонского, о ней см. с. 909 («Я, обожая панну Ливу»). В сад войдут — и поет Фет. См. с. 906 («Лирические песни с гражданским отливом»). Сикофантов-князь — Катков. «Взбаламученное море» — роман А. Ф. Писемского, «Марено» — роман В. П. Ключникова; оба напечатаны в РВ и принадлежат к числу так называемых «антинигилистических» романов. Стебницкого творение — роман Н. С. Лескова «Некуда», напечатанный под псевдонимом «Стебницкий» в «Библиотеке для чтения» в 1864 г., когда ее редактировал П. Д. Боборыкин. Публицисты — в «Вести». См. I, 749 («Конский дифирамб»). Всеволод — В. Д. Костомаров. Ф. Н. Берг и Костомаров выпустили несколько совместных изданий: «Сборник стихотворений иностранных поэтов» (1860), «Поэты всех времен и народов» (1862), «Романцери» Г. Гейне (1864). «Плач новой Ярославны» — насмешка над статьей Евгения Тур. Тур жалуется в ней на то, что интересы русского общества якобы определяются только модой; все машинально повторяют одни и те же фразы, восхищаются одними и теми же книгами, не имея при этом элементарных сведений по данной отрасли знания. Такими модными писателями и являются теперь, по словам Тур, Бокль, Милль и Кинглек («Парижское обозрение». — «Голос», 1864, № 186).

Альбом светской дамы, составленный из произведений русских поэтов (с. 161). Впервые — И 1865, № 5, с. 78—80, под заглавием «Альбом светской дамы, составленный из произведений русских поэтов и художников», без подписи. Печ. по сб. «Песни и поэмы», с. 233—239. Майков. Детали первой половины пародии заимствованы из стих. Майкова «Capraigna di Roma» (цикл «Очерки Рима»). Полонский. В стр. «Я драмою светской отвечу» и сл. имеется в виду только что появившаяся пьеса Полонского «Свет и его тени» («Эпоха», 1865, № 1). Фет. Пародия на стих. «Давно ль под волшебные звуки». «Положенья» — «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» См. также с. 906 («Лирические песни с гражданским отливом»). Щербина. «Музыка вечных миров» и пр. пародируют соответствующие мотивы в стих. Щербины «Утро в горах Фокиды» и «Мир». У М. есть и другая пародия на эти стихотворения — «Смертному» (см. с. 53). Ютчев. Пародия на стих. «Тихой ночью, поздним летом». Плещеев. «Слезы» очень часто встречаются в поэзии Плещеева — см., например, стих. «Думы», «Тихо все, глядится месяц», «Тобой лишь ясны дни мои» и др. Слов «слезы» и «плач» нет в стих. «Птичка» («Для чего, певунья птичка»), но, может быть, именно оно отразилось в первых трех строках пародии; в нем описывается грустная осенняя природа, дождь, ветер, а затем печальный горемыка-труженик, вернувшийся в свою хату. Розенгейм. «Из Беранже» — насмешка над стих. Розенгейма «Соседка» (в изд. 1864 г. — «Соседка или сердечные тревожения корнета», гл. 6). Заглавие направлено против довольно распространенного плоского понимания Беранже как поэта эпикурейского склада. «Фабриканты мятежей» — строка из стих. Розенгейма «1 января 1854 г.» Это — отповедь англичанам и вообще Западу в связи с Крымской войной, но с позиций правительственных и «руссопетских». «Запад хилый, переживший все старик», тратит остатки сил «в корчах козней и интриг», а «Русь святая, — И богата и сыта, — За царем своим, родная, Что за пазухой Христа... Русь — зашита царских тронов, Русь — спасенье алтарей, Правой власти — оборона, Страх и ужас мятежей». Греков. Здесь явная ошибка: не В. Греков, а Н. П. Греков. В 1863 г. вышла книга: «Генрих Гейне в переводе Н. П. Грекова». В начале пародии использовано стих. Гейне «Du schönes Fischermädchen» из «Buch der Lieder». Вяземский. Пародия на «заграничные» стихи Вяземского из его книги «В дороге и дома» (СПб., 1862; см., в частности, отдел «Германия»). Ср. с пародиями на них В. Курочкина (см. I, 253). Рифма «каждый жаден — Баден-Баден» заимствована из другой пародии Курочкина — на В. А. Соллогуба (см. I, 109). Стр. «Там гулял лишь автор „Аси“» связана с последней главой «Отцов и детей», где говорится, что поселившегося в Дрездене Павла Петровича Кирсанова между двумя и четырьмя часами, «в самое фешенебельное время для прогулки», всегда можно встретить на Брюлевской террасе. Такое отождествление Тургенева с Павлом Петровичем очень типично для искровской оценки романа.

Двуликий Янус (с. 166). Впервые — Б 1865, № 26, с. 101. «Петербургские отметки» — отдел газеты «Голос», в котором помещались репортерские заметки о городских новостях и событиях.

Ужасный пассаж или истинное повествование о том, как один господин важного сана обратился в водолаза и что от этого произошло (с. 169). Впервые — *И* 1865, № 14, с. 203—204, без подзаголовка «Подражание Ф. Достоевскому», подпись: Литературное домино. Печ. по сб. «Песни и поэмы», с. 199—202. Пародия на повесть Ф. М. Достоевского «Крокодил» («Необыкновенное событие или пассаж в Пассаже, справедливая повесть о том, как один господин, известных лет и известной наружности, пассажным крокодилом был проглочен живьем, весь без остатка, и что из этого вышло. Семеном Стрижовым доставлено»), напечатанную в его журнале «Эпоха», 1865, № 2. В «Крокодиле» некоторые современники и позднейшие исследователи видели пасквиль на Чернышевского.

«От германского поэта» (с. 172). Впервые — *Б* 1865, № 28, с. 111, в фельетоне «Невский альбом (Новости, заметки, слухи)», подпись: Д. М.—ъ. *Курят нынче папиросы*. В июне 1865 г. запрещение курить на улицах, действовавшее в течение ряда лет, было отменено. «Голью нравственной кабацкой». Полемизируя с Г. З. Елисеевым, А. В. Лохвицкий назвал сотрудников «Совр.» «умственной голью кабацкой» («Голос», 1865, № 37). *Все скворцы, стрижи и галки*. Стрижами называл Салтыков редакцию и сотрудников журнала Достоевского «Эпоха».

Лирик (с. 175). Впервые — *Б* 1865, № 29, с. 113, с надзаголовком «Отживающие типы. I» (цикл этот не был продолжен). Стихотворение направлено, повидимому, против А. Н. Майкова.

«В кругу друзей у камелька» (с. 178). Впервые — *Б* 1865, № 65, с. 257, в фельетоне «Дневник Темного человека»; в сб. «В сумерках» (с. 204—206) — под заглавием «У камелька»; в сб. «Песни и поэмы» (с. 187—189) — снова без заглавия. Пародия на воспоминания В. А. Соллогуба, прочитанные им в Обществе любителей российской словесности в марте 1865 г. в связи с его избранием в действительные члены общества и вслед за этим напечатанные в «Русском архиве» (1865, № 5—6). *Хоть Лейкина портрет*. Н. А. Лейкин незадолго до этого впервые выступил в печати; сотрудничал в *И*, *Б* и ряде других журналов 60-х годов.

Мотивы русских поэтов (с. 181). Впервые: I, II — *И* 1865, № 34, с. 464; III, IV — *И* 1865, № 35, с. 475; с надзаголовком «Жизнь сквозь разные очки. Параллели», подпись: Литературное домино; V — «Песни и поэмы», с. 226. Пятое стихотворение также предназначалось для *И*, но было запрещено цензурой (Опись журналам заседаний С.-Петербур. ценз. комитета, заседание от 25 августа 1865 г.). «Мотив мрачно-обличительный» направлен против поверхностного либерального «обличительства». «Мотив ясно-лирический» — пародия на Фета, вернее всего — на его «Серенаду» («Тихо вечер догорает»); «Мотив бешено-московский» — на казенно-патриотическое стихотворение Бенедиктова «К отечеству и врагам его» (ср., например, строки: «И в стихе веселонравном, Бойком, стойком — как ни брось, Шибком, гибком, плавном, славном, Прорифмованном насквозь» и т. д.) и на его стихотворные приемы. В «Юби-

лейном мотиве» М., повидимому, имел в виду стихотворения Майкова и Розенгейма к столетию со дня смерти Ломоносова — ср. фельетоны М. «Обеденная поэзия» и «Из записной книжки отставного майора Михаила Бурбонова» (*И* 1865, № 15, с. 214; № 16, с. 234). В «Мотиве слезно-гражданском» возможны отражения стих. И. С. Никитина «Горькие слезы» («Чужих страданий жалкий зритель»). В этом стихотворении Никитина выражены свойственные ему в известной мере мотивы социального бессилия. *Ночной зефир струит эфир* — начало стихотворения Пушкина.

На улице (с. 185). Впервые — «Совр.», 1865, № 9, с. 171.

Кто он? (с. 186). Впервые — *Б* 1865, № 83, с. 329; с мелкими исправлениями и под заглавием «Домино» — в сб. «В сумерках», с. 183—184. Печ. по сб. «Песни и поэмы», с. 104—106, где М. вернулся к журнальному тексту. *В дверь у Доминика*. Петербургский ресторан. *В зале Бенардаки*. Зал для концертов, литературных чтений и т. п. в Петербурге.

Лунная ночь (с. 189). Впервые — *И* 1866, № 37, с. 482—483. Печ. по сб. «В сумерках», с. 25—26. В *И* (без сомнения, по цензурным причинам) были заменены политически наиболее острые места: в I строфе неясно, что действие происходит в тюрьме, а в V — что герой вспоминает о пути, пройденном им по этапу.

Добрый пес (с. 191). Впервые — сб. «Здравия желаю», с. 190, под заглавием «Басня». Печ. по тетради, принадлежавшей, очевидно, одному из редакционных работников *Б*; в ней наклеены корректуры предназначавшихся для журнала, но запрещенных цензурой стихотворений (*ИД*), л. 17; в корректуре под басней подпись: Что в имени тебе моем? С 1 сентября 1865 г. большинство периодических изданий, выходивших в Москве и Петербурге, было освобождено от предварительной цензуры.

Двое (с. 192). Впервые — сб. «Евгений Онегин нашего времени», с. 115—116. Автограф, датированный 1866 г., без заглавия, в альбоме М. И. Семевского в *ПД*. «Что делать?» — роман Чернышевского.

Муза (с. 193). Впервые — «Невский сборник (учено-литературный)», I. СПб., 1867, с. 114—115, под заглавием «Муза». Печ. по сб. «В сумерках», с. 5—6. См. вступ. статью, с. 18—19.

Добрый совет (с. 195). Впервые — *И* 1867, № 12, с. 145—146, с подзаголовком «Посвящается памяти И. И. Дмитриева». Печ. по сб. «В сумерках», с. 156—158. Общий замысел стихотворения близок к поэме 80-х годов «Две эпохи» (см. с. 458).

Шут (с. 198). Впервые — *И* 1867, № 23, с. 285, с надзаголовком «Современные типы. I» (цикл этот не был продолжен). Печ. по сб. «В сумерках», с. 159—161. Предназначалось для *И* еще в феврале 1867 г., но было запрещено цензурой — см. Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 22 февраля 1867 г. Повиди-

мбому, прототипом героя стихотворения является И. Ф. Горбунов — ср. «Евгений Онегин нашего времени», гл. 5, строфа XVIII (с. 407).

Гражданин Невского проспекта (с. 201). Впервые — *И* 1867, № 34, с. 409—410.

Праздничная дума (с. 204). Впервые — *И* 1868, № 17, с. 201—202, без стр. 41—44, с датой: 30 марта 1868 г. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 145—147. Предназначалось для № 13 *И*, но было запрещено цензурой: корректура сохранилась в собр. корректур С.-Петербур. ценз. комитета, № 55, л. 1. Было, повидимому, разрешено по изъятии стр. 41—44.

Война и мир (с. 206). Впервые — *И* 1868, № 18, с. 213—215, подпись: Михаил Бурбонов. М., как и многие другие представители демократического лагеря 60-х годов, отрицательно отнесся к «Войне и миру», не увидев огромного идейного и художественного значения романа и безоговорочно причислив Толстого к защитникам дворянских интересов и идеалов. Вместе с тем он правильно нащупал слабые стороны мировоззрения Толстого, отразившиеся в «Войне и мире»: толстовскую теорию фатализма, отрицание какой бы то ни было роли личности в истории, военной науки и т. п. «Заметка» Толстого, которую цитирует М., — его статья «Несколько слов по поводу книги „Война и мир“». *Гордые Немроды*. См. с. 938 («Евгений Онегин...»). «Смерть Грозного» — драма А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного».

Насущный вопрос (с. 212). Впервые — «Неделя», 1868, № 25, с. 769—770. До появления в «Неделе» предназначалось для «Дела» и *И*. Для «Дела» было запрещено 13 марта 1868 г. (см. Журнал заседания С.-Петербур. ценз. комитета); корректура — в собр. рукописей С.-Петербур. ценз. комитета, № 922. Корректура с надписью: «Искра № 11» — в собр. корректур С.-Петербур. ценз. комитета, № 55, л. 2. Оба корректурных текста — под заглавием «Толпа» и с некоторыми разночтениями, второй — ближе к окончательному. *Земский совет* — земские собрания, учрежденные в 1864 г. Вопреки неоднократным высказываниям идеологов русского либерализма и позднейшей либеральной историографии, они были всецело в руках дворянства, а представители крестьян не имели никакого влияния на ход дел. — В «Насущном вопросе» сказалось влияние стих. Добролюбова «Чернь».

«На борзом коне воевода скакал» (с. 214). Впервые — *ОЗ* 1868, № 11, с. 251—253, в цикле «Народные мотивы».

Храбрый ратник (с. 216). Впервые — *ОЗ* 1868, № 11, с. 253—254, без заглавия, в том же цикле. Печ. по сб. «Народные русские сказки для детей в иллюстрациях», выпуск, открывающийся «Сказкой об Иване-богатыре», с. 57—58.

Ренегат (с. 218). Впервые — *И* 1868, № 49, с. 609. «Говорунья» — пьеса И. А. Манна, пасквиль на «нигилистов»; шла в сезон 1867—1868 г. на сцене Александринского театра: напечатана в *РВ* (1868, № 2).

Интимная беседа (с. 220). Впервые — «Дело», 1869, № 11, с. 69—70, подпись: Аноним.

Фискал (с. 221). Впервые — И 1870, № 2, с. 69—72, под заглавием «Поучительная история», подпись: Литературное домино. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 304—306. Сатира на Каткова. *Перо макая в разум...* См. 1, 763 («Сказка о враче...»). «Чай, пил не по летам» — цитата из «Горя от ума» Грибоедова.

Дикие сны (с. 224). Впервые — И 1870, № 23, с. 778—779. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 241—242.

Две судьбы (с. 226). Впервые — «Дело», 1870, № 7, с. 128, с подзаголовком «(Перевод с итальянского)». Печ. по сб. «На перепутьи», с. 248.

«В стихах и в прозе, меньший брат» (с. 227). Впервые — «Дело», 1870, № 9, с. 192, без стр. 13, замененной строкой точек. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 256.

Природа и люди (с. 228). Впервые — ОЗ 1870, № 11, с. 154. До появления в ОЗ предназначалось для сентябрьского номера «дела» за тот же год, но было запрещено цензурой (Дело Гл. упр. по делам печати, 1870, № 12, л. 5).

«Когда-то, милые друзья» (с. 229). Впервые — «Дело», 1870, № 11, с. 124, подпись: Д. Свяжский. В сб. «Чем хата богата» (отд. 1, с. 26) — в цикле «Из старой тетрадки». «Вперед без страха и сомненья!» — стихотворение А. Н. Плещеева, являвшееся своеобразным «гимном петрашевцев» и пользовавшееся огромной популярностью в среде передовой молодежи 40—60-х годов.

На перепутьи (с. 230). Впервые — ОЗ, 1870, № 11, с. 152—153, под заглавием «Затишье» и без VI строфы. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 1—2, где помещено в качестве предисловия ко всему сборнику с подзаголовком «Пролог».

Неотразимая логика (с. 232). Впервые — И 1871, № 33, с. 1027, подпись: М. Бурбонов. В сборники М. не включено. 19 июня 1871 г. в Московском губернском земском собрании обсуждался проект постановления о волостных судах, предполагавший полную отмену телесных наказаний крестьян. С возражениями против этого выступили члены земского собрания Ю. Ф. Самарин, В. П. Безобразов и В. К. Шлиппе. При этом Безобразов заявил, что «законодатель должен касаться крайне осторожно вопроса о телесных наказаниях, должен выказать уважение к обычаям народной жизни» и т. д. (см. отчет об этом заседании в «Моск. ведомостях», 1871, № 139).

Свой своему вовсе не брат (с. 234). Впервые — И 1871, № 36, с. 1121—1124, подпись: Что в имени тебе моем? Печ. по сб. «Разоренное гнездо», с. 167—170. *Ассоциации и стачки...* Это место, как и все стихотворение, направлено против либерального опошления тех идей, которые глубоко волновали передовые круги

60-х годов. Производственные ассоциации, артели и пр. представлялись многим ячейками будущего социалистического общества.

Протест (с. 238). Впервые — *И* 1871, № 42, с. 1315—1318, под заглавием «Несчастный богач», подпись: Литературное домино. Печ. по сб. «Разоренное гнездо», с. 175—177. *Но чтоб издать, как этот... Гоппе, или Гатцук...* Г. Д. Гоппе с 1867 г. ежегодно выпускал «Всеобщий календарь», а А. А. Гатцук с 1866 г. — «Крестный календарь». В журнальном тексте вместо Гатцука фигурировал А. С. Суворин; в конце 1871 г. Суворин начал свою издательскую деятельность, выпустив составленный им «Русский календарь на 1872 г.»; этим определяется дата стихотворения.

Полуслова (с. 241). Впервые — *И* 1871, № 43, с. 1351—1352. До появления в *И* предназначалось для «Дела», но было запрещено цензурой (Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 10 сентября 1871 г.). *Красный кариндиш* — карандаш цензора. Красным карандашом вычеркивались обычно недозволенные к печати места.

Пробуждение (с. 242). Впервые — *И* 1872, № 12, с. 181. Печ. по сб. «Разоренное гнездо», с. 144.

Золотой век (с. 243). Впервые — *И* 1872, № 5, с. 65—68, подпись: Литературное домино. Печ. по сб. «Разоренное гнездо», с. 171—174, где датировано 1872 г., с исправл. по *И*. «*И я в Аркадии родился!* — перевод начала стих. Шиллера «Resignation» («Auch ich war in Arkadien geboren»). Аркадия — страна мирного счастья и патриархальной простоты нравов (от древнегреческой области Аркадия, которая так изображалась в идиллической поэзии). *Как делает граф Алексей Толстой*. Имеются в виду стих. «Песня о Потоке-богатыре» и «Баллада с тенденцией» («Порой веселой мая»), направленные против «нигилистов» и напечатанные незадолго до этого в *РВ* (1871, №№ 7 и 10). *Демагог* — см. с. 939 («Нигилист»).

Сказка о славном виконте Сыр-Бри (с. 247). Впервые — *Б* 1873, № 4, с. 1—2, подпись: Литературное домино. В сборники *М.* не включено. Виконт Сыр-Бри — князь В. П. Мещерский. *Ташкентцы* — см. с. 932. («Понемножку назад да назад»).

Сон великана (с. 251). Впервые — «Дело», 1873, № 2, с. 99—100. В сб. «Разоренное гнездо» (с. 131—132) датировано 1873 г.

«Поэт понимает, как плачут цветы» (с. 253). Впервые — *И* 1873, № 19, с. 3, в фельетоне «Праздничные подарки „Искры“», подпись: Литературное домино. Пародия на стих. Полонского «Жалобы музы» и вместе с тем вообще на «чистую поэзию».

Смех (с. 254). Впервые — *ОЗ* 1875, № 3, с. 289—290. В сб. «Разоренное гнездо» (с. 156—157), датировано 1875 г.

Перемешанные шашки (с. 256). Впервые — *ПГ* 1876, № 88, подпись: Общий друг. *А ты? — Швейцар я. — Будь поэт!*

О «швейцаре-поэте» Ефиме Дроздове; см. также «Евгений Онегин нашего времени», с. 402.

Раздел (с. 260). Впервые — Б 1878, № 3, с. 38—39, подпись: Д. М.—в В сборники М. не включено. *Управлять был призван кухней и буфетом*. Об Аристове см. с. 938 («Евгений Онегин нашего времени»). *Точен, как Межов, он*. Современники неоднократно писали о неточностях, встречающихся в библиографических работах В. И. Межова. — В «Разделе» использован сюжет стих. Шиллера «Раздел земли».

«Говорят про сладость» (с. 263). Впервые — ОЗ 1878, № 2, с. 525—526, под заглавием «Из старой тетрадки». Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 1, с. 24—25, где вошло в цикл «Из старой тетрадки».

На взморье (с. 265). Впервые — БВ 1878, № 74, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 2, с. 119—120. Пародия на стих. Я. П. Полонского «На закате» («Пчела», 1877, № 3, с. 34).

Житейская иерархия (с. 266). Впервые — «Новости», 1878, № 295, без заглавия в фельетоне «Телефон», подпись: Дамино; с исправл. и с эпиграфом: «Нередко все дело в едином калибре: Где слон и не дрогнет, там струсит колибри» — в сб. «Всем сестрам по серьгам», с. 64. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 8. Ср. со словами Некрасова в «Поэте и гражданине»: «Бичуя маленьких ворюшек Для удовольствия больших»; М. приводит их в фельетоне, где впервые появилась «Житейская иерархия». Ср. также с басней Крылова «Вороненок»: «Что сходит с рук воров, за то ворюшек бьют».

Похвальное слово воровству (с. 267). Впервые — БВ 1879, № 10, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. *От червонных валетов порой*. Незадолго до этого, в 1877 г., в Московском окружном суде разбиралось дело о «клубе червонных валетов», занимавшихся разного рода мошенничествами и подлогами. Значительная часть обвиняемых принадлежала к светской молодежи.

Пейзаж (с. 271). Впервые — БВ 1879, № 10, без заглавия, в том же фельетоне. Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 3, с. 21. Пародия на отдельные места поэмы Случевского «В снегах», разосланной в качестве приложения к новогоднему номеру «Нового времени» за 1879 г. «Есть у г. Случевского и курьезные стихи, — пишет М. в фельетоне, — ветер у него «лохмотьями» пласть качает и стучает ими; у него происходит «говор в кулисах» вместо за кулисами: реки у него прилежные, а струи расторопные... Уж не слишком ли смело, г. Случевский? Что вы, например, скажете о таком пейзажике, à la Случевский». И дальше следует пародия. Первая строфа является вместе с тем «перепевом» стих. Тютчева «Полдень».

Звезды и Случевский (с. 272). Впервые — «Молва», 1879, № 175, без заглавия, в фельетоне «Чем хата богата», подпись:

М. Д. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 347—348. В основном это пародия на перевод Случевского из Л. Тика (стих. «Ночь», напечатанное в антологии «Немецкие поэты в биографиях и образцах под ред. Н. В. Гербеля», СПб., 1877, с. 371—372). Но вместе с тем М. высмеивает и общие стилистические особенности поэзии Случевского, выходящие за пределы данного объекта. Случевский после едва ли не двадцатилетнего молчания наконец прервал его, пишет М. в фельетоне, «но, увы! при общем убийственном молчании читающей публики, не оценившей его беспредметного лиризма, тусклых, небрежных стихов и той натянутой, искусственной образности, которая исчерпывается вся следующей пародией».

Через двадцать пять лет (с. 273). Впервые — «Молва», 1879, № 308, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. *Пять домов генерала Мартьянова*. . . Речь идет о П. К. Мартьянове, имевшем в конце 70-х годов чин подполковника. В своей автобиографии Мартьянов сообщает, что в 70-х годах много занимался благотворительными делами. Он состоял членом Общества дешевых квартир, Общества для пособия бедным женщинам, причем в последнем также заведовал дешевыми квартирами. Литературному фонду он предоставил в своем доме на Охте квартиру для нуждающихся литераторов (архив П. В. Быкова в ПД). См. также воспоминания А. А. Соколова — иллюстрированное приложение к «Моск. листку», 1908, № 9 «*Время новое*» — «Новое время», «*Речь*» — «Русская речь», «*Иллюстрация*» — «Всемирная иллюстрация», «*Сын*» — «Сын отечества», «*Правовед*» — обучавшийся или окончивший курс в Училище правоведения, высшем юридическом заведении для аристократической молодежи в Петербурге. *Валеты червонные* — см. с. 917 («Похвальное слово воровству»). *Демидроком* называли петербургский кафешантан, помещавшийся в саду, принадлежавшем Демидову. Слово «вокзал» в гл. 4 употреблено в старинном смысле — для обозначения увеселительного заведения.

Народные мотивы (с. 279). Впервые: I — «Стрекоза», 1880, № 4, с. 3, подпись: М.; II — «Стрекоза», 1880, № 5, с. 3, подпись: М., без IV строфы. Печ. по сб. «Дедушкины вечера», с. 119—120.

Привычка — вторая натура (с. 281). Впервые — «Молва», 1880, № 216, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. «*Нововременские*» чижы — редакция и сотрудники «Нового времени».

6 августа 1880 (с. 282). Впервые — «Молва», 1880, № 230, под заглавием «Иеремиада (Раздумье ретрограла)», в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. по сб. «*Всем сестрам по серьгам*», с. 1—4. Написано по поводу упразднения III Отделения, функции которого перешли к департаменту полиции министерства внутренних дел. III Отделение помещалось в Петербурге на Фонтанке, у Цепного моста. Рефрен «. . . здание у Цепного моста» взят из стих. «У паия у нашего Верных слуг довольно», впервые напечатанного в «Полярной звезде на 1861», кн. 6, Лондон, 1861, с. 214; автор его неизвестен.

Блудные дети (с. 285). Впервые — сб. «Чем хата богата», отд. 1, с. 18—19.

Взгляд и нечто (с. 286). Впервые — «Стрекоза», 1880, № 50, с. 3, с подзаголовком «Близкое подражание „Голосу“» и еще 4 строками в конце стихотворения о газете Краевского, подпись: Момус. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 223. Комментарием к строкам о гласном Петербургской городской думы Ф.Ф. Поздняке является следующая юмористическая характеристика: «Никто и нигде, со времен вавилонского смешения языков, не пользовался так широко драгоценным правом публично молотить вздор и сквернословить в точных границах «Городового положения», как это делает г. Поздняк. Мало того: г. Поздняк стремился еще оградить свое словоизвержение от всякой критики, выступив с достопамятным биллем об изгнании газетных репортеров из стен Петербургской думы» (В. О. Михневич. Наши знакомые. СПб., 1884, с. 173).

Две смерти (с. 287). Впервые — «Молва», 1881, № 43, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. по сб. «Всем сестрам по серьгам», с. 9—14.

Заговор в Лесном (с. 293). Впервые — ПГ 1881, № 7, подпись: Общ<ий> др<уг>. В сборники М. не включено.

Современная басня (с. 295). Впервые — ПГ 1882, № 102, подпись: Общий друг, первое стихотворение из цикла «Современные басни». В сборники М. не включено.

Король и шут (с. 297). Впервые — «Привет! Художественно-научно-литературный сборник». СПб., 1898, с. 218, где напечатано по автографу М. из альбома Г. Л. и А. П. Кравцовых, датированному 3 декабря 1884 г. По словам Н. Позднякова («Памятка о Д. Д. Минаеве». — БВ 1909, № 11154), М. читал это стихотворение в Пушкинском кружке еще в 1882 г.

Вопль ретрограда (с. 298). Впервые — сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 11.

Из И. Аксакова (с. 299). Впервые — ПГ 1883, № 15, в цикле «Юмористическая хрестоматия», подпись: Общий друг. В сборники М. не включено. По поводу передовой статьи № 1 газеты «Русь» за 1883 г. Развивая обычные славянофильские мысли об оторванности интеллигенции от народа, Аксаков резко осуждал постановку университетского образования Университеты, по словам Аксакова, выпускают «людей безнародных, не расположенных и неспособных служить России»: они создают «массы отвлеченных, нравственно искаженных, изуродованных русских людей, осужденных на вечное скитание мыслию в каком-то пустопорожном пространстве, короче сказать — на духовное бесплодие». В стихотворении использована сюжетная схема «Школьника» Некрасова.

Песни о розгах (с. 301). Впервые — ПГ 1883, №№ 207 и 209, подпись: Общий друг. В сборники М. не включены. Из четырех стихотворений цикла печатаются два. В связи с обсуждением в

правительственных сферах вопроса о введении телесных наказаний в средних учебных заведениях «Новое время» Суворина писало: «В утешение же тех, которых возмущает мысль, что можно будет вновь посечь какого-нибудь двенадцатилетнего шалуна, мы укажем, что один из самых модных ныне философов — Шопенгауэр... доказывает, что и для взрослых телесное наказание одно из самых естественных, отношение к которому зависит только от предрассудка, искусственно воспитанного в человечестве» («Шопенгауэр о сечении». — 1883, № 2658).

Поветрие (с. 303). Впервые — ПГ 1884, № 71, подпись: Общий друг.

Напрасные опасения (с. 304). Впервые — ПГ 1885 № 128, в фельетоне «На часах (Из моей записной книжки)», подпись: Майор Бурбонов.

На морском берегу (с. 306). Впервые — ПГ 1886, № 257, подпись: Общий друг. *Джон Буль* — ироническое прозвище английского буржуа.

Современные герои (с. 308). Впервые — ПГ 1887, № 189, подпись: Общий друг. *Колупаев* и *Разунаев* — герои сатир Шедрина, олицетворение хищничества, реакционности и некультурности русской буржуазии.

Поэт перед судом адвоката (с. 310). Впервые — ПГ 1888, № 37, подпись: Майор Б<урбонов>. Насмешка над публичными лекциями В. Д. Спасовича на тему «Байронизм у Пушкина и Лермонтова», прочитанными в Петербурге в январе 1888 г. и затем напечатанными в «Вестнике Европы» (1888, №№ 3 и 4). Возможно, что некоторые детали, отсутствующие в печатном тексте статьи, не придуманы М. в целях пародирования, а были в устном изложении.

II

Газете «День» (с. 315). Впервые — «Гудок», 1862, № 3, с. 23, под заглавием «Дню», без подписи. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 603. Вторая строка — цитата из «Демона» Лермонтова.

Загадка (с. 315). Впервые — «Гудок», 1862, № 5, с. 38, подпись: Темный человек. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 305. Эпиграмма на Б. Н. Чичерина. См. I, 745 («Казанские стихотворения»). *Свистун*. О кличке «свистуны» см. I, 747 («Юмористам „Отечественных записок“») — «Загадка» — «перепев» четверостишия Пушкина о Дельвиге «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы».

В день именин И. А. А<рсень>еву (с. 315). Впервые — «Гудок», 1862, № 27, с. 215, под заглавием «В день именин Илье Александровичу А—еву», с датой: 20 июля 1862 г., подпись: Гудошник. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 589.

На художественной академической выставке (с. 316). I. Впервые — «Гулук», 1862, № 38, с. 302, без заглавия, в фельетоне «Записка С.-Петербургского Дон-Кихота». «.Нищие» г. Гаугера тоже очень хороши. — писал М. — Передо мной явился идеал счастливых «богатых нищих». В их лице, в их глазах нельзя не заметить полного счастья, спокойствия и довольства, и нельзя не сказать, глядя на них: В этих нищих... М. ошибся: «Нищие» — картина художницы Э. К. Гаугер, получившей за нее медаль на академической выставке 1862 г., а не «г. Гаугера». II. Впервые — *И* 1863, № 36, с. 493, без заглавия, в фельетоне «Путеводитель по художественной годичной выставке (Почувствительная прогулка по залам Академии художеств)», подпись: Обличительный поэт. Эпиграмма вызвана тремя этюдами немецкого художника Граверта. III. Впервые — *И* 1863, № 37, с. 520, без заглавия, в том же фельетоне. IV. Впервые — *И* 1863, № 37, с. 520, без заглавия, в том же фельетоне. За эту картину и картину «Вакханка с тамбурином» С. П. Постников получил звание академика исторической живописи. *Хожалый* — см. I, 765. V. Впервые — *И* 1863, № 36, с. 494, без заглавия и примечания, в том же фельетоне. VI. Впервые — *И* 1863, № 37, с. 518, без заглавия, в том же фельетоне. П. А. Крестоносцев («портретных дел мастер», по характеристике М.) выставил в 1863 г. три портрета: Веретиннова, Шарковой и Норова. — Все эти эпиграммы печатаются по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 597—601, где озаглавлены и объединены в цикл. Из одиннадцати входящих в цикл эпиграмм печатаются шесть.

Надпись к роману г. Боборыкина «В путь-дорогу!» (с. 317). Впервые — *И* 1863, № 42, с. 605, подпись: М. Б<урбонов>. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 595. Роман П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу» печатался в «Библиотеке для чтения» в 1862—1864 гг.

Надпись к пьесе «Было да прошло» (с. 317). Впервые — *РС* 1864, № 2, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 86. «Было да прошло» — комедия О. О. Новицкого и В. И. Родиславского, переделанная из немецкой пьесы В. Вольфсона «Nur eine Seele» и поставленная Александринским театром в сентябре 1863 г. (напечатана в журнале «Русская сцена», 1864, № 2). Действие этой сентиментальной и фальшивой пьесы, имевшей, однако, успех на сцене (см. А. И. Вольф. Хроника петербургских театров, ч. 3. СПб., 1884, с. 27), происходит в России в конце 1860 — начале 1861 г. в среде поместного дворянства. Слова «было да прошло» относятся в ней к крепостному праву, а конфликт ее мирно разрешается манифестом 19 февраля 1861 г.

К пьесе «Чужая вина» г. Устрялова (с. 318). Впервые — *РС* 1864, № 2, в том же фельетоне, с. 87, под заглавием <Эпитафия> «Над пьесой „Чужая вина“ г. Устрялова». Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 595. Пьеса Ф. Н. Устрялова шла на сцене Александринского театра; напечатана в *ОЗ* 1863, №№ 11—12.

Боборыкину в роли Чацкого (с. 318). Впервые — *И* 1864, № 31, с. 419, без заглавия, в фельетоне «Nota bene (От-

рывки безыменных чувств и мнений)», подпись: Литературное домино. Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 221 По поволу-любительского спектакля, в котором принимал участие П. Д. Боборыкин.

Аналогия стихотворца (с. 318). Впервые — Б 1865, № 2, с. 8, подпись: Дм. М — н — в. Аналогичный мотив встречаем в эпиграмме В. Маяковского на поэта И. Уткина:

И бард поет,
 для сходства с Байроном
на русский
 на язык
 прихрамывая

(Полное собр. соч., т. 10. М., 1941, с. 157).

А. Майкову и Ф. Бергу, ставшим постоянными сотрудниками детского журнала «Дело и отдых» (с. 318). Впервые — Б 1865, № 2, с. 8, подпись: Дм. М.—н—в. В сборники М. не включено.

По прочтении драмы «Мамаево побоище» (с. 319). Впервые — Б 1865, № 8, с. 32, подпись: Дм. М — в. В сборники М. не включено. «Мамаево побоище» — пьеса Д. В. Аверкиева; напечатана в «Эпохе», 1864, № 10.

При посылке романа «Взбаламученное море» (с. 319). Впервые — Б 1865, № 19, с. 76, подпись: Антон Будильников. Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 34. «Взбаламученное море» — роман А. Ф. Писемского, в котором крайне недоброжелательно изображены и «люди сороковых годов» и революционеры-демократы 60-х годов. Впервые напечатан в РВ в 1863 г.

«В ресторане ел суп сидя я...» (с. 319). Впервые — Б 1865, № 79, с. 316, под заглавием «Петербургская отметка (Подражание «Голосу»)», подпись: Что в имени тебе моем? С исправл., без заглавия и без конкретного адреса, обращенная ко всей пролажной печати — в «Молве», 1879, № 175, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. В сб. «Не в бровь, а в глаз» (с. 230) переадресована и напечатана под заглавием «С киевского языка (Из Пихно)»: в том же сборнике (с. 74) помещен еще один вариант эпиграммы. Печ. по «Молве». В 60—70-е годы правительство, желая воздействовать на направление периодических изданий, давало некоторым редакторам денежные субсидии. Материалы, освещающие вопрос о субсидии, получавшейся газетой «Голос» от министерства народного просвещения, см. в книге М. К. Лемке «Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг.», СПб., 1904, с. 239—245; как раз в августе—сентябре 1865 г., т. е. незадолго до появления эпиграммы М. в Б, возникла резкая полемика по этому поводу между «Моск. ведомостями» и «Голосом». Д. И. Пихно — экономист, профессор Киевского университета, консервативный публицист, с 1879 г. — редактор газеты «Киевлянин».

Пушкинч. после вторичной его смерти (с. 319). Впервые — Б 1865, № 82, с. 328, подпись: Что в имени тебе моем? В сборники М. не включено. Эпиграмма направлена против статьи Д. И Писарева «Пушкин и Белинский» (РС 1865, №№ 4 и 6). См. также поэму «Евгений Онегин нашего времени», с. 376.

Н. Шербине, издававшему сборник «Пчела» (с. 320). Впервые — Б 1865, № 84, с. 336, подпись: Что в имени тебе моем? Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 226. Н. Ф. Шербина начал составлять «читальник» — хрестоматию «для народного чтения» — по поручению П. А. Вяземского еще в 50-х годах, когда последний был товарищем министра народного просвещения. В начале 1861 г. он изложил план «читальника» в статье «Опыт о книге для народа» (ОЗ 1861, № 2). Вышла эта весьма благонамеренная книга в 1865 г. под традиционным заглавием древнерусских сборников изречений и отрывков нравоучительного содержания «Пчела». «Пчела» *Булгари-на* — газета «Северная пчела».

Заметки (с. 320). Впервые — И 1866, № 29, с. 391, без заглавия, в фельетоне «Рекреационные часы Из записной книжки отставного майора Михаила Бурбонова». Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 211—212. Из семи «заметок» печатаются две. Цикл является ответом на стихотворные «Заметки» П. А. Вяземского, проинкнутые ненавистью к революционному движению и литературе 60-х годов. В начале 1866 г. М. сделал попытку напечатать эпиграммы в Б, но они не были пропущены цензурой за «брань на какого-то старого поэта, в котопом лица, знакомые с литературою, могут узнать князя П. А. Вяземского» (Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 2 марта 1866 г.). *На нашей почве урожайной* — первая строка одной из «Заметок» Вяземского (сб. «Утро». М., 1866, с. 172).

У входа в прессу (с. 320). Впервые — сб. «Здравия желаю!», с. 225. Первоначально предназначалось для Б, но было запрещено цензурой: корректура сохранилась в тетради запрещенных стихотворений (ПД), л. 5, подпись: Что в имени тебе моем?

«Когда я нравлюсь публике? — спроси» (с. 321). Впервые — И 1868, № 10, с. 128, в цикле «Экспромты Михаила Бурбонова». Во время великого поста спектакли в театрах прекращались.

Безыменному журналисту (с. 321). Впервые — И 1868, № 10, с. 128, в том же цикле. В сборники М. не включено.

«У тебя, бедняк, в кармане» (с. 321). Впервые — И 1868, № 18, с. 221, в фельетоне «Nota bene (Отрывки безыменных чувств и мнений)», подпись: Литературное домино. В сборники М. не включено. О романе Достоевского «Идиот». «Это такая сказка, — писал М., — в которой чем больше неправдоподобностей, тем лучше. Люди сталкиваются, знакомятся, влюбляются, дают друг другу пощечины — и все это по первому капризу автора, без всякой художественной правды. Миллионные наследства летают в романе, как мячики» и т. д.

«Какоев талант? И где ж его» (с. 322). Впервые — *И* 1868, № 23, с. 282, в фельетоне «Nota bene (Отрывки безыменных чувств и мнений)», подпись: Литературное домино. В сборники М. не включено. Летом 1867 г. Тургенев написал в Бадене либретто оперетты «Le dernier sorcier» («Последний колдун»), в которой несколько раз исполнял главную роль. Последняя строка взята из водевилья П. И. Григорьева «Андрей Степанович Бука».

Скопцу П<лотицы>ну, которого преследовала одна московская газета (с. 322). Впервые — *И* 1869, № 11, с. 140, под заглавием «Врагу „Современных известий“», подпись: Моршанский поэт. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 350—351. Написано в связи с процессом моршанских скопцов (1869) и обращено к главе скопческой секты купцу М. К. Плотицыну. Особенно настойчиво преследовала Плотицына московская газета «Современные известия», освещавшая процесс с сугубо официозных позиций.

«Гордись же ты, надменный росс!» (с. 322). Впервые — *И* 1870, № 1, с. 29, в фельетоне «Со дня на день (Записки дьявола)», подпись: Мефистофель. В сборники М. не включено.

При новой постановке «Горя от ума» (с. 322). Впервые — *И* 1870, № 1, с. 33, без заглавия, в том же фельетоне; озаглавлено в сб. «На перепутьи», с. 351. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 371. О новой постановке комедии Грибоедова в Александринском театре в декабре 1869 г. Главные роли исполняли: Чацкого — Нильский, Фамусова — Григорьев, Софьи — Лядова-Сарриоти, Молчалина — Монахов, Репетилова — Сосницкий, Загорецкого — Каратыгин, Лизы — Яблочкина 2-я.

Журналу «Нива» (с. 323). Впервые — *И* 1870, № 3, с. 128, подпись: Л<итературное> д <омино>. «Разговорились литераторы относительно журнальных новинок, — вспоминал М. В. Шевляков. — Между прочим коснулись журнала «Нива»... — Удивительно, — воскликнул один из собеседников, — помещается труха, а подписчиков чуть ли не сто тысяч! — Минаев сокрушенно покачал головою и со вздохом проговорил: — Ах, бедная, бедная «Нива»!

Пусть твой зюил тебя не признает...»

(«Русские остряки и остроты их». СПб., 1899, с. 110).

Опровержение (с. 323). Впервые — «Дело», 1870, № 1, в фельетоне «С неевского берега», с. 50, под заглавием «Ложный слух». Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 178.

Графу Соллогубу (с. 323). Впервые — *И* 1870, № 23, с. 782—783, в фельетоне «Московский лицей и его правила», подпись: П. Репетилов. *Как сами вы когда-то издали...* О воспоминаниях В. А. Соллогуба, напечатанных за несколько лет до этого в «Русском архиве» (1865, № 5—6); см. о них стих. М. «В кругу друзей у камелька» (с. 178). *Вы пробавлялись не моими ли?* По словам М. В. Шевлякова («Русские остряки и остроты их». СПб., 1899,

с. 131), послание к Соллогубу «вызвано было тем, что Д. Д. уличил графа в присвоении какой-то его стихотворной остроты».

Клевета (с. 324). Впервые — И 1870, № 47, с. 1497, подпись: Л<итературное> д<оми>но; с исправл. и без заглавия — в сб. «На перепутьи», с. 347. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 83.

Будьте как дома (с. 324). Впервые — И 1870, № 47, с. 1497, под заглавием «Опасная просьба», подпись: Л<итературное> д<оми>но; с исправл. и без заглавия — в сб. «На перепутьи», с. 355—356. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 13.

«Нельзя довериться надежде» (с. 324). Впервые — И 1870, № 47, с. 1498, под заглавием «Изоравшему благу часть», подпись: Л<итературное> д<оми>но. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 347. См. следующее примечание.

«Я не гожусь, конечно, в судьи» (с. 324). Впервые — М. В. Шевляков. Русские остряки и остроты их. СПб., 1899, с. 111—112. Эта и предыдущая эпиграммы направлены, по словам Шевлякова, против одного и того же лица — литератора, который «поступил изменнически с другим, сделав на него какой-то негласный донос... — Кто мог думать, — заметил Герпигорев, — что NN решится на такую подлую выходку. Всегда он был добородушен, прост... — Жаль, жаль малого, — перебил его Б., — в особенности потому, что он обладал способностями и подавал большие надежды... — Эх, братец! — возразил Минаев. —

Нельзя довериться надежде...

Вскоре после этого в Коммерческом трактире в Толмазовом переулке восседала веселая компания с Минаевым во главе. Речь шла об итальянском певце Гамберлике. В это время подошел к их столу NN, и разговор сам собою прервался... Минаев, немного захмелевший, заметив NN, крикнул ему: — А, русский Гамберлик! — Почему? — удивился тот. — А то как же? — ответил поэт. —

Я не гожусь, конечно, в судьи...

Я. Полонскому (с. 325). Впервые — И 1871, № 2, с. 60, под заглавием «Я. Полонскому (Надпись на его книге «Снопы»)», в составе «Новогодних заметок и надписей в стихах и в прозе», подпись: Л<итературное> д<омин>о. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 349. По словам М. В. Шевлякова, М. натолкнулся в какой-то редакции на присланный для отзыва сборник Полонского «Снопы» (СПб., 1871) и тут же сделал на ее обложке эту надпись («Русские остряки и остроты их». СПб., 1899, с. 110).

Протест (с. 325). Впервые — И 1871, № 25, с. 791, без заглавия, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 551. Я Марса одного — т. е. военного, офицера.

История одного романиста (с. 325). Впервые — И 1871, № 28, с. 888, в цикле «Фотографические карточки», подпись:

М. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 356. По предположению А. Г. Островского, это — эпиграмма на В. Г. Авсеенко («Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века», т. 2. М.—Л., 1932, с. 453), но характеристика романиста, пожалуй, больше подходит к П. Д. Боборыкину.

Вопрос (с. 325). Впервые — И 1871, № 29, с. 925, под заглавием «В альбом***», в цикле «Фотографические карточки» подпись: М. Печ. по сб. «На перепутьи», с. 356—357. Эпиграмма на П. Д. Боборыкина, в статьях и корреспонденциях которого из-за границы, печатавшихся в «С.-Петербур. ведомостях» и других газетах в конце 60-х — начале 70-х годов, то и дело мелькают имена западных писателей, политических деятелей и пр. (в том числе и фигурирующие в эпиграмме); при этом Боборыкин нередко рассказывает о своих встречах и разговорах с ними.

Артисту-любителю (с. 326). Впервые — И 1871, № 42, с. 1336, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. Печ. по сб. «Разоренное гнездо», с. 208.

Загадка (с. 326). Впервые — И 1871, № 47, с. 1498—1499, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. До появления в И стихотворение предназначалось для журнала «Дело», но было запрещено цензурой «как насмешка над военными и генералами» (Журнал заседания С.-Петербур. ценз. комитета, 1871, л. 611 об.).

На прощанье (с. 326). Впервые — И 1871, № 47, с. 1499, без заглавия, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 216.

Одному из деятелей (с. 327). Впервые — И 1871, № 49, с. 1559—1560, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М.

При чтении романа «При Петре I» (с. 327). Впервые — И 1871, № 52, с. 1606, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. При последующих публикациях, после смерти Кельсиева, его фамилия в заглавии эпиграммы печаталась: К—ва. Резкие отзывы о писаниях Кельсиева после его возвращения из эмиграции см. в фельетонах М. в «Неделе»: «Для чего люди эмигрируют?» (1868, № 27), «Осенние листы русской журналистики» (1868, №№ 42, 44, 46), «Журнальные арабески» (1869, № 1).

М. О. М <икеш> ну (с. 328). Впервые — И 1871, № 52, с. 1656, без заглавия, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 427.

По прочтении романа И. Тургенева «Вешние воды» (с. 328). Впервые — И 1872, № 2, с. 28, под заглавием «По прочтении нового романа И. Тургенева „Вешние воды“», в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. Печ. по сб. «Разоренное гнездо», с. 205—206. «Вешние воды» появились в № 1 «Вестника Европы» за 1872 г.

П а р а л л е л ь (с. 328). Впервые — *И* 1872, № 4, с. 59, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. В сб. «Не в бровь, а в глаз» (с. 189), повидимому по недосмотру, — без общего заглавия. Дом Вяземского на Сенной площади в Петербурге был приютом нищеты и преступного мира.

П. В. Шумахеру (с. 329). Впервые — *И* 1873, № 2, с. 7, под заглавием «П. В. Ш—ру», в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. В сб. «Разоренное гнездо» (с. 212) фамилия Шумахера напечатана полностью. В 1872 г. П. В. Шумахер задумал издать сборник своих стихотворений под заглавием «Для всякого употребления» и начал его печатать. Однако цензура приостановила печатание и возбудила против автора судебное преследование, а суд постановил книгу Шумахера, «как явно прогивонравственную, призвать не подлежаще к выпуску в свет» («Щукинский сборник», вып. 10. М., 1912, с. 195).

На союз Ф. Достоевского с кн. Мещерским (с. 329). Впервые — *И* 1873, № 2, с. 7, в цикле «Фотографические карточки», подпись: М. В сборники М. не включено. В 1873—1874 гг. «Гражданин» Мещерского выходил под редакцией Ф. М. Достоевского. *Дописался до «Бесов»*. Роман Достоевского «Бесы» впервые появился в *РВ* в 1871—1872 гг.

Печальный выигрыш (с. 329). Впервые — *И* 1873, № 5, с. 8, подпись: М.

Осенняя виньетка (с. 329). Впервые — *Б* 1873, № 11, с. 5, под заглавием «Осенние виньетки», в цикле «Юмористический альбом», без подписи; здесь вместо «Гайдебурова» напечатано «Стародурова». Через два года появилась новая редакция эпиграммы, направленная против критика А. М. Скабичевского, в соответствии с чем были внесены изменения во второе четверостишие (*ПГ* 1875, № 174, подпись: Общ<ий> др<уг>). Печ. по сб. «Аргус» (с. 178), где помещена первая редакция, но с раскрытием «Стародурова» как «Гайдебурова».

М. Н. Лонгинову (с. 330). Печатается впервые. Автограф — в ЦГЛА, фонд Минаева. *Ты издавал стихи в Карлсруэ*. Имеется в виду сборник порнографических стихотворений Лонгинова, изданный им в Карлсруэ.

Перед гробом М. Н. Лонгинова (с. 330). Печатается впервые. Автограф — в ЦГЛА, фонд Минаева. *Стяжав барковский ореол* — см. предыдущее примечание.

В. Орловского (Рыбаки) (с. 331). Впервые — *ПГ* 1875, № 47, в цикле «На первой годичной выставке Общества выставок художественных произведений», подпись: Об<щий> др<уг>.

В Финляндии (с. 331). Впервые — *ПГ* 1876, № 45, в цикле «Шалости и синонимы К. Пруtkова-младшего».

Трели и сигналы отставного майора М. Бурбонова (с. 331). Впервые: I — ПГ 1877, № 156, подпись: Об<ший> др<уг>, II, III — ПГ 1876, № 91, под заглавием «Из записной книжки К. Пруtkова-младшего», подпись: Доставил Об<ший> др<уг>. Печ. по сб. «Аргус» (с. 174), где вошли в цикл «Трели и сигналы отставного майора М. Бурбонова» вместе с десятью другими стихотворениями.

В. Якобий (с. 332). Впервые — ПГ 1877, № 47, в цикле «Указатель выставки Общества выставок художественных произведений», подпись: Об<ший> др<уг>. О картине В. И. Якоби «Портрет г-жи Рузинской с дочерью».

Читау (с. 332). Впервые — ПГ 1877, № 88, в цикле «Посмертные экспромты Дм. Ленского».

«Какого мнения вы об С.? — Да о котором?» (с. 332). Впервые — ПГ 1877, № 89, в том же цикле. О сыне известного В. В. Самойлова — посредственном драматическом актере Н. В. Самойлове.

Журналу, переменившему редактора (с. 333). Впервые — ПГ 1877, № 107, под заглавием «„Маляр“, переменившему редактору», подпись: О<бший> д<руг>. Печ. по сб. «Аргус», с. 202. С июня 1877 г. журнал «Маляр» редактировал И. П. Карамышев, до этого — С. А. Любовников.

Наши титаны (с. 333). Впервые — ПГ 1877, № 113, подпись: Об<ший> др<уг>.

Кн. В. Мещерскому (с. 333). Впервые — ПГ 1877, № 238, подпись: Обдр <Общий друг>; под заглавием «Игра природы» и с эпиграфом «Я внук Карамзина (кн. В. Мещерский)» — БВ 1879, № 3, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. текст ПГ, который перепечатан в сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 266. Другой вариант эпиграммы («Назад тому три года») — «Моск. телеграф», 1881, № 306, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: Д. М. В одной из своих статей 1877 г. Мещерский неодобрительно отозвался о настроениях московского светского общества, жаждущего скорейшего мира, чтобы снова «предаться тем пустякам, которые составляют сущность великосветской жизни» («Путевой дневник». — «Моск. ведомости», 1877, прибавление к № 262). Статья вызвала недовольство высшего света, в газетах появились протесты затронутых лиц, и обеспокоенный этим Мещерский напечатал покаянную статью. В ней он уверял, что, говоря об «унылых патриотах», имел в виду только небольшой кружок, о котором и говорить не стоило. «Большую часть высшего общества, — писал он, — я не мог иметь и не имею даже в помыслении затронуть моими словами хотя бы мимоходом. Это было бы гнусной клеветой, а клеветы перо внука Карамзина писать не умеет» («В большом свете. Мое извинение и объяснение». — «Моск. ведомости», 1877, № 300).

За кулисами (с. 334). Впервые — ПГ 1878, № 47, подпись: Об<ший> др<уг>. Мы свернули шею Лессингу. По поводу постановки «Эмили Галотти» Лессинга в Александринском театре в феврале 1878 г.; А. А. Нильский играл Гонзаго, Л. Л. Леонидов — старика Галотти, С. Я. Марковецкий в драме Лессинга не играл. Постановка не имела никакого успеха; пьеса шла только два раза.

Современные лирики (с. 334). Впервые — БВ 1878, № 250, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 3, с. 19.

Александринскому театру (с. 334). Впервые — БВ 1879, № 1, в фельетоне «Мимоходом», без подписи (включено в сб. «Не в бровь, а в глаз»). Петербургский мировой судья А. И. Трофимов славился своим остроумием.

П. Верещагин (с. 334). Впервые — ПГ 1879, № 49, в цикле «Указатель третьей годичной выставки в Академии художеств», подпись: Домовой.

Хапалов (с. 335). Впервые — ПГ 1879, № 54, в том же цикле.

Записка (с. 335). Впервые — «Молва», 1879, № 72, без заглавия, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 228. Собрание сочинений Пушкина под редакцией Г. Н. Геннади вышло в 1859—1860 (1-е изд.) и в 1869—1871 гг. (2-е изд.).

Чиновным немцам (с. 335). Впервые — «Молва», 1879, № 99, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д.

Необходимая оговорка (с. 336). Впервые — «Молва», 1879, № 189, без заглавия, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 328.

Одному из многих (с. 336). Впервые — «Стрекоза», 1879, № 32, с. 3, в цикле «Рифмы и синонимы», подпись: Общ<ий> др<уг>; с исправл. — в сб. «Чем хата богата», отд. 3, с. 5. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 73.

Зоилу (с. 336). Впервые — «Молва», 1879, № 273, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 327. По словам М. В. Шевлякова, эта эпиграмма направлена против «критика Б., отличавшегося резкостью и желчью в своих фельетонах» («Русские остряки и остроуты их». СПб., 1899, с. 115). Б. — без сомнения, В. П. Буренин.

После бенефиса (с. 336). Впервые — «Молва», 1879, № 287, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. По поводу пьесы В. Александрова (В. А. Крылова) «Кандидат в городские головы», поставленной в бенефис К. А. Варламова 12 октября 1879 г. (напечатана в Б 1879, №№ 44—46).

Болеславу М<аркевичу> (с. 337). Впервые — «Стрекоза», 1880, № 3, с. 6, подпись: М. Приезд Тургенева в Россию в феврале 1879 г. сопровождался бурными овациями со стороны широких кругов русского общества. Это вызвало крайнее раздражение реакционной печати, которая стала пользоваться каждым поводом для дискредитации писателя. Таким поводом послужило предисловие Тургенева к очерку И. Я. Павловского «En cellule. Impressions d'un nihiliste» («В одиночном заключении. Впечатления нигилиста»), появившемуся в газете «Le temps» 12 ноября 1879 г. Маркевич, подстрекаемый, повидимому, Катковым и затаивший злобу на Тургенева за презрительные слова о нем в «Нови» («Ladislav», приятель Калломейцева), напечатал в «Моск, ведомостях», под своим обычным псевдонимом «Иногородний обыватель», фельетон «С берегов Невы» (1879, № 313 от 9 декабря). Это был совершенно неприкрытый политический донос. Маркевич обвинял Тургенева в связях с революционными кругами, в заискивании и «кувыркании» перед «нигилистами», признании справедливым их «гнусного дела», «зуде популярничанья» и т. д. Фельетон Маркевича вызвал негодование всех честных литераторов независимо от их разногласий с Тургеневым. Одним из проявлений этого негодования была эпиграмма М.

«Что ж, чокнемся в последний раз» (с. 337). Печатается впервые. Автограф — в ЦГЛА, фонд Минаева. В апреле 1879 г., в целях решительной борьбы с революционным движением, были назначены и облечены широкими полномочиями несколько временных генерал-губернаторов. В их числе был генерал И. В. Гурко, назначенный временным петербургским генерал-губернатором. Этот пост он занимал до середины февраля 1880 г.

Н. Ге (с. 337). Впервые — ПГ 1880, № 58, в цикле «Юмористический указатель восьмой передвижной художественной выставки», подпись: Jocosus. Речь идет о картине Н. Н. Ге «Милосердие». За эту картину критики упрекали Ге, с одной стороны, в «невообразимом реализме», в его излишествах, с другой — в неестественности, «странности освещения» и пр. (см. В. Стасов. Н. Н. Ге. М., 1904, с. 280—281).

Ю. Леман (с. 337). Впервые — ПГ 1880, № 61, в том же цикле.

И. Крамской (с. 338). Впервые — ПГ 1880, № 62, в том же цикле.

Б. М<аркеви>чу (с. 338). Впервые — ПГ 1880, № 79, под заглавием «Одному, а может быть, и многим», подпись: Домовой. Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 3, с. 32.

«Едва ль придет художнику охота» (с. 338). Впервые — «Стрекоза», 1880, № 18, с. 3, в цикле «Фотографические карточки», подпись: Момус.

Хлеб и соль (с. 338). Впервые — «Стрекоза», 1880, № 25, с. 3, подпись: Момус.

Либерал от «Порядка» (с. 339). Впервые — ПГ 1880, № 224, подпись: Общий друг. Отклик на объявление о подписке на газету «Порядок». В объявлении указывалось, что газета будет выходить «под общєю редакциєю с журналом «Вестник Европы» и с участием всех его постоянных сотрудников» (см. «Голос» от 5 ноября 1880 г.).

Г-ну Барышеву, переводчику байроновского «Канна» (с. 339). Впервые — ПГ 1880, № 225, подпись: Общ<ий> друг. Этот перевод «Канна» получил в печати резко отрицательную оценку.

В альбом... (с. 339). Впервые — ПГ 1880, № 247, подпись: Об<щий> др<уг>. В декабре 1880 г. владелец крупнейших сталелитейных заводов Альфред Крупп приехал в Петербург с целью получить заказы от русского правительства. В связи с его приездом разгорелась резкая полемика, причем ряд газет («Молва», «С.-Петербург. ведомости») обвинял официальные круги в пренебрежении к интересам отечественной промышленности, не уступающей по своим качествам крупновским заводам.

<М. Т. Лорис-Меликову> (с. 339). Впервые — БВ 1907, № 10177 от 31 октября, утр. выпуск, в числе других каламбуров и экспромтов, под общим заглавием «Трудные рифмы». Печ. по «Русскому библиофилу», 1913, № 7, с. 85. Последние четыре строки были напечатаны в газетах и журналах и до БВ — см. статью М. С<уперанского> «Из поволжской старины» («Историч. вестник», 1907, № 8, с. 513) и «Клочки воспоминаний» А. Кауфмана («Южно-русский альманах», год 7-й, 1902, с. 65). В БВ указано, что это — экспромт, сочиненный М. в 1880 г. в ответ на предложение Лорис-Меликова сказать что-нибудь стихами, в «Историч. вестнике» — «на вопрос последнего относительно необходимых в то время реформ».

Новая новинка (с. 340). Впервые — ПГ 1881, № 21, подпись: Общ<ий> друг. В №№ 1 и 4 газеты М. М. Стасюлевича «Порядок» за 1881 г. был напечатан рассказ Тургенева «Старые портреты».

«Лес» (с. 340). Впервые — ПГ 1881, № 65, в цикле «На 9-й передвижной выставке», подпись: Общий друг.

«Сапожник» (с. 340). Впервые — ПГ 1881, № 69, в том же цикле.

Отголоски о цензуре (с. 341). Впервые — «Московский телеграф», 1881, № 144, с подзаголовком «(С австрийского)», в фельетоне «Чем хата богата», подпись: Д. М. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 350. Из трех стихотворений цикла печатаются два. Первоначальный вариант второй эпиграммы, направленный

против «Моск. ведомостей» Каткова и озаглавленный «Ретроградная газетка», был напечатан еще в начале 70-х годов — Б 1873, № 6, с. 1, подпись: Д. М. Подзаголовок «С австрийского» в газетном тексте заставляет вспомнить о Добролюбове, который из цензурных соображений выдал свой сатирический цикл «Неаполитанские стихотворения» за перевод с несуществующего австрийского языка.

М. Н. К<атко>ву (с. 341). Впервые — «Московский телеграф», 1881, № 165, первое — без заглавия, второе — под заглавием «М. Н. К.», в фельетоне «Чем хата богата», подпись: Д. М. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 347. *С успехом заменил Катков...* III Отделение было упразднено в 1880 г., и функции его перешли к министерству внутренних дел. Ср. с концом стих. «6 августа 1880» (с. 284).

«Понемножку назад да назад» (с. 342). Впервые — «Московский телеграф», 1881, № 172, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: Д. М. Печ. по сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 5, где включено в цикл «Из старой тетрадки». *И в один колоссальный Ташкент...* М. вслед за Щедриным употребляет слово «Ташкент» не как чисто географическое понятие, а как некое обобщение. «„Ташкент“, — писал Щедрин, — есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам и где имеет право гражданства предание о Макаре, телят не гоняшем. Если вы находитесь в городе, о котором в статистических таблицах сказано: жителей столько-то, приходских церквей столько-то, училищ нет, библиотек нет, богоугодных заведений нет, острог один и т. д. — вы можете сказать без ошибки, что находитесь в самом сердце Ташкента. Наверное вы найдете тут и просветителей и просвещаемых, услышите крики: «ай! ай!», свидетельствующие о том, что корни учения горьки, а плоды его сладки. и усмотрите того классического, в поте лица снискивающего свою лебеду человека, около которого, вечно его облюбовывая, похаживает вечно несытый, но вечно жрущий ташкентец» («Господа ташкентцы». СПб., 1873, с. 32). Возникновение понятий «Ташкент» и «ташкентцы» связано с тем, что в незадолго до этого подчиненных России областях Средней Азии с наибольшей остротой сказались все темные стороны самодержавия, его эксплуататорская сущность и грабительская политика.

На ком шапка горит? (с. 342). Впервые — ПГ 1881, № 224, подпись: *Общ<ий>* друг.

«Вестнику Европы» (с. 342). Впервые — сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 282.

Осенняя виньетка (с. 342). Впервые — сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 364. *Не так ли в каждой пьесе хочет...* В конце 70-х — начале 80-х годов на сцене Александринского театра было поставлено несколько пьес И. Н. Ге: «Второй брак», «Карьерист» и др.

Закулисный слух (с. 343). Впервые — сб. «Не в бровь, а в глаз», с. 409. Во время своих гастролей в России Э. Росси выступал в ряде шекспировских ролей, в том числе в роли Лира.

Справедливое опасение (с. 343) Впервые — ПГ 1883, № 53, подпись: Общий друг. В сборники М. не включено. Д. В. Аверкиев, систематически помещавший театральные обзоры в «Новом времени», неожиданно заявил, что не будет больше писать о русском театре. Это решение, как он сообщил читателям в своей последней статье, возникло у него в связи с возобновлением театральной дирекцией бенефисов и отчасти поспежательной платы, вредность которых, с его точки зрения, не подлежит сомнению («Русский театр». — «Новое время», 1883, № 2503).

<Е. М. Феокистову> (с. 343). Впервые — «Русский библиофил», 1913, № 7, с. 86. Эпиграмма является откликом на назначение Е. М. Феокистова начальником Главного управления по делам печати (1883). Во время пребывания на этом посту Феокистов буквально душил всю прогрессивную печать. В эпиграмме нашли отражение слухи о близких отношениях С. А. Феокистовой с министром государственных имуществ М. Н. Островским, который будто бы способствовал назначению ее мужа.

Мадригал (с. 344). Впервые — ПГ 1884, № 157, подпись: Общий друг.

Жижиленко (с. 344). Впервые — ПГ 1884, № 287, в цикле «Похвальные листы (Карманная энциклопедия)», подпись: Общий друг.

В. Кокорев (с. 344). Впервые — ПГ 1884, № 302, в том же цикле.

Литературщику (с. 344). Впервые — ПГ 1886, № 252, подпись: Майор Бурбонов.

NN (с. 345). Впервые — ПГ 1887, № 99, в цикле «Из памятной книжки», подпись: Общий друг. *Пришел, увидел и украл* — перефразировка известных слов Юлия Цезаря: «Veni, vidi, vici» (Пришел, увидел, победил).

Вик. Крылову (с. 345). Впервые — ПГ 1888, № 11, в цикле «С Новым годом! (Визитные карточки)», подпись: Майор Б<урбонов>.

После спектакля (с. 345). Впервые — ПГ 1888, № 12, подпись: Общий друг. Из пяти эпиграмм цикла печатается одна. По поводу постановки драмы В. П. Буренина «Смерть Агриппины» в Александринском театре (преьера — 29 декабря 1887 г.). Главные роли исполняли: Сазонов (Нерон), Жулева (Агриппина), Дюжикова (Поппея), Савина (Актея), Аполлонский (Парис), Далматов (Тигеллин), Свободин (Сенека).

Одному из лекторов (с. 346). Впервые — ПГ 1888, № 46, в цикле «Из памятной книжки», подпись: Майор Б<урбонов>.

<В. П. Буренину> (с. 346). Впервые — «Южно-русский альманах», год 7-й, Одесса, 1902, с. 65, в воспоминаниях А. Кауф-

мана. Печ. по «Русскому библиофилу», 1913, № 7, с. 85. Приведя эпиграмму в своих воспоминаниях, С. С. Окрейц пишет: «Рассказывали, что, встретив своего врага на Невском, Минаев остановился, протянул руку, указывая на мимо пробежавшую собаку, и воскликнул: По улице бежит собака...» («Историч. вестник», 1907, № 5, с. 403).

III

Мишура (с. 349). Впервые — *И* 1861, № 29, с. 413—414, под заглавием «Мишура (Отрывок из неизданной поэмы)». М. объединил в этом отрывке 1-ю главу и конец поэмы (1-я глава кончается строкой «Под мишурным венком лжепророка»). Полностью под тем же заглавием «Мишура» с датой «СПб., 1861 г. Сентябрь» поэма была помещена в *РС* 1861, № 11, с. 1—14. С исправл., под заглавием «Та или эта?» — в сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 72—85. Печ. отрывок, опубликованный в *И*, с поправками, внесенными в него в «Думах и песнях». См. также вступит. статью, с. 38.

Ад (с. 353). Впервые — *И* 1862, № 45, с. 609—613; № 47, с. 647—649; № 49, с. 684—686, с подзаголовком «Сцена в трех песнях», подпись: Обличительный поэт. Печ. по сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 283—298. *Известного мне прежде бюрократа*. . . Ср. стих. «Гражданин Невского проспекта» (с. 201). *Фаддей* — Ф. В. Булгарин. *Творец покойных «всяких всячин»*. Булгарин в течение многих лет вел в «Северной пчеле» фельетон под заглавием «Журнальная всякая всячина». Кроме того, в 1842 г. он издал книжку очерков и фельетонов «Комары. Всякая всячина. Рой 1-й». *Но кто ж другой?* . . . Возможно, что речь идет о Н. С. Лескове и его статьях о петербургских пожарах 1862 г. «*Вестник*» — «Русский вестник». *То к юности, провральной не раз*. . . Здесь М. имеет в виду, в частности, статьи Н. Ф. Павлова 1862 г., направленные против студенческого движения, Чернышевского, Герцена и пр *С землей расстался Я в восемьсот сороковом году*. По всей вероятности, намек на начало издания Краевским *ОЗ* (1839), которые, в первую очередь благодаря Белинскому, стали центром передовой литературы 40-х годов. *Статьи его немножко и скучны*. . . Незадолго до этого П. И. Небольсин напечатал в *ОЗ* очерки «Около мужичков». *Когда Скарятин начинает ржать*. . . Намек на статью В. Д. Скарятина «О табунных и некоторых других свойствах русского человека»; о ней см. I, 749 («Конский дифирамб»). *Отдайте мне удобства и комфорт*. . . Эти слова связаны с рассуждениями о роскоши и комфорте во «Фрегате „Палладе“» Гончарова (глава «Сингапур»). Если роскошь является в его глазах пережитком господства аристократии, «пороком» «уродливым и неестественным отклонением от указанных природой и разумом потребностей», то комфорт, наоборот, «есть разумное и выработанное до строгости и тонкости удовлетворение этим потребностям. . . Комфорт и цивилизация почти синонимы». «*Почта*» — «Северная почта», сотрудником которой был В. Я. Фукс. «*Сын*» — «Сын отечества». *Все ищет почвы прочной*. Журнал «*Время*» был органом так называемого «почвенничества» (разновидность славянофильства).

Москвичи на лекции по философии (с. 366). Впервые — РС 1863, № 3, в фельетоне «Дневник Темного человека», с. 10—18, под заглавием «Старые знакомые или лекции по философии в Москве». Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 467—479. О публичных лекциях П. Д. Юркевича, направленных против материалистической философии. М. изобразил посетителей этих лекций и поклонников Юркевича в образах героев «Горя от ума», доживших до 60-х годов. *Мне Лонгинов сосед...* М. Н. Лонгинов фигурирует в сценке М. в связи с его письмом в редакцию «Моск. ведомостей», в котором он взял Юркевича под защиту от нападок радикальной прессы (1863, № 56). *Однажды в Киеве...* До переезда в Москву Юркевич был профессором Киевской духовной академии. *А вот с письмом, где так грозитя...* См. I, 757 («Платоническое ку-ку-ре-ку»). Сообщив слушателям о полученном письме, Юркевич, по словам автора статьи об его лекциях в газете «Очерки», смял его и с улыбкой прибавил: «А из письма этого я вправе сделать такое употребление, какое найду пригодным» (1863, № 76). *Редактор почтенной московской газеты* — редактор «Дня» И. С. Аксаков. Аксаков напечатал и статью в защиту Юркевича — «Два слова о материализме и общественной свободе» («День», 1863, № 11). *Свистун отъявленный* — Владимир Монументов. В 60-х годах под псевдонимом «Владимир Монументов» печатал свои сатирические стихотворения в И, «Совр.» и других журналах В. П. Буренин. *Ученый есть Лавров...* Будущий идеолог народничества П. Л. Лавров, выступивший в конце 50-х — начале 60-х годов с рядом работ по философии, был полковником артиллерии и профессором математики и теоретической механики Артиллерийской академии. *Тургенев сочинил...* Об «Отцах и детях».

Евгений Онегин нашего времени (с. 376). Первые четыре главы были впервые напечатаны в Б 1865, № 74, с. 294—295; № 75, с. 297—298; № 77, с. 305—306. № 78, с. 309—310, под заглавием «Евгений Онегин. Роман в стихах (сокращенный и исправленный по статьям критиков-реалистов „Русского слова“», за подписью: Литературное домино. Роман кончался последней строфой эпилога, следовавшей непосредственно за XVI строфой 4-й главы. В 1866 г. с несколькими мелкими поправками вышел отдельным изданием: «Евгений Онегин Роман в стихах, сокращенный и исправленный по статьям новейших лжереалистов Темным человеком». 5-я глава была напечатана в «Петербургском листке», 1867, № 71, под заглавием «Глава из современного романа», без подписи. Здесь она появилась с рядом отличий от окончательного текста — без XIX и XX строф, с еще одной строфой в конце, впоследствии отпавшей, и пр. В 1868 г. все пять глав «Евгения Онегина» (5-я глава была вставлена между предпоследней и последней строфами 4-й главы), с рядом исправлений и с предисловием, разъясняющим смысл «романа», вошли в сб. «Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах Д. Д. Минаева. Изд. 2-е, доп., с прибавлением разных стихотворений». В 1870 г. первые четыре главы были включены в сб. «Песни и поэмы» снова под заглавием «Евгений Онегин, роман в стихах, сокращенный и исправленный по статьям новейших лжереалистов»; здесь напечатан журнальный текст, а из изд. 1866

и 1868 гг. перенесено лишь несколько мелких поправок. Наконец в 1877 г. вышло третье отдельное издание с новыми исправлениями и еще одной (шестой) главой: «Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах Д. Д. Минаева. 3-е, испр. изд. с прибавлением новой главы и эпилога». При этом больше половины 6-й главы (строфы I—XI) М. перенес, с некоторыми изменениями и перестановками, из своего стихотворного фельетона «С птичьего полета» («Дело», 1874, № 1, с. 124—134). Этим объясняется, почему 6-я глава написана не онегинской строфой, как все предыдущие. Печ. по 3-му изд. «Евгений Онегин нашего времени» является пародией на статью Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский» (РС 1865, №№ 4 и 6), на его истолкование Пушкина и на писаревского «мыслящего реалиста». «Темный человек написал пародию на «Онегина» Пушкина или, вернее, на Онегина «Русского слова», — читаем в рецензии Некрасова, — и это одна из самых остроумных его пародий: сущность учения этого «Слова» мастерски усвоена стихом и приемом очень близким к пушкинскому» («Совр.», 1866, № 3, с. 126). Сам М. писал в предисловии к изд. 1868 г.: «Автор считает нужным сказать несколько слов, чтобы избегнуть незаслуженных упреков в том, что он решился как будто и справлять роман Пушкина. Предлагаемая комическая поэма была написана совершенно по другой причине. Она явилась три года тому назад как пародия на статьи тех журнальных критиков, которые вздумали сочинять своего собственного Евгения Онегина и навязывали ему свои псевдо-радикальные идеи. Они забывали, что Пушкин жил в другую эпоху, и его герой, как дитя своего времени, не может быть героем времен Базаровых, Литвиновых и Раскольниковых. Наряжая и исправляя Е. Онегина по собственной мерке, эти критики, разумеется, договорились до карикатуры, что и хотел показать автор в предлагаемой поэме, написанной в форме романа Пушкина». В 1879 г., посылая А. П. Милюкову 3-е изд. «Евгения Онегина нашего времени», М. снова подчеркивал: «Посылаю вам третье издание моего Евг. Онегина, когда-то написанного в ответ на статьи Писарева о Пушкине, а потом дополненного и переделанного» (ПД).¹ Следует отметить, что последние две главы, приписанные позже, а также отдельные исправления М. несколько нарушают первоначальный замысел и мало связаны со статьями Писарева. В них отразилась общественная атмосфера более поздних лет. В поэме есть ряд цитат из «Евгения Онегина» Пушкина. *Кирсанов* — герой «Отцов и детей» Тургенева. *Северная Пальмира* — Петербург. *Шекспир ваш* — то же, что *лопух!* Подобная оценка Шекспира характеризует не Писарева, а его соратника по РС В. А. Зайцева — см. рецензии последнего на драмы Эсхила и «Эстетические отношения искусства к действительности» Чернышевского (РС 1864, № 12, с. 5—6; 1865, № 4, с. 92). Писарев же, наоборот, высоко ставил творчество Шекспира — см. статью «Нерешенный вопрос» (1864, № 9, с. 43; № 10, с. 27; № 11,

¹ Между тем до сих пор встречаются противоречащие фактам утверждения, что «пародия эта должна была бить и по Пушкину», которого М. якобы воспринимал «с писаревских позиций» (предисловие А. А. Сидорова к книге П. И. Рошевского «Воспитанник декабристов художник М. С. Знаменский», Тюмень, 1954, с. 7—8).

с. 22—26). *Ореста Миллера труды*. Имя О. Ф. Миллера впервые появилось в 3-м изд. «Евгения Онегина»; до этого было сначала «И Благосветлова труды», а затем «Ткача славные труды». Замена эта неудачна. Миллер никакого отношения к РС не имел и вообще в середине 60-х годов был еще сравнительно мало известен; имя его привнесено из более поздней эпохи. *И с современным публицистом...* М. имеет в виду статью о Милле одного из главных сотрудников РС Н. В. Соколова. Соколов утверждал в ней, что Милль — «отъявленный британский буржуа», написавший свои «Основания политической экономии» с целью «оправдать экономическую ложь Англии и воспеть прелесть лихоимства и туеядства» (РС 1865, № 7, с. 40). Несколько иначе, как известно, оценивал Милля Чернышевский и вообще «Совр.». О расхождении между Чернышевским и Соколовым по экономическим вопросам, в частности в оценке Милля, см. автобиографию Н. В. Соколова («Свобода», Париж, 1889, № 1, с. 21), а также статью Н. Кудрина «Н. Г. Чернышевский и Россия 60-х годов» («Русское богатство», 1905, № 3, с. 169). *И вслед за мрачным нигилистом...* Мрачный нигилист — В. А. Зайцев. Исходя из вульгарно-материалистических представлений о человеке, Зайцев высказал странные для публициста радикального лагеря мысли. Он заявил, что не следует восставать против рабства негров, так как невольничество является для них «самым лучшим исходом, которого может желать цветной человек, придя в прикосновение с белой расой». Физические и психические свойства негров таковы, что настаивать на их братстве с белыми могут, по словам Зайцева, «только чувствительные барыни, как г-жа Бичер-Стоу» (РС 1864, №№ 8 и 12). *Одно реальное издание* — «Русское слово». «*Не судьба*» — пьеса Н. А. Лейкина, шедшая на сцене Александринского театра в сезон 1865—1866 гг. *Шлоссера два тома*. В конце 50-х и в 60-х годах на русский язык были переведены многотомные сочинения Ф. Шлоссера: «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения французской империи» и «Всеобщая история». *Но так как фосфору в нем много...* Намек на статью Писарева «Физиологические этюды Молешотта» (РС 1861, № 7), в которой он, излагая взгляды Молешотта, писал, что «для работы нашего мозга необходим фосфор», «без фосфора нет деятельности мысли» и т. д. *Не воспевал он дамских ножек...* Имеется в виду известное место из «Евгения Онегина»: «Ах, ножки, ножки! Где вы ныне?» и т. д. *Мюссе*. Повидимому, это описка или опечатка и речь идет об известном французском популяризаторе Ж. Массе, сочинения которого «История кусочка хлеба» и «Слуги желудка» были в середине 60-х годов дважды изданы в русских переводах. *Жоли*. По всей вероятности, речь идет о французском физиологе и медике Николае Жоли (1812—1885). Возможно, впрочем, что М. имел в виду немецкого физика и математика Филиппа Жолли (1809—1884). *Пуше*. В 1866 г. на русском языке была издана книга Ф.-А. Пуше «Земля и небо. От незримой пылинки до беспредельности мира». Назвал Лурлей полногрудой. См. I, 199 и 742 («Печальный рыцарь тьмы кромешной»). *Письмо Татьяны к Евгению Онегину*. В журнальном тексте к письму Татьяны было сделано следующее примечание: «В „Русском слове“ в статье „Пушкин и Белинский“ (1865 г., апрель, стран. 39—44) подробно объяснено, какое

впечатление должно бы произвести письмо Татьяны на настоящего же Онегина. Насколько я оставался верен новой программе — желающие могут узнать из вышеприведенной статьи». *Вот вам Вольмар и Ричардсон!* Юлия Вольмар — героиня «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо. О Руссо, Ричардсоне и героях их романов, как известно, говорится в «Евгении Онегине» в связи с характеристикой переживаний Татьяны. *Шумели сельские Немроды* — т. е. охотники; от имени легендарного основателя Вавилона, жестокого тирана Немрода, который назван в Библии «сильным звероловом»; имя Немрода сделалось нарицательным для обозначения ловкого и неутомимого охотника. *Коломна и Петербургская стопона* — районы Петербурга. *Хромой, как Байрон, и каратель...* О Н. А. Лейкине. *Мы отрицаем всё — и баста.* М. вкладывает в уста Онегину слова Базарова. См. с. 965 («Драматические сцены...»). *Демагог* — см. с. 939 («Нигилист»). *Юркевич* — редактор-издатель газеты «Народный голос» П. А. Юркевич-Литвинов. *Клодт.* О каком из Клодтов — Михаиле Петровиче (1835—1914) или Михаиле Константиновиче (1832—1902) — упоминает М., неизвестно; оба — художники, члены Товарищества передвижных художественных выставок. *Смотрите! вот этой мой «демон»...* О картине М. Н. Алексеева, впервые выставленной им в Академии художеств в 1865 г. «*Невский сборник*» — «Невский сборник (учено-литературный)», I. СПб., 1867; был издан Вл. Курочкиным под редакцией Н. С. Курочкина; сборник объединял писателей демократического лагеря: в нем были напечатаны и стихи М. «*Какая смесь одежд и лиц!*» — строка из «Братьев-разбойников» Пушкина. *Вот общий наш увеселитель...* О В. И. Аристове, который в те годы был одним из заправил петербургского клуба художников. Ср. эпиграмму Минаева на Аристова в сб. «Разоренное гнездо», с. 209. В 1867 г. Аристов издал сборник стихотворений М. «В сумерках». *Что в клубе каждый «член-любитель»...* О спорах между действительными членами и остальными постоянными посетителями клуба, «членами-любителями», см. «Петербургский листок», 1867, № 178, статью «Быть или не быть». *Вот наш художник знаменитый...* М. О. Микешин. В кружке Арсеньева бранит. В 1865—1866 гг. И. А. Арсеньев состоял редактором-издателем «Петербургского листка». По всей вероятности имеются в виду возникшие между ним и собственниками газеты А. А. и Н. А. Зарудными материальные недоразумения, ставшие предметом судебного разбирательства («Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати», ч. 3. СПб., 1870, с. 595—671). В 1867 г. издателем «Петербургского листка» числился А. А. Зарудный. Возможно, впрочем, что речь идет о редакторе газеты «Народный голос» П. А. Юркевиче-Литвинове, тоже резко полемизировавшем с Арсеньевым. «*Поэт-солдат*» — П. К. Мартыанов; первый его сборник назывался «Стихотворения поэта-солдата» (1865). *Между артистов на эстраде...* В этой строфе отразилось наделавшее в свое время много шуму чтение некоей Толмачевой на литературном вечере в Перми «Египетских ночей» Пушкина. См. стих. В. Курочкина «„Египетские ночи“ и петербургские фельетонисты» (I, 176). Следует отметить, что в XII—XIV и XVI—XVII строфах 5-й главы есть еще целый ряд намеков и портретных зарисовок, нуждающихся в расшифровке, *Марсы* — военные. *Ташкентцы* — см.

с. 932 («Понемножку назад да назад»). *Послать самарским мужичкам*. В 1872—1873 гг. в Самарской губернии был голод (напомню, что первую половину 6-й главы М. заимствовал из своего фельетона, напечатанного в январе 1874 г.). «*Вицы*» (нем. Witze) — остроты, шутки.

Нигилист (с. 420). Впервые — И 1866, № 9, с. 116—117; № 10, с. 127—129; № 11, с. 141—142, подпись: Литературное домнио. Печ. по сб. «Здравия желаю!», с. 243—265. Герой поэмы В. А. Соллогуба, помещенной в изданном М. П. Погодиным сборнике «Утро», — бывший студент Иван Белин. Если бы не самолюбие и не боязнь прослыть отсталым, он был бы «добрым малым» и вышел бы «в люди». Но его обуревают мечты о социальном преобразовании России, он произносит буйные речи на сходках молодежи. Однажды к Белину явился владелец того дома, в котором он жил, — глубокий старик. Он сообщил Белину, что ему угрожает арест, и рекомендовал отправиться в деревню к его внучке в качестве учителя ее мальчика. У внучки старика есть еще две дочки-красавицы, Белин начинает мечтать о любви и деревенском приволье и решает последовать совету старика. Товарищам же он сказал, что уезжает по очень важным делам, для осуществления своих революционных замыслов. В конце поэмы оказывается, что старик действовал по указанию квартального надзирателя, который таким образом избавился от беспокойного «нигилиста». Слова, напечатанные курсивом (кроме «ум его широкоплеч»), взяты из поэмы Соллогуба. «*Тарантас*» — наиболее значительное произведение Соллогуба, написанное в 40-е годы. С «*сухих туманов*» «*Атеней*». О статье Я. И. Вейнберга «Сухой туман» («Атеней», 1858, № 5), неоднократно служившей объектом насмешек в журналистике 60-х годов. *Когда родился Карамзин?* Имеется в виду статья М. П. Погодина «О годе рождения Карамзина», напечатанная в сборнике «Утро». Впрочем, на эту же тему появились в 1865 г. также заметки М. Н. Лонгинова, С. Д. Полторацкого и А. Д. Галахова, которые М. высмеял в Б (Юный библиофил. *Когда родился Карамзин? — 1865, № 93, с. 372*). *Меня Жуковский чтит как друга...* Насмешка над воспоминаниями Соллогуба, напечатанными незадолго до этого в «Русском архиве» (1865, № 5—6) и спародированными М. в стих. «В кругу друзей у камелька», а также над его куплетами, спетыми на юбилее П. А. Вяземского еще в 1861 г. («Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика Петра Андреевича Вяземского». СПб., 1861, с. 23; ср. также пародию В. Курочкина на эти куплеты — I, 174). *Писал он в «Утренней заре»*. В молодости Соллогуб печатал свои произведения в альманахе «Утренняя заря». *В Париже ставил водевили* — см. с. 898 («Праздная суета»). *В России драму написал*. О пьесе Соллогуба «*Чиновик*» (1856), наиболее известном произведении либерально-обличительной драматургии этих лет. *Номады* — кочевники. *И на работника Семена* — см. с. 129—130 и 906 («Лирические песни с гражданским отливом»). *Демагог* — здесь в старинном смысле: защитник народных интересов. *Делбашы* — здесь в смысле: разбойники. *Хожалый* — см. I, 765.

Кому на свете жить плохо (с. 434). Впервые — И 1871, № 23, с. 707—714, в цикле «Старые сказки на новый лад (для

детей от 8-ми до 98-милетнего возраста)» — «Сказка 7-я», напечатана без разделения на стихи — в строку, но каждая строфа — с абзаца; подпись. Л<итературное> д<омин>о. Печ. по сб. «Демон», с. 161—190. Заглавие ср. с заглавием поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». *Гимназии классической* и т. д. В 60-е годы велась ожесточенная полемика между сторонниками реального и классического образования; защитниками последнего были преимущественно представители реакционных кругов, с беспокойством смотревшие на бурное развитие естественных наук; в изучении древних языков они видели надежное средство отвлечь молодое поколение от материалистических и революционных идей. В июле 1871 г. был утвержден новый устав гимназий, согласно которому классические гимназии с двумя древними языками признавались единственным видом общеобразовательных учебных заведений, готовящих в университеты. — В *И* в XVIII и XIX четверостишиях последней главы перечислялся целый ряд других периодических изданий, в том числе газета «Новости», начавшая выходить в 1871 г.; последним определяется дата поэмы.

Демон (с. 450). Впервые напечатана полностью в сб. «Демон», СПб., 1880. В настоящей книге печатается по этому сборнику (с. 3—16) 1-я песня поэмы без последних двух разделов. Половина 2-й песни и почти вся 5-я появились в *БВ* 1878, № 317, под заглавием «Демон (Отрывки из поэмы)», в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Повидимоу, в это время поэма была уже закончена. Половина 1-й песни и фрагменты 2-й перенесены М. в поэму, с рядом исправлений, из его стихотворного фельетона «С птичьего полета» («Дело», 1874, № 1, с. 118—124), другая часть которого использована для 6-й главы «Евгения Онегина нашего времени». *Что у Ефремова в изданыи*. Первое издание сочинений Лермонтова под редакцией П. А. Ефремова вышло в 1873 г. *Одинокая вдова* — Евгения Монтихо, жена Наполеона III. В 1870 г. эмигрировала в Англию. После смерти Наполеона III (1873) вдохновляла бонапартистское движение во Франции, стремясь посадить на престол своего сына, Эжена-Луи, о котором идет речь ниже: «Но жив четвертый Бонапарт!» *Столь пресловутый Генрих Пятый*... Генрихом V отверженцы старшей линии династии Бурбонов называли последнего ее представителя графа А.-Ш. Шамбора.

Две эпохи (с. 458). Впервые — «Молва», 1880, № 314, в фельетоне «Чем хата богата», подпись: М. Д. Эпиграф — из «Медного всадника» Пушкина. *Карс и Ардаган* — крепости, взятые русскими войсками в 1877 г. и присоединенные к России по Сан-Стефанскому договору. *Как из-за шанцев*. Упоминание о шанцах (временных полевых укреплениях, окопах) — намек на вторую специальность композитора Ц. А. Кюи. Он был военным инженером, профессором фортификации. *Ржет целый Щукин двор*... Щукин двор — один из петербургских рынков — упомянут в связи с тем, что очерки и рассказы Лейкина с их поверхностным и грубоватым юмором пользовались большой популярностью в купеческой среде. *Проводит целый день на Волковом кладбище*... На «литераторских мостках» Волкова кладбища в Петербурге похоронено много выдающихся русских писателей.

IV. ПЕРЕВОДЫ

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Германия (с. 467). «Deutschland. Ein Wintermärchen». Перевод отдельных глав поэмы Гейне печатался в журналах и сборниках М. в 1865—1872 гг.; полностью — в «Сочинениях Генриха Гейне в переводе русских писателей», под ред. В. Чуйко, т. 13. СПб., 1881. III. Впервые — сб. «В сумерках», с. 299—301. Печ. по «Сочинениям» Гейне, с. 18—21. XII. Впервые — сб. «В сумерках», с. 321—322; с исправл., под заглавием «Волки» — в сб. «Песни и поэмы», с. 140—142. Печ. по «Сочинениям» Гейне (с. 53—55), где наряду с новыми исправлениями М. частично вернулся к первоначальному тексту. XXVII. Впервые — И 1870, № 28, с. 935—938, под заглавием «Под небом Пруссии (Из Гейне)», без I и VII строф. Печ. по «Сочинениям» Гейне, с. 115—119. «Красный цвет знаменует французскую кровь» — строка из стих. К.-Т. Кернера «Песнь черного охотника». *Ненавистная птица сидела...* Имеется в виду государственный герб Пруссии — орел. *Созову непременно я рейнских стрелков.* Рейнская область, расположенная по соседству с Францией, испытала сильное влияние Французской буржуазной революции XVIII в. И в политическом и в экономическом отношении она значительно опередила феодальные германские государства. В 1815 г. Рейнская область была присоединена к Пруссии. *Сотоварищи волки!* и т. д. Гейне говорит о не знающих колебаний революционерах. *Озадаченный Кольб поспешил, исказив...* Редактор «Аугсбургской всеобщей газеты», в которой Гейне печатал свои парижские корреспонденции, часто по цензурным соображениям исправлял и сокращал их. *Прометей поэт вдохновенный* — Эсхил. *Эта лира ко мне перешла от того...* Речь идет об Аристофане. *Пайстетерос и Базилея* — персонажи его комедии «Птицы». *В наши дни короля забавляют* и т. д. О прусском короле Фридрихе-Вильгельме IV.

ОГЮСТ БАРБЬЕ

К и а я (с. 475). «Chiaia». Впервые — РС 1861, № 6, с. 52—58, с посвящением Николаю Евстафьевичу Симакову и датой: 1 марта 1861 г. В сб. «В сумерках» (с. 100) посвящение снято. У Барбье вместо «Поэт» всюду «Сальватор», т. е. итальянский живописец, поэт и музыкант Сальватор Роза. Он родился недалеко от Неаполя, находившегося тогда под властью испанцев. Юношей, странствуя по Апулии и Калабрии, попал в руки разбойников и некоторое время жил среди них. Затем С. Роза переехал в Рим, где прославился полными жизни картинами из быта пастухов, солдат и т. п. Язвительные сатиры восстановили против него римское общество, и он принужден был вернуться в Неаполь. Там в 1647 г. он принял участие в народном восстании против испанцев, которым руководил рыбак Мазаниелло (Томазо Аниелло). *Кияя* — морское побережье возле Неаполя, где занимался рыбачеством Мазаниелло.

ВИКТОР ГЮГО

Во мраке (с. 482). «Dans l'ombre» из сб. Гюго «L'année terrible». Впервые — ОЗ 1875, № 3, с. 293 — 294, с подзаголовком «Из В. Гюго», без стр. 25 — 28. Печ. по сб. «Чем хата богата», отд. 1, с. 43 — 44.

Ни день, ни ночь (с. 484). «Prélude» — вступление к сб. Гюго «Les chants du crépuscule». Впервые — сб. «Чем хата богата», отд. 1, с. 1—4.

ПЬЕР ДЮПОН

Песня работников (с. 488). «Le chant des ouvriers». Предназначавшийся для № 24 И за 1862 г. перевод был запрещен цензурой (корректурa сохранилась в собр. корректур С.-Петерб. ценз. комитета, № 7, с. 1; см. также Дело Особенной канцелярии Министерства нар. просвещения, 1862, № 108, л. 29) и включен в «Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году», т. 2, СПб., 1862, с. 155 — 157, с подзаголовком «Из Дюпона», но без указания переводчика. Еще одна корректурa перевода под заглавием «Песня тружеников (Из Дюпона)» и надписью «г. цензору. 31 января» — в собр. корректур С.-Петерб. ценз. комитета, № 8. Попытка напечатать перевод в 1863 г. также не увенчалась успехом: в Журнале заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 9 октября 1863 г. записано, что «Песня тружеников», равно как «Немезида» (из Барбье) и «Сказка о восточных послухах», предназначавшиеся «для отдельного издания сочинений Г. Минаева» (то есть, повидимому, для 2-го тома «Дум и песен», вышедшего только через год), запрещены комитетом. С исправл., сделанными с явной оглядкой на цензуру, — в сб. «В сумерках», с. 61—63. Здесь рефрен I, III и V строф «Братья! Добытый тяжелым трудом» и т. д. снят, и все шесть строф кончатся одинаково; в V строфе появились строки о терпении (отсутствующие у Дюпона), а «солнце свободы» заменено «ярким солнцем». В сб. «Поэмы и песни» (с. 124 — 126) восстановлен первоначальный текст, за исключением рефрена. Печ. по «Сборнику статей, не дозволенных цензурою...» «Песня рабочих» была написана в 1846 г. и до создания «Интернационала» служила международным рабочим гимном. К. Маркс цитирует «Песню» Дюпона в I томе «Капитала» (Сочинения, т. XVII. 1937, с. 760).

ШАРЛЬ ВОДЛЕР

Каин и Авель (с. 491). «Abel et Cain». Впервые — И 1870, № 2, с. 57 — 58, с подзаголовком «С французского», но без указания автора. Стихотворение вызвало крайнее недовольство цензурного ведомства. «В № 2 газеты «Искра», — писало Главное управление по делам печати председателю С.-Петерб. ценз. комитета 30 января 1870 г., — помещено стихотворение под заглавием «Каин и Авель», разделяющее род человеческий на племя Авеля (люди имущие), слабеющее от разврата и грядущее коего представляется загадочным, и племя Каина (пролетариат), которое наконец сбросит свое иго, и тогда под напором его дрогнет шар земной. Находя это стихотворение крайне предосудительным, совет Главного управления по

делам печати полагал сделать редактору категорическое внушение, что при первом возобновлении подобной попытки, т. е. помещения стихов или статей с социалистическим и тенденциозным содержанием, он подвергнется предостережению» (Дело С.-Петербург. ценз. комитета, 1869, № 56). Из отзыва члена совета Главного управления Ф. М. Толстого, на основании которого составлено это отношение, узнаем, что перевод до напечатания в *И* был в редакции ОЗ «Появление этих стихов в «Искре», — писал он, — тем более предосудительно, что редактору его, как сотруднику «От. зап.», должно быть известно, что стихотв. Минаева предлагаемо было в редакцию «От. записок» — и что ни г. Краевский, ни г. Некрасов не решились его печатать». Толстой взял под сомнение указание, что «Каин и Абель» — перевод: «Сказано, что это перевод с французского, но очевидно, что стихотворение это есть не что иное, как тенденциозное измышление обличительного поэта г. Минаева» (Дело Гл. упр. по делам печати, 1870, № 26, лл. 1 — 2).

ДЖОРДЖ ВАЙРОН

Песня Чайльд-Гарольда (с. 493). «Childe Harold's good night» из «Childe Harold's pilgrimage». Впервые — РС 1863, № 9, с. 154 — 156; с исправл., в составе всей поэмы — РС 1864, № 1, с. 86 — 89. Печ. по сб. «Думы и песни» 1864 г., с. 23 — 26.

ТОМАС ГУД

Песня о рубашке (с. 497). «The song of the shirt». Впервые — Б 1865, № 64, с. 253. В сб. «Песни и поэмы» (с. 151) перевод посвящен И. И. Дмитриеву.

КАРЕЛ ГАВЛИЧЕК

Тирольские элегии в песнях к месяцу (с. 500). «Tyrolské elegie». Впервые — «Светоч», 1860, № 8, с. 3 — 16; с исправл. — в сб. «Думы и песни» 1863 г., с. 57 — 67. Печ. по сб. «В сумерках», с. 128 — 136. М. сопровождал свой перевод рядом примечаний. В первом из них (к заглавию) он следующим образом охарактеризовал чешского поэта: «Имя Гавличка — одно из лучших и светлых имен чешской литературы. Поэт, любимый своим народом, редактор «Народных новин», лучшей чешской газеты, по своему влиянию на чехов Гавличек возбудил неудовольствие и опасения австрийского правительства. В 1851 г. его схватили и отправили в крепость Бриксен, в Тироле, где он в продолжение 5 лет досиделся до чахотки и был наконец прощен, но, возвратившись в Прагу, чрез несколько времени умер. Переведенные мною элегии Гавличка пользуются у чехов огромною популярностью. В этих песнях поэт, смеясь ядовитым смехом оскорбленного, рассказывает луне, как его взяли австрийские жандармы и повезли в тюрьму. Среди жестокого смеха и иронического веселья — в песнях Гавличка вырываются порой чрезвычайно теплые, задушевные, поэтические звуки. Удалось ли мне в переводе передать характер и дух этих песен — не знаю; по возможности я держался как можно ближе к подлиннику, даже в самом размере песен». К стр. «Я из края

музыкантов»: «Намек на Чехию, где почти каждый чех — музыкант». К стр. «Бросил я в него Законник»: «Законник — Reichsgesetzbuch — собрание австрийских законов и постановлений». К стр. «Бах, как доктор...»: «Поэт играет словами: Бах, бывший австрийский министр, имел степень доктора». К стр. «Торопил меня Дедера»: «Имя полицейского чиновника». К стр. «Целый Брод толпою»: «Брод — город в Чехии». К стр. «Я надвинул по де б р а д к у»: «Шапка, которую носили чехи-патриоты, названная так в память чешского героя Юрия Подебрадского». За несколько месяцев до появления перевода М. «Тирольские элегии» были напечатаны в РС (1860, № 4, с. 289—300) в оригинале и в прозаическом переводе А. Ф. Гильфердинга. Этим прозаическим переводом и пользовался М., а на основании предисловия и примечаний Гильфердинга он составил свои примечания. Во 2-й гл., между стр. 16 и 17 М. опустил четыре строки. Привожу их в переводе Гильфердинга: «Вставайте, господин редактор, не пугайтесь. Ходим мы ночью, однако мы не разбойники, а только комиссия». В других местах также опущены некоторые любопытные детали. Гл. 2, стр. 25—28. У Гавличка говорится о бульдоге, что он «чересчур привык к habeas corpus: он англичанин». Гл. 3, стр. 13—16. У Гавличка: «что в Чехии очень душно, жаркие испарения и много вони после этой октроировки <т. е. после введения австрийской конституции 1849 г.>, просто тлетворная атмосфера». Гл. 8, стр. 59—60. У Гавличка: «приехал я скорее, чем ездит русский царь, на станцию в приятном расположении». Гл. 9, стр. 9—12, которыми заканчиваются «Тирольские элегии»: «Окружное начальство, помощника окружного, жандармерию — вот кого дали мне ангелами-хранителями в этой Сибири».

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Совет Вилы (с. 508). Впервые — «Пчела», 1877, № 11, с. 167. Примеч. М. к заглавию: «Вилы — создание народной сербской поэзии — нечто вроде нимф, живущих в горах, лесах и долинах».

Выбор невесты (с. 510). «Молыт мя, мамо, молыт». Впервые — «Пчела», 1877, № 26, с. 398. Примеч. М. к словам «сотню карагроший»: «Грош — 40 пар или 20 коп. ассигнациями. Кара — черный, по-турецки»; к словам «ходжей, хаджинок». «Т. е. спутников и спутниц ко гробу господиню».

Василий Богданов

Беседа с музою (с. 521). Впервые — И 1863, № 48, с. 722, подпись: Влас Точкин. Шандоров свет — освещение керосином американской фирмы Л. Шандор, введенное в Петербурге в 1862 г.; несколько центральных улиц уже освещались в это время газом. «Свет! свет! свет!» — слова из рекламного объявления Шандора.

Притча (с. 523). Впервые — И 1864, № 1, с. 12, подпись: Влас Точечкин.

Проезжим (с. 524). Впервые — *И* 1864, № 6, с. 93, подпись: Влас Точечкин.

Утопия (с. 525). Впервые — *И* 1864, № 11, с. 181—182, подпись: Влас Точечкин.

Наш пролетарий (с. 528). Впервые — *И* 1864, № 14, с. 221, подпись: Влас Точечкин. В *И* несомненная опечатка: стр. 1 и 3 последнего четверостишия кончаются одинаково — словами «в столице». В 60-е годы пролетарием нередко называли не только лишенного средств производства наемного рабочего, но и вообще бедняка, неимущего человека.

Тройка или краткая история нашего прогресса (с. 530). Впервые — *И* 1864, № 44, 565—566, подпись: Влас Точечкин. *О господах А, В, С, D*. Насмешка над, как тогда выражались, «алфавитной» или «алгебраической» гласностью — см. о ней *И*, 731 («Явление гласности»). *Авось, французы-инженеры...* См. *И*, 739 («Добрый барин и лихой ямщик»). *То даст такую Путь-дорогу...* — намек на роман П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу», печатавшийся в 1862—1864 гг. в журнале «Библиотека для чтения». *Шандор* — см. с. 944 («Беседа с музюю»). *Водопроводы же взял Крон*. Об Обществе с.-петербургских водопроводов см. с. 903 («Два века»). Отсутствие средств у правления Общества «принудило его передать окончание работ в полное распоряжение капиталисту Крону, обязав произвести только некоторые из требуемых мною дополнений», — пишет А. И. Дельвиг, ознакомившийся по поручению Городской думы с положением дел и признавший его неудовлетворительным («Мои воспоминания», т. 3. М., 1913, с. 158).

Песня беспутного (с. 533). Впервые — *И* 1865, № 3, с. 41—42, подпись: Влас Точечкин.

Подводный камень современного прогресса (с. 535). Впервые — *Б* 1865, № 35, с. 137, подпись: Богдан — ов.

Песня дяде Хмелью (с. 536). Впервые — *И* 1865, № 20, с. 288—290, подпись: Влас Точечкин.

Дубинушка (с. 538). Впервые — *Б* 1865, № 60, с. 237, подпись: Богдан — ов. Прообраз известной революционной песни. Автор ее, А. А. Ольхин, переработал в конце 70-х годов стихотворение Б., заимствовав у него стихотворный размер и перенеся в свою «Дубинушку» с небольшими изменениями три куплета. Стихотворение Ольхина не предназначалось для легальной печати и в гораздо большей степени, чем богдановское, проникнуто революционным духом. Оно впервые напечатано в журнале «Общее дело», (Женева), 1885, № 80, с. 15. Припев — переделка аналогичного припева бурлацкой песни («Великорусские народные песни», т. 6. СПб., 1900, с. 470). *Прорубили окно*. Ср. с «Медным всадником» Пушкина: «В Европу прорубить окно».

Химеры (с. 540). Впервые — *И* 1868, № 6, с. 70, подпись: Богдан — ов.

«Проповедники морали» (с. 543). Впервые — И 1868, № 7, с. 90, в «Заметках», подпись: Богдан — ов.

«Французы в Суэце, как видно» (с. 544). Впервые — И 1868, № 14, с. 176, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. Джон Буль — ироническое прозвище английского буржуа. Английское правительство долго противодействовало прорытию французами канала через Суэцкий перешеек, видя в этом угрозу своему господству в Индии; однако в 1859 г. работы по строительству канала были начаты и в 1868 г. близились к концу. Говоря в своих «Заметках» о захвате Абиссинии англичанами и передавая слухи о том, что, освободив пленных англичан (это послужило предлогом для войны), английская армия покинет Абиссинию, Б. насмешливо замечает: «Этому как-то плохо верится. Если она и отступит, то, вероятно, не далее ближайшего приморского пункта, где и постарается укрепиться окончательно». Странно было бы предполагать, продолжает Б., что только чувство сострадания к пленным землякам побудило британское правительство тратить миллионы фунтов стерлингов и проливать кровь своих подданных. «Нет, вероятно, тут в ходу высшие соображения хоть в таком роде, что 1) абиссинское племя находилось до сих пор в полудиком состоянии, не мешая начать его эксплуатировать, — это может дать большие барыши; 2) попрактиковать засидевшихся солдат с их усовершенствованным оружием ввиду всякого рода случайностей вообще не мешает, а кстати представляется возможность окупить делаемые с этой целью расходы приобретением какого-нибудь клочка территории; 3) же и главное заключается в том, что

Французы в Суэце, как видно. . .»

«Был близок взрыв народных масс» (с. 545). Впервые — И 1868, № 21, с. 259, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. «Турция не на шутку затевает либеральные реформы, — пишет Б. в своих «Заметках», — взявши для себя идеалом политического устройства Францию». Один из турецких политических деятелей отправился в Париж изучать организацию французского государственного совета. «Посмотрим, что-то выйдет из этого? Говорят, что копия всегда бывает слабее оригинала, но грустно будет, если копия выйдет настолько удачно, что отсрочатся надолго светлые надежды». А в чем они состояли — мы узнаем из напечатанного вслед за этими словами стих. «Был близок взрыв народных масс».

«Красный принц в стенах Стамбула» (с. 546). Впервые — И 1868, № 21, с. 259, в той же статье. Красный принц — принц Наполеон-Жозеф Бонапарт, сын брата Наполеона I, короля Вестфалии Жерома Бонапарта. После революции 1848 года был избран в Учредительное собрание, за радикальные речи в котором и получил прозвище «Красного принца». Его политическая позиция то и дело менялась. В 1865 г., при открытии памятника Наполеону I, он произнес речь, в которой предлагал программу либеральных реформ, чем вызвал неудовольствие Наполеона III. Однако они вскоре примирились, и с тех пор принц Наполеон получал разные дипломатические поручения. Стихотворение написано по поводу его путешествия в Турцию, куда он был послан Наполеоном III, опасав-

шимся слишком решительных преобразований в Османской империи.

E pur si muove! (с. 547). Впервые — *И* 1868, № 24, с. 285—286, подпись: Богдан — ов. Слова «примечание для не пошедших далее классического ликея» — насмешка над сторонниками классической системы образования: см. также с. 939 («Кому на свете жить плохо»).

«Очень грозен горизонт» (с. 549). Впервые — *И* 1868, № 33, с. 403, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. В 1868 г. международное положение было крайне напряженным. Очень сильны были националистические и милитаристические настроения, которые искусственно раздувались правительствами, чтобы отвлечь общественное внимание от острых социальных противоречий внутри страны. Шла усиленная подготовка франко-прусской войны. Бисмарк, в то время канцлер Северо-германского союза, стремился при помощи войны с Францией завершить объединение германских государств вокруг Пруссии, а также задуть ожившее рабочее движение и нейтрализовать притязания либеральной буржуазии. Военственные настроения французской буржуазии, видевшей серьезного врага в лице объединенной Германии, также были очень сильны. Известный публицист Э. Жирарден всецело разделял их, за что и получил кресло сенатора. Папа Пий IX, светская власть которого после 1859 г. распространялась лишь на Рим, да и там держалась только при помощи французских штыков, не переставал мечтать о реставрации. *Большим человеком* издавна называли Турцию государственные деятели и публицисты, добивавшиеся ее раздела. В 1867 г. австрийский министр иностранных дел Бейст предложил созвать «докторский консилиум» из великих держав «для обсуждения положения большого человека и для распределения его владений» (Малькольм Мак-Колль. Султан и державы. СПб., 1897, с. 150).

«Дела пошли прекрасно тут» (с. 551). Впервые — *И* 1868, № 49, с. 622, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. Префект Парижа барон Осман (Гаусман) осуществил перепланировку французской столицы — многие улицы были расширены, были разбиты новые бульвары и сады, причем одной из главных причин этой перепланировки было стремление правительства, напуганного событиями 1848 года, сделать более затруднительными устройство баррикад и ведение уличного боя. Кроме того, Осман переселил рабочее население на окраины города. Стихотворение написано по поводу его отчета о перестройке Парижа, согласно которому в 1868 г. парижское население получило 14 тысяч новых квартир. Об одном только умалчивается в отчете, замечает Б., — что цены на квартиры растут еще быстрее, чем их количество. «Деньги для покрытия издержек на разрушение старых зданий и сооружение новых не с неба же свалились; их надобно как-нибудь высосать у народа, и вот обстраивающиеся домовладельцы делают поминутно «легкие надбавки» и неприступностью цен на квартиры систематически вытесняют за заставы почти все рабочее население. Впрочем, уверяют, что это явление очень радует французское правительство. Действительно: чем дальше от рабочего населения, тем лучше».

«Для грозной силы неприятно» (с. 552). Впервые — *И* 1868, № 50, с. 635, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. Касаясь греко-турецкого столкновения, Б. рассказывает о статье одной афинской газеты. По поводу обращенных к греческому народу упреков в том, что он решается на неравную борьбу с Турцией, эта газета писала: «Наша сила в энергии отчаяния, готового riskовать всем. Мы можем только выиграть в этой борьбе, но не можем ничего проиграть. Эллинское племя так обижено судьбою, что ему уже нечего терять». И Б. прибавляет от себя: «Не правда ли, как хорошо, как многозначительно это выражение: «ничего терять»? Быть может, оно имеет значение и не для одного эллинского племени». Слова «Нам больше нечего терять» явственно перекликаются со словами из «Манифеста коммунистической партии»: «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I. М., 1949, с. 39); они содержат в себе почти неприкрытый призыв к народному восстанию. Этот отзвук «Манифеста коммунистической партии» в легальном издании тем более интересен, что автор специальной работы «Манифест коммунистической партии в России 50—80-х годов XIX века» Л. Левин указывает лишь один подобный факт, относящийся к 60-м годам («Вопросы истории», 1948, № 2, с. 101).

«О свободе громких фраз» (с. 553). Впервые — *И* 1869, № 4, с. 54—55, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. Приведя из журнала «Шаривари» слова о том, что современная Франция «имеет вокруг себя все самые свободные учреждения и ни одним из них не может пользоваться», Б. пишет: «Словом, французскому народу в настоящее время очень к лицу такая песенка:

О свободе громких фраз...»

«Орел французов встарь вносил» (с. 554). Впервые — *И* 1869, № 5, с. 68, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. Отклик на письмо Наполеона III к папе Пию IX, в котором он предлагал ему оставить французские войска в Риме для охраны католического вселенского собора. «Дети и внуки лиц, торжественно провозгласивших принципы 1789 года, — пишет Б., — в настоящее время своими штыками станут ограждать не менее торжественное провозглашение анафемы этим принципам».

«Плантаторам рабов отдали напоследках» (с. 555). Впервые — *И* 1869, № 9, с. 115, в «Заметках», подпись: Богдан — ов. Стихотворение написано в связи с сообщениями о решении португальского правительства освободить в своих колониях негров от рабства, согласно которому они все же на целых десять лет оставались еще в полном распоряжении своих бывших хозяев.

Свой идеал (с. 556). Впервые — *Б* 1869, № 38, с. 313, подпись: Богдан — ов. Стих. «Свой идеал» и «Мы — особь статья!» вызваны рядом статей газеты «Весть», в которых высказывалось недовольство крестьянской реформой. Это была критика крестьянской

реформы справа. «Весть», представлявшая интересы наиболее реакционных слоев поместного дворянства, ратовала за обезземление крестьянства, ссылаясь на его якобы неумение вести хозяйство. Отвергая обвинения в крепостнических симпатиях, «Весть» вместе с тем довольно красочно обрисовала свою позицию: «Большая часть нашей печати упорно объясняет злорадством всякое указание на недостатки настоящего положения дел, отражающиеся на народном благосостоянии. В этих указаниях она видит или сожаление о крепостном праве, или тайные вождедения возвратит его, хотя бы в видоизмененной форме» (1869, № 264, передовая статья).

<Шнейдеру> (с. 559). Впервые — *И* 1870, № 4, с. 155, в «Заметках», без подписи. Вице-президент, а затем президент французского Законодательного корпуса Э. Шнейдер был крупнейшим капиталистом; ему принадлежали известные пушечные, паровозостроительные и машиностроительные заводы в Крезе; он основал фирму «Шнейдер-Крезе», которая стала впоследствии одним из крупнейших военно-промышленных концернов, военно-промышленной базой французского империализма. В начале 1870 г. в Крезе вспыхнула забастовка, которая была подавлена военной силой. «Говорят, — иронически пишет Б., — что вследствие мер, принятых на железных заводах в Крезе для усмирения продолжающихся там волнений и стычек рабочих, хозяин этих заводов президент Шнейдер получил следующее послание:

У вас в Крезе теперь волненья...»

«У министров буржуазных» (с. 560). Впервые — *И* 1870, № 6, с. 247, в «Заметках», подпись: Бгд. «Буржуазное министерство Оливье, — пишет Б., — начинает почти с того же, чем кончила блаженной памяти буржуазная монархия Луи-Филиппа, то есть с кровавой борьбы на улице. Так, при попытках воздвигнуть баррикады в день арестования Рошфора на улицах Парижа уже текла кровь... Говорят, что это дурное предзнаменование только для министерства». По этому поводу, замечает Б., один немецкий сатирический журнал, характеризуя настроения парижского населения, приписывает ему следующую песенку:

У министров буржуазных...»

Ca ira (т. е. «все пойдет на лад») — революционная песня, возникшая в годы французской революции XVIII века.

Мы — особь статья! (с. 561). Впервые — *И* 1870, № 45, с. 1409—1412, подпись: Бгд. См. с. 948 («Свой идеал»). Стихотворение вызвало панику в С.-Петербургском цензурном комитете, который поспешил сообщить о нем в Главное управление по делам печати. В жалобах «на лишение дворянского сословия тех привилегий и того почта, которые первоначально ему принадлежали... явно слышится, по мнению Комитета, насмешка над крайними притязаниями представителя столбового дворянства, указывающего на свое древнее происхождение как на единственное основание дворянских прав, порицающего меры правительства, которыми открыт до-

ступ в это сословие личным заслугам, и, наконец, современные реформы. Сочувствие автора к мерам правительства несомненно; но, с другой стороны, ему может быть не без основания приписано намерение осмеять в этом стихотворении существующий еще в нашем законодательстве принцип родового дворянства. Впечатление этого стихотворения на известную часть публики может быть тем неблагоприятнее, что оно написано с замечательным талантом». Главное управление в свою очередь отметило в стихотворении «тенденцию демократического свойства, ибо в нем не какие-либо личные пороки подвергаются осмеянию, а выставляется в смешном виде такая сторона положения дворян, которая относится к целому юридическому сословию». И только потому решено было не возбуждать против *И* судебного преследования, что это был лишь второй номер, вышедший за подписью официального редактора В. Н. Леонтьева, «и вышеуказанным стихотворением еще недостаточно выражается направление всего издания» (Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 11 ноября и Главного управления по делам печати от 13 ноября 1870 г.).

Из автобиографии щенка (с. 564). Впервые — *И* 1871, № 6, с. 170—173, подпись: Бгд. Первоначальная, более краткая редакция этого стихотворения должна была появиться в *Б*, но не была пропущена цензурой; корректура — в тетради запрещенных цензурой стихов (*ПД*) Кончалось оно строкой «Щенок из княжеских палат», после которой следовали слова: «Продолжения не имеется, потому что оно в настоящее время еще только переживается героем автобиографии сей».

<Диалог версальского и парижского хора> (с. 568). Впервые — *И* 1871, № 16, с. 504—505, в «Заметках», без подписи. Одна строка этого стихотворения («Всё, как капитал заедает тяжкий труд») была явно искажена при наборе — в ней нарушен стихотворный размер, но восстановить ее в первоначальном виде не представляется возможным. Являясь непосредственным откликом на события Парижской коммуны, стихотворение, как и многие статьи, заметки и фельетоны в *И* 1871 г., ярко характеризует в высшей степени сочувственное отношение к ней. Квартирная плата и платежи по векселям упоминаются в диалоге в связи с двумя декретами Парижской коммуны. В отмену постановления Национального собрания было отсрочено погашение задолженности по квартирной плате за последние девять месяцев, а платежи по векселям распределялись на три года, причем должны были производиться без начисления процентов.

<Тьеру> (с. 570). Впервые — *И* 1871, № 29, с. 922—923, в «Заметках», без подписи. Говоря о «последних выборах в Париже» (то есть о выборах в Национальное собрание и избрании «главы исполнительной власти»), *Б*. отмечает, что по городу было расставлено огромное количество полицейских и шпионов. Поскольку выборы окончились в пользу Тьера, войско и полиция остались пассивными наблюдателями. «Что бы вышло в противном случае — неизвестно, но, во всяком случае, можно рассчитывать, что г. Тьер не ударил бы лицом в грязь перед своими собратами по ремеслу

вроде Кавеньяка и героя 2-го декабря <т. е. Наполеона III. — И. Я.>. Словом, г. Тьер, несмотря на свои преклонные лета, подает большие надежды в качестве прямого наследника прежних эксплуататоров Франции. В самом деле:

Развивать он бойко стал. . .

Николай Курочкин

Послание к Н. Л. Гнуту (с. 579). Впервые — И 1860, № 37, с. 400, подпись: Пр. Преображенский. Стихотворение написано в связи с пародиями Гнута (Н. Л. Ломана) на К. К. Случевского, П. А. Кускова и других враждебных И поэтов. В ответ на «Послание» Ломан посвятил Н. Курочкину пародию «Вы не поверите, что мне недавно приснилось» (с. 785). В «Послании к Н. Л. Гнуту» использовано стих. Н. М. Языкова «Элегия» («Поэту радости и хмеля»); последние четыре строки, как и указано в подзаголовке, целиком взяты из него с небольшим изменением.

Худой мир лучше доброй ссоры (с. 580). Впервые — И 1861, № 15, с. 218—222, подпись: Пр Преображенский. О юбилее П. А. Вяземского см. I, 738 («Стансы на будущий юбилей Бавия»). «Худой мир» очень точно передает общий смысл и отдельные детали статьи М. П. Погодина. Погодин был одним из тех сторонников Вяземского, которые, как и сам юбиляр, открыто высказывали свою ненависть к Белинскому и всячески стремились скомпрометировать его, создать лживый образ задорного и воинствующего невежды. Эпиграф — неточная цитата из оды Горация; у Горация: «*Odi profanum vulgus*». *Прочь буйна чернь, непросвещенна И презираемая мною!* — начало стихотворения Державина «Об удовольствии», которое является вольным переводом этой оды. *Сребр хрестоматию Галахов*. . . Речь идет о книге «Полная русская хрестоматия, или образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей». Хрестоматия Галахова впервые вышла в 1843 г. и затем многократно переиздавалась. В это время Галахов активно сотрудничал в ОЗ и был близок к кругу Белинского и Герцена, что отразилось в его книге. По поводу хрестоматии возникла острая полемика между ОЗ и «Москвитянином», который резко нападал на нее (об этой полемике см. в книге А. Г. Дементьева «Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг.», М.—Л., 1951, с. 158—166). Ненависть к хрестоматии сохранилась у Погодина и в 60-е годы, когда Галахов превратился в рядового умеренного либерала, весьма далекого от демократического лагеря. *Друзей славянских ненавижда*. . . Погодин имел в виду полемику между ОЗ и вышедшим под его редакцией «Москвитянином», происходившую за двадцать лет до этого — в 1841—1842 гг., в частности рецензию Белинского на книгу В. Априлова «Денница новоболгарского образования» (Полное собр. соч., т. 7. СПб., 1904, с. 319—320, 603—605). Слова Погодина не только не являются цитатой из Белинского, но совершенно искажают его мысль, как справедливо считал К. Философом из третьих уст. Погодин повторил слова С. П. Шевырева, который утверждал в полемической за-

метке «К „Отечественным запискам“», что Белинский знал немецкую философию «из третьих уст» («Москвитянин», 1841, № 6, с. 510). «Грамотки» Погодина были далеко не так безобидны, как писал в примечании к стихотворению — разумеется, из цензурных соображений — сам К., и их разоблачение имело существенное значение. Они были напечатаны вскоре после опубликования манифеста 19 февраля 1861 года с целью смягчить недовольство крестьянских масс и предупредить крестьянские волнения. «Наградил нас царь-батюшка за наше долготерпение, — читаем в первой «Грамотке», — гринесли для нас жертву помещики за верную нашу многолетнюю для них работу... Первым нашим делом должна быть признательность к помещикам, под которыми столько лет мы пребывали и покровительством их пользовались, признательность на деле, чтоб если нам сделается лучше, и им бы не стало хуже... Барщину в продолжение этих двух лет необходимо спривать как можно усерднее и для помещиков приятнее, чтоб остановки за вами никакой не было... Помещики теперь про себя думают: ну как поле не засеется, ну как то или это недоброе по хозяйству причинится. А вы, друзья любезные, сделайте так, чтоб все это лучше оказалось, чем прежде... ну, вот у помещика и отлевет на сердце, он и ободрится, и примирится с новыми порядками, и вас отблагодарит чувствительно». За этим сладким сюсюканьем все время чувствуется неудержимая боязнь крестьянской революции. Еще в середине 50-х годов Погодин писал: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев... Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности» («Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853—1856» М., 1874, с. 262).

Дева и жрецы (с. 585). Впервые — И 1862, № 4, с. 52—54, подпись: Пр. Преображенский. В начале 60-х годов усиленно обсуждался вопрос о предоставлении женщинам возможности получить высшее образование и связанные с ним права и преимущества. Неоднократно писали, в частности, о высшем медицинском образовании женщин, причем многие представители медицины резко высказывались против женщин-врачей, видя в них своих конкурентов. Автор статьи «К вопросу о врачах-женщинах в России», появившейся в газете «Медицинский вестник» (1862, № 4) одновременно со сценкой К., недвусмысленно заявил по этому поводу: «Самые несговорчивые противники женщин ни слова не говорят против того, чтобы женщины только учились медицине... Но вся война против того, чтобы они, выучившись, не получили диплома, и не рискнули заниматься медицинской практикою... Из всех противников допущения женщин к изучению медицины самые яростные — врачи, которые живут исключительно «практикою». Неужели они боятся, что женщины отобьют у них практику?» А за два дня до сценки К. в газете «С.-Петерб. ведомости» (1862, № 18) была напечатана статья Л. Онаевича «Быть или не быть женщине врачом?», автор которой, ссылаясь на физиологические и психологические особенности женщины, писал: «Едва ли женщина может быть хорошим врачом, потому что не имеет свойств, которые требуются для хорошего врача. По нашим законам звание врача дает известные права и налагает известные обязательства, но так как

женщина обязательств исполнить не может, то и звания получать не должна. Но распространить знание медицины между женщинами очень полезно, и для того хорошо было бы допустить женщин к слушанию медицинских лекций, не подвергая их никаким экзаменам и не давая им никаких дипломов». Как известно, путь к высшему образованию был еще долго закрыт для женщин. Имя одного из действующих лиц сценки, Бомбастуса, связано с именем Теофраста-Аврелия Парацельза Бомбаста фон Гогенгейма. Возможно, впрочем, что К. имел в виду и английское слово «bombast» — напыщенность, высокопарность, в частности напыщенная и высокопарная речь; с таким значением это слово вошло позже и в немецкий язык.

Дурные вести (с. 589). Впервые — «Век», 1862, № 15—16, с. 197. Чиновник особых поручений министерства внутренних дел Ю. М. Богушевич в своем донесении о журнале «Век» писал: «Стихотворение Н. Курочкина «Дурные вести», по своему мрачному, безотрадному, зловещему характеру, весьма неодобительно в настоящее время тревожного настроения умов в обществе» (Дело Особенно^и канцелярии министра народного просвещения, 1862, № 94, л. 36).

Утешение в разлуке (с. 590). Впервые — И 1862, № 41, с. 546—547, подпись: Пр. Преображенский. Отклик на судебную реформу, основные положения которой были утверждены Александром II и опубликованы в сентябре 1862 г. В «Утешении в разлуке» пародийно использовано стихотворение А. В. Тимофеева «Разлука», на слова которого был написан А. Е. Варламовым романс «Пловцы».

Черти (с. 593). Впервые — И 1863, № 7, с. 98—99, подпись: Пр. Преображенский.

Настройщик (с. 597). Впервые — И 1863, № 7, с. 101, подпись: Пр. Преображенский.

Из цикла «Парижские оды» (с. 599). Впервые: I — И 1863, № 15, с. 215, подпись: Пр. Преображенский; II — И 1863, № 20, с. 282, подпись: Пр. Пр. Из семи стихотворений цикла «Парижские оды» (в свою очередь входящего в большой цикл «Заграничные песни») печатаются два. «Парижские оды» написаны во время заграничного путешествия К. и передают его непосредственные впечатления от пребывания в Париже в 1863 г. Центральное место в этих впечатлениях занимал огромный полицейско-бюрократический аппарат Наполеона III, господство произвола и насилия, обезпечивавшие «буржуазный порядок» и душившие все живое в стране. Против всего этого и направлены стихотворения К. «*Lui, toujours lui!*» — неточная цитата из стихотворения В. Гюго о Наполеоне I «*Lui*» («Он»). *Зуава ли на улице встречаю*. Упоминание о зуаве (алжирский стрелок, солдат военных частей, комплектовавшихся главным образом из жителей Алжира и частично из европейцев) намекает на захватническую колониальную политику Наполеона III. Алжир уже был в то время французской колонией, но в нем то и дело вспыхивали восстания, которые жестоко подавлялись французским

правительством. *Дивлюся ли бульваров широте*. См. с. 947 («Дела пошли прекрасно тут»). *Жан Вальжан* — главный герой романа В. Гюго «Отверженные» (1862), преследуемый инспектором полиции Жавером (Курочкин по ошибке называет его Шеваром). «*Жители планеты*» — статья Н. Н. Страхова («Время», 1861, № 1). *Где после дважды черни страстный крик...* О революциях 1830 и 1848 гг. *Шальной поэт* — Гюго, живший в это время в изгнании в Лондоне. *Давно Скарятин доказал статьями...* До возникновения газеты «Весть» и перехода на откровенно крепостнические позиции Скарятин сотрудничал в *ОЗ* Краевского, *РВ* Каткова, «С.-Петерб. ведомостях» Об его корреспонденциях из Парижа, печатавшихся в «Современной летописи» *РВ*, и других статьях о Франции см. I, 750 («Молитвой нашей бог смягчился»).

В ресторане (с. 602). Впервые — *И* 1868, № 38, с. 460, подпись: Пр. Преображенский. В 1867—1868 гг. в России был голод, но официозная печать, по прямому указанию правительства (см. заявление Главного управления по делам печати в январе 1868 г. — «Голос», 1868, № 25), старалась преуменьшить размеры бедствия и предпочитала говорить не о голоде, а о «неурожае», «недостатке хлеба» и пр. Стихотворение высмеивает эти писания реакционных газет.

Паровая гильотина (с. 604). Впервые — *ОЗ* 1871, № 7, с. 221—222. Отклик на кровавую расправу версальского правительства с коммунарами. *Из-за «каменной крепостей»*. По предположению И. Власова, в этих словах содержится «намек на речь Жюльа Фавра, который лицемерно обвинял коммунаров в том, что из-за них были повреждены артиллерией версальцев форты Парижа» (Некрасов и Парижская коммуна. — «Литерат. наследство», № 49—50. М., 1946, с. 400). *Мир дивит геройство вновь...* В сентябре 1870 г. немцы взяли в плен 80-тысячную армию маршала Мак-Магона, сосредоточенную в крепости Седан, вместе с самим Наполеоном III; в октябре капитулировал также маршал Базен, окруженный со своей 173-тысячной армией в Меце. Для расправы с Парижской коммуной Бисмарк возвратил правительству Тьера часть французских войск, взятых в плен под Седаном и Мецом.

«Честным я прожил певцом» (с. 606). Впервые — «Пчела», 1876, № 42, с. 15. Стихотворение выбито на могиле В. С. Курочкина. Принадлежит оно не ему, как полагал Н. В. Гербель («Русские поэты в биографиях и образцах», 2-е изд. СПб., 1880, с. 652), а Николаю Курочкину. Об этом свидетельствуют заметки в журнале «Пчела» (1876, № 42) и «Театральной газете» (1876, № 129, с. 526) о памятнике В. Курочкину. Из этих заметок узнаем, что на заседании комитета С.-Петербургского собрания художников 25 октября 1876 г. решено было на пьедестале памятника В. Курочкину поместить «стихотворение брата покойного сатирика Н. С. Курочкина, как нельзя теплей и лучше выражающее деятельность оставившего нас поэта». И дальше приводится текст стихотворения. См. также биографические сведения о В. С. Курочкине, сообщенные Н. С. Курочкиным казанскому библиографу Н. Я. Агафонову (Центр. гос. историч. архив Татарской АССР в Казани, собр. Агафонова), и фельетон Мниаева «Чем хата богата»

в «Молве», 1880, № 52. *Гроб мой украсьте венком!* — строка из «Грозы» Беранже в переводе В. Курочкина.

Некрасов (с. 607). Впервые — «Свет», 1878, № 2, с. 43. Первые четыре строки — из стих. Некрасова «Умру я скоро. Жалкое наследство». Оттуда же — стр. 11 и (в измененном виде) стр. 12.

«Мы все живем и все не знаем» (с. 609). «Один у другого питаем». Впервые — «Народное чтение», 1859, № 6, с. 134 (имя переводчика указано только в оглавлении); на предыдущей странице помещен оригинал стихотворения. Автографы перевода: в Центр. гос. лит. архиве — в фонде Курочкиных (с датой: 29 апреля, под заглавием «Из Шевченко» и с посвящением «Тарасу Шевченко») и в альбоме Штакеншнейдер (с датой: 1858 год. 1 мая) — и в рукоп. отд. Института украинской литературы Академии наук УССР; последний наиболее близок к печатному тексту: он воспроизведен в книге «Т. Г. Шевченко в портретах и иллюстрациях», Л., 1940, с. 161. К. перевел стихотворение Шевченко через три дня после их знакомства; скоро между ними установились дружеские отношения, о чем свидетельствуют письма К. к украинскому поэту (см. М. К. Чалый. Жизнь и произведения Тараса Шевченко. Киев, 1882, с. 134—135). На похоронах Шевченко К. произнес речь: «Еще одна могила раскрылась между нами! — говорил он. — Еще одна чистая, честная, светлая личность оставила нас; еще один человек, принадлежавший к высокой семье избранников, высказавших за народ самые светлые его верования, угадавший самые заветные его желания и передавший все это неумирающим словом, — окончил горькую жизнь свою, исполненную борьбы за убеждения и всякого рода страданий» («Основа», 1861, № 3, с. 14).

К музе (с. 610). «Муза». Впервые — «Народное чтение», 1860, № 5, с. 104—105, с датой: 1 августа 1860 г. Автограф дожурнального текста — в Центр. гос. лит. архиве в фонде Курочкиных (с той же датой). Исправления, сделанные в книге «„Кобзарь“ Тараса Шевченко в переводе русских поэтов, изданном под ред. Н. В. Гербея» (1-е изд. СПб., 1860; 3-е изд. СПб., 1876), куда вошли переводы К., по всей вероятности, принадлежат не ему, а редактору книги. О работе К. над переводом стих. «Муза» см. его письмо к Шевченко (М. К. Чалый. Жизнь и произведения Тараса Шевченко. Киев, 1882, с. 135).

Искапаемый человек (с. 612). Впервые — *И* 1866, № 5, с. 75, подпись: Пр. Преображенский. Вольный перевод стих. Д. Джусты «Un fossile».

Петр Вейнберг

Иакову Ростовцову в день его юбилея, 23 декабря 1856 года (с. 621). Впервые — «Колокол», 1858, л. 26, с. 215—216, без подписи. В сборники В. не включено. «Я поместил в «Колоколе» стихотворение, — читаем в воспоминаниях В., — сюжетом которого было деяние одного в ту пору очень влиятельного

сановника, — и Герцен, через посредство одного из знакомых, видевшихся с ним за границей, просил меня лавать ему почаше такой материал» («Безобразный поступок „Века“»). — «Историч. вестник», 1900, № 5, с. 487; см. также статью Ю. Веселовского о В. — «История русской литературы XIX в.», изд. «Мир», т. 5, М., 1911, с. 295). 12 декабря 1825 г. Я. И. Ростовцов член тайного общества, осведомленный о его планах, сообщил Николаю I о заговоре и готовящемся восстании. Этому предательству он обязан своей дальнейшей карьерой. С 23 декабря 1831 г. Ростовцов — дежурный штаб-офицер по управлению главного начальника военно-учебных заведений; с 1835 г. — начальник штаба по управлению военно-учебными заведениями. В «Колоколе» к стихотворению было дано пространное примечание. «Иаков-энтузиаст, — читаем здесь, — вздумал два года тому назад отпраздновать свой юбилей. Для этого он приказал своей канцелярии написать во все полведомственные ему кадетские корпуса приглашения о присылке «добровольных пожертвований на устройство предполагаемого торжества в честь любимого начальника»... Вместе с тем штаб военно-учебных заведений отнесся также бумагою ко всем командирам гвардейских полков напоминая, что большая часть гвардейских офицеров получила образование под начальством Иакова Ив... Все русские газеты за два месяца до назначенного дня юбилея возвестили о нем особыми статьями, присланными от имени Ростовцова на бланках его канцелярии. Денег, однако, было собрано мало... На пополнение неизбежных расходов пришлось захватить из казенных сумм, ассигнуемых на содержание военно-учебных заведений Несмотря, однако, на такой видный неуспех затеи, ни в ком не возбуждившей участия, были заранее приготовлены описания блистательного торжества, и Ростовцов апробовал их для напечатания в «Русском ичвалиде» и в «Северной пчеле». Наступил день юбилея. Ростовцов с утра был мрачен. приехал на обед еще мрачнее; по окончании его тотчас же уехал домой, сказавшись больным. и тогда же, под видом скромности, запретил посылать в газеты описания, которые накануне казались ему недостаточно красноречивыми. Никто из участвовавших в обеде не понимал, почему этот тщеславный человек, не пропускаящий ни малейшего случая высказать свою важность, в самый день своего торжества походил на мокрую курицу: в городе носились различные слухи; газеты промолчали об юбилее, как будто его не было. А вся причина заключалась в том, что в Ростовцове на одно мгновение пробудилась совесть; пробудилась же она вследствие того, что рано утром в день своего юбилея он получил печатаемое здесь стихотворение, которое поэтому приобретает уже историческое или, пожалуй характеристическое значение». *Взывавшего: «Грехи жидов...»* Неточная цитата из «Исповеди Наливайки» Рыльева. *Сарматы* — здесь: поляки.

Печально я брожу по Невскому проспекту» (с. 624). Впервые — «Весельчак», 1858, № 13—14, с. 102, в цикле «Мелодии серого цвета», подпись: Непризнанный поэт. Печ. по сб. 1863 г., с. 111.

«А х ты, плут-мальчишка» (с. 626). Впервые — «Весельчак», 1858, № 42, с. 338, в том же цикле.

Современные песни (с. 628). Впервые — *И* 1859, № 1, с. 1—2, № 3, с. 25. Второе стихотворение в сборнике В. не включено. В нем речь идет о так называемой Амурской компании — акционерном обществе, организованном в 1858 г., после присоединения Амурской области к России. Амурская компания находилась в ведении генерал-губернатора Восточной Сибири и пользовалась разнообразными льготами.

«Он был титулярный советник» (с. 630). Впервые — *И* 1859, № 2, с. 24, в цикле «Отпрыски сердца», подпись: Гейне из Тамбова. Автограф 1865 г. — в альбоме Н. В. Гербеля в рукоп. отд. Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Положено на музыку А. С. Даргомыжским. «По рассказу мне самого Петра Исаевича, — сообщает Б. Б. Глинский («Среди литераторов и ученых». СПб., 1914, с. 112), — он описал тут случай своего увлечения дочкой тамбовского губернатора» К. К. Данзаса, при котором служил чиновником особых поручений.

На Невском проспекте (с. 631). Впервые — *И* 1859, № 9, с. 89—90. В сборнике В. не включено. Стихотворение вызвало целую бурю. 12 марта 1859 г. А. В. Никитенко записал в дневник: «В Комитете (т. е. негласном комитете по надзору за литературой и печатью. — *И. Я.*) Муханов свирепствовал против «Искры», на которую сперва напал Тимашев за стихи «На Невском проспекте». Но Тимашев полагал достаточным призвать редактора в III Отделение и вымыть ему голову, а Муханов бредил все гауптвахтою» («Записки и дневник», т. 1. СПб., 1904, с. 558). Через несколько дней министр народного просвещения Е. П. Ковалевский, «находя, что подобные стихотворения, выражающие в злобном духе преобладание богатых людей над бедными, действуют враждебно на отношения между лицами разных состояний», предписал С.-Петербур. ценз. комитету не допускать впредь ничего подобного и сделать замечание цензору, одоббившему к печати стихотворение В. (Дела С.-Петербур. ценз. комитета, 1859, № 59 и Гл. упр. цензуры, 1859, № 130).

Негордый человек (с. 633). Впервые — *И* 1859, № 19, с. 187, подпись: Гейне из Тамбова. Печ. по сб. 1902 г., с. 239—240. *Мне дали раз отличный перстень...* Намек на нашумевший в свое время скандальный случай. Председатель Театрально-литературного комитета С. П. Жихарев пытался присвоить бриллиантовый перстень, пожалованный члену комитета А. В. Дружинину (см. об этом: А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. 1. СПб., 1904, с. 531—533; А. И. Шуберт. Моя жизнь. Л., 1929, с. 197—198). *Как птица божия, не сею, Но жму.* Ироническое использование евангельского текста (от Матфея, гл. 6, стих 26).

«Я на севере холодном» (с. 635). Впервые — *И* 1859, № 33, с. 331—332, без стр. 43—44, замененных точками, в цикле «Отпрыски сердца», подпись: Гейне из Тамбова. Печ. по сб. 1863 г., с. 15—18, с исправл. по *И. См.* I, 739 («Добрый барин и лихой ямщик»).

«Прости, и если ты идешь от нас навеки» (с. 637). Впервые — *И* 1860, № 2, с. 19—20, в фельетоне «Печальное известие»,

подпись: Гейне из Тамбова. В сборники В. не включено. Обращено к К. А. Полевому — по поводу его ухода из «Северной пчелы», когда газета перешла в руки П. С. Усова. Хотя Усов был человеком в высшей степени умеренных взглядов, но и он оказался неприемлемым для Полевого. «Не удивляйтесь, — говорит В., — что стихи мои написаны в величественном тоне, которого вы не привыкли встречать в моих произведениях; до сих пор я писал о предметах низких, теперь пою субъект очень высокий. . . Темой для своего излияния я выбрал известные стихи лорда Байрона: „Farewell and if for ever, for ever farewell. . .” (Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай)».

Тростник и спина (с. 639). Впервые — *И* 1860, № 5, с. 64, подпись: Гейне из Тамбова; с исправл. — в сб. 1863 г., с. 27—29. Печ. по сб. 1902 г., с. 167—168.

«На столе передо мною» (с. 641). Впервые — *И* 1860, № 9, с. 104, под заглавием «Элегия на Масляной», в цикле «Отпрыски сердца», подпись: Гейне из Тамбова; с исправл. — в сб. 1863 г., с. 33—35. Печ. по сб. 1902 г., с. 172—173.

«В убогой избушке лежит одиноко» (с. 643). Впервые — *И* 1861, № 19, с. 290, подпись: Термонтов. В сборники В. не включено. «Перепев» перевода Лермонтова из Гейне «На севере диком стоит одиноко».

Одна из моих надежд (с. 644). Впервые — *И* 1861, № 39, с. 562, подпись: Гейне из Тамбова. В сборники В. не включено.

Элегия (с. 645). Впервые — *И* 1862, № 9, с. 132, подпись: Гейне из Тамбова; с исправл. — в сб. 1863 г., с. 46—47. Печ. по сб. 1902 г., с. 176—177. О женском медицинском образовании в 60-х годах см. с. 952—953 («Дева и жрецы»). Интересно сопоставить «Элегию» со следующим отрывком романа Чернышевского «Что делать»: «Я, несколько не совестясь, уж очень много компрометировал Веру Павловну со стороны поэтичности, — иронически писал Чернышевский, — например, не скрывал того, что она каждый день обедала, и вообще с аппетитом, а кроме того, по два раза в день пила чай. Но теперь я дошел до такого обстоятельства, что, при всей бесстыдной низости моих понятий, на меня нападает робость, и думаю я: „Не лучше ли было бы скрыть эту вещь? Что подумают о женщине, которая в состоянии заниматься медициною? Какие грубые нервы должны быть у нее, какая черствая душа!”» (гл. 4, XI). На ту же тему через полвека после «Элегии» написано стих. Саши Черного «Городская сказка».

Веселая песенка (с. 647). Впервые — *И* 1862, № 10, с. 148, без заглавия, в фельетоне «Отрывочные заметки», подпись: Гейне из Тамбова; с исправл. — в сб. 1863 г., с. 90—91. Печ. по сб. 1902 г., с. 212—213. Об отношении *И* к «гласности» см. с. 899—900 («Нашествие свистопляски»). *Как случилось в Твери, например.* В Твери жену капельмейстера, дирижировавшего оркестром, попросили удалиться с гимназического вечера.

Из цикла «Песни сумасшедшего акционера» (с. 648) Впервые — *И* 1862, № 24, с. 339, подпись: Гейне из Тамбова; с исправл. — в сб. 1863 г., с. 85—87. Печ. по сб. 1902 г., с. 207—209. Из двух «песен» печатается одна. Речь идет о Главном Обществе российских железных дорог; см. о нем I, 739 («Добрый барин и лихой ямщик»). *О линии феодосийской!* Московско-Феодосийская дорога, потребность в которой остро чувствовалась в эти годы, была окончена лишь в 1874 г. — «Песня» — «перепев» песни Офелии из «Гамлета» Шекспира в переводе Н. А. Полевого («Моего вы знали ль друга?»).

Колыбельная песня (с. 650). Впервые — *И* 1862, № 32, с. 425—426, подпись: Гейне из Тамбова. Печ. по сб. 1863 г., с. 77—78. Стихотворение обращено в Н. Ф. Павлову; редактируемое им издание — субсидировавшаяся правительством газета «Наше время»; строка «Видишь, может наше время» имеет поэтому двойной смысл. Стихотворение написано под влиянием «Колыбельной песни» Некрасова.

Стрекоза и муравей (с. 652). Впервые — «Гудок», 1862, № 35, с. 278, с подзаголовком «Басня», подпись: Гейне из Тамбова; с исправл. — в сб. 1863 г., с. 74—76. Печ. по сб. 1902 г., с. 195—197. Акведукная компания — Общество с.-петербургских водопроводов; см. о нем с. 903 («Два века»). «Стрекоза и муравей» — «перепев» одноименной басни Крылова.

Двое похорон (с. 654). Впервые — *И* 1862, № 39, с. 516—517.

Взгляд на природу (с. 656). В сентябре 1862 г. стихотворение предназначалось для *И*, но было запрещено цензурой и появилось без указания автора в «Сборнике статей, не дозволенных цензурою в 1862 году», т. 2, СПб., 1862, с. 172—173; IV и V строфы здесь в обратном порядке; корректура, по которой стихотворение напечатано в «Сборнике», за подписью «Гейне из Тамбова» — в собр. корректур С.-Петерб. ценз. комитета, № 54, л. 1. Однако вскоре после запрещения стихотворение было все же напечатано в *И* (1862, № 40, с. 536) — под заглавием «Мой взгляд на природу», без подзаголовка, II и V строф, подпись: Гейне из Тамбова; затем, с исправл., снова без подзаголовка и II строфы — в сб. 1863 г., с. 67—68. Печ. по «Сборнику статей, не дозволенных цензурою» с исправл. по сб. 1863 г. Аналогичную игру на двух значениях слова «звезда» в развернутом виде находим в басне Козьмы Пруткова «Звезда и брюхо» (написана в 1854 г., впервые напечатана в 1881 г.).

Утешение (с. 658). Впервые — «Гудок», 1862, № 42, с. 331—332, с подзаголовком «Романс», подпись: Гейне из Тамбова. Печ. по сб. 1902 г., с. 186—187. В «Утешении» высмеяны верноподданнические статьи В. Д. Скарятин в «С.-Петерб. ведомостях», 1862, №№ 178 и 192. Европа ошибается, заявляя он, полагая, будто прокламации вроде «Молодой России» и Герцен выражают взгляды русского народа. Революция в России, по его словам, невозможна, но, с другой стороны, неправы, мол, и те, кто считает, что наступила реакция. Скарятин с ложным пафосом писал о «великой пользе союза либеральной партии с властью... Нынче лучшая гарантия-свободы

и законности заключается не в бунтах и заговорах, а в том, что всякая власть ищет и не может не искать любви и уважения подвластных». Он подобострастно прославлял Александра II и с казенным оптимизмом рисовал блестящее состояние России, утверждая, в частности, что «крестьянский вопрос устраивается». *Только дайте до второго...* Празднование тысячелетия России в 1862 г. имело официальный характер, и демократический лагерь отнесся к нему иронически. В Новгороде был открыт памятник тысячелетию России, исполненный по проекту скульптора М. О. Микешина.

Мишура (с. 660). Впервые — *И* 1863, № 5, с. 69, подпись: Гейне из Тамбова. Печ. по сб. 1902 г., с. 243—244.

Китайский альбом (с. 662). Впервые — *И* 1863, № 5, с. 74—75, № 6, с. 91. Печ. по сб. 1863 г. с исправл. по *И*. В *И* «Китайскому альбому» предпослано письмо Гейне из Тамбова, в котором он сообщает, что получил якобы от своего приятеля молодого китайского поэта Чинь-Дзинь-Фу-Чаня несколько стихотворений и перевел их. Вслед за появлением в *ОЗ* (1862, № 12) цикла стихотворений А. Н. Майкова «Неаполитанский альбом» в *И* были напечатаны пародии на него: «Венецианский альбом» Минаева и «Парижский альбом» В. П. Буренина. «Китайский альбом» в меньшей степени преследовал чисто пародийные цели. Китай часто фигурировал в публицистике демократического лагеря и сатирической литературе как ширма, за которой можно было более свободно говорить о темных сторонах российской действительности. См. об этом, применительно к Белинскому, в статье Ю. Г. Оксмана «Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ» — «Ученые записки» Саратовского гос. университета, т. 31, 1952, с. 193—195. К приведенным в статье данным следует прибавить рецензию Белинского на роман Д. Н. Бегичева «Ольга» (*ОЗ* 1840, № 10); Белинский писал здесь о «китайском имени» Дзун-Кин-Дзын и «китайском духе», распространяющемся в России, о мандаринах и «мандаринском журнале» «Плошка Всемирного Просвещения, Вежливости и Учтивости», имея в виду под последним ультра-реакционный журнал «Маяк». См. также «Записки революционера» П. А. Кропоткина, т. 1, М., 1929, с. 157.

Экстренный случай (с. 667). Впервые — «Совр.», 1865, № 11—12, с. 255—256.

Доктрина (с. 669). Впервые — *Б* 1867, № 18, с. 156, подпись: Гейне из Тамбова. Печ. по сб. 1902 г., 267—269. Первые восемь строк — перевод двух строф стих. Г. Гейне «Doktrin», пользовавшегося большой популярностью в демократических кругах 60-х годов (см., например, эпиграф в статье Добролюбова «Когда же придет настоящий день?»). *Я, тезка великого Гейне*. Стихотворение было напечатано под обычным псевдонимом В. «Гейне из Тамбова».

<Монолог Отелло из 1-го действия трагедии Шекспира> (с. 671). Впервые, в составе всей трагедии Шекспира, — «Библиотека для чтения», 1864, № 4—5, с. 21—23; с исправл. — «Полное собрание драматических произведений Шекспира

в переводе русских писателей», т. 1. СПб., 1865, с. 83—84; с новыми исправл. — В. Шекспир. Отелло... Перевод П. И. Вейнберга. СПб., 1886, с. 19—21. Печ. по изданию: Шекспир, т. 3, изд. Брокгауз-Ефрона, СПб., 1903, с. 298.

Гавриил Жулев

У кухни (с. 679). Впервые — *И* 1860, № 7, с. 80, без заглавия, в цикле «Песни бедняка», подпись: Добронравный. Печ. по сб. 1863 г., с. 3—4, с исправл. по *И*.

Литературные старожеры (с. 680). Впервые — *И* 1860, № 21, с. 218—219, подпись: Скорбный поэт. Печ. по сб. 1863 г., с. 7—10. Стихотворение направлено против «Северной пчелы» и близких к ней писателей — «булгаринских времен хилых фигурантов», но имеет и более широкий смысл. Оно наносило удар всем врагам демократического и реалистического искусства, сочувственного и правдивого изображения народа в литературе. По свидетельству А. В. Амфитеатрова («Забытый смех», сб. 1, с. 296), стихи «Ах! пропахла мужиком Вся литература!» и «И труды их — боже! На Толкучем продают С хламом на рогоже» «стали на много лет ходячими цитатами в русской критике и публицистике, давно позабывших источник, откуда меткие слова эти столь кстати взялись». *Что теперь уже молчит Старая газета*. О «Северной пчеле», которая в конце 1859 г. перешла от Н. И. Греча к П. С. Усову; см. об этом I, 729 («Бедовому критику»). *Главная пчела* — Ф. В. Булгарин, умерший в сентябре 1859 г. *Куплетист он и актер*... Повидимому, речь идет о П. А. Каратыгине, резком противнике гоголевского направления русской литературы, авторе водевиля «Натуральная школа». *Был еще тут драматург*... Повидимому, Н. В. Кукольник. *И младенцы в эту ночь*... Ср. конец стих. В. А. Жуковского «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди»: «Лишь, внемля крик, всю ночь сквозь тяжкий сон Младенцы вздрагивали в страхе».

Сон (с. 683). Впервые — *И* 1860, № 24, с. 264, подпись: Скорбный поэт. В сборники Ж. не включено. Пародия на стих. П. А. Кускова «Мне снилась ты в лесу, дитя мое; тот лес» («Совр.», 1860, № 4), которое является вариацией на мотивы молодого Гейне. В этом смысле и нужно понимать слова Ж.: «Читали Гейне мы, но в лучшем переводе». Ни на чем не основано мнение А. В. Амфитеатрова, согласно которому в «Сне» «беранжеровец Жулев осмеял сам себя как неудачного гейневца» («Забытый смех», сб. 1, с. 285). Оно тем более вызывает недоумение, что «Сон» напечатан в *И* вместе с двумя другими пародиями Ж. на стихотворения Кускова под общим названием «Вариации на старые мотивы (Подражание г-ну Кускову)».

Карьера (с. 684). Впервые — *И* 1860, № 26, с. 282, без заглавия, в цикле «Песни Скорбного поэта», подпись: Скорбный поэт. Печ. по сб. 1863 г., с. 15. В *И* после XI строфы была еще одна, а стр. 3—4 XII строфы заменены точками

Незабудка (с. 687). Впервые — *И* 1860, № 30, с. 320, с посвящением В. С. К<урочки>пу, подпись: Скорбный поэт. Печ. по сб. 1863 г., с. 19. *Крестовский* — Крестовский остров в Петербурге.

Отставной майор и «ландышка» (с. 689). Впервые — *И* 1862, № 25, с. 347, подпись: Скорбный поэт. Печ. по сб. 1863 г., с. 59—61. *Жукова сквозь нос*. Трубочный табак фабрики Жукова; см. с. 983 («Василий Жуков»).

Товарищу (с. 691). Впервые — *И* 1862, № 34, с. 451, без заглавия, в цикле «Песни Скорбного поэта», подпись: Скорбный поэт. Печ. по сб. 1863 г., с. 76—77. *Мизерабли* (франц. misérables) — несчастные. В 1862 г. вышел и был переведен роман В. Гюго «Les misérables», из которого Ж. и перенес в русский язык это слово. *Тайлёр* (франц. tailleur) — портной. *Несем подальше к мосту* — т. е. вносим проценты по ссудам, полученным под залог вещей, в отделение петербургского ломбарда возле Банковского моста. *Сенная* — Сенная площадь, где был рынок. *Фельдшера Обуховской больницы*. В Обуховской больнице кончала свои дни преимущественно петербургская беднота.

Беззаботная (с. 693). Впервые — *И* 1862, № 34, с. 451—452, без заглавия, в том же цикле. Печ. по сб. 1863 г., с. 78—79. *Пчелка* — газета «Северная пчела».

Чижики (с. 694). Впервые — *И* 1863, № 2, с. 23, под заглавием «Горемыка», подпись: Скорбный поэт. Печ. по сб. 1871 г., с. 11—13. *Коломна* (Коломна) — район Петербурга; в те годы — место жительства бедноты, мелкого чиновничества и мещанства.

Петрушка (с. 696). Впервые — *И* 1864, № 15, с. 231, без *V* строфы, замененной строкою точек, с разделением на двустипшия, подпись: Скорбный поэт. Печ. по сб. 1871 г., с. 37—38. В первоначальной редакции вместо *V* строфы было 8 строк, опущенных в *И* по цензурным причинам и впоследствии сжатых в одно четверостишие. Они вписаны П. А. Ефремовым в принадлежавший ему экземпляр *И* за 1864 г. (в настоящее время принадлежит В. А. Десницкому):

«Молодец Петрушка!» Но все стихло вмиг:
Из-за ширм явился красный воротник, —
Подошел к Петрушке и басит ему:
«Что ты тут, каналья?.. Я тебя уйму!..»
Петька не робеет: взявши палку, хлоп!
Мудрое начальство в деревянный лоб.
Хохот одобренья; слышны голоса:
«Не сробел начальства!.. Эки чудеса!..»

Горячий человек (с. 698). Впервые — *И* 1864, № 19, с. 284, в цикле «Хорошие люди», подпись: Скорбный поэт. Печ. по сб. 1871 г., с. 34—36.

«Лира моя, лира» (с. 700). Впервые — *И* 1867, № 15, с. 186, подпись: Г. Ж. В сборники Ж. не включено. Это стихотво-

рение -- «Приступ» к «Рифмам Скорбного поэта»; вслед за ним напечатаны «Подобно всем угрюмым россам» и «С огнем губительным в крови». В стихотворении имеются отзвуки стих. Ю. В. Жадовской «Нива моя, нива, Нива золотая!»

Некто (с. 701). Впервые — И 1868, № 2, с. 24, подпись: Скорбный поэт.

Современные разговоры (с. 703). Впервые — И 1868, № 10, с. 117. *Голод, лихие болезни...* В 1867—1868 гг. в России был голод. *Лучше споем из «Орфея»!* «Орфей в аду» — оперетта Ж. Оффенбаха, шедшая в середине 60-х годов на сцене Александринского театра. *Пляшем всю ночь до отвала!* Для представителей господствующих классов дело общественной помощи голодающим превратилось в очередную моду; потянулась вереница концертов, балов и маскарадов, где они предавались веселью, находя оправдание в благотворительной цели.

Виктор Буренин

«Наше время» (с. 711). Впервые — И 1862, № 14, с. 209, подпись: В. Б.—н. В сборники Б. не включено. О реакционной газете «Наше время», вышедшей под редакцией Н. Ф. Павлова; газета субсидировалась правительством; на это намекают слова: «Купить ее очень легко». *Как старый танцмейстер, легка.* В юности, по окончании театрального училища, Павлов в течение двух лет был артистом московского театра; дебютировал в балете «Лилия Нарбонская». *Хотя тяжеленько в ней бремя.* Ср. начало стих. Пушкина «Телега жизни»: «Хоть тяжело подчас в ней бремя». «Пчелка» — «Северная пчела». *Чичерин в ней мудр, как змея.* В 1862 г. Чичерин активно сотрудничал в «Нашем времени» — см. следующее примечание. *Когда, по словам Мельгунова.* О какой статье Н. А. Мельгунова идет речь, установить не удалось. — «Наше время» — «перепев» стих. Лермонтова «К портрету» («Как мальчик кудрявый, резва»).

Дифирамб современной российской прессе (с. 713). Впервые — И 1862, № 24, с. 335—336, подпись: Владимир Монументов. В сборники Б. не включено. *Копытом бьет врагов своих.* См. I, 749 («Конский дифирамб»). *И друг раскольников Печерский...* Б. иронизирует над расхождением между деятельностью чиновника П. И. Мельникова и писателя Андрея Печерского. В своих произведениях, в частности в повести «Полярков», Мельников-Печерский рисовал в весьма неприглядных красках гонения на раскольников. Вместе с тем, будучи чиновником особых поручений при нижегородском губернаторе, он прославился беспощадными преследованиями раскольников, причем ходили слухи, что он был и на руку нечист. *Когда «свободному артисту»...* «Свободным артистом», который «вербует себе приверженцев во всех углах русского царства и; сам сидя в безопасности, за спиною лондонского полицмена, для своего развлечения высылает их на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью», Катков в мае 1862 г. назвал Герцена («Современная летопись» РВ, 1862, № 20, с. 13).

«Искра» немедленно реагировала на статью Каткова. Комментируя приведенные выше слова, она писала в заметке под ироническим заглавием «Бой наших петухов с поднебесной птицей»: «Действительно ли явился и есть такой свободный артист за морем, доподлинно сказать не умеем, потому что состоим сами по части наших домашних делишек, но иностранными делами не занимаемся. А надобно полагать, что взаправду есть. «Современная летопись» сильно вооружилась против него. Недавно против него же открыл поход и Николай Филиппович Павлов. И стóит, скажем мы, если артист занимается тем, что сманивает людей в казематы да в каторгу и нарочито для своей безопасности прячется за спину лондонского полицмена. Стóит за то, что не действуй так... Действуй как мы. Мы пишем открыто, благородно, не прячемся ни за чьи спины... А если и случаются между нами слабые... то они прячутся за родные спины. Конечно, непохвально, но все-таки любовь к отечеству видна...» (1862, № 22, с. 307). Язвительные слова о благородном образе действий и о том, что если уж прятаться, так за «родные спины», разоблачают рептильный характер печати, ополчившейся на Герцена по указанию правительства. *Что от одних перегородок...* О ряде статей Чичерина в «Нашем времени» 1862 г., в которых он отстаивал необходимость сохранения сословных преимуществ дворянства и его первого места в государстве. *Сей бич Надимова ужасный...* Речь идет о хлесткой статье Н. Ф. Павлова по поводу пьесы В. А. Соллогуба «Чиновник», главным героем которой является усвоивший либеральную фразеологию чиновник Надимов (РВ, 1856, июнь, кн. 1, июль, кн. 1). *Сраженный на закате дней.* Имеются в виду уничтожающие статьи Белинского о Фаддее Булгарине по поводу его «Воспоминаний». Одна из них была напечатана при жизни Белинского (ОЗ 1846, № 5); другая, запрещенная цензурой, впервые появилась в XII т. «Сочинений» Белинского (изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина), вышедшем в начале 1862 г. незадолго до «Дифирамба современной российской прессе».

Из цикла «Парижский альбом» (с. 715). Впервые — И 1863, № 4, с. 58—59, подпись: Владимир Монументов. В сборники Б. не включено. Из десяти стихотворений цикла печатаются четыре. «Парижский альбом» — пародия на цикл стихотворений А. Н. Майкова «Неаполитанский альбом» (ОЗ 1862, № 12). Подстрочное примечание к заглавию пародирует аналогичное примечание Майкова. *Победитель при Мадженте.* Близ Мадженты (в северной Италии) в июне 1859 г. произошло сражение между пришедшими на помощь итальянцам французскими войсками и австрийцами. При французских войсках находился Наполеон III, но руководил военными действиями и взял Мадженту не он, а генерал Мак-Магон. Автор «Цезаря». Наполеон III написал «Историю Юлия Цезаря», которая является апологией последнего и в то же время попыткой самооправдания. Он утверждал, что великие люди вроде Цезаря или Наполеона I приходят в мир, чтобы сразу двинуть человечество вперед, а потому все средства, употребляющиеся ими для достижения цели, оправданы. Читателю незаметно внушалось, что одним из таких посланников небес является и сам автор книги. «История Юлия Цезаря» вышла в 1865—1866 гг., но предисловие.

датированное мартом 1862 г., и отрывки из нее были напечатаны значительно раньше. *Вот Некрасов пишет мне...* Некрасов тяжело переживал разрыв с Тургеневым. 15 января 1861 года он писал ему: «Я в сию минуту хлопочу не о «Современнике» и не из желания достать для него твою повесть — это как ты хочешь, — я хочу некоторого света относительно самого себя и повторяю, что это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебе. Это тебя насмешит, но ты мне в последнее время несколько ночей снился во сне» (Полное собр. соч., т. 10. М., 1952, с. 442). Тургенев нетактично и грубо использовал это интимное письмо в борьбе с «Совр.» Он сослался на него, к тому же исказив его смысл, в «Письме к издателю» «Северной пчелы»: «Весною 1861 года тот же г. Некрасов писал мне в Париж письмо, в котором с чувством, жалуясь на мое охлаждение, возобновлял свои лестные предложения и между прочим доводил до моего сведения, что видит меня почти каждую ночь во сне. Я тогда же отвечал г. Некрасову положительным отказом, сообщив ему мое твердое решение не участвовать более в „Современнике“» («Сев. пчела», 1862, № 334). «Вестник» — «Русский вестник». После разрыва с «Совр.» Тургенев в течение нескольких лет активно сотрудничал в *РВ. Автор разных медитаций* Имеются в виду сборники стихотворений А. Ламартина «Méditations poétiques» и «Nouvelles méditations poétiques» («Поэтические размышления» и «Новые поэтические размышления»).

Драматические сцены по поводу выхода «Современника» (с. 719). Впервые — «Совр.», 1863, № 4, «Свисток», с. 82—84, подпись: Владимир Монументов. В сборники Б. не включено. В июне 1862 г. «Совр.» был приостановлен правительством на восемь месяцев. Во время вынужденного молчания журнала ходили слухи, что он изменит свое направление. Однако в феврале 1863 г. вышла двойная (за январь и февраль) книжка «Совр.», которая решительно опровергла их. Начиная серию статей «Наша общественная жизнь», М. Е. Салтыков-Щедрин дал полную характеристику «благонамеренного» человека. Действующими лицами сцены «В Москве» и являются два щедринских «благонамеренных». В магазине книгопродавца И. В. Базунова, где происходит действие, находилась московская контора «Совр.»; здесь производится подписка на журнал и выдавались очередные его книжки. *Ну, ему все ваши «даже»...* В «Отцах и детях» Тургенева, в главе, где описывается спор Базарова с Павлом Петровичем Кирсановым, есть такое место: «— Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным, — промолвил Базаров. — В теперешнее время полезнее всего отрицание, — мы отрицаем. — Всё? — Всё. — Как? не только искусство, поэзию, но и... страшно вымолвить... — Всё, — с невыразимым спокойствием повторил Базаров». В статье Щедрина приведенный отрывок пересказан следующим образом: «— Вы не верите ни во что... даже? — вопрошает Базарова один из старичков Кирсановых. — Даже, — отвечает Базаров, вовсе не заботясь о том, что... гость обязан говорить хозяевам лишь приятные и удобные вещи. Не верит в «даже», а верит в лягушку!» Это «даже» попало из статьи Щедрина в сатиру Б. *Поголовно обругал!* О «Кратком обзоре журналов за истекшие восемь месяцев», автором кото-

рого является М. А. Антонович. *Им хвалы слагает он!* О статью Щедрина. Слово «мальчишки», пущенное Катковым, обозначало в лексиконе реакционной журналистики то же, что «нигилисты», революционеры. — Сцена «В Петербурге» вызвана следующими фактами. В № 11 *ОЗ* за 1862 г. С. С. Громека в обзоре «Современная хроника России» выразил сожаление по поводу того, что «литературное направление, известное последнее время под общим названием нигилизма, устранено вовсе из печати». Но это заявление отнюдь не свидетельствовало о сочувственном отношении к «Совр.» и одновременно с ним приостановленному *РС*. Репрессивные меры, утверждал Громека, приведут к тому, что нигилизм будет загнан в подполье, и преследуемые мнения будут вознесены «на ступень мученичества». Между тем, сетовал он на цензуру, уже приближался момент, когда нигилизм был бы окончательно развенчан, и приостановление «Совр.» и *РС* только усилило его. Резкую отповедь получил публицист *ОЗ* в названном выше обзоре Антоновича. Он высмеял Громеку, отметив, что его «ходатайство» за «Совр.» появилось уже тогда, когда стало известно о возобновлении журнала, и раскрыв подлинный смысл этого «ходатайства». Тут же говорится об отсутствии у Громеки серьезно продуманных взглядов; Антонович сравнил его со «школьником, который накануне собрал кой-какие сведения о факте и завтра станет проповедовать об нем публике». Это место и вызывает ярость Громеки в сцене Буренина: «Что? невежда я и школьник» и т. д. С несколькими страницами того же обзора связана реплика М. М. Достоевского: «А меня на „почве“ милой Оскандалили!» «Почва». Идейная концепция славянофильского толка, развивавшаяся в журналах Достоевских «Время» и «Эпоха», носила название почвенничества. Федор — Ф. М. Достоевский. *Толщина-то, толщина!* Краевский, как журнальный предприниматель и коммерсант, в первую очередь поражен внешностью «Совр.», его необычайной толщиной (в № 1—2 «Совр.» за 1863 г. свыше тысячи страниц).

После первого чтения г. Юркевича по «философии» (с. 723). Впервые — «Совр.», 1863, № 4, «Свисток», с. 86, подпись: Михаил Антиспатов. В сборники Б. не включено. По поводу публичных лекций П. Д. Юркевича, направленных против материализма. Эпиграф — начало пословицы: «Гром грянул не из тучи, а из навозной кучи». В *запрещенном переводе*. «Сила и материя» Ф.-Л. Бюхнера была переведена и литографирована в 1860 г. московским революционным кружком П. Зайчневского и П. Агрипопуло. Бюхнер, как и упомянутые дальше в стихотворении Л. Фейербах, Я. Молешотт и Г.-Т. Бокль, пользовались большой популярностью в радикальных кругах 60-х годов.

Главы из «Благонамеренной поэмы» (с. 725). Впервые — *И* 1863, № 16, с. 227—229, № 17, с. 246—247, подпись: Владимир Монументов. В сборники Б. не включено. Б. напечатал лишь 1-ю песнь «Благонамеренной поэмы»; делал ли он попытки продолжать ее — неизвестно. *Это точно, была роковая пора...* Во второй половине 50-х годов не только либеральный в то время *РВ*, но и явные консерваторы, как М. П. Погодин, В. А. Соллогуб и др.,

стали разглагольствовать о необходимости гласности, искоренении уродливых явлений русской жизни и т. д. «Увлечение» это длилось недолго; все они были напуганы призраком крестьянской революции. Но и раньше такие их писания и речи или являлись пустой банкетной болтовней, или касались частных случаев. «Лет шесть тому назад, — писал Салтыков в 1863 г., — началось у нас какое-то движение, которое многие умы преисполнило гордынею великою, многие сердца заставило трепетать радостью необычайною... Как оказалось впоследствии, это было движение мелочей и подробностей, но кто же знает? быть может, именно этот-то мелочной характер обновления и составлял тайную причину нашей радости; по крайней мере, так можно догадываться из того, что к этому движению симпатически относились не только те, которые, подобно г. Громеке, предварительно разделив все движения на неподозрительные и подозрительные, отдаются первым со всею пламенностью, а последними не увлекаются, но и те, которые на всякого рода движения поглядывают вообще неблагоприятно. В нем именно то и удобно было, что оно ничего не подкапывало, а только украшало» («Наша общественная жизнь». — «Совр.», 1863, № 5, с. 223). Очень характерны для этих лет выступления откупщика В. А. Кокорева, который либеральными речами и раскаянием в своих прегрешениях отвлекал общественное внимание от далеко небезгрешных делишек. И в «Совр.» неоднократно высказывали скептическое отношение к «подвигам заушения». Ярким документом этого скептицизма является стих. Конрада Лилюеншвагера (Добролюбова) «Современный хор» («Совр.», 1859, № 1, «Свисток», с. 212), из которого взят эпиграф к «Благонамеренной поэме». *Арику больше всего Отпускалось Степану Громеке*. С. С. Громека напечатал несколько обличительных статей о полиции, что не помешало ему вскоре заняться обличением уже не полиции, а «духа отрицания» и «нигилизма». *Раздалась на железной дороге...* В 1860 г. вышневолоцкий помещик Козлянинов избил в вагоне поезда пассажирку-немку. *Катковым, лорд-мэрэм*. Насмешка над англоманством Каткова в пору его либерализма. И *скакал Розенгейм пионером*. Употребив в стих. «Прогресс» слово «пионер», Розенгейм сделал к нему примечание: «пионер — передовой человек» («Сын отечества», 1860, № 38, с. 411). *Князь Черкасский с березовой ветвию шел*. Имеется в виду статья В. А. Черкасского «Некоторые общие черты будущего сельского управления» («Сельское благоустройство», 1858, № 9), в которой он высказывался за временное сохранение телесных наказаний для крестьянства. *Заливался Скарятин, как мерин*. Эта насмешка связана со статьей Скарятина «О табунных и некоторых других свойствах русского человека» и стих. В. Курочкина «Конский дифирамб» — см. I, 236 и 749. *Плювьёз* (pluviose) — пятый месяц республиканского календаря, введенного во время французской революции XVIII века. Месяцы делились на декады. *Ежемесячные хронические предсказания г-на Громеки* — обозрения «Современная хроника России», которые С. С. Громека помещал в ОЗ Краевского. В частности, Б. иронизирует, повидимому, над «Хроникой» в № 10 за 1862 г. (с. 37—53). Сразу же после ее появления И писала, что Громека, приведя цитату из «Истории революции 1848 года» Гарнье-Пажеса, тем самым «приравнивает состояние нашего общества к состоянцию

описываемого Гарнье-Пажесом общества французского» (1862, № 42, с. 558). *Деревьѣ свободы* — один из символов французской революции XVIII века. Насаждение «деревьев свободы» обставлялось очень торжественно. Вокруг них в дни революционных праздников устраивались пляски и пелись революционные песни. *«Почты» редактор Иван Гончаров*. В 1862—1863 гг. И. А. Гончаров редактировал газету министерства внутренних дел «Северная почта». *«Предварение» вместе с «караием» слить...* В 1862 г. комиссия по пересмотру цензурного законодательства обсуждала вопрос о частичном переходе от предварительной цензуры к административно-карательным мерам воздействия на печать. Работа комиссии не дала никаких результатов. А в январе 1863 г. цензурное ведомство было полностью передано из министерства народного просвещения в министерство внутренних дел, что было вызвано якобы недостаточно решительной борьбой цензуры с антиправительственными тенденциями в печати. Строки от «Им благие реформы дают» до «В Петербурге келейно их правят» вызвали недовольство Центрального управления по цензурному ведомству. «Этих стихов, — писал в своем рапорте В. Игнатович, — по моему мнению, не следовало бы пропустить, так как в первом четверостишии очевидна насмешка над принципом, принятым в основание проекта нового цензурного устава, направленная к тому, чтоб заблаговременно уронить его в общественном мнении; в последнем же тристишии — саркастический намек на правительственные меры против анархических стремлений» (Дело Центр упр. по ценз. ведомству, 1863, № 81, л. 18). *Исправляет Юркевич публично*. О лекциях П. Д. Юркевича, направленных против материалистической философии. *Слышу песни ликующих праздно*. Ср. с «Рыцарем на час» Некрасова, напечатанным незадолго до «Благонамеренной поэмы» («Совр.», 1863, № 1):

От ликующих, праздно болтающих,
 Обагряющих руки в крови
 Уведи меня в стан погибающих
 За великое дело любви!

Призраки (с. 732). Впервые — И 1864, № 13, с. 201—205, подпись: Владимир Монуменов. В сборники Б. не включено. В экземпляре И за 1864 г., принадлежавшем П. А. Ефремову (собрание В. А. Десницкого), рукою его владельца сделано несколько исправлений и дополнений. Два из них, возможно, устраняют цензурные искажения: строки о жреце науки Памфиле читаются — «Моленье в капище усердно совершил Перед священнойшим кумиром Абсолюта»; строка, замененная точками, восполнена следующим образом — «Давыдов с братией и comte de Besborodko». «Призраки» — пародия на одноименный рассказ Тургенева, напечатанный в журнале Достоевских «Эпоха», 1864. № 1—2. Б. пародийно осмыслил эмоциональный тон и сюжет «Призраков». Центральное место в рассказе Тургенева занимают какие-то смутные, едва уловимые движения души, объединенные общим настроением подавленности, мыслями о неизбежности смерти. В пародии же все мотивируется эротическим моментом, «вакхическим ражем». *Науки жрец Памфил* — П. Д. Юркевич. *Иван-славянофил* — И. С. Аксаков; на

Спиридоновке помещалась редакция «Дня». Силофантов — Катков; на Страстном бульваре помещалась редакция РВ. Огадил *весь Париж ученый муж П<огоди>н*. Возможно, речь идет о старой книге М. П. Погодина «Год в чужих краях» (М., 1844). Почти вся 3-я часть этого «дорожного дневника» посвящена Парижу. Погодин рассказывает, между прочим, как он поднялся на колокольню Notre Dame de Paris. «Точка покоя над пропастью, где свирепствуют бури, гремят громы, бушуют вихри и суетятся люди!» — пишет он. Кончается этот отрывок словами: «О, горе тебе, Вавилон! — а жаль его» (ч. 3, с. 95—96). Там драматург Сарду... Этот отзыв о В. Сарду вызван его пьесой «Les gapaches» («Глупцы») (1862), которая была направлена против всех, кто находился в оппозиции к империи Наполеона III, и воспринималась как панегирик последней. Пьеса шла в петербургском Михайловском театре. Как вы оторвались от русской милой почвы! Насмешка над так называемым почвенничеством, которое проповедовалось в журналах Достоевских «Время» и «Эпоха». Сотруднику NN ты должен пятачок. Материальное положение «Эпохи», принявшей на себя денежные обязательства закрытого правительством во время польского восстания «Времени», было очень тяжелое, и гонорар выплачивался неаккуратно. В начале 1865 г. журнал прекратил свое существование. Не искушай меня без нужды — первая строка стих. Е. А. Баратынского «Разуверение», широко известного благодаря роману М. И. Глинки.

<Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского> (с. 739). Впервые — «Вестник литературы», 1920, № 6, с. 2, под заглавием «13 июня 1864 года (Памяти Н. Г. Чернышевского)», без разделения на четверостишия. Печ. с исправл. по автографу (ПД). Заглавие «13 июня 1864 года» вписано в автограф не рукою Б. Не воспроизводим и заглавие «Памяти Н. Г. Чернышевского» как позднейшее и явно не соответствующее стихотворению, возникшему под непосредственным впечатлением описанного в нем события. Б. сделал к стихотворению следующее примечание: «Эти строфы были написаны в день «публичного» объявления приговора Чернышевскому на Конной площади. При старом режиме они не могли появиться в печати». Б. присутствовал при обряде «гражданской казни» над Чернышевским накануне его отправки в Сибирь (это было не 13 июня, а 19 мая 1864 г. в Петербурге на Мытнинской площади) и довольно точно описал виденное. То, что Б. был в этот день на Мытнинской площади, засвидетельствовано в воспоминаниях П. Д. Боборыкина: «Подробности этой казни передавал нам в редакции «Библиотеки» не кто иной, как Буренин, тогдашний мой сотрудник. Он видел, как Чернышевский был взведен на эшафот, как над ним переломили шпагу в знак лишения прав и он несколько минут был привязан» («За полвека». М.—Л., 1929, с. 309). См. также письмо Б. к редактору «Вестника литературы» А. Е. Кауфману (ПД).

Сон публициста (с. 741). Впервые — И 1864, № 19, с. 279—280, в цикле «Невские баллады», подпись: В. Монументов. В сборники Б. не включено. «Публицист» — Катков. *Объявление казенным...* см. I, 754 («Лорд и маркиз»). *Прижимает Гнейста том.*

См. I, 745 («Плач Москвы...»). В своих книгах Гнейст идеализировал политический строй Англии; Катков увлекался ими в годы своего либерализма и англоманства. — «Пролог» — «перепев» стих. Лермонтова «Русалка плыла по реке голубой».

«Ночи звезды, звезды ночи» (с. 744). Впервые — И 1864, № 27, с. 365, подпись: В. МонуMENTов. Это — 7-я глава поэмы «Идеи (Поэтическая гирлянда)», пародирующая «чистую поэзию». В сборники Б. не включено.

В редакции «Дня» (с. 745). Впервые — И 1864, № 30, с. 401—402, подпись: В. МонуMENTов. «В редакции „Дня“» — 3-я глава поэмы «В Москве». В сборники Б. не включено. *От меня затемнит там «русляндия».* «Русляндией» И. С. Аксаков называл послепетровскую Россию и ту часть русского общества (в первую очередь передовую интеллигенцию), которая, по мнению славянофилов, оторвалась от народа. *Сикофантов* — Катков. *О газете его* — т. е. о «Московских ведомостях». *Хожалый* — см. I, 765.

Из поэмы «Прерванные главы» (с. 747). Впервые — И 1865, № 16, с. 226—227, подпись: В. МонуMENTов. Печ. по сб. «Стихотворения», СПб., 1878, с. 334—336. В сб. «Былое» (СПб., 1880; 2-е изд. СПб., 1897), а также в III томе «Сочинений» (СПб., 1912) 4-я, политически наиболее острая, глава поэмы не перепечатана.

Сонет (с. 750). Впервые — И 1870, № 46, с. 1467, в цикле «Современные мотивы», подпись: Выборгский пустынный. «Сонет» направлен против статьи А. С. Суворина «В гостях и дома (Заметки о Германии)», напечатанной в «Вестнике Европы», 1870, №№ 9—10. В то время как уже показавший свое подлинное лицо прусский милитаризм вызывал глубокую ненависть в демократическом лагере, Суворин безудержно идеализировал Германию как страну «порядка» и «постоянного прочного уклада жизни» (№ 9, с. 305—306). Францию как главному очагу революционных переворотов, отзывавшихся во всей Европе, в статье противопоставляется медленный, но якобы более прочный путь мирного развития Германии, планам социалистического переустройства — «довольство малым». Суворин с подобострастием заявлял, что Россия должна смириться перед Германией, которая «сильнее нас и просвещением, и патриотизмом, и честностью», не враждовать с нею, а «подражать ей» (№ 10, с. 318). *Профессора пасут их...* Насмешка над одним эпизодом, переданным в статье Суворина. Во время войны 1866 г. русский путешественник, находившийся недалеко от расположения прусской армии, встретил солдата, который мирно пас стадо быков. Солдат был в очках; наблюдая за стадом, он читал книгу. Путешественник еще более удивился, заметив, что книга на греческом языке. Оказалось, что пастух — доцент университета (№ 9, с. 316). *Retour-билеты введены повсюду.* В качестве примера благоустройства и заботы о населении Суворин привел, между прочим, «так называемые в Германии retour billets», то есть билеты от одной станции до другой и обратно» (№ 9, с. 302).

Романс (с. 751). Впервые — И 1870, № 46, с. 1467—1468, в том же цикле. Отклик на франко-прусскую войну. «Перепев» стих. Пушкина «Пред испанкой благородной».

Вильгельмстгэйские мелодии (с. 753). Впервые — И 1870, № 48, с. 1527—1530, из цикла «Современные мотивы», без подписи, стих. «Грусть» — без III строфы, замененной строкой точек. Печ. по сб. «Стихотворения», СПб., 1878, с. 166—169. Вильгельмстгэе — загородный дворец под Касселем; был отведен для жительства Наполеону III, взятому в плен под Седаном в сентябре 1870 г.; от имени Наполеона III и написаны «Вильгельмстгэйские мелодии». «Белые блузы» — полицейские агенты, переодетые в рабочую одежду. Я Эмилем-дураком. Внутренний кризис империи Наполеона III заставил его пойти на уступки. В частности, в январе 1870 г. было сформировано либеральное министерство во главе с Эмилем Оливье. Не раз подчеркивая вынужденный характер и незначительность этих уступок, И вместе с тем резко отзывалась и о самом Оливье как о перебежчике из республиканского лагеря и ренегате. Но, поверив, что Лебеф... Французский военный министр Лебеф на вопрос депутатов Законодательного корпуса, готова ли Франция к войне, ответил: «Мы готовы, архи-готовы!.. до последней пуговицы на гетрах». «Люлю» — сын Наполеона III принц Эжен-Луи; был известен под кличкой «принц Лулу». Пусть полюбуются там адвокаты... О французском правительстве, образованном после низложения Наполеона III и провозглашения республики. В него входило несколько адвокатов по профессии: Ж. Фавр, И. Кремье, Л. Гамбетта и др. Возглавлявшееся скрытым монархистом (сторонником Орлеанской династии) генералом Трошю, правительство видело в вооруженном народе (национальной гвардии) более опасного врага, чем в немцах, и, хотя заявило, что будет продолжать войну «до последней крайности», сразу же стало вести тайные переговоры о мире. Один лишь Гамбетта употребил много усилий для организации национальной обороны. Дайте армии Базена... См. с. 954 («Паровая гильотина»). Дайте регентшу... С началом франко-прусской войны жена Наполеона III императрица Евгения получила регентство; после провозглашения республики бежала в Англию. Кайенна — столица французской Гвианы, в Южной Америке, место ссылки политических преступников. Тюркос — алжирский стрелок во французских колониальных войсках. — Первые строки стих. «Грусть» — «перепев» монолога Жанны д'Арк из пьесы Шиллера «Орлеанская дева» в переводе Жуковского.

Песнь о Педефиле и Педемахе (с. 757). Впервые — ОЗ 1871, № 6, с. 407—410, из цикла «Гражданско-поэтическое отголоски», подпись: Выборгский пустынный. Педефил (детолюб) и Педемах (детоборец) — М.Н. Катков и П. М. Леонтьев. От полярных холодных льдов... Ср. со стих. Пушкина «Клеветникам России»: «От финских холодных скал до пламенной Колхиды. Ликейский храм воздвигнув в наши дни... В 1868 г. Катков и Леонтьев, бывшие фанатическими приверженцами классической системы образования, — см. о ней с. 940 («Кому на свете жить плохо»), — открыли в Москве классический лицей, который стал практическим проводником их идей.

Общественное мнение (с. 761). Впервые — *ОЗ* 1871, № 9, с. 261—262. Стихотворение написано непосредственно после окончания нечаевского дела и высмеивает реакционную печать, в первую очередь «Московские ведомости» Каткова, высказывавшую недовольство чересчур вежливым обращением председателя суда с подсудимыми, поведением защитников, слишком мягким приговором и т. д. Смысл стихотворения был ясен читателям, следившим за процессом; кроме того, в том же номере *ОЗ* была напечатана статья Салтыкова-Щедрина «Так называемое «нечаевское дело» и отношение к нему русской журналистики», в ней приводились отрывки из газет, служащие ключом для «Общественного мнения».

Собачий пир (с. 763). «*La sirée*». Впервые — «Подпольное слово» (Женева), 1866, № 2, август, с. 36—40, под заглавием «На добычу (Из Барбье)», без имени переводчика; с исправл., под заглавием «Собачий пир (Писано в августе 1830 г.)» — в «Вестнике Европы», 1868, № 11, с. 286—289; здесь Б., по настоянию редактора «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича, заменил слово «сука» — «самкой»; в сб. «Стихотворения» (СПб., 1878, с. 1—4) оно восстановлено, но по цензурным причинам вторая половина стр. «Дитя Бастилии, топча ногою троны» заменена точками Печ. по т. 2 «Сочинений», СПб., 1912, с. 5—10. Письмо Б. к Стасюлевичу по поводу перевода «Собачьего пира» от 12 октября 1868 г. напечатано в сб. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 2, СПб., 1912, с. 541—542. Появление «Собачьего пира» в «Вестнике Европы» вызвало крайнее недовольство Главного управления по делам печати. Если это стихотворение, читаем в его отношении в С.-Петербур. ценз. комитет, «могло печататься безнаказанно во Франции и в других государствах, в которых существующие правительства основаны на успехе недавних революций, то в России появление в печати такого страстного описания уличной революции более чем неуместно»; Стасюлевич был предупрежден «о возможности неблагоприятных последствий для его журнала в случае помещения в его издании статей, подобных... стихотворению Барбье» (Дело С.-Петербур. ценз. комитета, 1865, № 102, ч. 1, л. 11). Стихотворение Барбье является непосредственным откликом на июльскую революцию 1830 г., когда парижские рабочие, ремесленники, демократическая интеллигенция одержали победу над дворянской монархией, но, не сумев воспользоваться ее плодами, позволили крупной буржуазии захватить власть в свои руки. *Капрала в двадцать лет* — т. е. Наполеона Бонапарта.

Николай Ломан

На кладбище (с. 771). Впервые — *И* 1860, № 8, с. 94. Все пародии Л., появившиеся в *И*, включены в его фельетоны «Литературные вариации», напечатанные под псевдонимом: Н. Л. Гнут. «На кладбище» — пародия на одноименное стихотворение К. К. Случевского («Совр.», 1860, № 1). Первые значительные выступления Случевского в печати вызвали восторженные отзывы Ап. Григорьева и, напротив, были приняты в штыки Добролюбовым

и И. «И какие удивительные люди поэты, подобные г-ну Случевскому! — иронически пишет Л. — Сейчас видно, что у них в голове что-то не так, как у других людей. Если мы с вами, г-н редактор, вздумаем пойти на кладбище да улечься на могильную плиту, — что из этого будет? Бока заболят, комары искусают лицо — и только. Пошел г-н Случевский, прилег — и видит, как грибы растут, и слышит, как мертвые говорят. Удивительный слух и удивительное зрение! Мертвец очень деликатно просил г-на Случевского полежать за него час-другой в гробу, пока он совершит свою прогулку по белому свету. Но г-н Случевский не согласился — и умно сделал. Не писать бы ему больше элегий, а нам бы не читать их. Содержание элегии, рассказанное мною, довольно неправдоподобно, но в этом самом я и вижу торжество таланта г-на Случевского и совершенное понимание им законов искусства... Я с удовольствием еще сообщу вам, г-н редактор, несколько вариаций, если только журнал ваш радушно откроет им свои страницы и г-н Случевский и подобные ему писатели не перестанут путешествовать по кладбищам и рассказывать публике, что они там видели и слышали». *Содружество идей* — выражение Ап. Григорьева. *Вспомнил случай* я... Намек на непристойные стишки «На кладбище ветер свищет».

Перед Милютиными лавками (с. 772). Впервые — И 1860, № 8, с. 94. Пародия на стих. Тютчева «Пошли, господь, свою отраду». *Милютины лавки* — роскошные гастрономические магазины в Петербурге.

Коварство и любовь (с. 773). Впервые — И 1860, № 25, с. 271—272. Пародия на стих. Случевского «Мемфисский жрец» (ОЗ 1860, № 3). Заглавие взято из драмы Шиллера. Издеваясь над отзывом о Случевском Ап. Григорьева («Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности и о многих других вызывающих на размышление предметах». — «Сын отечества», 1860, № 6), пользуясь многими его выражениями, Л. пишет: «Если вы обратили внимание на форму этого произведения — на размер стиха, отдельные выражения, эпитеты, то, конечно, убедились, что тут нечто лермонтовское слилось с майковским, потом еще раз с майковским, потом с меевским да еще с фетовским, и образовало нечто такое особое, что вам не остается ничего другого, как только развести руками. Если вы рассматривали это стихотворение со стороны вымысла, необыкновенная сила поэтического творчества должна была поразить вас, так сказать, на первом шагу. Перечитайте какие хотите исследования об египетской мифологии и древностях, какие хотите истории Египта и потом скажите — нашли ли вы где-нибудь, чтоб египетским жрецам воздвигали храмы, курился фимиам и вообще воздавались божеские почести? Нет, уж и не беспокойтесь — все это плод могучей фантазии нашего поэта!» В пародии довольно точно воспроизведена сюжетная схема стихотворения Случевского, но вместо жреца, причисленного к лику богов, и первой жрицы в ней фигурируют квартальный и некая женщина, пришедшая к нему по делу о денежном взыскании. *Насчет билета сочинение*... Речь идет о так называемом желтом билете — паспорте, выдававшемся в дореволюционное время проституткам.

«Давно любовь в обонях нас остыла» (с. 776). Впервые — И 1860, № 36, с. 385—386. Пародия на стих. Случевского «Давным-давно тебя похоронил я» («Совр.», 1860, № 5). Вот его содержание. Поэт, обращаясь к женщине, которую он когда-то любил и которая уже умерла, говорит, что давным-давно на душу его «живительное время Спустило то тревожное забвенье, С которым мысль о прошлом горе легче». Но вдруг он узнает, что, умирая, она ему изменила: «Как будто Смерть, щеки твоей касаясь, Проклятый поцелуй на ней оледенила». Мысли поэта устремляются «в какое-то чудесное пространство, В пространство дальше без времени и места», и он отправляется на поиски возлюбленной. В пути он видит, как «На неподвижной и сквозной лазури Всплывали месяцы и снова потухали, Леса сосновые качали головами» и т. д. Наконец он находит ее в некой «храмине». Она лежит на пышном ложе, «тысячи лампад Горели и дымилась, а со сводов Смотрели чьи-то выцветшие лики, Горя окладами и яркой позолотой». Долго вглядывается поэт в ее лицо. Румянец на ее щеках так свеж, от нее веет «Такою светлою, спокойною весною — Что грешной мысли зла и преступленья Перед тобой родиться не могло». Но вдруг она поднимает веки, и вместо глаз поэт видит две глубокие, налитые кровью впадины: «И понял я, кто обольстил тебя И для кого ты другу изменила... И стал я звать таинственную Смерть, Как заклятого, кровного врага, На грозный бой...» Смерть не появилась, но своды храмины зашевелились, «лики заморгали», тревожно вспыхнули лампады, поэт почувствовал свое ничтожество и бессилие. «И мне казалось, будто подо мной Земля и небо быстро укатились; А на обломках мира восседал Какой-то грозный, неподвижный призрак В венце из звезд кровавых и комет, Осыпанный иссохшими костями И освещаемый порой зловеющим блеском Из бездны ночи — мрачной и пустой!» Все это высмеяно Ломаном как бред помешанного. Он использовал в пародии и ряд других стихотворений Случевского. Стр. «И наконец печатно повестил» и сл. — намек на стих. «Мои желанья» («Совр.», 1860, № 3); стр. «Вся даль была в святящихся руках» — намек на стих. «Снега», а стр. «По призракам Ночь важно восходила» и сл. — на стих. «Вечер на Лемане» («Совр.», 1860, № 2); стр. «И слышно стало, как росла былинка» и сл. — на стих. «Статуя» («Совр.», 1860, № 1).

Утешение (с. 780). Впервые — И 1860, № 39, с. 419. Пародия на стих. Тютчева «Успокоение» (РВ 1858, август, кн. 2; в собрании стихотворений оно напечатано с рядом изменений). Цитаты из него, местами, впрочем, значительно измененные, Л. выделил курсивом.

«Вот и жду не дождусь, чтобы глянула ночь» (с. 781). Впервые — И 1860, № 39, с. 419—420. Пародия на стих. В. В. Крестовского «А весна, как струна, занывает в груди» из цикла «Весенние ночи» (ОЗ 1860, № 4). «Чтоб придать своей вариации более выразительности, — пишет Л., — поживился стишком из другой пьески г. Крестовского. Поэт, восхищенный тишиною ночи, восклицает: „Вся ночь — один аккорд, один безмолвный хор!“» Речь идет о стих. «Но боже! как забыть» из того же цикла Крестовского. Курсивом выделены слова Крестовского. Упомянутая Л. А. Мея //

Н. М. Языкова, Л. имеет в виду их эротические стихотворения. До истома читать станем Фета. Стихотворение Крестовского кончается следующими строками:

И уж бог весть куда забредем без следа,
Нацелуемся с ней до рассвета,
И забудем вновь так истомно тогда
Над весенней страницей Фета.

«Ах, взгляните: закрывает тучкой боязливо» (с. 782). Впервые — *И* 1860, № 39, с. 420. Пародия на стих. Крестовского «О взгляни ты: голубые звезды робко блещут» из того же цикла. «Замечаете ли? — иронически писал Л. по поводу стихотворения Крестовского, — все в природе притихло, все робеет и дичится оттого, что нерешительна милая поэта; но открой она окошко, «отгони прочь детскую робость» — тогда совершится превращение и с самой природой. Мысль богатая! Варируя ее, я попробовал изобразить природу в оба момента: и до взгляда милой и после взгляда. Слова «боязливо», «тайком», «украдкой» и пр. не являются цитатами, но воспроизводят основной мотив стихотворения Крестовского; кончается оно той же строкой, что и пародия.

«Появилась головка в окне» (с. 783). Впервые — *И* 1860, № 39, с. 420. Пародия на стих. Крестовского «И в саду тишина» из того же цикла.

Résumé весенних стихотворений г. Крестовского (с. 784). Впервые — *И* 1860, № 39, с. 420. Пародия на весь цикл «Весенние ночи». Положено на музыку В. Т. Соколовым.

(Г. Пр. Преображенскому) (с. 785). Впервые — *И* 1860, № 39, с. 421. Это одновременно и ответ на «Послание к Н. Л. Гнуту» Пр. Преображенского (Н. Курочкина) (см. с. 579) и пародия на стихотворение Мея «Знаешь ли, Юленька, что мне недавно приснилось». Пародия связана со стих. Некрасова «Мне жаль, что нет теперь поэтов», также направленным против эпигонской поэзии. Последние строки этого стихотворения таковы:

Что нет Туманских и Трилунных,
Не пишет больше Бороздна,
И нам от лир их сладкострунных
Осталась память лишь одна...

Будто восстали из глена Ершовой, Трилунные. Здесь, очевидно, имеется в виду не столько «Конек-горбунок», сколько лирика и поэмы Ершова в духе эпигонского романтизма 30-х годов.

«Душе становится легко хоть на мгновенье» (с. 786). Впервые — *И* 1860, № 49, с. 563. Пародия на перевод П. Сониной «Из А. Шенье» («Душе становится легко хотя на миг»), напечатанный в «Сыне отечества», 1860, № 36.

Стихотворения в гейневском духе (с. 787). Впервые — *И* 1861, № 49, с. 733. Пародия на русских подражателей Гейне. «По-моему, требовать смысла от каждого стихотворения, —

издевательски пишет Л., — значит ограничивать свободу поэтического творчества. Этак, чего доброго, еще захотят, чтоб в стихотворных переводах воссоздавалась и самая идея подлинника и красоты его формы. Помилуйте! да при таких стеснительных условиях на первый же раз мы должны будем отказаться от удовольствия называть переводами и подражаниями три четверти стихотворений, которые до сей минуты считаем недурными переводами, хоть бы произведений Гейне, например. О подражаниях и говорить нечего: всем известно, как они пишутся! Попытается наш поэт перевести какую-нибудь из гейневских песен, — не сможет, бедняжка, совладать с причудливой ее формой: та черта плохо передается, другая в размер стиха не укладывается, для третьей рифмы не прибавить — вот он и рассказывает содержание подлинника своими словами, называя это «подражанием». Говорят, что при таком способе передачи чужого произведения удерживается дух подлинника. Надо думать, так! Во всяком случае, мне очень хотелось бы представить на ваш суд несколько таких подражаний; но боюсь, что это займет очень много места. . . Чтоб как-нибудь помочь горю, все стихотворения à la Гейне, написанные нашими поэтами, я разделю на три категории и в своих вариациях попробую воссоздать дух каждой из них». Ср. пародию Л. со стих. Ю. В. Жадовской «Ты скоро меня позабудешь», которое приобрело большую популярность благодаря написанным на его слова романсам М. И. Глинки и А. С. Даргомыжского.

«В самом деле, шли бы вы на взморье» (с. 788). Впервые — И 1861, № 49, с. 734. Пародия на стих. Крестовского «Я б ушел от вас на берег моря» («Светоч», 1860, № 2).

«Ох, время тяжкое настало!» (с. 789). Впервые — И 1861, № 49, с. 736. Автору приснился страшный сон. Поэты сговорились будто бы не печатать больше своих стихов, и искровцы лишились материала для пародий. «Ох, время тяжкое настало!» — жалобная песня, с которой они решили обратиться к замолкнувшим поэтам. Л. проснулся в грустном настроении. Но оказалось, что опасения были совершенно напрасны: в литературе не произошло никаких изменений, и пародистам не угрожает безработица. *Гений небывалый*. Насмешка над высокой оценкой поэзии Случевского Ап. Григорьевым. «Молчанье строгое хранит» — несколько измененная строка из стих. Случевского «Он не любил еще» («Совр.», 1860, № 3). *Не слышно страстных песен Кроля*. О Кроле см. с. 848. *Когда кометою мохнатой*. Намек на стих. Н. Н. Страхова «Комета» (РВ 1860, июль, кн. 1). *Крестовский наш ушел на взморье*. Имеется в виду стих. Крестовского «Я б ушел от вас на берег моря», которое высмеяно в предыдущей пародии Л.

Алексей Сниткин

Непонятый вопрос (с. 797). Впервые — И 1859, № 46, с. 468, в цикле «Антологические стихотворения», подпись: Амос Шишкин.

Подражание XIV идиллии Биона (с. 797). Впервые — И 1859, № 46, с. 468, в том же цикле. А. В. Амфитеатров при-

нял стихотворение за действительное подражание Биону и даже поправил его автора: это, мол, не 14-я, а 15-я идиллия («Забывтый смех», сб. 2, с. 191). Между тем «Подражание XIV идиллии Биона» С. — явная пародия на «Подражание XVI идиллии Биона» Фета («Прекрасная звезда Венеры светлоокой»); вместо «нимфы молодой, красы между красот» в пародии фигурирует жена лесничего.

Наше время (с. 798). Впервые — *И* 1861, №2, с. 23, в том же цикле. *Хоть Аполлон порою несет такую дичь...* Об Ап. Григореве.

Поездка в Парголово, Зловещие приметы, Ночная мысль (с. 798—799). Впервые — *И* 1861, № 2, с. 23, в том же цикле.

Воспоминание (с. 800). Впервые — *И* 1859, № 50, с. 524, в цикле «Элегии», подпись: Амос Шишкин. Пародия на стих. Фета «Когда мои мечты за гранью прошлых дней» (в сб. Фета «Стихотворения», СПб., 1856 — в отделе «Элегии»). В 1862 г. в №№ 6, 7 и 9 «Гудка» были напечатаны «Посмертные стихотворения Амоса Шишкина». Среди них оказались «Воспоминание», «В Павловске» (№ 9, с. 69—70), «Я мрачно сидел за бутылкой», «И ветер и дождик шумели» (№ 7, с. 51), напечатанные в *И* при жизни поэта, а также «Зловещие приметы» (№ 9, с. 70), появившиеся там в 1861 г. Во всех перечисленных стихотворениях имеются разночтения; повидимому, Минаев напечатал в «Гудке» более ранние тексты по полученной им из цензуры рукописи сборника стихотворений С. (см. с. 795).

В Павловске (с. 800). Впервые — *И* 1859, № 50, с. 524, в том же цикле. Пародия на стих. Фета «Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой» (в «Стихотворениях» 1856 г. — в отделе «Элегии»).

«Я все еще ее, безумный, не забыл!» (с. 801). Впервые — *И* 1859, № 50, с. 524, в том же цикле. Другая редакция этого стихотворения была напечатана в газете «Киевский телеграф», 1860, № 40 (2 июня), с датой: С.-Петербург, 20 дек. 1859 г. Пародия на стих. Ю. В. Жадовской «Я все еще его, безумная, люблю», пользовавшееся большой популярностью благодаря романсу А. С. Даргомыжского.

«Я мрачно сидел за бутылкой» (с. 802). Впервые — *И* 1859, № 50, с. 524, в цикле «Мелодии», подпись: Амос Шишкин. Пародия на стих. Фета «Я долго стоял неподвижно» — из отдела «Мелодии».

«И ветер и дождик шумели» (с. 802). Впервые — *И* 1859, № 50, с. 524, в том же цикле. Пародия на стих. Фета «Шумела полночная вьюга» — из отдела «Мелодии».

«Темная, майская ночь» (с. 803). Впервые — «Гудок», 1862, № 6, с. 45, подпись: Амос Шишкин. Это стихотворение, опубликованное после смерти С., присоединено нами к циклу «Мелодии»: оно является пародией на стих. Фета (из отдела «Мелодии») «Тихая, звездная ночь, Трепетно светит луна».

Подражание Гейне («Расскажи, моя малютка») (с. 804). Впервые — *И* 1859, № 47, с. 483, подпись: Амос Шишкин.

Подражание Гейне («Свеча предо мной догорает») (с. 806). Впервые — «Развлечение», 1860, № 4, с. 52, подпись: Амос Шишкин.

Солнечный свет (с. 808). Впервые — *И* 1859, № 47, с. 483, подпись: Амос Шишкин. Пародия на стих. Я. П. Полонского «Лунный свет».

Для многих (с. 809). Впервые — *И* 1862, № 18, с. 262. Пародия на одно из программных стихотворений Полонского «Для немногих» (*РС* 1860, № 1); каждая строфа этого стихотворения кончается словами: «для немногих я поэт».

Угнетенная невинность или новая Одиссея (с. 811). Впервые — «Карикатурный листок. Приложение к журналу «Светоч», 1860, вып. 1, с. 15—16, подпись: Амос Шишкин. Стихотворение вызвано арестом П. И. Якушкина в Пскове — см. об этом 1, 753 («Гласность 1859 года...»). Уже в 80-х годах Д. Д. Минаев опубликовал в своих воспоминаниях о Якушкине другую редакцию стихотворения С., в которой названо имя Якушкина, указано место действия и пр. (П. И. Якушкин. Сочинения. СПб., 1884, с. XLII—XLIII); в стихотворении, озаглавленном «Новейшая Одиссея», очень мало строк, полностью совпадающих с текстом, напечатанным в 1860 г., при жизни С. Из Журнала заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 21 января 1860 г. известно, что «Угнетенная невинность» была пропущена в том виде, в каком была представлена, не подвергшись цензурным искажениям. Сопоставление двух редакций дает основание думать, что «Новейшая Одиссея» — не первоначальная редакция стихотворения С., исправленная самим автором для печати из цензурных соображений, а скорее позднейшая переделка Минаева. Вместе с тем вполне вероятно, что в отдельных строках Минаев устранил следы автоцензуры. *Нет, брат, читал в «Библиотеке» я...* Речь идет о статье Н. Краснова «Секта мормонов» — «Библиотека для чтения», 1859, № 9.

Лиодор Пальмин

«Пускай идет и гений и наука» (с. 818). Впервые — *И* 1865, № 6, с. 92, подпись: Л. П. В сборники П. не включено.

Обыкновенные песни (с. 819). Впервые — *И* 1865, № 7, с. 110. Из трех стихотворений цикла печатаются два. Второе в сборники П. не включено.

Эхо (с. 821). Впервые — *И* 1865, № 9, с. 132, подпись: Л. П. В сборники П. не включено.

Requiem (с. 822). Впервые — *И* 1865, № 11, с. 159. Печ. по сб. 1878 г., с. 517—518. В *И* по цензурным причинам стр. 2:

«Погибших со знаменем в руках». Стихотворение стало впоследствии революционной песней. В 70-х годах его читала на концертах тогда еще молодая артистка М. Н. Ермолова, вызывая восторженный отклик у учащейся молодежи и демократической интеллигенции. См. об этом в книге С. Н. Дурылина «М. Н. Ермолова», М., 1953, с. 146—148. «Молодежь, — пишет А. В. Амфитеатров («Забывший смех», сб. 2, с. 410), — относил эти стихи к подсудимым тогдашних политических процессов (главным образом процессом 193-х)» — иначе говоря, видела в них призыв к продолжению борьбы с самодержавием. По свидетельству В. А. Гиляровского, «Requiem» «разрешили для чтения только во время турецкой войны, полагая, что шагать по мертвым телам и нести знамя вперед относится к победе над турками. А после войны опять запретили» («Люди театра». М.—Л., 1941, с. 216). Уже в XX веке «Requiem» неоднократно включался в сборники революционных стихотворений и песенники — см. «Не плачьте над трупами павших бойцов!», СПб., 1908 (?), с. 1—2; «Окрасился месяц багрянцем...», М., 1912, с. 60; «На Муромской дороге...», М., 1915, с. 62—63. В 1913 г. в № 7 большевистской «Правды труда» была напечатана передовая статья не вышедшего номера прекращенной правительством московской газеты «Наш путь». Эта статья заканчивается цитатой из «Requiem»: «Мы умираем без страха и с твердой верой в грядущую победу:

Не нужно ни песен, ни слез мертвецам!
Иной им воздайте почет...

Не нужно ни растерянности, ни сожалений. Сейчас же за другую работу! Перешагните через этот первый труп погибшей газеты:

Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!»

Положена на музыку Н. Н. Черепниным и М. Речкуновым.

Nocturno (с. 823). Впервые — *И* 1865, № 13, с. 183—184.

Свидание (с. 825). Впервые — *И* 1865, № 33, с. 449—450. В 1865 г., когда стихотворение было напечатано, окончилась гражданская война между северными и южными штатами США. Известно, с каким вниманием следили передовые русские люди за американскими событиями. Но борьба за освобождение негров от рабства всегда вызывала в их сознании и наиболее близкие им мысли о борьбе с российским крепостничеством и самодержавием. Недаром помещики часто именовались в демократической литературе и публицистике плантаторами. Снабжая стихотворение подзаголовком «Мотив из североамериканского поэта», П. тем самым указывал читателям, что речь идет в нем именно о гражданской войне. В сб. 1878 г. (с. 493—494) поэт снял подзаголовок — отчасти, повидимому, потому, что американские события 1861—1865 гг. отошли в прошлое, отчасти желая приспособить стихотворение к другому злободневному факту — окончанию русско-турецкой войны.

«Волшебные звуки таинственных струн» (с. 827). Впервые — *И* 1865, № 36, с. 487, в цикле «Думы и песни». В сборники П. не включено.

Из тюремных мотивов (с. 828). Впервые — *И* 1865, № 41, с. 546—547.

Тетушка полночь (с. 830). Впервые — *И* 1866, № 7, с. 98.

Гуманный проект (с. 832). Впервые — *И* 1866, № 19, с. 246—247. В сборники П. не включено.

Гражданская скорбь (с. 834). Впервые — *И* 1866, № 49, с. 651. В сборники П. не включено.

Вечное бытие (с. 835). Впервые — *И* 1867, № 37, с. 452, где не разделено на четверостишия. Печ. по сб. 1878 г., с. 504—506.

Стихотворения разных поэтов

АЛЕКСАНДР ВОЛГИН

Волшебная страна (с. 841). Впервые — *И* 1867, № 2, с. 25, с эпиграфом из «Миньоны» Гете: «*Dahin, dahin!*», подпись: А. Волгин. Печ. по сб. «Смешные песни», СПб., 1868, с. 30—32, с исправл. по *И*.

Деятель (с. 842). Впервые — *И* 1868, № 34, с. 405—406, подпись: А. Волгин. *Лишних три страницы Дыма*... Роман Тургенева был напечатан в *РВ* в марте 1867 г. *Желудкова в Яссах встретил*... В. Иванов-Желудков — псевдоним В. И. Кельсиева, под которым он печатал статьи и корреспонденции в русских журналах и газетах. В ноябре 1866 г. Кельсиев приехал в Яссы, а в мае 1867 г. в Скулянах добровольно отдался в руки русским властям. *И Крестовскому заметил*... Писатель Вс. Крестовский в 1868 г. поступил юнкером в уланский полк. *Свет Шандора* — см. с. 944 («Беседа с музою»).

Городовой (с. 844). Впервые — *И* 1870, № 2, с. 63—66, подпись: А. Волгин. Печ. по корректуре, сохранившейся в деле С.-Петерб. ценз. комитета, 1864, № 51, л. 87, подпись: Чижик. Стихотворение первоначально предназначалось для *Б*, но было запрещено цензурой. В *И* напечатано после смерти поэта с некоторыми изменениями и смягчениями. *Я без цензуры выдам в свет*. Согласно закону о печати 1865 г., книги объемом не менее 10 печатных листов были освобождены от предварительной цензуры.

Кулак (с. 845). Впервые — сб. «Поэты „Искры“», Л., 1933, с. 559—560. Стихотворение было отпечатано в № 46 *И* за 1870 г. и послужило причиной задержки номера. 14 ноября С.-Петерб. ценз. комитет сообщил обер-полицмейстеру о наложении на журнал ареста, а на следующий день — о снятии ареста «вследствие за-

явленного редакцией желанья сделать в этом номере изменения». Из отношения цензурного комитета в типографию Краевского, где тогда печаталась *И*, ясно, что речь шла о перепечатке столбцов 1443—1444, на которых и был помещен «Кулак». В Деле С.-Петерб. ценз. комитета, 1869, № 56 сохранился экземпляр № 46 *И* за 1870 г. в его первоначальном виде, до произведенной над ним операции (см. л. 18—23 указанного Дела).

НИКОЛАЙ КРОЛЬ

Брамин (с. 848). Впервые — *И* 1865, № 8, с. 124.

Желание (с. 848). Впервые — *И* 1866, № 33, с. 434—435.

Слепец (с. 850). Впервые — *И* 1866, № 50, с. 657.

Три градуса (с. 851). Впервые — *И* 1866, № 50, с. 657.

Эпистола светской дамы к степной подруге (с. 853). Впервые — *И* 1867, № 3, с. 42.

АНАНИЙ ЛАКИДА

Вахлак (с. 856). Впервые — *И* 1862, № 25, с. 345—346.

Ночь на хуторе (с. 858). Впервые — *И* 1862, № 27, с. 367.

Три картины (с. 859). Впервые — *И* 1862, № 42, с. 566—567.

ПАВЕЛ МЕДВЕДЕВ

Мечты и действительность (с. 863). Впервые — *И* 1863, № 23, с. 319—321, № 28, с. 384, с прозаическим введением, без подписи. Из 12 стихотворений печатаются три. Об авторстве П. А. Медведева см. некролог, помещенный в «Книжном вестнике» (1866, № I, с. 25), который в это время редактировал Н. Курочкин. Стихотворения направлены против крепостнических статей Фета «Из деревни» — см. с. 906 («Лирические песни с гражданским отливом»). Являясь сатирами на статьи Фета, «Мечты и действительность» пародируют в то же время его стихотворения («мечты»). «Я пришел к тебе в смущеньи» — пародия на «Я пришел к тебе с приветом». В третьем стихотворении пародийно использован ряд стихотворений Фета: «Вдали огонек за рекою» и др.

ИВАН ИЖАЙСКИЙ

Приглашение (с. 867). Впервые — *И* 1861, № 24, с. 360, подпись: Дядя Пахом. В сб. 1885 г. не включено. Для большинства стихотворений М. характерна провинциальная тематика. В «Приглашении» он также рассказывает о родном Новгороде. «Макар Гасильник» — ректор Новгородской духовной семинарии архимандрит Макарий; «Филимон» — новгородский военный и гражданский губер-

натор В. И. Филиппович. — «Приглашение» — «перепев» агитационной песни К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Ах, где те острова». Эпиграф — из «Миньоны» Гете.

Умеренный человек (с. 869). Впервые — *И* 1862, № 4, с. 57, подпись (только в оглавлении): Дядя Пахом. Печ. по сб. 1885 г., с. 30—31. Эпиграф — из оды Горация.

Русская песня (с. 870). Впервые — *И* 1862, № 5, с. 76, подпись: Дядя Пахом. В сб. 1885 г. не включено.

Провинциальный прогрессист (с. 871). Впервые — *И* 1862, № 18, с. 265, подпись: Дядя Пахом. В сб. 1885 г. не включено.

Плотнику Науму (с. 871). Впервые — *И* 1866, № 15, с. 191, подпись: Дядя Пахом. Печ. по сб. 1885 г., с. 21—22. В сб. «Поэты „Искры“» 1950 г. по ошибке напечатано среди стихотворений Л. И. Пальмина. *Синюшка* — синенькая, пятирублевая ассигнация.

ВЛАДИМИР СТАРОДУБСКИЙ

Избави боги! (с. 873). Впервые — *И* 1861, № 39, с. 553. Перепечатано в «Календаре «Искры» на 1866 год» со смягчением одной строки: вместо «Но чтоб на деле с хамом знаться» — «Но чтоб на деле с ним якшаться». В «Собрании стихотворений» (Казань, 1862, с. 75—77) напечатан неисправный текст. Печ. по *И*.

Покоящийся прогрессист (с. 875). Впервые — *И* 1861, № 46, с. 671.

НИКОЛАЙ СТРАННОЛЮБСКИЙ

Армянский переулоч (с. 877). Впервые — *И* 1866, № 12, с. 163, подпись: Н. С.

ВЛАДИМИР ТИХАНОВИЧ

«Я в село въезжаю» (с. 879). Впервые — «Век», 1862, № 13—14, с. 154. В донесении чиновника особых поручений министерства внутренних дел Ю. М. Богушевича о журнале «Век» стихотворение правильно охарактеризовано как «ирония над волей, данной крестьянам» (Дело Особенной канцелярии министерства народного просвещения, 1862, № 94, л. 36 об.).

«Вы не пойте веселых мне песен» (с. 879). Впервые — *И* 1863, № 48, с. 718.

В деревне (с. 880). Впервые — *И* 1863, № 48, с. 718—720.

ПЕТР ШУМАХЕР

Василий Жуков (с. 882). Впервые — *И* 1861, № 26, с. 376—377, подпись: П. Ш.; с исправл. — в «Календаре «Искры» на

1866 год», СПб., 1865, с. 52—53; с новыми исправл. и с датой: 1861 — в сб. 1873 г., с. 12—13; в сб. 1879 г. (с. 9) в одном месте Ш. вернулся к журнальному тексту. Печ. по изд. 1902 г., с. 119. Автограф этого и других стихотворений Ш. — в рукописи подготовленного им сборника, изданного уже после его смерти, в 1902 г. (ЦГЛА). Трубочные табачки фабрики Жукова пользовались большой популярностью у курильщиков 20—50-х годов, но в пореформенной Руси трубка выходит из обихода и делается принадлежностью только людей «старого закала». *Как дым отечества, был сладок и приятен* и др. В рефрене стихотворения перефразированы слова из «Горя от ума»: «И дым отечества нам сладок и приятен», в свою очередь восходящие к стих. Державина «Арфа». *Пал севера колосс* — о поражении России в Крымской войне. *Незабвенному* — см. I, 37.

Кто она? (с. 883). Весной 1862 г. стихотворение предназначалось для И, но было запрещено цензурой и появилось без указания имени автора в «Сборнике статей, не дозволенных цензурою в 1862 году», т. 2, СПб., 1862, с. 188; корректура за подписью: П. Ш. — в собр. корректур С.-Петербур. ценз. комитета, № 50. В сб. 1873 г. (с. 7) и изд. 1902 г. (с. 144; здесь под заглавием «Кто она така?») стихотворение напечатано с датой: 1862, но без подзаголовка, вследствие чего затушевывал его политический смысл. Автограф — в ЦГЛА. Печ. по «Сборнику статей, не дозволенных цензурою». М. К. Лемке связывает стихотворение с разговорами о замене предварительной цензуры карательными мерами воздействия на печать («Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов». СПб., 1904, с. 201), а между тем оно является недвусмысленным откликом на крестьянскую реформу: оно направлено против сусального стихотворения Майкова «Картинка. (После манифеста 19-го февраля 1861 г.)», в котором говорится о том, с какой радостью и удовлетворением приняли якобы мужички реформу.

Песнь каторжного (с. 883). Впервые — И 1862, № 14, с. 207, подпись: П. Ш.; с исправл. — в сб. 1873 г., с. 21—22; в сб. 1879 г. (с. 18) — с новым исправл., не вошедшим в изд. 1902 г. Автограф — в ЦГЛА. Печ. по И; во второй редакции, в связи с новыми историческими условиями, Ш. затушевывал антикрепостническую направленность стихотворения: стр. 16 вместо «С нашим баринном слюбилася» — «С цаловальником слюбилася».

К памятнику Крылова (с. 884). Впервые — И 1867, № 47, с. 584, подпись: П. Ш. В сб. 1873 г. (с. 16) и изд. 1902 г. (с. 146) напечатано с датой: 1866. Автограф — в ЦГЛА. Речь идет о памятнике И. А. Крылову работы П. К. Клодта в Летнем саду в Петербурге.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ПОЭТОВ

Палашка (с. 885). Впервые — И 1860, № 46, с. 507, подпись: А. А. И. Ф. Масанов («Русские сатирико-юмористические журналы», вып. 1, с. 147) предположительно приписывает стихотворение А. Н. Апухтину; по свидетельству П. А. Ефремова, более надежному (помета на принадлежавшем ему экземпляре И за 1860 г.; собрание

В. А. Десницкого), его автором является А. Н. Аммосов. *Не Пелагея, а Палашка*. . . Ср. знаменитое письмо Белинского к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «. . . страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками».

Слава публицистов (с. 886). Впервые — *И* 1863, № 43, с. 616—617, без подписи. А. В. Амфитеатров приписывает это стихотворение В. П. Буренину («Забытый смех», сб. 2, с. 330). *Выпив сладко, скушав много*. . . Речь идет о московском английском клубе и верноподданнических заявлениях дворянства в связи с польским восстанием 1863 г. и попыткой европейских государств оказать давление на русское правительство.

«Ах, и мне сказала муза» (с. 888). Впервые — *И* 1864, № 1, с. 16, без подписи. Отклик на «Беседу с музою» Богданова (см. с. 521), напечатанную в *И* незадолго до этого. *А не то пиши заметки*. . . Имеются в виду стихотворные «Заметки» П. А. Вяземского; об одной из них см. I, 741 («Слово примирения»).

Разговор (с. 889). Впервые — *И* 1864, № 1, с. 16, подпись: Подслушал и записал Икс. *Генерал Зубатов* — герой циклов Щедрина «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе».

Богатое наследство (с. 890). Впервые — *И* 1864, № 6, с. 104, подпись: Икс.

СПИСОК СТИХОТВОРНЫХ СБОРНИКОВ ПОЭТОВ, ВКЛЮЧЕННЫХ ВО 2-ОЙ ТОМ

Д. Д. МИНАЕВ

Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта. Вып. 1, СПб., 1859 (дата цензурного разрешения — 26 ноября 1859 г.).

Сокращ.: *«Перепевы»*

Проказы черта на железной дороге. Юмористическая поэма в стихах Темного человека. Вып. 1. СПб., 1862 (ценз. разреш. — 30 октября 1862 г.).

Проказы черта на железной дороге. Юмористическая поэма в стихах Темного человека. Изд. 2-е, испр. и доп., СПб., 1863 (ценз. разреш. — 31 августа 1863 г.).

Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека). <Том 1>. СПб., 1863 (ценз. разреш. — 16 апреля 1863 г.).

«Думы и песни» 1863 г.

Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека). <Том 2>. СПб., 1864 (ценз. разреш. — 3 ноября 1864 г.).

«Думы и песни» 1864 г.

Евгений Онегин. Роман в стихах, сокращенный и исправленный по статьям новейших лжереалистов Темным человеком. СПб., 1866 (ценз. разреш. — 10 ноября 1865 г.).

Здравия желаю! Стихотворения отставного майора Михаила Бурабонова. СПб., 1867.

«Здравия желаю!»

В сумерках. Сатиры и песни. СПб., 1868 (вышла в декабре 1867 г.).

«В сумерках»

Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах. Изд. 2-е, доп., с прибавлением разных стихотворений. СПб., 1868 (ценз. разреш. — 17 февраля 1868 г.).

«Евгений Онегин нашего времени»

Песни и поэмы. СПб., 1870.

«Песни и поэмы»

На перепутьи. Новые стихотворения и «Либерал», комедия в пяти действиях. СПб., 1871.

«На перепутьи»

Разоренное гнездо (Спетая песня). Комедия в четырех действиях. Песни и сатиры. СПб., 1876.

«Разоренное гнездо»

Евгений Онегин нашего времени. Роман в стихах. 3-е, испр. изд. с прибавлением новой главы и эпилога. СПб., 1877 (на обложке: 1878. ценз. разреш. — 6 марта 1877 г.).

Песни и сатиры и комедия «Либерал» в пяти действиях. СПб., 1878. (Это сборник 1871 г. «На перепутьи» без всяких изменений, но с новой титульной страницей.)

Демон. Сатирическая поэма. Сказки «Где лучше?», «Кто в лес, кто по дрова», «Белый орел», «Кому на свете жить плохо», «Урок метафизикам». СПб., 1880 (вышла в августе 1879 г.).

«Демон»

Аргус. Юмористический альбом. СПб., 1880 (вышла в конце 1879 г.).

«Аргус»

Народные русские сказки для детей в иллюстрациях. 4 выпуска (вышли, повидимому, в 1880, но не позже начала 1881 г.).

Чем хата богата. Песни и рифмы. СПб., 1881 (вышла в августе 1880 г.).

«Чем хата богата»

Дедушкины вечера. Русские сказки для детей в стихах. СПб., (ценз. разреш. — 1 декабря 1880 г.).

«Дедушкины вечера»

Всем сестрам по серьгам. Юмористический сборник. Песни, сцены, эпиграммы и пр. СПб., 1881.

«Всем сестрам по серьгам»

Людоеды или люди шестидесятых годов. Роман. Стихотворения, очерки и сказки. 2-е изд. Юмористического альбома «Аргус». СПб., 1881. (Это не 2-е издание «Аргуса», а тот же сборник с новой титульной страницей.)

Новые новинки, песни да картинки. Стихотворения. СПб.-М., 1882 (ценз. разреш. — 3 сентября 1882 г.) (Для детей.)

Теплое гнездышко. Стихотворения. СПб.-М., 1882 (ценз. разреш. — 3 сентября 1882 г.). (Для детей.)

Не в бровь, а в глаз. Собрание эпиграмм. СПб.-М., 1883.

«Не в бровь, а в глаз»

Не в бровь, а в глаз. Собрание эпиграмм. 2-е изд. СПб.-М., 1898. (Это не 2-е изд., а изд. 1883 г. с новой титульной страницей.)

П. И. ВЕЙНБЕРГ

Стихотворения. Одесса, 1854 (ценз. разреш. — 24 сентября 1854 г.).

Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова. СПб., 1863 (ценз. разреш. — 11 февраля 1863 г.).

Сб. 1863 г.

Для детей (старшего возраста). Стихотворения. СПб., 1896 (ценз. разреш. — 13 ноября 1896 г.).

Стихотворения с добавлением юмористических стихотворений Гейне из Тамбова. СПб., 1902.

Сб. 1902 г.

Г. Н. ЖУЛЕВ

Песни Скорбного поэта. СПб., 1863 (ценз. разреш. — 19 октября 1862 г.).

Сб. 1863 г.

Ба! знакомые всё лица! ! Рифмы Дебютанта (Скорбного поэта). СПб., 1871.

Сб. 1871 г.

В. П. БУРЕНИН

Стихотворения, ч. 1. СПб., 1878.¹

Былое. Стихотворения. СПб., 1880. 2-е изд., СПб., 1897. (Это сборник 1878 г. без с. 334—336 — IV гл. поэмы «Прерванные главы», с новой титульной страницей.)

Стрелы. Стихотворения. СПб., 1880. 2-е изд., дополн. новыми стихотворениями. СПб., 1889.

Песни и шаржи. Новые стихотворения. СПб., 1886. 2-е изд., дополн. новыми стихотворениями. СПб., 1892.

Сочинения, т. 2 и 3, СПб., 1912; т. 4, П., 1916; т. 5, П., 1917 (ценз. разреш. — 12 мая 1916 г.).

Л. В. ПАЛЬМИН

Сны наяву. Собрание стихотворений. М., 1878.

Сб. 1878 г.

Собрание стихотворений. 2-е изд., дополн. многими новыми стихотворениями. М., 1881. (Эта книга представляет собою сборник «Сны наяву» с допечатанными несколькими печатными листами; новый текст — со с. 590.)

Собрание новых стихотворений. М., 1881 (ценз. разреш. — 6 марта 1881 г.).

Цветы и змеи. Сатира, юмор и фантазия. Сборник шаловливых стихов и напевов. СПб., 1883.

А. П. ИВОЛГИН

Смешные песни Александра Волгина (Чижик). СПб., 1868 (ценз. разреш. — 27 марта 1868 г.).

Н. В. КРОЛЬ

Эскизы. Стихотворения. СПб., 1857 (ценз. разреш. — 13 декабря 1856 г.).

¹ Включены только те сборники Буренина, в которых напечатаны стихотворения 60-х — начала 70-х годов.

А. Г. ЛАБИДА

Судьба лучшего человека. Продолжение романа «Евгений Онегин». Рассказ в стихах, приписываемый А. С. Пушкину. Сообщил А. Лякидэ. СПб., <1889>.

И. П. МОЖАЙСКИЙ

Дядя Пахом. Собрание стихотворений (прежних и новых). СПб., 1885 (ценз. разреш. — 11 сентября 1884 г.)

Сб. 1885 г.

В. СТАРОДУВСКИЙ

Собрание стихотворений. Казань, 1862 (ценз. разреш. — 14 октября 1861 г.).

П. В. ШУМАХЕР

Моим землякам. Сатирические шутки в стихах. Берлин, 1873.

Сб. 1873 г.

Шутки последних лет. М., 1879 (ценз. разреш. — 26 апреля 1878 г.).

Сб. 1879 г.

Моим землякам. Сатирические шутки в стихах. Кн. 2. Берлин, 1880.

Моим землякам. Сатирические шутки в стихах. Каруж (Женева), 1898.

Стихи и поэмы. М., 1902 (ценз. разреш. — 3 декабря 1901 г.).

Изд. 1902 г.

Стихотворения и сатиры. Вступит. статья, редакция и примечания Н. Ф. Бельчикова. 1937 («Библиотека поэта», большая серия).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ К I И II ТОМАМ¹

А бл е с и м о в Александр Онисимович (1742—1783) — писатель I, 256, 752.

А б у Э д м о н (1828—1885) — французский писатель, публицист и фельетонист; одно время был близок к Наполеону III; после 1870 г. — умеренный республиканец. I, 170.

А в д е е в Михаил Васильевич (1821—1876) — писатель, пользовавшийся популярностью в 50—60-х годах, автор романов «Тамарин», «Подводный камень» и др. I, 190, 286, 741, 756—757.

А в д е е в а Екатерина Алексеевна (1789—1865) — сестра К. А. и Н. А. Полевых, мать М. В. Авдеева, автор «Записок и замечаний о Сибири», «Записок о старом и новом русском быте», а также ряда книг по кулинарному искусству и домашнему хозяйству. I, 286, 756—757.

А в е р к и е в Дмитрий Васильевич (1836—1905) — драматург, беллетрист и критик консервативного лагеря. I, 305, 759, 763; II, 319, 343, 922, 933.

¹ В указатель включены имена и названия периодических изданий, встречающиеся в тексте стихотворений.

Прямым шрифтом напечатаны страницы текста, курсивом — страницы примечаний

В указателе приведены не только те страницы, на которых данное лицо названо, но и те, где содержатся намеки на него, цитируются или упоминаются его произведения, помещены эпиграммы, пародии на них и т. д.

Имена, встречающиеся только в примечаниях, в указателе не включены.

Справки относятся преимущественно к тому времени, о котором идет речь в тексте.

В указателе расшифрованы и псевдонимы, но страницы текста и примечаний (за исключением коллективных псевдонимов) приведены под настоящими именами.

- Авсеенко Василий Григорьевич** (1842—1913) — реакционный писатель и журналист. I, 373—374, 766, 785—786; II, 926.
- Аккерман Луиза** (1813—1890) — французская поэтесса. I, 661—665, 786.
- Аксаков Иван Сергеевич** (1823—1886) — поэт и публицист славянофильского лагеря, редактор-издатель газет «Парус» (1859), «День» (1861—1865), «Москва» (1867—1868), «Русь» (1880—1886); в 1859 г. был фактическим редактором журнала «Русская беседа». Псевдоним: Касьянов. I, 116, 198, 278, 292, 306, 728, 742, 757, 759; II, 107, 124, 126, 299—300, 361—362, 372, 734, 745, 905, 909, 935, 968, 970.
- Аксаков Константин Сергеевич** (1817—1860) — поэт, критик, публицист, филолог; один из вождей и теоретиков славянофильства. I, 732; II, 106.
- Аксаков Сергей Тимофеевич** (1791—1859) — писатель, автор книг «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», отец И. и К. Аксаковых. I, 203, 284, 743, 756.
- Александр II** (1818—1881). I, 91, 204, 325, 726, 730, 748, 762; II, 953, 960.
- Александров В.** — псевдоним В. А. Крылова.
- Алексеев Михаил Николаевич** (1842—) — художник. II, 402, 938.
- Амалия** (1818—1875) — греческая королева, жена Оттона I. II, 116, 904.
- Аммосов Александр Николаевич** (1823—1866) — поэт-юморист, автор книги о последних днях жизни Пушкина. II, 885—886, 984.
- Анакреон** (VI—V вв. до н. э.) — греческий лирический поэт, в стихах которого воспевались радости и наслаждения жизни, любовь, вино, веселье. I, 590.
- Антисфен** (V в. до н. э.) — греческий философ. I, 372.
- Анфантен Бартеlemi-Проспер** (1796—1864) — французский социалист-утопист, ученик и последователь Сен-Симона; проповедовал полное равноправие женщины. I, 528, 778, 779.
- Араго Жак** (1790—1855) — французский писатель и путешественник, автор «Путешествия вокруг света». I, 284.
- Аракчеев Алексей Андреевич** (1769—1834). II, 562.
- Аристов Василий Иванович** (1831—1903) — в 60-е годы служил в Главном штабе столоначальником; был близок к литературным и художественным кругам; впоследствии — деятельный член Славянского благотворительного общества. II, 260, 404, 917, 938.
- Аристотель** (384—322 до н. э.) — греческий философ. I, 290.
- Аристофан** (V—IV вв. до н. э.) — греческий драматург, автор политических комедий. II, 472—473, 941.
- Арсеньев Илья Александрович** (1820—1887) — реакционный журналист; был близок к III Отделению; сотрудник «Северной пчелы», затем редактор иностранного отдела органа министерства внутренних дел «Северная почта», юмористического журнала «Заноза» (в 1864—1865 гг.), газеты «Петербургский листок» (в 1865—1866 гг.), «Петербургской газеты» (в 1867—1871 гг.) I, 153, 234, 246, 249, 276, 734, 749; II, 315, 365, 406, 920, 938.

Арсеньев Константин Константинович (1837—1919) — юрист, либеральный публицист и критик, сотрудник, а затем и член редакции журнала «Вестник Европы». I, 381, 767—768.

Архимед (287—212 до н. э.) — греческий математик. II, 391.

Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813—1879) — реакционный писатель и публицист, редактор-издатель журнала «Домашняя беседа». I, 113—114, 167, 171—173, 198—201, 209, 217, 226, 351—352, 728, 737, 739, 742—744, 747, 755, 757, 764—765; II, 54—56, 124, 125, 363—364, 372, 385, 665, 895, 900, 903.

«**Атеней**» — журнал либерального направления; издавался в Москве в 1858—1859 г.г. под редакцией Е. Ф. Корша. I, 741; II, 421, 939.

Аттила (ум. 453) — предводитель гуннов; опустошил Восточную римскую империю, Галлию и др., держал в страхе всю Европу. I, 312, 366; II, 548.

Бабиков Константин Иванович (1841—1873) — беллетрист и переводчик 60-х годов, сотрудник «Времени», «Эпохи», «Отечественных записок» Краевского. I, 318—319, 760.

Бавий Марк (I в. до н. э.) — римский поэт; имя его стало символом бездарного поэта, исполненного всяческих претензий. I, 174, 189.

Базен Ашиль (1811—1888) — французский маршал. II, 605, 755, 954.

Базунов Иван Васильевич (1785—1866) — московский книгопродавец. II, 712, 719—720, 965.

Байборода — псевдоним М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева и Ф. М. Дмитриева в «Русском вестнике» 50-х годов. I, 276, 755.

Байрон Джордж-Гордон (1778—1824). II, 318, 339, 383, 396, 493—496, 637, 909, 920, 931, 938, 943, 958.

Балдуин I (1058—1118) — участник первого крестового похода, после смерти своего брата Готфрида Бульонского — король Иерусалима. I, 283.

Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844) — поэт. I, 128—131, 731; II, 738, 969.

Барбье Огюст (1805—1882) — французский поэт, выступивший после революции 1830 г., воспевавший борьбу народа и клеймивший предательство буржуазии. I, 318—319, 642—650, 720, 760, 784; II, 475—481, 763—766, 941, 972.

Барков Иван С. (1732—1768) — переводчик и поэт, автор порнографических стихотворений. I, 290; II, 330.

Баррьер Теодор (1823—1877) — французский драматург, преимущественно водевист. I, 170.

Бартнев Петр Иванович (1829—1912) — издатель исторических и литературных памятников и документов, с 1863 г. — редактор-издатель журнала «Русский архив». I, 284.

Барышев Ефрем Ефремович (ум. в 1881 г.) — поэт и переводчик. II, 339, 463, 931.

Батый (ум. 1255) — хан Золотой орды. II, 845.

Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — поэт начала XIX в. I, 118—119, 730.

Бах Александр (1813—1884) — австрийский реакционный госу-

дарственный деятель, в 50-е годы — министр внутренних дел. II, 501—502, 944.

Башуцкий Александр Павлович (1801—1876) — писатель, издатель и журналист 30—40-х годов, издал сборники «Панорама С.-Петербурга» и «Наши, списанные с натуры русскими». В 60-е годы — мракобес, сотрудник «Домашней беседы» Аскоченского. I, 147—149, 200, 248, 733, 751.

Безбородко — см. Кушелев-Безбородко.

Безобразов Владимир Павлович (1828—1889) — буржуазный экономист и публицист, член Совета министра финансов, с 1885 г. — сенатор. II, 232—233, 915.

Безобразов Николай Александрович (1816—1867) — публицист крепостнического лагеря, автор ряда брошюр по крестьянскому вопросу, в которых критиковал правительство справа; предводитель дворянства Петербургского уезда, камергер. I, 201, 221, 743, 747, 761.

Безрылов Никита — псевдоним А. Ф. Писемского, под которым напечатаны его фельетоны в «Библиотеке для чтения».

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848). I, 194, 254, 728, 752, 756, 762; II, 581—582, 714, 922, 934, 936, 937, 951, 952, 960, 964, 984.

Беллини Винченцо (1802—1835) — итальянский композитор. II, 99, 901.

Бенардаки Дмитрий Егорович (ок. 1802—1870) — откупщик, купец, заводчик; фигурировал в «Искре» под именем «Тарма-ламаки». I, 123; II, 187, 913.

Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873) — поэт 30—40-х годов, один из главных представителей реакционного крыла русского романтизма; стихи его отличались внешним блеском, риторикой, изысканными образами и сравнениями. В 50-е годы отдал дань либеральному обличительству. I, 255, 730; II, 52, 67—68, 152—154, 184, 582, 894, 895, 897, 910, 912.

Беранже Пьер-Жан (1780—1857). I, 78—79, 84, 375, 391—596, 719—722, 724, 725, 743, 748, 755, 769, 770—782, 785, 786; II, 163, 606, 908, 911, 955.

Берг Николай Васильевич (1823—1884) — поэт и переводчик. I, 258—259.

Берг Федор Николаевич (1840—1909) — поэт, беллетрист и переводчик; в начале 60-х годов сотрудник «Современника», Берг скоро переметнулся в реакционный лагерь; впоследствии — редактор «Русского вестника» и активный деятель монархических организаций. II, 137, 158, 318, 908, 910, 922.

«Берег» — реакционная газета; издавалась в Петербурге в 1880 г. под редакцией П. П. Цитовича. II, 463.

Бернс Роберт (1759—1796) — шотландский поэт. I, 716, 789.

Бестужев Александр Александрович (1797—1837) — декабрист; литературный критик, беллетрист и поэт, один из виднейших представителей русского романтизма; в 30-е годы его повести, печатавшиеся под псевдонимом «А. Марлинский», пользовались огромной популярностью. II, 59—60, 582, 867—868, 896, 982.

Бетховен Людвиг (1770—1827). II, 726.

«Библиотека для чтения» — журнал, основанный

О. И. Сенковским в 1834 г.; издавался в Петербурге; с 1856 г. — журнал либерального направления; в 1856—1860 гг. выходил под редакцией А. В. Дружинина, который стремился сделать из него цитатель «искусства для искусства», с конца 1860 г. — под редакцией А. Ф. Писемского, в 1863—1865 гг. — под редакцией П. Д. Боборыкина. I, 157, 225, 232, 233, 722—724, 734—736, 746, 748, 770—773, 775—777; II, 812, 903, 910, 921, 945, 960, 969, 978.

Бийо Адам (ум. 1662) — французский поэт. I, 597—598, 783.

Бион (II в. до н. э.) — греческий идиллический поэт. II, 797, 976—977.

Бисмарк Отто (1815—1898) — канцлер Северо-германского союза, а с 1871 г. — Германской империи, представитель интересов реакционного прусского юнкерства. I, 351, 764; II, 326, 549, 751—752, 755, 947, 954.

«Благонамеренный» — журнал, издававшийся А. Е. Измайловым в 1818—1826 гг. I, 284, 756.

Блан Луи (1811—1882) — французский историк, публицист и политический деятель, мелкобуржуазный социалист. II, 527.

Бланк Петр Борисович (1821—1886) — реакционный публицист, сотрудник газет «Весть», «Московские ведомости» и др. I, 201, 221, 236, 747; II, 90, 364, 900.

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — беллетрист, драматург и журналист либерально-буржуазного лагеря, в 1863—1865 гг. — редактор «Библиотеки для чтения». Псевдоним: Нескажусь. I, 225—226, 235, 748, 769; II, 157, 317, 318, 325—326, 531, 910, 921, 922, 926, 945, 969.

Богданов Василий Иванович (1838—1886). II, 513—570, 888—889, 893, 894, 944—951, 984.

Богданович Ипполит Федорович (1743—1802) — поэт, автор поэмы «Душенька». I, 364—366, 765.

Бодлер Шарль (1821—1867) — французский поэт. II, 491—492, 942—943.

Бок Карл-Эрнест (1809—1874) — немецкий патологоанатом, автор ряда учебников и популярных книг по медицине. I, 330, 763.

Бокль Генри-Томас (1821—1862) — английский историк и социолог-позитивист, по своим политическим взглядам — либерал, автор «Истории цивилизации в Англии». I, 319, 760; II, 158—160, 723, 910, 966.

Бомбастус — см. Парацельс.

Борель — владелец ресторана в Петербурге. II, 202, 355.

Боско Бартоломео (1793—1863) — итальянский фокусник; фокусником был и его сын. II, 276.

Брамбеус, Барон Брамбеус — псевдонимы О. И. Сенковского.

Брэнн (IV в. до н. э.) — предводитель сенонов, галльского племени в Верхней Италии. I, 714, 788—789.

Брут Марк-Юний (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, глава заговора против Юлия Цезаря и участник его убийства; в литературе имя Брута часто употреблялось как символ непреклонного республиканца и борца против тиранов. I, 314.

Брюллов Карл Павлович (1799—1852) — художник романтического направления, автор «Последнего дня Помпеи». II, 178.

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — реакционный продажный журналист и беллетрист, агент III Отделения, редактор газеты «Северная пчела». I, 190, 194, 215, 225, 235, 328, 337, 727, 762; II, 55, 60, 104, 179, 305, 315, 320, 358—359, 448, 680—681, 714, 878, 895, 922, 934, 935, 961, 964.

Булгарис Дмитрий (1803—1878) — греческий политический деятель; много раз был министром и главой кабинета. II, 115, 904
Бульон — см. Готфрид Бульонский.

Бурбонов Михаил — псевдоним Д. Д. Минаева и сатирический образ его поэзии.

Бурдин Федор Алексеевич (1827—1887) — артист Александринского театра, приятель А. Н. Островского. II, 378.

Буренин Виктор Петрович (1841—1926). II, 346, 372, 705—766, 893, 929, 933—934, 963—972, 984.

Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — исследователь русского языка, народной поэзии и древнерусского искусства, профессор Московского университета, академик. II, 88, 124, 125, 900, 905.

Бэкон Френсис (1561—1626) — английский философ-материалист, ученый и политический деятель. II, 378.

Бюхнер Фридрих-Людвиг (1824—1899) — немецкий физиолог и философ, представитель вульгарного материализма. I, 290, 755; II, 126, 371—373, 723, 906, 966.

Варламов Александр Егорович (1801—1848) — композитор, автор популярных романсов и песен. II, 590, 953.

Васильев Павел Васильевич (1832—1879) — артист Александринского театра, преимущественно комик, с особым успехом игравший в пьесах Островского. I, 172.

Вебер Карл-Мария (1786—1826) — немецкий композитор романтического направления. I, 274, 754.

Веймарн — член правления Общества с.-петербургских водопроводов. II, 112, 113.

Вейнберг Павел Исаевич (1846—1904) — рассказчик, пользовавшийся успехом у мещанской публики, с середины 70-х годов — артист Александринского театра; брат Петра Исаевича Вейнберга. II, 462.

Вейнберг Петр Исаевич (1831—1908). I, 127, 177, 730, 738—739, 754; II, 615—672, 893, 955—961.

Вейнберг Яков Игнатьевич (1826—1896) — метеоролог и лесовод. II, 421, 939.

Вейо Луи-Франсуа (1813—1883) — французский клерикальный журналист. I, 173.

«Век» — петербургский еженедельный журнал; в 1861 г. выходил под редакцией П. И. Вейнберга, при участии В. П. Безобразова, А. В. Дружинина и К. Д. Кавелина; в 1862 г. перешел в руки писательской артели, членами которой из искровцев были В. и Н. Курочкины, Н. А. Степанов, М. М. Стопановский, Г. З. Елисеев; последний редактировал журнал в 1862 г. I, 177, 260, 738, 748, 754, 778, 779, 784; II, 953, 956, 982.

Вельо — см. Вейо.

Вельтман Александр Фомич (1800—1870) — романист и археолог. I, 179, 739.

Вергейм Карл Карлович — петербургский архитектор. I, 178—179, 739.

Вергилий Публий Марон (70—19 до н. э.) — римский поэт, автор «Энеиды». II, 582.

Верди Джузеппе (1813—1901) — итальянский композитор. I, 116, 279, 729, 755—756; II, 95.

Верещагин Петр Петрович (1836—1886) — художник-пейзажист. II, 334, 929.

Вернадский Иван Васильевич (1821—1884) — буржуазный экономист, редактор-издатель журналов «Экономический указатель» (1857—1861), «Экономист» (1861—1865), «Биржевой указатель» (1877—1879). II, 269.

«**Вестник Европы**» — либеральный журнал; издавался в Петербурге с 1866 г. под редакцией М. М. Стасюлевича; существовал до 1918 г. II, 275, 342, 920, 926, 931, 932, 970, 972.

«**Весть**» — реакционная газета; издавалась в Петербурге в 1863—1870 гг. сначала под редакцией В. Д. Скарятина и Н. Н. Юматова, а затем (с 1867 г.) — одного Скарятина; орган крепостнических слоев крупного помещичьего дворянства. I, 309, 763; II, 158, 186, 422, 556, 561, 948—949, 954.

Видок Франсуа-Эжен (1775—1857) — французский сыщик. Имя его стало нарицательным; так, Пушкин назвал Булгарина «Видок-Фиглярин». II, 222.

Вильгельм I (1797—1888) — прусский король и (с 1871 г.) германский император. II, 755.

Виноградов Дмитрий Иванович (1720—1758) — изобретатель русского фарфора. I, 254, 752.

Виньи Альфред (1797—1863) — французский поэт, романист и драматург романтической школы. I, 629—631, 783.

Виргилий — см. Вергилий.

Виттенгейм Александр Оттович — в 60-е годы один из директоров Царскосельской железной дороги. I, 153.

Водовозов Василий Иванович (1825—1886) — переводчик и педагог, автор ряда статей и учебников по истории литературы, истории и др. II, 124, 125, 137, 908.

Воейков Александр Федорович (1778—1839) — журналист и поэт, автор сатиры «Дом сумасшедших». I, 241, 750.

Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ) (1694—1778). I, 157, 599—603, 720, 734, 735, 783; II, 305, 378.

Вольф — владелец кондитерской в Петербурге. II, 624, 701.

Вольфсон Вильгельм (1820—1865) — немецкий драматург и журналист, переводчик русских писателей на немецкий язык. II, 75, 317, 898, 921.

Воронин Степан Дмитриевич (род. ок. 1797) — владелец нескольких десятков домов в Петербурге; фигурировал в «Искре» под именем «Сорокин». I, 123, 153, 164.

Воскобойников Николай Николаевич (1838—1882) — публицист умеренно-либерального направления, сотрудник «Русского вестника», «С.-Петербургских ведомостей» и «Библиотеки для чтения»; в 1865 г. редактировал «Библиотеку для чтения» вместе с П. Д. Боборыкиным. I, 157, 169—170, 188, 734, 736, 739, 740.

«**Время**» — журнал, издававшийся в Петербурге в 1861—

1863 гг. под редакцией Ф. М. и М. М. Достоевских. I, 200, 240, 278, 283, 343, 736, 750, 755, 756; II, 365, 897, 899, 902, 934, 954, 966, 969.
«Всемирная иллюстрация» — еженедельный иллюстрированный журнал, издавался в Петербурге в 1869—1898 гг. II, 275, 918.

«Всемирный труд» — реакционный журнал; издавался в Петербурге под редакцией Э. А. Хана. I, 336—341, 343, 763.

Вышнеградский Николай Алексеевич (1821—1872) — педагог, редактор журнала «Русский педагогический вестник». I, 115, 728.

Вьюшин — владелец фруктового магазина в Петербурге. II, 772.

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт и критик, друг Пушкина; до 1825 г. находился в сфере политических и литературных идей декабристов; к 40-м годам резко поправел, перешел на реакционные позиции и стал непримиримым врагом передового литературно-общественного движения; в 1855—1858 гг. — товарищ министра народного просвещения; академик, член Государственного совета. I, 158—159, 174—175, 183, 189, 190, 192, 193, 215, 253—257, 260, 283, 329, 365, 735, 738—741, 745, 752, 753, 762, 765; II, 73—76, 117—118, 165, 320, 423, 580, 582—583, 888, 898, 904, 911, 922, 939, 951, 984.

Вяземский — крупный петербургский домовладелец. II, 328, 927.

Гавличек Карел (1821—1856) — чешский поэт-сатирик, критик и публицист, борющийся против австрийского абсолютизма. II, 500—507, 943—944.

Гавриил — иеромонах, смотритель училища при Троице-Сергиевой лавре. I, 383, 768.

Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893) — публицист, редактор либерально-народнического журнала «Неделя». II, 330, 927.

Галахов Алексей Дмитриевич (1807—1892) — историк русской литературы, автор ряда учебников и широко известной в свое время хрестоматии; в 40-е годы был близок к кругу Белинского и Герцена. I, 283, II, 156, 581, 939, 951.

Галеви Людовик (1834—1908) — французский драматург и романист, автор ряда оперетт и комедий, написанных вместе с А. Мельяком. I, 379, 767.

Гален Клавдий (131 — ок. 200) — римский врач и естествоиспытатель, до конца средних веков непрекаемый авторитет в области медицины. II, 586.

Галилей Галилео (1564—1642). II, 547—548.

Галюше Л. — фокусник. I, 289, 757.

Гамбетта Леон (1838—1882) — французский политический деятель, примыкавший к умеренному крылу республиканской партии. II, 325, 755, 971.

Ганка Вацлав (1791—1861) — чешский поэт и филолог, деятель чешского буржуазно-национального движения. I, 201, 743.

Гарibaldi Джузеппе (1807—1882). I, 257.

Гатцук Алексей Алексеевич (1831—1891) — археолог и пу-

- блицист, редактор-издатель «Газеты А. Гатцука» (1876—1890) и «Крестного календаря». II, 239, 916.
- Гаугер Эмилия Карловна (1836 —) — художница. II, 316, 921.
- Гаусман — см. Осман.
- Ге Иван Николаевич (1841—1893) — драматург и театральный критик. II, 343, 932.
- Ге Николай Николаевич (1831—1894) — художник, один из основателей Товарищества передвижных художественных выставок. II, 337, 930
- Гегель Георг-Фридрих-Вильгельм (1770—1831). II, 63.
- Гезиод (VIII—VII вв. до н. э.) — греческий поэт, автор поэм «Работы и дни» и «Теогония» (Происхождение богов). I, 589—590.
- Гейне Генрих (1797—1856). I, 742; II, 63—64, 125, 136—138, 164, 172—174, 467—474, 643, 669—670, 683, 787, 804—807, 897, 908, 911, 941, 958, 960, 961, 975—976, 978.
- Гейне из Тамбова — псевдоним П. И. Вейнберга.
- Гельмонт Иоганн-Баптист (1577—1644) — голландский врач и естествоиспытатель, у которого наряду с здравыми идеями и ценными научными открытиями было много мистико-теологических взглядов и представлений. II, 587.
- Гемпель Валериан Эдуардович — псковский полицмейстер. I, 260, 261, 753.
- Генкель Вильгельм (Василий Егорович) (1825—1910) — петербургский издатель и книготорговец, переводчик русских писателей на немецкий язык. I, 84, 725.
- Геннади Григорий Николаевич (1826—1880) — библиограф, редактор собрания сочинений Пушкина. II, 335, 901, 929.
- Генрих V — см. Шамбор.
- Геродот (V в. до н. э.) — греческий историк, прозванный «отцом истории». II, 734.
- Герольд Луи-Жозеф (1791—1833) — французский композитор. II, 75, 898.
- Герострат (IV в. до н. э.) — грек из Эфеса; желая прославиться, сжег в своем родном городе замечательное произведение античной архитектуры — храм Артемиды. Имя его стало нарицательным. II, 623.
- Геру Адольф (1810—1872) — французский либеральный публицист. I, 340.
- Герцен Александр Иванович (1812—1870). I, 145, 204, 724, 733, 751, 756, 762, 765; II, 713, 900, 934, 951, 956, 959, 963—964.
- Гете Иоганн-Вольфганг (1749—1832). I, 331—333, 661, 763, 788; II, 66, 378, 867, 980, 982.
- Гиероглифов Александр Степанович (1824—1900) — журналист. в 1860—1863 гг. — редактор еженедельного журнала «Русский мир». I, 225, 234—235, 747, 748, 763.
- Гиларов-Платонов Никита Петрович (1824—1887) — публицист консервативного лагеря, близкий к славянофилам, редактор-издатель московской газеты «Современные известия» (1868—1887). II, 448.
- Глинка Михаил Иванович (1804—1857). I, 195, 969, 976.
- Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт и публи-

цист; в молодости — декабрист, один из вождей Союза благоденствия, впоследствии мистик и реакционер. I, 183, 190, 740, 741; II, 60, 124, 125, 582, 896.

Гнейст Рудольф-Генрих (1816—1895) — немецкий государствовед, политический деятель и публицист умеренно-либерального направления; впоследствии примкнул к Бисмарку. I, 745; II, 742, 969—970.

Гнут Н. Л. — псевдоним Н. Л. Ломана.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852). I, 71, 172, 194, 206, 207, 284—286, 290, 307, 314, 723, 744, 757, 760; II, 58, 102, 126, 179, 326, 406, 960, 984.

Годунов Борис Федорович (1551—1605). II, 877.

Головнин Александр Васильевич (1821—1886) — министр народного просвещения в 1862—1866 гг. I, 204, 744.

Головнин Василий Михайлович (1776—1831) — мореплаватель, совершивший два кругосветных плавания, вице-адмирал. I, 249.

«Голос» — газета умеренно-либерального направления; издавалась в Петербурге в 1863—1884 гг. под редакцией А. А. Краевского; в 60-е годы одно время субсидировалась правительством. I, 241, 319, 350, 750, 760, 762, 764, 786; II, 141, 159, 167, 191, 275, 362, 424, 910—912, 919, 922, 931, 954.

Гомер. I, 171, 203, 257, 268, 350, 459, 590, 604, 605, 737, 743; II, 116, 750, 811.

Гончаров Иван Александрович (1812—1891). I, 120, 275, 779; II, 57—58, 308—309, 364, 458, 729—730, 895, 896, 934, 968.

Гоппе Герман Дмитриевич (1836—1885) — петербургский издатель. II, 239, 916.

Гораций Флакк Квинт (65 — 8 до н. э.) — римский поэт. II, 869, 951, 982.

Горбунов Иван Федорович (1831—1895) — артист Александринского театра, автор и исполнитель юмористических сцен из русского быта. II, 407, 914.

Гостомысл (IX в.) — новгородский посадник или князь, с именем которого связывается предание о призвании варяжских князей. II, 436.

Готфрид Бульонский (ок. 1060—1100) — герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей первого крестового похода. I, 283.

Граве — петербургский домовладелец. II, 365.

Граверт — немецкий художник. II, 316, 921.

«Гражданин» — реакционная газета-журнал; издавалась кн. В. П. Мещерским в Петербурге с 1872 г.; субсидировалась правительством; существовала до 1914 г. I, 370, 766; II, 249—250, 413, 927.

«Грамотей» — журнал «для народа»; издавался И. Н. Кушнеревым сначала в Петербурге, а затем в Москве в 1861—1876 гг. I, 279.

Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — историк, профессор Московского университета, пользовавшийся большой популярностью в передовых кругах русского общества. I, 195.

Греков Николай Порфирьевич (1810—1886) — поэт и переводчик. II, 164, 911.

Грессе Жан-Батист-Луи (1709—1777) — французский поэт и драматург. I, 604—625, 783.

Греч Николай Иванович (1787—1867) — реакционный журналист и беллетрист, соратник Булгарина, редактировал вместе с ним газету «Северная пчела». I, 225, 729, 738; II, 60, 75, 78, 105, 305, 315, 896, 961.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829). I, 166, 194, 207, 213, 216, 224—233, 318, 364, 727, 735, 744—747, 765; II, 81, 179, 222, 318, 322, 323, 366—375, 399, 430, 463, 882, 899, 915, 921, 922, 924, 935, 983.

Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864) — критик и поэт консервативного лагеря, член «молодой редакции» «Москвитянина», в 60-е годы — сотрудник журналов Достоевского «Время» и «Эпоха». I, 305, 759, 769; II, 771, 789, 798, 972, 973, 976, 977.

Григорьев Петр Иванович (1806—1871) — актер Александринского театра и водевиллист. I, 377; II, 322, 924.

Громека Степан Степанович (1823—1877) — либеральный публицист конца 50-х — начала 60-х годов, сначала сотрудник «Русского вестника» и «С.-Петербургских ведомостей», затем один из ближайших сотрудников «Отечественных записок» Краевского; до своей публицистической деятельности — жандармский офицер, с середины 60-х годов — седлецкий губернатор. I, 119, 128—131, 234, 235, 240, 283, 731, 740; II, 87, 88, 112, 113, 124, 125, 363, 721, 726, 729, 899, 903, 905, 967.

Грот Яков Карлович (1812—1893) — историк литературы и лингвист, академик. II, 428.

Гуд Томас (1799—1845) — английский поэт. II, 497—499, 943.

«Гудок» — еженедельный юмористический журнал; издавался в Петербурге в 1859 г. под редакцией Г. К. Блока. I, 191, 741.

«Гудок» — еженедельный сатирический журнал; издавался в Петербурге в 1862 г., первые три месяца — под редакцией Д. Д. Минаева. I, 200, 749; II, 870, 901, 903, 920, 921, 959, 977.

Гумбольдт Александр-Фридрих-Вильгельм (1769—1859) — немецкий ученый и путешественник. I, 253.

Гурко Иосиф Владимирович (1828—1901) — генерал, участник войны 1877—1878 гг., в 1879—1880 гг. — петербургский временный генерал-губернатор, в 1882—1883 гг. — одесский временный генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа, в 1883—1894 гг. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа. II, 377, 930.

Гус Ян (1369—1415) — вождь реформации в Чехии, вдохновитель чешского национально-освободительного движения первой половины XV в.; по приговору Констанцского церковного собора был сожжен как еретик. II, 835—836.

Гуттенберг Иоганн (ок. 1400—1468) — немецкий изобретатель, создатель европейского способа книгопечатания подвижными литерами. I, 645—647.

Гуффе Арман (1775—1845) — французский поэт-песенник и водевиллист. I, 344.

- Гюго Виктор (1802—1885). I, 656—660, 784—786; II, 326, 482—487, 599, 601, 750, 942, 953, 954, 962.
- Давид (1055—1015 до н. э.) — израильский царь. I, 675—676, II, 255.
- Данилов Кирша — предполагаемый составитель сборника русских исторических песен и былин, записанных в XVIII веке. II, 64.
- Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — поэт и организатор партизанских отрядов во время Отечественной войны 1812 г. II, 73—76, 898.
- Данте Алигьери (1265—1321). I, 370; II, 66, 475, 582, 734, 776.
- Дантес Жорж-Шарль (1812—1895) — убийца Пушкина. II, 319.
- Дарвин Чарльз-Роберт (1809—1882). II, 382, 423, 758.
- Даргомыжский Александр Сергеевич (1813—1869) — композитор; был близок к редакции «Искры»; шурин художника Н. А. Степанова, одного из ее редакторов. I, 322, 724, 725, 761, 771, 772; II, 463, 957, 976, 977.
- Дарий I Гистасп (550—486 до н. э.) — персидский царь. II, 339.
- Дедера — австрийский полицейский чиновник. II, 502, 505, 507, 944.
- «Дело и отдых» — детский журнал; издавался в Петербурге в 1864—1866 гг. под редакцией Е. Н. Ахматовой. II, 318.
- Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — поэт и журналист, один из ближайших друзей Пушкина. II, 179, 920.
- «День» — славянофильская газета; издавалась в Москве в 1861—1865 гг. под редакцией И. С. Аксакова. I, 190, 192, 194—195, 198, 200, 214, 215, 254, 742, 745, 747, 752, 759; II, 107, 157, 315, 711, 745, 900, 905, 935, 969, 970.
- Дервиз Павел Григорьевич (1826—1881) — концессионер, наживший миллионы на строительстве железных дорог. II, 379—380, 767.
- Державин Гавриил Романович (1743—1816). I, 210, 235, 244, 281, 374, 652, 704, 744, 749, 751, 756, 784, 788; II, 267, 562, 951, 983.
- Джакометти Паоло (1816—1882) — итальянский драматург. I, 169, 172, 736, 737.
- Джустини Джузеппе (1809—1850) — итальянский поэт-сатирик. II, 604—605, 612—613, 955.
- Диоген из Синопа (V—IV вв. до н. э.) — греческий философ-киник. I, 269, 452, 459, 540—542, 780.
- Дионисий II Младший (IV в. до н. э.) — тиран (правитель) Сиракуз. I, 563—564, 781.
- Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт сентиментального направления и баснописец, друг и последователь Н. М. Карамзина. I, 119, 729.
- Дмитриев Иван Иванович (1840—1867) — писатель и публицист, сотрудник «Искры» и «Будильника». II, 195, 913, 943.
- Добролюбов Николай Александрович (1836—1861). I, 166,

228, 248, 346, 736, 741, 748—750, 752; II, 462, 725, 904—905, 909, 914, 932, 960, 967, 972.

«Домашняя беседа» — реакционный журнал; издавался в Петербурге в 1858—1877 гг. под редакцией В. И. Аскоченского; в «Домашней беседе» преследовались малейшие проявления освободительных идей и вся светская культура — все значительные произведения искусства и достижения науки — во имя «православия, самодержавия и народности». I, 113—114, 147, 171—173, 180, 199, 200, 248, 351, 728, 737, 739, 743, 764, 765; II, 54—56, 714, 889, 895, 900.

Доминик — Доминик Риз-а-Порта, владелец ресторана и кондитерской в Петербурге. I, 132, 260; II, 186, 624, 738, 913.

Домонтович Иван Иванович (1815—1895) — с юных лет до 1866 г. служил в Синоде, с 1868 г. до смерти — гласный петербургской Городской думы. II, 273.

Доницетти Гаэтано (1797—1848) — итальянский композитор. II, 598.

Дорот — владелец ресторана в Петербурге. II, 703.

Достоевский Михаил Михайлович (1820—1864) — беллетрист, переводчик и журналист, брат Ф. М. Достоевского, издавал вместе с ним журналы «Время» и «Эпоха». II, 721—722, 735, 737, 966, 968, 969.

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881). I, 227, 304—306, 748, 755, 759, 760; II, 169—171, 287—291, 321, 329, 722, 732, 899, 912, 923—924, 927, 936, 966, 968, 969.

Дракон (VII в. до н. э.) — древнейший афинский законодатель; законы Дракона за их суровость вошли в поговорку. II, 587.

Дрейзе Иоганн-Николаус (1787—1867) — немецкий оружейный мастер, изобретатель игольчатых ружей. I, 658, 786.

Дроз Гюстав (1832—1895) — французский беллетрист. II, 397.

Дроздов Ефим — швейцар клуба артистов. II, 258, 402, 917.

Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — главный критик антидемократического лагеря 50—60-х годов, пропагандировавший теорию «искусства для искусства». в 1856—1860 гг. — редактор «Библиотеки для чтения». I, 736, 756; II, 124, 125, 905, 957.

Друммонд Томас (1797—1840) — английский инженер, которому приписывалось изобретение так называемого друммондова света, получающегося путем накаливания извести в пламени гремучего газа. II, 462.

Дубровский Петр Павлович (1813—1882) — славист, академик. I, 201, 743.

Духинский Францишек (1816—1893) — польский реакционный историк и публицист. I, 249, 751.

Дьяченко Виктор Антонович (1818—1876) — драматург 60—70-х годов. II, 124, 125, 905.

Дюканж Виктор (1783—1833) — французский драматург и романист. II, 78, 898.

Дюма Александр — отец (1803—1870). I, 170, 277, 329, 737, 755; II, 361.

Дюма Александр — сын (1824—1895) — французский драматург, автор пьесы «Дама с камелиями», переделанной из его же романа. I, 170, 186, 740.

Дюпон Пьер (1821—1870) — французский поэт-песенник, один из выдающихся представителей рабочей поэзии во Франции. II, 488—490, 942.

Дюссо — владелец ресторана в Петербурге. II, 632, 704.

Евгения (графиня Монтихо) (1826—1920) — французская императрица, жена Наполеона III. II, 453, 755, 940, 971.

Екатерина II (1729—1796). II, 561.

Елагин Владимир Николаевич (1831—1863) — беллетрист, сотрудник «Современника». I, 142—143, 732; II, 62, 897.

Елисеев Григорий Захарович (1821—1891) — публицист демократического лагеря, ближайший сотрудник и член редакции «Современника» и «Отечественных записок» Некрасова, сотрудник «Искры». I, 178, 728, 746—747, 754; II, 912.

Елисеев — владелец роскошного гастрономического и винного магазина в Петербурге. II, 382.

Ерунда — см. «Петербургский вестник».

Ершов Петр Павлович (1815—1869) — поэт 30-х годов, автор сказки «Конек-горбунок». II, 785, 975.

Ефремов Василий Павлович (ум. 1901) — в 60-е годы один из директоров Царскосельской железной дороги. I, 153.

Ефремов Петр Александрович (1830—1907) — историк литературы и библиограф, редактор собраний сочинений Пушкина, Лермонтова и др., сотрудник «Искры». I, 375, 722, 761, 766, 777, 781—783; II, 450, 900, 940, 962, 968, 983.

Ефремов — содержатель танцкласса в Петербурге. I, 275; II, 119, 522.

Жадовская Юлия Валерьяновна (1824—1883) — поэтесса. II, 801, 963, 976, 977.

Жанен Жюль (1804—1874) — французский буржуазный писатель, фельетонист, театральный и литературный критик. I, 169.

Жанлис Стефани-Фелисите (1746—1830) — французская писательница, автор сентиментальных и нравоучительных романов. I, 239.

Жданов Н. И. — инженер-технолог. I, 206, 744.

Желудков — В. Иванов-Желудков, псевдоним В. И. Кельсева.

«Женский вестник» — журнал, издававшийся в Петербурге в 1866—1868 гг.: официальный редактор — Н. И. Мессарош; фактическими редакторами были Н. А. Благовещенский и А. К. Шеллер-Михайлов. I, 329—330, 762, 763.

Жижиленко Александр Иванович (1823—1889) — врач и художник. II, 344, 933.

Жирарден Эмиль (1806—1881) — французский публицист; издавал многотиражные дешевые газеты, рассчитанные на обывательские вкусы — «Presse» и «Liberté»; часто менял свои взгляды, то критиковал, то поддерживал империю Наполеона III, пока наконец окончательно не примкнул к ней накануне франко-прусской войны. II, 549, 947.

Жихарев Степан Петрович (1788—1860) — в конце 50-х годов председатель Театрально-литературного комитета при дирекции императорских театров; автор известных «Записок». II, 633, 957.

Жоли. II, 383, 937.

Жорже (Жоржен) — петербургский модный портной 60-х годов. II, 701.

Жуков Василий Григорьевич (1796—1882) — петербургский купец и табачный фабрикант. II, 689, 882, 962, 982—983.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852). I, 157, 214, 219, 239, 735, 746, 750; II, 178, 424, 682, 961, 971.

Жулев Гавриил Николаевич (1836—1878). I, 744; II, 673—704, 893, 961—963.

Зайцев Варфоломей Александрович (1842—1882) — критик и публицист демократического лагеря, один из главных сотрудников журнала «Русское слово»; с 1869 г. — в эмиграции, в 1870 г. вступил в Интернационал, примкнув к бакунистам. II, 377, 936, 937.

Занд — см. Санд.

Заочный — псевдоним В. К. Ржевского.

Зарин Ефим Федорович (1829—1892) — критик, публицист и переводчик, сотрудник «Библиотеки для чтения» (в 1861—1862 гг. член редакции этого журнала) и «Отечественных записок» Краевского, непримиримый враг революционной мысли и литературы 60-х годов. I, 235, 276; II, 113, 903.

Знаменский Пр. — псевдоним В. С. Курочкина.

Зотов Владимир Рафаилович (1821—1896) — беллетрист, драматург и журналист, в 1858—1861 гг. редактор журнала «Иллюстрация». I, 158—160, 191, 221, 276, 735, 741.

Зотов Рафаил Михайлович (1795—1871) — исторический романист и драматург 30—40-х годов. II, 78, 898.

«Зритель общественной жизни, литературы и спорта» — еженедельный журнал; издавался в Москве в 1861—1863 гг. под редакцией С. П. Калюшина. I, 200, 743.

Зуев Никита Иванович (1823—1890) — автор учебных руководств и пособий по истории и географии, составитель географических и исторических атласов и карт. II, 434.

Иван IV Грозный (1530—1584). I, 283; II, 877.

Иванов Александр Андреевич (1806—1858) — художник, автор «Явления Христа народу». I, 195.

Иванов Андрей Максимович — беллетрист и поэт 50—60-х годов; печатался в «Отечественных записках» Краевского. Псевдоним: Куку. II, 79—80, 87, 898—899.

Иволгин Александр Николаевич (ум. 1869). II, 841—847, 980—981.

Игнатьев Павел Николаевич (1797—1879) — в 1854—1861 гг. петербургский военный губернатор, впоследствии (с 1872 г.) председатель комитета министров. II, 91—92, 900, 901.

Излер Иван Иванович (1811—1877) — владелец кафешантана «Минеральные воды» в Петербурге. I, 250, 737, 752; II, 82.

Измайлов Александр Ефимович (1779—1831) — баснописец и журналист, редактор-издатель журнала «Благонамеренный» (1818—1826). I, 284, 756.

Ильин — член правления Общества с.-петербургских водопроводов. II, 112, 113.

«Иллюстрация» — еженедельный журнал; издавался в Пе-

тербурге в 1858—1863 гг., в 1858—1861 гг. — под редакцией В. Р. Зотова; в 1861—1862 гг. в течение нескольких месяцев выходил под редакцией Н. С. Курочкина. I, 158—160, 221, 735, 740, 741, 747, 770, 776; II, 894.

Искандер — псевдоним А. И. Герцена.

Ицка — И. О. Утин (см.).

Кабат И. — в начале 60-х годов один из директоров Царско-сельской железной дороги, брат известного врача-окулиста. I, 153.

Кадинский Кирилл Михайлович — автор брошюр об упрощении русской грамматики и правописания. II, 103—104, 902.

Казалет Василий Клементьевич — владелец пивоваренного завода в Петербурге. II, 378.

Казеннообъявленский и Сикофантов — сатирические прозвища, данные «Искрой» М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву. Первое связано с борьбой за монопольное право печатать казенные объявления, которого они добились для «Московских ведомостей». Сикофант — доносчик, шпион, клеветник. II, 156, 734, 745, 886—888.

Кайданов Иван Кузьмич (1780—1843) — автор учебников по истории, написанных в монархическом духе и принятых в учебных заведениях первой половины XIX в.; несмотря на свою полную ненаучность, они выдержали десятки изданий. II, 59.

Калиновский Дмитрий Иванович — редактор-издатель журнала «Светоч» (1860—1862). II, 729, 902.

Кальдерон де ла Барка Педро (1600—1681) — испанский драматург. I, 269.

Камбек Лев Логинович — журналист, редактор-издатель еженедельника «Петербургский вестник» (1861—1862), интересная в бытовом отношении фигура — неустанный обличитель мелких нелепостей общественной жизни. I, 200, 202, 209, 219, 221, 260, 315, 743; II, 365, 644.

Камень Виногоров — псевдоним П. И. Вейнберга.

Канари (Канарис) Константин (1790—1877) — греческий политический деятель, активный участник борьбы против турецкого владычества в 20-х годах XIX в. До восстания 1821 г. — капитан торгового судна; в годы борьбы Греции за независимость прославился отважными нападениями на турецкий флот. В 1827 г. был избран депутатом в Национальное собрание, а впоследствии несколько раз занимал посты морского министра и главы правительства. I, 479—481.

Кант Иммануил (1724—1804). II, 367.

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708—1744) — поэт-сатирик, один из крупнейших русских просветителей первой половины XVIII в. I, 374.

Капустин Михаил Николаевич (1828—1899) — профессор международного права Московского университета. II, 725.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826). I, 140, 167, 668, 729, 732, 752, 788; II, 178, 333, 423, 425, 928, 939.

Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853) — артист Александринского театра, трагик. II, 60, 896.

Каратыгин Петр Андреевич (1805—1879) — артист Алексан-

дринского театра (комик) и водевиллист, враг «натуральной школы» и вообще реалистического искусства 40—60-х годов. II, 681, 901, 924, 961.

Карл Великий (ок. 742—814) — король франков, с 800 г. — римский император. II, 467.

Карл XV (1826—1872) — шведский король, I, 382, 768.

Карпович Владимир Юлианович — петербургский купец, владелец ссудной кассы. I, 342, 343, 764.

Карр Альфонс (1808—1890) — французский критик, писатель и журналист, редактор сатирического журнала «Les guêpes» («Осы»), пользовавшегося популярностью в России в 40-е годы. I, 328, 762.

Картуш (настоящая фамилия: Бургиньон) Луи-Доминик (1693—1721) — глава терроризировавшей Париж бандитской шайки; был казнен. Имя Картуша стало нарицательным для обозначения вора и бандита. I, 651.

Кассаньяк — Гранье де Кассаньяк Бернар-Адольф (1806—1880) и его сын Поль (1843—1904) — французские реакционные политические деятели и публицисты, крайне неразборчивые в выборе средств в полемике с оппозиционными органами. II, 753.

Касьянов — псевдоним И. С. Аксакова.

Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — в молодости член кружка Белинского и сотрудник «Отечественных записок»; с 1856 г. — редактор-издатель журнала «Русский вестник», который в первые годы своего существования был органом либерального направления; в начале 60-х годов Катков становится апологетом самодержавия и крупнейшим публицистом дворянской реакции; с этого времени вел ожесточенную борьбу с революционным движением и революционной мыслью; с 1863 г., кроме «Русского вестника», редактировал также газету «Московские ведомости», где преимущественно и сосредоточил свою публицистическую деятельность. I, 190—191, 212, 246, 262—273, 276, 283, 306, 315, 350—351, 378—380, 741, 745, 753—755, 759, 763, 764, 767; II, 124, 125, 156, 221—223, 322, 341, 359—360, 375, 423, 448, 463, 531, 601, 713, 719, 729, 734, 741—743, 745, 757—760, 762, 832, 877—878, 886—888, 901, 906, 910, 915, 930, 932, 954, 963—964, 967, 969, 970—972.

Катон Марк Порций Младший (95—46 до н. э.) — римский государственный деятель, республиканец, враг Юлия Цезаря, отличавшийся непримиримостью своих убеждений и мужеством. I, 119.

Кач — владелец петербургского универсального магазина, прославившийся своими рекламами. I, 324.

Кельсиев Василий Иванович (1835—1872) — с 1859 г. эмигрант, близкий сотрудник Герцена; через несколько лет разошелся с ним; в 1867 г. отдался в руки русским властям, написал свою «Исповедь», был прощен правительством и стал сотрудничать в умеренно-либеральной и консервативной прессе. II, 327, 843, 926, 980.

Кениг Карл Егорович — художник. II, 317.

Кернер Карл-Теодор (1791—1813) — немецкий поэт, участник войны с Наполеоном. II, 467, 941.

Кинглек Александр-Вильям (1809—1891) — английский либеральный политический деятель и военный историк, автор восьмитомного сочинения «Вторжение в Крым». Материалом Кинглека

- воспользовался Н. Г. Чернышевский, написавший «Рассказ о Крымской войне по Кинглеку». II, 158, 159, 910.
- Кирилл (827—869) и Мефодий (ум. 885) — славянские просветители, переводчики Библии и богослужебных книг на старославянский язык. II, 108, 902.
- Киркор Адам Карлович (1819—1886) — археолог и реакционный публицист, редактор газет «Виленский вестник» (в 1860—1864 гг.) и «Новое время» (в 1868—1871 гг.). I, 343.
- Клервиль Луи-Франсуа (1811—1879) — французский реакционный писатель, автор водевилей, обзоров на злобу дня и пр. I, 170.
- Клодт. II, 402, 938.
- Клодт Петр Кириллович (1805—1867) — скульптор. II, 884, 983.
- Клюшников Виктор Петрович (1841—1892) — реакционный беллетрист и журналист, автор антинигилистического романа «Марево», в 1870—1875 и 1887—1892 гг. — редактор журнала «Нива»; в 1883—1886 гг. заведовал редакцией «Русского вестника». II, 157, 327, 910, 926.
- Козлов Иван Иванович (1779—1840) — поэт и переводчик, ученик Жуковского. I, 127, 731.
- Козляинов Александр Павлович — вышневолоцкий помещик. II, 727, 967.
- Кокорев Василий Александрович (1817—1889) — откупщик, миллионер, начавший свою карьеру сидельцем в питейном доме; предприимчивый коммерсант, руководитель ряда промышленных и финансовых предприятий. II, 344, 726, 933, 967.
- Колиньон Шарль-Этьен (1802—1885) — французский инженер; в конце 50-х — начале 60-х годов — главный директор Главного общества российских железных дорог. I, 187; II, 648—649.
- Колумб Христофор (ок. 1446—1506). I, 528, 748, 779.
- Кольб Густав (1798—1865) — редактор «Аугсбургской всеобщей газеты». II, 471, 941.
- Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842). I, 194, 295, 758.
- Комиссаров Осип Иванович (1838—1892) — петербургский шапочный мастер, который, по версии, пущенной правительственными кругами, спас Александра II от выстрела Каракозова, за что получил потомственное дворянство. I, 325.
- Корейша Иван Яковлевич (1780—1861) — московский юрист. I, 198, 201, 276, 755; II, 223.
- Кори Густав Иванович — реакционный журналист 60-х годов, один из редакторов петербургской газеты «Русский листок» (1862—1863). II, 124, 126, 906.
- Корнель Пьер (1606—1684) — французский драматург, виднейший представитель французского классицизма. II, 378.
- Косица — псевдоним Н. Н. Страхова.
- Костомаров Всеволод Дмитриевич (1837—1865) — поэт-переводчик; сыграл предательскую роль в процессе Чернышевского, изготовив по предложению III Отделения подложные документы. II, 158, 910.
- Коттен Мари (1770—1807) — французская писательница, автор чувствительных любовных романов. I, 239.

Кохановская Н. — псевдоним писательницы Надежды Степановны Соханской (1825—1884), во многом близкой к славянофилам. II, 729—730, 745.

Кочетова Ольга Акимовна — художница. II, 340, 931.

Кочка Сохрана — псевдоним В. И. Аскоченского.

Кошева А. Д. — балерина. I, 172.

Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — журналист-предприниматель капиталистического типа, умеренный либерал, редактор-издатель журнала «Отечественные записки» (1839—1867) и газеты «Голос» (1863—1884), до «Голоса» — редактор газеты «С.-Петербургские ведомости» (1852—1862, при официальном редакторе А. Н. Очкине). I, 191, 200, 228, 238, 240, 241, 258, 283, 305, 319, 337—340, 350—351, 736, 747, 749, 750, 760, 762, 764, 775; II, 113, 124, 126, 362—363, 448, 721—722, 737, 919, 934, 943, 954, 966, 967, 981.

Крамской Иван Николаевич (1837—1887) — художник, член Товарищества передвижных художественных выставок. II, 338, 930.

Краснов Н. — автор статьи о мормонах в «Библиотеке для чтения». II, 812, 978.

Крейцберг — владелец зверинца в Петербурге и укротитель зверей. I, 117, 179.

Крестовский Всеволод Владимирович (1840—1895) — поэт и беллетрист, автор эротических стихов и авантюрного романа «Петербургские трущобы»; во второй половине 60-х годов перешел в лагерь реакции и написал антинигилистические романы «Панургово стадо» и «Две силы». I, 283, 305, 330, 758, 759, 762; II, 781—784, 788, 789, 843, 974—976, 980.

Крестоносцев Петр Александрович (1837—) — художник. II, 317, 921.

Кретинов Мишель — кличка, данная в «Искре» М. Н. Лонгинову (см.).

Кроль Николай Иванович (1823—1871). II, 789, 848—855, 981.

Крон Андрей Иванович — владелец пивоваренного завода в Петербурге, член правления Общества с.-петербургских водопроводов, акционер Главного общества российских железных дорог. I, 186, 187, 211, 740; II, 113, 532, 653, 945.

Крон Генрих-Христиан — владелец пивоваренного завода в Петербурге под фирмой «А. И. Крон и К^о». II, 378.

Круг Филипп Иванович (1764—1844) — археолог, академик. I, 145, 733.

Крупп Альфред (1812—1887) — владелец крупнейших сталелитейных заводов, превратившихся впоследствии в огромный военно-промышленный концерн, военно-промышленную базу империалистической Германии. II, 339, 456, 931.

Крылов Виктор Александрович (1838—1906) — драматург, переводчик и театральная критик; написал несколько десятков пьес, наводнявших репертуар Александринского театра; автор переделок с немецкого и французского; перевел ряд оперетт; писал под псевдонимом: Виктор Александров. I, 379, 767; II, 336, 345, 929, 933.

Крылов Иван Андреевич (1769—1844). I, 166, 194, 275, 701, 736, 754, 788; II, 345, 426, 652—653, 884, 909, 917, 959, 983.

Крылов Никита Иванович (1808—1879) — профессор римского права Московского университета, славянофил. I, 276, 755.

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — драматург, беллетрист и поэт, представитель реакционного романтизма 30—40-х годов; его произведения отличаются ходульными героями, напыщенным языком и проникнуты националистическими и монархическими тенденциями. I, 210, 744; II, 60, 65—66, 681, 896, 897, 961.

Кук у — псевдоним А. М. Иванова.

Кум берг — владелец фабрики и магазина ламп, люстр и пр. в Петербурге. I, 121.

Кур бе Гюстав (1819—1877) — французский художник-реалист, член Парижской коммуны. II, 337.

Кур ган ов Николай Гаврилович (1725 или 1726—1796) — педагог, автор «Письмовника» — своеобразной хрестоматии, сборника рассказов, анекдотов, пословиц, сведений по естественным наукам и пр., пользовавшегося большой популярностью и много раз переиздававшегося. II, 426.

Кур оч ки н Василий Степанович (1831—1875). I (весь том); II, 61, 463, 606, 893, 896—898, 909, 911, 938, 939, 954, 955, 962, 967.

Кур оч ки н Николай Степанович (1830—1884). I, 85—86, 725, 764, 777, 785, 787; II, 571—613, 785, 893, 938, 951—955, 975, 981.

Кус ко в Платон Александрович (1834—1909) — поэт 50—60-х годов, представитель «чистой поэзии». II, 579, 683, 789, 951, 961.

Куч ка (XII в.) — боярин; владел селами и деревнями по рске Москве; на месте одной из них Юрием Долгоруким была основана Москва. II, 877.

Ку ш е л е в - Б е з б о р о д к о Григорий Александрович (1832—1870) — меценат, издатель, беллетрист, в 1859—1862 гг. — издатель журнала «Русское слово». I, 250, 752; II, 61, 896.

Ку ш н е р е в Иван Николаевич (1827—1896) — беллетрист и журналист; сначала сотрудник, а затем враг «Искры»; издатель, а в 1865—1870 гг. редактор-издатель журнала «Грамотей» (1861—1876), редактор-издатель «Народной газеты» (1863—1869), впоследствии — владелец крупной типографской фирмы. I, 279; II, 364.

К ю и Цезарь Антонович (1835—1918) — композитор и музыкальный критик. I, 773; II, 463, 940.

Ла бу ле Эдуард-Рене (1811—1883) — французский юрист, публицист и политический деятель. В 60-е годы был в оппозиции к режиму Второй империи; написал несколько памфлетов, в том числе сатирическую сказку «Принц-собачка», направленную против Наполеона III. Впоследствии резко поправел. II, 564.

Ла в р о в Петр Лаврович (1823—1900) — философ и социолог, с конца 60-х годов — теоретик народничества. I, 724; II, 374, 935.

Ла гер ро н ь е р Луи-Этьен (1816—1875) — французский публицист; в 50—60-е годы сторонник режима Наполеона III. I, 315.

Ла за ре в Александр Васильевич — бездарный и самовлюбленный композитор, автор нелепых «ораторий»; давая концерты в Петербурге и за границей, исполнял себя и Бетховена с целью показать свое превосходство. II, 463.

Ла ки да Ананий Гаврилович (ум. 1895). II, 856—862, 981.

Ла ма н с ки й Евгений Иванович (1825—1902) — финансовый деятель, с 1860 г. — товарищ управляющего, а затем управляющий Государственным банком. I, 120, 130, 246, 729, 733.

Лама рк Жан-Батист (1744—1829) — французский естествоиспытатель, предшественник Дарвина. II, 383.

Ламар тин Альфонс-Мари-Луи (1790—1869) — французский поэт романтического направления, историк и либерально-буржуазный политический деятель; в 1848 г., фактически возглавляя временное правительство, проводил антинародную политику; «человек красивых слов и гнусных дел», по определению К. Маркса. II, 717, 965.

Лампе Петр Иванович — в 60-е годы один из директоров Царскосельской железной дороги; владелец табачной фабрики. I, 153.

Ланкло Нинон (1616—1706) — французская куртизанка, в салоне которой бывали многие знаменитости ее времени. I, 281.

Лаплас Пьер-Симон (1749—1827) — французский математик и астроном. II, 383.

Лафарж Мари (1816—1852) — героиня французского уголовного процесса, обвинявшаяся в отравлении своего мужа. II, 417.

Лебедин — секретарь редакции газеты министерства внутренних дел «Северная почта». I, 249.

Лебёф Эдмон (1809—1888) — французский маршал, сенатор, один из приближенных Наполеона III, в 1869—1870 гг. — военный министр. II, 754, 971.

Лебра Огюст (1811—1832) — французский поэт. I, 591—592.

Левитов Александр Иванович (1835—1877) — писатель-демократ 60—70-х годов. II, 464.

Легетр — французский инженер, член Совета Главного общества российских железных дорог. I, 183, 187, 739.

Легуве Эрнест (1807—1903) — французский драматург. I, 171, 737.

Ледрю-Роллен Александр-Огюст (1807—1874) — французский политический деятель, мелкобуржуазный демократ; в 1848 г. — министр внутренних дел временного правительства; в 1849 г. бежал в Англию и оставался в эмиграции до низложения Наполеона III. I, 236, 749.

Лейкин Николай Александрович (1841—1906) — писатель-юморист, автор многочисленных очерков и рассказов, главным образом из купеческого быта («Апраксинцы» и др.). С 1882 г. — редактор юмористического журнала «Осколки». II, 180, 379, 464, 901, 912, 937, 938, 940.

Леман Юрий Яковлевич (1834—1901) — художник-портретист, член Товарищества передвижных художественных выставок. II, 337, 930.

Леонидов (настоящая фамилия: Стакилевич) Леонид Львович (1821—1889) — артист Малого, а затем (с 1854 г.) — Александринского театра, трагик. II, 334, 929.

Леонтьев Павел Михайлович (1822—1875) — профессор римской литературы Московского университета, реакционный публицист, ближайший единомышленник Каткова и его помощник по редактированию «Русского вестника» и «Московских ведомостей»; фанатический сторонник классической системы образования. I, 755; II, 359—360, 757—760, 886—888, 971.

Леотар Жюль — эквилибрист и гимнаст. I, 171—173, 737.

Дермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841). I, 117, 120, 132, 160, 180, 194, 209, 211, 350, 351, 378, 729—731, 735, 739, 743, 744, 759, 764, 767; II, 61—64, 98—102, 146, 179, 206—211, 310—311, 315, 402, 450, 711—712, 741, 755, 897, 901, 902, 904, 909, 920, 940, 958, 963, 970, 973.

Леса́ж Аллен-Рене (1668—1747) — французский романист и драматург, автор «Хромого беса» и «Жиль Блаза». I, 99, 727.

Лесков Николай Семенович (1831—1895) — писатель. В общественной борьбе 60-х годов занял позицию, враждебную демократическому лагерю (антинигилистический роман «Некуда»). Псевдоним: Стебницкий. I, 769; II, 157, 910, 934.

Лессинг Готхольд-Эфраим (1729—1781) — немецкий драматург, критик, теоретик искусства и публицист, глава немецкого Просвещения XVIII века. I, 712—713, 788; II, 334, 929.

Лилиеншвагер Конрад — псевдоним Н. А. Добролюбова и сатирическая маска либерального обличителя, созданная в его стихах.

Ломан Николай Логинович (1830—1892). I, 166, 736; II, 579, 767—790, 893, 903, 951, 972—976.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765). I, 194, 254, 321, 752, 761; II, 103, 212, 913.

Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875) — библиограф и историк литературы; в молодости член кружка «Современника» и либерал; к 60-м годам резко поправел и стал писать в «Русском вестнике» Каткова; в 1871—1875 гг. — начальник Главного управления по делам печати; жестоко преследовал «Искру», один из главных виновников ее гибели. I, 283, 731, 738; II, 62, 330, 369, 373, 887, 927, 935, 939.

Лопе де Вега (1562—1635) — испанский драматург. I, 269, 758.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888) — генерал, в 1880—1881 гг. — начальник Верховной распорядительной комиссии, а затем министр внутренних дел; с целью укрепления самодержавия задумал ряд умеренно-либеральных реформ; однако заигрывание с либералами сопровождалось жестокими репрессиями против революционеров; политику Лорис-Меликова современники называли политикой «волчьей пасти» и «лисыего хвоста»; после убийства Александра II ушел в отставку. II, 339—340, 931.

Лохвицкий Александр Владимирович (1830—1884) — юрист и либеральный журналист, сотрудник «Голоса» и «Отечественных записок» Краевского. II, 174, 912.

Луве де Кувре Жан-Батист (1760—1797) — французский писатель и политический деятель, жирондист. I, 199, 742.

Лукулл Луций Луциний (ок. 106—56 до н. э.) — римский полководец; был известен своим богатством, роскошью, пирами. II, 78.

Лягерроньер — см. Лагерроньер.

Лянкло — см. Ланкло.

Мавзол (IV в. до н. э.) — царь Карии. I, 625.

Магомет (571—632). I, 737; II, 581.

Мадзини Джузеппе (1805—1872) — итальянский революцио-

нер, мелкобуржуазный демократ, один из руководителей республиканско-демократического лагеря в период борьбы за национальную независимость и объединение Италии. I, 234, 355, 749.

М а з а д Шарль (1821—1893) — французский реакционный публицист и литературный критик, один из главных сотрудников журнала «*Revue des deux mondes*». I, 340.

М а й е р о н и Ашиль (1824—1888) — итальянский драматический артист. I, 172, 736, 737.

М а й к о в Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт, сторонник «чистого искусства». I, 238, 283, 477, 688, 728, 775, 788; II, 54—56, 106—108, 136, 152, 158, 161, 318, 383, 662—666, 715—718, 883, 895, 902, 908, 910, 911, 913, 922, 960, 964, 973, 983.

М а к а р и й (Николай Кириллович Миролубов) (1817—1894) — архимандрит, в 60-х годах — ректор Новгородской духовной семинарии; в «Искре» фигурировал под именем: Макар Гасильник. II, 868, 981.

М а к с и м о в Алексей Михайлович (1813—1861) — артист Александринского театра. II, 462.

М а к с и м о в Николай Васильевич (1848—1900) — журналист и беллетрист-этнограф, брат писателя С. В. Максимова. I, 89, 725—726.

«**М а л я р**» — еженедельный юмористический журнал с карикатурами; издавался в Петербурге в 1871—1878 гг. I, 772; II, 333, 928.

М а м а й (ум. 1380) — хан Золотой орды. II, 319.

М а н н Ипполит Александрович (1823—1894) — драматург консервативного направления, театральный и музыкальный критик, член Театрально-литературного комитета. II, 219, 914.

М а р а т Жан-Поль (1743—1793). I, 265; II, 222, 600, 729, 730.

М а р к е в и ч Болеслав Михайлович (1822—1884) — реакционный беллетрист и публицист, автор антинигилистических и великосветских романов, ближайший сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей» Каткова II, 337, 338, 930.

М а р к о в Евгений Львович (1835—1903) — беллетрист, критик и публицист умеренно-либерального направления, сотрудник «Голоса», «Вестника Европы» и др. II, 462.

М а р к о в е ц к и й Семен Яковлевич (1817—1884) — артист Александринского театра, комик. II, 334, 929.

М а р л и н с к и й — см. А. А. Бестужев.

М а р т ы н о в Александр Евстафьевич (1816—1860) — артист Александринского театра. I, 150—151, 733; II, 462.

М а р т ы а н о в Пётр Кузьмич (1827—1899) — бездарный поэт, автор воспоминаний о редакционном кружке «Искры». II, 274, 406, 463, 918, 938.

М а с е Жан (1815—1894) — французский писатель, автор научно-популярных книг для детей и юношества. II, 383, 937.

М а с л о в Степан Алексеевич (1793—1879) — писатель и деятель по сельскому хозяйству, секретарь московского общества сельского хозяйства. II, 269.

М а т т е у ч и Карло (1811—1868) — итальянский физик. II, 391.

М а т ю ш к и н Д. М. — петербургский купец. I, 152, 733.

«**М а я к**» — ультрареакционный журнал; издавался в Петербурге в 1840—1845 гг. сначала под редакцией С. А. Бурачка и

П. А. Корсакова, а с 1842 г. — одного Бурачка. I, 200; II, 106, 426, 960.

Медведев Павел Андреевич (1836—1865) — педагог, поэт, критик и переводчик. II, 863—866, 981.

Медичи Екатерина (1519—1589) — французская королева, жена Генриха II; по ее инициативе была организована в 1572 г. резня гугенотов — так называемая Варфоломеевская ночь. II, 565.

Межаков Павел Александрович (1786—1860) — поэт. I, 166, 736.

Межов Владимир Измайлович (1831—1894) — библиограф, автор ряда больших библиографических работ. II, 260, 917.

Мей Лев Александрович (1822—1862) — поэт, драматург и переводчик, примыкал к школе «чистой поэзии». I, 209, 770, 776, 777, 784; II, 158, 463, 781, 785, 901, 973—975.

Мейер Карл (1786—1870) — немецкий поэт, принадлежавший к реакционной «швабской школе». II, 467.

Мельгунов Николай Александрович (1804—1867) — беллетрист и публицист; в 40-е годы был связан как с кружком Белинского и Герцена, так и со славянофилами, пытаясь играть роль «примирителя»; в 50-е годы поддерживал связь с Герценом, но с начала 60-х годов порвал с ним и стал деятельным сотрудником реакционной газеты «Наше время». II, 711, 963.

Мельников Павел Иванович (1818—1883) — писатель, печатавший свои произведения под псевдонимом «А. Печерский», автор романов «В лесах» и «На горах»; в начале 60-х годов — член редакции «Северной пчелы». II, 713, 963.

Мельяк Анри (1831—1897) — французский драматург; написал вместе с Л. Галеви ряд оперетт и комедий. I, 379, 767.

Менандр (ок. 342—292 до н. э.) — греческий драматург, автор комедий. I, 590.

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — поэт и критик, профессор Московского университета. I, 166, 260, 350, 736, 753, 756.

Мессарош Николай Ипполитович (1835—1900); в 1866—1868 гг. редактор журнала «Женский вестник». I, 329, 762; II, 400. Мефодий — см. Кирилл и Мефодий.

Мещерский Владимир Петрович (1839—1914) — черносоптенный публицист, близкий к придворным кругам, редактор-издатель субсидированной правительством газеты-журнала «Гражданин». I, 697, 766, 788; II, 247—250, 329, 333, 916, 927, 928.

Микель Анджело Буонаротти (1475—1564). II, 404.

Микешин Михаил Осипович (1836—1896) — художник и скульптор; по его проектам построены памятники Екатерине II в Ленинграде, Богдану Хмельницкому в Киеве, тысячелетию России в Новгороде и др. II, 328, 405, 659, 926, 938, 960.

Миллер Орест Федорович (1833—1889) — историк русской литературы и критик, близкий по своим взглядам к славянофильству, профессор Петербургского университета. II, 377, 937.

Миллер Федор Богданович (1818—1881) — поэт и переводчик, редактор-издатель юмористического журнала «Развлечение». II, 137, 908.

Миллер-Красовский Николай Александрович (1828—1888) — реакционный педагог. I, 106—108, 222, 727.

Милль Джон-Стюарт (1806—1873) — английский философ-позитивист, экономист-эклектик и либеральный публицист. I, 319, 760; II, 73, 158—160, 377, 452, 741, 898, 910, 937.

Милюнов Михаил Васильевич (1792—1821) — поэт. I, 224.

Мильтон Джон (1608—1674) — английский поэт, публицист и политический деятель, участник английской революции XVII в.; автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай». II, 378, 383, 582.

Мин Дмитрий Егорович (1818—1885) — поэт-переводчик. II, 776.

Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889). I, 178, 736, 749, 759—760, 764; II, 5—512, 715, 893—944, 954, 960, 977, 978.

Михно Николай Васильевич — драматург, переводчик, в 1864—1865 гг. редактор-издатель журнала «Русская сцена», II, 423.

Мицкевич Адам (1798—1855). I, 258—259; II, 310.

Можайский Иван Павлович (1828—1893). II, 867—872, 981—982.

Молешотт Якоб (1822—1893) — физиолог, родом из Голландии, по своим философским взглядам — вульгарный материалист. II, 367, 423, 723, 734, 937, 966.

Молилари Густав (1819—1912) — бельгийский политико-эконом, воинствующий буржуа и фанатический противник социализма; сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей» Каткова. II, 124, 126, 742.

Мольер (Поклен) Жан-Батист (1622—1673). I, 262, 719.

Мольтке Гельмут-Карл-Бернгард (1800—1891) — германский фельдмаршал и военный теоретик, один из виднейших представителей германского милитаризма. II, 751—752.

Монахов Ипполит Иванович (1842—1877) — драматический актер, с 1865 г. состоявший в труппе Александринского театра; был широко известен как чтец. I, 766; II, 698, 924.

Монументов Владимир — псевдоним В. П. Буренина.

Монье Марк (1829—1885) — французский писатель, историк и историк литературы, автор сатирических пьес. I, 666—711, 786—788.

«Москвитянин» — реакционный журнал; издавался в Москве в 1841—1856 гг. под редакцией М. П. Погодина и при ближайшем участии С. П. Шевырева, орган «официальной народности». II, 106, 951, 952.

«Московские ведомости» — одна из старейших русских газет; в 50-е годы и в начале 60-х — газета либерального направления, в 1863—1887 гг. выходила под редакцией М. Н. Каткова (см.). I, 262—273, 310, 350, 379, 728, 729, 731—732, 733, 745, 754, 764, 767; II, 745—746, 915, 922, 928, 930, 932, 935, 970, 972.

«Московский зритель» — журнал, издававшийся в 1806 г. под редакцией эпигона Карамзина кн. П. И. Шаликова. I, 228.

Моцарт Вольфганг-Амадей (1756—1791). II, 381, 726.

Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866) — один из столпов крестьянского лагеря, откровенный противник крестьянской

реформы. В 1863 г. был назначен генерал-губернатором северо-западных губерний и жестоко подавил польское восстание. В 1866 г. — председатель следственной комиссии по делу Каракозова. За свою жестокость получил кличку «Вешатель». I, 325, 761.

Мюрат Иоахим (1771—1815) — маршал Наполеона I, затем — неаполитанский король. II, 208.

Мюссе Альфред (1810—1857) — французский писатель романтического направления, поэт, прозаик, драматург. I, 632—641, 783—784.

Мюссе — см. Массе.

Навуходоносор II (605—562 до н. э.) — вавилонский царь. I, 476—478, 775.

Надо Гюстав (1820—1893) — французский поэт-песенник. I, 651—655, 784.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821). I, 391, 577, 657, 771, 774, 780, 785, 786, 788; II, 206—211, 402, 599, 764, 940, 946, 953, 964, 972.

Наполеон III (1808—1873). I, 656—660, 725, 750, 780, 786; II, 453, 454, 456, 599—600, 715—716, 753—756, 946—948, 951, 953, 954, 964, 969, 971.

Наполеон IV — см. Эжен-Луи.

Наполеон-Жозеф Бонапарт (1822—1891) — племянник Наполеона I. II, 546, 946.

«Наше время» — реакционная газета; издавалась в Москве в 1860—1863 гг. под редакцией Н. Ф. Павлова; субсидировалась министерством внутренних дел. I, 192, 200, 214, 220, 242, 255, 262—273, 343, 741, 745, 749, 751, 754; II, 113, 651, 665, 711—712, 959, 963, 964.

Небольсин Павел Иванович (1817—1893) — беллетрист, этнограф, экономист и историк, сотрудник «Отечественных записок» Краевского. II, 363, 934.

Незнакомец — псевдоним А. С. Суворина.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877). I, 181—182, 371, 720, 737, 739, 748, 752, 766, 785; II, 70—71, 148—149, 193—194, 299—300, 434, 462, 607—608, 716, 731, 895, 897, 909—910, 917, 919, 936, 940, 943, 954, 955, 959, 965, 968, 975.

Нерон (3—68) — римский император, отличавшийся жестокостью. I, 709.

«Нива» — еженедельный иллюстрированный журнал; издавался с 1870 до 1918 г. II, 275, 323, 924.

Николай I (1796—1855). I, 476—478, 775, 788; II, 621—622, 882, 956.

Нильский (настоящая фамилия: Нилус) Александр Александрович (1841—1899) — артист Александринского театра, с 1873 г. — член Театрально-литературного комитета. II, 334, 343, 378, 924, 929.

Новицкий Осип Осипович — драматург. II, 317, 921.

«Новое время» — газета, издававшаяся в Петербурге в 1868—1917 гг. В 1868—1871 гг. выходила под редакцией А. К. Киркора и Н. Н. Юматова, а затем одного Киркора, и была реакционно-помещичьим органом; в 1876 г. перешла в руки А. С. Суворина (см.). I, 343; II, 275, 281, 286, 305, 918, 920, 933.

Новый поэт — псевдоним И. И. Панаева.

Овсянников Степан Тарасович (1806—) — петербургский купец, торговец хлебом, член правления Общества с.-петербургских водопроводов. II, 113, 653.

«Огонек» — еженедельный иллюстрированный журнал; издавался в Петербурге в 1879—1883 гг. II, 275.

Одинцов — владелец мануфактурного магазина в Петербурге. I, 327.

Одынец Антоний-Эдвард (1804—1885) — польский поэт и драматург романтического направления. II, 310.

Ожье Эмиль (1820—1889) — французский буржуазный драматург. I, 262, 754.

Окель — член правления Общества с.-петербургских водопроводов. II, 113.

Оливье Эмиль (1825—1913) — французский политический деятель; сначала принадлежал к «группе пяти», составлявших в Законодательном корпусе оппозицию режиму Второй империи; в 1870 г., по предложению Наполеона III, сформировал правительство с целью «спасти империю» уступками либерализму; после первых поражений во франко-прусской войне правительство Оливье было свергнуто. II, 753, 949, 971.

Олоферн (VI в. до н. э.) — вавилонский полководец. I, 169, 736, 737.

Омар (конец VI в. — 644) — мусульманский халиф, с именем которого связывается сожжение Александрийской библиотеки. I, 312; II, 383.

Орловский Владимир Донатович (1842—1914) — художник-пейзажист. II, 331, 927.

Осипов В. Аркадьевич (ум. до 1861 г.) — драматург и поэт, приятель А. Ф. Писемского. I, 219, 746.

Осман Эжен-Жорж (1809—1891) — префект Парижа при Наполеоне III. II, 551, 947.

«Основа» — «южно-русский литературно-ученый вестник»; издавался в Петербурге в 1861—1862 гг. под редакцией В. М. Белозерского, при участии П. А. Кулиша и Н. И. Костомарова. I, 214, 221, 745; II, 955.

Островский Александр Николаевич (1823—1886). I, 172, 195, 275, 763, 769.

Островский Михаил Николаевич (1827—1901) — брат А. Н. Островского, в 1881—1892 гг. — министр государственных имуществ. II, 343, 933.

«Осы» («Les guêpes») — французский сатирический журнал, издававшийся А. Карром в 1839—1849 гг. I, 328.

«Отечественные записки» — журнал, основанный в 1818 г. П. П. Свиньным, возобновленный в 1839 г. А. А. Краевским и издававшийся в Петербурге до 1884 г., когда был прекращен правительством. До 1846 г. руководящую роль в журнале играл Белинский; в годы 1847—1867 — либеральный орган; с 1868 г. перешел в руки Некрасова и Салтыкова-Щедрина. I, 167, 223, 234, 238—241, 258, 318—319, 337, 725, 734, 735, 743, 747, 750, 756, 758, 760, 764, 773, 775, 776, 781—786; II, 79, 894, 898—900, 903, 905, 908, 914—917, 921, 922, 934, 943, 951, 954, 960, 964, 966, 967, 971—974.

Оттон I (1815—1867) — греческий король. II, 115, 116, 904.

Оффенбах Жак (1819—1880) — французский опереточный композитор. I, 767; II, 219, 703, 963.

Охочекомонный — псевдоним Д. Ф. Шеглова.

«Очерки» — газета демократического направления; издавалась в Петербурге в 1862 г. под редакцией Г. З. Елисеева (при официальном редакторе-издателе А. Н. Очкине). I, 292, 757; II, 935.

Очкин Амплий Николаевич (1791—1865) — журналист, переводчик и цензор; в 1836—1862 гг. — редактор газеты «С.-Петербургские ведомости» (с 1852 г. фактическим редактором был А. А. Краевский). I, 337.

Павел I (1754—1801). II, 562.

Павлов Николай Филиппович (1805—1864) — беллетрист, поэт, литературный критик и публицист; сначала принадлежал к либеральному лагерю; в 30-х годах прославился несколькими антикрепостническими повестями, вызвавшими негодование Николая I; в 50-х годах поместил ряд острых статей в тогда еще либеральном «Русском вестнике»: в 1860—1863 гг. — редактор-издатель субсидированной правительством реакционной газеты «Наше время». I, 191, 215, 217, 218, 221, 242—243, 249, 262—273, 277, 278, 328, 343, 740, 741, 745, 746, 751, 754, 755; II, 123, 360—361, 650—651, 711, 714, 729, 905, 934, 959, 963, 964.

Павлова Каролина Карловна (1807—1893) — поэтесса и револющица. I, 191.

Палибин Павел Иванович (1811—1881) — инженер путей сообщения, директор правления Общества с.-петербургских водопроводов, автор неудачного проекта водоснабжения Петербурга. II, 112, 113, 653.

Палкин — владелец ресторана в Петербурге II, 276.

Пальмерстон Генри-Джон-Темпль (1784—1865) — английский государственный деятель, министр иностранных дел, а затем премьер-министр, многолетний руководитель внешней политики Англии в духе борьбы за мировое господство; один из лидеров либеральной партии. II, 399.

Пальмин Лиодор Иванович (1841—1891). II, 813—837, 978—980, 982.

Панаев Иван Иванович (1812—1862) — беллетрист, фельетонист и журналист; в 40-е годы был близок Белинскому; с 1847 г. — один из редакторов «Современника»; печатал в «Современнике» пародии и фельетоны под псевдонимом «Новый поэт»; автор литературных воспоминаний II, 169—170, 734—737; II, 179.

Парацельз Теофраст-Аврелий (1493—1541) — швейцарский врач и естествоиспытатель. Парацельз принадлежит ряд научных открытий и догадок, основанных на опытном изучении природы, но в своих теоретических взглядах он оставался в плену антинаучных, мистических предрассудков II, 587, 953.

«Парус» — славянофильская газета; издавалась в Москве в 1859 г. под редакцией И. С. Аксакова. I, 276, 754, 755.

Пастрана Юлия — женщина с бородой и усами, которую показывали в Петербурге и в Москве в конце 50-х годов. I, 201.

Паткуль Александр Владимирович (1817—1877) — генерал, в 1860—1862 гг. — петербургский обер-полицмейстер. II, 91, 900.

Патти Аделина (1843—1919) — итальянская певица; в 60—70-х годах пела в итальянской опере в Петербурге. II, 456.

Паульсон Иосиф Иванович (1825—1898) — педагог, редактор-издатель журнала «Учитель», автор ряда учебников. II, 103.

Пелль Александр Христофорович (1809—) — архитектор, член правления Общества с.-петербургских водопроводов. II, 112, 113, 653.

Перейра Исаак (1806—1880) — французский банкир. I, 166, 736.

Перикл (V в. до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец. II, 104.

Перозио Николай Павлович (1819—1877) — писатель по экономическим вопросам. I, 119, 187, 729, 740.

Пестель Павел Иванович (1792—1826). I, 385.

«Петербургские ведомости» — см. «С.-Петербургские ведомости».

«Петербургский вестник» — еженедельный журнал; издавался в 1861—1862 гг. под редакцией Л. Л. Камбека. I, 202, 219, 221, 248, 260, 743.

«Петербургский листок» — полубульварная газета «городской жизни и литературная»; издавалась с 1864 г. I, 305, 310; II, 935, 938.

Петипа Мария Сергеевна (ум. в 1882 г.) — петербургская балерина. II, 358.

Петр I (1672—1725). I, 245, 246, 248, 249, 253, 255, 724; II, 106, 327, 539.

Петр Нескажусь — псевдоним П. Д. Боборыкина в «Библиотеке для чтения».

Петр Пустынник или Петр Амьенский (ок. 1050—1115) — аскет, которому приписывалась организация первого крестового похода. I, 283.

Петрарка Франческо (1304—1374) — итальянский поэт. I, 556.

Петров Василий Петрович (1736—1799) — поэт, автор торжественных од. I, 374.

Печерский Андрей — псевдоним П. И. Мельникова.

Пий IX (1792—1878) — папа римский в 1846—1878 гг. I, 355; II, 326, 456, 947, 948.

Пипин Короткий (ум. 768) — франкский король, первый король из династии Каролингов. I, 509.

Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — профессор-хирург, либеральный общественный деятель и педагог. I, 119.

Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) — литературный критик и публицист демократического лагеря. I, 346, 764; II, 319, 376—419, 462, 922, 936, 937.

Писемский Алексей Феофилактович (1820—1881) — романист и драматург; в 50-е годы — сотрудник «Современника»; в начале 60-х годов — редактор «Библиотеки для чтения»; в общественной борьбе 60-х годов занял позицию, враждебную по отношению к демократическому лагерю. Псевдоним: Никита Безрылов. I, 219, 221, 235, 276, 746, 763, 769; II, 124, 125, 157, 319, 910, 922.

- Платон (ок. 427 — ок. 347 до н. э.) — греческий философ-идеалист. I, 288—292, 757.
- Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт демократического лагеря, петрашевец. II, 149—150, 163, 229, 910, 911, 915.
- Плотицын Максим Кузьмич — купец, миллионер, глава скопческой секты, главный обвиняемый в процессе моршанских скопцов. II, 322, 924.
- Плотников К. Н. — издатель. I, 374, 766.
- Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — реакционный историк и публицист, редактор-издатель журнала «Москвитянин» (1841—1856); академик. I, 145, 220, 277, 732, 733, 751, 767; II, 108, 124, 126, 421, 423, 428, 436, 580—584, 726, 736, 896, 899, 939, 951, 952, 966, 969.
- Поздняк (Позняк) Федор Феликсович (ум. 1898) — гласный петербургской Городской думы. II, 286, 919.
- Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801—1867) — брат Н. А. Полевого; в молодости радикальный критик и публицист; перешел затем в реакционный лагерь и стал постоянным сотрудником «Северной пчелы» Булгарина. I, 112, 117, 127, 728—730; II, 55, 637—638, 895, 958.
- Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — журналист, критик, беллетрист, историк, переводчик; редактор-издатель передового журнала «Московский телеграф» (1825—1834): после запрещения журнала резко изменил направление своей литературной деятельности и перешел в лагерь реакции. I, 145, 733; II, 179, 959.
- Полежаев Александр Иванович (1804—1838) — поэт 20—30-х годов. II, 62—63, 897.
- Полонский Яков Петрович (1820—1898) — поэт, призывавший к школе «чистой поэзии». I, 164—165, 209, 342, 343, 735, 744, 764, 769; II, 82—83, 113, 143—144, 151, 155, 156, 161—162, 245, 253, 265, 325, 801, 808—810, 899, 909—911, 916, 917, 925, 978.
- «Полярная звезда» — журнал, издававшийся в Петербурге в 1881—1882 гг. под редакцией Е. А. Салиаса. II, 293—294.
- Помяловский Николай Герасимович (1835—1863) — писатель-демократ 60-х годов, автор «Очерков бурсы» II, 464.
- «Порядок» — либеральная газета; издавалась в Петербурге в 1881 г. под редакцией М. М. Стасюлевича. II, 338, 340, 931.
- Постников Сергей Петрович (1838—1880) — художник. II, 316, 921.
- Преображенский Пр. — псевдоним Н. С. Курочкина.
- Пржецлавский Осип Антонович (1799—1879) — цензор, а затем член Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания, реакционный публицист. Псевдоним: Ципринус. I, 220, 746.
- Прогрессистов — псевдоним А. В. Эвальда в «Отечественных записках» Краевского.
- Прудон Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный социалист, анархист. I, 265, 267; II, 73, 74, 192, 361, 527.
- Прутков Козьма — сатирическая маска и коллективный псевдоним, под которым печатали свои пародии, «афоризмы» и пр. поэты А. К. Толстой и братья А. М. и В. М. Жемчужниковы I, 324, 761; II, 927, 928, 959.

- Пугачев Емельян Иванович (ок. 1730—1775). I, 385, 769. II, 952.
- Путятин Евфимий Васильевич (1803—1883) — адмирал, дипломат, в 1861 г. — министр народного просвещения. I, 204, 744.
- Пуше Феликс (1800—1872) — французский ученый, автор ряда работ по зоологии, ботанике, физиологии. II, 383, 937.
- Пушкарев Иван Ильич (1808—1848) — историк и статистик, автор «Описания С.-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии» (1839). I, 248.
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837). I, 167, 168, 174, 176—177, 186—188, 189, 191, 194, 195, 202, 208—209, 210, 214, 215, 218, 243, 247, 249, 329, 336—341, 350, 370, 371, 381, 589, 723, 728, 736, 738—744, 746, 751, 752, 755, 762—764, 768, 778, 782; II, 79, 83, 98, 111, 113, 178, 181, 315, 319, 320, 329, 335, 376—419, 424, 426, 458, 628—629, 711, 751—752, 757, 870, 901, 903, 913, 920, 922, 929, 936—938, 940, 945, 963, 971.
- Пьетри Иоахим-Мари (1818—1873) — префект полиции в последние годы царствования Наполеона III. II, 753, 754.
- Пятковский Александр Петрович (1840—1904) — журналист и историк литературы; в 60-х — начале 70-х годов сотрудничал в журналах демократического лагеря; затем резко поправел. II, 146, 909.
- Рабон — владелец кондитерской в Петербурге. II, 624.
- Радклиф Анна (1764—1823) — английская писательница, одна из создательниц романа тайн и ужасов. I, 239.
- Раппапорт Маврикий Якимович (1824—1884) — музыкальный критик. II, 364.
- Расин Жан (1639—1699) — французский драматург, один из крупнейших представителей французского классицизма. I, 614, 757.
- Ржевский Владимир Константинович (1811—1885) — член Совета министра внутренних дел, реакционный публицист, сотрудник «Русского вестника», а затем «Северной почты» и «Вести». Псевдоним: Заочный. I, 234, 240, 749; II, 365, 714.
- Ригольбош — псевдоним Маргерит Бадель, парижской каскадной певицы и танцовщицы. I, 296; II, 75, 380.
- Ристори Аделанда (1821—1906) — итальянская трагическая актриса. I, 171, 737.
- Ричардсон Самюэль (1689—1761) — английский романист, автор «Клариссы Гарлоу» и «Грандисона». II, 387, 938.
- Роберт II (ок. 1060—1134) — нормандский герцог, участник первого крестового похода. I, 283.
- Робеспьер Максимилиан (1758—1794). II, 222.
- Роде А. I, 289, 757.
- Родиславский Владимир Иванович (1828—1885) — драматург, театральный критик и переводчик, впоследствии — один из учредителей Общества русских драматических писателей и его секретарь. II, 317, 921.
- Розати Каролина (1826—) — итальянская балерина; танцевала в Петербурге в 1860 г. I, 172.
- Розенгейм Михаил Павлович (1820—1887) — поэт и журналист, редактор юмористического журнала «Заноза» (1863—1865),

представитель либерального «обличительства» 50—60-х годов, неоднократно служивший мишенью для насмешек Добролюбова и «Искры». I, 153, 166, 176, 238, 769; II, 119, 120—122, 145, 156, 158, 163—164, 364, 407, 729, 889, 904, 905, 909, 911, 913, 967.

Ролан Манон (1754—1793) — политическая деятельница эпохи французской революции XVIII века; в ее салоне собирались вожди жирондистов. II, 729, 730.

Роллер Андреас (1805—1891) — художник-декоратор и главный машинист петербургских театров. II, 358.

Росси Эрнесто (1827—1896) — итальянский трагический актер. II, 343, 932.

Россини Джоакино (1792—1868) — итальянский композитор. II, 89, 162, 311, 381.

Рост — содержатель зоологического сада в Петербурге. II, 283.

Ростовцов Яков Иванович (1803—1860) — начальник штаба по управлению военно-учебными заведениями, член Главного комитета по крестьянскому делу и председатель Редакционных комиссий, член Государственного совета. II, 621—623, 955—956.

Ростопчина Евдокия Петровна (1811—1858) — писательница консервативного лагеря. II, 178.

Ротшильд Ансельм (1773—1855) — банкир. I, 253.

Рошфор Анри (1831—1913) — французский радикальный публицист и политический деятель, редактор журналов «Lanterne» и «Marseillaise», резко выступавший против режима Второй империи, Наполеона III и его приближенных. II, 326, 949.

Рузанов — владелец парфюмерного магазина в Петербурге. I, 286.

«Русская беседа» — славянофильский журнал: издавался в Москве в 1856—1860 гг. под редакцией А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова (1856—1857), а затем одного Кошелева; в 1859 г. фактическим редактором «Русской беседы» был И. С. Аксаков. I, 139—140, 732, 733, 735, 752, 753, 755; II, 61, 107, 896, 897, 902.

«Русская речь» — либеральный журнал; издавался в Москве в 1861 г. два раза в неделю под редакцией Евгении Тур, а после соединения с «Московским вестником» («Русская речь и Московский вестник») — под редакцией Е. М. Феофистова. I, 200, 899.

«Русская речь» — умеренно-либеральный журнал; издавался в Петербурге в 1879—1882 гг. под редакцией А. А. Навроцкого. II, 275, 918.

«Русская старина» — исторический журнал, в котором печатались преимущественно материалы по русской истории и истории литературы — мемуары, переписка, документы; издавался в Петербурге с 1870 по 1918 г., до 1892 г. — под редакцией М. И. Семевского. I, 373, 725, 748, 766, 769, 777; II, 896.

«Русский архив» — исторический журнал, в котором, как и в «Русской старине», печатались главным образом материалы по русской истории и истории русской литературы; издавался в Москве с 1863 по 1917 г., до 1912 г. — под редакцией П. И. Бартечева. I, 373, 762, 766; II, 924, 939.

«Русский вестник» — журнал, издававшийся в 1856—1906 гг., до 1887 г. — в Москве, под редакцией М. Н. Каткова; первые годы своего существования — либеральный орган, с начала

60-х годов — орган дворянской реакции. I, 190—193, 194, 200, 214, 215, 218, 248, 260, 722, 724, 725, 740—743, 745, 747, 753—755, 759, 766, 772, 774, 777, 789; II, 157, 360, 403, 463, 714, 716, 726, 789, 889, 894, 899, 906, 908, 910, 914, 916, 922, 927, 934, 954, 964—966, 969, 974, 976, 980.

«Русский инвалид» — газета, издававшаяся в Петербурге с 1813 до 1917 г.; с 1855 до середины 1861 г. — под редакцией П. С. Лебедева и Я. Н. Турунова, во второй половине 1861 и в 1862 г. — под редакцией Н. Г. Писаревского. I, 152, 187, 188, 200, 739, 740, 742—744; II, 956.

«Русский мир» — еженедельный журнал; издавался в Петербурге в 1859—1863 гг., с осени 1860 г. — под редакцией А. С. Гиероглифова. I, 225, 748; II, 584.

«Русское слово» — журнал, издававшийся в Петербурге в 1859—1866 гг., с 1861 г. — радикально-демократического направления; в 1866 г. закрыт правительством; с 1860 г. выходил под редакцией Г. Е. Благосветлова. I, 747, 760, 762; II, 378, 463, 894, 901—909, 921, 922, 934—937, 941, 943, 944, 966, 978.

Руссо Жан-Жак (1712—1778). II, 380, 387, 938.

«Русь» — славянофильская газета; издавалась в Москве в 1880—1886 гг. под редакцией И. С. Аксакова. II, 299—300, 919.

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826). I, 385; II, 59—60, 621—622, 867—868, 896, 956, 982.

Рюрик (ум. 879) — первый русский князь. II, 59, 896.

Садовский (настоящая фамилия: Ермилов) Пров Михайлович (1818—1872) — артист Малого театра. I, 172.

Салиас де Турнемир Евгений Андреевич (1840—1908) — писатель, главным образом исторический романист, сын Евгении Тур. I, 376—377, 766—767; II, 293—294.

Салтыков Михаил Евграфович (Н. Щедрин) (1826—1889). I, 119, 730, 745, 759, 785, 787, II, 174, 308—309, 719—720, 889, 912, 920, 932, 957, 965, 967, 972, 984.

Салтычиха — Салтыкова Дарья Николаевна (1730—1801), помещица, запоровшая и подвергнувшая пыткам десятки крепостных крестьян, ее имя стало нарицательным. II, 206.

Самарин Дмитрий Федорович (1831—1901) — консервативный публицист, сотрудник славянофильских изданий и «Московских ведомостей» Каткова, брат славянофила Ю. Ф. Самарина. I, 221, 747.

Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — публицист и общественный деятель славянофильского лагеря. II, 107, 233, 915.

Самойлов Василий Васильевич (1813—1887) — артист Александринского театра. II, 332, 928.

Самойлов Николай Васильевич (1838—1897) — сын предыдущего, артист Александринского театра. II, 332, 928.

Санд Жорж — псевдоним французской писательницы Авроры Дюдеван (1804—1876). Романы Ж. Санд, проникнутые идеями эмансипации женщины и социальных преобразований в духе утопического социализма, пользовались большой популярностью в передовых кругах русского общества 30—50-х годов. II, 64, 192, 236, 741, 745.

«С. - Петербургские ведомости» — старейшая русская

газета, основанная в 1728 г.; существовала до 1916 г.; в 1852—1862 гг. издавалась под редакцией А. А. Краевского (при официальном редакторе А. Н. Очкине); в 1863—1874 гг. — под редакцией В. Ф. Корша; в 1875 г. перешла в руки биржевого деятеля Ф. П. Баймакова (при нем редактором первое время был Е. А. Салиас) и из умеренно-либерального органа, каким была раньше, превратилась в реакционный. I, 161, 177, 261, 337, 726, 728, 733, 735, 738, 740, 747—750, 753, 754, 766—768; II, 899, 926, 931, 952, 954, 959.

С а н - Л е о н — см. Сен-Леон.

С а р д у Викторьен (1831—1908) — французский буржуазный драматург. II, 736, 969.

С а р р а — модная портновская фирма в Петербурге 60-х годов. II, 691.

С а у л (XI в. до н. э.) — израильский царь. I, 421.

С а у т и — см. Соути.

«С в е т» — журнал, издававшийся в Петербурге в 1877—1879 гг. под редакцией Н. П. Вагнера. II, 275.

«С в е т о ч» — журнал, издававшийся в Петербурге в 1860—1862 гг. под редакцией Д. И. Калиновского. I, 169, 200, 260, 727, 736, 737, 754; II, 107, 729, 902, 943, 976, 978.

«С в и с т о к» — сатирическое приложение к «Современнику» в 1859—1863 гг. I, 166, 169—170, 191, 200, 238, 248, 729, 734—736, 741, 747; II, 86, 720, 965, 967.

«С е в е р н а я п о ч т а» — газета министерства внутренних дел; издавалась в Петербурге в 1862—1868 гг.; в 1862—1863 гг. ее редактором был И. А. Гончаров. I, 234, 249, 749; II, 113, 364, 730, 903, 934, 968.

«С е в е р н а я п ч е л а» — реакционная газета; издавалась в Петербурге в 1825—1864 гг.; самое распространенное периодическое издание николаевского царствования, игравшее роль правительственного органа и связанное с III Отделением; основана Ф. В. Булгаринным; с 1831 до 1859 г. он редактировал ее совместно с Н. И. Гречем; с 1860 г. газета перешла к П. С. Усову. I, 127, 153, 200, 224—225, 233—235, 244, 294, 328, 337, 477, 728—730, 734, 738—740, 742, 748, 749, 751, 757, 758, 762; II, 113, 305, 320, 580, 583, 638, 680, 693, 711, 714, 903, 904, 922, 934, 956, 958, 961—965.

С е л и в а н о в Илья Васильевич (1809—1882) — писатель, во второй половине 50-х — начале 60-х годов — сотрудник «Современника». I, 141—144, 731, 732; II, 61—62, 897.

С е н е к а Луций Анней (4 до н. э. — 65 н. э.) — римский драматург и философ-стоик, проповедовавший добродетель и воздержание. I, 119, 729; II, 734.

С е н к о в с к и й Осип Иванович (1800—1858) — журналист, критик, беллетрист, востоковед; редактор журнала «Библиотека для чтения»; образованный и остроумный, но совершенно беспринципный человек, борющийся с передовыми течениями русской литературы 30—40-х годов; в конце 50-х годов — фельетонист «Сына отечества» и «Весельчака». Псевдоним: Барон Брамбеус. I, 190, 741; II, 179.

С е н - Л е о н Шарль-Виктор (1821—1870) — французский балетмейстер, много лет работавший в Петербурге, автор многочисленных балетов. I, 305, 336, 763.

- Сен-Симон Анри-Клод (1760—1825) — французский социалист-утопист. I, 269, 527, 778, 779.
- Сервантес Сааведра Мигель (1547—1616). II, 812.
- Серов Александр Николаевич (1820—1871) — композитор и музыкальный критик. I, 322, 761; II, 463.
- Сикевич Вл. М. — редактор газеты «Петербургский листок» в 1864—1865 гг. I, 305.
- Сикофантов — см. Казеннообъявленный.
- Симон Жюль (1814—1896) — французский философ, публицист, политический деятель, буржуазный республиканец; в 50—60-е годы — один из лидеров оппозиции; впоследствии принимал участие в подавлении Парижской коммуны. II, 173, 736.
- Синеус — повидимому, псевдоним А. В. Эвальда (см.) в «Отечественных записках» Краевского. I, 234, 238, 240, 750.
- Скарятин Владимир Дмитриевич — реакционный публицист 60-х годов, редактор газеты «Весть». I, 236—237, 240, 278, 749, 750, 761; II, 113, 124, 126, 363, 601, 658—659, 713, 729, 906, 908, 934, 954, 959—960, 967.
- Слепцов Василий Алексеевич (1836—1878) — писатель-демократ 60-х годов, автор романа «Трудное время». I, 762; II, 464.
- Словацкий Юлиуш (1809—1849) — польский поэт-романтик. II, 311.
- «Слово» — журнал прогрессивного направления; издавался в Петербурге в 1878—1881 гг. I, 786, 787; II, 275.
- Случевский Константин Константинович (1837—1904) — поэт, представитель «чистой поэзии». I, 166, 209, 734, 736, 744; II, 60, 72, 271—272, 579, 771, 773—779, 789, 896, 897, 917, 918, 951, 972—974, 976.
- Смирнов — участник диспута по поводу деятельности Русского общества пароходства и торговли в 1859 г. I, 119, 729.
- Смит Адам (1723—1790) — английский экономист и философ, основатель классической школы буржуазной политической экономии. II, 741.
- Сниткин Алексей Павлович (1829—1860). II, 791—812, 893, 976—978.
- «Современная летопись» — еженедельное приложение в 1861—1862 гг. к журналу «Русский вестник», а в 1863—1871 гг. — к газете «Московские ведомости». I, 262—273, 749, 754; II, 713, 954, 963—964.
- «Современник» — журнал, основанный А. С. Пушкиным в 1836 г.; издавался в Петербурге; в 1847 г. перешел от П. А. Плетнева к Некрасову и И. И. Панаеву; с этих пор — в течение двадцати лет — самый передовой журнал; со второй половины 50-х годов — орган революционной демократии, во главе с Чернышевским и Добролюбовым; закрыт правительством в 1866 г. I, 163, 200, 234, 722, 723, 732—734, 736, 744, 747, 755, 756, 759, 760, 762, 783; II, 463, 716, 719—722, 894—898, 900, 905, 912, 913, 935—937, 960, 961, 965—968, 972, 974, 976.
- «Современное обозрение» — журнал, издававшийся в Петербурге в 1868 г. под редакцией Н. Л. Тиблена. I, 342—343.
- «Современные известия» — консервативная газета; издавалась в Москве в 1867—1887 гг. под редакцией Н. П. Гилярова-Платонова. II, 322, 924.

Соколов Григорий — руководитель цыганского хора. I, 119.
Соколов Николай Васильевич (1832—1889) — радикальный журналист, близкий сотрудник «Русского слова»; с 1872 г. в эмиграции, сторонник Бакунина. II, 377, 937.

Соколовский Владимир Игнатьевич (1808—1839) — поэт, член кружка Герцена и Огарева. II, 179.

Соллогуб Владимир Александрович (1814—1882) — беллетрист 30—40-х годов, автор «Гарантаса», сотрудник «Отечественных записок», впоследствии — непримиримый враг передовой литературы. I, 109, 123, 174—175, 190, 204, 207, 277, 328—330, 121, 728, 130, 738, 741, 752, 753, 755, 762; II, 73—76, 178—180, 323, 420—433, 714, 898, 911, 912, 924—925, 939, 964, 966.

Соловьев Николай Иванович (1831—1874) — литературный критик антидемократического лагеря, сотрудник «Эпохи», «Отечественных записок» Краевского, «Всемирного труда». I, 318, 343, 760, 763.

Соломон (1036—980 до н. э.) — израильский царь. I, 686.

Солон (ок. 639 — ок. 559 до н. э.) — афинский законодатель. II, 73.

Сонин П. — поэт и переводчик. II, 786, 975.

Сорокин — см. Воронин.

Сосницкий Иван Иванович (1794—1871) — артист Александровского театра. II, 462, 924.

Соути Роберт (1774—1843) — английский поэт. II, 163.

Соханская Н. С. — см. Кохановская.

Спасович Владимир Данилович (1829—1906) — адвокат, либеральный публицист и историк литературы. II, 310—311, 920.

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839). II, 562.

Стародубский Владимир. II, 873—876, 982.

Старчевский Альберт Викентьевич (1818—1901) — журналист, редактор-издатель журнала (1856—1861), а затем газеты (1862—1871) «Сын отечества». I, 190, 200, 339, 763, 771, 772; II, 365.

Стасов Александр Васильевич (1819—1904) — директор акционерного общества «Кавказ и Меркурий». I, 186—188, 740.

Стебницкий — псевдоним Н. С. Лескова.

Страннолюбский Николай Николаевич (1836—1868). II, 877—878, 982.

Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — философ-идеалист, критик и публицист, один из идеологов так называемого почвенничества; сотрудник «Русского вестника» Каткова, «Времени» и «Эпохи» Достоевского, «Отечественных записок» Краевского, фактический редактор журнала «Заря»; враг революционных и материалистических идей 60-х годов. Псевдоним: Косица. I, 240, 283, 750, 756; II, 156, 367, 579, 600, 722, 737, 789, 954, 976.

Стронин Александр Иванович (1827—1889) — социолог-идеалист. I, 702—705, 788.

Струве Аманд Егорович (1835—1898) — инженер, строитель мостов, в том числе Литейного моста в Петербурге. II, 273.

Струиский Дмитрий Юрьевич (1806—1856) — поэт 30—40-х годов, печатавшийся под псевдонимом «Трилунный». II, 785, 975.

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист и издатель; в 60-х — первой половине 70-х годов — либерал, сотрудник «С.-Петербург. ведомостей» и «Вестника Европы»; в 1876 г. при-

обрел газету «Новое время», которая сначала велась в умеренно-либеральном духе, но скоро превратилась в наиболее влиятельный официальный орган и оплот реакционной политики Александра III. Щедрин заклеил ее прозвищем «Чего изволите?» В. И. Ленин писал о «беспардонном лакействе» Суворина перед властью имущими. В 70-х годах Суворин начал также свою издательскую деятельность, а в 1878 г. открыл в Петербурге большой книжный магазин. К концу жизни он нажил огромный капитал. I, 769; II, 273—278, 301—302, 448, 750, 916, 920, 970.

Суворов Александр Васильевич (1730—1800). II, 119.

Сумароков Александр Петрович (1718—1777) — поэт и драматург. I, 374.

Сухо́во-Кобы́лин Александр Васильевич (1817—1903) — драматург. I, 239, 286, 750, 756.

«Сын отечества» — журнал, основанный Н. И. Гречем в 1812 г. В начале 50-х годов выходил под редакцией П. Р. Фурмана. I, 337.

«Сын отечества» — еженедельный журнал; издавался в Петербурге в 1856—1861 гг. под редакцией А. В. Старчевского; пользовался популярностью в обывательской среде; в 1862 г. был превращен А. В. Старчевским в ежедневную газету. I, 152, 190, 220, 339, 733, 741, 746, 763, 772—775, 777; II, 275, 365, 918, 934, 967, 973, 975.

Су́рнев Алексей Иванович — вятский прокурор. I, 115, 728, 729; II, 113.

Сю Эжен (1804—1857) — французский писатель, мелкобуржуазный демократ. I, 305, 759.

«Таймс» — см. «Times».

Тамберлик Энрико (1820—1888) — итальянский певец. I, 155, 172; II, 324, 925.

Танкред (ум. 1112) — сицилийский князь, участник первого крестового похода. I, 283.

Тармаламки — пародийное имя, данное искровцами откупщику Бенардаки.

Тарновский Доминик — управляющий домами в Петербурге. I, 260, 261, 753.

Таубе Фердинанд Иванович (1805—1870) — инженер, управляющий Царскосельской железной дорогой. I, 153, 733—734.

Темный поэт — псевдоним В. С. Курочкина.

Ти́блен Николай Львович — петербургский издатель и книгопродавец. I, 342, 343.

Тибу Ламбер (1827—1867) — французский драматург. I, 170.

Тик Людвиг (1773—1853) — немецкий писатель, реакционный романтик. II, 468, 918.

Тимковский К. И. — журналист, сотрудник «Сына отечества». I, 152, 733.

Тимолеон (ок. 411—337 до н. э.) — коринфский полководец и государственный деятель. I, 563.

Тимофеев Алексей Васильевич (1812—1883) — поэт, драматург и беллетрист 30-х годов, эпигон романтизма. II, 590—592, 953.

Тиханович Владимир Григорьевич (1843—1862). II, 879—880, 982.

Толбин Василий Васильевич (1821—1869) — беллетрист, журналист, фельетонист; много писал по истории русского искусства; сотрудничал в «Искре». I, 84, 725.

Толмачева Е. Э. I, 176—177, 738; II, 938.

Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — поэт, драматург и прозаик. I, 283, 376—377, 756, 766; II, 209, 245, 914, 916.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910). II, 206—211, 344—345, 914.

Толстой Феофил Матвеевич (1807—1881) — беллетрист и музыкальный критик; сотрудник «Северной пчелы», «Голоса». «Московских ведомостей», с 1865 г. — член Главного управления по делам печати. Печатал статьи под псевдонимом «Ростислав». I, 295—297, 758; II, 943.

Траверсе Николай Александрович (1829—1864) — был связан с революционными кругами, в 1862 г. привлечен к делу о сношениях с «лондонскими пропагандистами», то есть с Герценом и Огаревым, и заключен в Петропавловскую крепость. I, 178.

Трилунный — псевдоним Д. Ю. Струйского.

Трофимов Александр Иванович (1818—1884) — петербургский мировой судья; автор ряда пьес, рассказов и очерков. II, 334, 929.

Трошю Луи-Жюль (1815—1896) — французский генерал, в 1870 г. — глава правительства «национальной обороны», один из палачей Парижской коммуны. II, 755, 971.

Труворов Аскалон Николаевич (1819—1896) — археограф, впоследствии — директор Археологического института. I, 120, 730.

Труше — служащий Главного общества российских железных дорог. I, 188.

Тур Евгения — псевдоним писательницы Елизаветы Васильевны Салиас де Турнемир (1815—1892); хозяйка одного из московских литературных салонов; в 1861 г. — редактор-издательница либерального журнала «Русская речь»; после его прекращения уехала за границу; печатала статьи и корреспонденции из Парижа в «Голосе» 60-х годов; впоследствии писала для детей и юношества. I, 277, 328, 755, 762; II, 158—160, 910.

Тур Захар Власьевич — поэт 50—60-х годов, сотрудник «Отечественных записок». II, 789.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883). I, 195, 239—240, 242, 283—287, 309, 741, 749—751, 756, 760; II, 57—58, 98—102, 157, 165, 322, 328, 340, 359, 374, 377, 381, 400, 711, 715—716, 732—738, 843, 865—866, 895, 896, 901, 902, 911, 924, 926, 930, 931, 935, 936, 938, 965, 968, 980.

Тьер Адольф (1797—1877) — французский буржуазный историк, публицист и политический деятель; в годы Июльской монархии, будучи премьер-министром и министром внутренних дел, безжалостно расправлялся с народными восстаниями; в 1849—1851 гг. возглавлял в Законодательном корпусе реакционную «партию порядка»; отрицательно относясь к политике Наполеона III, в 60-х годах входил в группу депутатов оппозиции; в 1871 г. возглавлял правительство и жестоко подавил Парижскую коммуны. II, 326, 570, 736, 950—951, 954.

Тютчев Федор Иванович (1803—1873). I, 776; II, 151—152, 156, 158, 162—163, 271, 772, 780, 910, 911, 917, 973, 974.

Уейский Корнель (1823—1897) — польский поэт-демократ, участник восстания 1863 г. I, 294, 758.

Уланд Иоганн-Людвиг (1787—1862) — немецкий поэт-романик, глава так называемой швабской школы, идеализировавшей прошлое Германии. II, 468.

Урбан II (ум. 1099) — папа, вдохновитель первого крестового похода. I, 283.

Усов Павел Степанович (1828—1888) — журналист, сотрудник «Северной пчелы» Булгарина, затем — помощник редактора, а в 1860—1864 гг. — редактор. I, 117, 225, 729, 730; II, 958, 961.

Устрялов Федор Николаевич (1836—1885) — журналист и переводчик. II, 318, 921.

Утин Исаак Осипович (1812—1876) — откупщик. I, 165.

Фавр Жюль (1809—1880) — французский политический деятель и публицист, буржуазный республиканец; при Наполеоне III возглавлял оппозицию в Законодательном корпусе; в 1870—1871 гг. — министр иностранных дел; принимал активное участие в разгроме Парижской коммуны. II, 173, 954, 971.

Фалес (VII—VI вв. до н. э.) — греческий философ. II, 587.

Фарнгаген фон Энзе Карл-Август (1785—1858) — немецкий писатель и критик. I, 253.

Феваль Поль (1817—1887) — французский беллетрист, автор сенсационных бульварных романов. I, 329; II, 52, 361.

Федоров Борис Михайлович (1794—1875) — мелкий литератор (романист, стихотворец, детский писатель и журналист) реакционного лагеря; автор доноса на «Отечественные записки» и Белинского. I, 106, 727.

Фейдо Эрнест (1821—1873) — французский беллетрист, автор романов о светской жизни. I, 329.

Фейербах Людвиг (1804—1872). I, 755; II, 367, 723, 741, 966.

Феоктистов Евгений Михайлович (1829—1898) — журналист и историк, редактор либерального журнала «Русская речь» и Московский вестник» (1861—1862), сотрудник «Русского вестника» и «Отечественных записок» Краевского; в 1883—1896 гг. начальник Главного управления по делам печати. II, 343, 933.

Фет Афанасий Афанасьевич — поэт школы «искусства для искусства» (1820—1892). I, 283, 304—306, 308, 310, 332, 756, 759, 760, 763; II, 97, 128—135, 137, 140, 150, 155, 158, 162, 182—183, 383, 423, 427, 522, 781, 797, 800—803, 863—866, 888, 901, 906—912, 973, 975, 977, 981

Филимон — см. Филиппович.

Филиппович Владимир Иванович (1796—1862) — генерал, новгородский военный и гражданский губернатор; фигурировал в «Искре» под именем «Филимон». II, 868, 981—982.

Фиخته Иоганн-Готтлиб (1762—1814) — немецкий философ-идеалист. II, 367.

Фишер — служащий Главного общества российских железных дорог. I, 188.

Фогт Карл (1817—1895) — немецкий физиолог и зоолог, вульгарный материалист. II, 196, 377, 423, 734.

Фокин — танцор, «герой канкана, славившийся по всему Пе-

гербургу своими антраша, доходившими до последней степени бесстыдства» (А. М. Скабичевский). II, 364.

Фонвизин Денис Иванович (1745—1792). I, 205—206.

Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861) — прусский король, мистик, видевший идеал общественного строя в средних веках, возмущавшийся малейшими проявлениями либерализма и считавший себя знатоком и покровителем искусства. II, 472—474, 941.

Фрина (IV в. до н. э.) — греческая гетера. I, 437.

Фриц — петербургский пивовар. II, 378.

Фуке де ла Мотт Фридрих (1777—1843) — немецкий писатель, реакционный романтик. II, 468.

Фукс Виктор Яковлевич (1829—1891) — чиновник особых поручений при министре внутренних дел и сотрудник газеты министерства «Северная почта», с 1865 г. — член совета Главного управления по делам печати. II, 364, 934.

Фурман Петр Романович (1816—1856) — писатель и журналист. в начале 50-х годов — редактор журнала «Сын отечества». I, 337.

Фурье Шарль (1772—1837) — французский социалист-утопист. I, 528, 778, 779; II, 527.

Хан Эммануил Алексеевич (1826—1892) — доктор медицины, журналист, в 1867—1872 гг. — редактор-издатель реакционного журнала «Всемирный труд». I, 330, 336—341, 763; II, 400.

Хапалов Яков Гаврилович (1850—1886) — художник-портретист. II, 335, 929.

Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835) — бездарный поэт, неоднократно служивший объектом насмешек своих современников. I, 238.

Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807) — поэт и драматург, автор поэмы «Россиада». I, 236, 374.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — один из вождей и теоретиков славянофильства; поэт, драматург, публицист, богослов. I, 141—144, 341, 728, 732, 763; II, 61—62, 107, 407, 582, 896, 902.

Циммерман — владелец фабрики и магазина шляп в Петербурге. II, 173, 361.

Ципринус — псевдоним О. А. Пржецлавского.

Цитович Петр Павлович (1844—1913) — профессор-юрист, автор ряда злобных памфлетов против Чернышевского и других представителей русской передовой общественной мысли, редактор реакционной газеты «Берег». II, 463.

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский государственный деятель, писатель и философ, выдающийся оратор. I, 269; II, 360, 734.

Черкасский Владимир Александрович (1824—1878) — общественный и государственный деятель, примыкавший к славянофилам, принимал участие в подготовке крестьянской реформы 1861 г. II, 729, 967.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889). I, 191, 224—226, 228, 229, 233, 235, 236, 239, 295—297, 740, 741, 747—

751, 755, 758, 760, 764; II, 73, 192, 739—740, 898, 900, 912, 913, 934, 936, 958, 969.

Чингисхан (ок. 1155—1227) — монгольский завоеватель, основатель монгольской империи, распавшейся после его смерти. II, 548.

Читау Александра Матвеевна (1832—1912) — артистка Александринского театра. II, 332, 928.

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — юрист, историк и публицист умеренно-либерального направления, профессор государственного права Московского университета. I, 214—218, 220, 222, 234, 240, 249, 265, 721, 745, 746, 749, 751, 767; II, 113, 315, 711, 713, 725, 729, 877, 920, 963, 964.

Шамбор Анри-Шарль (1820—1893) — внук Карла X; во время Июльской революции 1830 г. Карл X отрекся от престола в его пользу, провозгласив французским королем под именем Генриха V, но Генрих V принужден был сейчас же бежать за границу; все время был главой роялистов-легитимистов и партии католической реакции; в начале 70-х годов графа Шамбора снова безуспешно пытались провозгласить королем; после 1873 г. сошел с политической арены. II, 455, 940.

Шамиль (ок. 1797—1871). I, 117, 729; II, 112.

Шампи Вильгельм — великан, которого показывали в Петербурге в 1860 г. I, 201.

Шандор Л. — американская фирма. II, 521, 531, 844, 944.

Шарлемань Жан-Арман (1753—1838) — французский драматург, поэт, романист. I, 323—324, 761.

Шасспо Антуан-Альфонс (1833—1905) — французский рабочий, изобретатель ружья, названного его именем. I, 658, 786; II, 209.

Швабе Александр Петрович (1824—1872) — художник, специалист по изображению животных, профессор Академии художеств. II, 316.

Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861). I, 723—725, 741, 775; II, 609—611, 955.

Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — поэт, критик и историк литературы, профессор Московского университета; принял ближайшее участие в «Москвитянине» М. П. Погодина, ведя ожесточенную борьбу с прогрессивными течениями литературы и общественной мысли, апологет православия и самодержавия. I, 732; II, 582, 951—952.

Шекспир Вильям (1564—1616). I, 87, 145, 305, 330, 639, 725, 733, 759; II, 84, 119, 125, 317, 343, 357, 377, 383, 460, 648—649, 671—672, 728, 899, 904, 905, 932, 936, 959, 960—961.

Шелгунов Николай Васильевич (1824—1891) — критик и публицист демократического лагеря, в 60-е годы — сотрудник «Современника» и «Русского слова». I, 747; II, 388.

Шербюлье Виктор (1829—1899) — французский писатель и публицист. I, 666—669.

Шиллер Фридрих (1759—1805). I, 359—361, 714—715, 788—789; II, 100, 245, 753—754, 773, 901, 916, 917, 971, 973.

Шихин Иван Иванович (1831—1898) — художник, член

Товарищества передвижных художественных выставок. II, 338, 340, 931.

Шлецер Август-Людвиг (1735—1809) — немецкий историк, статистик и публицист; автор ряда работ по русской истории; в 60-е годы XVIII в. работал в России в Академии наук. I, 145, 733.

Шлиппе Владимир Карлович — мировой судья города Верей и председатель съезда мировых судей Верейского уезда; член Московского земского собрания. II, 233, 915.

Шлоссер Фридрих-Христофор (1776—1861) — немецкий историк. II, 380, 937.

Шнейдер Эжен (1805—1875) — французский политический деятель и крупнейший капиталист, владелец заводов в Крезе. II, 559, 949.

Штраус Давид-Фридрих (1808—1874) — немецкий философ, историк и публицист, автор книги «Жизнь Иисуса», в которой евангельские рассказы рассматриваются как христианские мифы. II, 741.

Штраус Иоганн (1825—1899) — австрийский композитор и дирижер, «король вальсов» и автор ряда оперетт; в течение нескольких лет дирижировал оркестром в Павловске. II, 800.

Шульман Владимир Федорович (1813—1872) — художник-пейзажист. II, 402.

Шуман Роберт (1810—1856) — немецкий композитор. II, 162.

Шумахер Петр Васильевич (1817—1891). II, 329, 881—884, 927, 982—983.

Шеглов Дмитрий Федорович (ум. 1902) — умеренно-либеральный публицист 60-х годов, сотрудник «Библиотеки для чтения», «Отечественных записок» Краевского и других журналов, впоследствии автор реакционной «Истории социальных систем» (1889). Псевдоним: Охочекомонный. I, 219, 276, 746.

Щедрин — см. Салтыков.

Шепкин Михаил Семенович (1788—1863). I, 172.

Щербина Николай Федорович (1821—1869) — поэт школы «искусства для искусства», враг демократического движения и реалистической литературы 60-х годов. I, 283, 761; II, 53, 69, 124, 126, 156, 162, 320, 895, 897, 906, 911, 922.

Эвальд Аркадий Васильевич (1836—1898) — журналист либерального направления, сотрудник «Отечественных записок» Краевского, «С.-Петербургских ведомостей», «Голоса» и др. Псевдонимы: Ерик, Прогрессистов, Синеус(?). I, 234, 238, 240, 748, 750.

Эжен-Луи (1856—1879) — сын Наполеона III, которого бонапартисты после смерти отца провозгласили, под именем Наполеона IV, главой своей партии. II, 456, 754, 755, 940, 971.

Эзоп (VI в. до н. э.) — греческий баснописец. I, 452, 788.

Эпиктет (I—II вв.) — греческий философ-стоик. I, 119, 729.

«**Эпоха**» — журнал, издававшийся в Петербурге в 1864—1865 гг. под редакцией Ф. М. и М. М. Достоевских. I, 304—306, 343, 759, 760; II, 171, 174, 735, 737, 909, 911, 912, 922, 966, 968, 969.

Эскусс Виктор (1813—1832) — французский поэт. I, 591—592.

Эсхил (525—456 до н. э.) — греческий драматург, автор трагедий. I, 590; II, 472, 936, 941.

Этвеш Иосиф (1813—1871) — венгерский политический деятель и публицист либерального направления, беллетрист. I, 213, 745.

Ювенал Децим Юний (I—II вв.) — римский поэт-сатирик, обличавший нравы времен Римской империи; имя его стало нарицательным для обозначения сатирического поэта. I, 198, 312; II, 245, 893.

Юлий Цезарь (100—44 до н. э.) — римский государственный деятель, полководец и писатель. I, 607; II, 345, 716, 933, 964.

Юм — американский спирит, приехавший в Россию в конце 50-х годов. II, 59, 777.

Юркевич Памфил Данилович (1827—1874) — философ-идеалист, профессор Киевской духовной академии, а затем Московского университета, сотрудник «Русского вестника» Каткова; неоднократно выступал со злобными статьями и лекциями, направленными против материализма, в частности против Чернышевского. I, 221, 288—293, 756, 757; II, 89, 124, 126, 366—375, 714, 723—724, 730, 734, 900, 906, 935, 966, 968.

Юркевич-Литвинов П. А. — редактор-издатель газеты «Народный голос» (1867). II, 400, 938.

Языков Николай Михайлович (1803—1846) — поэт. II, 579, 582, 781, 951, 975.

Якоби (Якобий) Валерий Иванович (1834—1902) — художник, член Товарищества передвижных художественных выставок. II, 332, 928.

Якушкин Виктор Иванович — брат П. И. Якушкина, врач. I, 178.

Якушкин Павел Иванович (1820—1872) — писатель и фольклорист демократического лагеря, собиратель народных песен и преданий; в конце 50-х годов сотрудничал в «Русской беседе», а затем в «Современнике», «Искре» и «Отечественных записках» Некрасова. I, 260, 261, 753; II, 63, 394, 811—812, 978.

«*Conseiller des dames*» — французский журнал. I, 351.

«*Débats*» — «*Journal des débats*», французская газета, основанная в 1789 г., в 60-е годы — либерального направления. I, 270.

«*Presse*» — французская буржуазная газета, основанная в 1836 г. Э. Жирарденом (см.). I, 270.

«*Siècle*» — французская либеральная газета, основанная в 1836 г. I, 270.

«*Times*» («Таймс») — английская консервативная газета, основанная в 1785 г.; существует до наших дней. I, 270.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Д. Д. МИНАЕВА¹

- А**втор «Демона» и «Мцыри» (Поэт перед судом адвоката) 310 920
Ад 353 934
Александринскому театру 334 929
Альбом светской дамы, составленный из произведений русских поэтов 161 911
«Аль затягивать, ребята» (Слово о полку Игореве. I) 155 910
Аналогия стихотворца 318 921
Арсеньеву — см. В день именин И. А. Арсеньеву
Артисту-любителю 326 926
Ах, где та сторона? . . 59 896
«Ах, неужель ты кинул свет» (Над урной) 77 898
«Ах, отдерни занавеску» (Осеннее петербургское утро. . . II. По Плещееву) 149 909
«Ах, покорись судьбы закону» (На художественной академической выставке. V. Отелло и Дездемона. Картина К. Кенига) 317 921
«Ах, свети, румяный месяц» (Тирольские элегии в песнях к месяцу. Из Гавличка) 500 943
- Б**ал 67 897
«Барышев! ты отомстил» (Г-ну Барышеву, переводчику байроновского «Каина») 339 931
Безыменному журналисту 321 923
Бергу — см. Майкову и Бергу. . .
Блудные дети 285 919
Боборыкину в роли Чацкого 318 921
«Бросив газет беспорядки» (Фанты) 124 905
Будьте как дома 324 925
<В. П. Буренину> 346 933
«Была весна. Из сада неся гул» (Опыты переводов Гейне на русский язык. II) 137 908
«Был век славный, золотой» (Праздная суета) 73 898

¹ Первая цифра обозначает страницу текста а вторая (курсивом) страницу примечания

- В** альбом. Крупну-младшему, приехавшему в Петербург 339 931
В альбом русской барыне 52 894
«Ваш начальник нрава, говорят, крутого?» (Интимная беседа) 220 915
«В виду океана ревел, как Борей» (На морском берегу) 306 920
«В глухую ночь я шел Колодной» (Гражданские мотивы. II.) 146 909
«Вдали сверкают Апеннины» (Альбом светской дамы... А. Майков) 161 911
В день именин И. А. А<рсень>еву 315 920
«В доносах грязных изловчась» (М. Н. К<атко>ву. II) 341 932
«В древнем Ахене в старой гробнице лежит» (Германия. Гл. III. Из Гейне) 467 941
«Ведя журнальные дебаты» (Зоилу) 336 929
П. Верещагин (Река Чусовая) 334 929
«Вестнику Европы» 342 932
Взгляд и нечто 286 919
«Вздыхнул я от горя немалого» (На художественной академической выставке. IV. «Прощание Гектора с Андромахой» С. Постникова) 316 921
Вильяму Шекспиру от Михаила Бурбонова 119 904
В кабинете цензора (Отголоски о цензуре. II) 341 931
«В кругу друзей у камелька» 178 912
«В лесу, под зеленым навесом» (Куку...) 79 898
«В ломотьях нищенских, измучена работой» (Песня о рубашке. Из Гуда) 497 943
В могиле (Опыты переводов Гейне на русский язык. I) 136 908
«В народной нашей жизни» (Неотразимая логика) 232 915
«В нашем городе жизнь улыбается» (Уездный городок) 139 908
Война и мир 206 914
«Волна, остановись, отпрянь назад. Довольно!» (Во мраке. Из Гюго) 482 942
Во мраке (Из Гюго) 482 942
Вопль ретрограда 298 919
«Во поле березынька стояла» (Песни о розгах. I) 301 919
Вопрос 325 926
«Вороне, хищнице известной, где-то бог» (Современная басня) 295 919
Во сне (Конкурсные стихотворения... I) 61 896
«Вот занавес взвился, и вскоре» (При новой постановке «Горя от ума») 322 924
«Вот имя славное. С дней откупов известно» (В. Кокорев) 344 933
«В полдневный жар на даче Безбородко» (Конкурсные стихотворения... I. Во сне) 61 896
«В поэте этом скромность мне знакома» (Я. Полонскому. По поводу его книги «Снопы») 325 925
«„В путь дорогу!“ — новейший роман!» (Надпись к роману г. Боборыкина «В путь-дорогу!») 317 921
«В ресторане ел суп сидя я» 319 922
«В России немец каждый» (Чиновным немцам) 335 929
«Все в природе плачет» (Альбом светской дамы... А. Плещеев) 163 911
«Всега неподкупен велик» (Смех) 254 916

- «Всего, чем жизнь кипит вокруг» (Одному из деятелей) 327 926
 «В системе нашей солнечной» (Кому на свете жить плохо) 434 939
 «В степи, на кургане склоняясь» (Сон великана) 251 916
 «В стихах и в прозе, меньший брат» 227 915
 В Финляндии 331 927
 «Вчера попробовал чиза» (Привычка — вторая натура) 281 918
 Выбор невесты (Болгарская песня) 510 944
 «Выпив миску жженки» (Альбом светской дамы... М. Розенгейм) 163 911
 «Вы поддались на приманку» (Альбом светской дамы... М. Розенгейм) 164 911
 «Вы правы, милые певцы!» (А. Майкову и Ф. Бергу, ставшим постоянными сотрудниками детского журнала «Дело и отдых») 318 922
 «В этих нищих мы напрасно» (На художественной академической выставке. I. «Нищие» г. Гаугера) 316 921
- Г**азете «День» 315 920
 «Гаснул день в дымке сумерек нежных» (На взморье) 265 917
 Н. Ге («Какие ни выкидывая курбеты») 337 930
 Германия (Из Гейне) 467 941
 «Говорят про сладость» 263 917
 «Голова осла» профессора Швабе (На художественной академической выставке. III) 316 921
 «Гоним карающим Зевесом» (Пушкину, после вторичной его смерти) 319 923
 «Гоняйся за словом тут каждым!» 133 907
 «Гордись же ты, надменный росс!» 322 924
 Г-ну Барышеву, переводчику байроновского «Каина» 339 931
 Гражданин Невского проспекта 201 914
 Гражданские мотивы 146 909
 Графу Соллогубу 323 924
 Грозный акт 54 895
 «Грустная картина» (Пейзаж) 51 894
 «Грустным известьем хочу опечалить своих земляков я» (Опыт всемирной корреспонденции. Турин) 116 903
- «Давно ли, безумный и праздный» (Альбом светской дамы... А. Фет) 162 911
 «Да, ты хорош, великий Рим» (Осеннее петербургское утро... VI. По Майкову) 152 909
 «Два бедняка из лавки угловой» (Трели и сигналы... III) 332 928
 Два века 111 903
 «Две силы взвесивши на чашечках весов» (На союз Ф. Достоевского с кн. Мещерским) 329 927
 Две смерти 287 919
 Две судьбы 226 915
 Две эпохи 458 940
 Двое 192 913
 Двуликий Янус 166 911
 «Действительный статский советник Курдюк» (Две смерти) 287 919
 «Дела давно минувших дней» (Два века) 111 903

Демон 450 940

«День осенний над столицей» (Осеннее петербургское утро... VII.

По Бенедиктову) 152 909

Детям 89 900

Дикие сны 224 915

«Для чего на свете звезды?» (Загадка) 326 926

«„Дню“ мадригала лучше нет» (Газете «День») 315 920

Добрый пес 191 913

Добрый совет 195 913

«Доктора в лечени странны» (При посылке романа «Взбаламу-
ченное море») 319 922

Домашнее горе (Трели и сигналы... I) 331 928

«Друг друга любили они с бескорытием оба» (Конкурсные стихо-
творения... III. Московская легенда XIX века) 63 896

Дуэт 120 904

Евгений Онегин нашего времени 376 935

«Его картина цели достигает» (В. Орловского «Рыбаки») 331 927

«Его удел — смешить нас всех» (Шут) 198 913

«Едва ли стих, которым пишут оды» (Ад) 353 934

«Едва ль придет художнику охота» 338 930

«Еду. Спереди и сзади» (Из И. Аксакова... Школьник) 299 919

«Ем ли суп из манных круп» (В альбом. Круппу-младшему, при-
ехавшему в Петербург) 339 931

«Если дурен народ, если падает край» (Дуэт) 120 904

Жалоба уездной красавицы 96 901

Жижиленко 344 933

«Жизни камнь философский» (Двуликий Янус) 166 911

«Жизнь наша вроде плац-парада» 145 909

«Жизнь, обновись! — О, желанье нескромное!» (На перепутьи) 230
915

«Жил да был виконт Сыр-Бри» (Сказка о славном виконте Сыр-
Бри) 247 916

Житейская иерархия 266 917

Журналу «Нива» 323 924

Журналу, переменившему редактора 333 928

«Журнальный враг твой очень злится» (Скопцу П<лотицы>ну, ко-
торого преследовала одна московская газета) 322 924

«Завидую когда-то» (Две судьбы) 226 915

Загадка («Для чего на свете звезды?») 326 926

Загадка («Кто на Руси возрастил красноречья афинского розы?») 315 920

Заговор в Лесном 293 919

За кулисами 334 929

Закулисный слух 343 932

«Залит бал волнами света» (Бал) 67 897

Заметки 320 923

Записка 335 929

«Зачем его мы разбудили?» (Пробуждение) 242 916

«За что — никак не разберу я» (М. Н. Л<онгино>ву) 330 927

Звезды и Случевский 272 917

«Здесь в указатель глядеть не приводится» (На художественной академической выставке. II. К картине «Битая дичь» г. Граверта) 316 921

«Здесь над статьями совершают» (Отголоски о цензуре. II. В кабинете цензора) 341 931

«Здравствуй, барин!» (Современные герои) 308 920

Зонлу 336 929

Золотой век 243 916

«Из Афин вам прямо сообщаю вести» (Опыт всемирной корреспонденции. Афины) 115 903

Из И. Аксакова... Школьник 299 919

Из Беранже (Альбом светской дамы... М. Розенгейм) 163 911

Из Гейне (Альбом светской дамы... В. Греков) 164 911

Из Саути (Альбом светской дамы... А. Плещеев) 163 911

«Имея многие таланты» (На ком шапка горит?) 342 932

«Имея пломбу от Европы» (Поветрие) 303 920

Интимная беседа 220 915

История одного романиста 325 925

«Итальянских певцов-теноров» (Альбом светской дамы... Н. Щербина) 162 911

Иван и Авель (Из Бодлера) 491 942

«Какие ни выкидывай курбеты» (Н. Ге) 337 930

«Каким мы именем назвать тебя должны» (Ни день, ни ночь. Из Гюго) 484 942

«Каков талант? И где ж его» 322 924

«Какого мнения вы об С.? — Да о котором?» 332 928

«Какой прелестный дом! Всё, до пустых безделиц» (Параллель) 328 927

«Как член российской нации» <М. Т. Лорис-Меликову> 339 931

М. Н. К<атко>ву 341 932

Князя (Из Барбье) 475 941

«Кислая осень в окошко врывается» (Осенняя виньетка) 329 927

К картине «Битая дичь» г. Граверта (На художественной академической выставке. II) 316 921

К картине г. Крестоносцева (На художественной академической выставке. VI) 317 921

Клевета 324 925

«Когда в гостях супругам говорят» (Будьте как дома) 325 925

«Когда в челе своих дружин» (Последние славянофилы) 106 902

«Когда заводит речь бедняк» (Протест) 238 916

«Когда к портрету только подойдешь» (И. Крамской. «Портрет художника И. Шишкина») 338 930

«Когда наплыв противных мне идей» (Лирические песни с гражданским отливом. II) 129 906

«Когда пред нами в образах поэта» (Блудные дети) 285 919

«Когда сном крепким спал народ» (Мотивы русских поэтов. IV. Юбилейный мотив) 183 912

«Когда-то, милые друзья» 229 915

«Когда я нравлюсь публике? — спроста» 321 923

«Кого пленит теперь ятла» (Наши титаны) 333 928

В Кокорев 344 939

- Кому на свете жить плохо 434 939
 «Конечно, недостатки есть и в ней» (Читаю) 332 928
 «Кони ржут за Сулою» (Слово о полку Игореве III) 158 910
 Конкурсные стихотворения на звание члена Общества любителей
 российской словесности 61 896
 Король и шут 297 919
 «Король негодует, то взад, то вперед» (Король и шут) 297 919
 «Коротенькие мысли, коротенькие строчки» (История одного ро-
 маниста) 325 925
 К пьесе «Чужая вина» г. Устрялова 318 921
 И. Крамской «Портрет художника И. Шишкина» 338 930
 «Кружась в житейской суете» (Добрый совет) 195 913
 Круппу — см. В альбом. Круппу младшему...
 Вик. Крылову 345 933
 «Кто на Руси возрастил красноречья афинского розы?» (Загадка)
 315 920
 Кто он? 186 913
 «„Кто там?“ — „Я истина“. — „Назад!“» (У входа в прессу) 320 923
 «К тяжелой конуре привязан» (Добрый пес) 191 913
 Куку... 79 898
 Кумушки 91 900
 Ю. П. еман. «Дама под вуалью» 337 930
 Лес (И. Шишкина) 340 931
 «Лет... неизвестных он лет» (Лирик) 175 912
 «Либерал от ног до темени» (Либерал от «Порядка») 338 931
 Либерал от «Порядка» 338 931
 Лирик 175 912
 Лирические песни без гражданского отлива 131 907
 Лирические песни с гражданским отливом 128 906
 Литературщику 344 933
 «Лишь над городом зимней порой» (Мишура. Отрывок из поэмы
 «Та или эта?») 349 934
 М. Н. Л<онгино>ву 330 927
 <М. Т. Лорис-Меликову> 339 931
 Лунная ночь 189 913
 Лунное затмение (Народные мотивы. II) 279 918
 «Любезный друг Шекспир, талантлив ты, — не спорим» (Вильяму
 Шекспиру от Михаила Бурбонова) 119 904
 «Люди взгляда высшего» (Провинциальным Фамусовым) 81 899
Мадригал 344 933
 А. Майкову и Ф. Бергу, ставшим постоянными сотрудниками дет-
 ского журнала «Дело и отдых» 318 922
 Б. М<аркевичу> («На днях, влача с собой огромных два порт-
 сака») 338 930
 Болеславу М<аркевичу> («Не дается боле слава») 337 930
 «Матушка родная, нынче утром рано» (Выбор невесты. Болгар-
 ская песня) 510 944
 Кн. В. Мещерскому 333 928
 М. О. М<икешину> 328 926
 «Мировой судья Трофимов за известные деянья» (Александрин-
 скому театру) 334 929

- «Мир — это шайка мародеров» (Мотивы русских поэтов. I. Мотив мрачно-обличительный) 181 912
- Мишура. Отрывок из поэмы «Та или эта?» 349 934
- «Мне жаль тебя, несчастный брат!» (Мотивы русских поэтов. II. Мотив слезно-гражданский) 182 912
- «Мне попалась в январе ты» (Опыты переводов Гейне на русский язык. III) 138 908
- «Мой булочник стал дурно булки печь» (Трели и сигналы... II) 331 928
- «Мой дядя, как Кирсанов Павел» (Евгений Онегин нашего времени) 376 935
- «Молчи, толпа!.. Твой детский ропот» (Насущный вопрос) 212 914
- Монолог художника в драме «Джулиано Бертини или терновый веночек гения» 65 897
- Москвичи на лекции по философии 366 935
- Московская легенда XIX века (Конкурсные стихотворения... III) 63 896
- Мотивы русских поэтов 181 912
- Муза 193 913
- «Муза, прочь от меня!» (Муза) 193 913
- «Мы встретились с вами на бале» (Альбом светской дамы... Я. Полонский) 161 911
- «Мы, люди старого закала» (Напрасные опасения) 304 920
- «Мы на ложах сидели пурпурных» (Чувство грека) 69 897
- «Мы перемены в нем дождались» (Журналу, переменившему редактора) 333 928
- «Мы сидели на балконе» (Осеннее петербургское утро... III. По Фету) 150 909
- «Мысль Лемана развить задумавши упрямо» (Ю. Леман. «Дама под вуалью») 337 930
- «Мы, чьи огни до зари зажигаются» (Песня работников. Из Дюпона) 488 942
- «**Н**а борзом коне воевода скакал» 214 914
- На взморье 265 917
- «На горе стояла рано утром Вила» (Совет Вилы. Сербская песня) 508 944
- «Над Невою посребренной» (Осеннее петербургское утро... V. По Тютчеву) 151 909
- «На днях, влача с собой огромных два портсака» (Б. М<аркеви>чу) 338 930
- Надпись к пиесе «Было да прошло» 317 921
- Надпись к роману г. Боборыкина «В путь-дорогу!» 317 921
- Над урной 77 898
- На ком шапка горит? 342 932
- На морском берегу 306 920
- «На нашей почве урожайной» (Заметки. I) 320 923
- «На Невском проспекте в четыре часа» (Гражданин Невского проспекта) 201 914
- На перепутьи 230 915
- Напрасные опасения 304 920
- На прощанье 326 926

- Народные мотивы 279 918
 «На село вернулся ратник» (Храбрый ратник) 216 914
 На союз Ф. Достоевского с кн. Мещерским 329 927
 Насушный вопрос 212 914
 «На сцене видя пьесу эту» (Боборыкину в роли Чацкого) 318 921
 На улице 185 913
 На художественной академической выставке 316 921
 «На чужбине каждый жаден» (Альбом светской дамы... Кн. Вяземский) 165 911
 Нашествие свистопляски 87 899
 Наши титаны 333 928
 Няву (Конкурсные стихотворения... II) 62 896
 «Не верьте клевете, что мы стоим на месте» (Клевета) 324 925
 «Не все ж смеяться нам... Находит иногда» (Две эпохи) 458 940
 «Не гордись, о смертный» (Открытие) 90 900
 «Не дается боле слава» (Болеславу М<аркевичу>) 337 930
 «Недаром он в родной стране» (По прочтении романа И. Тургенева «Вешние воды») 328 926
 «Не диво, что клонил всех слушателей сон» (Одному из лекторов) 346 933
 «Не кукушка куковала» (Слово о полку Игореве. IV. Плач новой Ярославны) 158 910
 «Нельзя довериться надежде» 324 925
 «Немало развелось теперь людей» (Золотой век) 243 916
 Необходимая оговорка 336 929
 Неотразимая логика 232 915
 «Непризнанный пророк» (Справедливое опасение) 343 933
 «Не рожден я ликующим лириком» (Похвальное слово воровству) 267 917
 «Несчастливая жена рыдает день и ночь» (Трели и сигналы... I. Домашнее горе) 331 928
 Нигилист 420 939
 Ни день, ни ночь (Из Гюго) 484 942
 Нищие (г. Гаугера) (На художественной академической выставке. I) 316 921
 Новая новинка 340 931
 «Нового года лишь вспыхнет денница» (1-е января) 93 901
 «Ночь зловещую, гнойную, серую» (Осеннее петербургское утро... I. По Некрасову) 148 909
 «Ночь, мороз трещит. На сонный» (Заговор в Лесном) 293 919
 «Ночь над мертвым тяготела» (Опыты переводов Гейне на русский язык. I. В могиле) 136 908
 «Ночь. На море качка» (Альбом светской дамы... В. Греков) 164 911
 «Ночь. Тройка борзая несется» (Осенняя виньетка) 342 932
 NN 345 933
- «❶ академик! Извлеки» (П. Верещагин. «Река Чусовая») 334 929
 «Обзавестись в преклонные года» (Вик. Крылову) 345 933
 «Область рифм — моя стихия» (В Финляндии) 331 927
 «О боже, помоги» (Литературщику) 344 933
 «Обучена в хорошей школе» (Полуслова) 241 916

«Однажды заболел Зевес» (Перемешанные шашки) 256 916
«Однажды я с супругой Анной» (Ужасный пассаж...) 169 912
Одному из деятелей 327 926
Одному из лекторов 346 933
Одному из многих 336 929
«О Зевс! Под тьмой родного крова» (Отголоски о цензуре. I) 341 931
«Она останется всегда» (Мадригал) 344 933
«Он всюду тут как тут, живет во весь карьер» (Одному из многих) 336 929
«О Незнакомец! Вы учеников-птенцов» (Песни о розгах. II) 302 919
«Он знает, где зимуют раки» (NN) 345 933
«Они под звон нестройных лир» (Современные лирики) 334 929
«Он пейзажист такого рода» (Жижиленко) 344 933
Опровержение 323 924
Опыт всемирной корреспонденции 115 903
Опыты переводов Гейне на русский язык 136 908
В. Орловского (Рыбаки) 331 927
Осеннее петербургское утро в 7 песнях на одну тему 148 909
Осенняя виньетка («Кислая осень в окошко врывается») 329 927
Осенняя виньетка («Ночь. Тройка борзая несется») 342 932
«Островский Феоктистову» 343 933
«От германского поэта» 172 912
Отголоски о цензуре 341 931
Отелло и Дездемона (Картина К. Кенига) (На художественной академической выставке. V) 317 921
Открытие 90 900
«От опасных вечных тая» (Вопль ретрограда) 298 919
Отрывок из романа, который никогда не напечатается 82 899
«От увлечений, ошибок горячего века» (Совет) 123 905
«От «франных пьес» томит нас скука» (После спектакля) 345 933
Отцы или дети? 98 901

Параллель 328 927

Парнасский приговор 57 895
Педагогический приговор 103 902
Пейзаж («Грустная картина») 51 894
Пейзаж («Природу всю томит жар сильный») 271 917
1-е января 93 901
Перед гробом М. Н. Лонгинова 330 927
Перемешанные шашки 256 916
Песни о розгах 301 919
Песня о рубашке (Из Гуда) 497 943
Песня работников (Из Дюпона) 488 942
Песня Чайльд-Гарольда (Из Байрона) 493 943
Печальный выигрыш 329 927
«Печальный демон, дух изгнания» (Демон) 450 940
«Платоша, душечка! не будь такой тюфяк» (Москвичи на лекции по философии) 366 935
Плач новой Ярославны (Слово о полку Игореве. IV) 158 910
«Племя Авеля, будь сыто и одето» (Канн и Авель. Из Бодлера) 491 942

- Поветрие 303 920
 Подбоченясь ходит месяц 72 897
 «Подобно графу Соллогубу» (Нигилист) 420 939
 «Поздним летом, ночью тихой» (Альбом светской дамы... Ф. Тютчев) 162 911
 «Полночный мрак!.. Лишь лунным светом» (Лунная ночь) 189 913
 Я. Полонскому. По поводу его книги «Сноп» 325 925
 Полуслова 241 916
 «По Невскому бежит собака» <В. П. Буренину> 346 933
 «По недовольной, кислой mine» (Ренегат) 219 914
 «Понемножку назад да назад» 342 932
 «По паре ног у них двоих» (При чтении романа «При Петре I») 327 926
 По прочтении драмы «Мамаево побоище» 319 922
 По прочтении романа И. Тургенева «Вешние воды» 328 926
 «По селу идет с котомкой» (Народные мотивы. II) 279 918
 После бенефиса 336 929
 Последние славянофилы 106 902
 После спектакля 345 933
 По случаю поступления в дом гувернантки из англичанок. (Альбом светской дамы... М. Розенгейм) 164 911
 «Послушать вас — вам все сродни на свете» (Вопрос) 325 926
 «Посмотри кругом, малютка» (Осеннее петербургское утро... III. По Фету) 150 909
 «Посреди огромной залы» (Педагогический приговор) 103 902
 «Потух последний луч зари» (Отрывок из романа, который никогда не напечатается) 82 899
 Похвальное слово воровству 267 917
 «Почтить в день ангела — обычай» (В день именин И. А. А<р-сень>еву) 315 920
 «Поэт! к единственной я склонен похвале» (Н. Щербине, издавшему сборник «Пчела») 320 923
 Поэт перед судом адвоката 310 920
 «Поэт понимает, как плачут цветы» 253 916
 «По эфиру, как с поминок» (Звезды и Случевский) 272 917
 «Правдиво так написан лес» («Лес» И. Шишкина) 340 931
 Праздная суета 79 898
 Праздничная дума 204 914
 Привычка — вторая натура 281 918
 При новой постановке «Горя от ума» 322 924
 При посылке романа «Взбаламученное море» 319 922
 «При разделе мира Зевс, все громы спрятав» (Раздел) 260 917
 Природа и люди 228 915
 «Природа манит всех к себе, но как?» (Природа и люди) 228 915
 «Природу всю томит жар сильный» (Пейзаж) 271 917
 При чтении романа «При Петре I», соч. Ключникова и Кельсиева 327 926
 Пробуждение 242 916
 Провинциальным Фамусовым 81 899
 «Про порядки новые» (6 августа 1880) 282 918
 Проселком 70 897
 «Проснулась в нем страстей игра» (Заметки. II) 320 923

«Прости! Утопает в дали голубой» (Песня Чайльд-Гарольда. Из Байрона) 493 943

Просьба 101 902

Протест («Когда заводит речь бедняк») 238 916

Протест («Я Марса одного недавно назвал Марсом...») 325 925

«Прохожие! забудьте зло» (Надпись к пиесе «Было да прошло») 317 921

«Прощание Гектора с Андромахой» С. Постникова (На художественной академической выставке. IV) 316 921

«Пусть твой зонт тебя не признает» (Журналу «Нива») 323 924

«Пусть травы на воде русалки колыхают» 135 907

Пушкину, после вторичной его смерти 319 923

<Разговор трех теней> 84 899

Раздел 260 917

«Раз проселочной дорогою» (Проселком) 70 897

«Раскрыл я Пушкина недавно» (П. В. Шумахеру) 329 927

Ренегат 218 914

«Розог не бойтесь, дети!» (Детям) 89 900

«Русь героями богата» (Мотивы русских поэтов. V. Мотив бешено-московский) 184 912

«Сапожник» (Кочетова) 340 931

«Своею драмой донимаю» (По прочтении драмы «Мамаево побоище») 319 922

Свой своему вовсе не брат 234 915

«Сегодня поутру был праздничный звон» (Опыт всемирной корреспонденции. Мюнхен) 116 903

«— Скажи-ка, дядя, без утайки» (Война и мир) 206 914

Сказка о восточных послых 109 902

Сказка о славном виконте Сыр-Бри 247 914

Скопцу П<лотицы>ну, которого преследовала одна московская газета 322 924

Слово о полку Игореве 155 910

«„Служителем искусства“ постоянно» (Артисту-любителю) 326 926

Смертному 53 895

«Смерть идет» <Разговор трех теней> 84 899

Смех 254 916

«Смолкни, больной и мятежный» (Смертному) 53 895

«Смочит в небо Сикофантов-князь» (Слово о полку Игореве. II) 156 910

Совет 123 905

Совет Вилы (Сербская песня) 508 944

Современная басня 295 919

Современные герои 308 920

Современные лирики 334 929

Соллогубу — см. Графу Соллогубу

«Солнце весны улыбается кротко» (Гражданские мотивы. I) 146 909

«Солнце спряталось в тумане» (Лирические песни с гражданским отливом. IV) 130 906

Сон великана 251 916

- «Сплин нагоняющий, усердный, как пчела» («Вестнику Европы») 342 932
 Справедливое опасение 343 933
 «Сразить могу тебя без всякого усилья» (Безымянному журналисту) 321 923
 «С расстройством в голове» (Фискал) 221 915
 «С толпой журнальных кунаков» (М. Н. К<атко>ву. I) 341 932
 «Стремясь к сближению с народом» (Свой своему вовсе не брат) 234 915
 «Строго различаем мы с давнишних пор» (Житейская иерархия) 266 917
 «Стяжав барковский ореол» (Перед гробом М. Н. Лонгинова) 330 927
 «Сюжет по даровавью и по силам» («Сапожник» — Кочетова) 340 931
 «Сядем здесь, под этим кленом!» (Лирические песни с гражданским отливом. I) 128 906

Та или эта? — см. Мишура

- «Так много таланта и чувства» (В. Якобий. «Портрет г-жи Р-сой») 332 928
 «Твое произведение» (На художественной академической выставке. III. «Голова осла» профессора Швабе) 316 921
 «Текущей журналистику назвать» (Необходимая оговорка) 336 929
 «Темной ночью тащился по лесу рыдван» (Германия. Гл. XII. Из Гейне) 469 941
 Тирольские элегии в песнях к месяцу (Из Гавличка) 500 943
 «Тихая звездная ночь» (Лирические песни без гражданского отлива. III) 131 907
 «Тихий вечер навевает» (Мотивы русских поэтов. III. Мотив ясно-лирический) 182 912
 Трели и сигналы отставного майора М. Бурбонова 331 928
 «„Ты куда бежишь?“ — „Купаться!“» (Народные мотивы. I) 279 918
 «Ты предо мною сидишь» (Лирические песни без гражданского отлива. I) 131 907
 «Ты счастлив, друг-рыбак, средь вольной нищеты» (Кияя. Из Барбье) 475 941

У видавши Росси в «Лире» (Закулисный слух) 343 932

У входа в прессу 320 923

Уездный городок 139 908

Ужасный пассаж или истинное повествование о том, как один господин важного сана обратился в водолаза и что от этого произошло 169 912

«Уж много лет без утомленья» (Отцы или дети?) 98 901

У камелька — см. «В кругу друзей у камелька».

«Украшился журнальный огород» (Новая новинка) 340 931

«У редактора газеты» (Грозный акт) 54 895

«Услышавши, что скоро, ваше—ство» (На прощанье) 326 926

«У тебя, бедняк, в кармане» 321 923

«Утро. Весь город от сна просыпается...» (На улице) 185 913

«Утром. Мненья либеральные» (Взгляд и нечто) 286 919

«Утро позднее. Небо туманное» (Через двадцать пять лет) 273 918

Фанты 124 905
<Е. М. Феоктистову> 343 933
Фискал 221 915

Хапалов. «Портрет старушки» 335 929
Хлеб и соль 338 931
«Хлеб с солью дружен... Так подчас» (Хлеб и соль) 338 931
«Холод, грязные селенья» (Лирические песни с гражданским отливом. III) 129 936
«Хотелось мне для вашего альбома» (Альбом светской дамы... А. Плещеев) 163 911
«Хотя из памяти своей» (Графу Соллогубу) 323 924
Храбрый ратник 216 914
«Христос воскрес! Я помню времена» (Праздничная дума) 204 914
«Художник смелый наш, Орфей в карикатуре!» (М. О. М<икешин>у) 328 926

Через двадцать пять лет 273 918
Чиновным немцам 335 929
Читаю 332 928
«Чтоб утонуть в реке, в нём сердце слишком робко» (Опровержение) 323 924
«Что за волнение в рядах журналистики?» (Нашествие свистопляски) 87 899
«Что ж, чокнемся в последний раз» 337 930
«Что за развалины! Скажите, мой любезный» (Параллель) 328 927
«Что случилось потом в эту чудную ночь» (Германия. Гл. XXVII. Из Гейне) 471 941
«Что это: ночь или день?» (Лирические песни без гражданского отлива. II) 131 907
«Что это, тетенька, — просто мучение» (Жалоба уездной красавицы) 96 901
Чувство грека 69 897
«Чудная картина!» 134 907
«Чья же пьеса нынче шла?» (После бенефиса) 336 929

Шекспиру от Михаила Бурбонова — см. Вильяму Шекспиру... 6 августа 1880 282 918
Школьник — см. Из И. Аксакова
«Шлет нам гостинцы Восток» (Сказка о восточных послых) 109 902
П. В. Шумахеру 329 927
«Шум, волнение на Парнасе» (Парнасский приговор) 57 895
Шут 198 913

Н. Щербине, издавшему сборник «Пчела» 320 923

«**Э**та драма назваться должна» (К пьесе «Чужая вина» г. Устрялова) 318 921
«— Эх! не плачь, кума!» (Кумушки) 91 900

Юмористам 117 904
«Юмористы! смейтесь все вы» (Юмористам) 117 904

- «Я весь в жару, как в первый день признанья» (Монолог художника в драме «Джулиано Бертини или терновый веноч гения») 65 897
- «Я вместо всякого письма» (Записка) 335 929
- «Я внук Карамзина!» (Кн. В. Мещерскому) 333 928
- «„Я дом купил!“ — „Ах, очень рад!“» (Печальный выигрыш) 329 927
- «Я думал, глядя на треножник» (На художественной академической выставке. VI. К картине г. Крестоносцева) 317 921
- «Я, жены севера, ныне с участием» (Просьба) 101 902
- В. Якобий. «Портрет г-жи Р-сой» 332 928
- «Я люблю тебя во всем» (В альбом русской барыне) 52 894
- «Я Марса одного недавно назвал Марсом» (Протест) 325 925
- «Я не гожусь, конечно, в судьи» 324 925
- «Я не рожден в альбомы дам» (Альбом светской дамы... Один из многих) 165 911
- «„Я — новый Байрон!“ — так кругом» (Аналогия стихотворца) 318 922
- «Я, обожая панну Лизу» 143 909
- «Я слушал беседу двух старцев в гостиной» (Двое) 192 913
- «Я трепетал» (Конкурсные стихотворения... II. Наяву) 62 896
- «Я уснул, и в каком-то безумном бреду» (Дикие сны) 224 915
- «Я хандры не могу превозмочь» (Осеннее петербургское утро... IV. По Полонскому) 151 909

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. Редакция и сотрудники «Искры» в 1861 г. С экземпляра, подаренного П. И. Вейнбергу В. С. Курочкиным и Н. А. Степановым. Музей Пушкинского дома Академии наук СССР. На снимке: сидят (слева направо) — М. М. Стопановский, Д. Д. Минаев, Н. С. Курочкин, Н. Л. Ломан, Н. А. Степанов, В. С. Курочкин, Г. З. Елисеев, П. И. Вейнберг; стоят — художники Н. В. Иевлев, А. М. Волков, композитор А. С. Даргомыжский, В. В. Толбин, гравер П. Куренков, С. Н. Степанов (сын Н. А. Степанова). — *Фронтиспис*.

2. Д. Д. Минаев. Фотография А. Эйхова. 60-е годы. Музей Пушкинского дома Академии наук СССР. *Между стр.* 64 и 65.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Дмитрий Минаев

Дмитрий Минаев. Вступительная статья *И. Ямпольского* . 7

I

Пейзаж	51	<i>894</i>
В альбом русской барыне	52	<i>894</i>
Смертному	53	<i>895</i>
Грозный акт	54	<i>895</i>
Парнасский приговор	57	<i>895</i>
Ах, где та сторона?	59	<i>896</i>
Конкурсные стихотворения на звание члена Общества любителей русской словесности		
I. Во сне	61	<i>896</i>
II. Наяву	62	<i>895</i>
III. Московская легенда XIX века	63	<i>896</i>
Монолог художника в драме «Джулиано Бертини или тер- новый венок гения»	65	<i>897</i>
Бал	67	<i>897</i>
Чувство грека	69	<i>897</i>
Проселком	70	<i>897</i>
Подбоченья ходит месяц	72	<i>897</i>
Праздная суета	73	<i>898</i>
Над урной	77	<i>898</i>
Куку	79	<i>898</i>
Провинциальным Фамусовым	81	<i>899</i>
Отрывок из романа, который никогда не напечатается	82	<i>899</i>
<Разговор трех теней>	84	<i>899</i>

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Нашествие свистопляски	87 899
Детям	89 900
Открытие	90 900
Кумушки	91 900
1-е января	93 901
Жалоба уездной красавицы	96 901
Отцы или дети?	98 901
Просьба	101 902
Педагогический приговор	103 902
Последние славянофилы	106 902
Сказка о восточных послых	109 902
Два века	111 903
Опыт всемирной корреспонденции	115 903
Юмористам	117 904
Вильяму Шекспиру от Михаила Бурбонова	119 904
Дуэт	120 904
Совет	123 905
Фанты	124 905
Лирические песни с гражданским отливом	
I. «— Сядем здесь, под этим кленом!»	128 906
II. «Когда наплыв противных мне идей»	129 906
III. «Холод, грязные селенья»	129 906
IV. «Солнце спряталось в тумане»	130 906
Лирические песни без гражданского отлива	
I. Ты предо мною сидишь	131 907
II. «Что это: ночь или день?»	131 907
III. «Тихая звездная ночь»	131 907
«Гоняйся за словом тут каждым!»	133 907
«Чудная картина!»	134 907
«Пусть травы на воде русалки колыхают»	135 907
Опыты переводов Гейне на русский язык	
I. В могиле	136 908
II. «Была весна. Из сада несся гул»	137 908
III. «Мне попалась в январе ты»	138 908
Уездный городок	139 908
«Я, обожая панну Лизу»	143 909
«Жизнь наша вроде плац-парада»	145 909
Гражданские мотивы	
I. Солнце весны улыбается кротко	146 909
II. «В глухую ночь я шел Коломойной»	146 909
Осеннее петербургское утро в 7 песнях на одну тему	
I. По Некрасову	148 909
II. По Плещееву	149 909
III. По Фету	150 909
IV. По Полонскому	151 909
V. По Тютчеву	151 909
VI. По Майкову	152 909
VII. По Бенедиктову	152 909
Слово о полку Игореве	155 910
Альбом светской дамы, составленный из произведений русских поэтов	
«Вдали сверкают Апеннины» (А. Майков)	161 911

«Мы встретились с вами на бале» (Я. Полонский) . . .	161 911
«Давно ли, безумный и праздный» (А. Фет) . . .	162 911
«Итальянских певцов-теноров» (Н. Щербина) . . .	162 911
«Поздним летом, ночью тихой» (Ф. Тютчев) . . .	162 911
Из Саути (А. Плещеев) . . .	163 911
«Хотелось мне для вашего альбома» (А. Плещеев) . . .	163 911
Из Беранже (М. Розенгейм) . . .	163 911
По случаю поступления в дом гувернантки из англичанок (М. Розенгейм) . . .	164 911
Из Гейне (В. Греков) . . .	164 911
«Я не рожден в альбомы дам» (Один из многих) . . .	165 911
«На чужбине каждый жаден» (Кн. Вяземский) . . .	165 911
Двуликий Янус . . .	166 911
Ужасный пассаж или истинное повествование о том, как один господин важного сана обратился в водолаза и что от этого произошло . . .	169 912
«От германского поэта» . . .	172 912
Лирик . . .	175 912
«В кругу друзей у камелька» . . .	178 912
Мотивы русских поэтов	
I. Мотив мрачно-обличительный . . .	181 912
II. Мотив слезно-гражданский . . .	182 912
III. Мотив ясно-лирический . . .	182 912
IV. Юбилейный мотив . . .	183 912
V. Мотив бешено-московский . . .	184 912
На улице . . .	185 913
Кто он? . . .	186 913
Лунная ночь . . .	189 913
Добрый пес . . .	191 913
Двое . . .	192 913
Муза . . .	193 913
Добрый совет . . .	195 913
Шут . . .	198 913
Гражданин Невского проспекта . . .	201 914
Праздничная дума . . .	204 914
Война и мир . . .	206 914
Насущный вопрос . . .	212 914
«На борзом коне воевода скакал» . . .	214 914
Храбрый ратник . . .	216 914
Рснегат . . .	218 914
Интимная беседа . . .	220 915
Фискал . . .	221 915
Дикие сны . . .	224 915
Две судьбы . . .	226 915
«В стихах и в прозе, меньший брат» . . .	227 915
Природа и люди . . .	228 915
«Когда-то, милые друзья» . . .	229 915
На перепутьи . . .	230 915
Неотразимая логика . . .	232 915
Свой своему вовсе не брат . . .	234 915
Протест . . .	238 916
Полуслова . . .	241 916

Пробуждение	242 916
Золотой век	243 916
Сказка о славном викоите Сыр-Бри	247 916
Сон великана	251 916
«Поэт понимает, как плачут цветы»	253 916
Смех	254 916
Перемешанные шашки	256 916
Раздел	260 917
«Говорят про сладость»	263 917
На взморье	265 917
Житейская иерархия	266 917
Похвальное слово воровству	267 917
Пейзаж	271 917
Звезды и Случевский	272 917
Через двадцать пять лет	273 918
Народные мотивы	
I. «„Ты куда бежишь?“ — „Купаться“»	279 918
II. Лунное затмение	279 918
Привычка — вторая натура	281 918
6 августа 1880	282 918
Блудные дети	285 919
Взгляд и нечто	286 919
Две смерти	287 919
Заговор в Лесном	293 919
Современная басня	295 919
Король и шут	297 919
Вопль ретрограда	298 919
Из И. Аксакова	299 919
Песни о розгах	
I. «Во поле березынька стояла»	301 919
II. «О Незнакомец! Вы учеников-птенцов»	302 919
Поветрие	303 920
Напрасные опасения	304 920
На морском берегу	306 920
Современные герои	308 920
Поэт перед судом адвоката	310 920

II

Газете «День»	315 920
Загадка («Кто на Руси возрастил красноречья афинского розы?»)	315 920
В день именин И. А. А<рсень>еву	315 920
На художественной академической выставке	
I. Нищие (г. Гаугера)	316 921
II. К картине «Битая дичь» г. Граверта	316 921
III. «Голова осла» профессора Швабе	316 921
IV. «Прощание Гектора с Андромахой» С. Постникова	316 921
V. Отелло и Дездемона (Картина К. Кенига)	317 921
VI. К картине г. Крестоносцева	317 921

Надпись к роману г. Боборыкина «В путь-дорогу!» . . .	317 921
Надпись к пьесе «Было да прошло» . . .	317 921
К пьесе «Чужая вина» г. Устрялова . . .	318 921
Боборыкину в роли Чацкого . . .	318 921
Аналогия стихотворца . . .	318 922
А. Майкову и Ф. Бергу, ставшим постоянными сотрудни- ками детского журнала «Дело и отдых» . . .	318 922
По прочтении драмы «Мамаево побоище» . . .	319 922
При посылке романа «Взбаламученное море» . . .	319 922
«В ресторане ел суп сидя я» . . .	319 922
Пушкину, после вторичной его смерти . . .	319 923
Н. Щербине, издавшему сборник «Пчела» . . .	320 923
Заметки	
I. «На нашей почве урожайной» . . .	320 923
II. «Проснулась в нем страстей игра» . . .	320 923
У входа в прессу . . .	320 923
«— Когда я нравлюсь публике? — спроста» . . .	321 923
Безыменному журналисту . . .	321 923
«У тебя, бедняк, в кармане» . . .	321 923
«Каков талант? И где ж его» . . .	322 924
Скопцу П<лотицы>ну, которого преследовала одна мо- сковская газета . . .	322 924
«Гордись же ты, надменный росси!» . . .	322 924
При новой постановке «Горя от ума» . . .	322 924
Журналу «Нива» . . .	323 924
Опровержение . . .	323 924
Графу Соллогубу . . .	323 924
Клевета . . .	324 925
Будьте как дома . . .	324 925
«Нельзя довериться надежде» . . .	324 925
«Я не гожусь, конечно, в судьи» . . .	324 925
Я. Полонскому. По поводу его книги «Снопы» . . .	325 925
Протест («Я Марса одного недавно назвал Марсом...») . . .	325 925
История одного романиста . . .	325 925
Вопрос . . .	325 926
Артисту-любителю . . .	326 926
Загадка («Для чего на небе звезды?») . . .	326 926
На прощанье . . .	326 926
Одному из деятелей . . .	327 926
При чтении романа «При Петре I», соч. Ключникова и Кельсиева . . .	327 926
М. О. М<икеша>ну . . .	328 926
По прочтении романа И. Тургенева «Вешние воды» . . .	328 926
Параллель . . .	328 927
П. В. Шумахеру . . .	329 927
На союз Ф. Достоевского с кн. Мещерским . . .	329 927
Печальный выигрыш . . .	329 927
Осенняя виньетка («Кислая осень в окошко врывается») . . .	329 927
М. Н. Л<онгино>ву . . .	330 927
Перед гробом М. Н. Лонгинова . . .	330 927
В. Орловского (Рыбаки) . . .	331 927
В Финляндии . . .	331 927

Трели и сигналы отставного майора М. Бурбонова	
I. Домашнее горе	331 928
II. «Мой булочник стал дурно булки печь»	331 928
III. «Два бедняка из лавки угловой»	332 928
В. Якобий. «Портрет г-жи Р-сой»	332 928
Читау	332 928
«„Какого мнения вы об С.?» — „Да о котором?»»	332 928
Журналу, переменившему редактора	333 928
Наши титаны	333 928
Кн. В. Мещерскому	333 928
За кулисами	334 929
Современные лирики	334 929
Александринскому театру	334 929
П. Верещагин	334 929
Хапалов. «Портрет старушки»	335 929
Записка	335 929
Чиновным немцам	335 929
Необходимая оговорка	336 929
Одному из многих	336 929
Зоилу	336 929
После бенефиса	336 929
Болеславу М<аркевичу> («Не дается боле слава»)	337 930
«Что ж, чокнемся в последний раз»	337 930
Н. Ге	337 930
Ю. Леман. «Дама под вуалью»	337 930
И. Крамской. «Портрет художника И. Шишкина»	338 930
Б. М<аркеви>чу («На днях, влача с собой огромных два портсака»)	338 930
«Едва ль придет художнику охота»	338 930
Хлеб и соль	338 931
Либерал от «Порядка»	338 931
Г-ну Барышеву, переводчику байроновского «Каина»	339 931
В альбом. Круппу-младшему, приехавшему в Петербург <М. Т. Лорис-Меликову>	339 931
Новая новинка	340 931
«Лес» (И. Шишкина)	340 931
«Сапожник» (Кочетова)	340 931
Отголоски о цензуре	
I. «О Зевсе! Под тьмой родного крова»	341 931
II. В кабинете цензора	341 931
М. Н. К<атко>ву	
I. «С толпой журнальных кунаков»	341 932
II. «В доносах грязных изловчась»	341 932
«Понемножку назад да назад»	342 932
На ком шапка горит?	342 932
«Вестнику Европы»	342 932
Осенняя виньетка («Ночь. Тройка борзая несется»)	342 932
Закулисный слух	343 932
Справедливое опасение	343 933
<Е. М. Феоктистову>	343 933
Мадригал	344 933
Жижиленко	344 933

В. Кокорев	344 933
Литературщику	344 933
NN («Он знает, где зимуют раки»)	345 933
Вик. Крылову	345 933
После спектакля	345 933
Одному из лекторов	346 933
<В. П. Буренину>	346 933

III

Мишура. Отрывок из поэмы «Та или эта?»	349 934
Ал	353 934
Москвичи на лекции по философии	366 935
Евгений Онегин нашего времени	376 935
Нигилист	420 939
Кому на свете жить плохо	434 939
Демон. Песня первая	450 940
Две эпохи	458 940

IV. ПЕРЕВОДЫ

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Германия. Главы III, XII, XXVII	467 941
---	---------

ОГЮСТ БАРБЬЕ

Кная	475 941
----------------	---------

ВИКТОР ГЮГО

Во мраке	482 942
Ни день, ни ночь	484 942

ПЬЕР ДЮНОН

Песня работников	488 942
----------------------------	---------

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Каин и Авель	491 942
------------------------	---------

ДЖОРДЖ БАЙРОН

Песня Чайльд-Гарольда	493 943
---------------------------------	---------

ТОМАС ГУД

Песня о рубашке	497 943
---------------------------	---------

КАРЕЛ ГАВЛИЧЕК

Тирольские элегии в песнях к месяцу 500 943

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Совет Вилы (Сербская песня) 508 944
 Выбор невесты (Болгарская песня) 510 944

Василий Богданов

Вступительная заметка 515
 Беседа с музою 521 944
 Притча 523 944
 Проезжим 524 945
 Утопия 525 945
 Наш пролетарий 528 945
 Тройка или краткая история нашего прогресса 530 945
 Песня беспутного 533 945
 Подводный камень современного прогресса 535 945
 Песня дяде Хмелю 536 945
 Дубинушка 538 945
 Химеры 540 945
 «Проповедники морали» 543 946
 «Французы в Суэце, как видно» 544 946
 «Был близок взрыв народных масс» 545 946
 «Красный принц в стенах Стамбула» 546 946
 E pur si muove! 547 947
 «Очень грозен горизонт» 549 947
 «Дела пошли прекрасно тут» 551 947
 «Для грозной силы неприятно» 552 948
 «О свободе громких фраз» 553 948
 «Орел французский встарь вносил» 554 948
 «Плантаторам рабов отдали напоследках» 555 948
 Свой идеал 556 948
 <Шнейдеру> 559 949
 «У министров буржуазных» 560 949
 Мы — особь статья! 561 949
 Из автобиографии шенка 564 950
 <Диалог версальского и парижского хора> 568 950
 <Тьеру> 570 950

Николай Курочкин

Вступительная заметка 573
 Послание к Н. Л. Гнуту 579 951
 Худой мир лучше доброй ссоры 580 951
 Дева и жрецы 585 952
 Дурные вести 589 953
 Утешение в разлуке 590 953

Черти	593 953
Настройщик	597 953
Из цикла «Парижские оды»	
I. Ода на «Него»	599 953
II. Ода на современное состояние Франции	600 953
В ресторане	602 954
Паровая гильотина	604 954
«Честным я прожил певцом»	606 954
Некрасов	607 955
«Мы все живем и все не знаем» (Из Т. Шевченко)	609 955
К музе (Из Т. Шевченко)	610 955
Ископаемый человек (Из Д. Джусти)	612 955

Петр Вейнберг

Вступительная заметка	617
Иакову Ростовцову в день его юбилея, 23 декабря	
1856 года	621 955
«Печально я брожу по Невскому проспекту»	624 956
«Ах ты, плут-мальчишка»	626 956
Современные песни	
I. «Перед стройною девицей»	628 957
II. «Меня зовут Амур. . . Не тот, что в дни былые»	629 957
«Он был титулярный советник»	630 957
На Невском проспекте	631 957
Негордый человек	633 957
«Я на севере холодном»	635 957
«Прости, и если ты идешь от нас навеки»	637 957
Тростник и спина	639 958
«На столе передо мною»	641 958
«В убогой избушке лежит одиноко»	643 958
Одна из моих надежд	644 958
Элегия	645 958
Веселая песенка	647 958
Из цикла «Песни сумасшедшего акционера»	
«Вы знали ль Колиньюна?»	648 959
Колыбельная песня	650 959
Стрекоза и муравей	652 959
Двое похорон	654 959
Взгляд на природу	656 959
Утешение	658 959
Мишура	660 960
Китайский альбом	
I. «Душно в воздухе Пекина»	662 960
II. «Ты идешь купаться в ванну»	662 960
III. «Нынче все молокососы»	663 960
IV. «Говорят, в Европе нынче»	663 960
V. «Ах, как счастлив я безмерно»	664 960
Экстренный случай	667 960
Доктрина	669 960
«Монолог Отелло из 1-го действия трагедии Шекспира»	671 960

Гавриил Жулов

Вступительная заметка	675
У кухни	679 961
Литературные староверы	680 961
Сон	683 961
Карьера	684 961
Незабудка	687 962
Отставной майор и «ландышка»	689 962
Товарищу	691 962
Беззаботная	693 962
Чижик	694 962
Петрушка	696 962
Горячий человек	698 962
«Лира моя, лира»	700 962
Некто	701 963
Современные разговоры	703 963

Виктор Буренин

Вступительная заметка	707
«Наше время»	711 963
Дифирамб современной российской прессе	713 963
Из цикла «Парижский альбом»	
I. «Три часа. В лесу Булонском»	715 964
II. «В русской церкви за обедней»	716 964
III. «Я любил за чашкой кофе»	716 964
IV. «Diable m'emporte! Гулять я вышел»	717 964
Драматические сцены по поводу выхода «Современника»	719 965
После первого чтения г. Юркевича по «философии»	723 966
Главы из «Благонамеренной поэмы»	725 966
Призраки	732 968
<Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского>	739 969
Сон публициста	741 969
«Ночи звезды, звезды ночи»	744 970
В редакции «Дня»	745 970
Из поэмы «Прерванные главы»	747 970
Сонет	750 970
Романс	751 971
Вильгельмсгэйские мелодии	
I. Грусть	753 971
II. Греза	754 971
III. Желание	755 971
Песнь о Педифиле и Педемахе	757 971
Общественное мнение	761 972
Собачий пир (Из О. Барбье)	763 972

Николай Ломан

Вступительная заметка	769
На кладбище	771 972

Перед Милютинными лавками	772 973
Коварство и любовь	773 973
«Давно любовь в обоих нас остыла»	776 974
Утешение	780 974
«Вот и жду не дождусь, чтобы глянула ночь»	781 974
«Ах, взгляните: закрывает тучкой боязливо»	782 975
«Появилась головка в окне»	783 975
Résumé весенних стихотворений г. Крестовского	784 975
(Г. Пр. Преображенскому)	785 975
«Душе становится легко хоть на мгновение»	786 975
Стихотворения в гейневском духе	787 975
«В самом деле, шли бы вы на взморье»	788 976
«Ох, время тяжкое настало!»	789 976

Алексей Сниткин

Вступительная заметка	793
Антологические стихотворения	
I. Непонятый вопрос	797 976
II. Подражание XIV идиллии Биона	797 976
III. Наше время	798 977
IV. Поездка в Парголово	798 977
V. Зловещие приметы	799 977
VI. Ночная мысль	799 977
Элегии	
I. Воспоминание	800 977
II. В Павловске	800 977
III «Я все еще ее, безумный, не забыл»	801 977
Мелодии	
I. «Я мрачно сидел за бутылкой»	802 977
II. «И ветер и дождик шумели»	802 977
III. «Темная, майская ночь»	803 977
Подражание Гейне («Расскажи, моя малютка»)	804 978
Подражание Гейне («Свеча предо мной догорает»)	806 978
Солнечный свет	808 978
Для многих	809 978
Угнетенная невинность или новая Одиссея	811 978

Лиодор Пальмин

Вступительная заметка	815
«Пускай идет и гений и наука»	818 978
Обыкновенные песни	
I. «Пробудилась Русь родная»	819 978
II. «Когда ты так счастлив, что рядом стоишь»	819 978
Эхо	821 978
Requiem	822 978
Nocturno	823 979
Свидание	825 979
«Волшебные звуки таинственных струн»	827 980

Из тюремных мотивов	828 980
Тетушка полночь	830 980
Гуманный проект	832 980
Гражданская скорбь	834 980
Вечное бытие	835 980

Стихотворения разных поэтов

АЛЕКСАНДР ИВОЛГИН

Волшебная страна	841 980
Деятель	842 980
Городовой	844 980
Кулак	845 980

НИКОЛАЙ КРОЛЬ

Брамин	848 981
Желание	848 981
Слепец	850 981
Три градуса	851 981
Эпистола светской дамы к степной подруге	853 981

АНАНИЙ ЛАКИДА

Вахлак	856 981
Ночь на хуторе	858 981
Три картины	859 981

ПАВЕЛ МЕДВЕДЕВ

Мечты и действительность	
I. «Демократии, любви к народу»	863 981
II. «Я пришел к тебе в смущеньи»	864 981
III. «Вдали огонек за рекою»	865 981

ИВАН МОЖАЙСКИЙ

Приглашение	867 981
Умеренный человек	869 982
Русская песня	870 982
Провинциальный прогрессист	871 982
Плотнику Науму	871 982

ВЛАДИМИР СТАРОДУБСКИЙ

Избави бог!	873 982
Покоящийся прогрессист	875 982

НИКОЛАЙ СТРАННОЛЮБСКИЙ

Армянский переулоч	877 982
------------------------------	---------

ВЛАДИМИР ТИХАНОВИЧ

«Я в село въезжаю»	879 982
«Вы не пойте веселых мне песен»	879 982
В деревне	880 982

ПЕТР ШУМАХЕР

Василий Жуков	882 982
Кто она?	883 983
Песнь каторжного	883 983
К памятнику Крылова	884 983

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ПОЭТОВ

Палашка	885 983
Слава публицистов	886 984
«Ах, и мне сказала муза»	888 984
Разговор	889 984
Богатое наследство	890 984

Примечания	891
----------------------	-----

Список стихотворных сборников поэтов, включенных во II том	985
---	-----

Указатель имен и периодических изданий к I и II томам	989
---	-----

Алфавитный указатель стихотворений Д. Д. Минаева	1032
--	------

К иллюстрациям	1045
--------------------------	------

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Деметьев, В. П. Друзин,
В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев, В. М. Саянов,
А. К. Тарасенков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. П. Щипачев*

ПОЭТЫ «ИСКРЫ», т. II

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректоры *З. Н. Петрова* и *Д. Д. Лившиц*

Сдано в набор 5/X 1955 г. Подписано в печать 22/XII 1955 г.
М 60455. Бумага 84 × 108 /₃₂. Печ. л. 66¹/₄ (54,32) + 2 вкл.
Уч.-изд. л. 46,03. Тираж 25 000. Зак. № 997. Цена 15 р. 35 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. № 28

Типография № 3 Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., д. 1/3.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Том I

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
15	22 св.	ними	ним
94		После последней строки нужен пробел	
353		Между 1 й и 2-й строками св. пропущено: I	
565	3 св.	Будем	Будет
592	12 "	Те	Тем
633	13 св.	бокал	бокал.
661	9 св.	также	так же
763	7 "	1886	1866

По техническим причинам по ссылкам на примечания ко II тому
не указана страница

747	12 св.	II	II. 900
747	17 "	II	II. 962
747	18 "	II	II. 900
749	5 св.	II	II. 900
756	7 "	II	II. 923

Том II

117	6 св.	на молодой	нал модой
310	6 св.	я первый	я первый
334	5 св.	РЕКА Ч (Ч) УСОВАЯ	Река ч (Ч) усояя
333	17 св.	В альбом Крупну...	В альбом. Крупну...
341		Между 10-й и 11 й строками св. пропущено: I	
549	1 св.	прижмем	прижмем,

